

ISSN 2078-5356

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА:

*Вестник
Нижегородской академии
МВД России*

2023. № 3(63)

Министерство внутренних дел Российской Федерации
The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

**Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год**

№ 3 (63)

Legal science and practice:

Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**Founded in 2001
Published 4 times a year**

Нижний Новгород 2023

Юридическая наука и практика

Вестник

Нижегородской академии МВД России

№ 3 (63)

2023

Адрес редакции и издателя:

603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
Нижегородская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
Тел.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**Включен ВАК при Минобрнауки России
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук**

**Включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-38354
от 11 декабря 2009 года

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 80785

Главный редактор *В. М. Баранов*
Редактор *А. С. Коробова*
Компьютерная верстка *Г. А. Федуловой*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Тираж 1000 экз. Заказ № 321.
Свободная цена.
Дата выхода в свет 30.09.2023

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной
печати Нижегородской академии МВД России.

603144, Нижегородская область, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

© Нижегородская академия МВД России, 2023

Legal science and practice

16+

Journal of Nizhny Novgorod Academy

of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 (63)

2023

Address of the editorial and publishing office:

Editorial and publishing department, Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia
Tel.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**The journal is included in the list of peer-reviewed
scientific journals and publications,
where main research results of doctoral dissertations
should be published**

**The journal is included in the system
of the Russian Science Citation Index**

Published 4 times a year

The Journal is registered at the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate number PI no. FS77-38354
as of December 11, 2009

Subscription index
at the General catalogue
“The Press of Russia”: 80785

Editor-in-chief *V. M. Baranov*
Editor *A. S. Korobova*
DTP *G. A. Fedulova*
Cover design *K. A. Bykov*

1000 copies. Order no. 321.
Free price.
Release date 30.09.2023

Printed at the printing section of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia

Редакционный совет

Председатель:

Плясов Константин Анатольевич — начальник Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Члены редакционного совета:

Баранова Марина Владимировна — заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Баулин Олег Владимирович — профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Бондарь Николай Семенович — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, заведующий кафедрой конституционализма Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Белоусов Сергей Александрович — проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Власенко Николай Александрович — профессор кафедры теории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ершова Елена Александровна — заведующая кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Исаков Владимир Борисович — профессор-исследователь Департамента теории права и междотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Союза писателей Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Капустин Анатолий Яковлевич — научный руководитель, заведующий отделом международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Карагодин Валерий Николаевич — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Лазарев Валерий Васильевич — главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических

наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Мацкевич Игорь Михайлович — ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Москалькова Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Петрянин Алексей Владимирович — директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Поляков Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Попондопуло Владимир Федорович — заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Санинский Роман Александрович — председатель Арбитражного суда Нижегородской области, кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Старилов Юрий Николаевич — декан юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Супрунов Александр Германович — первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе), кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Тарасов Николай Николаевич — профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Терещенко Людмила Константиновна — заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Тихомиров Юрий Александрович — заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Editorial council

Chairman:

Plyasov Konstantin A. — Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Members of editorial council:

Baranova Marina V. — Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Professor of the Department of labor and environmental law of the National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Baulin Oleg V. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bondar Nikolay S. — Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation retired, Head of the Department of constitutionalism of the Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Belousov Sergey A. — Vice-rector for Research of the Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Vlasenko Nikolay A. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Law Institute Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Yershova Yelena A. — Head of the Department of Labor and Social Security Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Isakov Vladimir B. — Research Professor at the Department of Legal Theory and Cross-industry Legal Disciplines of the National Research University "The Higher School of Economics", Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Writers' Union of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kapustin Anatoly Ya. — Scientific Director, Head of the International Law Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Karagodin Valery N. — Head of the Department of Criminalistics of the Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Lazarev Valery V. — Chief Researcher at the Center for Basic Legal Research of the Institute of Legislation and Com-

parative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Matskevich Igor M. — Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, President of the International Foundation for Legal Initiatives, Chief Scientific Secretary of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Moskalkova Tatyana N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Petryanin Alexey V. — Head of Nizhny Novgorod branch St. Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Polyakov Mikhail P. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Popondopulo Vladimir F. — Head of the Department of Commercial Law of the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Saninsky Roman A. — Chairman of Arbitration Court of Nizhny Novgorod Region, Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Starilov Yuri N. — Dean of the Law Faculty of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Suprunov Alexander G. — The First Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work), Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tarasov Nikolay N. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tereshchenko Lyudmila K. — Deputy Head of Department of Administrative Legislation and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Tikhomirov Yuriy A. — Deputy Head of the Center for Public Law Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович — помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Заместитель главного редактора:

Смолин Алексей Юрьевич — начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Бирюков Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Болтанова Елена Сергеевна — заведующий кафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Вавилин Евгений Валерьевич — заведующий кафедрой семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Валеев Дамир Хамитович — заместитель декана юридического факультета Казанского федерального университета по научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Гамбарян Артур Сиреканович — заведующий кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики Российско-Армянского университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Горшенков Геннадий Николаевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Гусев Алексей Васильевич — профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Демин Александр Васильевич — профессор кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Демичев Алексей Андреевич — профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Кириллов Михаил Андреевич — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кодан Сергей Владимирович — профессор кафедры теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профес-

сор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Корнев Аркадий Владимирович — заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Крохина Юлия Александровна — заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Крусс Владимир Иванович — заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Кузнецов Александр Павлович — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кучеров Илья Ильич — первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Лушников Андрей Михайлович — заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Мартынов Алексей Владимирович — заведующий кафедрой административного и финансового права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Милюков Сергей Федорович — профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Миронов Анатолий Николаевич — заместитель руководителя Межрегионального управления Росприроднадзора по городу Москве и Калужской области, доктор юридических наук (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Моисеев Алексей Александрович — профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского университета имени Х. М. Бербекова, доктор юридических наук, доктор права Австралии (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Нематов Акмал Рауфджонович — заместитель Главного ученого секретаря; главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Национальной академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Овчинников Алексей Игоревич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного Федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Павлов Вадим Иванович — начальник кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ромашов Роман Анатольевич — профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, док-

тор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Сафин Завдат Файзрахманович — заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Сиземова Ольга Борисовна — проректор по правовой и кадровой работе, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Соловьева Татьяна Владимировна — профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Тарасов Анатолий Михайлович — главный советник генерального директора по юридическим вопросам АО «Лаборатория Касперского», главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор

юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Терехин Владимир Вячеславович — заместитель директора по научной работе Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Толстик Владимир Алексеевич — начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Фатьянов Алексей Александрович — заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Шестерякова Ирина Владимировна — заведующая кафедрой национальной безопасности и правоохранительной деятельности Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Editorial board

Editor-in-chief:

Baranov Vladimir M. — Assistant to Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Research Development, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Deputy editor-in-chief:

Smolin Aleksey Yu. — Head of the Editorial and Publishing Department of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law)

Members of editorial board:

Biryukov Pavel N. — Head of the Department of International and Eurasian Law School of Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Boltanova Yelena S. — Head of Department of Civil Law of National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bulatov Boris B. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Vavilin Evgeniy V. — Head of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Member of the Council for Codification and Improvement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Valeyev Damir Kh. — Deputy Dean of the Faculty of Law of Kazan Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Gambaryan Artur S. — Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the Institute of Law and Politics of Russian-Armenian University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Gorshenkov Gennady N. — Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of National research Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 - criminal law)

Gusev Aleksey V. — Professor of the Department of Criminalistics of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Demin Aleksandr V. — Professor of the Department of Entrepreneurial, Competitive and Financial Law of Law Institute of Siberian Federal University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Demichev Alexey A. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Sciences (History), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kirillov Mikhail A. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kodan Sergey V. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ural Academy of Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kornev Arkady V. — Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Krokhina Yulia A. — Head of the Department of Legal Disciplines of the Supreme State Audit School (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Kruss Vladimir I. — Head of Department of Theory of Law of Tver State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kuznetsov Alexander P. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kucherov Ilya I. — The first Deputy Director of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Lushnikov Andrey M. — Head of the Department of Labor and Financial Law of Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Martynov Alexey V. — Head of the Department of Administrative and Financial Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Milukov Sergey F. — Professor of the Department of Criminal Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Mironov Anatoly N. — Deputy Head of the Interregional Department of Rospirodnadzor for the City of Moscow and the Kaluga Region, Doctor of Law (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Moiseyev Alexey A. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian University named after H. M. Berbekov, Doctor of law (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Nematov Akmal R. — Deputy Chief Scientific Secretary; Chief Researcher of the Department of Theoretical Problems of the Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Ovchinnikov Aleksey I. — Deputy Director of the Department of Theory and History of State and Law of Southern Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Pavlov Vadim I. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Sciences (law), Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Romashov Roman A. — Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement Activity of Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Safin Zavdat F. — Head Department of Environmental Law, Labor Law and Civil Procedure of Kazan (Privolzhsky) Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Sizemova Olga B. — Vice-rector for legal and personnel work, Head of the Department of Civil Law and Procedure of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Solovyeva Tatyana V. — Professor of the Department of Civil Procedure of Saratov State Academy of Law, a member of the Advisory Board under the Committee of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State-Building, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Tarasov Anatoly M. — Chief Advisor of the General Director of the Kaspersky Lab JSC for the Juridical Questions, Chief Scientist of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Employee of the Internal Affairs of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Terekhin Vladimir V. — Deputy Director for Research of the Volga Branch of the Russian State University of Justice,

Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Tolstik Vladimir A. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Fatyanov Aleksey A. — Head of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of Plekhanov Russian Economic University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Shesteryakova Irina V. — Head of the Department of National Security and Law Enforcement of Moscow State Linguistic University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Теоретико-исторические правовые науки

- Кодан С. В.** Источниковая база юридического диссертационного исследования: понимание, структура, репрезентация носителей информации **13**
- Евстафьев Д. Г., Скурко Е. В.** Политико-правовые аспекты «постглобализации» **26**
- Илюхина В. А.** Принцип правовой определенности в российской и армянской правовой системе (сравнительный анализ) **32**
- Хужина О. Н.** Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы **39**
- Варенцова Л. Ю.** Исправительная колония для малолетних преступников в Нижегородской губернии (1878–1917): неизвестные страницы истории **44**

**Публично-правовые
(государственно-правовые) науки**

- Корелов О. А.** Некоторые проблемы применения синергетических методов в правотворчестве при использовании проектного метода управления **50**

Уголовно-правовые науки

- Мухамбетов Ф. Н.** К вопросу об общественной опасности преступлений и административных правонарушений в сфере экологии **56**
- Поздышев Р. С.** Установление признаков преднамеренного банкротства в условиях отсутствия документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность должника **61**
- Поляков М. П.** О непонятном в понятии доказательств **66**
- Пшеничнов И. М.** О понятии и месте феномена «экстремизм» в современном социально-правовом поле **75**
- Черных Е. Е.** Роботы в хирургии: кто должен нести уголовную ответственность **80**
- Шевелева С. В., Баумштейн А. Б.** Трансформация уголовно-правовых отношений в сфере незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности **85**

Трибуна молодого ученого

- Алексеев А. М.** Законодательная регламентация общественно опасных последствий преступлений в сфере экономики в советском уголовном законодательстве **96**
- Берестнев А. И.** Уголовный проступок в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года **102**
- Смолин В. В.** Система противодействия преступности с использованием виртуальных валют (криптовалют) в Республике Индия **106**

Theoretical and historical legal sciences

- Kodan S. V.** Source base of legal dissertation Research: understanding, structure, representation of information carriers **13**
- Evstafiev D. G., Skurko E. V.** Political and legal aspects of “post-globalization” **26**
- Ilyukhina V. A.** The principle of legal certainty in the Russian and Armenian legal system (comparative analysis) **32**
- Khuzhina O. N.** Traditional spiritual and moral values in Russian Law: formulation of a scientific problem **39**
- Varentsova L. Yu.** Correctional colony for juvenile delinquents in Nizhny Novgorod province (1878–1917): unknown pages of history **44**

**Public law
(state law) sciences**

- Korelov O. A.** Some problems of application of synergetic methods in lawmaking using the project method of management **50**

Criminal law sciences

- Mukhambetov F. N.** To the question of the public danger of crimes and administrative offenses in the sphere of environment **56**
- Pozdyshev R. S.** Establishment of signs of intentional bankruptcy in the absence of documents reflecting the financial and economic activities of the debtor **61**
- Poliakov M. P.** About the incomprehensible in the concept of evidence **66**
- Pshenichnov I. M.** About the concept and place of the phenomenon of “extremism” in the modern socio-legal field **75**
- Chernykh E. E.** Robots in surgery: who should be held criminally responsible **80**
- Sheveleva S. V., Baumstein A. B.** Transformation of criminal-legal relations in the sphere of illegal activities for the return of overdue debts **85**

A young scientist's forum

- Alekseev A. M.** Legislative regulation of socially dangerous consequences of crimes in the sphere of economy in the Soviet criminal legislation **96**
- Berestnev A. I.** Criminal offense in the Statute on Punishments imposed by Justices of the Peace in 1864 **102**
- Smolin V. V.** The system of counter-crime with the use of virtual currency (cryptocurrencies) in Republic of India **106**

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

Конференции, круглые столы, семинары

Обзор выступлений межвузовского практического мотивационно-просветительского форума по докладу Председателя комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Российской Федерации С. В. Кабышева «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации», состоявшегося 30 июня 2023 года на базе Нижегородской академии МВД России

Кабышев С. В. Формула российского юридического образования

Мацкевич И. М. Аспирантура и (или?) юридическое образование

Баранов В. М. Фундаментальное и прикладное знание в юридическом образовании: трансдисциплинарный поиск баланса

Бабури С. Н. Юридическое образование как показатель цивилизационной культуры

Голик Ю. В. Как изучать уголовное право в современный период

Крусс В. И., Борисов Г. Д. Конституционное правописание и догма формально-юридической дескрипции

Захарцев С. И., Сальников В. П. К дискуссии о высшем юридическом образовании

Лановая Г. М. Проблемы формирования профессионального юридического мышления в современном вузовском образовании

Кодан С. В. Практико-ориентированная подготовка аспирантов / адъюнктов в системе современного российского юридического образования: зачем, чему и кому обучать будущих ученых?

Морозова Л. А. Новые поиски рационализации российского юридического образования

Поляков С. Б. Преподаватель в утопии рационального юридического образования

Баранова М. В. Юридическая наука и образование в условиях цифровизации

Фомин А. А. Правовое обеспечение национальных интересов и национальной безопасности как самостоятельный модуль в структуре высшего юридического образования

Репьев А. Г., Репьева А. М. Статус «совместителя» в образовательных организациях: управленческий и правовой аспекты

Кожевников В. В. О понятийно-категориальном аппарате общей теории права в контексте соотношения легальных понятий и научных понятий и категорий

Шафиров В. М. Развитие высшего юридического образования: содержательный, человекоориентированный подход

Морозов П. Е. О необходимости оптимизации правовой регламентации высшего юридического образования

Conferences, round tables, seminars

Review of speeches at the interuniversity practical motivational and educational forum on the report of the Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education of the Russian Federation S. V. Kabyshev "Development of the system of higher legal education in the Russian Federation", held on June 30, 2023 at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Kabyshev S. V. Formula of Russian legal education

Matskevich I. M. Postgraduate studies and (or?) legal education

Baranov V. M. Fundamental and applied knowledge in legal education: transdisciplinary search for balance

Baburin S. N. Legal education as an indicator of civilizational culture

Golik Yu. V. How to study criminal law in the modern period

Kruss V. I., Borisov G. D. Constitutional legal understanding and the dogma of formal legal description

Zakharov S. I., Salnikov V. P. On the discussion on higher legal education

Lanovaya G. M. Problems of formation of professional legal thinking in modern university education

Kodan S. V. Practice-oriented training of graduate students / adjuncts in the system of modern Russian legal education: why, what and who to train future scientists?

Morozova L. A. New searches for rationalization of Russian legal education

Polyakov S. B. Teacher in the utopia of rational legal education

Baranova M. V. Legal science and education in the context of digitalization

Fomin A. A. Legal support of national interests and national security as an independent module in the structure of higher legal education

Repyev A. G., Repyeva A. M. Status of "part-time student" in educational organizations: managerial and legal aspects

Kozhevnikov V. V. On the conceptual-categorical apparatus of the general theory of law in the context of the relationship between legal concepts and scientific concepts and categories

Shafirov V. M. Development of higher legal education: a meaningful, person-oriented approach

Morozov P. E. On the need to optimize the legal regulation of higher legal education

Тимченко В. А. Совершенствование юридической подготовки судебного эксперта	188	Timchenko V. A. Improving the legal training of a forensic expert
Шабуров А. С. Преподавание права в неюридических вузах Российской Федерации	191	Shaburov A. S. Teaching law in non-legal universities of the Russian Federation
Гук П. А. Юридическое образование в высшей школе	195	Guk P. A. Legal education in higher education
Мазуренко А. П. К вопросу о направлениях нового этапа развития высшего юридического образования в современной России	198	Mazurenko A. P. On the issue of directions for a new stage in the development of higher legal education in modern Russia
Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Юридическое образование в аксиологическом контексте	203	Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I. Legal education in an axiological context
Пашенцев Д. А. Юридическое образование в условиях смены технологического уклада	207	Pashentsev D. A. Legal education in the context of a change in technological structure
Толстик В. А. Дебюрократизация высшего юридического образования — важнейшее условие повышения его качества	210	Tolstik V. A. De-bureaucratization of higher legal education is the most important condition for improving its quality
Трофимов В. В. К дискуссии о компетентностном подходе в системе высшего юридического образования	216	Trofimov V. V. On the discussion about the competency-based approach in the system of higher legal education
Ивашевский С. Л. Ориентиры развития отечественного юридического образования	223	Ivashevsky S. L. Guidelines for the development of domestic legal education
Давыдова М. Л. О факторах, снижающих качество профессиональной преподавательской деятельности в системе высшего юридического образования	226	Davydova M. L. On factors that reduce the quality of professional teaching activities in the system of higher legal education
Биюшкина Н. И. К вопросу о соотношении положений законодательства о статусе судей и федерального государственного стандарта специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность»	231	Biyushkina N. I. On the issue of the relationship between the provisions of the legislation on the status of judges and the federal state standard for specialty 40.05.04 "Judicial and prosecutorial activities"
Цыбулевская О. И. Формирование нравственно-правового сознания студентов в системе юридического образования	234	Tsybulevskaya O. I. Formation of moral and legal consciousness of students in the system of legal education
Булатов Р. Б. Современные тенденции в системе юридического образования Российской Федерации	236	Bulatov R. B. Current trends in the system of legal education in the Russian Federation
Черных Е. Е. Особенности практикоориентированного обучения при подготовке юристов	238	Chernykh E. E. Features of practice-oriented training in the training of lawyers
Петрова Е. А. Проблема фундаментальности высшего юридического образования	240	Petrova E. A. The problem of fundamentality of higher legal education
Плетников В. С. Проблемы качества практикоориентированной подготовки юристов в условиях цифровизации	244	Pletnikov V. S. Problems of the quality of practice-oriented training of lawyers in the context of digitalization
Галузо В. Н. О предназначении юридического образования в Российской Федерации	247	Galuzo V. N. On the purpose of legal education in the Russian Federation
Михайлов А. Е. Организация самостоятельной работы студентов в новой образовательной парадигме: смещение акцента с преподавания на учение	251	Mikhailov A. E. Organization of independent work of students in the new educational paradigm: shifting the emphasis from teaching to learning
Осипов М. Ю. К вопросу о технологиях повышения качества высшего юридического образования в России	256	Osipov M. Yu. On the issue of technologies for improving the quality of higher legal education in Russia
Скурко Е. В. Обновленная философия права как основа реформы юридического образования в России сегодня	260	Skurko E. V. Updated philosophy of law as the basis for the reform of legal education in Russia today
Червяковский А. В. Взгляд преподавателя теоретико-правовых дисциплин на проблему реформирования юридического образования	263	Chervyakovsky A. V. The view of a teacher of theoretical and legal disciplines on the problem of reforming legal education

СОДЕРЖАНИЕ CONTENT

Горбуль Ю. А., Юрьева Л. А. Высшее юридическое образование: к вопросу о критериях качества	267	Gorbul Yu. A., Yuryeva L. A. Higher legal education: on the issue of quality criteria
Калинин С. А. О концептуально-мировоззренческих угрозах в постсоветском юридическом образовании	270	Kalinin S. A. On conceptual and ideological threats in post-Soviet legal education
Соколова А. А. Вызовы современного мира и юридическое образование: международный опыт	275	Sokolova A. A. Challenges of the modern world and legal education: international experience
Афанасьевская А. В. Меняющаяся парадигма юридического образования и профессии	278	Afanasyevskaya A. V. The changing paradigm of legal education and profession
Петрова Л. Г. Психологический взгляд на современное образование и обучение юриста	280	Petrova L. G. Psychological view of modern education and training of a lawyer
Климова М. В. Гуманизация современного образования как фактор формирования образовательного пространства в юридическом вузе	281	Klimova M. V. Humanization of modern education as a factor in the formation of educational space in a law school
Наумов П. Ю. Некоторые размышления о подготовке будущих юристов к профессиональной деятельности в военно-медицинских организациях	283	Naumov P. Yu. Some thoughts on the preparation of future lawyers for professional activities in military medical organizations
Рецензии		Reviews
Тихонова С. С. Отзыв официального оппонента о кандидатской диссертации Н. С. Гончаровой «Символы в российском уголовном праве» (Саратов, 2023): основные вопросы научной дискуссии	289	Tikhonova S. S. Review of the official opponent on N. S. Goncharova's Ph.D. thesis "Symbols in Russian Criminal Law" (Saratov, 2023): the main issues of scientific discussion
Персоналии		Personalia
Трусов Н. А. К юбилею Лаврентьева Александра Рудольфовича	295	Trusov N. A. To the anniversary of Aleksander R. Lavrentiev

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-13-25>

Источниковая база юридического диссертационного исследования: понимание, структура, репрезентация носителей информации

Кодан Сергей Владимирович

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, svk2005@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам понимания и определения места, роли, назначения и значения источниковой базы в диссертациях по юридическим наукам. Недооценка значимости понимания и соблюдения критериев отбора, репрезентационных характеристик и представления источников познания государственно-правовых явлений и институтов как носителей юридической информации в диссертационных исследованиях прямо сказывается на их качестве с точки зрения новизны, системности, источниковой аргументированности, доказанности и проверяемости положений научно-аттестационной работы. Автор акцентирует внимание на ряде основных проблем в указанном плане, предлагает ряд конкретных положений и предложений относительно корректного представления источников познания государственно-правовых явлений и институтов в тексте диссертационного исследования и автореферата диссертации.

Ключевые слова: источниковедение в юриспруденции, источниковая база научного исследования, источники познания государства и права, диссертационное исследование, автореферат, диссертации

Для цитирования: Кодан С. В. Источниковая база юридического диссертационного исследования: понимание, структура, репрезентация носителей информации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 13–25. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-13-25>.

Original article

Source base of legal dissertation research: understanding, structure, representation of information carriers

Sergey V. Kodan

V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation, svk2005@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of understanding and determining the place, role, purpose and meaning of the source base in dissertations on legal sciences. Underestimation of the importance of understanding and compliance with the criteria of rejection, representational characteristics and representation of sources of knowledge of state-legal phenomena and institutions as carriers of legal information in dissertation research directly affects their quality in terms of novelty, consistency, source argumentation. The evidence and verifiability of the provisions of the scientific attestation work. The author focuses on a number of main problems in this regard, offers a number of specific provisions and proposals regarding the correct presentation of the sources of knowledge of state-legal phenomena and institutions in the text of the dissertation research and the abstract of the dissertation.

Keywords: source studies in jurisprudence, source base of scientific research, sources of knowledge of the state and law, dissertation research, abstract of the dissertation

For citation: Kodan S. V. Source base of legal dissertation Research: understanding, structure, representation of information carriers. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 13–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-13-25>.

© Кодан С. В., 2023

«Изучение какой бы то ни было отрасли знания всегда предполагает существование ее источников. Под источниками мы разумеем все то, что может дать нам возможность познать истины, раскрытие которых составляет предмет данной науки, так как цель всякого человеческого знания — открытие истины»

Н. П. Загоскин, российский юрист

(Курс истории русского права.

Казань, 1906. Т. 1. С. 130)

Практика подготовки, защиты и экспертизы диссертаций ориентируется на то, что репрезентация соискателем источниковой базы диссертации является необходимой и одной из важных характеристик проделанной им работы по привлечению и вовлечению в проведенное исследование источников познания социальных явлений и институтов. Соответственно, и в структуре диссертации принято выделять раздел, характеризующий положенные в основу исследования источники информации. Вместе с тем единого понимания подходов и требований к репрезентации источников в диссертации не сложилось, и в связи с этим возникает ряд вопросов и проблемных пространств, которые представляется необходимым вынести для обсуждения в рамках данной статьи.

1. Представление источниковой базы в диссертационном исследовании как проблемное пространство выполнения аттестационной работы

Хорошо известно, что добротное, качественно выполненное научное исследование, в том числе и диссертация как его разновидность, в своей основе традиционно стоит на «трех китах»: историографии — анализе литературы по предмету исследования; источниках — носителях информации о предмете исследования; методологическом инструментарии — операционально выстроенных средствах познания предмета исследования. Эта триада определяет и необходимость наличия в диссертации соответствующих и презентуемых в этом виде научного исследования оснований, которые, соответственно, включают три группы носителей информации и которые используются автором при создании научного произведения. К ним относятся: историографические источники, источники фактуальной информации и источники информации о методологии исследования. При этом особо подчеркну, что именно источники фактуальной информации, на основе которых образуются научные факты, и образуют

источниковую базу диссертации, и выступают как носители информации, на которые опирались автор при ее подготовке.

Обеспечение репрезентации источниковой базы диссертационного исследования выступает в качестве одного из главных вопросов и исходит из того, что она выступает в качестве одной из важнейших характеристик работы и основных компонент текста научно-аттестационной работы. Практика подготовки, защиты и экспертизы диссертаций ориентируется на то, что представление соискателем в работе источников познания социальных явлений и институтов (государственно-правовых для юридических наук) является необходимой и одной из важных характеристик проделанной им работы по привлечению и вовлечению в проведенное исследование носителей информации для изучения предмета исследования.

Вместе с тем, как показывает изучение диссертаций по юридическим наукам и личный опыт подготовки экспертных заключений по научно-аттестационным работам, большинство соискателей имеют весьма поверхностные представления о вопросах, связанных с репрезентацией источников, представленной к защите диссертации. Все начинается с того, что в текстах диссертаций и их авторефератах при выделении разделов об источниках исследования наблюдается крайне «авторское разномыслие» — используются самые различные наименования соответствующей структурной единицы во введении — «эмпирическая база», «нормативная база», «правовая основа», «источники информации» и др., а также их объединение в самых различных конфигурациях. Наблюдается и смешение в одном разделе историографической, источниковедческой информации и сведений о теоретических основах работы — «теоретическая и нормативная основа диссертации» и другие достаточно «экзотические» конструкции, свидетельствующие об отсутствии элементарных знаний источниковедческого характера и даже попыток

авторской систематизации носителей информации с их «привязкой» к основным параметрам конкретной научно-аттестационной работы. Это свидетельствует нередко о непонимании этих вопросов соискателями и вызывает вопросы к научным руководителям.

Приведу пример из последних представленных к защите диссертаций — «Нормативную основу диссертационного исследования составляют отдельные нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, федеральные законы Российской Федерации, подзаконные нормативные акты Российской Федерации и зарубежный нормативный материал. Эмпирическую базу диссертационного исследования составляют постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, информационные письма и обзоры, постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, определения Верховного Суда». Соответственно, возникают вопросы к соискателю: «Что дает такая характеристика источников диссертационного исследования, каким образом в репрезентации источниковой базы отражена научная специальность исследования (в данном случае 5.1.3) и предмет работы (в данной работе — регулирование сделок, совершаемых юридическими лицами), какие источники являются основными для данного исследования и др.». Обращение далее к примерам представляется излишним — их можно привести не один десяток и достаточно прочитать несколько диссертационных работ или их авторефератов (в указанной части они, как правило, текстуально идентичны), чтобы убедиться в отсутствии у соискателей (как и, видимо, других участников подготовки и прохождения диссертаций) четко артикулированных представлений о том, что есть источниковая база диссертации, ее соотношение с эмпирической основой работы, знания основ классификации и систематизации носителей государственно-правовой информации в соотношении с предметом, целевыми установками и задачами исследования, приемов проверки источников на достоверность, правил источниковой аргументации положений исследования и массы других вопросов источниковедческого характера, а также отработанной системы подготовки аспирантов / адъюнктов к работе с носителями информации.

Именно в силу указанных причин упрощенные и даже примитивные описания источниковедческих параметров исследования в

диссертациях в последние годы, к сожалению, становится характерной чертой научно-аттестационных работ. В большинстве диссертаций, как правило, отсутствует во введении развернутый анализ источниковедческой базы исследования, и он подменяется небольшими по объему и схематичными по содержанию разделами. На их основе невозможно понять, на какие носители информации опирался автор, какова их качественная и количественная репрезентативность, в какой степени они способствовали получению нового знания и др. В конечном итоге, указанное не способствует обеспечению качественных характеристик диссертаций и требует выработки подходов к решению указанных проблем.

Нормативное определение представления источниковой базы в диссертации является основной проблемой и без четкого установления требований к ее наличию и содержанию решения задач, повышение качества научно-аттестационной работы трудно представить. На сегодняшний день необходимость представления источников в диссертации в самом общем плане исходит из основных требований действующего в Российской Федерации Положения о присуждении ученых степеней 2013 года (с последующими изменениями), которое нормативно определяет, что данный вид научных исследований должен «содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку», а соискатель в тексте работы «обязан ссылаться на... источник заимствования материалов или отдельных результатов» (пп. 10, 14). Наличие специального раздела, представляющего источники диссертации в указанном акте не предусмотрено, хотя практика их подготовки и прохождения, включая экспертные советы ВАК, исходит из того, что источниковая основа является необходимым атрибутом научно-аттестационной работы и должна быть представлена во введении, присутствовать по тексту в качестве различных конфигураций использования носителей информации (для аргументации и подтверждения положений работы) и отражаться в научно-справочном аппарате и присутствовать в списке источников и литературы. При этом необходимо подчеркнуть, что и ГОСТ — Национальный стандарт Российской Федерации «Диссертация и автореферат диссертации» — наличие источниковой базы как структурного элемента научно-аттестационной работы не предусматривает. Все это вызывает

определенный дисбаланс между лаконично определенными требованиями к диссертации и практиками ее написания и аттестационного прохождения, что требует проработки указанных вопросов с последующим их нормативным закреплением. При этом отметим, что на эту проблему неоднократно обращает внимание В. М. Баранов, подчеркивая необходимость конкретизации нормативного определения требований к фиксации источниковой базы в диссертации и автореферате, а также стандартизации этого в соответствующем ГОСТе.

Терминологическое и понятийное обозначение базы носителей информации в диссертационных исследованиях по юридическим наукам не является «техническим» вопросом оформления научно-аттестационной работы, необходимость внесения ясности в нем уже давно назрела. Существующий в юриспруденции разноречивый по этому вопросу существенно отличается от других наук социально-гуманитарного профиля, в которых преимущественно используется для обозначения соответствующего структурного элемента диссертации словосочетание «источниковая база исследования». Во многом это связано с тем, что в современной социогуманитаристике сложилось особая область знания — *источниковедение*, которая задает понимание и определяет подходы к представлению источниковой базы в научном исследовании, которые применяются при написании диссертаций. Хотя источниковедение своим появлением и обязано исторической науке, но в современных условиях оно выделилось в особую, наддисциплинарную область знания, интегрирующую общие теоретические и методологические подходы к выявлению, отбору и анализу носителей информации для проведения исследований в самых различных науках социально-гуманитарного профиля.

В юриспруденции ситуация несколько иная — при всем многовековом внимании юридической практики, а вслед за ней и науки к изучению источников права, юридическое источниковедение как исследовательское направление и специальная научная дисциплина, связанная с источниками познания государства и права, находится в стадии формирования, хотя уже и имеет достаточно определившиеся теоретико-методологические подходы к изучению носителей государственно-правовой информации [1]. Это во многом определяет и отсутствие в юридическом научном сообществе четко артикулированных подходов и унификации

положений как понимания источниковой базы, так и ее репрезентации в диссертации. И хотя соискателями в целом учитывается специфика привлекаемых к исследованию источников познания, они чаще всего следуют традиционно сложившимся (часто не самым лучшим) образцам, без обращения к подходам представления источников, сложившимся в источниковедении, в социогуманитаристике. Это в многом связано с недостаточным уровнем разработанности проблем источниковедения в самой юриспруденции, хотя общие вопросы уже представлены в публикации и реализуются в рамках научно-образовательных программ в аспирантуре / адъюнктуре, в проведении мероприятий типа школ аспирантов, специализированных вебинаров и т. д.

Основные проблемы относительно источниковой базы диссертаций еще в 2013 году поставили и подвергли серьезному анализу в своей статье В. М. Баранов, В. Б. Першин и И. В. Першина. Они выделили «болевые точки» относительно источниковедческих оснований диссертационного исследования, обозначенных как «эмпирическая база». И уже тогда констатировалось, что многие соискатели «не в состоянии даже в общих чертах представить эмпирическую базу исследования» и в качестве таковой «порой называют весьма экзотические элементы»: а также что «почти никто из диссертантов не знает смысла понятия “репрезентативность”». Одновременно были представлены и конкретные предложения по нормативному закреплению требований к указанному разделу диссертации в действующее в Российской Федерации Положение о присуждении ученых степеней, а также унификации и стандартизации критериев описания использованных в диссертации ее источников с предложением ввести наименование структурной единицы в юридических научно-аттестационных работах «вместо “эмпирической базы” раздел “Источниковая база”» [2, с. 16]. Но поставленные проблемы так и не получили развернутого обсуждения и решения, хотя их актуальность очевидна.

В итоге, можно констатировать, что вопросы понимания источниковой базы юридического диссертационного исследования и значения репрезентации носителей юридической информации в нем остаются проблемным пространством и требуют дальнейшего обсуждения. Одновременно отчетливая артикуляция указанных вопросов представляется необходимой и для повышения качества диссертационных исследований.

2. Понимание, понятийное определение и структура источниковой базы юридического диссертационного исследования

Общее видение того, что есть источниковая база в диссертации — ее понимание и структура — являются зоной особого внимания в источниковедении в социогуманитаристике и исходит из того, что она является одной из главных составляющих и основой для проведения научного изыскания. Именно в сфере источниковедческого знания выработаны ряд основных общих положений общего видения и классификации источников познания социальных процессов и институтов. Соответственно, в каждой науке присутствует свой круг источников, который отражает специфику объекта научной отрасли и предметную направленность входящих в ее состав дисциплин. Именно на этом пресечении общего и особенного выстраивается осмысление понимания источниковой базы, ее терминологическое определение и представления о структуре носителей государственно-правовой информации.

Понимание источниковой базы юридического диссертационного исследования связано как с общими подходами к уяснению места и роли источников как носителей информации в познании социальных процессов и институтов (включая и государственно-правовые), так и со спецификой диссертации в качестве научно-аттестационной работы. Современное источниковедение исходит из того, что в общем плане *источниковая база исследования — это все носители информации — источники, привлеченные и вовлеченные в исследовательские практики изучения социальных процессов и институтов и обеспечивающие получение нового и доказанного знания*. Соответственно, источник в указанном плане рассматривается в трех проекциях: источник как интеллектуальный продукт деятельности человека, источник как носитель информации, источник как информационный посредник в информационном обмене в обществе [3]. На этих общих подходах строится и понимание места и значения источниковой базы в диссертационном исследовании как научно аттестационной работе, которое связано с осмыслением механизмов репрезентации в тексте.

В юриспруденции понимание источниковой базы диссертационного исследования в достаточной степени не артикулировано. Государственно-правовые процессы и институты изучаются на основе носителей информации

исключительно юридического характера без вовлечения в исследовательские практики всей палитры источников, которые прямо или косвенно представляют сведения о развитии процессов и функционировании институтов в государственно-правовой сфере жизнедеятельности общества. Представляется, что *источниковая база юридического диссертационного исследования — это массив различных источников познания государства и права, привлеченных и вовлеченных в изучение его предмета исследования и репрезентированный в тексте работы в соответствующих формах*.

Понятийное определение источниковой базы диссертационного исследования имеет чрезвычайно важное значение и позволяет выйти на более четкое, единое понимание и определение ее места как структурного элемента научно-аттестационной работы и, как уже было сказано, наиболее целесообразно использовать именно указанное обозначение системы вовлеченных в диссертационное исследование носителей информации [4, с. 13]. Соответственно, необходимо аргументировать неприемлемость обозначения источниковой основы диссертаций — «Эмпирическая основа / база» или «Нормативно-правовая основа / база» с различными конфигурациями.

Использование в диссертации обозначения «Эмпирическая основа / база диссертации» представляется неверным и охватывающим именно его источники, поскольку оно связано с эмпирическим уровнем познания и создаваемым в его ходе эмпирическим базисом исследования. В философии науки и науковедении, как хорошо известно и принято, выделяются два уровня познания — эмпирический и теоретический — и каждый из них имеет свои приемы, методы и формы научного познания, которые обеспечивают накопление, фиксацию, группировку и обобщение исходного материала для построения теоретического знания. При этом на эмпирическом уровне исследователем изучаются объекты человеческой деятельности и выявляются факты — события, явления, фрагменты объективной действительности. Далее на основе объективных фактов путем их описания формируется система научных фактов, каждый из которых выступает как форма научного знания и закрепляет достоверные данные. Затем научные факты фиксируются, классифицируются, систематизируются, обобщаются и становятся эмпирическим базисом научного знания [5, с. 157; 6, с. 198; 7, с. 25].

Здесь важно учитывать, что именно «на уровне эмпирического познания исследователь вступает в непосредственный контакт с изучаемой правовой действительностью и юридической практикой. Именно здесь закладывается прочный фундамент, практический базис юридического познания. Качество добываемого на этом уровне первичного материала определяет успех всей последующей научной деятельности в сфере юриспруденции» — подчеркивают В. М. Баранов, В. Б. Першин и И. В. Першин [2, с. 14]. Следовательно, процессы формирования эмпирического базиса на всех этапах связаны с источниками познания — носителями информации, которые являются своеобразным каналом «подключения» исследователя к сбору эмпирических данных. Соответственно, наименование структурной единицы диссертации, представляющей источники познания «Источниковая база диссертации», показывает именно систему источников познания, на основе которых реализуется эмпирический этап исследования и формируется научно-фактический базис (система научных фактов) диссертационного исследования. В итоге, именно источниковая база обеспечивает, как подчеркивает В. М. Сырых, ее «эмпирический базис, призванный обеспечивать доказательственную основу теоретических положений и выводов, их способности соответствовать реально существующим политико-правовым явлениям и процессам» [8, с. 216].

Использование в диссертации обозначения «Нормативно-правовая база диссертации» также вызывает вопросы о его применимости для обозначения источников информации: представляется зауженным и не отражает всей совокупности необходимых и достаточных источников для изучения государственно-правовых явлений и институтов. Чаще всего она связана с использованным при написании работы законодательством и включает федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты. Такое обозначение источников не соответствует практикам осовремененного источниковедения как в социогуманитаристике, так и в юриспруденции. Правовые акты являются, как уже было указано ранее, всего лишь одним из видов носителей государственно-правовой информации и одним из элементов источниковой базы диссертации и вполне вписываются в ее структуру, и выделение указанного особого раздела («нормативно-правовая база», «правовая база» и т. п.) во введении к диссертации не представляется целесообразным.

На основании изложенного подчеркнем, что терминологическое словосочетание «Источниковая база» является родовым понятием и с точки зрения его понимания в социогуманитаристике охватывает всю совокупность источников, использованных в конкретной научной работе, включая и диссертационное исследование. Соответственно, данное обозначение представляется наиболее приемлемым и для обозначения соответствующей структурной единицы и юридического диссертационного исследования.

Структура источниковой базы юридического диссертационного исследования связана со спецификой объекта отрасли знания и отдельных научных дисциплин. При этом важно учитывать, что в современной социогуманитаристике аксиоматичным является положение о том, что «формирование источниковой базы — один из наиболее важных этапов работы, поскольку от него зависит все последующее исследование» и «если некорректно подобраны источники, то есть пропущены важные для решения поставленной в работе проблемы и привлечены лишние, не дающие информации для ее решения, а только создающие информационный шум, то и все дальнейшее исследование пойдет в уже заданном подбором источников направлении» — подчеркивает М. Ф. Румянцев [9, с. 612]. Это в полной мере относится и к юриспруденции, в которой квалифицированная работа с источниками является основой для проведения качественного исследования.

Определение структуры источников в своей основе строится на сложившихся в социогуманитаристике классификациях носителей информации. Среди них преимущественно используется *типо-видовая модель*. В ней *тип источника* представляет классификационную единицу, которая отражает их деление на основе синтаксической (знаковой) стороны, содержащейся в них социальной информации по сходству методов и форм кодирования, хранения и передачи информации (по технологии создания и материальной форме) и выделяются вещественные, письменные, фонические и визуальные источники. *Вид источника* как классификационная единица выступает как реально существующая совокупность носителей информации, объединенных по определенным признакам и отражающим их функциональную взаимосвязь, единство и специфику формы. *Разновидность источника* является внутривидовой классифицирующей единицей, которая позволяет в рамках вида исторических источников выделить носители информации с более

узкими целевыми установками и функциями. Также используется деление источников на *официальные* и *неофициальные*, *первичные* и *вторичные*, и др. В юриспруденции, особенно в историко-юридических науках, данные классификационные характеристики получили определенную теоретико-методологическую проработку и применяются в исследовательских практиках, определяя общее видение структуры использования носителей информации [10].

В юридическом диссертационном исследовании структура привлекаемых источников определяется на трех уровнях — в проекции научно-отраслевой направленности выполняемой работы, отнесением ее к научной специальности и предметом выполнения научно-аттестационной работы — изучением государства и права. Соответственно, источниковая база юридического диссертационного исследования ориентирована на носители государственно-правовой информации в самом широком их диапазоне. Все это в совокупности определяет общие подходы к видению диссертантом необходимого для работы корпуса источников и выстраиванию источниковой базы конкретной диссертации. Основные характеристики структуры источниковой базы представляется возможным выделить по следующим трем основным базовым уровням с соответствующим выделением типов, видов и разновидностей носителей информации.

Официальные носители юридической информации представляют первый уровень источников, исходят от государственных или непосредственно связанных с государственными структурами, по своей типологии имеют форму письменных документов и с точки зрения их видов и разновидностей могут быть представлены следующими группами:

- политико-идеологические документы — исходящие от главы государства или лидера правящей партии документы, проекты государственно-правовых преобразований, государственные и партийные документы идеологического и политического характера;

- правовые акты — нормативные, интерпретационные и международно-правовые, систематизации права, акты реализации и применения права;

- материалы официального делопроизводства — ведомственные акты, документы общего и специального делопроизводства, внутри- и межведомственная переписка, государственная статистика, данные правового мониторинга следственно-судебные дела.

Неофициальные носители юридической информации представляют второй уровень источников, носят личностный характер, по своей типологии имеют, как правило, письменную форму. Многообразие их видов и разновидностей могут быть представлены следующими группами:

- историографические источники — научные труды ученых-юристов и представителей других научных дисциплин;

- источники личного происхождения — биографические материалы, переписка, дневники, мемуары, публицистика;

- источники художественного творчества — литература, живопись, скульптура, архитектура, музыкальные произведения.

Авторские носители юридической информации являются результатом исследовательской деятельности диссертанта по обработке исходных эмпирических сведений и выступают в качестве создаваемых им источников, на основе которых фиксируются:

- результаты социологических исследований — программы наблюдений, опросов, интервью, изучения фокус групп, контекст-анализа;

- материалы количественных исследований — статистические подсчеты, данные мониторинга юридических практик — издания правовых актов, правоприменения, сведения о состоянии правонарушений;

- итоги промежуточных исследований — текстологический, понятийный, биографический и другие виды анализа, составляются справки и таблицы.

Проведение диссертационного исследования не исключает при соответствующем обосновании и других типов, видов и разновидностей носителей информации. Это могут быть самые разнообразные вещественные, фонические и визуальные источники, являющиеся носителями государственно-правовой информации. Также возможно привлечение и «нетрадиционных источников» — материалов о слухах, доносах, анекдотов и др.

В итоге, рассмотренные вопросы позволяют определить с общим пониманием источниковой базы как одного из важнейших элементов оценки качества диссертационного исследования, а также с общим обозначением в научно-аттестационной работе массива источников информации. Одновременно следует учитывать и базовые уровни, типы, виды носителей государственно-правовой информации, составляющие источниковую основу диссертации.

3. Понимание, целевые установки и направления репрезентации источниковой базы в диссертационном исследовании

Репрезентация источниковой базы в диссертации в общем плане выступает как способ авторского представления его работы с носителями информации о предмете исследования и в самом общем плане описание корпуса носителей социальной информации и исследовательских процедур работы с ними. Соответственно, репрезентация источниковой базы в диссертационном исследовании может быть рассмотрена в трех планах — понимания репрезентации в целом и применительно к диссертации, целевых установок, назначения и значения представления сведений о носителях информации, а также основных форм представления источников в тексте диссертационного исследования.

Понимание репрезентации источниковой базы диссертационного исследования как процедуры представления использования носителей информации в научно-аттестационной работе. Здесь важно учитывать как общее осмысление места и роли репрезентации как познавательной операции в научном познании, так и ее специфические возможности представления отдельных аспектов научной работы исследователем посредством репрезентантов.

В философии репрезентация (от лат. *“repraesentatio”* — «представлять») в целом рассматривается как познавательная операция и означает, что чувственные формы познания субъектом мира, пройдя через восприятие и осмысление действительности, им опосредуются в репрезентациях как результате рефлексивной и понимающей деятельности. Представление познающим субъектом информации о познаваемом явлении происходит через репрезентанты — модели, схемы, рисунки, символы, знаковые системы, естественные и искусственные языки, и другие, которые представляют оторефлексированное видение предмета исследования и деятельности по его изучению с ориентацией на существующие каноны и образцы, конвенционально принятые в научной культуре [11, с. 10; 12, с. 826]. В научном познании субъект познания, создавая репрезентации как когнитивные конструкции, фиксирует и представляет их в исследовании как в качестве основных содержательных пространств исследования, которые включают: целеполагающие установки — о целях и задачах деятельности по решению проблемных ситуаций, отвечающие на вопрос: «Зачем это сделано?»; декларативные

знания — о фактах и свойствах конкретной предметной области, отвечающие на вопрос: «Что это такое?»; процедурные знания — о получении информации и решении задач в проблемных областях, отвечающие на вопрос: «Как это сделано?». Эти вопросы и ответы на них, прошедшие через когнитивное восприятие познающим субъектом и представленные в вербальной и / или письменной формах становятся репрезентантами и позволяют их рассматривать как эффективный способ представления информации в коммуникациях в научной деятельности, связанной с представлением знаний в различных научных дисциплинах [13, с. 17, 73–75, 266–266; 14, 91–95; 15, с. 287, 304, 314, 319]. На указанной основе строится и понимание репрезентации в юриспруденции и используется в рамках настоящей статьи.

Репрезентация источниковой базы диссертации в общем плане понимается как отражение процессов исследовательской деятельности диссертанта, связанной с носителями информации в процессе выполнения научно-аттестационной работы. При этом важно учитывать содержательные стороны понимания репрезентации источниковой базы в связи с выполнением диссертационного исследования, которые проявляются в том, что:

— репрезентация выступает как отражение рефлексии соискателя по поводу сложившихся в исследовательских практиках и нормативно закрепленных основных требований к отбору и использованию источников в научном исследовании и показывает процедуры и результаты отбора, анализа, проверки и представления носителей информации в тексте диссертации;

— репрезентация представляет авторский анализ и систематизацию использованных в диссертации носителей информации как ее источниковой базы и эмпирической основы для формирования научных фактов и на их основе теоретических положений, описания явлений выводов и т. п.;

— качественно представленная система источников в диссертации является показателем научной квалификации и исследовательской культуры диссертанта, его состоятельности как ученого;

— репрезентация представляет новое источниковедческое знание относительно носителей информации, положенных в основу исследования и позволивших обеспечить знания в определенной области научного знания;

— репрезентация в диссертации источников создает объективные условия для экспертизы

научно-аттестационной работы на любой стадии ее прохождения на предмет соответствия основным требованиям к данному виду научных работ (включая и источниковедческую компоненту) и дает возможность сопоставить представленные в работе положения с результатами эмпирического уровня исследования и полученными научными фактами, которые должны коррелировать с полученной из источников информацией в ходе исследовательских практик.

Репрезентация источниковой базы в диссертации и репрезентативность источников в диссертационном исследовании выступают как взаимодействующие познавательные явления, которые тем не менее следует отличать друг от друга. Репрезентация источниковой базы работы является, как уже рассматривалось, средством представления источников в научно-аттестационной работе. Репрезентативность — показатель реализации принципа объективности в работе, состоит в соотношении содержания источников и представленной в работе фактической основы ее положений. Именно в репрезентативности решается задача системного привлечения носителей информации, которые обеспечивают целостное видение совокупности фактов, позволяющих обеспечить максимально возможную достоверность и проверяемости полученной информации. При этом *в репрезентативности источниковой базы должно быть обеспечено наличие двух важных ее характеристик: качественная*, которая определяет представительность подборки источников с учетом природы объекта и предмета исследования, информационных возможностей отдельных носителей информации и их системных свойств, а также обеспечивает обращение ко всей палитре носителей информации и позволяет в рамках конкретного научного произведения всесторонне рассмотреть предмет научных изысканий; *количественная*, которая показывает численность респондентов при социологических опросах и / или число показателей, регистрируемых и анализируемых при статистических и квантитативных исследованиях государственно-правовых явлений и институтов, проведении правовых экспериментов и т. п.

Целевые установки и назначение репрезентации источниковой базы в диссертационном исследовании могут бы показаны и раскрыты через ряд требований к научно-аттестационной работе. Эти параметры научно-аттестационной работы представляются чрезвычайно важными как при проведении исследования, так и при его представлении в

ходе аттестационных процедур на соискание ученой степени. Соответственно, цель и назначение представления источников в диссертации требуют четкого определения.

Цель репрезентации источниковой базы в диссертационном исследовании заключается в том, чтобы показать насколько обеспечены основные качественные характеристики научно-аттестационной работы — новизны, достоверности, обоснованности и проверяемости представляемых научному сообществу и обществу в целом результатов проведенного исследования. На это обращает внимание О. М. Медушевская, подчеркивая, научное исследование направлено и на «достижение нового, точного (градуированного по степени точности) и системного (то есть соотношенного с существующей научной картиной мира) познания» при условии, что полученное и зафиксированное в исследовании научное знание «есть знание доказанное, логически-выводное, то есть оно открыто для представления обществу не только своим результатом, но предполагает открытость и логическую непротиворечивость по всему пространству исследовательского пути от замысла к результату» [16, с. 9]. Тем самым источниковая база позволяет на основе работы с носителями информации получить новое знание — знание, которое еще не было представлено в научных трудах в определенной научной сфере / научной дисциплине или в рамках конкретной темы исследования¹ [17].

Представление в диссертации знания — нового, точного и системного — должно коррелировать с исходной источниковой базой научного исследования и через ее посредство стать проверяемыми на соответствие указанным критериям. Именно эти критерии обеспечивают взаимосвязь добротной научной теории как основного результата исследования с его добротной источниковой базой. При этом, как подчеркивает Томас Кун, добротная теория должна соответствовать пяти критериям, которые он определяет как точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность² [18]. Достижение этих критериев обеспечивает источниковая база исследования,

¹ Баранова М. В. Критерии определения новизны научных знаний о праве и государстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1. С. 30–34.

² Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Москва, 1996. С. 62. С. 61–82.

которая должна: представлять проверенные на предмет достоверности носители информации, содержание данных об изучаемых социальных явлениях (точность); исключить противоречия между отдельными источниками и полученными на их основе научными фактами (непротиворечивость); относиться к предмету исследования в дисциплинарном и междисциплинарных исследовательских пространствах (область приложения); представлять выверенную, понятную и систематизированную структуру корпуса источников, использованных в работе (простота); обеспечивать получение новых знаний, которые являются точными, доказанными и аргументированными на основе изученных источников (плодотворность). Тем самым источниковая база обеспечивает эмпирический и теоретический уровни исследования.

Назначение репрезентации источниковой базы в диссертационном исследовании проявляется в том, что представление автором в ней четко определенных, систематизированных и содержательно охарактеризованных источниковедческих ее параметров позволяет обеспечить экспертную оценку научно-аттестационной работы и на всех этапах ее прохождения на предмет соответствия ее основным критериям и требованиям. Соответственно, автор должен представить комплекс сведений, показывающий процесс отбора и использования в работе носителей информации, репрезентативные характеристики которых являются показателем диапазона привлеченных информационных ресурсов и глубины их проработки для изучения предмета исследования. Тем самым показывается и содержательно раскрывается процесс изучения источников познания социальных, политических, юридических и других явлений и институтов для исследования предмета диссертации. Также важно описать и обосновать целесообразность использования наличествующих методов изучения источников получения информации и представить собственные авторские методологические инструментальные разработки и технологии их использования в изучении источников познания государства и права.

Основные формы репрезентации источниковой базы в диссертационном исследовании отражают работу диссертанта с носителями информации в процессе подготовки научно-аттестационной работы. При этом следует особо обратить внимание на то, что репрезентация источников не ограничивается лишь их описанием во введении к диссертации, но является «сквозной» процедурой описания их

использования в работе и прямо или косвенно присутствует по всему ходу проведенного исследования. При написании диссертации необходимо обратить внимание и учесть основные направления и формы представления источников в тексте работы.

Репрезентация общей характеристики источниковой базы в диссертации показывает как ее автор конструировал информационную основу своего исследования. Это представляется во введении в специально выделяемой его структурной единице — «Источниковая база диссертационного исследования», а в автореферате диссертации она помещается в первом разделе — «Общая характеристика работы». В диссертации соискатель дает обобщенное авторское видение положенных в основу исследования носителей информации в систематизированном виде в соответствии с предметной направленностью, целевыми установками, задачами исследования и выделением приоритетности их отдельных видов как основных, системообразующих для конкретного исследования. В автореферате диссертации этот материал при условии того, что он уже развернут в диссертации, достаточно дать в краткой форме, сохраняя наиболее важные характеристики источниковой базы работы. Также следует обратить внимание на то, что, исходя из научно-дисциплинарной специфики или предметной направленности работы (в историко-юридических исследованиях, работах по изучению источников права и др.) в тексте диссертации могут быть выделены глава или параграф, представляющие в развернутом виде источниковую базу исследования с детализацией ранее обозначенных ее общих характеристик во введении. В современной социогуманитаристике относительно данного раздела диссертации определилось мнение, что в нем дается «краткая характеристика корпуса источников, где обращается внимание на особенности процессов поиска и отбора источников исследования, формирования источниковой базы исследования, ее репрезентативности, возможность адекватно решить заявленную проблему на основе изучения избранной совокупности источников» — отмечает Р. Б. Казаков [19, с. 357].

Репрезентация источников в тексте диссертационного исследования используется для убеждения научного сообщества в приемлемости результатов научной работы и в качестве нового научного знания выступает как процедура его обоснования и подтверждения, что показывает корреляцию между источниковой базой и состоятельностью аргументации и

доказанностью положений исследования. Соответственно, отсутствие или недостаточная источниковая аргументация научных положений в исследовании приводит к тому, что под них не подводится необходимая эмпирическая база как обоснование их достоверности. При этом необходимо учитывать, что указанная форма репрезентации источниковой базы предполагает возможность оценки текста диссертации на предмет соответствия следующим трем параметрам: *всесторонность источниковой аргументации положений исследования* — обеспечивает полноту изучения предмета диссертации и показывает опору ее на источники информации и полученные на их основе научные факты в качестве доказательств истинности и всесторонности полученного научного знания; *обоснованность источниковой аргументации положений исследования* — показывает обеспеченность работы источниками, которые на уровне их репрезентативности и достаточности представляют содержащиеся в них данные в качестве аргументов для обоснования авторских положений; *подтвержденность источниковой аргументации положений исследования* — представление проверенных носителей информации как основы получения нового и точного знания в качестве доказательств его истинности. В данном контексте взятые исследователем сведения из различных источников репрезентуют их авторское осмысление на предмет их допустимости / недопустимости в качестве аргументов и средств доказывания, что при представлении научному сообществу автором результатов своих научных изысканий исследования влияет на получение ими статуса новых научных знаний и признания их доказанными, достоверными, надежными и объективно истинными.

Репрезентация источников в научно-справочном аппарате диссертации — в ссылках и списке использованных источников и литературы — выступает как показатель качества проведенной работы по отбору, анализу и использованию носителей информации для изучения предмета исследования и позволяет оценить репрезентативность и полноту источниковой базы научно-аттестационной работы. Цитирование в любой форме — прямое, косвенное, по вторичным источникам, путем упоминания авторов в тексте — предполагает необходимость их правильного оформления и приведения в ссылке конкретных данных о носителе информации по существующим правилам их оформления. Использование источников в научном исследовании и ссылки на них в научно-справочном

аппарате работы должно носить правомерный характер и соответствовать нормам авторского права. Правильно оформленные ссылки позволяют обратиться к исходным носителям информации и проверить корректность заимствований в тексте диссертации фрагментов или идей из работ других авторов, выявить проявления недобросовестности в исследовательских практиках — плагиата, рерайтинга, фальсификации, искажения эмпирических данных и другого [20]. Особо обратим внимание и на значение списка источников и литературы, который является необходимой составной частью научно-справочного аппарата научного произведения и в обобщенном виде представляет и показывает полноту и релевантность базы носителей информации, на основе которых была подготовлена диссертация.

В итоге отметим, что репрезентация источниковой базы в диссертации является необходимым элементом научно-аттестационной работы и должна в обязательном порядке присутствовать в тексте диссертации. Базируясь на общем понимании репрезентации как познавательной операции, представление носителей информации в диссертации выступает обязательным ее элементом, показывающим процесс работы диссертанта с носителями информации, обеспечивающим основные качественные характеристики научно-аттестационной работы — новизну, достоверность, обоснованность и проверяемость представляемых результатов проведенного исследования.

Таким образом, рассмотренные в статье вопросы позволяют поставить проблему необходимости четкого определения понимания и основных параметров репрезентации источниковой базы в диссертационном исследовании как необходимого атрибута научно-аттестационной работы, в котором представляется информационная основа проведенного исследования, претендующего на присуждение ученой степени. Разумеется, что рассмотренные проблемы требуют дальнейшей проработки и обсуждения в рамках совершенствования нормативного обеспечения процедур аттестации научных кадров и проведения экспертизы в интересах повышения качества диссертационных исследований. Соответственно, хотелось бы узнать мнение коллег по поставленным вопросам.

Список источников

1. Кодан С. В. Источниковедческая парадигма в современной юриспруденции: от изучения источников и форм права к научной дисциплине // Юриде-

ская наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4. С. 12–21.

2. Баранов В. М., Першин В. Б., Першина И. В. Методология эмпирического правового исследования: основные понятия и дискуссионные вопросы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 14–29.

3. Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92.

4. Баранов В. М., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Особенности представления эмпирических данных в юридических диссертациях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2. С. 12–25.

5. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. Москва, 2006. 382 с.

6. Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки. Москва, 2005. 526 с.

7. Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания. Москва, 1978. 271 с.

8. Сырых В. М. История и методология юридической науки. Москва, 2012. 463 с.

9. Румянцева М. Ф. Источниковая база исторического исследования // Источниковедение. Москва, 2015. С. 610–616.

10. Кодан С. В. Классификация источников изучения истории государства и права России: теоретические подходы, классификационные основания, характеристика видов // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 31–44.

11. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. Москва, 1988. 508 с.

12. Микешина Л. А. Репрезентация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва, 2009. С. 826–828.

13. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. Москва, 2006. Т. 2. 432 с.

14. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. Москва, 2005. 464 с.

15. Соло Р. Когнитивная психология. Санкт-Петербург, 2011. 588 с.

16. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. Москва, 2008. 360 с.

17. Баранова М. В. Критерии определения новизны научных знаний о праве и государстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1. С. 30–34.

18. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Москва, 1996. С. 61–82.

19. Казаков Р. Б. Введение в источниковедческое исследование: опыт построения // Вестник Россий-

ского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 4. С. 350–367.

20. Кодан С. В. Источниковедческие риски ненадлежащего подбора, анализа и презентации данных носителей государственно-правовой информации в юридическом исследовании // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 186–193.

References

1. Kodan S. V. The source paradigm in modern jurisprudence: from the study of sources and forms of law to a scientific discipline. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4, pp. 12–21. (In Russ.)

2. Baranov V. M., Pershin V. B., Pershina I. V. Methodology of empirical legal research: basic concepts and debatable issues. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 21, pp. 14–29. (In Russ.)

3. Medushevsky A. N. Cognitive information theory as a new philosophical paradigm of humanitarian cognition. *Questions of philosophy*, 2009, no. 10, pp. 70–92. (In Russ.)

4. Baranov V. M., Yudin A. A., Shpilev D. A. Features of the presentation of empirical data in legal dissertations. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2, pp. 12–25. (In Russ.)

5. Stepin V. S. Philosophy of science. General problems. Moscow, 2006. 382 p. (In Russ.)

6. Ushakov E. V. Introduction to philosophy and methodology of science. Moscow, 2005. 526 p. (In Russ.)

7. Shtoff V. A. Problems of methodology of scientific knowledge. Moscow, 1978. 271 p. (In Russ.)

8. Syrykh V. M. History and methodology of legal science. Moscow, 2012. 463 p. (In Russ.)

9. Rumyantseva M. F. Source base of historical research. *Source studies*. Moscow, 2015, pp. 610–616. (In Russ.)

10. Kodan S. V. Classification of sources for studying the history of the state and law of Russia: theoretical approaches, classification grounds, characteristics of species. *Genesis: historical research*, 2018, no. 11, pp. 31–44. (In Russ.)

11. Vartofsky M. Models. Representation and scientific understanding. Moscow, 1988. 508 p. (In Russ.)

12. Mikeshina L. A. Representation. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Moscow, 2009, pp. 826–828. (In Russ.)

13. Velichkovsky B. M. Cognitive science. Fundamentals of the psychology of cognition. Moscow, 2006. Vol. 2. 432 p. (In Russ.)

14. Mikeshina L. A. Philosophy of Science: Modern Epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research. Moscow, 2005. 464 p. (In Russ.)

15. Solso R. Cognitive psychology. Saint Petersburg, 2011. 588 p. (In Russ.)
16. Medushevskaya O. M. Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008. 360 p. (In Russ.)
17. Baranova M. V. Criteria for determining the novelty of scientific knowledge about law and the state. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1, pp. 30–34. (In Russ.)
18. Kuhn T. Objectivity, value judgments and the choice of theory. *Modern philosophy of science: knowledge, rationality, values in the works of Western Thinkers*. Moscow, 1996. Pp. 61–82. (In Russ.)
19. Kazakov R. B. Introduction to source research: the experience of building. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies*, 2008, no. 4, pp. 350–367. (In Russ.)
20. Kodan S. V. Source risks of improper selection, analysis and presentation of data carriers of state-legal information in legal research. *Legal technique*, 2019, no. 13, pp. 186–193. (In Russ.)

Информация об авторе

С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член экспертного совета по праву и политологии Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Information about the author

S. V. Kodan — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Expert Council on Law and Political Science of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023; одобрена после рецензирования 07.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 28.07.2023; approved after reviewing 07.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-26-31>

Политико-правовые аспекты «постглобализации»

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич^{1, 2}, Скурко Елена Вячеславовна³

¹НИУ ВШЭ, Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия,

³Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия

^{1, 2}estd1212@yandex.ru

³skourko@mail.ru

Аннотация. Анализируются актуальные вопросы постглобальных трансформаций в политико-правовом аспекте. Статья является частью более широкого исследования, нацеленного на определение места, занимаемого вопросами права в общей методологической структуре различных аспектов постглобализации, и взаимосвязь формирующегося постглобального права с этими аспектами. Авторы констатируют, что постглобальное право будет в значительной мере менее универсальным и более контекстным. В дискуссионном порядке представлены структуры, свойства, обозначены перспективы глобального и макрорегионального развития; поставлен вопрос правовой реформы в России с учетом динамики пост-глобализации.

Ключевые слова: пост-глобализм, неоглобальность, правовая политика, правовая реформа, международное право, российское право

Для цитирования: Евстафьев Д. Г., Скурко Е. В. Политико-правовые аспекты «постглобализации» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 26–31. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-26-31>.

Original article

Political and legal aspects of "post-globalization"

Dmitry G. Evstafiev^{1, 2}, Elena V. Skurko³

¹Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

²State of the Peoples' Friendship University, Moscow, Russian Federation

³Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russian Federation

^{1, 2}estd1212@yandex.ru

³skourko@mail.ru

Abstract. The current issues of post-global transformations in the political and legal aspect are analyzed. The article is part of a wider research dedicated to defining the place of the issues of law within the general methodological structure of post-globalization as well as the specifics of interaction between post-global law and other socio-political aspects of worldwide transformations. The authors claim that the post-global law could be much less universal and more dependent upon political and economic context. Structures, properties and prospects of global and macro-regional development are presented and outlined for a discussion; the question of legal reform in Russia considering the dynamics of post-globalization is raised.

Keywords: post-globalism, neo-globality, legal policy, legal reform, international law, Russian law

For citation: Evstafiev D. G., Skurko E. V. Political and legal aspects of "post-globalization". *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 26–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-26-31>.

© Евстафьев Д. Г., Скурко Е. В., 2023

Одной из важных черт современного этапа глобальных трансформаций является то, что мы начинаем погружаться в методологически размытый мир. Это очень заметно по частотности употребления приставки «пост» перед важнейшими структурными характеристиками человеческого развития. «Постэкономика», «постправда», «посткапитализм», «постчеловеческое общество» предстают как агрегированное воплощение современного мира. Все эти понятия отражают одно важное свойство современного мира — не просто размытость границ между сферами познания и развития, что было свойственно и постиндустриальному постмодерну как социально-экономической системе, — но разрушение базовых, референтных основ, в частности, таких как право в различных его проявлениях, определяющее в действительности ключевые параметры развития человечества: от экономики до межличностного взаимодействия.

Современная дискуссия о новом мироустройстве, — «постглобализации», — который можно было бы назвать «миром неоглобальности», обозначает в качестве принципиальных четыре вопроса.

— «Стартовые позиции» неоглобальности, особенности допустимой «рамки» перехода к неоглобальности для различных акторов системы мировой политики и экономики. Несмотря на относительно быстрое развитие глобальных политических и, в особенности, геоэкономических трансформаций, возникающая система международных отношений будет еще значительное время нести на себе существенный отпечаток черт «поздней глобализации». Иными словами, существует вопрос о том, что такое «посткапитализм» как инструмент организации пространства межсистемного взаимодействия в мире неоглобальности.

— Формы освоения / переосвоения пространства, вовлеченного в процессы строительства неоглобальности. Станет ли неоглобальный мир окончательно «пространством глобальных городов» [8], к чему вели тенденции поздней глобализации, со всеми вытекающими из этого социокультурными и политико-психологическими особенностями, — или же неоглобальность вернет модель развития к интегративности, основанной на «догоняющей» социально-экономической модернизации. Возникает вопрос о том, насколько «пространство» возникающего мира будет более широким или более узким по сравнению с миром поздней глобализации.

— Каковы будут социально-политические формы освоения и закрепления в пространстве мира неоглобальности. Речь идет о форматах внутрисистемной социально-политической институционализации [2], включая принципы построения «новой представительной демократии», встроенной не только в новый технологический контекст, но и в новую социальную и социо-экономическую структуру неоглобальных обществ, которая может существенно отличаться в зависимости от цивилизационного контекста, — а значит, и внутренняя регуляторика у таких систем может быть принципиально различной.

— Правовое оформление пространства неоглобальности, сочетающее в себя регулятивные нормы внутрисистемного и межсистемного характера. Этот вопрос особенно важен, учитывая не просто глубокую деструкцию международного права, но и кризис субъектности, принципиальную трансформацию системы субъектов международного права, в том числе и в результате попыток построения в период поздней глобализации «безгосударственного» мира [7]. Здесь речь идет о характере и рамках реализации принципов суверенитета и о носителях (субъектах реализации) суверенитета.

Во всех четырех аспектах развития неоглобального мира мы сталкиваемся с политико-правовыми аспектами развития (миро)системы, которые формируют, в действительности, рамки ее институционализации.

Собственно осмысление и «проектирование» обновления «мира глобализации» началось «на рубеже тысячелетий», когда с мыслями о «конце света», «конце истории» и т. п., в конце XX века, например, Ю. Хабермас писал о том, что право «чрезмерно колонизировало жизненное пространство»; Ф. Ноне и Ф. Селзник выступали за некий «быстрореагирующий» закон, а Г. Тойбнер — за «рефлексирующий». В сущности же, как полагает португальский социолог Б. де Соуза Сантос, во всех этих и им подобных теориях содержится призыв к «новой метаморфозе» прежде всего правовой сферы, которая привела бы социально-правовое развитие в «надлежащее состояние», к своим «естественным пределам», — «что бы это не означало» [10, р. 280].

Метафора Ю. Хабермаса, впрочем, с нашей точки зрения, отражает, помимо очевидного ощущения «заполненности» Западом «ойкумены глобализации», еще и опасения относительно необходимости выхода за пределы «познанного», — то есть пространства, которое

«понятно» Западу, причем не только в духовно-цивилизационном, но также экономическом и иных аспектах.

Так, окончание «холодной войны» открыло к «освоению» пространство, которое Западу было известно и понятно, — более того, которое само было «Западом». В отношении его «интеграции» в «глобальный» мир не существовало серьезных методологических и ресурсных проблем, — более того, его освоение давало возможность ресурсного усиления Запада, а в особенности — его «метрополии» (США) и «полупериферии» (ЕС, и в особенности Германии). Вход же за «фронт» социально-модернизированного мира (мира пред-постмодерна) всегда представлялся для «мира глобализации» большой сложностью именно в силу социальных диспропорций. Эта сложность в последнее время реализовалась в известной формуле Ж. Борреля «Сад и джунгли», однако присутствовала в дискурсе много ранее, — например, в концепции «четвертого мира», которая фиксировала, что «мир глобализации» превращается из «пространства интеграции» в пространство разделения и ограничения, — и т. п.

«Мир глобализации» с философско-методологической точки зрения — на рубеже тысячелетий — представлял собой пространство, пригодное к сетевизированным индикативным формам управления, так или иначе ложащимся в модель управления через «каскадируемые нарративы», то есть через механизмы относительно социально малоинтрузивного информационно-политического конструирования приоритетов развития как на микро-, так и на макроуровне, уровне «большой системы» (государства, транснациональные корпорации, коалиции и т. п.).

Это подразумевало наличие нескольких принципиальных условий, как то:

— демонтаж экономических (а в идеале — и социальных) аспектов государственного суверенитета через включенность национальных экономик в технологические цепочки и цепочки поставок, которые невозможно контролировать на уровне отдельного государства, — однако при сохранении некоторых аспектов политического суверенитета;

— глубокое разрушение свойственной индустриальному модерну социально-классовой структуры общества, фиктивизация традиционной структуры социально-политической репрезентации [5];

— высокий уровень развития информационного общества, присутствие в социальном

пространстве информационных технологий как части повседневной социально-потребительской сферы [4];

— вовлеченность общества в долгосрочные глобальные социально-информационные приоритеты (социо-информационную «повестку»), при сохранении относительной свободы в краткосрочной повестке;

— высокий уровень социальной атомизации при доминировании социальной универсальности как главной модели социального поведения, основанной на универсализации моделей потребления;

— относительно высокий уровень деидеологизации общества, разрушение в нем традиционного политико-идеологического (а на практике — социально-политического) деления.

Несмотря на попытки переосмысления «мира глобализации» различными философскими школами и отдельными личностями, — от Дж. Урри [6] до И. Валлерстайна [1], — в основе своей (а в особенности — в сетевизированной форме, по Э. Гидденсу [9]), «глобализация» была не столько «явлением», сколько «процессом», формировалась «по факту». В этом смысле, когда критики глобализации говорили, что она развивается в рамках «революционной целесообразности», это было лишь незначительным преувеличением. Предполагалось, что глобализация, особенно реализующаяся на базе постиндустриального постмодерна, как минимум, в своем «ядре», сама сформирует свои рамки, а затем можно будет заняться институционализацией получившегося, его «кодификацией».

Нынешний этап глобальных трансформаций показывает, что ключевыми точками неопределенности «постглобализации» в формировании «мира неоглобальности» являются: (1) новая институциональность, способная лучше отражать потребности геоэкономически регионализирующегося мира и (2) вопросы правового обеспечения новой архитектуры экономических и политических отношений, включая регулирование «надпространственных» систем поствестфальского суверенитета [3], становящихся ареной межгосударственного противоборства.

Так, в частности, сегодня мы сталкиваемся с интересным политическим парадоксом, который при определенных условиях может стать правовым. Это — формирование системы геоэкономических макрорегионов, которое, в свою очередь, подразумевает формирование устойчивой правовой среды, обеспечивающей высокую защищенность не только экономического,

но и социального, а значит, и социально-политического пространства. Логика геополитических процессов будет диктовать ситуацию, когда оформление подобных пространств «коалиционного суверенитета» будет осуществляться на базе правовых норм страны-ядра макрорегиона. Но в таком случае упорядочивание конкуренции «великих держав» и их последующего взаимодействия будет неизбежно осуществляться через взаимное признание их «правового доминирования» в соответствующих пространствах. Что концептуально весьма напоминает модель, по которой устанавливались политические рамки упорядоченной конкуренции СССР и США в рамках так называемой «разрядки», зафиксированные 29 мая 1972 года в документе с характерным названием «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки».

Современная «легализация» отношений «макрорегионов», какие бы формы она не принимала, в принципе будет означать признание неизбежности деглобализации мира, которая не может быть ограничена только пространственными системами и отношениями, и неизбежно затронет «постпространственные» стороны.

Для Российской Федерации это в числе прочего означает следующее.

Подобно тому, как в 90-е годы XX века (после распада СССР) в России была проведена масштабная правовая реформа — «перестройка» правовой системы страны в соответствие с Конституцией Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, — в настоящее время назрела задача — сопоставимой в масштабе — правовой реформы, предтечей которой можно признать принятие поправки к Конституции Российской Федерации всенародным голосованием 1 июля 2020 года, введенной в действие Указом Президента Российской Федерации от 4 июля 2020 года.

Так, подобно тому, как падение СССР по сути легло в фундамент для развития глобализации 90-х — 2000-х годов, мировой экономический кризис 2008 года запустил процессы, которые к сегодняшнему дню привели мироустройство к положению «постглобализации» — деградации и распаду мирохозяйственных связей и международных отношений, сложившихся на рубеже веков, протекающих на фоне глубинного и беспрецедентного «падения нравов» в обществах «ядра» глобализации 90-х — 2000-х годов (США) и ее «полупериферии» (ЕС).

Разработка концепции правовой реформы в России сегодня, ее последующая реализация в

ближайшей перспективе могут составить существенную часть ответа на вызовы «постглобализации», сделать вклад общественных наук и общественной практики современной России в конструирование в интересах страны «неоглобальной» картины мира и международных отношений, их последовательного воплощения в будущем на благо граждан и народов страны.

Следуя логике развития постглобализации от «однополярного» к «многополярному» миру, современная правовая реформа в России во многом должна стать противоположностью реформ 90-х годов, протекавших на фоне и вследствие перехода от «биполярного» мира на пике «холодной войны» 80-х годов между СССР и США — к однополярному миру глобализации 90-х — 2000-х годов.

Правовая реформа должна коснуться практически всех отраслей российского законодательства.

Так, международное право должно вернуться к концепции, которая существовала в период СССР, а именно идеи о том, что международное право есть самостоятельная правовая система. Действительно, развитие глобализации потребовало продвижения идей о том, чтобы в законодательство государства были непосредственно интегрированы нормы международного права, а с другой стороны, — чтобы на уровень международных отношений в качестве самостоятельных «субъектов» международного права были выведены физические лица, — в основном через бурно развивавшиеся в 90-х годах институты международно-правовой охраны прав человека, а также региональных решений, например, вроде Европейской конвенции по правам человека Совета Европы и такого его органа как ЕСПЧ и др.

Примечательно при этом, что, если в России — и подавляющем большинстве других государств мира — с 90-х годов закрепляется идея приоритета норм международного права по отношению к законодательству, принимаемому на национальном уровне, то для США, отметим, еще задолго до «глобализации», получило господство представление, что нормы международного права могут составить часть правовой системы США, однако все они в иерархии источников права занимают самые последние места, то есть практически не подлежат применению. С этой точки зрения сама «правовая система глобализации» косвенно оформляла собой «господство» США в международно-правовых отношениях, несмотря на принцип суверенного равенства государств,

принятый в международном праве, в том числе лежащий в основе ООН и отраженный в Уставе ООН и целом ряде иных международно-правовых документов.

Возвращение России к традиционному для правовой культуры страны отделению международного права от общего «тела» национальной правовой системы — важный шаг как для государственно-правового строительства, так и для общественного развития страны в современных условиях.

Кроме того, существенного реформирования — в ряде других отраслей российского права — требуют отдельные институты гражданского, а также уголовного права.

В (гражданско-)правовом регулировании требуют развития институты государственной и муниципальной собственности: правила ее приобретения, отчуждения, пользования и пр. Так, согласно части 2 статьи 8 Конституции Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Несмотря на то, что «государственная» (и «муниципальная») собственность отделены от «частной», никакого особенного развития институты государственной и муниципальной собственности в законодательстве не получают — «право государственной (и муниципальной) собственности» не раскрыто, неопределенно, а, следовательно, неэффективно или открывает широкие возможности для злоупотреблений. Это в особенности губительно в свете существующих условий — ограничений и рестрикций разного рода, введенных против России со стороны отдельных зарубежных государств и организаций.

Кроме того, с учетом существующих обстоятельств вообще уместно в принципе вновь вернуться к вопросу о развитии «хозяйственного права» в правовой системе страны: актуальная проблематика функционирования и роста «государственного сектора» в отечественной экономике, «государственно-частного партнерства», государственных гарантий в хозяйственно-экономической деятельности разного уровня, масштаба и направленности требуют адекватного законодательного регулирования — вплоть до обособления в системе законодательства «хозяйственного кодекса» — вопроса, дискутируемого в стране еще с периода 30-х годов XX века.

Важнейшим вопросом успеха хозяйственно-экономического развития страны на современном этапе становится проблема развития — в гражданско-правовом регулировании — института принудительного лицензирования в

отношении интеллектуальной собственности. Значимость этого вопроса трудно переоценить, однако потенциал, который заключает в себе институт принудительного лицензирования в принципе, крайне малоэффективно реализован в современном российском праве. Было бы верным обратить внимание на развитие комплексного правового регулирования совокупности вопросов ограничения исключительного права интеллектуальной собственности по всему спектру ее правовой охраны.

Не менее значимым для России сегодня является круг вопросов развития уголовного законодательства страны. Даже не касаясь проблематики оперативно-розыскной деятельности, уголовного процесса и уголовно-исполнительного законодательства, сам Уголовный кодекс Российской Федерации требует ряда принципиальных реформ. Это, как минимум, касается обособления «военных преступлений» в Особенной части, а также введения институтов уголовной ответственности иностранных физических и юридических лиц, а также должностных лиц иностранных государств и международных организаций в Общую часть.

В данном вопросе мы исходим из того, что даже перспектива «регионализации» как варианта «постглобальности» не должна снимать крайне обострившийся в последнее время глобальный этико-правовой запрос об ответственности известных «глобальных игроков» (и отдельных лиц) за тот вред, клевету, ложь и преступления, которые были совершены ими против человечества и народов, в том числе против Российской Федерации и ее граждан.

Список источников

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / пер. с англ., вст. ст. и прил. Г. М. Дерлугьяна. 2-е изд., испр. Москва: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
2. Давыдов Д. А. Посткапитализм и рождение персонифицированного общества. Москва: РИПОЛ классик, 2021. 336 с.
3. Евстафьев Д. Г., Межевич Н. М. Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире // Политическая наука. 2022. № 4. С. 121–144.
4. Кастельс М. Власть коммуникации / под науч. ред. А. И. Черных / пер. с англ. Москва: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2016. 564 с.
5. Майр П. Управляя пустотой. Размывание западной демократии / пер. с англ. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2019. 216 с.
6. Урри Дж. Как выглядит будущее / пер. с англ. Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 320 с.
7. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. Москва: Изд-во АСТ, 2017. 704 с.

8. Штраус Л. Город и человек / пер. с англ. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль», 2016. 502 с.

9. Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. NY: Routledge, 2003. 104 p.

10. Sousa Santos B. de. Law: A map of misreading. Toward a postmodern conception of law // *Journal of law and society*. 1987. Vol. 14. No. 3.

References

1. Wallerstein I. World-system analysis. Introduction / trans. from English, Vst. Art. and adj. G. M. Derlugyan. 2nd ed., rev. Moscow: URSS: LENAND Publ., 2018. 304 p. (In Russ.)

2. Davydov D. A. Postcapitalism and the birth of personalities. Moscow: RIPOL classic Publ., 2021. 336 p. (In Russ.)

3. Evstafiev D. G., Mezhevich N. M. Post-Westphalian sovereignty in the post-global world. *Political Science*, 2022, no. 4, pp. 121–144. (In Russ.)

4. Castells M. The power of communication / under scient. ed. by A. I. Chernykh / transl. from English. Moscow: NRU HSE Publ., 2016. 564 p. (In Russ.)

5. Mayr P. Managing the void. Erosion of Western Democracy / transl. from English. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2019. 216 p. (In Russ.)

6. Urri J. What does the future look like / trans. from English. Moscow: “Delo” RANEPa Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)

7. Fukuyama F. Fading of the state order. Moscow: AST Publ., 2017. 704 p. (In Russ.)

8. Strauss L. City and man / transl. from English. Saint Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2016. 502 p. (In Russ.)

9. Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. NY: Routledge Publ., 2003.

10. Sousa Santos B. de. Law: A map of misreading. Toward a postmodern conception of law. *Journal of law and society*, 1987, vol. 14, no. 3.

Информация об авторах

Д. Г. Евстафьев — кандидат политических наук, профессор;

Е. В. Скурко — кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. G. Evstafiev — Candidate of Sciences (Politics), Professor;

E. V. Skurko — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 29.06.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 29.06.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья
УДК 340.14; 340.5
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-32-38>

Принцип правовой определенности в российской и армянской правовой системе (сравнительный анализ)

Илюхина Вера Александровна^{1, 2}

¹Академия ФСИН России, Нижний Новгород, Россия

²Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия, eva3011@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>

Аннотация. Проводится сравнительный анализ места принципа правовой определенности в правовых системах Российской Федерации и Республики Армения. Делается вывод, что в Российской Федерации принцип правовой определенности является доктринальным, не имеющим прямого нормативного закрепления, представляет собой элемент правовой системы, но не системы права. В Республике Армения принцип правовой определенности — это принцип-норма, закрепленный на конституционном уровне, является элементом и правовой системы, и системы права. При этом в правоприменительной практике обоих государств роль изучаемого принципа одинаковая — конституционные суды, арбитражные суды и суды общей юрисдикции (а в России еще и мировые судьи) активно используют принцип правовой определенности при мотивировке выносимых ими судебных актов.

Ключевые слова: принцип правовой определенности, принципы права, доктринальные принципы права, правовая система, правоприменение

Для цитирования: Илюхина В. А. Принцип правовой определенности в российской и армянской правовой системе (сравнительный анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 32–38. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-32-38>.

Original article

The principle of legal certainty in the Russian and Armenian legal systems (comparative analysis)

Vera A. Ilyukhina^{1, 2}

¹Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

²Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation, eva3011@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>

Abstract. A comparative analysis of the place of the principle of legal certainty in the legal systems of the Russian Federation and the Republic of Armenia is carried out. It is concluded that in the Russian Federation the principle of legal certainty is a doctrinal principle that does not have direct normative consolidation, it is an element of the legal system, but not the system of law. In the Republic of Armenia, the principle of legal certainty is a principle-norm, enshrined at the constitutional level, and is an element of both the legal system and the system of law. At the same time, in the law enforcement practice of both states, the role of the principle under study is the same — the Constitutional Courts, arbitration courts and courts of general jurisdiction (and in Russia also justices of the peace) actively use the principle of legal certainty when motivating their judicial acts.

Keywords: principle of legal certainty, principles of law, doctrinal principles of law, legal system, law enforcement

For citation: Ilyukhina V. A. The principle of legal certainty in the Russian and Armenian legal system (comparative analysis). *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 32–38. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-32-38>.

© Илюхина В. А., 2023

В основе правового регулирования лежат определенные идеи, которые не просто нормативно закреплены, но и маркированы законодателем в качестве основополагающих. С позиции позитивистского правопонимания, такие идеи являются принципами права [1; 2]. Принципы права — это специфические нормы права, элементы системы права и правовой системы. Наряду с принципами права (принципами позитивного права) существуют доктринальные принципы, которые нормативно не закреплены и / или не маркированы законодателем в качестве основополагающих идей правового регулирования. Доктринальные принципы — это разновидность идей, лежащих вне сферы права. Они не обладают нормативностью, не являются элементом системы права, однако входят в правовую систему и, если они восприняты правоприменительной практикой, то могут рассматриваться в качестве средства правового регулирования, что представляет определенный парадокс. Доктринальные принципы формулируются учеными и правоприменителями, исходя из их представлений о праве, морально-этических категорий (справедливость, добро, зло и пр.), а также выводятся путем толкования нормативных правовых актов.

Один и тот же принцип в разных странах, в том числе входящих в одну правовую семью, может занимать совершенно разное место в правовой системе. В одном государстве он может быть принципом позитивного права, а в другом — только доктринальным принципом. Примером такого рода принципов является принцип правовой определенности. В данной работе мы рассмотрим, какое место он занимает в правовых системах России и Армении.

Принцип правовой определенности, берущий истоки еще в римском праве, многократно исследовался учеными совершенно в разных ракурсах: в теоретическом аспекте [3–5], как принцип уголовного права [6; 7], гражданского права [8], уголовного процесса [9], гражданского процесса [10; 11], арбитражного процесса [12], цивилистического процесса в целом [13], конституционного правосудия [14], конституционного контроля [15].

Поскольку в России данный принцип не имеет нормативного закрепления на каком бы то ни было уровне и носит исключительно доктринальный характер, существует множество взглядов как на его содержание, так и на место среди других принципов, место в правовой системе. В период Российской империи И. А. Покровский, исходя из теории естественного права,

рассматривал правовую определенность как одно из естественных, неотъемлемых, данных от природы прав каждой личности [16, с. 64–82]. В настоящее время Е. А. Дербышева приходит к выводу, что данный принцип характеризуется многоаспектностью, касается всего правового регулирования и относится к общеправовым, специально-юридическим принципам российского права [4]. Так, Л. А. Морозова рассматривает его как «общеправовой универсальный принцип, действие которого распространяется на все сферы правового регулирования, все отрасли права и законодательства, обладающий постоянным действием и имеющий общеобязательное значение для всех субъектов права» [17, с. 254]. В. С. Синенко относит принцип правовой определенности к общеправовым принципам [18]. А. В. Лапаева и Е. В. Приймак считают, что правовая определенность — это один из фундаментальных общих принципов права, лежащих в основе правовой системы в целом [19, с. 29]. Н. С. Бондарь полагает, что данный принцип носит универсальный характер и является универсальным принципом всех сфер юридической деятельности [15]. С. М. Воробьев и Н. И. Полищук — что это общеправовой, системообразующий метаюридический принцип [20, с. 88].

Однако в научной литературе имеются и иные подходы к пониманию принципа правовой определенности. Так, Т. Н. Нешатаева рассматривает правовую определенность в качестве одного из главных элементов принципа верховенства права [21], Н. В. Варламова — как необходимое следствие и условие реализации, а также один из основополагающих аспектов все того же принципа верховенства права [22, с. 94], а А. А. Рукавишникова (Плашевская) рассматривает его в качестве признака верховенства права [23, с. 79].

Некоторые авторы высказывают мнение, что правовая определенность — это вовсе не принцип, а некое особое социальное явление, которое отражает стабильность общественных отношений, и одновременно отражается в других принципах права [24, с. 7], а В. В. Ершов вообще полагает, что правовую определенность контрпродуктивно относить к принципам права [25, с. 6–7].

В целом же большинство авторов сходится в том, что принцип правовой определенности, хотя в российском законодательстве и не имеет нормативного закрепления, тем не менее носит общеправовой характер. По нашему мнению, следует согласиться, что правовая

определенность имеет значение для правового регулирования в целом и регулирования отношений в рамках всех отраслей права, однако в настоящее время это не принцип позитивного права. Возможно, это одна из правовых аксиом. Принцип правовой определенности — важная идея, оказывающая влияние на правотворчество и правоприменение. Однако главная проблема состоит в том, что содержание ее вариативно, размыто, толкуется учеными и правоприменителями по-разному. Пока доктринальный принцип правовой определенности не станет нормой-принципом, он так и не получит, как это ни тавтологично звучит, правовой определенности.

Полагаем, что принцип правовой определенности относится к тем доктринальным принципам, которые имеют потенциал и должны перейти в категорию принципов позитивного права. В этом контексте верным представляется предложение Л. А. Морозовой о целесообразности законодательного закрепления данного принципа как универсального регулятора общественных отношений [17, с. 254]. Технически сделать это не сложно, но весьма трудоемко из-за масштабов законодательных изменений. Поскольку изменить текст Конституции Российской Федерации проблематично, то нормы о правовой определенности нужно вводить в каждый кодифицированный акт, в структурный его элемент, посвященный принципам права (основным началам правового регулирования) в соответствующей сфере общественных отношений.

Следует отметить, что исследования доктринального принципа правовой определенности базируются на анализе судебной практики. В первую очередь, речь идет о практике Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) и национальных Конституционных Судов России и Армении [3; 22; 26–28]. Обратим внимание, что в международных правовых актах данный принцип также не имеет нормативного закрепления. В связи с тем, что решения ЕСПЧ больше не имеют юридического значения для Российской Федерации, интерес к практике этого суда сокращается, и доктринальный принцип правовой определенности целесообразно рассматривать в контексте российского правоприменения. Однако анализ практики ЕСПЧ остается актуальной для армянских ученых и правоприменителей.

Конституционный Суд Российской Федерации прямо называет принцип правовой определенности общеправовым принципом, принимает попытку дать ему определение и

раскрыть содержание. В соответствии с правовой позицией этого судебного органа, данный общеправовой принцип «предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений», а его содержание заключается в том, что «участники гражданских правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей» [29].

Всего, как отмечают некоторые исследователи, принцип правовой определенности был положен в основу 119 постановлений Конституционного Суда Российской Федерации [4, с. 33] (данные по состоянию на начало 2017 года, сейчас постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, в которых дана отсылка к принципу правовой определенности, значительно больше). В практике других судов, по нашим подсчетам, принцип правовой определенности также играет существенную роль и является одним из самых часто используемых доктринальных принципов в аргументации выносимых судебных решений, определений, постановлений. Так, к принципу правовой определенности дана отсылка более чем в 1 200 актах Верховного Суда Российской Федерации, более чем в 100 000 актах арбитражных судов, более чем в 100 000 актах судов общей юрисдикции и более 5 000 актах мировых судей.

В правовой системе Республики Армения (далее — РА) принцип правовой определенности занимает совершенно иное место, чем в правовой системе Российской Федерации — в отличие от России в Армении принцип правовой определенности является не доктринальным, а нормативно закрепленным принципом права. Статья 79 Конституции РА называется «Принцип определенности» и лаконично раскрывает содержание этого принципа: «При ограничении основных прав и свобод законы должны устанавливать основания и объем этих ограничений, быть в достаточной мере определенными, чтобы носители и адресаты этих прав и свобод были в состоянии проявлять соответствующее поведение» [30].

В постановлениях Конституционного Суда РА содержание данного принципа (уже под названием принципа правовой определенности) неоднократно конкретизировалось [31; 32]. В одном из постановлений Конституционного Суда РА принцип определенности рассматривается и как основополагающий элемент

принципа законности, и как важный элемент правовой безопасности, и как одно из главных требований — верховенство права [33]. Вслед за Конституционным Судом РА прочие суды (Кассационный Суд РА, арбитражные суды и др.) в своих судебных актах также нередко делают отсылки к принципу правовой определенности [34]. Конституционная закрепленность и большое внимание Конституционного Суда РА и иных судов Армении к этому принципу позволяет армянским ученым отмечать его важную роль в практической деятельности судов и в целом в правовой системе Армении [35].

В заключение статьи отметим несколько важных моментов. Принцип правовой определенности формально занимает разное место в правовых системах России и Армении. В Российской Федерации — это доктринальный принцип, не имеющий прямого нормативного закрепления, он является элементом правовой системы, но не системы права. В Республике Армения — это принцип-норма, закрепленный на конституционном уровне, является элементом и правовой системы, и системы права. Тем не менее в правоприменительной практике обоих государств их роль одинаковая — конституционные суды, арбитражные суды и суды общей юрисдикции (а в России еще и мировые судьи) активно используют принцип правовой определенности при мотивировке выносимых ими судебных актов. Полагаем, что России следует заимствовать армянский опыт в плане нормативного закрепления принципа правовой определенности.

Список источников

1. Демичев А. А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2. С. 32–35.
2. Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.
3. Даниелян Г. Современные проблемы правовой определенности, правовой аналогии (сходства) и толкования правовых актов // Статьи Ереванского университета. Правоведение. Ереван, 2016. № 2 (20). С. 3–17.
4. Дербышева Е. А. Место принципа правовой определенности в системе принципов российского права // Право и политика. 2017. № 2. С. 29–41.
5. Крыжан В. А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 81–88.
6. Иванов Н. Г. Принцип правовой определенности в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 161–166.
7. Баласанов М. Р. К вопросу о принципе правовой определенности в российском уголовном законодательстве // Закон и право. 2022. № 7. С. 178–183.
8. Подшивалов Т. П. К вопросу о способах достижения реализации принципа правовой определенности в гражданском праве // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: Сборник научных статей, Пермь, 18–19 ноября 2016 года / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. Пермь: ООО Изд-во «СТАТУТ», 2017. С. 292–297.
9. Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2015. 174 с.
10. Манташян А. О. Принцип определенности в современном гражданском процессе // Мировой судья. 2011. № 5. С. 18–20.
11. Свирин Ю. А. Принцип правовой определенности в гражданском процессе // Современное право. 2013. № 11. С. 95–98.
12. Белов С. А., Ревазов М. А. Принцип правовой определенности в практике арбитражных судов Российской Федерации // Арбитражные споры. 2023. № 1 (101). С. 4.
13. Принципы частного права: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, В. В. Кваниной, М. С. Сагандыкова. Москва: Проспект, 2023. 400 с.
14. Гаджиев Г. А., Коваленко К. А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 12–20.
15. Бондарь Н. С. Правовая определенность — универсальный принцип конституционного нормоконтроля // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4–11.
16. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. 328 с.
17. Морозова Л. А. Правовая определенность как общеправовой универсальный принцип реализации права // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 3. С. 250–256.
18. Синенко В. С. К вопросу о содержании принципа правовой определенности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 154–158.
19. Лапаева А. В., Приймак Е. В. К вопросу о содержании принципа правовой определенности в российском и зарубежном праве // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сборник научных трудов по материалам XVI Международной научно-практической конференции. Тамбов, 22 декабря 2020 года / отв. ред. А. В. Лапаева. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С. 26–31.

20. Воробьев С. М., Полищук Н. И. Теоретико-правовой анализ метаюридического принципа правовой определенности // Теория государства и права. 2019. № 2 (14). С. 83–89.

21. Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 3. С. 124–140.

22. Варламова Н. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 4 (41). С. 94–109.

23. Рукавишников (Плашевская) А. А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 70–83.

24. Чимакадзе Ф. В. Правовая определенность: принцип или явление? // Фемида. Science. 2016. № 1 (2). С. 3–7.

25. Ершов В. В. Определенность права // Российское правосудие. 2017. № 1. С. 5–25.

26. Анишина В. И., Назаренко Т. Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2 (33). С. 40–47.

27. Сидоренко А. И. Принцип правовой определенности в судебной практике (имплементация решений Европейского Суда по правам человека): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2016. 22 с.

28. Дербышева Е. А. Соотношение принципа правовой определенности с принципом равенства всех перед законом и судом // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 4 (35). С. 32–35.

29. По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2023).

30. Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 года: в ред. Законов Республики Армения от 27 ноября 2005 года, 6 декабря 2015 года; поправки в Конституцию Республики Армения от 22 июня 2020 года). URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015> (дата обращения: 12.06.2023).

31. По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА Конституции Республики Армения на основании заявления Защитника прав Человека: постановление Конституционного Суда Республики Армения от 14 января 2010 года. URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/851.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

32. По делу об определении вопроса соответствия подпункта «а» пункта 11 части 4 статьи 109 и подпункта «б» пункта 2 части 1 статьи 123 Налогового кодекса Республики Армения, подпункта 2 пункта 3 и подпункта 2 пункта 15 порядка, установленного приложением № 1, утв. постановлением Правительства РА от 5 октября 2017 года п 1373-н, конституции на основании обращения Защитника прав человека: постановление Конституционного Суда Республики Армения от 27 ноября 2018 года. URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1436.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

33. По делу об определении вопроса соответствия пункта 2 части 6 статьи 142 и части 7 статьи 155 конституционного закона «Судебный кодекс Республики Армения» Конституции на основании обращения Араика Мелкумяна: постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1488 от 15 ноября 2019 года. URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2019-ru-sdv-1488.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

34. Подборка решений Кассационного суда РА по гражданским и административным делам (январь–декабрь 2013 г.). С.: Принтинфо, 2014. Т. VII. 712 с.

35. Подборка решений по гражданским и административным делам Арбитражного суда Республики Армения. Январь–декабрь 2018, Т. XII. Ереван: «ТАСК», 2020. 768 с.

References

1. Demichev A. A. On the issue of the principles of civil procedural, arbitration procedural and executive law. *Bulletin of the Russian Academy of Law*. 2005, no. 2, pp. 32–35. (In Russ.)

2. Demichev A. A. Positivist classification of the principles of modern Russian law. *State and law*, 2014, no. 5, pp. 5–13. (In Russ.)

3. Danielyan G. Modern problems of legal certainty, legal analogy (similarity) and interpretation of legal acts. *Articles of the Yerevan University. Jurisprudence*. Yerevan, 2016, no. 2 (20), pp. 3–17 (In Armenian)

4. Derbysheva E. A. Place of the principle of legal certainty in the system of principles of Russian law. *Law and Politics*, 2017, no. 2, pp. 29–41. (In Russ.)

5. Kryzhan V. A. On the content of the principle of legal certainty. *Perm legal almanac*, 2018, no. 1, pp. 81–88. (In Russ.)

6. Ivanov N. G. The principle of legal certainty in criminal law. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (44), pp. 161–166. (In Russ.)

7. Balasanov M. R. On the issue of the principle of legal certainty in Russian criminal law. *Law and Law*, 2022, no. 7, pp. 178–183. (In Russ.)

8. Podshivalov T. P. On the question of ways to achieve the implementation of the principle of legal certainty in civil law. Seventh Perm Congress of Legal Sci-

entists: collection of scientific articles, Perm, November 18–19, 2016 / ed. by V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Perm: STATUT Publ., 2017, pp. 292–297. (In Russ.)

9. Dikarev I. S. The principle of legal certainty and the legal force of a court decision in criminal proceedings. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2015. 174 p. (In Russ.)

10. Mantashyan A. O. The principle of certainty in the modern civil process. *Magistrate*, 2011, no. 5, pp. 18–20. (In Russ.)

11. Svirin Yu. A. The principle of legal certainty in civil proceedings. *Modern law*, 2013, no. 11, pp. 95–98. (In Russ.)

12. Belov S. A., Revazov M. A. The principle of legal certainty in the practice of arbitration courts of the Russian Federation. *Arbitration disputes*, 2023, no. 1 (101). (In Russ.)

13. Principles of private law: monograph / ed. by T. P. Podshivalova, V. V. Kvanina, M. S. Sagandykov. Moscow: Prospekt Publ., 2023. 400 p. (In Russ.)

14. Gadzhiev G. A., Kovalenko K. A. The principle of legal certainty in constitutional justice. *Journal of constitutional justice*, 2012, no. 5, pp. 12–20. (In Russ.)

15. Bondar N. S. Legal certainty — the universal principle of constitutional normative control (practice of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Constitutional and municipal law*, 2011, no. 10, pp. 4–11. (In Russ.)

16. Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. Petrograd: "Right" Publ., 1917. 328 p. (In Russ.)

17. Morozova L. A. Legal certainty as a general legal universal principle for the implementation of law. *Socio-economic phenomena and processes*, 2017, vol. 12, no. 3, pp. 250–256. (In Russ.)

18. Sinenko V. S. To the question of the content of the principle of legal certainty. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right*, 2013, no. 9 (152), pp. 154–158. (In Russ.)

19. Lapaeva A. V., Priymak E. V. On the issue of the content of the principle of legal certainty in Russian and foreign law. Modern issues of state, law, legal education: collection of scientific papers based on the materials of the XVI International Scientific and Practical Conference. Tambov, December 22, 2020 / rev. ed. by A. V. Lapaev. Tambov: Derzhavinsky Publ., 2021, pp. 26–31. (In Russ.)

20. Vorobyov S. M., Polishchuk N. I. Theoretical and legal analysis of the meta-legal principle of legal certainty. *Theory of State and Law*, 2019, no. 2 (14), pp. 83–89. (In Russ.)

21. Neshataeva T. N. Court and generally recognized principles and norms of international law. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2004, no. 3, pp. 124–140. (In Russ.)

22. Varlamova N. The principle of legal certainty in the practice of the European Court of Human Rights. *Constitutional Law: East European Review*, 2002, no. 4 (41), pp. 94–109. (In Russ.)

23. Rukavishnikova (Plashevskaya) A. A. Genesis of the category "legal certainty" in modern legal science. *Bulletin of the Tomsk State University. Right*, 2014, no. 3 (13), pp. 70–83. (In Russ.)

24. Chimakadze F. V. Legal certainty: principle or phenomenon? *Themis. Science*, 2016, no. 1 (2), pp. 3–7. (In Russ.)

25. Ershov V. V. Certainty of Law. *Russian Justice*, 2017, no. 1, pp. 5–25. (In Russ.)

26. Anishina V. I., Nazarenko T. N. Implementation of the principle of legal certainty in the Russian judicial system. *Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management*, 2013, no. 2 (33), pp. 40–47. (In Russ.)

27. Sidorenko A. I. The principle of legal certainty in judicial practice (implementation of decisions of the European Court of Human Rights). Dissertation... candidate of legal sciences. Perm, 2016. 22 p. (In Russ.)

28. Derbysheva E. A. Correlation of the principle of legal certainty with the principle of equality of all before the law and the court. *Bulletin of the Humanitarian University*, 2021, no. 4 (35), pp. 32–35. (In Russ.)

29. On the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 and 389 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation in connection with the request of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, complaints from open joint-stock companies Nizhnekamskneftekhim and Khakasenergo, as well as complaints from a number of citizens: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 2-P of February 5, 2007. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 12.06.2023). (In Russ.)

30. The Constitution of the Republic of Armenia of July 5, 1995 (as amended by the Laws of the Republic of Armenia of November 27, 2005, December 6, 2015; Amendments to the Constitution of the Republic of Armenia of June 22, 2020). URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015> (accessed 12.06.2023). (In Russ.)

31. On the case of determining the issue of compliance of part 1 of Article 343 of the RA Criminal Code with the Constitution of the Republic of Armenia based on the application of the Human Rights Defender: decision of the Constitutional Court of the Republic of Armenia of January 14, 2010. URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/851.pdf (accessed 12.06.2023). (In Russ.)

32. On the case of determining the issue of compliance of subparagraph "a" of paragraph 11 of part 4 of Article 109 and subparagraph "b" of paragraph 2 of part 1 of Article 123 of the Tax Code of the Republic of Armenia, subparagraph 2 of paragraph 3 and subparagraph 2 of paragraph 15 of the procedure established by Annex n 1, approved by the Decree of the Government of the Republic of Armenia of October 5, 2017 n 1373-n, of the Constitution on the basis of the appeal of the Human Rights Defender: resolution of the Constitutional

Court of the Republic of Armenia of November 27, 2018. URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-en-sdv-1436.pdf (accessed 12.06.2023). (In Russ.)

33. On the case of determining the issue of compliance of paragraph 2 of part 6 of Article 142 and part 7 of Article 155 of the constitutional law "Judicial Code of the Republic of Armenia" with the Constitution on the basis of the appeal of Arayik Melkumyan: decision of the Constitutional Court of the Republic of Armenia no. 1488 of November 15, 2019. URL: <https://www.concourt.am/>

decision/full_text/2019-en-sdv-1488.pdf (accessed 12.06.2023). (In Russ.)

34. Selection of decisions of the RA Court of Cassation on civil and administrative cases (January–December 2013). S.: Printinfo Publ., 2014. Vol. VII. 712 p. (In Armenian)

35. Selection of decisions on civil and administrative cases of the Arbitration Court of the Republic of Armenia. January–December 2018, Vol. XII. Yerevan: TASK LLC Publ., 2020. 768 p. (In Armenian)

Информация об авторе

В. А. Илюхина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. A. Ilyukhina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.06.2023; одобрена после рецензирования 05.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 13.06.2023; approved after reviewing 05.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-39-43>

Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы

Хужина Оксана Николаевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, oksana_17.92@mail.ru

Аннотация. В настоящее время Российская Федерация определила сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей в качестве одной из базовых идей, на основе которых должна формироваться регулятивная система российского общества, в том числе правовая. Автор доказывает необходимость теоретико-правового исследования традиционных российских духовно-нравственных ценностей, являющихся исторически обусловленной матричной основой российской правовой системы.

Ключевые слова: традиционные ценности, российское право, правовая система, мораль, право

Для цитирования: Хужина О. Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 39–43. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-39-43>.

Original article

Traditional spiritual and moral values in Russian Law: formulation of a scientific problem

Oksana N. Khuzhina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, oksana_17.92@mail.ru

Abstract. At present, the Russian Federation has identified the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values as one of the basic ideas on the basis of which the regulatory system of Russian society, including the legal one, should be formed. The author proves the need for a theoretical and legal study of traditional Russian spiritual and moral values, which are the historically conditioned matrix basis of the Russian legal system.

Keywords: traditional values, Russian law, legal system, morality, law

For citation: Khuzhina O. N. Traditional spiritual and moral values in Russian Law: formulation of a scientific problem. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 39–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-39-43>.

Право динамично и циклично, как и развитие общества. Современная социальная реальность требует нового витка в правовом регулировании, основой которого имеют потенциал стать традиционные российские духовно-нравственные ценности. Стержень российской правовой системы должен формироваться под эгидой сохранения и укрепления последних.

К настоящему моменту времени в Российской Федерации уже приняты некоторые общегосударственные правовые акты концептуального и стратегического характера, закрепляющие

курс государства на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Изучение содержания ряда официальных документов (о некоторых из них пойдет речь далее) позволяет сделать вывод о формировании в России в данной сфере «комплексного видения публичной политики» [1, с. 11]. Наибольшую значимость данное направление приобретает в связи с тем, что имеет место «навязывание деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным

© Хужина О. Н., 2023

ценностям» [2], которое справедливо рассматривать в качестве формы вмешательства во внутренние дела государств, обладающих суверенитетом, одним из составляющих которого является независимость государственной власти в решении внутренних вопросов.

Перспективным планированием как внутренней, так и внешней деятельности российского государства охватывается широкий круг вопросов, содержание которых образует сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе в правовой сфере. Так, в числе стратегических национальных приоритетов обозначена «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [3]. В числе национальных интересов Российской Федерации во внешнеполитической сфере определено «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2].

На наш взгляд, стержнеобразующим элементом системы директивно-установочных правовых актов следует признать Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4].

Видится возможным положительно оценить как с позиции правовой доктрины, так и практики, а также регулирования общественных отношений в целом, факт того, что в названном акте нашло отражение определения понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности», перечисление таковых. Легальная дефиниция звучит следующим образом: «Традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [4]. Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в тексте анализируемого Указа такие словосочетания, как «традиционные российские духовно-нравственные ценности» и «традиционные ценности», используются в качестве равнозначных. Полагаем, что таковыми они не являются. Понятие «традиционные ценности» шире, выступает родовым по отношению к понятию

«традиционные российские духовно-нравственные ценности». Хочется верить, что такая замена сделана законодателем сознательно с оговоркой в начале документа с целью оптимизации текстового выражения воли нормотворца.

Перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей представлен закрытый, его содержание повторяет положения пункта 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где в качестве таковых в настоящее время в России провозглашены: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [3; 4].

Фиксация в современных нормативных правовых актах словосочетаний «традиционные ценности», «традиционные российские духовно-нравственные ценности» не свидетельствует о появлении «нового объекта правовой охраны — традиционная ценность» [5, с. 55], как утверждают, например, А. А. Иванова и С. С. Малахова. На наш взгляд, традиционные духовно-нравственные ценности являются исторически обусловленной матричной основой российской правовой системы, присуще ей на каждом из этапов исторического развития.

Безусловно, политическая воля на открытое провозглашение курса на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей знаменует новый этап в развитии российского права. Сохранение и укрепление названных ценностей должно определять направленность всех правовых процессов, от правового образования до право-реализации.

Перед отечественной юридической наукой встает задача создать мощную теоретическую базу, на основе которой будет формироваться новая правовая реальность. Парадигма российского права должна модифицироваться вслед за происходящими в современном обществе изменениями социально-экономического, политического характера, вызванными обострившимся ценностным и культурно-цивилизационным противостоянием России и Запада. Сложно поспорить с тем утверждением, что за Российской Федерацией в мировом сообществе уже закрепился и упрочивается статус «хранителя

и защитника традиционных духовно-нравственных ценностей, духовного наследия мировой цивилизации» [6]. Данные постулаты незыблемы на протяжении всего исторического развития нашего государства. Но в современной российской действительности наблюдается активное заимствование ценностей западного общества, «теневое» включение их в правовую систему, многие из которых являются полной противоположностью традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества.

В рамках происходящих глобализационных процессов среди ученых уже замечено и доказано положительное влияние на развитие народа использования в качестве основы регулирования общественных отношений «исторически свойственной ему системе социального регулирования» [7, с. 4], о чем справедливо утверждает, например, А. И. Гусейнов. Современная действительность обуславливает возможность стратегического политического, экономического, культурного прорыва российского общества, обеспечить который способно обновленное право, стержнем которого должны стать традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Так, В. Б. Рожковский подмечает прямую связь между ценностями общества и правом, регламентирующим отношения внутри него. Данный автор приходит к выводу, что «следствием искажения ценностей выступает искажение нравственного содержания права, которое приводит к тому, что правовая система начинает оправдывать, легитимировать сложившиеся искаженные ценности и антиценности...» [8, с. 45]. Современное общество является свидетелем таких процессов. Подмеченное В. Б. Рожковской уже наблюдается в отдельных государствах западного мира, где уже легализованы однополые браки, смена пола, применение легких наркотических средств и т. д. Долгое время российское общество намеренно направлялось на этот же путь под влиянием названной тенденции.

Позволим себе согласиться с некоторыми суждениями О. И. Цыбулевской относительно роли традиционных духовно-нравственных ценностей в российской правовой системе: во-первых, справедливо умозаключение данного автора о том, что в истории современной России уже имело место игнорирование духовно-нравственных и исторических традиций в ходе реформ, ставшее толчком к негативным явлениям; во-вторых, заслуживает поддержки мнение ее о том, что «наука о праве, которая

бы исходила в своем развитии из духовных национальных традиций, у нас почти отсутствует... В этом отношении отечественное правоведение еще должно проявить себя» [9, с. 11–12]. Добавим от себя: «...и обязательно проявит в обозримом будущем!». В сфере отраслевой юридической науки уже имеются отдельные современные разработки [10].

Как видим, предпосылки и практического, и теоретического плана к утрате положительного влияния традиционных ценностей в российской правовой системе имеются. Допустить же этого нельзя. Ведь как справедливо замечено на страницах научной литературы, «выхолащивание из правовой системы вечных, универсальных нравственных ценностей приводит к утрате правом своей духовной сущности, к потере человеком в праве личностного жизнеутверждающего начала» [9, с. 14]. Необходимо не просто прекратить такое «выхолащивание», но и начать действовать на опережение, активно использовать в праве регулятивные возможности традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые имеют существенный потенциал оказать влияние на правовую реальность при должном внимании к ним, причем положительное.

На пути сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей уже совершаются важные шаги на правовом поле. Однако одних нормативных правовых актов, закрепляющих стремление государства сохранить и укрепить традиционные российские духовно-нравственные ценности недостаточно для того, чтобы это воплотилось в действительность. Идеей сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей должна быть «пропитана» вся правовая система, на каждом этапе правового регулирования данный постулат должен быть приоритетным. В противном случае провозглашенный курс на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей может остаться в разряде громкого лозунга, формальности, не имеющей влияния на содержание права. Российскому обществу и государству следует принять антиценностный вызов, объединить усилия на пути сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей с тем, чтобы сохранить русскую цивилизацию. Современные мировые и внутригосударственные процессы можно рассматривать в качестве «окна возможностей» к построению общественных, в том числе правовых, отношений, стержневую основу

которых составят традиционные российские духовно-нравственные ценности. Важная роль в подготовке методологического базиса должна быть отведена российским ученым, в числе которых юристы-теоретики.

Задача современных правоведов дать ответы на вопросы, возникающие перед юридической практикой в связи с заявленным государством курсом на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Каким образом право должно отреагировать на новый курс? Какие правовые инструменты и механизмы необходимо задействовать? Что должно «отмереть», а что «родиться» либо «возродиться» в российской правовой системе? На эти и другие вопросы должны появиться ответы в обозримом будущем.

Важно определить место и роль традиционных российских духовно-нравственных ценностей в отечественной правовой системе в рамках единой теоретико-правовой концепции, которая по своему характеру должна претендовать на роль новой правовой парадигмы, которая будет иметь потенциал стать основой формирования дальнейших доктринальных разработок, имеющих практическую пользу для российского общества в виде систематизированного и унифицированного обновления отечественной системы правового регулирования.

На сегодняшний день, безусловно, юридическая наука и практика нуждаются в единой теоретико-правовой концепции традиционных духовно-нравственных ценностей в российском праве. Видится, что она, как минимум, должна отражать такие аспекты, как генезис и исторический путь традиционных духовно-нравственных ценностей в российском праве; подходы к пониманию традиционных духовно-нравственных ценностей, их видового многообразия и содержательного наполнения; место, роль и значение таковых в регулировании правовых отношений; концепция взаимодействия традиционных духовно-нравственных ценностей с нормами права и иными элементами механизма социального регулирования; способы, формы и пределы интеграции традиционных духовно-нравственных ценностей в механизм правового регулирования; средства юридической техники посредством которых закрепляются традиционные духовно-нравственные ценности в нормах права. Данный перечень вопросов, конечно, открытый, он призван лишь очертить контуры возможного исследования, перспективу проведения которого автор настоящей публикации видит актуальной и реальной.

Список источников

1. Говорухина Ю. В. Стратегия как правовой документ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 29 с.
2. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 23.05.2023).
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400. URL: <http://pravo.gov.ru>. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 23.05.2023).
4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.05.2023).
5. Иванов А. А., Малахова С. С. Традиционные духовно-нравственные ценности и правовые принципы: сравнительный анализ юридических категорий // Теология. Философия. Право. 2022. № 2 (18). С. 49–56.
6. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: указ Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 года № 611. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 23.05.2023).
7. Гусейнов А. И. Право как феномен культуры: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 47 с.
8. Рожковский В. Б. Кризис западных политических элит в контексте современного ценностного и культурно-цивилизационного противостояния России и Запада // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 42–47.
9. Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 60 с.
10. Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. 527 с.

References

1. Govorukhina Yu. V. Strategy as a legal document. Author's abstract... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2021. 29 p. (In Russ.)
2. On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 229 of March 31, 2023. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 23.05.2023). (In Russ.)
3. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 23.05.2023). (In Russ.)

4. On approval of the fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. URL: <http://pravo.gov.ru>. (accessed 23.05.2023). (In Russ.)

5. Ivanov A. A., Malakhova S. S. Traditional spiritual and moral values and legal principles: a comparative analysis of legal categories. *Theology. Philosophy. Right*, 2022, no. 2 (18), pp. 49–56. (In Russ.)

6. On Approval of the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad: decree of the President of the Russian Federation no. 611 of September 5, 2022. URL: <http://pravo.gov.ru>. (accessed 23.05.2023). (In Russ.)

7. Huseynov A. I. Law as a phenomenon of culture. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2007. 47 p. (In Russ.)

8. Rozhkovsky V. B. The crisis of Western political elites in the context of the modern value and cultural-civilizational confrontation between Russia and the West. *Philosophy of Law*, 2022, no. 4 (103), pp. 42–47. (In Russ.)

9. Tsybulevskaya O. I. Moral foundations of modern Russian law. Author's abstract... doctor of legal sciences. Saratov, 2004. 60 p. (In Russ.)

10. Yakushev P. A. Traditional values in the mechanism of legal regulation of family relations in Russia and European countries. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2021. 527 p. (In Russ.)

Информация об авторе

О. Н. Хужина — кандидат юридических наук.

Information about the author

O. N. Khuzhina — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 03.06.2023; одобрена после рецензирования 05.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 03.06.2023; approved after reviewing 05.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья
УДК 343.81
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-44-49>

Исправительная колония для малолетних преступников в Нижегородской губернии (1878–1917): неизвестные страницы истории

Варенцова Лариса Юрьевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, I_varentsova.65@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена неизвестным страницам истории колонии для малолетних преступников в Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX столетий. Хронологические рамки исследования определяются 26 ноября 1878 года — датой основания колонии — 2 марта 1917 года — временем крушения пенитенциарной системы Российской империи в дни Февральской буржуазной революции. Использовались неопубликованные делопроизводственные документы из фонда 394 «Комитета общества Нижегородской земледельческой исправительной колонии для малолетних преступников, г. Нижний Новгород» Центрального архива Нижегородской области. Важнейшим нормативным правовым актом является «Устав общества Нижегородской земледельческой колонии для малолетних преступников», принятый в 1878 году и определивший цели создания колонии. Среди опубликованных делопроизводственных документов следует особо выделить Отчет по Главному тюремному управлению за 1882 год, дающий представление о месте Нижегородской земледельческой исправительной колонии среди пенитенциарных учреждений для малолетних преступников России конца XIX века. Из дореволюционной периодической печати нами анализировался журнал «Тюремный вестник» — издание Главного тюремного управления. В «Тюремном вестнике» ставились вопросы устройства русских исправительных заведений для малолетних заключенных. К проблеме изучения функционирования Нижегородской исправительной земледельческой колонии обращались отечественные исследователи Ю. Г. Галай [1], С. Ю. Варенцов [2], Л. Ю. Варенцова [3]. Новизна данной статьи определяется введением новых исторических источников в научный оборот. Автор пришел к выводу, что методами перевоспитания несовершеннолетних преступников и бесприютных детей были обучение наукам, ремеслам, обработке земли, приобщение к труду, формирование религиозно-нравственных ценностей. Вводилось семейное воспитание. Опыт земледельческой исправительной колонии в Нижегородской губернии широко пропагандировался не только в Российской империи, но и на международном уровне.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, исправительная колония для малолетних преступников, воспитанники колонии, Комитет колонии, жертвователи

Для цитирования: Варенцова Л. Ю. Исправительная колония для малолетних преступников в Нижегородской губернии (1878–1917): неизвестные страницы истории // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (36). С. 44–49. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-44-49>.

Original article

Correctional colony for juvenile delinquents in Nizhny Novgorod province (1878–1917): unknown pages of history

Larisa Yu. Varentsova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, I_varentsova.65@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the unknown pages of the history of the correctional colony for juvenile delinquents in the Nizhny Novgorod province in the late XIX — early XX centuries. The chronological framework of the study is determined by November 26, 1878 — the date of the colony's foundation — March 2, 1917 — the time of the collapse of the penitentiary system of the Russian Empire during the February bourgeois Revolution. Unpublished office documents from the fund 394 "Committee of the Society of the Nizhny Novgorod Agricultural Correctional Colony for Juvenile Delinquents, Nizhny Novgorod" of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region were used. The most important normative legal act is the "Charter of the Society of the Nizhny Novgorod Agricultural Colony for juvenile delinquents", adopted in 1878 and defined the goals of the colony. Among the published clerical documents, we should highlight the Report on the Main Prison Administration for 1882, which gives an idea of the place of the Nizhny

© Варенцова Л. Ю., 2023

Novgorod agricultural correctional colony among penitentiary institutions for juvenile delinquents in Russia at the end of the XIX century. From the pre-revolutionary periodical press, we analyzed the journal "Prison Bulletin" — the publication of the Main Prison Administration. The "Prison Bulletin" raised questions about the organization of Russian correctional institutions for juvenile prisoners. The problem of studying the functioning of the Nizhny Novgorod correctional agricultural colony was addressed by domestic researchers Yu. G. Galai [1], S. Yu. Varentsov [2], L. Yu. Varentsova [3]. The novelty of this article is determined by the introduction of new historical sources into scientific circulation. The author came to the conclusion that the methods of re-education of juvenile delinquents and homeless children were teaching sciences, crafts, cultivation of the land, introduction to work, the formation of religious and moral values. Family education was introduced. The experience of the agricultural penal colony in the Nizhny Novgorod province was widely promoted not only in the Russian Empire, but also at the international level.

Keywords: Nizhny Novgorod province, correctional colony for juvenile delinquents, inmates of the colony, Colony Committee, donors

For citation: Varentsova L. Yu. Correctional colony for juvenile delinquents in Nizhny Novgorod province (1878–1917): unknown pages of history. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (36), pp. 44–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-44-49>.

В конце XIX — начале XX века, во время проведения тюремной реформы в России ощущалась нехватка пенитенциарных учреждений для малолетних преступников. В Российской империи функционировало 32 исправительных заведения для несовершеннолетних преступников [4, с. 57]. По сведениям Главного тюремного управления за 1882 год существовали два основных вида подобных учреждений: земледельческие колонии и приюты для детей [5, с. 168]. В России действовали Нижегородская, Варшавская, Санкт-Петербургская, Симбирская земледельческие колонии. Число воспитанников в них варьировалось от 25 (в Симбирске) до 118 человек (в Варшаве) [5, с. 168]. Нижегородская земледельческая колония содержала 31 воспитанника, уступая по численности аналогичным учреждениям в Киеве (51 человек), Санкт-Петербурге (97 человек) [5, с. 168]. В конце XIX — начале XX веков нередко число воспитанников исправительной колонии в Нижегородской губернии доходило до 40 человек [6, с. 93]. Были известны детские приюты: Московский (Рукавишниковский), Болшевский (для девочек), Казанский, Ярославский, Харьковский. Детские приюты имели численность: от 5 (г. Харьков) до 63 человек (г. Москва) [5, с. 168]. После принятия «Уголовного уложения 1903 г.» пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних преступников стали называться воспитательно-исправительными [7, с. 28].

Разрешение на открытие колонии было дано Указом Правительствующего Сената от 21 декабря 1866 г. [8, с. 3]. «Устав общества Нижегородской земледельческой колонии для малолетних преступников» утвердил 24 ноября 1877 года министр внутренних дел, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, бывший начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского

Величества канцелярии Александр Егорович Тимашов [9, л. 19]. В 1878 году устав колонии был опубликован. В нем говорилось, что общество будет способствовать улучшению участи юных преступников, сирот, нищих, лишенных возможности вести трудовую жизнь, получить образование или навыки ремесла [8, с. 3]. Основная цель лиц, трудившихся в колонии, заключалась в том, чтобы воспитать «честных, знающих, трудолюбивых работников» [8, с. 13]. В уставе также определялся внутренний порядок, устройство колонии, оговаривались сроки воспитания, способы обучения.

Исправительная колония для малолетних преступников располагалась в Балахнинском уезде Нижегородской губернии, в семи верстах от станции «Орловка» Нижегородско-Московской железной дороги, поблизости от села Гнилицы [2, с. 70]. Статус «земледельческая исправительная колония» напрямую был связан с родом деятельности ее воспитанников. Балахнинской уездной земской управой из Чернорецкой казенной дачи были выделены земли под усадьбу колонии, пахотные угодья, покосы, выгоны для скота, лес первого разряда [10, л. 10].

Согласно «Плану лесного участка и усадебной земли из Чернорецкой казенной дачи Балахнинского лесничества во временное владение колонии до 1917 г.», воспитательно-исправительному заведению было передано близ села Гнилицы, деревень Гавриловка, Петряевка усадебной земли 6 десятин 380 квадратных сажен. В пределах усадебной земли располагались многочисленные жилые и специальные постройки колонии, а также различные хозяйственные объекты. Среди строений особо выделялись: церковь, помещение для воспитанников, училище, квартиры директора, учителей, священника, столовая и сапожная мастерские,

столовая и кухня, баня, карцер, каменный подвал, колодцы, свинарник, птичник, молотильный сарай, овин, керосиновый подвал. По соседству с ними находились пчельник, огород и искусственный пруд [11, л. 1]. К колонии также был отведен участок леса площадью 228 десятин 1 910 квадратных сажен [11, л. 1].

Учредителем выступило «Общество Нижегородской земледельческой колонии для малолетних преступников» [12, л. 16]. Создавалась колония на добровольные пожертвования, членские взносы. Министерство государственных имуществ с высочайшего соизволения императора Александра II в 1876 году передало колонии лесные массивы [12, л. 16].

По уставу колонии определялись почетные и действительные члены общества. Почетные члены вносили значительные пожертвования колонии, не менее 100 рублей [8, с. 4]. Действительные члены обязывались платить ежегодные или единовременные денежные взносы [8, с. 4]. Комитет общества состоял из шести членов [8, с. 7]. Члены комитета ежегодно избирали председателя, его товарища, казначея, секретаря [8, с. 8]. Ежегодно комитет колонии проводил по 16 заседаний [13, с. 540].

Особое внимание комитет колонии уделял состоянию построек колонии, выделял обветшавшие от времени, поврежденные или уничтоженные пожарами, нуждавшиеся в ремонте, ставил вопрос о необходимых денежных средствах на строительство или реконструкцию. Например, комитет колонии в 1897 году обратился в Министерство финансов Российской империи по поводу уступки в пользу колонии здания международной гостиницы на территории XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. Министерство финансов дало согласие на уступку двух корпусов гостиницы «Африка» и «Европа», которые были проданы комитетом колонии за 1 250 рублей [13, с. 540]. Другим вопросом было изыскание средств на содержание воспитанников колонии. 26 декабря 1897 года в Нижнем Новгороде комитет колонии организовал танцевальный вечер с лотерей, средства от которого в размере 2 000 рублей были переданы исправительному заведению [13, с. 540].

В состав персонала колонии входили два учителя-воспитателя, директор, два «дядьки» — надзирателя. В среднем, на каждого работавшего человека в колонии приходилось по девять воспитанников [6, с. 93]. Известны имена представителей администрации исправительной колонии для несовершеннолетних преступников в

1911 году Василий Иванович Виноградов — выпускник духовной семинарии, бывший народный учитель в селе Дуденево Горбатовского уезда Нижегородской губернии, автор восьми научных трудов — стал директором колонии. Он имел годовое жалование в 900 рублей, готовую квартиру, отопление, освещение, право пользоваться всеми продуктами, изготовлявшимися в колонии [12, л. 16 об.]. Учителем в колонии трудился Семен Иванович Апенченко — бывший выпускник Полоцкой учительской семинарии, ранее преподававший в Витебской губернии. В колонии он получал годовой оклад в 300 рублей, служебную квартиру, бесплатное освещение и отопление, мог пользоваться продуктами, вырабатывавшимися в колонии [12, л. 16 об.]. Священником церкви в колонии для малолетних преступников был Константин Евграфович Цветков, имевший за плечами 45-летний стаж пастырского служения в различных приходах, награжденный орденом святой Анны третьей степени, бриллиантовым наперсным крестом (подарок прихожан). Ему выделялся денежный оклад в 180 рублей в год, предоставлялись готовая квартира на территории колонии, бесплатное отопление и освещение, давалось право питаться в столовой учреждения [12, л. 16 об.]. Доктор Христофор Александрович Рюриков был пожалован окладом в 100 рублей в год за еженедельные визиты в колонию [12, л. 17]. Судя по этим кратким характеристикам, для работы с трудными подростками были подобраны профессионалы, опытные специалисты.

В колонии трудились два мастера: мастер столярного дела — бывший воспитанник колонии Александр Федорович Балашиткин, а также сапожный мастер Давид Захаров. Оба получали годовое жалование по 300 рублей, право пользоваться готовыми квартирами, бесплатным освещением и отоплением [12, л. 17]. В сапожной мастерской изготавливались сапоги, полусапоги, калоши, подметки [12, л. 20 об.], в столярной мастерской вырабатывались фанерованные шкатулки, кровати, дубовые табуретки, рамки для чертежей и фотографий, конторские счеты, двухместные парты, чайные столы [12, л. 20 об. — 21]. Заметим, что перечисленные виды продукции мастерских Нижегородской земледельческой исправительной колонии демонстрировалась на выставке, организованной на Международном тюремном конгрессе в Санкт-Петербурге в 1890 году [12, л. 20 об.].

В колонии трудились два «дядьки» — смотрителя. Первый из них — Диомид Максимов — бывший военный ветеринарный фельдшер,

получал годовое жалование 162 рубля, пользовался продовольствием из столовой. Параллельно с функциями «дядьки» он совмещал работу ключника [12, л. 17]. Второй из них — Иван Дмитриев — до поступления в колонию был старшим военным телеграфистом унтер-офицерского звания. За свое служение в учреждении И. Дмитриев получал годовой оклад 120 рублей, а также довольствовался готовыми продуктами из столовой [12, л. 17].

Воспитанники в зависимости от возраста делились на две «семьи», возглавлявшиеся «дядьками» — ближайшими воспитателями ребят, руководителями всех работ в колонии. Первая «семья» включала лиц до 14 лет, вторая — более старших воспитанников, относившихся к возрастной категории от 16 до 18 лет. Вместе с «дядькой» воспитанники отправлялись по субботам в баню. «Дядьки» следили за гигиеной воспитанников, за ежедневными умываниями. В «семье» всегда имелись мыло, зеркальце, гребешок [12, л. 17]. «Дядьки» обеспечивали соблюдение чистоты в общежитии, организовывали уборки помещений, мытье полов, дежурство по кухне. Дежурный воспитанник, как правило, носил пояс с медной бляхой, имевшей надпись: «Послан по делу колонии» [12, л. 20].

Воспитанники были одеты в особую форму. В комплект их одежды входили: рубаша, порты, ремень, парусиновый фартук, суконная куртка, сапоги или валенки. Каждому воспитаннику выдавались постельные принадлежности: матрас, подушка, две наволочки, простынь, одеяло, изготовленное из армейского сукна [12, л. 19].

Ежедневный рацион питания воспитанников предполагал наличие следующих продуктов: свежей или соленой говядины, масла, пшена или других круп, картофеля, молока, сахара, капусты, лука, чая. В постные дни полагалось кормить юных заключенных горохом, пшеном, картофелем, постным маслом, сахаром, икрой леща. В двенадцатые праздники за утренним и вечерним чаем, воспитанники колонии получали белый хлеб. В скоромные дни белого хлеба выдавали воспитаннику по 1 фунту (0,4 кг — Л. В.), а в постные — по 0,5 фунта (0,2 кг) [12, л. 19].

Школа в колонии работала по программе народных училищ, находилась в ведении училищной инспекции. В дни православных праздников воспитанники посещали богослужения в церкви колонии, многие из них пели в церковном хоре. В обычные дни совершались ежедневные утренние и вечерние молитвы в присутствии священника.

Путем пожертвований была сформирована библиотека колонии, которая состояла из лучших

детских книг и журналов. В ней насчитывалось 185 книг религиозного содержания, 756 — научно-популярного, 70 — исторического [12, л. 18]. Силами преподавателей, благотворителей и воспитанников колонии был создан небольшой школьный музей. В целях организации воспитательных мероприятий проводились лекции и беседы, при этом использовались световые картинки, так называвшийся «волшебный фонарь» [13, с. 541].

Образовательный процесс в Нижегородской земледельческой исправительной колонии чередовался с сельскохозяйственными работами [9, л. 20]. Воспитанники под руководством опытных специалистов возделывали огород, сажали фруктовые деревья, занимались посадкой вяза и липы в древесном питомнике, пчеловодством, разбивали цветники, заготавливали сено, трудились на скотном дворе. Воспитаннику колонии разрешалось иметь в собственности книги, игры, письменные принадлежности, одежду, инструменты. Ему позволяли иметь «свой» небольшой участок земли, сажать на нем овощи, цветы, деревья, ухаживать за «своим» животным [13, с. 541]. В зимнее время воспитанники параллельно с учебой осваивали столярное и сапожное ремесло.

Праздником для воспитанников колонии были поездки в губернский центр — в город Нижний Новгород, чтобы посетить Всероссийскую ярмарку или театр. Каждый воспитанник знал, что при наличии хорошего поведения он имеет право получить отпуск, поехать из колонии к родным. Если воспитанник колонии еще имел успехи в овладении ремеслом, то он получал условное досрочное освобождение [13, с. 541].

Приведем пример конкретной судьбы воспитанника Нижегородской земледельческой исправительной колонии. В 1912 году к председателю комитета Нижегородской земледельческой исправительной колонии — прокурору Нижегородского окружного суда обратилась крестьянка М. И. Смирнова, проживавшая в Нижнем Новгороде, по набережной р. Оки, в доме Андреева. М. И. Смирнова не только положила в своем прошении о том, каким образом ее сын оказался в колонии, но и дала оценку четырехлетнего пребывания ее ребенка в Нижегородской земледельческой исправительной колонии [10, л. 1]. «4 апреля сего года [1912 г. — Л. В.] четыре года с того дня, как по приговору нижегородского мирового судьи, сын мой Николай Смирнов приговорен был 4 апреля 1908 года к помещению в земледельческую колонию — впредь до его исправления. Тогда моему сыну было неполных 13 лет.

Приговор этот состоялся по моей просьбе. Незадолго до того времени, когда это случилось, у меня был убит муж мой. Я осталась с пятью малолетними детьми, и мне трудно было справиться с мальчиком. И вот, чтобы дать ему приют и воспитание, я вынуждена была тогда пойти на то, на что в другое время ни одна мать не решится: я сама просила о помещении в колонию за проданные им мои платки на лакомства.

Но в течение всех этих четырех лет пребывания моего сына в колонии, я постоянно наблюдала за ним, да и он часто навещал меня. И вот этот длинный опыт убедил меня, что сын мой, во-первых, совсем изменился, в нравственном отношении сделался безупречным и ко мне, матери, почтительным; во-вторых, в течение этих долгих лет он получил в колонии достаточное образование и сверх сего изучил некоторые ремесла. А потому я ныне решила взять его обратно из колонии в свое семейство...» [10, л. 1].

На основании этого письма можно сделать вывод, что колонию пополняли выходцы из неблагополучных многодетных семей, рано вставшие на путь порока и преступления. Они провели детство в самых неблагоприятных условиях, имели порочные наклонности, многие из них были недоразвиты умственно и физически.

По социальному происхождению воспитанники колонии в большей степени были выходцами из крестьян. Лица крестьянского происхождения в колонии преобладали над мещанами, цеховыми. Рецидив в колонии достигал 40 %, если считать лиц, которые после освобождения совершали не менее трех преступлений [14, с. 51]. Из каждых десяти воспитанников колонии шесть были осуждены впервые, три — во второй раз, один — более двух раз [14, с. 53]. Средняя статистическая продолжительность пребывания воспитанника в стенах колонии не превышала трех лет.

Воспитатели обращали внимание на искоренение у подопечных «наследия» прошлого — влечения к спиртным напиткам, курению, картежным играм [15, с. 174]. В колонии исключались телесные наказания. Карцерное сидение заменялось личным надзором, с большим или меньшим ограничением свободы, без лишения пищи [15, с. 175].

Известно, бороться с пороками и преступностью среди детей и подростков помогали передовые представители общественности Нижнего Новгорода, некоторые из них стали благотворителями Нижегородской земледельческой исправительной колонии. Известный нижегородский купец и промышленник, Почетный член Совета Нижегородской земледельческой колонии

И. М. Рукавишников (1848–1906) был одним из известных жертвователей учреждения. Особую заботу он проявлял о церкви колонии. Только в 1899 году он пожертвовал на благолепие церкви 1 300 рублей [14, с. 53].

В 1898 году на возведение каменного двухэтажного здания общежития для воспитанников колонии 2 000 рублей выделил «почетный попечитель колонии» И. М. Рукавишников [15, с. 176]. Супруга нижегородского купца А. И. Стрепетова и ее сестра В. И. Топоркова передали колонии более 7 000 рублей. Нижегородский купец М. Ф. Сухарев завещал колонии передать после своей смерти 3 000 рублей [15, с. 176].

Сбор пожертвований для воспитанников колонии традиционно проводился в канун двенадцатых праздников. Средства могли собираться для улучшения пасхального стола [12, л. 3], на устройство елки и покупку подарков к Рождеству Христову [12, л. 7]. В благотворительных акциях в пользу колонии принимали участие промышленники и финансисты Нижнего Новгорода: управляющие нижегородских отделений «Государственного банка» [12, л. 1], «Волжско-Камского коммерческого банка» [12, л. 17], «Русского торгово-промышленного банка» [12, л. 12], директор «Сормовских заводов» [12, л. 8].

Таким образом, исправительная колония для малолетних преступников в Нижегородской губернии считалась одной из лучших в России в конце XIX — начале XX столетий. Она состояла под высочайшим покровительством императора, поддерживалась представителями общественности, равнодушными к судьбам несчастных детей и подростков. Исправительная колония спонсировалась многими именитыми благотворителями — известными нижегородскими купцами, руководителями банков, директорами предприятий. Ее опыт пропагандировался на Международном тюремном конгрессе в Санкт-Петербурге в 1890 году. Приобщение воспитанников колонии к сельскохозяйственному труду, ремеслам, семейным ценностям, православной религии, истории и культуре давало свои великолепные результаты.

Список источников

1. Галай Ю. Г. Нижегородская земледельческая исправительная колония малолетних // Записки краеведов. Вып. 14. (сост. О. А. Рябов). Нижний Новгород, 2013. С. 3–15.
2. Варенцов С. Ю. Тюремные учреждения Нижегородской губернии в составе пенитенциарной системы России в 1879–1917 гг.: монография. Нижний Новгород, 2019. 216 с.
3. Варенцова Л. Ю., Варенцов С. Ю. Нижегородская земледельческая исправительная колония в со-

ставе пенитенциарных учреждений Российской империи последней четверти XIX — начала XX века // Вопросы исторического и экологического регионоведения: сборник статей участников I Региональной научно-практической конференции (11 февраля 2021 г.) / отв. ред. В. И. Грубов; научн. ред. А. А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ; ГАНО, г. Арзамас; ИХМ г. Арзамаса; ЦБС г. Арзамаса. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. С. 61–70.

4. Красовский М. Основные вопросы устройства русских исправительных заведений для малолетних // Тюремный вестник (далее — ТВ). 1899. № 2. С. 55–87.

5. Отчет по Главному тюремному управлению за 1882 г. Санкт-Петербург: Изд. ГТУ, 1884. 215 с.

6. Красовский М. Основные вопросы устройства русских исправительных заведений для малолетних // ТВ. 1900. № 2. С. 80–106.

7. Кашуба Ю. А. Учреждения для содержания несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4 (79). С. 25–30.

8. Устав общества Нижегородской земледельческой колонии для малолетних преступников. Нижний Новгород, 1878. 14 с.

9. Центральный архив Нижегородской области (далее — ЦАНО). Ф. 394. Оп. 1956. Д. 8-а.

10. ЦАНО. Ф. 394. Оп. 1956. Д. 19.

11. ЦАНО. Ф. 394. Оп. 1956. Д. 18-а.

12. ЦАНО. Ф. 394. Оп. 1956. Д. 17.

13. Исправительные заведения для несовершеннолетних. Отчет Нижегородской земледельческой исправительной колонии за 1897 год // ТВ. 1899. № 12. С. 539–543.

14. Малинин Ф. Отчет Нижегородской земледельческой исправительной колонии за 1899 год // Тюремный вестник. 1903. № 1. С. 50–54.

15. Дриль Д. Нижегородская исправительно-воспитательная колония в 1898 г. // Тюремный вестник. 1900. № 3. С. 172–177.

References

1. Galai Yu. G. Nizhny Novgorod agricultural correctional colony of minors // Notes of local historians. Issue 14. (Comp. O.A. Ryabov). Nizhny Novgorod, 2013. pp. 3–15. (In Russ.)

2. Varentsov S. Y. Prison institutions of the Nizhny Novgorod province as part of the penitentiary system of Russia in 1879–1917: monograph. Nizhny Novgorod, 2019. 216 p. (In Russ.)

3. Varentsova L. Yu., Varentsov S. Yu. Nizhny Novgorod agricultural correctional colony as part of penitentiary institutions of the Russian Empire of the last quarter of the XIX — early XX century. Questions of historical and ecological regional studies. Collection of articles by participants of the I Regional Scientific and Practical Conference (February 11, 2021) / ed. by V. I. Grubov; scient. ed. by A. A. Isakov; Arzamas branch of UNN; GANO, Arzamas; IHM of Arzamas; CBS of Arzamas. Arzamas: Arzamas branch of UNN Publ., 2021. Pp. 61–70. (In Russ.)

4. Krasovsky M. The main issues of the device of Russian correctional institutions for minors. *Prison Bulletin (hereinafter — TV)*, 1899, no. 2, pp. 55–87.

5. Report on the Main Prison Administration for 1882. Edition of the State Technical University. St. Petersburg, 1884. 215 p. (In Russ.)

6. Krasovsky M. The main issues of the device of Russian correctional institutions for minors. *TV*, 1900, no. 2, pp. 80–106. (In Russ.)

7. Kashuba Yu.A. Institutions for the detention of juvenile offenders in the Russian Empire. *Man: crime and punishment*, 2012, no. 4 (79), pp. 25–30. (In Russ.)

8. The Charter of the society of the Nizhny Novgorod agricultural colony for juvenile delinquents. Nizhny Novgorod, 1878. 14 p. (In Russ.)

9. Central Archive of the Nizhny Novgorod region (hereinafter — TSANO). F. 394. Op. 1956. D. 8-a. (In Russ.)

10. TSANO. F. 394. Op. 1956. D. 19. (In Russ.)

11. TSANO. F. 394. Op. 1956. D. 18-a. (In Russ.)

12. TSANO. F. 394. Op. 1956. D. 17. (In Russ.)

13. Correctional institutions for minors. Report of the Nizhny Novgorod agricultural penal colony for 1897. *TV*, 1899, no. 12, pp. 539–543. (In Russ.)

14. Malinin F. Report of the Nizhny Novgorod Agricultural Penal Colony for 1899. *Prison Bulletin*, 1903, no. 1, pp. 50–54. (In Russ.)

15. Drill D. Nizhny Novgorod correctional and educational colony in 1898. *Prison Bulletin*, 1900, no. 3, pp. 172–177. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. Ю. Варенцова — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

L. Yu. Varentsova — Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 15.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 15.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-50-55>

Некоторые проблемы применения синергетических методов в правотворчестве при использовании проектного метода управления

Корелов Олег Анатольевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, olkor2006@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена выяснению сущностных основ применения синергетических методов в правотворчестве. Рассмотрены общие условия применения синергетических методов. Выявлена особенность их применения в современную эпоху. Показано значение применения таких методов для решения актуальных социальных задач правовыми методами, указаны необходимые условия для их успешного применения. Это создает методологическую основу для дальнейшего рассмотрения проблемы, прежде всего в части рассмотрения методики создания в управляющей системе надлежащих условий для проявления синергетических эффектов и обеспечения устойчивости синергетического управления правовыми средствами.

Ключевые слова: синергетический подход, проектный метод социального управления, системы искусственного интеллекта

Для цитирования: Корелов О. А. Некоторые проблемы применения синергетических методов в правотворчестве при использовании проектного метода управления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 50–55. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-50-55>.

Original article

Some problems of application of synergetic methods in lawmaking using the project method of management

Oleg. A. Korelov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, olkor2006@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the elucidation of the essential foundations of the application of synergetic methods in lawmaking. The general conditions for the application of synergetic methods are considered. The peculiarity of their application in the modern era is revealed. The importance of the use of such methods for solving urgent social problems by legal methods is shown, the necessary conditions for their successful application are indicated. This creates a methodological basis for further consideration of the problem, primarily in terms of considering the methodology in creating appropriate conditions in the management system for the manifestation of synergistic effects and ensuring the sustainability of synergistic management of legal means.

Keywords: synergetic approach, project method of social management, artificial intell

For citation: Korelov O. A. Some problems of application of synergetic methods in lawmaking using the project method of management. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 50–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-50-55>.

© Корелов О. А., 2023

«Сегодня есть все основания полагать, что именно исследование процессов самоорганизации, осуществляемые в русле становления идей синергетики, ее концептуального аппарата, являются исходной точкой роста тех новых образов и представлений, какие в своей совокупности и будут образовывать основу понятийного каркаса, в котором и посредством которого возможно формирование эпистемологического горизонта «постнеклассической науки»

В. И. Аршинов

Во второй половине XX века в связи с общим ходом общественного развития и успехами естественных наук возник и сохраняется интерес к возможности применения синергетических методов в правовом регулировании социума [1–4].

В предлагаемой работе нас будет интересовать, прежде всего, тот аспект синергетики, который связан с «самоорганизацией», «самопроизвольным» (если параметры системы находятся в некотором нужном диапазоне значений) зарождением порядка из хаоса.

При этом, во-первых, следует иметь в виду, что указанный процесс является «зеркалом», диалектической противоположностью иного процесса, также имеющего в природе и обществе всеобъемлющий характер — детерминированная система при достаточной сложности (хватает трех взаимодействующих тел) за конечный промежуток времени при отсутствии случайных воздействий приобретает поведение, неотличимое от хаотической системы [5].

Во-вторых, прежде чем рассматривать проблемы самозарождения порядка в общественных отношениях, следует на примере гораздо более простых процессов в «естественной» природе уяснить себе необходимые предпосылки таковых процессов, ибо «само-» есть недопустимая иллюзия.

В самом деле, зарождение в системе дополнительных отношений порядка, то есть локальное понижение энтропии, не есть ли нарушение фундаментального второго начала термодинамики (которое стоит в одном ряду с законами сохранения энергии или импульса)? И если таковое возможно, то при каких условиях?

Ведь логично предположить, что эти условия могут быть обобщены на более сложные — социальные системы.

Каковы же условия проявления элементов упорядоченности в природе.

Во-первых, открытость системы, ее включение в систему более высокого ранга и

возможность взаимодействовать, обмениваться энергией, импульсом и информацией (в ее термодинамическом аспекте) с другими элементами этой общей системы. В обществе и его отдельных подсистемах, очевидно, выполняется.

Во-вторых, ярко выраженная анизотропия системы (например, наличие в ней ярко выраженного однонаправленного градиента температуры или силового потенциала). Для общества — справедливо. Есть естественная анизотропия — однонаправленный поток времени от рождения человека к смерти. Есть социальная, обусловленная, с одной стороны, желанием каждого члена общества продлить свое существование, существование общества как такового и способностью выстраивать линию поведения и следовать ей.

В-третьих, как следствие второго, приток в систему энергии. Холодильник никого не удивляет, но работать, то есть локально нарушать второе начало термодинамики, он может, только потребляя электричество. Для общества это требование выполняется. Мы прежде всего так или иначе пользуемся постоянным притоком энергии от Солнца, кроме того, источником энергии для любого общественного организма служит деятельность входящих в него людей.

Далее. В системе должны интенсивно проходить избирательные процессы диссипации. Хаос с точки зрения структурного (или хотя бы спектрального) анализа есть максимально, предельно сложное образование в котором (потенциально или актуально) равновероятно присутствуют все возможные структуры. Появление наблюдаемой упорядоченности означает, что часть этих структур была избирательно уничтожена. В обществе таковые процессы диссипации нежизнеспособных структур имеют место или в процессе взаимодействия с еще не освоенной природой, или в процессе внутренней конкурентной борьбы — войны, восстания и так далее.

Наконец, требуется наличие у системы фронта, через который можно сбросить в окружающую среду избыток высокоэнтропийной энергии. В обществе — имеет место, механизмы — смотри выше.

Таким образом, можно сделать вывод, что процессы самоорганизации в обществе имеют все предпосылки, и должны идти постоянно, в том числе, в сфере правотворчества и правоприменения. И в самом деле, именно так и было, особенно это заметно для ранних правовых систем. Солон, Ликург, Хаммурапи брали уже почти готовую, сложившуюся из отношений морали, обычаев и практики применения насилия, «самозародившуюся» совокупность норм и только (что не умаляет их заслуг!) вносили в нее последний необходимый штрих, вводили общество в диапазон упомянутых в начале допустимых для саморазвития параметров, например, определяя меру насилия за то или иное нарушение.

Можно сказать больше, вся предшествующая XX веку история, все имевшие место в ней общественные процессы, в том числе и в сфере правового регулирования и в сфере нарушения его установок, преступной деятельности, были, прежде всего, процессами самоорганизации.

Но тогда — в чем, собственно проблема? Шли процессы. И идут. И прогресс — присутствует. И человечество — существует.

Проблема в том, что эти процессы самоорганизации прогресса в обобщенном его понимании) шли как естественный, природный процесс, в форме отчужденной от отдельных людей или их коллективов, и, как всякий природный процесс, были безжалостны. На каждый удачный шаг вперед приходилось великое множество «диссипированных» людей или социальных структур.

Пока эта «диссипация» проводилась локально и средствами ограниченного поражения, с одной стороны, и у людей просто не было технических средств поставить таковые процессы под контроль, с другой, это можно было считать приемлемой платой за развитие.

Сейчас положение коренным образом изменилось [6–8]. Изменилось столь радикально, что слепое упование на действие отчужденных механизмов развития, всяких «невидимых рук рынка» грозит уже тем, что «диссипированным» окажется человечество как таковое. С другой стороны, в распоряжении управленцев появились новые ресурсы и технологии, позволяющие сделать процессы управления гораздо более эффективными.

В связи с этим с разным успехом в практике социального управления применялся и применяется (и соответственно, — стал предметом теоретического, научного исследования) проектный метод управления, предполагающий комплексное разрешение вопросов целеполагания деятельности, конструирования субъекта деятельности и обеспечения деятельности, метод, направленный, в конечном счете, на взятие под сознательный контроль общества доселе отчужденных общественных отношений.

Соответственно, нормативные правовые акты стали все чаще принимать специфическую форму — проектов, программ и планов, а процессы правоприменения стали мало отличаться от процессов *on-line* управления [9].

В этих условиях проблема синергетических процессов (в смысле «спонтанного» повышения меры упорядоченности управляемой системы) стала выглядеть качественно иначе — следует обеспечить в системе такие условия, чтобы имело место не просто появление новых структур, новых регуляторов, новых механизмов регулирования, а именно таких, какие нужны и полезны для осуществления проекта.

Это — задача принципиально иного уровня сложности. Для ее решения применяют (в разных сочетаниях) два подхода [10].

Первый основан на объектно-ориентированном подходе, на локальном уровне выбирается ключевой объект управления и разрабатывается план его преобразования. Совокупность таких планов идет на более высокий уровень управления, где они учитываются и решается задача ресурсного обеспечения. Разработка нормативной документации, соответственно, идет на основе движения «снизу-вверх». К достоинствам такого подхода следует отнести поощрение инициативы на всех уровнях управления и возможность получать информацию о положении на местах в режиме реального времени. Но недостатки очевидны и связаны с тем, что управленец на тактическом уровне просто не в состоянии даже выявить ключевые проблемы на уровне стратегическом, не говоря о выработке предложений по их решению. Такой подход работает, когда объектов управления немного, и их влияние друг на друга ограничено.

Представляется, что сути проектного управления более отвечает другой подход — структурное программирование: пошаговая детализация проблем до результатов, необходимых для их решения, результатов — до перечня

мероприятий, мероприятий — до методики их проведения (метод *Waterfall* — «водопад»).

У такого подхода, в сущности, один недостаток, но при работе «вручную» — фатальный. Объем работы растет по экспоненте, команда управленцев неконтролируемо размножается, соответственно, — сама теряет управляемость, центров управления в каждый момент времени может быть много, и команды управления дублируются и (или) вступают в противоречие с иными командами [10].

Применение такого метода по определению предполагает использование современных информационных технологий [11; 12]. Едва ли не первым из известных примером такого рода было использование человеко-компьютерных комплексов, систем автоматического проектирования нормативной документации (далее — САП НПД) при реализации проекта «Аполлон» в 60-ые годы прошлого века, когда было подготовлено и успешно использовано более 140 тыс. тонн нормативных правовых документов, согласованных друг с другом и с целью проекта [6].

Следует отметить, что, во-первых, сведения об упомянутых САП НПД в США были сразу же засекречены, и, во-вторых, по оценкам экспертов, именно их применение послужило основой для резкого роста эффективности деятельности американских транснациональных корпораций в последующем [6].

Имеющиеся сведения позволяют предполагать, что при этом САП НПД развивались следующим образом [10]. На первых этапах это были экспертные системы, которые выявляли факты рассогласования подготовленных людьми управленческих решений и указывали на необходимость их исправления, предлагая возможные варианты. Затем эти системы стали самостоятельно вносить изменения в документацию, информируя о них, как лиц, принявших решения (за последними, естественно, оставалось право «вето»), так и исполнителей.

В обоих случаях основная нагрузка — в части разработки системы управленческих решений в соответствие с целями проекта оставалась за людьми, система осуществляла лишь контроль их согласованности. В настоящее время поставлена и решается гораздо более сложная задача — поручить компьютерной компоненте комплекса конструировать «водопад» в полном объеме, а человеку оставить функции формулировки цели и, опять-таки, общего контроля принятых предложенных компьютером

решений, прежде всего, с этической точки зрения [13; 14].

Это требует разработки и применения в практике правотворчества и правоприменения систем искусственного интеллекта. Только такие системы дают техническую возможность осуществления синергетического подхода к таковой деятельности в указанном выше современном смысле — получение без специфического внешнего воздействия управленческого решения, причем именно такого, которое максимально эффективно способствует достижению поставленных целей. Между тем, как отмечалось, применение искусственного интеллекта не только порождает новые возможности, но и порождает ряд серьезнейших проблем, требующих пересмотра многих установившихся правил общежития [13–15].

В свете вышесказанного можно констатировать, что применение программного метода управления, синергетический подход к проблемам правотворчества и правоприменения и использование систем искусственного интеллекта в настоящее время по сути одно и то же, точнее — разные аспекты одного и того же процесса, снятия отчуждения с общественных процессов, взятие развитие общества под осмысленный контроль.

При этом синергетический анализ может быть актуален как инструмент рассмотрения самого процесса перехода системы в новое состояние, в том числе резких переходов, катастроф в математическом смысле и революций в социально-политическом, предсказания их хода и исхода и разработки мер влияния на этот процесс.

Следует также отметить, что ничего не может быть далее от истины, как бытующее иногда представление о синергетическом подходе как о возможности «даром» получить нужные управленческие решения. Применение такого подхода требует, как необходимое условие, не умаления, а усиления субъективного фактора в управлении, предъявляет качественно новые требования как к лицам, принимающим решения, так и исполнителям.

Высказанные выше соображения, как представляется, могут служить методологической основой для дальнейшего рассмотрения проблемы, прежде всего, в части рассмотрения методики создания в управляющей системе надлежащих условий для проявления синергетических эффектов и обеспечения устойчивости синергетического управления правовыми средствами.

Список источников

1. Аршинов В. И. Событие и смысл в синергетическом измерении // Событие и смысл (синергетический опыт языка). Москва, 1999. С. 1–19.
2. Хакен Г. Синергетика: иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. Москва: «Мир», 1985. 216 с.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Москва: «Мир», 1986. 544 с.
4. Моисеев Н. Н. Естественнонаучное знание и гуманитарное мышление. // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 99–117.
5. Неймарк Ю. И., Ланда П. С. Стохастические и хаотические колебания. Москва: Наука, 1987. 424 с.
6. Платонов С. После коммунизма. Москва: Мол. Гвардия, 1991. 555 с.
7. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Terra fantastica, 2007. 533 с.
8. Корелов О. А., Морозов О. Л. Особенности обеспечения безопасности в современном мире // На страже экономики. 2020. № 2 (13). С. 66–73.
9. Корелов О. А., Морозов О. Л. Сущность и значение правового регулирования в современную эпоху: сборник научных статей. Краснодар, 2021. С. 158–166.
10. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / пер. с англ. яз. Москва: Дело, 1992. 702 с.
11. Исаков В. Б. Современные информационные технологии в правотворчестве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под. ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород. 2001. Т. 1. С. 31–32.
12. Корелов О. А., Морозов О. Л. Перспективы развития законотворчества в современную эпоху // Научное наследие В. К. Бабаева: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. К. Бабаева. Нижний Новгород. НА МВД России, 2020. С. 158–166.
13. Девятков В. В. Системы искусственного интеллекта / гл. ред. И. Б. Федоров. Москва: Изд-во МГТУ имени Н. Э. Баумана, 2001. 352 с.
14. Мередит Бруссард. Искусственный интеллект. Пределы возможного. Москва: Альпина нон-фикшн, 2020. 174 с.
15. Корелов О. А., Использование информационных технологий и систем искусственного интеллекта в процессе законотворчества // Юридическая техника. 2021. № 15: материалы XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: «Проспект», 2021. С. 335–340.

References

1. Arshinov V. I. Event and meaning in the synergetic dimension. *Event and meaning (synergetic experience of language)*. Moscow, 1999. Pp. 1–19. (In Russ.)
2. Haken G. Synergetics: the hierarchy of instabilities in self-organizing systems and devices. Moscow: Mir Publ., 1985. 216 p. (In Russ.)
3. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos. Moscow: Mir Publ., 1986. 544 p. (In Russ.)
4. Moiseev N. N. Natural science knowledge and humanitarian thinking. *Social sciences and modernity*, 1993, no. 2, pp. 99–117. (In Russ.)
5. Neimark Yu. I., Landa P. S. Stochastic and chaotic oscillations. Moscow: Nauka Publ., 1987. 424 p. (In Russ.)
6. Platonov S. After communism. Moscow: Mol. Guard Publ., 1991. 555 p.
7. Pereslegin S. B. Self-instruction manual for playing on the world chessboard. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra fantastica Publ., 2007. 533 p. (In Russ.)
8. Korelov O. A., Morozov O. L. Features of security in the modern world. *The Economy under Guard*, 2020, no. 2 (13), pp. 66–73. (In Russ.)
9. Korelov O. A., Morozov O. L. The essence and significance of legal regulation in the modern era: a collection of scientific articles. Krasnodar, 2021. Pp. 158–166. (In Russ.)
10. Meskon M. Kh., Albert M., Hedouri F. Fundamentals of management / transl. from English. Moscow: Delo Publ., 1992. 702 p. (In Russ.)
11. Isakov V. B. Modern information technologies in lawmaking. *Legislative technique of modern Russia: state, problems, improvement: collection of articles: in 2 volumes* / ed. by V. M. Baranov. Nizhny Novgorod. 2001. Vol. 1. Pp. 31–32. (In Russ.)
12. Korelov O. A., Morozov O. L. Prospects for the development of lawmaking in the modern era. *Scientific heritage of V. K. Babaev: a collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of V. K. Babaev*. Nizhny Novgorod. NA Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2020. Pp. 158–166. (In Russ.)
13. Devyatkov V. V. Systems of artificial intelligence / ed. by I. B. Fedorov. Moscow: Bauman Moscow State Technical University Publ., 2001. 352 p.
14. Meredith Broussard. Artificial intelligence. Limits of the possible. Moscow: Alpina non-fiction Publ., 2020. 174 p. (In Russ.)
15. Korelov O. A., The use of information technology and artificial intelligence systems in the process of lawmaking. *Legal Technique*, 2021. no. 15: proceedings of the XXII International Scientific and Practical Forum “Jurtechnetics” on the topic “Legal Innovations (doctrine, practice, technology)” (Nizhny Novgorod, September 23–26, 2020) / ed. by prof. V. M. Baranov. Nizhny Novgorod: Prospekt Publ., 2021. Pp. 335–340. (In Russ.)

Информация об авторе

О. А. Корелов — кандидат физико-математических наук.

Information about the author

O. A. Korelov — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics).

Статья поступила в редакцию 10.06.2023; одобрена после рецензирования 15.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 10.06.2023; approved after reviewing 15.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья
УДК 343.779
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-56-60>

К вопросу об общественной опасности преступлений и административных правонарушений в сфере экологии

Мухамбетов Фархат Нурылгаенович^{1, 2}

¹Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, farkhat.1982@mail.ru

²Прокуратура Ленинского района г. Астрахани, Астрахань, Россия

Аннотация. В работе подвергнута анализу общественная опасность административных и уголовно-наказуемых деяний в сфере экологии. Выявлен ряд особенностей, позволяющих сделать вывод о наличии в указанных административных деликтах признака общественной опасности. Предложено исключить из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях статью 8.35. «Уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений», а любое посягательство на редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации расценивать как преступление против экологической безопасности с внесением соответствующих корректив в Уголовный кодекс Российской Федерации. Автор полагает, что общественная опасность является объективной категорией, не зависящей от сознания законодателя или правоприменителя, а вред, причиняемый окружающей среде, накапливается и сказывается на среде обитания и самом человеке. Последствия этого вреда являются непредсказуемыми, отложенными, всеобъемлющими.

Ключевые слова: общественная опасность, общественная вредоносность, экологическое преступление, административная преюдиция, вред окружающей среде

Для цитирования: Мухамбетов Ф. Н. К вопросу об общественной опасности преступлений и административных правонарушений в сфере экологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 56–60. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-56-60>.

Original article

To the question of the public danger of crimes and administrative offenses in the sphere of environment

Farhat N. Mukhambetov

Astrakhan State University V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russian Federation, farkhat.1982@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the social danger of administrative and criminal acts in the field of ecology. A number of features have been identified that allow us to conclude that there is a sign of public danger in these administrative delicts. It is proposed to exclude Art. 8.35. "Destruction of rare and endangered species of animals or plants", and any encroachment on rare and endangered species of animals or plants listed in the Red Book of the Russian Federation is regarded as a crime against environmental safety with the introduction of appropriate amendments to the Criminal Code of the Russian Federation. The author believes that public danger is an objective category that does not depend on the consciousness of the legislator or law enforcer, but the harm caused to the environment accumulates and affects the environment and the person himself. The consequences of this harm are unpredictable, delayed, pervasive.

Keywords: public danger, public harm, environmental crime, administrative prejudice, environmental damage

For citation: Mukhambetov F. N. To the question of the public danger of crimes and administrative offenses in the sphere of environment. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 56–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-56-60>.

© Мухамбетов Ф. Н., 2023

Тема настоящего исследования с годами не теряет своей актуальности, а, напротив, приобретает особую остроту. Вопросы разграничения преступлений и административных правонарушений в целом, и экологических в частности, имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Дело в том, что порой на практике в конкретной жизненной ситуации оказывается сложно провести разграничение между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением, имеющим схожие признаки.

Вначале настоящего исследования нам хотелось бы обратиться к такому критерию разграничения преступлений и административных правонарушений, как общественная опасность содеянного.

Одни ученые утверждают, что признак общественной опасности присущ лишь преступлениям, другие исследователи указывают, что этот признак есть и у преступлений, и у административных деликтов, но у последних он выражен в меньшей степени. Третьи правоведы придерживаются точки зрения, что в административных правонарушениях присутствует общественная вредоносность. Четвертые полагают, что признак общественной опасности присущ не всем, а лишь некоторым административным правонарушениям. К таковым относят, например, отдельные административные правонарушения в сферах оборота оружия, наркотических средств и психотропных веществ, а также в сфере общественной нравственности [1, с. 319].

Подобная многоголосица свидетельствует, с одной стороны, об актуальности проблемы, с другой — о перспективах ее дальнейшей научной проработки. Считаем необходимым сделать ряд существенных замечаний. Во-первых, уголовное и административное право взаимосвязаны. Так, в научной литературе обращается внимание на взаимосвязь уголовного права с нормами административно-делективного права, которая обусловлена значительным сходством их задач, предметов и методов регулирования: обе отрасли противодействуют отклоняющемуся поведению; их виды ответственности имеют штрафной публично-правовой характер, а субъекты их охранительных правоотношений представлены лицом, совершившим правонарушение, и государством в лице правоохранительных органов и их должностных лиц [2, с. 306]¹.

¹ Андрианов В.К. Закономерности уголовного права: монография / В. К. Андрианов, Ю. Е. Пудовочкин. Москва : Юрлитинформ, 2019. С. 306.

Во-вторых, общественная опасность не является раз и навсегда определенной. Она видоизменяется, трансформируется. В своей работе Ф. Н. Сотскова справедливо отмечает, что общественная опасность представляет собой интегрированное понятие, определяемое в каждой исторической эпохе в соответствии с моральным, нравственным, религиозным, социально-экономическим развитием общества [3]. Здесь следует добавить, что экологические деликты, учитывая масштабы их негативных последствий, с каждым днем становятся все более общественно опасными [4].

В-третьих, общественная опасность деяний присутствует вне зависимости от того, запрещено оно законом или нет. В этой связи прав К. В. Череминский, указывающий, что общественная опасность является объективной категорией, не зависящей от сознания законодателя или правоприменителя, отражающей присущее определенному поведению социальное качество опасности [5, с. 99].

В-четвертых, экологические преступления требуют особого внимания вследствие возрастающей общественной опасности, а значит, первостепенного реагирования ученых и практиков. Однако в подобной работе, к сожалению, не учитываются административно-деликтные факторы, во многих случаях «питающие» преступность [6, с. 50].

В-пятых, изучая вопрос наличия в административных правонарушениях в области охраны окружающей среды общественной опасности, мы приходим к выводу о том, что такая опасность присутствует как в уголовно наказуемых, так и в административных правонарушениях.

Экологические правонарушения следует отделять от иных правонарушений, поскольку вред, наносимый природной среде, отличается от другого вреда. Так, нельзя сравнить вред, причиняемый воздуху, почве, воде, и вред собственности. Различным будет вред, причиняемый компонентам природы и, например, административное нарушение правил дорожного движения.

В целом, вред, причиняемый окружающей среде, накапливается и сказывается на среде обитания и самом человеке. Последствия этого вреда являются непредсказуемыми, отложенными, всеобъемлющими.

Как указано в учебной литературе, одним из самых масштабных и неблагоприятных последствий развития современного общества является нарастание глобальных экологических проблем. Эти проблемы настолько серьезны, что несут в себе угрозу человеческой цивилизации.

Права Н. И. Кузнецова, отмечающая, что определенное количество административных правонарушений, внешне незначительных по своему негативному воздействию на окружающую среду, может в итоге нанести урон, сопоставимый с экологической катастрофой, являющейся следствием тяжкого экологического преступления [7]. Экологический вред имеет особенность накапливаться, а общественно опасные последствия наступают не сразу, а спустя значительный промежуток времени.

Так, например, в статье 8.43. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) «Нарушение требований к осуществлению деятельности в Антарктике и условий ее осуществления» установлена административная ответственность за осуществление деятельности, повлекшей причинение вреда окружающей среде данного региона. Известно, что Антарктика является одним из самых уязвимых с экологической точки зрения мест на планете [8]. Незаконная деятельность на этом континенте может привести к экологической катастрофе. Однако ответственность за подобные действия в уголовном законодательстве не установлена.

Немалую общественную опасность представляют такие правонарушения, как порча земель (ст. 8.6. КоАП РФ), нарушение правил охраны атмосферного воздуха (ст. 8.21. КоАП РФ), нарушение правил использования лесов (ст. 8.25. КоАП), уничтожение мест обитания животных (ст. 8.29. КоАП РФ), нарушение правил охраны водных биологических ресурсов (ст. 8.38. КоАП РФ), нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях (ст. 8.39. КоАП РФ) и др.

Особого внимания заслуживает содержание и практика применения статьи 8.35. КоАП РФ, предусматривающей ответственность за уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации либо охраняемых международными договорами. Не секрет, что Красная книга содержит информацию о редчайших видах и мерах по их охране: в перечень входят особи, находящиеся под риском полного исчезновения [9]. Все представители Красной книги Российской Федерации нуждаются в особой защите. Любое посягательство на представителей Красной книги наносит ощутимый вред окружающей среде в целом. Включение в Красную книгу какого-либо представителя животного или растительного

мира автоматически накладывает запрет на его добычу. Он должен охраняться с соблюдением максимальных условий, способствующих его выживанию. Утрата даже одного вида, занесенного в Красную книгу, является невосполнимой утратой для всего мирового сообщества [10].

Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 24 марта 2020 года № 162 «Об утверждении Перечня объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации» этот перечень существенно расширен, что также свидетельствует о необходимости особой охраны указанных животных. В этой связи мы полагаем, что из всех правонарушений, предусмотренных главой 8 КоАП РФ «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными» данное правонарушение обладает повышенной степенью общественной опасности.

Статья 8.35. КоАП РФ, кроме уничтожения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов, предусматривает ответственность за добычу, хранение, перевозку, содержание, приобретение, продажу либо пересылку указанных животных, их продуктов, частей либо дериватов без надлежащего на то разрешения. При определенных обстоятельствах здесь могут усматриваться признаки преступления, предусмотренного статьей 258¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), поскольку КоАП РФ не содержит перечня тех животных, добыча которых запрещена.

Мы полагаем, что статья 8.35. должна быть исключена из КоАП РФ, а любое посягательство на редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, должно расцениваться как преступление с внесением соответствующих поправок в УК РФ. Кроме того, должны подлежать учету региональные особенности экологически значимых правонарушений и преступлений [11]. Должна быть установлена уголовная ответственность не только за уничтожение представителей Красной книги, но и Красных книг субъектов Российской Федерации.

В теории уголовного права неоднократно обсуждался вопрос относительно необходимости установления административной преюдиции за посягательства на объекты животного мира [11]. С нашей точки зрения, потенциал административной преюдиции может быть использован в главе 26 УК РФ «Экологические преступления», например, за повторное нарушение правил

охоты и рыболовства, порчу земель, нарушение требований по рациональному использованию недр и т. д.

Здесь следует остановиться на еще одном существенном моменте — недооценке степени общественной опасности не только административных правонарушений, но и экологических преступлений. На это упущение мы не раз обращали внимание в своих исследованиях [10].

В заключении еще раз отметим, что выяснение общественной опасности деяния имеет существенное значение для верной квалификации, соблюдения принципов законности и справедливости. В настоящее время наблюдается необъективный подход законодателя к разграничению административных и уголовно-правовых деяний в сфере экологии. Общественная опасность не является раз и навсегда определенным явлением, с течением времени она видоизменяется, трансформируется и увеличивается.

Список источников

1. Дизер О. А., Сургутсков В. И. Об общественной опасности отдельных административных правонарушений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).
2. Андрианов В. К. Закономерности уголовного права: монография // Юрлитинформ, 2019.
3. Сотсков Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 28 с.
4. Кузнецова Н. И. Общественная опасность экологических преступлений: криминологический аспект // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 1. С. 64–69.
5. Чемеринский К. В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2017. № 1 (80).
6. Дерюга А. Н. Общественная опасность — признак административного правонарушения? // Журнал российского права. 2011. № 8 (176).
7. Кузнецова Н. И. Некоторые проблемы отграничения экологических преступлений от административных правонарушений в области охраны окружающей среды // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1 (25). С. 33–34.
8. Бразовская Я. Е., Ручкина Г. Ф. Антропогенное воздействие на антарктическую среду и международное право // Океанский менеджмент. 2018. № 2 (3). С. 4–10.
9. Красная книга Российской Федерации. URL: <https://redbookrf.ru> (дата обращения: 20.06.2023).
10. Мухамбетов Ф. Н. Незаконные добыча и оборот водных биологических ресурсов: уголовно-пра-

вовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022.

11. Кузнецова Н. И. О региональных особенностях экологической преступности (на примере Астраханской области) // Проблемы детерминации и предупреждения преступности / под ред. проф. А. И. Долговой. Москва, 2017. С. 118–122.

12. Тимошенко Ю. А. Уголовно-наказуемое деяние с административной преюдицией — преступление или административное правонарушение // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 1 (6). С. 214–219.

References

1. Dizer O. A., Surgutskov V. I. On the public danger of certain administrative offenses. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4 (40). (In Russ.)
2. Andrianov V. K. Patterns of criminal law: monograph. Moscow: YurLitinform Publ., 2019. (In Russ.)
3. Sotskov F. N. Social danger of an act in the criminal law of Russia. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.)
4. Kuznetsova N. I. Public danger of environmental crimes: criminological aspect. *Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 64–69. (In Russ.)
5. Chemerinsky K. V. Public danger as a category of criminal law. *Bulletin of the Volga University V. N. Tatishcheva*, 2017, no. 1 (80). (In Russ.)
6. Deryuga A. N. Public danger — a sign of an administrative offense? *Journal of Russian Law*, 2011, no. 8 (176). (In Russ.)
7. Kuznetsova N. I. Some problems of delimitation of environmental crimes from administrative offenses in the field of environmental protection. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (25), pp. 33–34. (In Russ.)
8. Brazovskaya Y. E., Ruchkina G. F. Anthropogenic impact on the Antarctic environment and international law. *Ocean Management*, 2018, no. 2 (3), pp. 4–10. (In Russ.)
9. Red Data Book of the Russian Federation. URL: <https://redbookrf.ru> (accessed 20.06.2023).
10. Mukhambetov F. N. Illegal production and turnover of aquatic biological resources: criminal law and criminological aspects. Dissertation... candidate of legal sciences. St. Petersburg, 2022. (In Russ.)
11. Kuznetsova N. I. On regional features of environmental crime (on the example of the Astrakhan region). Problems of determination and prevention of crime / ed. by A. I. Debt. Moscow, 2017. Pp. 118–122. (In Russ.)
12. Timoshenko Y. A. A criminally punishable act with an administrative prejudice — a crime or an administrative offense. *Russian Journal of Legal Research*, 2016, vol. 3, no. 1 (6), pp. 214–219. (In Russ.)

Информация об авторе

Ф. Н. Мухамбетов — кандидат юридических наук.

Information about the author

F. N. Mukhambetov — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 12.06.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 12.06.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-61-65>

Установление признаков преднамеренного банкротства в условиях отсутствия документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность должника

Поздышев Роман Сергеевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, rmanpzdyshev@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе анализа практики подразделений предварительного следствия органов внутренних дел обозначены проблемы, связанные с производством финансово-аналитических экспертиз при расследовании преднамеренных банкротств. Рассмотрены вопросы, связанные с невозможностью установить влияние сделок должника на его финансовое состояние в условиях отсутствия бухгалтерских документов. Сделаны выводы о том, что отсутствие указанных документов не должно рассматриваться следственными подразделениями как непреодолимое препятствие для установления признаков преднамеренного банкротства, а выводы в заключении эксперта о наличии указанных признаков свидетельствуют о том, что эксперт вышел за пределы своей компетенции и дал юридическую оценку деяния.

Ключевые слова: криминальное банкротство, преднамеренное банкротство, расследование, финансово-аналитическая экспертиза, компетенция эксперта, юридическая оценка деяния

Для цитирования: Поздышев Р. С. Установление признаков преднамеренного банкротства в условиях отсутствия документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность должника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 61–65. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-61-65>.

Original article

Establishment of signs of intentional bankruptcy in the absence of documents reflecting the financial and economic activities of the debtor

Roman S. Pozdyshev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, rmanpzdyshev@rambler.ru

Abstract. The article, based on the analysis of the practice of the preliminary investigation units of the internal affairs bodies, identifies the problems associated with the production of financial and analytical examinations in the investigation of intentional bankruptcies. The issues related to the inability to determine the impact of the debtor's transactions on his financial condition in the absence of accounting documents are considered. Conclusions are drawn that the absence of these documents should not be considered by investigative units as an insurmountable obstacle to establishing signs of intentional bankruptcy, and the conclusions in the expert's conclusion on the presence of these signs indicate that the expert went beyond his competence and gave a legal assessment of the act.

Keywords: criminal bankruptcy, intentional bankruptcy, investigation, financial and analytical expertise, competence of experts, legal assessment of the act

For citation: Pozdyshev R. S. Establishment of signs of intentional bankruptcy in the absence of documents reflecting the financial and economic activities of the debtor. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 61–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-61-65>.

Процедура банкротства в условиях непредсказуемости предпринимательской деятельности и ее естественных рисков является нормальным институтом гражданского права. Данная

© Поздышев Р. С., 2023

процедура имеет две основные цели: во-первых, предотвращение неплатежеспособности и нормализация финансового состояния должника, и, во-вторых, если первую цель достичь не удалось, справедливая реализация имущества должника между его кредиторами. Однако этот цивилистический институт используется не всегда в законных целях. Существуют различные злоупотребления нормами, регламентирующими процедуру банкротства. В современных экономических реалиях действия должников, направленные на умышленное доведение организаций до формальных признаков банкротства с последующим отчуждением материальных ценностей в пользу подконтрольных коммерческих структур, представляют реальную угрозу российскому бизнесу и экономике в целом. Это наносит не только прямой ущерб кредиторам, но и подрывает авторитет и доверие к институту банкротства в частности, и государству в целом. В связи с этим оперативно-служебная деятельность органов внутренних дел по противодействию криминальным банкротствам, в частности расследование данных преступлений, представляется крайне важной для общества. В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть некоторые особенности расследования преднамеренного банкротства.

Уголовная ответственность за преднамеренное банкротство предусмотрена статьей 196 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ). Данное преступление представляет собой совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб.

Одним из ключевых доказательств по уголовным делам о преднамеренном банкротстве являются результаты финансово-аналитической экспертизы. Только с использованием специальных знаний возможно установить наличие причинно-следственной связи между действиями должника и наступлением его неплатежеспособности. Для анализа динамики изменения финансового состояния должника в зависимости от конкретных сделок экспертом рассчитываются различные показатели: коэффициент абсолютной ликвидности, коэффициент быстрой (операционной) ликвидности, коэффициент текущей ликвидности, коэффициент обеспеченности

собственными средствами, коэффициент обеспеченности обязательств должника всеми его активами, коэффициент обеспеченности обязательств должника его оборотными активами, величина чистых активов и др.

Вышеуказанные показатели рассчитываются на основании документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность должника. Объектами исследования при производстве финансово-аналитической экспертизы выступают:

1) первичные учетные документы (счета, акты приема-передачи товарно-материальных ценностей, счета-фактуры, накладные, кассовые ордера, платежные поручения, выписки с расчетных счетов и иные первичные учетные документы, отражающие совершение хозяйственных и финансовых операций);

2) иные первичные документы (договоры, контракты, деловая переписка, раскрывающая суть хозяйственных отношений, свидетельства о регистрации и постановке на учет в налоговом органе);

3) регистры аналитического и синтетического учета (журналы-ордера, журнал операций (проводок), карточки счетов, главная книга, различные ведомости с записями проводок, остатков и оборотов по счетам (совокупности счетов) и иные регистры, содержащие агрегированные сведения о совокупности экономически однородных хозяйственных и финансовых операций);

4) формы годовой и промежуточной бухгалтерской отчетности (формы «Бухгалтерский баланс», «Отчет о финансовых результатах», «Отчет об изменениях капитала», «Отчет о движении денежных средств», «Приложение к бухгалтерскому балансу»). Аудиторское заключение, являющееся в ряде случаев составной частью годовой бухгалтерской отчетности, не может рассматриваться как объект финансово-аналитической экспертизы.

5) иные материалы уголовного дела, содержащие сведения, относящиеся к предмету финансово-аналитической экспертизы (материалы так называемого чернового или неофициального учета, заключения экспертов других специальностей, протоколы следственных и судебных действий, в том числе протоколы допроса участников уголовного судопроизводства) [2].

Возможность расчета показателей, отражающих финансовое состояние должника, зависит от объема и качества представленных эксперту документов. Учитывая продолжаемый характер преступлений, связанных с преднамеренными банкротствами, и цель преступника избежать уголовной ответственности, документы, отражающие финансово-хозяйственную деятельность

зачастую либо не ведутся в надлежащем виде, либо уничтожаются к моменту начала процедуры банкротства. Данное обстоятельство может являться препятствием для производства финансово-аналитической экспертизы и установления причинно-следственной связи между действиями должника и наступившими последствиями в виде невозможности в полном объеме удовлетворить требования кредиторов.

В производстве следователей ГСУ ГУ МВД России по Московской области находилось уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного статьей 196 УК РФ, по факту совершения сделок лицами, выполняющими управленческие функции в ОАО «Тучковский комбинат ЖБуСИ», повлекшими неспособность данного юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов. В ходе предварительного расследования проведена финансово-аналитическая экспертиза, на разрешение которой был поставлен вопрос о том, каким образом вышеуказанные сделки повлияли на финансовое состояние ОАО «Тучковский комбинат ЖБуСИ». Ответить на данный вопрос эксперту не представилось возможным в связи с отсутствием регистров бухгалтерского учета данной организации. В связи с данными обстоятельствами уголовное дело прекращено на основании пункта 2 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] (далее — УПК РФ), в связи с отсутствием в деянии состава преступления [4].

Однако не всегда отсутствие документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность должника, является непреодолимым препятствием для привлечения виновных к уголовной ответственности.

В производстве следователей ГСУ МВД по Республике Татарстан находилось уголовное дело по обвинению А. в совершении преступлений, предусмотренных статьями 196, 174¹ УК РФ. В ходе предварительного расследования установлено, что А., являясь индивидуальным предпринимателем, в период со 2 июня 2016 года по 28 августа 2019 года произвел безвозмездное отчуждение 15 объектов недвижимости и 3 автомобилей, что заведомо повлекло неспособность данного индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, чем причинил ущерб в сумме 155 821 439, 07 рублей. Согласно

результатам финансово-аналитической экспертизы ответить на вопрос, каким образом вышеуказанные сделки повлияли на финансовое состояние должника, не представилось возможным в связи с тем, что необходимые для проведения исследования объекты представлены не в полном объеме (отсутствует бухгалтерская отчетность). Однако, несмотря на невозможность рассчитать показатели финансового состояния, экспертом на основе метода анализа денежных потоков сделан вывод, что отчуждение вышеуказанного имущества при условии, что дебиторская задолженность, возникшая в результате исполнения данных договоров, безнадежна к взысканию, привело к потере индивидуальным предпринимателем А. возможности в полном объеме удовлетворить требования кредиторов [5].

Преодоление проблем, связанных с отсутствием документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность должника, успешно осуществлялось следователями и по другим уголовным делам. Одними из основных объектов исследования при производстве финансово-аналитических экспертиз выступают формы бухгалтерской отчетности (форма № 1 «Бухгалтерский баланс», форма № 2 «Отчет о прибылях и убытках / отчет о финансовых результатах»). На основе информации, содержащейся в данных документах, экспертом рассчитывается система коэффициентов, характеризующих финансовое состояние, строится расчетно-аналитическая модель для определения влияния экономических факторов на финансовое состояние хозяйствующего субъекта.

При отсутствии вышеуказанных форм бухгалтерской отчетности эксперту невозможно рассчитать значения коэффициентов, характеризующих финансовое состояние лица, а также определить влияние, выделенных следователем экономических факторов, на финансовое состояние хозяйствующего субъекта.

Таким образом, ответить на основной вопрос финансово-аналитической экспертизы по уголовным делам о преднамеренном банкротстве: каким образом определенные сделки должника повлияли на его платежеспособность, — не представляется возможным. В данной ситуации при исследовании финансового состояния может быть использован только метод анализа денежных потоков, основным источником которых выступают выписки о движении денежных средств по счетам должника. Результатом использования данного метода, подтверждающим преступный характер действий должника, будет

установление отрицательной динамики поступления денежных средств.

Кроме того, в таких случаях необходимо проводить судебные экспертизы с целью установления рыночной стоимости отчужденного должником имущества. Зачастую реальная стоимость данных объектов выше цены договора, по которой они были из собственности должника.

Задачей органа следствия в условиях отсутствия бухгалтерских документов является установление факта, что общая стоимость имущества должника до момента его отчуждения превышала стоимость всех его обязательств. Положительные примеры из практики следственных подразделений органов внутренних дел свидетельствуют о том, что в случае успешного решения указанной задачи, следователи устанавливают кратные превышения стоимости имущества должника над его обязательствами. На таких доказательствах может быть основано обвинение в отсутствие возможности установить финансовое состояние должника в ходе финансово-аналитической экспертизы.

Интервьюированием следователей органов внутренних дел, имеющих опыт проведения проверок сообщения о преступлении и расследования преступлений, предусмотренных статьей 196 УК РФ, была выявлена еще одна проблема, связанная с производством финансово-аналитических экспертиз. По мнению некоторых правоприменителей, для доказывания вины по данной категории уголовных дел в заключении эксперта обязательно должен быть указан вывод о наличии в действиях должника признаков преднамеренного банкротства. Такие выводы эксперта встречаются в материалах юридической практики, представленных органами предварительного следствия МВД России.

В производстве следователей ГСУ ГУ МВД России по Краснодарскому краю находилось уголовное дело № 11901030053002446 по обвинению группы лиц в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 35, статьей 196 УК РФ. Одним из доказательств по данному уголовному делу является заключение эксперта, который пришел к выводу о наличии признаков преднамеренного банкротства на основании динамики изменения показателей, характеризующих платежеспособность должника [6].

Понятие преднамеренного банкротства является комплексным и включает экономический и юридический критерии. Экономический критерий связан с установлением причинно-следственной связи между действиями должника

и его неспособностью в полном объеме удовлетворить требования кредиторов и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Данный элемент рассматриваемого понятия может быть установлен в ходе финансово-аналитической экспертизы. Юридический критерий связан с установлением заведомости в действиях должника, то есть факта, что ему было изначально известно, что его действия приведут к неплатежеспособности. Данный элемент понятия не может быть установлен при использовании специальных знаний в области экономики. В соответствии с пунктом 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [7] не допускается постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование. Полученное в суде, а также в ходе досудебного производства по уголовному делу заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о достоверности показаний допрошенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать два вывода: во-первых, отсутствие документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность должника, не должно рассматриваться следственными подразделениями как непреодолимое препятствие для установления признаков преступления, предусмотренного статьей 196 УК РФ; во-вторых, заключение финансово-аналитической экспертизы не может содержать выводы о наличии признаков преднамеренного банкротства, поскольку это является юридической оценкой деяния и в компетенцию эксперта не входит.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
2. Шевелева Л. А. Экспертное исследование финансового состояния экономического субъекта при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Экономическая безопасность России: вызовы XXI века: материалы международной научно-практической конференции, Саратов, 15 марта 2016 года / отв. ред. И. А. Сушкова. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования

«Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 2016. С. 296–303.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ст. 4931.

4. Уголовное дело № 12001460034000060 // Надзорное производство Главного следственного управления ГУ МВД России по Московской области. 2021.

5. Уголовное дело № 12001920041000118 // Надзорное производство Главного следственного управления МВД по Республике Татарстан. 2021.

6. Уголовное дело № 12001680032001073 // Надзорное производство Главного следственного управления ГУ МВД России по Краснодарскому краю. 2021.

7. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 20.05.2023).

References

1. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)

2. Sheveleva L. A. Expert study of the financial condition of an economic entity in the investigation of crimes in the field of economic activity. *Economic security of*

Russia: challenges of the XXI century: materials of the International scientific and practical conference, Saratov, March 15, 2016 / ed. by I. A. Sushkova. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” Publ., 2016. Pp. 296–303. (In Russ.)

3. The code of criminal procedure of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001. *Collection of legislative acts of the RF*, 2001, no. 52, art. 4931. (In Russ.)

4. Criminal case no. 12001460034000060. Supervisory proceedings of the Main Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Moscow region, 2021. (In Russ.)

5. Criminal case no. 12001920041000118. Supervisory proceedings of the Main Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan, 2021. (In Russ.)

6. Criminal case no. 12001680032001073. Supervisory proceedings of the Main Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Krasnodar region, 2021. (In Russ.)

7. On forensic examination in criminal cases: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 28 of December 21, 2010. Access from the reference legal system “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (accessed 20.05.2023).

Информация об авторе

Р. С. Поздышев — кандидат юридических наук.

Information about the author

R. S. Pozdyshev — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 15.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 15.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья
УДК 343.14
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-66-74>

О непонятном в понятии доказательств

Поляков Михаил Петрович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, polmihpet@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена понятию доказательств в уголовном процессе. Автор обращает внимание на разнообразие терминологии. Пытается выяснить причину различных смыслов, которые вкладываются в термины «доказательство» и «доказательства». Рассматривается вопрос о необходимости понятия доказательств в тексте уголовно-процессуального закона. Для объяснения природы понятия доказательств используются работы процессуалистов, формировавших это понятие до того, как укрепились информационная модель доказательств. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на развитие теории доказательств и историческую преемственность ее положений, в понятии доказательств по-прежнему остается много неясного.

Ключевые слова: доказательства, доказательство, информационная модель доказывания, средств доказывания, источники доказательств

Для цитирования: Поляков М. П. О непонятном в понятии доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 66–74. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-66-74>.

Original article

About the incomprehensible in the concept of evidence

Michael P. Poliakov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, polmihpet@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the concept of evidence in criminal proceedings. The author draws attention to the variety of terminology. Tries to find out the reason for the different meanings that are put into the terms “proof” and “evidence”. The question of the necessity of the concept of evidence in the text of the criminal procedure law is considered. To explain the nature of the concept of evidence, the work of processualists who formed this concept before the information model of evidence was strengthened is used. The author comes to the conclusion that despite the development of the theory of evidence and the historical continuity of its provisions, there is still a lot of uncertainty in the concept of evidence.

Keywords: evidence, proof, information model of proof, means of proof, sources of evidence

For citation: Poliakov M. P. About the incomprehensible in the concept of evidence. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 66–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-66-74>.

“*Dura lex, sed lex*”. Эта древняя формула безупречности закона известна многим. Вполне вероятно, что когда-то она останавливала юристов от критики закона. Теперь иные времена. Ныне в научной среде не считается зазорным упрекать закон. Напротив, благоговей перед законом считается дурным тоном. Критика закона есть форма современной научной доблести. Уголовно-процессуальный закон не является

исключением. Его нещадно жуют за разные промахи и огрехи, коих он, естественно, не лишен.

В вину Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ), кроме прочего, ставится излишняя теоретичность, выражающаяся в избытке дефиниций, не имеющих прикладного процедурного значения. Действительно, наукообразных конструкций нашему кодексу не занимать. Из них

© Поляков М. П., 2023

можно составить целый юридический словарь. Но так ли уж велик этот грех? Такой ли уж это бесполезный изъян отечественного уголовно-процессуального закона? Представляется, что оценка норм-определений вряд ли может быть однозначно недружественной. Если вдуматься, то этот презюмируемый недочет УПК РФ является его недопонятым достоинством, поскольку именно он создает условия для экономии мышления, освобождает практикующих процессуалистов от эвристических экскурсов в глубину и «седину» ключевых уголовно-процессуальных понятий. Складывается впечатление, что УПК РФ намеренно закрепляет готовые формулы-дефиниции для того, чтобы компактно, но при этом нормативно (то есть категорично) констатировать легальное понимание необъятных юридических явлений.

Законодательное понятие доказательств как раз попадает в число таких нормативно определяемых юридических феноменов. Две части статьи 74 УПК РФ отражают факт законодательного признания концепции, согласно которой доказательства есть некий информационный продукт, не ограниченный в содержании, но имеющий жесткие ограничения в части источников, из которых это содержание черпается; закон закрепляет список таких источников. Подобная нормативная конструкция вполне удовлетворяет правоприменителей, в общей массе своей не сильно любопытных до сути понятия доказательств. Для них доказательства это не виртуальный образ, а реальная работа. Поэтому судьи, прокуроры, следователи и дознаватели спокойно перешагивают через нормативное определение, как через банальный эпиграф к тексту практического руководства. Нормативная дефиниция доказательств ничуть не мешает им заниматься жизненным судопроизводством; она не вдохновляет их, но и не раздражает.

А вот процессуалисты-теоретики на усилия законодателя в части императивной констатации дефиниции доказательств обречены реагировать иначе. Их взгляд ревностный и пристрастный. Взгляд, в котором всегда чувствуется привкус вопроса: а по какому методологическому праву эта конкретная теоретическая формула занимает такой высокий нормативный статус? На каких научных основаниях эта формула, за которой маячат вполне определенные персоны юридической науки, взобралась на «нормативный трон»? Именно здесь, рядом с «треном» особенно занудно вибрирует проблема, которую мы с некоторой претензией на парадокс обозначили как — «непонятное в понятии доказательств».

Таким образом, проблема «непонятного в понятии доказательств» в буквальном смысле имеет законные основания и предпосылки. Но само это «непонятное» тоже противоречиво. Оно проявляет себя разными оттенками непонимания. Одним непонятна форма, другим сомнительна суть. Легко распознать процессуалистов, выражающих непонимание частное, придиричиво-вкусное. Они не против законного статуса дефиниции доказательств. Им лишь не нравится редакция. Они воюют за нюансы.

Но есть юристы, непонимание которых приобретает характер глобального отвержения самого подхода, самой техники закрепления подобного понятия в законе. Сила претензий к законодателю черпается не из методологических, а из «топографических» источников. Они полагают, что определению доказательств вообще не место в тексте закона. Их искренне занимает вопрос: зачем понадобилось нормативное понятие доказательств, от которого столько же пользы, сколько от палки, вставленной во вращающееся колесо. Именно эта недоуменная мысль проводится в монографии «Проблемы современного уголовно-процессуального доказательственного права», посвященной памяти нашего Учителя профессора В. Т. Томина. «Любой автор, — пишет И. А. Зинченко и соавторы, — спотыкается о дефиницию понятия «доказательство». Именно спотыкается, а не встречается и причиной тому служат несовершенные формулировки действующего законодательства» [1, с. 13].

Глагол «спотыкается» применен авторами с явно негативным оттенком. Мы же посмотрим на эту метафору нейтрально. Нормативная дефиниция доказательств, на наш взгляд, может быть понята как препятствие, которое заставляет «споткнувшихся» об него исследователей встряхнуться и переключиться в особое состояние сознания. При подобном взгляде остается лишь выяснить: с чем мы имеем дело — со случайной выбоиной на дорожке, небрежно брошенным предметом, или же с целенаправленно и заботливо уложенной на пути искусственной неровностью. Нам представляется, что имеющие место «несовершенные формулировки действующего законодательства» — это не оплошность отдельных авторов, решивших заменить советскую формулу квинтэссенции доказательств — «фактические данные» — постсоветской формулой «сведения».

Мы полагаем, что «несовершенные формулировки» не есть халатность и волюнтаризм амбициозной научной школы, получившей прямой

доступ к подготовке текста закона. Здесь, на наш взгляд, все гораздо глубже, серьезнее и, не побоимся этого слова, таинственнее. Несовершенство нормативной дефиниции понятия доказательств, констатируемое указанными выше авторами, есть внешнее отражение внутренней концептуальной аксиомы, касающейся постулирования понятия доказательств. Суть ее заключается в том, что приемлемая дефиниция понятия доказательств, достойная нормативного закрепления («высечения на камне»), не может быть создана в принципе в силу необъятности самого феномена доказательств.

А недостойная дефиниция, как нетрудно догадаться, не особо и нужна. Впрочем, как полагают отдельные критики, законодательная дефиниция доказательств не нужна вообще. И. А. Зинченко и его соавторы отстаивают позицию, согласно которой в данном определении не нуждается ни право, ни практика [1, с. 19]. Данное определение, как сказал бы наш общий с И. А. Зинченко Учитель В. Т. Томин, не операционально. А раз так, то вполне допустимо признать справедливой позицию тех, кто считает, что самым радикальным средством «усовершенствования» нормативного определения доказательств следует признать беспощадное удаление этого определения из текста уголовно-процессуального закона. Считая методологически ущербной саму идею общего директивного определения понятия «доказательство» и именуя факт включения подобной дефиниции в право не иначе, как «дерзкой новеллой», И. А. Зинченко, А. П. Попов, И. А. Попова, заявляют: «Принципиально наша позиция заключается в исключении из УПК РФ ст. 74 (при условии сохранения всех последующих норм, включенных законодателем в гл. 10 и 11 УПК)» [1, с. 25].

Позиция внятная, но не бесспорная. Мы не будем торопиться примыкать к ней, равно как и осуждать ее. Для начала обратим внимание на уточнение, сделанное в скобках. Оно весьма важно, поскольку авторы, может быть сами того не подозревая, обнаруживают важный нюанс, претендующий на статус методологического правила. Суть правила можно выразить формулой: уголовно-процессуальный закон не обязан закреплять дефиницию теоретического понятия доказательств (теоретические победы нужно закреплять в монографиях); закон обязан устанавливать развернутую технологию доказывания с помощью конкретных доказательств. УПК призван формулировать технологическое понятие доказательств и доказывания. Формулировать через непротиворечивые и ясные

законные процедуры. Иными словами, детализированная правом процедура формирования и использования доказательств как раз и может быть признана таким развернутым понятием-инструкцией.

Без технологического понятия доказательств закон обойтись не может. Думаем, что не может он обойтись и без предваряющего эту технологию перечня доказательств. Подобный перечень в каком-то смысле имеет сакральное значение. Это всегда некая историческая веха, зафиксированная в тексте закона. На заре советского законотворчества именно этот перечень и являл собой прообраз нормативного понятия доказательств. Можно сказать, что в статье 58 УПК РСФСР 1922–1923 годов имело место формально-констатирующее определение «доказательств». Содержание этой статьи было компактным и обходилось без вступительной дефиниции: «Ст. 58. Доказательствами являются показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого».

И в этой связи весьма примечательно (и опять же весьма непонятно), что И. А. Зинченко и его единомышленники настаивают на том, чтобы удалить статью 74 УПК РФ целиком, вместе с перечнем легальных доказательств. Логика их в данном случае проста: все легальные доказательства итак закрепляются в конкретных статьях УПК РФ и незачем их анонсировать в отдельном перечне.

От этого «непонимания» мы переходим к следующему. Непонятным нам видится сама настойчивость авторов в желании освободить УПК РФ от «дерзкой новеллы». Подобный подход, который тоже можно оценить как не менее дерзкий, нуждается во взвешенном осмыслении. Необходимо задуматься: насколько подобные предложения сродни безобидной редакционно-косметической операции? Не окажется ли нормативная дефиниция доказательств той «родинкой», которая не может быть удалена без трагических последствий для всего уголовно-процессуального организма? Поэтому прежде чем замахнуться на нее «теоретическим скальпелем» следует, беспристрастно выяснить: зачем понадобилось нормативное понятие доказательств? И почему сам этот подход в нашем отечестве оказался исторически устойчивым.

В науке не раз обращалось внимание на то, что нормативное определение доказательства есть исключительно традиция советского права. Замечалось и то, что в законодательстве

бывших республик СССР эта традиция постепенно преодолевается. Однако здесь для нас важен не факт преодоления этой традиции во все более отдаляющемся от нас (в смысле процессуальных традиций) ближнем зарубежье, а факт ее сохранения на нашей Родине. Первое нормативное определение доказательств (не путем перечня источников, а посредством закрепления важнейших признаков) отмечает свой 65-летний юбилей. За этот немалый исторический период было представлено всего две редакции — первая (1958) и вторая (2001). Причем концептуально эти редакции друг от друга не отличаются. Если непредвзято посмотреть на обе законодательные версии, то можно заметить, что они закрепляют не столько понятие доказательств, сколько саму парадигму современного понимания доказательств, выражающую теоретическую победу в этом вопросе информационного подхода.

Неслучайно, профессор А. Р. Белкин полагает, что в законе была бы более уместна формула доказательств, излагаемая на присущем этому подходу языке. Попросту говоря, предлагается заменить слово «сведения» словом «информация» [2, с. 240]. Само это предложение в рамках сложившейся парадигмы неудивительно. Удивительно и непонятно то, что данное предложение вызвало немало упреков [1, с. 14]. На первый взгляд, критика вполне обоснованная. Но с другой стороны, в сущностном плане термин «информация» не добавляет ни пользы, ни вреда, поскольку доминанта информационного подхода итак нормативно закреплена и уже более полувека непоколебима. Потребность сохранения этой доминанты и определяет живучесть нормативной формулировки. Эта формулировка имеет идеологическое значение. Она, образно говоря, есть «знамя победы» информационной трактовки понятия доказательств.

Вероятно, именно это значение И. А. Зинченко и его единомышленники имеют в виду, когда вслед за своим предложением о ликвидации нормативной формулы доказательств оговариваются: «мы отчетливо понимаем, подобное изменение в современных условиях абсолютно невыполнимо в силу непреодолимых факторов» [1, с. 25].

К сожалению, авторы не дают разъяснение того, о каких факторах идет речь. Но мы догадываемся, что речь идет именно об информационной модели доказательств. Указанная модель явилась концептуальным ядром советской теории доказательств в уголовном процессе. Таковой же она является и для постсоветской

теории доказательств и доказывания. Однако закономерно возникает вопрос: насколько сама эта модель является непреодолимым фактором? И доказала ли она свое право на теоретическую гегемонию?

Не отрицая огромного значения теории доказательств, опирающейся на информационный подход, мы должны сказать, что теория эта не совсем полноценна именно в силу методологического диктата этой информационной парадигмы. Концентрация теории доказательств на сугубо информационных аспектах оставляет за скобками важнейший исторический опыт человечества на пути поиска «царских» средств установления уголовно-судебной достоверности. Причем, постижение и внедрение этого опыта в развернутое исторически-культурное понятие доказательств ничуть не умаляет значения советской теории доказательств. Напротив, беспристрастный исторический и методологический экскурс в понятие доказательств заметно повышает уважение к вкладу советских теоретиков доказательств.

Так сложилось, что в истории науки, как и в истории государств, случаются разрывы, вызванные идеологическими причинами. Наме­рение построить особый феномен советского уголовного процесса, полностью отрицающий процессуальную технологию царского режима, привело к попытке создать теорию доказательств с условного нуля. Точнее, появилась иллюзия, что новый этап развития науки подарил принципиально новые основания для теории доказательств. Но это, как ясно проявилось позже, была лишь иллюзия. Однако слово «иллюзия» здесь вовсе не принижает современную теорию доказательств. Оно лишь подчеркивает, что исследовательский взор должен быть направлен и в прошлое, и в будущее.

Был период, когда в нас поселилось скептически подозрительное отношение к информационной теории доказательств. И причудилось нам, что желание теоретиков советского уголовного процесса погрузить понятие юридического доказательства исключительно в кибернетическую ауру привело к замутнению этого понятия. Представлялось, что задача обратить доказательства в «фактические данные», в «сведения о фактах», попытки придать термину «факт» целую массу новых значений едва ли пролили дополнительный свет на существо доказательств. Складывалось впечатление, что широкое применение информационного подхода имело своей задачей не вывести понятие доказательств на белый свет нового понимания, а, напротив, погрузить его в густой туман наукообразия.

Впрочем, весьма быстро мы пришли к выводу, что излишнее наукообразие в теории доказательств вовсе не является лишним. Наукообразие здесь как раз и есть окольный путь к истине. Понятие доказательств — это целая Вселенная. И то, что оно оказывается неприступным для короткой дефиниции, вполне закономерно. Понятие доказательств, подобно «Книге джунглей», открывающей свои тайны лишь тем, кто искренне стремится к подлинному пониманию.

И первое важнейшее понимание на этом пути заключается в том, что понятие доказательств представляет собой нечто необъятное, красивое и великое, распахнувшееся на эпохи и растянувшееся на континенты. Такое развернутое по вертикали и горизонтали понятие судебных доказательств, в котором во всей исторической полноте презентуется не столько средства доказывания, сколько методологически оправдывается само право государства на уголовный процесс и наказание, — для искренне любопытных исследователей делает этот юридический феномен неохватным и недостижимым. Та студенческая ясность, которая снисходит на ученика после знакомства со статьей 74 УПК РФ и лекторских комментариев к ней, заменяется исследовательским туманом учителя, в котором внутреннее ментальное зрение напряженно выискивает нечеткие контуры этого понятия. И этот страждущий понимания взор открывает особый извилистый путь в «Книгу доказательств», путь от одного непонятого штриха в понятии доказательств к другому еще более непонятому нюансу; путь к осознанию того, что в этой Книге нет ничего лишнего и второстепенного и в каждой «косточке» предыдущих исследователей, лежащей на обочине пути познания понятия доказательств, есть отблеск великого смысла и подвига.

Полагаем, что пропуск в мир пламенных процессуалистов как раз и лежит через постижение этой «Книги доказательств». Это увлекательное путешествие, которое должен проделать каждый исследователь, дабы прикоснуться к красоте и величию уголовного процесса. И всякий повод для подобного путешествия нужно приветствовать.

Толчком к оживлению нашего внимания к понятию доказательств послужило приглашение на конференцию, посвященную 75-летию профессора А. Ф. Лубина (осень 2021). Данное приглашение застало автора на волне впечатления от изучения старинной книги, очень здорово объяснившей суть розыскного начала. Мы априори полагали, что мудрый предшественник

также четко растолкует нам и понятие доказательств; предчувствовали, что это объяснение покажет, что все информационные наукообразные нагромождения, случившиеся в теории доказательств в советский период, лишь навредили ясному пониманию сути этого феномена. От того и тема выступления на указанной конференции была изначально обозначена так: «Понятие доказательств в уголовном процессе: новое это плохо «перелицованное» старое?».

Но предчувствия не оправдались. Для претензий к советской теории доказательств железных упреков не нашлось. В итоге, по результатам конференции появилась статья с другим названием «Понятие “доказательство”»: четырнадцать букв, от которых много мук». В прологе к статье мы указали: «Несмотря на то, что на тему научной интерпретации доказательств в уголовном процессе написаны целые библиотеки, что по этому поводу глубокомысленно отметились все известные процессуалисты-академики, окончательной ясности в понятии так и не прибыло. Этому понятию, по мнению тех, кто к нему прикасается научной мыслью, всегда чего-то не хватает. А порой возникает и вполне справедливая мысль: о то ли понятие вообще мы ищем, за тем ли словом гоняемся?» [3, с. 59].

Профессор А. Ф. Лубин в устном комментарии к нашему выступлению заметил, что современная наука не в состоянии наполнить знакомое и понятное слово «доказательство» адекватным смыслом. Но виновата в этом не наука, а слово, поскольку оно есть «сосуд», непригодный для смысла, который в него пытаются втиснуть многочисленные современные исследователи. «Мы изобрели слово “доказательство”, — сказал А. Ф. Лубин, — но, мне кажется, мы не доросли до него, и потому мы не верим ему, и потому ищем систему доказательств, одно единственное доказательство (в единственном числе) не существует».

Реплика профессора А. Ф. Лубина ставит крайне уместный вопрос о соотношении понятий, обозначаемых терминами «доказательство» и «доказательства». Но она же фиксирует и доминирующую мыслительную установку, согласно которой «доказательство» представляет собой лишь элемент системы, отдельный «пазл» более сложной картины. Установки нашего мышления предлагают здесь простейшую схему, согласно которой доказательство есть единичный элемент того множества, которое и именуется доказательствами. Вместе с тем наука и законодатель уклоняются от того, чтобы определить понятие «доказательство».

Не означает ли это, что в уголовном процессе теперь уместно исключительно слово «доказательства» и совсем не к месту термин «доказательство». Может показаться, что слово «доказательство» имеет форму единственного числа, пригодную для применения в логике, где у соответствующего понятия имеется процедурное, а не информационное объяснение? В уголовном же процессе в процедурном смысле более востребовано понятие «доказывания».

Впрочем, гипотеза об исключительно множественном числе слова «доказательства» в контексте уголовно-процессуального права опровергается уже на уровне закона. Несмотря на то, что текст закона имеет дело преимущественно со словом «доказательства», и нормативная дефиниция в статье 74 УПК РФ дается «доказательствам», а не «доказательству», в статье 88 УПК РФ «Правила оценки доказательств» слово «доказательства» индивидуализируется в «доказательство». Здесь законодатель говорит о доказательстве уже в единственном числе: «Каждое доказательство подлежит оценке...». Причем это единственное число подчеркивается в указанной статье неоднократно. Таким образом, слово «доказательство» имеет нормативные право на жизнь.

Большинство исследователей вопрос о том, а возможно ли в принципе это единственное «доказательство» (то, о чем и задавался вопросом профессор А. Ф. Лубин) вообще не заботит. Для них смысловых оттенков в словах «доказательства» и «доказательство» просто нет. И в толстой книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе» эти понятия очень часто пересекаются. Хотя, справедливости ради стоит отметить, что глава «Понятие и классификация доказательств» открывается параграфом «Понятие доказательства». И авторы были нацелены на то, чтобы определить именно то явление, которое именуется термином «доказательство». И это неслучайно, поскольку «понятие доказательства принадлежит к числу основных, исходных в теории доказательств» [4, с. 197].

Однако вопрос А. Ф. Лубина о неперменной множественности доказательств требует теоретического ответа. Так есть ли смысловые оттенки в словах «доказательства» и «доказательство»? Мы полагаем, что эти оттенки имеются. И путь к этим оттенкам как раз и лежит через понятие «доказательство» в единственном числе, поскольку именно оно есть главное в теории доказательств, рассматриваемой в самом широком историческом контексте.

И в этой связи у нас возникло желание разобратся с вопросом: насколько далеко продвинулась в сущностном плане современная теория доказательств (в части интересующего нас понятия) с тех незапамятных времен, когда информационный подход, подхваченный советскими процессуалистами, еще не обрел своей популярности. Захотелось посмотреть, как наши далекие предшественники объясняли суть понятия «доказательства», обходясь без информационных установок. В качестве источника для размышлений мы выбрали репринт книги XIX века Ю. Глазера «Руководство по уголовному процессу», любезно подаренной нам профессором В. В. Сверчковым [5].

Нас заинтересовало, каким образом Ю. Глазер определял «доказательство» полтора века назад. Причем слово «каким образом» подразумевает не только само определение этого понятия, но и путь к нему, методологическую культуру старой процессуальной Школы.

Центральной установкой нашего любопытства выступили все те же две конструкции — «доказательство» и «доказательства». Первое, на что мы обратили внимание: автор активно использует имя «доказательство». Данное предположение само по себе дает понять, что понятие доказательства в уголовном процессе старой Школой не отрывается от понятия доказательства в логике. Ю. Глазер твердо стоит на том, что логические и юридические начала в понятии «доказательство» теснейшим образом связаны, и одно является предпосылкой другого. Это легко заметить даже из того, как он делает общий заход к понятию «доказательство».

«При логической связи двух событий, — пишет он, — обыкновенно говорят, что одно из них составляет доказательство другого, то есть доказательство, доказывает это событие. В этом смысле одно событие называется предметом доказательства, другое основанием, а средства, необходимые для достоверного понятия основания средствами доказательства или просто доказательствами... Доказывать, значит развивать основания справедливости суждений» [5, с. 7].

Уже в одном этом суждении содержатся искорки, которые проливают новый свет на «непонятное в понятии доказательств». Что мы тут видим глазом современного процессуалиста? А видим мы то, что понятие «доказательство» — то самое доказательство в единственном числе — является «посланныком» логики, имеющим отношение к рассуждению и связи мыслей.

Во-первых, доказательство есть некое логическое отношение двух событий друг к другу в

рамках определенного целеполагания, когда целью является обоснование реальности существования интересующего события. Целеполагание предполагает предметный интерес и, соответственно, маркировку устанавливаемого события термином «предмет доказательства». Событие, которое помогает установить это событие (то есть доказать его, превратить в факт) — основанием доказательства. Доказывающим событием будет событие, которое установлено по правилам той же логики, то есть признано истинным.

Как видим, сами логические предпосылки дифференцируют понятие доказательства на предмет и основание, одновременно выделяя и особый путь формирования этого основания. Само основание доказательства, не есть какая-то данность. Это тоже (как и предмет доказательства) изначально определенная познавательная задача, нуждающаяся в средствах, позволяющих формировать достоверность этого основания.

Заметим, что Ю. Глазер использует формулу: «средства, необходимые для достоверного понятия основания». Речь идет в первую очередь о понятии. А понятие — это один из основных методов мышления. Поэтому предмет доказательства и основание доказательства — есть логические конструкции, связанные с мышлением. А вот средства доказательства уже выходят за пределы чистой логики в сферу практической деятельности.

Отсюда следует, что доказательство в логическом смысле есть не только результат логического соотношения предмета и основания доказательства, но и сам процесс добывания определенных средств и оперирования ими. И, что особенно важно заметить, средства, формирующие достоверность основания доказательства именуются — доказательствами. Если внимательно присмотреться к приведенной цитате, то можно понять, что основание доказательства собирается из отдельных доказательств.

Закономерен вопрос: «Эти доказательства представляют собой фрагменты общей картины основания доказательства или же являются лишь красками, при помощи которых эта картина рисуется. Что это — пазл, или всего-лишь штрих? Вот в этом плюрализме значений слова «доказательство» и сокрыта «изюминка непонимания». Что таят себе эти формулы — предмет доказательства, основание доказательства, средства доказательства?»

Ситуацию проясняет сам Ю. Глазер. «Таким образом, — продолжает он далее, — доказательство в смысле уголовного судопроизводства, есть совокупность оснований убеждения в

действительности обстоятельства, подлежащего удостоверению, по данному делу» [5, с. 8].

Данная цитата поначалу немного скорректировала наши установки. Мы смотрели на понятие доказательства в контексте цельного уголовного дела. И нам представлялось, что предметом доказательства выступают обстоятельства, подлежащие установлению по делу (предмет доказывания), а основанием доказательства — картина преступления, установленная в ходе расследования и судебного разбирательства, отдельными доказательствами, ссылки на которые есть в обвинительном заключении следователя и приговоре суда.

Изначально нам показалось, что Ю. Глазер говорит о доказательстве немного другом ключе. Нас смутило словосочетание «совокупность оснований убеждения», точнее его созвучие с формулой «основание доказательства». Мы подумали, что в основу доказательства должны быть положены различные основания доказательства. Однако в логическом смысле (как соотношение двух событий) такое основание подразумевается одно. Позже по контексту всей работы Ю. Глазера мы поняли, что под «основаниями убеждения», о которых он говорит в приведенной цитате, как раз и понимаются средства доказательства, то есть доказательства в узком практическом смысле слова.

Итак, какую ясность в понимании доказательства мы имеем в данной точке. Само понятие «доказательство» (в его единственном числе) подразумевает логические основания уголовно-процессуальной деятельности. Именно законы логики является основанием судебного доказательства. В этой связи, вряд ли целесообразно сопоставлять и тем более противопоставлять понятия логического и юридического доказательства. Всякое доказательство имеет отношение к логике. Иными словами, всякое доказательство — есть доказательство логическое, поскольку в качестве неперменного элемента всегда предполагает человеческое мышление; без логической оценки юридическое доказательство немыслимо. Специфика практической деятельности, где используется логическое доказательство, естественно, добавляет нюансов к нему. Поэтому мы можем говорить о судебном доказательстве, как о нечто особенном, отличающемся, например, от доказательства математического. И вместе с тем у каждого практического доказательства есть нечто общее. И это общее даже не логика, а что-то более глубокое.

«Логическое» и «практическое» в судебном доказательстве специфическим образом

взаимодействуют, образуя определенную технологию. Ю. Глазер подчеркивает, что под выражением «доказательство» в уголовном процессе — «надлежит разуметь: 1) средства к удостоверению действительности обстоятельства; 2) способ представления их, доказывание, представление доказательств. Представление доказательств, в свою очередь, распадается на собирание и проверку доказательств (производство о доказательствах, следствие) и на разъяснение значения их (развитие доводов, дедукция) [5, с. 8].

Как видим, понятие «доказательство» подается с разных позиций, объединяя в себе собственно средства доказывания и способ их представления в уголовном процессе. Способ представления доказательств обозначается термином «доказывание». И в последующем говорится (пусть и не буквально) о том, что есть доказывание как познание и доказывание как обоснование. Современники разделяют этот подход, не внося в него ни каких принципиальных изменений.

Понятие «доказательство», представляемое Ю. Глазером, динамично и многослойно. Он постоянно дает нам понять, что это понятие играет разными смыслами. И чтобы как-то эти смыслы развести по иерархии и используются две словесных формулы — «доказательство» и «доказательства». Причем это весьма удивительное и несколько алогичное сочетание. Доказательства в своей совокупности (множестве) и образуют единственное доказательство искомого предмета. И в то же время говорить, что доказательства — это тоже некоторая совокупность доказательств, можно с существенными оговорками, поскольку доказательствами они становятся не сами по себе, а по отношению к тому доказательству, средствами которого они являются. Вероятно, для того, чтобы привести эту путаницу в определенный внятный порядок советские процессуалисты и разработали понятие источника доказательств. Но дальше информационная теория их запутала и не позволила воспринимать понятие «доказательство» системно.

А вот Ю. Глазер от этой системности не отрывался. Это видно и из специфического понимания им оценки доказательств. Он пишет: «Признание, что цель представления доказательств достигнута, что способ доказательства был надлежащий и что доказательство известного предмета находится в наличии (оценка доказательств) [5, с. 8]».

Обратим внимание на то, что оценка представляет собой, кроме прочего, и констатацию

наличия доказательства предмета доказательства. Несмотря на то, что Ю. Глазеру знакомо понятие доказывания (это есть представление доказательств), он оперирует преимущественно термином «доказательство». Установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, с его позиций и есть признание наличия доказательства.

Ю. Глазер разъясняет: «В этом последнем смысле понятие доказательства как результата успешного представления доводов, означает двоякое: 1) что тот, кто должен видеть в определенном обстоятельстве основание своих действий, убежден в действительности этого обстоятельства, а не только считает его вероятным, и 2) что он осознает, что убеждение его покоится на таких основаниях, которые удовлетворяют всеобщим законам мышления и о которых необходимо предположить, что они и в каждом другом лице вызовут тоже самое убеждение» [5, с. 8].

Весьма интересная позиция. Она произвела на нас странное впечатление. Ю. Глазер, несомненно, разбирается в понятии «доказательство», но в ходе его размышлений и объяснений данное понятие начинает расслаиваться и делиться. И в результате мы видим здесь уже, как минимум, три определяемых феномена. Причем эта троица сплетена в очень тесный клубок, который с трудом позволяет четко дифференцировать каждый определяемый элемент. Получается, что понятие «доказательство» в уголовном процессе имеет как минимум тройственную природу.

Но в этом нет ничего удивительного. Эта тройственность опять же объясняется диалектикой взаимодействия логических и практических начал в понятии доказательства. Об этом, в частности, нам говорит и академик М. С. Строгович. В своем авторском учебнике «Логика» (1946) он как раз и показывает, что «доказательство» может быть истолковано трояко. Приведем цитату.

«1) Доказательством называется источник сведений о том или ином факте или, иначе способ, которым устанавливается тот или иной факт... 2) Второе значение понятие доказательства таково. Доказательством называется какой либо факт, из существования которого можно сделать вывод о существовании или не существовании другого факта. 3) Третье значение понятия доказательства состоит в следующем. Под доказательством понимается самое рассуждение, в котором устанавливается истинность или ложность какого-либо утверждения, связь мыслей, приводящая к определенному

выводу относительно истинности данного утверждения. В этом смысле доказательство означает то же самое, что аргументация, то есть приведение доводов в подтверждение какой-либо мысли, доказывание правильности этой мысли. Такое значение доказательства имеет значение в логике» [6, с. 330–331].

Представляется, что указанные выше значения весьма близко перекликаются с пониманием доказательств, предложенных Ю. Глазером. По сути, современная теория доказательств тоже кружится вокруг этих трактовок, пытаясь придать им какую-то автономию. И тем не менее «непонятное в понятии доказательств» никуда не девается. И непонятность эта по-прежнему притягивает к себе исследователей. И в этой связи на память приходит весьма интересная цитата из книги П. С. Таранова: «Удивительное отличается от таинственного, а неясное от удивительного. “Таинственное” действует на подсознание, “удивительное” на разум, а “неясное” обладает завораживающим эффектом (оно одновременно выступает и завлекающим и обвораживающим и формирующим импульсатором нашей тяги к задаваемому кем-то объекту)» [7, с. 37].

Список источников

1. Попов А. П., Попова И. А., Зинченко И. А. Проблемы современного уголовно-процессуального доказательственного права: Пятигорск: «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2019.
2. Белкин А. Р. УПК РФ: нужны ли перемены? Москва: «ИНФРА-М», 2013.
3. Поляков М. П. Понятие «доказательство»: четырнадцать букв, от которых много мук // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России: сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А. Ф. Лукина. Нижний Новгород, 16 ноября 2021 года. Вып. 3. Нижний Новгород: Нижегородская академия

Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 59–65.

4. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд. испр. и доп. Москва: Юридическая литература, 1973.

5. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Т. 1. Кн. 2. Санкт-Петербург: «Типография правительствующего Сената», 1886.

6. Строгович М. С. Логика. 2-е изд. Москва: УРСС, 2004.

7. Таранов П. С. Методы 100 %-ной победы: Мanners поведения; Логика риска; Зигзаги общения. Симферополь: «Реноме», 1997.

References

1. Popov A. P., Popova I. A., Zinchenko I. A. Problems of modern criminal procedural law of evidence: Pyatigorsk: “Advertising and Information Agency on the CMV” Publ., 2019. (In Russ.)
2. Belkin A. R. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Are Changes Necessary? Moscow: “INFRA-M” Publ., 2013. (In Russ.)
3. Polyakov M. P. The concept of “proof”: fourteen letters, from which there is a lot of torment. Forensic and criminal procedural means of ensuring the economic security of Russia: Collection of articles on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation A. F. Lubin, Nizhny Novgorod, November 16, 2021. Issue. 3. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2022. Pp. 59–65. (In Russ.)
4. Theory of evidence in the Soviet criminal process / ed. by N. V. Zhogin. 2nd ed., correct. and add. Moscow: Legal Literature Publ., 1973. (In Russ.)
5. Glazer Yu. Guide to the criminal process. Vol. 1. Book 2. St. Petersburg: “Printing house of the ruling Senate” Publ., 1886. (In Russ.)
6. Strogovich M. S. Logic. 2nd ed. Moscow: URSS Publ., 2004. (In Russ.)
7. Taranov P. S. Methods of 100 % victory: Manners of behavior; The logic of risk; Zigzags of communication. Simferopol: Renome Publ., 1997. (In Russ.)

Информация об авторе

М. П. Поляков — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M. P. Polyakov — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 20.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 10.08.2023; approved after reviewing 20.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-75-79>

О понятии и месте феномена «экстремизм» в современном социально-правовом поле

Пшеничнов Илья Михайлович

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия,
pshenichnov.im@skspba.ru

Аннотация. Юридическая техника бесспорно играет важную роль в вопросе противодействия преступности, особенно наглядно данная проблематика раскрывается на примере деятельности правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с экстремистской деятельностью. Существующие в данном правовом поле терминологические упущения нередко детерминируют не только затруднения квалификации соответствующих преступлений, но и становятся инструментом в руках криминального сегмента, манипулирующего общественным правосознанием в целях реализации собственных радикальных взглядов и идей. Таким образом, формируется благоприятный фундамент для эскалации социальной напряженности и формирования общественного резонанса, основным источником которого еще пять лет назад выступали факты реализации права граждан на необходимую оборону, тогда как в настоящее время эту нишу уверенно занимают радикальные высказывания и призывы в сети «Интернет». Преодоление подобных вызовов и угроз представляется достижимым прежде всего посредством унификации соответствующих законодательных положений, способной повысить не только уровень эффективности конкретной правоохранительной деятельности, но и уровень гражданского доверия отечественной системе правосудия. С учетом этого в настоящей статье актуализируется проблематика понятия и места феномена «экстремизм» в современном социально-правовом поле.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие, законодательство, терминология, правосознание, уголовная ответственность, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Пшеничнов И. М. О понятии и месте феномена «экстремизм» в современном социально-правовом поле // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 75–79. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-75-79>.

Original article

About the concept and place of the phenomenon of “extremism” in the modern socio-legal field

Ilya M. Pshenichnov

Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, pshenichnov.im@skspba.ru

Abstract. Legal technology undoubtedly plays an important role in the issue of combating crime, this problem is especially clearly revealed by the example of the activities of law enforcement agencies engaged in combating extremist activities. The terminological omissions existing in this legal field often determine not only the difficulties in qualifying the relevant crimes, but also becomes a tool in the hands of the criminal segment manipulating public legal awareness in order to implement its own radical views and ideas. Thus, a favorable foundation is being formed for the escalation of social tension and the formation of public resonance, the main source of which five years ago was the facts of the realization of the right of citizens to the necessary defense, whereas at present this niche is confidently occupied by radical statements and appeals on the Internet. Overcoming such challenges and threats seems achievable primarily through the unification of relevant legislative provisions, which can increase not only the level of effectiveness of specific law enforcement activities, but also the level of civil confidence in the domestic justice system. With this in mind, this article actualizes the problems of the concept and place of the phenomenon of “extremism” in the modern socio-legal field.

© Пшеничнов И. М., 2023

Keywords: extremism, counteraction, legislation, terminology, legal awareness, criminal responsibility, law enforcement

For citation: Pshenichnov I. M. About the concept and place of the phenomenon of “extremism” in the modern socio-legal field. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 75–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-75-79>.

Феномен «экстремизм» в современном социально-правовом поле является одним из актуальных и сложных вопросов, он может быть определен как крайнее выражение идеологических, политических или религиозных убеждений, которое включает в себя насилие, ненависть, дискриминацию и другие формы нарушения прав человека. Представленное понятие имеет неоднородное толкование в разных странах и законодательных системах. В отдельных государствах его трактуют через призму преимущественно уголовного права (Китайская Народная Республика, Королевство Саудовская Аравия, Республика Сингапур и др.), тогда как Соединенные Штаты Америки, Канада и некоторые страны Европейского союза придерживаются более лояльного подхода, главным аргументом которому выступает принцип свободы выражения, что позволяет чаще рассматривать радикальные взгляды с позиции иных отраслей права (например, административного) до тех пор, пока они не призывают к насилию. Подобные разночтения определяются спецификой исследуемой дефиниции, насыщенной оценочными нематериальными категориями, предопределяющими весьма устойчивый иммунитет к какой-либо унификации и систематизации, что порождает расширительное толкование, способное выступить орудием даже в решении задач ограничения политической деятельности и свободы мысли. Данную проблему, обостряющуюся социальным инфантилизмом и нигилизмом, активно используют заинтересованные лица, манипулирующие мнением гражданского населения в целях дискредитации действующей власти и препятствования осуществлению ее функциональных обязанностей по привлечению к юридической ответственности конкретных общественно опасных оппозиционных групп и активистов.

Таким образом, актуальность соответствующих деструктивных феноменов не вызывает практически никаких сомнений. Более того, на протяжении последних 5–10 лет экстремизм стал выступать одним из ключевых поставщиков нежелательного социального резонанса. Тогда как еще недавно эту нишу занимали факты реализации конституционного права граждан на самозащиту, регламентированные

частью 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации [1] и статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2], то в настоящее время здесь доминируют факты привлечения к ответственности за деяния, имеющие весьма тонкую грань между свободой слова и экстремистскими действиями (например, «репосты», «лайки» и т. д.). Масштабы сокрытых здесь угроз весьма очевидны, поскольку, помимо имеющихся проблем квалификации, возможных неправосудных решений, дискредитации правоохранительных органов, общественного давления на процесс расследования отдельных уголовных дел, этим начинают пользоваться и виновные лица, как уже осуществившие свой преступный умысел, так и еще только готовившие его реализацию, это же касается и их близких, а также защитников, стремящихся искусственным путем сформировать эскалацию социальной напряженности при помощи манипуляции «обывательским» правосознанием. Достаточно наглядным примером в этом контексте выступает дело «канских подростков».

Летом 2020 года они наклеили на здание отдела УФСБ листовки в поддержку аспиранта МГУ, которого привлекли к уголовной ответственности за нападение на офис партии «Единая Россия». На следующий день после расклейки листовок они были задержаны. В их телефонах была обнаружена информация о планах «взорвать» здание ФСБ, построенное в компьютерной игре *Minecraft*, что и выступило инструментом, с помощью которого злоумышленники придали произошедшему событию федеральную известность. Тем не менее действительным основанием уголовной ответственности здесь выступили совершенно иные обстоятельства. Проведенное правоохранительными органами разбирательство позволило установить, что подростки готовились к активной преступной деятельности с октября 2019 года: изучали запрещенную литературу экстремистского характера, просматривали видеофильмы с руководством по изготовлению взрывчатки, успели изготовить четыре подобных устройства, проводили регулярные тренировки с «коктейлями Молотова» на пустырях, промзонах и в заброшенных домах Канска (Красноярский край) [3].

С учетом этого вполне закономерным результатом выступил обвинительный приговор, вынесенный 10 февраля 2022 года 1-м Восточным окружным военным судом, в соответствии с которым они признаны виновными в прохождении обучения в целях совершения террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ), хранении и ношении взрывчатых веществ (ч. 2 ст. 222¹ УК РФ), а также изготовлении взрывчатых веществ (ч. 2 ст. 223¹ УК РФ). Принятое решение обсуждалось практически во всех судебных инстанциях, тем не менее 17 января 2023 года существующие здесь юридические разногласия завершились, когда Верховный суд Российской Федерации оставил приговор без изменений. Тогда как в отдельных СМИ на протяжении всего этого периода времени велась активная «информационная кампания», акцентирующая общественное внимание лишь на одном неправоподобном факте, что несовершеннолетнего приговорили к 5 годам лишения свободы за план «взорвать» здание ФСБ в компьютерной игре [4].

Особая опасность подобных манипуляций заключается в том, что они служат не столько задаче «спасения» виновного лица от наказания, сколько способствуют дискредитации отечественного правосудия, снижению уверенности граждан в собственной правовой защищенности и нивелированию социального доверия к государственной власти. В итоге перед нами предстает одна из наиболее совершенных схем реализации криминального намерения. Человек, в действительности возможно и не имеющий контактов ни с каким экстремистским сообществом, неосознанно становится инструментом для достижения его целей и для этого не приходится предпринимать никаких очевидно противоправных действий — достаточно лишь дожидаться, когда кто-то из сторонников анархистских взглядов переступит грань допустимого законом поведения. Далее потребуются лишь работа с общественным сознанием, не всегда обладающим достаточным иммунитетом к специальным психологическим приемам, маскирующим истинное лицо преступника под якобы «жертву режима», которую впоследствии будут использовать не более чем в качестве катализатора для эскалации социальной напряженности и достижения собственных преступных целей.

Представленный деструктивный феномен в современном правовом поле имеет множество различных толкований, а также становится все более многогранным, распространенным

и опасным. Тогда как борьба с ним выступает одной из сложнейших задач для правоохранительных органов, поскольку наряду с узкопрофильными и иными проблемами требует достижения баланса между защитой общества и гарантированием политических прав и свобод. Отдельные действия или высказывания могут быть субъективно интерпретированы как некорректные, что создает проблемы в определении и пресечении рассматриваемой деятельности.

Как правило, «экстремизм» рассматривается в контексте обеспечения безопасности государства и общества как понятие, описывающее определенные формы и проявления радикальных и экстремистских идей, действий или поведения, которое используется для описания деятельности и организаций, связанных с призывами к насилию, дискриминации, терроризму или нарушению законов и основных ценностей общества. Однако, само это понятие является достаточно размытым и подвержено расширительному толкованию. Изначально обозначенный термин использовался для описания политических и социальных движений, которые стремились к радикальным изменениям в обществе. Однако со временем его значение возросло и стало применяться в отношении различных форм проявления деструктивной деятельности, включая религиозный, националистический, расовый и другие виды экстремизма. В основе существующих здесь анархистских идей нередко располагаются корыстные и иные низменные побуждения, сокрытые под «слоем» категорической неприязни к определенным группам людей и убеждениям.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом определяет рассматриваемое явление следующим образом: «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством» [5]. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» существенно расширяет содержательную сторону представленной дефиниции посредством добавления в нее террористической деятельности, возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни,

воспрепятствования осуществлению гражданами их избирательных прав, законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенные с насилием либо угрозой его применения и других деяний [6]. Особого внимания заслуживает тот факт, что в действительности здесь перед нами отсутствует определение исследуемого деструктивного явления, имеется лишь перечень его структурных элементов, которые в своей совокупности весьма разнородны и не предоставляют объективной возможности выделить его характерные признаки и, соответственно, сущность его общественной опасности. Более того, определенного рода возражения возникают в связи с отождествлением категорий «экстремистская деятельность» и «экстремизм», которые однозначно не являются равнозначными понятиями.

Таким образом, существующий законодательный подход к толкованию обозначенного феномена не позволяет в должной мере сформировать единообразное восприятие об отличительных чертах поведения, которые обеспечивали бы возможность однозначно расценивать содеянное с позиции допустимого или экстремистского. Подобное упущение наблюдается наряду с тем, что указанная криминальная активность уже охватывает различные сферы жизни, начиная от политики и религии, заканчивая культурой и образованием. Вместе с тем в современном правовом поле происходит постоянное развитие рассматриваемого явления в связи с изменениями в обществе и появлением новых форм его выражения. Например, в последнее десятилетие наблюдается рост интернет-экстремизма, когда соответствующие лозунги и призывы распространяются через социальные сети и другие онлайн-платформы. Это вызывает необходимость адаптации имеющихся правовых норм и механизмов противодействия к новым реалиям.

Признаки представленного антисоциального феномена могут быть различными и они зависят от конкретной ситуации и контекста, однако, как правило, в их числе фигурируют следующие элементы:

1. Идеология: обосновавшийся здесь криминальный контингент обычно исповедует анархистские идеи, которые отличаются от широко принятых норм и ценностей общества.

2. Радикализация: процесс, в результате которого люди становятся все более склонными к принятию экстремистских идей и действий,

катализатором которого выступают: пропаганда, социальная изоляция, самоидентификация, общение с другими сторонниками или воздействие определенных событий.

3. Насилие: участники данных формирований не отрицают возможность физической агрессии и даже террора, чтобы достичь своих целей.

4. Интолерантность: экстремисты обычно проявляют ненависть и нетерпимость к определенным группам людей, основываясь на расовой, религиозной, этнической или политической принадлежности.

5. Противоправность: изменение существующего политического, социального или религиозного порядка выступает ключевым мотивом в данной криминальной среде (свержение правительства, установление диктатуры, создание нового общественного строя и т. д.).

Одной из основных проблем понятия «экстремизм» является его нечеткость и субъективность. То, что одни люди могут считать экстремистским, другие могут считать легитимным выражением своих убеждений или борьбы за права и свободы. Это может привести к неравноправному и произвольному применению закона и ограничению прав граждан. Кроме того, представленная дефиниция может быть использована в целях сужения пространства для общественного дискурса. Оно может включать различные формы выражения мнений и убеждений, которые могут быть и не согласны с официальной линией государства, но при этом не представлять угрозы общественной безопасности. Таким образом, существует опасность, что правовые подходы к определению экстремизма могут быть использованы для ограничения свободы слова и манипуляции политической оппозицией.

К сожалению, существующие правовые подходы к определению и борьбе с исследуемым общественно опасным явлением сосредоточены на симптомах, а не на причинах этого явления. Необходимо более глубокое понимание социальных, экономических и политических факторов, которые могут способствовать распространению экстремистских идей. Без анализа этих факторов борьба с экстремизмом может быть неэффективной и недостаточно обоснованной. С учетом этого основные направления совершенствования противодействия в обозначенной сфере в современном правовом поле должны включать в себя уточнение и конкретизацию понятия, разработку механизмов предотвращения и пресечения экстремистской деятельности,

проведение информационно-просветительской работы и международное сотрудничество.

Таким образом, развитие понятия «экстремизма» в правовом поле является неотъемлемой частью борьбы с этим явлением. Оно происходит в соответствии с изменяющимися социально-политическими реалиями и вызовами и направлено на обеспечение безопасности общества и защиту основных прав и свобод граждан. Несмотря на критику, правовые подходы к определению и борьбе с экстремизмом остаются необходимыми в современном обществе. Однако для их эффективности и справедливости важно обеспечить четкое и узкое определение данного феномена, а также соблюдение принципов прав человека и справедливого судопроизводства.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.
3. В Канске подростку дали пять лет колонии за обучение терроризму // РИА Новости. 2022. 10 февраля. URL: <https://ria.ru/20220210/kansk-1772052271.html> (дата обращения: 15.07.2023).
4. Цветаев Л., Мясумова А. Пять лет за «взрыв» в Minecraft. Суд рассмотрел дело канских школьников

ков // Газета.ru. 2022. Февраль. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/02/10/14519263.shtml> (дата обращения: 15.07.2023).

5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41, ст. 3947.

6. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted on December 12, 1993 by popular vote (subject to amendments made by the laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation no. 6-FKZ of December 30, 2008, no. 7-FKZ of December 30, 2008, no. 2-FKZ of February 5, 2014, no. 11-FKZ of July 21, 2014; with amendments approved during the all-Russian vote of July 1, 2020). *Rossiyskaya Gazeta*, 2020, July 4. (In Russ.)
2. The Criminal Code of the Russian Federation: federal law no. 63-FZ of June 13, 1996. *Rossiyskaya Gazeta*, 1996, June 18. (In Russ.)
3. In Kansk, a teenager was given five years in a penal colony for teaching terrorism. *RIA Novosti*, 2022, February 10. URL: <https://ria.ru/20220210/kansk-1772052271.html> (accessed 15.07.2023). (In Russ.)
4. Tsvetaev L., Myasumova A. Five years for the “explosion” in Minecraft. The court considered the case of Kansk schoolchildren. *Journal.ru*, 2022, February. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/02/10/14519263.shtml> (accessed 15.07.2023). (In Russ.)
5. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism. *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 41, art. 3947. (In Russ.)
6. On countering extremist activity: federal law no. 114-FZ of July 25, 2002. *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 30, art. 3031. (In Russ.)

Информация об авторе

И. М. Пшеничнов — кандидат юридических наук.

Information about the author

I. M. Pshenichnov — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 05.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 05.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-80-84>

Роботы в хирургии: кто должен нести уголовную ответственность

Черных Евгения Евгеньевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, ewg.cherniykh84@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы определения субъекта ответственности при причинении вреда пациенту в результате проведенной операции роботом-хирургом. Проанализированы вопросы определения статуса субъекта в рамках указанного состава преступления роботам-хирургам.

Ключевые слова: робот-хирург, источник повышенной опасности, уголовная ответственность, субъект преступления, адвокат робота

Для цитирования: Черных Е. Е. Роботы в хирургии: кто должен нести уголовную ответственность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 80–84. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-80-84>.

Original article

Robots in surgery: who should be held criminally responsible

Evgenia E. Chernykh

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ewg.cherniykh84@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of determining the subject of responsibility when harming a patient as a result of an operation performed by a robot surgeon. The issues of determining the status of a subject within the specified corpus delicti for robot surgeons are analyzed.

Keywords: robot surgeon, a source of increased danger, criminal liability, the subject of the crime, lawyer job

For citation: Chernykh E. E. Robots in surgery: who should be held criminally responsible. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 80–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-80-84>.

Искусственный интеллект является одним из самых быстрорастущих сегментов мирового рынка здравоохранения. Действующая отечественная нормативная регламентация приведенной правовой категории предлагает рассматривать ее как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [1; 2].

В настоящий момент использование искусственного интеллекта в медицине в основном используется в рамках диагностики заболеваний. Однако потенциал будет, несомненно,

применяться и в рамках лечения, в том числе и по направлению роботехирургия.

Так, согласно ГОСТ Р 60.0.0.2-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Классификация» [3] сервисные роботы для профессионального использования включают группу медицинских роботов, внутри которой имеется подгруппа «роботы для проведения хирургических операций». Указанное направление роботизации здравоохранения становится все более популярным среди пациентов.

Так, почти 60 % россиян готовы довериться роботу-хирургу, из них только 51 % — пойти на такую операцию только в том случае, если операция пройдет под наблюдением врача [4].

© Черных Е. Е., 2023

Таким образом, более четверти опрошенных потенциальных пациентов готовы доверить проведение операции роботу-хирургу. Мы сейчас не будем оценивать минимально-инвазивные технологии, которые осуществляют вмешательства без выполнения разрезов. Операция в этом случае выполняется через кровеносные сосуды, естественные отверстия либо маленькие проколы и отличается минимальным негативным воздействием на организм пациента и низким риском послеоперационных осложнений [5]. Речь в статье пойдет о полноценных полостных операциях, проводимых роботами-хирургами.

Первое полноценное использование робота в хирургии было начато еще в 1985 году. С применением манипулятора *PUMA 200*, созданного для работы на конвейерах *General Motors*, хирургами был вскрыт череп 52-летнего пациента и введена в мозг тонкая игла для забора образца ткани. Далее Говард «Хэп» Пол (*Howard "Nap" A. Paul*) и инженер Уильям Баргар (*William Barga*) вместе со специалистами из *IBM* запустили разработку робота для эндопротезирования суставов.

Наиболее заинтересованными в указанной технологии были военные. Роботы-хирурги с дистанционным управлением могли бы оперировать раненых неподалеку от линии фронта, не создавая опасность для реальных хирургов.

Далее был робот-хирург *da Vinci*, предназначенный вначале как специализированное устройство для тонкой кардиохирургии [6]. В настоящий момент является полноценным участником хирургических манипуляций в России, проведший более 20 000 вмешательств.

Развитие указанного направления (еще в 2018 году впервые было выполнено более 1 млн роботических операций по всему миру за год, за все время в мире — 7,2 млн роботических операций) предопределено значительным количеством положительных моментов, таких как удобная поза хирурга во время операции, преодоление проблем физиологического характера, использование 3D-камер [7].

Однако, как и у любой инновации, роботохirurgия имеет и свои риски применения. Различные интернет-источники говорят о низкой стерильности, о повышении риска смерти пациентов, о поломке оборудования, о попадании осколков роботов в тело пациента и других неблагоприятных последствиях использования роботов в хирургии [8; 9].

Рассмотрим ситуацию, когда в процессе проведения операции роботом пациенту

причиняется вред здоровью или смерть. Кто должен в этом случае нести ответственность и возмещать причиненный ущерб?

По вопросам гражданской ответственности при причинении вреда роботами написано огромное количество работ. В основном вопрос ставится о признании робота источником повышенной опасности. Хотя существует позиция, которая обосновывает невозможность относить роботов в хирургии к источникам повышенной опасности [10; 11, с. 13]. Теоретики в области гражданского права выделяют три признака источника повышенной опасности, не позволяющей туда включить роботов в хирургии:

1. Неподконтрольность человеку сил, движущих источником повышенной опасности [12];
2. Высокая вероятность причинения вреда [13];
3. Их использование в рамках общественно опасной деятельности [14].

Указанный вопрос может быть решен более простым способом, так как роботом управляет медик. Но перспектива использования роботов в хирургии в настоящий момент связана с возможностью не использования человека в процессе хирургического вмешательства.

Так, в начале 2022 года система *Smart Tissue Autonomous Robot (STAR)* прооперировала свинью. Робот-хирург сделал надрезы, провел манипуляции с кишечником и аккуратно нанес швы [15]. Система *STAR* самостоятельно оценивает участок организма, с которым ей предстоит работать, делает надрезы, совершает операции и зашивает рану. Различные механизмы устройства заменяют органы настоящего хирурга: глаза — высокоточные камеры, руки — сложные манипуляторы.

Мы видим, что перед роботохirurgией открываются новые возможности, связанные с его полной самостоятельностью при проведении операций. Что делать, если в результате проведения операции пациенту причинен вред? Кто будет нести ответственность, так как человек не задействован в процессе операции?

В отчетах врачей все чаще фигурирует информация о причинении вреда жизни и здоровью пациентов в результате ошибок работы роботов-хирургов¹.

Когда робот действует автономно от человека возможны четыре сценария, каждый из

¹ Смерть женщины, наступившая в результате случайного пореза роботом кровеносных сосудов; операция на селезенке с летальным исходом; перфорация толстой кишки во время оперирования простаты; захват роботизированной рукой внутренних тканей во время ректальной операции.

которых может привести к причинению физического вреда:

- 1) производитель действует разумно, и киберфизическая система работает разумно;
- 2) производитель действует неразумно, и киберфизическая система работает неразумно;
- 3) производитель действует неразумно, но киберфизическая система работает разумно;
- 4) производитель действует разумно, но киберфизическая система работает неразумно [16].

Во всех этих случаях вопрос об ответственности будет решаться в каждом индивидуальном случае по-разному. Если первый и второй сценарии наиболее просты (в первом сценарии отсутствует вина, второй же сценарий не составят трудности в определении виновного), то третий и четвертый не так очевидны.

В рамках существования искусственного интеллекта предусмотрено программирование робота, а также непосредственное создание данной системы. При определении ответственности в этом случае необходимо определить, чем же вызвано нарушение работы системы. Ответственности будет подлежать лицо, которое непосредственно разработало или запрограммировало робота. При привлечении лица к ответственности необходимо указывать неосторожную форму вины.

Вопрос ответственности в четвертом случае абсолютно не разрешен.

Наделение робота статусом субъекта уголовно-правовых отношений весьма проблематично. Субъект в уголовном праве — это физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Таким образом, ни один из перечисленных признаков не применим к роботу. Сомнительным и юридически «нежизнеспособным» выглядят предложения о признании искусственного интеллекта «электронной личностью», наличие субъективной противоправности в его поведении [17].

Помимо этого, основанием привлечения лица к уголовной ответственности является доказательство вины указанного лица. В отношении робота это невозможно.

Зарубежные исследователи более гибко реагируют на возможность привлечения к ответственности робота. Так, *G. Hallevy* считает, что уголовная ответственность может быть возложена на любого субъекта — физическое или юридическое лицо или же на робота [18]. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта требует современных правовых решений для защиты общества от возможных опасностей, присущих технологиям, не подпадающих под действие юридической нормы,

особенно уголовной. Аналогичную позицию высказывает *Gogarty B.* и *Hagger M.*, указывая, что, если субъекты могут привести к правовым проблемам деликтного права, то они способны и к совершению преступлений. Следовательно, их статус в качестве субъектов уголовно-правовых отношений должен быть закреплен в законодательстве [19].

Конечно, указанные работы написаны практически 15 лет назад, в настоящее время искусственный интеллект используется в каждой сфере и правоприменитель сталкивается с правовыми аспектами данной сферы. Возможно, именно поэтому в современных работах зарубежные авторы уже так активно не высказываются об уголовной ответственности роботов.

В настоящее время среди юристов идут оживленные дискуссии о появлении «адвокатов для роботов» [20]. Конечно, речь будет идти не о защите роботов, а о вопросах определения виновного лица при причинении вреда пациенту. Впервые об «адвокате для робота» заговорили в 2015 году в Швейцарии. Речь шла о боте, который делал случайные покупки в магазинах Даркнета. В рамках случайных покупок робот купил себе фальшивый венгерский паспорт и экстази. В этом случае, конечно, разработчики взяли вину на себя, так как это был эксперимент.

Таким образом, прогресс в медицине влечет целый спектр рисков, связанных с возможностью причинения вреда пациенту. Отсутствие правовой регламентации ответственности в указанном вопросе повлечет привлечение к ответственности «не тех», а также избежание ответственности должных субъектов.

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41, ст. 5700.
2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 федерального закона «О персональных данных»: федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17, ст. 2701.
3. ГОСТ Р 60.0.0.2-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Классификация». Москва: Стандартинформ, 2016.
4. URL: <https://smotrim.ru/article/1340873> (дата обращения: 07.04.2023).

5. URL: <https://www.ckbran.ru/hospital/surgery/otdelenie-vertebrologii/maloinvazivnaya-hirurgiya#:~:text=Малоинвазивная%20хирургия%20–20это%20вмешательства%2C,и%20низким%20риском%20послеоперационных%20осложнений> (дата обращения: 07.04.2023).

6. URL: <https://habr.com/ru/articles/574544/> (дата обращения: 07.04.2023).

7. Пушкарь Д. Ю., Говоров А. В., Колонтарев К. Б. Робот-ассистированная хирургия // Вестник Российской академии наук. 2019; 89(5):466-69.

8. URL: <https://www.oncc.ru/operacii-s-primeneniem-robotov-xirurgov-povyshayut-risk-smerti-dlya-rakovyx-pacientov/> (дата обращения: 07.04.2023).

9. URL: https://vademec.ru/news/2015/07/22/144_patsienta_skonchalis_pri_operatsiyakh_s_uchastiem_robotov_khirurgov/ (дата обращения: 07.04.2023).

10. Василевская Л. Ю. «Искусственный интеллект»: проблемы гражданско-правовой регламентации // Хозяйство и право. 2021. № 10. С. 5–6.

11. Шевчук С. С. Личные неимущественные права граждан в сфере медицинских услуг по гражданскому законодательству России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

12. Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2002.

13. Иоффе О. С. Обязательство по возмещению вреда. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1952.

14. Гражданское право: учебник. Ч. 2 / под ред. А. Г. Калпина. Москва: Юрист, 2002.

15. URL: <https://mniap.pf/news/Robot-vypolnil-sloznuu-hirurgiceskuu-operaciu-lucse-celoveka/> (дата обращения: 10.04.2023).

16. Незнамов А. В., Смит Б. У. Робот не виноват! Взгляд из России и США на проблему ответственности за вред, причиненный роботами // Закон. 2019. № 5. С. 135–156.

17. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 3. С. 461–476.

18. Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities — from Science Fiction to Legal Social Control // Akron Intellectual Property Journal. 2010. Vol. 4. Iss. 2. Pp. 171–201.

19. Gogarty B., Hagger M. The Laws of Man over Vehicles Unmanned: The Legal Response to the Robotic Revolution on Sea, Land and Air // Journal of Law, Information & Science. 2008. Vol. 19. Pp. 73–124.

20. URL: <https://vc.ru/future/17742-robot-advocat> (дата обращения: 10.04.2023).

References

1. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: decree of the President of the Rus-

sian Federation no. 490 of October 10, 2019. *Collection of legislative acts of the RF*, 2019, no. 41, art. 5700. (In Russ.)

2. On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in a constituent entity of the Russian Federation — the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the federal law “On Personal Data”: federal law no. 123-FZ of 24 April, 2020. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 17, art. 2701. (In Russ.)

3. GOST R 60.0.0.2-2016 “National standard of the Russian Federation. Robots and robotic devices. Classification”. Moscow: Standartinform Publ., 2016. (In Russ.)

4. URL: <https://smotrim.ru/article/1340873> (accessed 04.07.2023). (In Russ.)

5. URL: <https://www.ckbran.ru/hospital/surgery/departament-vertebrologii/maloinvazivnaya-hirurgiya#:~:text=Minimally invasive%20surgery%20–20this is%20intervention%2C, and%20low%20risk%20postoperative%20 complications> (accessed 04.07.2023). (In Russ.)

6. URL: <https://habr.com/ru/articles/574544/> (accessed 04.07.2023). (In Russ.)

7. Pushkar D. Yu., Govorov A. V., Kolontarev K. B. Robot-assisted surgery. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2019; 89(5):466-69. (In Russ.)

8. URL: <https://www.oncc.ru/operacii-s-primeneniem-robotov-xirurgov-povyshayut-risk-smerti-dlya-rakovyx-pacientov/> (accessed 04.07.2023). (In Russ.)

9. URL: https://vademec.ru/news/2015/07/22/144_patsienta_skonchalis_pri_operatsiyakh_s_uchastiem_robotov_khirurgov/ (accessed 04.07.2023). (In Russ.)

10. Vasilevskaya L. Yu. “Artificial intelligence”: problems of civil law regulation. *Economy and law*, 2021, no. 10, pp. 5–6. (In Russ.)

11. Shevchuk S. S. Personal non-property rights of citizens in the field of medical services under the civil legislation of Russia. Author’s abstract... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2005. (In Russ.)

12. Boldinov V. M. Responsibility for causing harm by a source of increased danger. St. Petersburg: Legal Center “Press” Publ., 2002. (In Russ.)

13. Ioffe O. S. The obligation to compensate for harm. Leningrad: Leningrad Publishing House. un-ta, 1952. (In Russ.)

14. Civil law: textbook. Part 2 / ed. by A. G. Kalpina. Moscow: Jurist Publ., 2002. (In Russ.)

15. URL: <https://mniap.rf/news/Robot-vypolnil-sloznuu-hirurgiceskuu-operaciu-lucse-celoveka/> (accessed 10.04.2023). (In Russ.)

16. Neznamov A. V., Smith B. U. The robot is not to blame! View from Russia and the United States on the problem of liability for harm caused by robots. *Law*, 2019, no. 5, pp. 135–156. (In Russ.)

17. Mosechkin I. N. Artificial intelligence and criminal liability: problems of the formation of a new type of sub-

ject of crime. *Bulletin of St. Petersburg State University. Right*, 2019, vol. 10, issue 3, pp. 461–476. (In Russ.)

18. Halleve G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities — from Science Fiction to Legal Social Control. *Akron Intellectual Property Journal*, 2010, vol. 4, issue 2, pp. 171–201. (In Russ.)

19. Gogarty B., Hagger M. The Laws of Man over Vehicles Unmanned: The Legal Response to the Robotic Revolution on Sea, Land and Air. *Journal of Law, Information & Science*, 2008, vol. 19, pp. 73–124. (In Russ.)

20. URL: <https://vc.ru/future/17742-robot-advocat> (accessed 10.04.2023). (In Russ.)

Информация об авторе

Е. Е. Черных — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. E. Chernykh — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 10.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-85-95>

Трансформация уголовно-правовых отношений в сфере незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности¹

Шевелева Светлана Викторовна¹, Баумштейн Антон Борисович²

^{1, 2}Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

¹decan46@yandex.ru

²5068896@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрены объективные и субъективные признаки принятой в июле 2023 года статьи 172⁴ УК РФ «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности», а также квалифицированные и особо квалифицированные признаки, предусмотренные частями 2, 3 статьи 172⁴ УК РФ. Представлены статистические данные, свидетельствующие о необходимости криминализации действий недобросовестных коллекторов, выделены критерии, позволяющие разграничить рассматриваемый состав преступления с аналогичным административным правонарушением, высказаны отдельные критические замечания относительно отсутствия в диспозиции нормы указания на распространение достоверной порочащей информации как способа совершения преступления.

Ключевые слова: коллектор, просроченная задолженность, преступления в сфере экономической деятельности

Для цитирования: Шевелева С. В., Баумштейн А. Б. Трансформация уголовно-правовых отношений в сфере незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 85–95. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-85-95>.

Original article

Transformation of criminal law relations in the field of illegal activities for the return of overdue debts

Sheveleva Svetlana Viktorovna¹, Baumstein Anton Borisovich²

^{1, 2}Southwest State University, Kursk, Russian Federation

¹decan46@yandex.ru

²5068896@list.ru

Abstract. The article considers objective and subjective signs of Article 172⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation adopted in July 2023 “Illegal activity for the return of overdue debts”, as well as qualified and specially qualified signs provided for in parts 2, 3 of Article 172⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation. Statistical data testifying to the need to criminalize the actions of unscrupulous collectors are presented, criteria are identified that allow distinguishing the considered corpus delicti with a similar administrative offense, some critical remarks were made regarding the absence in the disposition of the norm of indicating the dissemination of reliable defamatory information as a method of committing a crime.

Keywords: collector, overdue debt, crimes in the field of economic activity

For citation: Sheveleva S. V., Baumstein A. B. Transformation of criminal-legal relations in the sphere of illegal activities for the return of overdue debts. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 85–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-85-95>.

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2023 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих личности, общества и государства».

© Шевелева С. В., Баумштейн А. Б., 2023

В настоящее время законотворческая деятельность, связанная с уголовно-правовой тематикой, демонстрирует явную тенденцию к формированию уголовно-правовых запретов, ориентированных исключительно на предупредительную функцию, что говорит о трансформации уголовного законодательства. Принятая 21 июля 2023 года статья 172⁴ УК РФ «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности» [1] не стала исключением. Авторы законопроекта указали: «Представляется, что юридическим механизмом, который позволил бы противодействовать деятельности лиц, использующих незаконные способы осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности, на ранней стадии, обеспечивая этим превентивную защиту интересов граждан, могла бы стать именно уголовная ответственность» [2]. Законопроекты, касающиеся уголовно-правовой охраны лиц от неправомерных действий коллекторов неоднократно отклонялись. На определенном этапе высказывались идеи о полном запрете коллекторской деятельности [3; 4]. В обществе сложилось два диаметральных мнения: одни считают, что коллекторские агентства — необходимый, обязательный и позитивный инструмент рынка кредитования, другие полагают, что подобные организации дискредитируют финансовую сферу в целом, осуществляя незаконную деятельность.

Однако неуклонный рост закредитованности населения, низкая эффективность принудительного взыскания, осуществляемая Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации (далее — ФССП России)¹ [5] требовало пересмотра подходов к коллекторской деятельности от ее запрета к установлению государственного контроля и юридической регламентации деятельности по возврату просроченной задолженности.

По данным Банка России среднее количество необеспеченных кредитов за последние три года достигло максимума и составило 2,7 шт., а средний общий долг вырос и достиг 840 тыс. рублей [6]. Убытки, связанные с невозвратом кредита (займа), вынуждают займодателей (банки, МФО и другие организации) искать наиболее эффективные механизмы возврата просроченной задолженности. Для работы с недобросовестными заемщиками кредитные организации создают собственные службы по взысканию просроченной задолженности («внутренние коллекторы») либо привлекают

сторонние организации («внешние коллекторы»). Последние выступают от имени кредитора за определенное вознаграждение или от собственного имени в случае заключенного договора уступки права (требования).

В целях защиты прав и законных интересов как должников, так и взыскателей в 2016 году был принят Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовых организациях”» (далее — Закон № 230-ФЗ) во многом урегулировавший порядок взыскания просроченной задолженности и условия осуществления деятельности в указанном кластере. Закон установил критерии ответственности для организации, осуществляющей деятельность по возврату просроченной задолженности: это может быть кредитная организация либо лицо, осуществляющее данную деятельность в качестве основной и включенную в государственный реестр.

Данный реестр ведет ФССП России, в котором насчитывается 453 действующие организации и 85, исключенных из реестра. В соответствии с постановлением Правительства России [7] данные организации по степени риска разделены на 4 кластера (низкий, средний, значительный, высокий уровень риска) в зависимости от количества и вида нарушений, совершенных подконтрольной организацией. Уровень риска влияет на количество плановых выездных проверок. Так, для организаций с низким уровнем риска плановые проверки не проводятся, тогда как для контроля объектов с высоким уровнем риска проверка осуществляется 1 раз в 2 года. В отношении объектов, отнесенных к высокому и значительному риску, проводится обязательный профилактический визит сотрудников ФССП России не реже одного раза в год. Если при проведении профилактических мероприятий будет установлено, что объект контроля представляет явную непосредственную угрозу причинения вреда охраняемым законом интересам, руководитель территориальной ФССП может принять решение о проведении надзорных мероприятий (п. 37 постановления Правительства Российской Федерации № 1004).

Стоит отметить, что к указанным организациям предъявляются довольно жесткие требования, например, размер чистых активов должен составлять не менее 10 млн рублей, организации следует заключить договор обязательного страхования ответственности за причинение

¹ В 2020 году показатель собираемости долгов принудительного взыскания физических лиц составил 15 %.

убытков должнику при осуществлении своей деятельности, иметь оборудование и программное обеспечение, соответствующее федеральным требованиям [8]; ряд условий предъявляются и к руководству организации (отсутствие судимости, дисквалификации, долгов и неисполненных финансовых обязательств).

За нарушение Закона № 230-ФЗ предусмотрена административная ответственность по статье 14.57 КоАП РФ, состоящая из четырех частей. Данные части разделены по субъектам административного правонарушения: часть 1 — кредитор или лицо, действующее в его интересах («внутренний коллектор»); часть 2 — юридическое лицо, включенное в государственный реестр, осуществляющее деятельность по возврату просроченной задолженности («внешний коллектор»); часть 3 — руководитель или приравненное лицо «внешнего коллектора»; часть 4 — лицо, не имеющее законного права на осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности («нелегальный коллектор»).

Логической цепочкой после принятия профильного закона, установления административной ответственности явилось принятие статьи 172⁴ УК РФ «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности» [1].

В доктринальных источниках о необходимости установления уголовной ответственности за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности указывали многие авторы [9–13], так как «теневая юстиция» (как метко данную деятельность обозначил П. А. Скобликов) масштабировалась до колоссальных размеров. Так, в 2018 году в ФССП России поступило 21 980 обращений, в 2019 году — 28 380, в 2020 году — 27 968 [2]¹. В тоже время данные официальной статистики по количеству привлеченных к ответственности за нарушение требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности (ст. 14.57 КоАП РФ) составило: в 2018 году — 1 200; в 2019 году — 20 294, в 2020 году — 2 802, в 2021 году — 2 576, 2022 году — 323 [14]. Резкое падение количества привлеченных к административной

ответственности лиц по статье 14.57 КоАП РФ связано с ограничениями, установленными Постановлением правительства от 10 марта 2022 года [15], касающегося «моратория» на проведение государственного контроля в рамках требований Закона № 248-ФЗ [16].

Проведенное интервьюирование среди сотрудников ФССП России по Курской области и УМВД России по Курской области (опрошено 67 человек) показало, что уголовные дела по такого рода ситуациям возбуждаются крайне редко (в Курской области за последнее пять лет было возбуждено одно уголовное дело по ст. 159 УК РФ и в дальнейшем прекращено). Практики отметили, что действия виновных сложно дать верную квалификацию, отсутствует единая практика по России, уголовные дела возбуждаются когда причинен существенный вред здоровью или имуществу должника или его близких по «общеуголовным» составам преступлений (ст. 111, 112, 115, 167, 163, 330 УК РФ).

Так, Е. И. Дубов в своем диссертационном исследовании предложил проект статьи 177¹ УК РФ «Незаконная деятельность по возврату просроченной задолженности» [13, с. 14–15], что, на наш взгляд, более уместно, так как местоположение нормы в тексте уголовного закона во многом определяет непосредственный объект. Автор указал, что основным непосредственным объектом могут являться общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения возврата задолженности между заемщиком либо лицом, представляющим его интересы, и должником [13, с. 75]. Исходя из местоположения принятой нормы, основным непосредственным объектом являются общественные отношения, связанные с незаконной банковской деятельностью по возврату просроченной задолженности, образовавшейся на основании заключенного договора (займа). Как справедливо отмечает Е. И. Дубов: «... сам по себе механизм возврата [просроченной задолженности] является неотъемлемой частью кредитных взаимоотношений и в целом — всего финансово-банковского сектора» [13, с. 173]. Дополнительным объектом выступают общественные отношения по защите неприкосновенности жизни, здоровья или собственности.

Следует отметить, что законопроект проходил довольно «тяжело»² [17], и в отзывах

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за незаконную деятельность коллекторов: пояснительная записка к законопроекту № 154486-8). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (дата обращения: 25.08.2023).

² Так, в первоначальном заключении Правового управления указано, что законопроект об усилении ответственности лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в 2018 году был отклонен (постановление от 12 сентября 2018 г. № 4795-7 ГД)

Верховного Суда Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Правового управления содержалось довольно внушительное количество замечаний. Верховный Суд Российской Федерации указал, что действия по возврату просроченной задолженности выходят за рамки экономических отношений, регулируемых Законом № 230-ФЗ, указав по сути, что санкции статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) достаточны для эффективной уголовно-правовой охраны нарушенных интересов должников. Кроме того, действия, сопряженные с причинением вреда здоровью и (или) собственности «вписываются» в признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 11, 112, 115, 116¹, 117–119, 128¹, 167 УК РФ [18]. По сути Верховный Суд Российской Федерации выступил против введения данной нормы.

Объективная сторона заключается в действиях по возврату просроченной задолженности, заключающихся в угрозе применения насилия, угрозе уничтожения или повреждения имущества, угрозе распространения заведомо ложных сведений, порочащих как самого потерпевшего, так и его близких, непосредственном распространении таких сведений. Следовательно, по конструкции объективной стороны часть 1 статьи 172⁴ УК РФ является формальным составом. За пределами уголовно-правовой охраны рассматриваемой нормы оказались действия, связанные с распространением достоверных сведений, но тем не менее могущих опорочить честь и достоинство как самого должника, так и его близких. Такое упущение может спровоцировать ситуации, когда правоохранительные органы не смогут доказать заведомость знания коллектором, что распространенные порочащие сведения не являлись ложными.

Ряд авторов к наиболее типичным преступлениям недобросовестных коллекторов относят вымогательство [19, с. 12–15; 20, с. 31–39], аналогичной позиции придерживаются и практические работники [13, с. 176]. Распространение достоверных порочащих сведений (о совершении правонарушения, аморального поступка) в целях вымогательства имущества должно оцениваться по признакам статьи 163 УК РФ [21]¹.

На разграничении указанных составов целесообразно остановиться более подробно.

¹ О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 56 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

В качестве важного критерия отграничения выступает объект преступления. Видовым объектом в статье 163 УК РФ является отношение собственности, в статье 172⁴ УК РФ — отношения в области экономической деятельности. Высшая судебная инстанция к предмету преступления, предусмотренного статьей 163 УК РФ, относит «...вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права» [21]. В статье 172⁴ УК РФ предметом выступают деньги в размере просроченной задолженности. В статье 163 УК РФ имущество имеет статус «чужого» для виновного (т. е. не принадлежащего ему), в статье 172⁴ УК РФ имущество является «чужим» для потерпевшего, когда так и для виновного, оно является либо его собственным (если коллектор действует на основании договора цессии), либо ему принадлежат лишь «проценты». В любом случае юридически право на требование задолженности у коллектора есть, то есть сами требования по возврату просроченной задолженности являются законными. И здесь большее сходство можно обнаружить с другим не менее «популярным» среди коллекторов преступлением — самоуправство (ст. 330 УК РФ).

Объективная сторона рассматриваемых составов преступлений идентична — это действия (в ст. 172⁴ УК РФ) или требования (в ст. 163 УК РФ) на получение денег (либо иных материальных ценностей) в пользу виновного. Разница, как мы отметили выше, в отсутствии в диспозиции статьи 172⁴ УК РФ указания на распространение порочащих достоверных сведений. Следовательно, если требование выплатить долг сопровождается распространением (угрозой распространения) достоверных порочащих сведений, как следует квалифицировать действия недобросовестного коллектора? Учитывая, что предметом преступления при незаконной деятельности коллектора выступают заемные средства и обязательства должника зафиксированы договором, положения статьи 163 УК РФ не применимы. Юридическая оценка должна осуществляться по признакам статьи 330 УК РФ. Квалификация действий коллекторов по статье 163 УК РФ должна осуществляться, когда сумма требования явно превышает сумму задолженности (с учетом основного долга и процентов за просрочку). Так, Челябинский областной суд указал: «...требования, предъявляемые К., Б., Г. к потерпевшим,

значительно превосходили имевшиеся долговые обязательства граждан и не имели под собой никакого обоснования, то есть требуемые суммы не могли быть оценены как действительное или предполагаемое право представителей ООО «Гарант Инвест» требования установленных судом денежных сумм, что является обязательным условием для квалификации виновных действий как самоуправных» [22]. В другом уголовном деле суд также счел несоотносимым требования коллектора о возврате долга на сумму 10 000 рублей, тогда как задолженность составляла 900 рублей, и квалифицировал действия виновного как вымогательство [23]¹.

Субъект статьи 163 УК РФ — общий, в статье 172⁴ УК РФ — специальный, о признаках которого речь пойдет несколько ниже. Субъективная сторона в рассматриваемых составах — прямой умысел.

Следует признать, что законодатель в целом довольно качественно смог разграничить административную и уголовную норму. По части 1 статьи 14.57 КоАП РФ могут быть привлечены лица, нарушающие условия осуществления способов взаимодействия с должником, тогда как объективная сторона статьи 172⁴ УК РФ заключается в нарушении некоторых общих *требований* к осуществлению действий, направленных на возврат просроченной задолженности. Требования, исчерпывающе определены в части 2 статьи 6 Закона № 230-ФЗ, условия подробно перечислены в частях 3–13 статьи 7 Закона № 230-ФЗ.

К общим требованиям по осуществлению действий, направленных на возврат просроченной задолженности относятся (ч. 2 ст. 6 Закона № 230-ФЗ):

— недопустимость применения физической силы или угрозы ее применения к должнику или иным лицам;

— уничтожение или повреждение имущества или угроза совершения подобных действий;

— применение методов, опасных для жизни и здоровья людей (использование перцового баллончика в отношении должника и третьего лица [24], блокировка или постановка на автодозвон служебного телефона должника, являющегося сотрудником экстренной службы [25]);

— оказание психологического давления (сообщение должнику, что при неуплате долга его

будут разыскивать посредством обхода соседей, звонки на работу третьим лицам, в том числе руководству, «автодозвон», неоднократные звонки должнику с последующим молчанием в трубке [26], существенное превышение количества допустимых звонков [27]);

— совершение действий, нацеленных на унижение чести и достоинства должника (создание группы в одном из мессенджеров с включением должника, его коллег по работе и посторонних лиц с дальнейшим размещением фотографий с «дорисованными генеталиями», оскорбительных высказываний в адрес должника, призывами оплатить долг должника [28], угроза распространения ложной порочащей информации, а равно ее распространение [26]);

— введение должника и иных лиц в заблуждение относительно правовой природы, размера, последствий неисполненного обязательства, а также принадлежности коллектора к органам государственной власти² [29]. В своих разъяснениях ФССП России указывает: «Введение в заблуждение — это ситуация, когда должнику под видом достоверных сведений сообщаются сведения, не соответствующие действительности, несуществующие угрозы, недостоверная информация о просроченной задолженности, ее размере и сроках погашения» [26].

Как видно, далеко не все обязательные требования, указанные в части 2 статьи 6 Закона № 230-ФЗ, сопоставимы с объективной стороной статьи 172⁴ УК РФ, за «скобками» остались действия, описанные в регулятивном законодательстве как «введение в заблуждение».

Признаки субъекта статьи 172⁴ УК РФ были предметом пристального внимания еще на стадии обсуждения законопроекта. В первоначальной редакции нормы это были: лицо, действующее от имени кредитора или в его интересах, кредитор — физическое лицо, работник организации — кредитора [30]. На необходимость конкретизации субъекта преступления указало Правительство Российской Федерации [31], Правовое управление [32].

² В постановлении Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда указано: «Согласно письменным пояснениям Н. Г. Дроздовой, в феврале 2019 года по месту проживания Н. Г. Дроздовой прибыли представители ООО «Акс Финанс Консолидейшн» с требованием погасить имеющуюся задолженность ее сына, которая составляла 22 410 рублей, данные представители также указали на то, что, если до 18.00 часов следующего дня сумма в полном объеме не будет возвращена, то они конфискуют имущество, которое, согласно объяснению Н. Г. Дроздовой, принадлежит ей».

¹ Обобщение кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции за первый квартал 2020 г. (типичные ошибки, допускаемые судами, входящими в кассационный округ). Доступ из СПС «Гарант».

Субъект преступления, предусмотренного статьей 172⁴ УК РФ, — это лицо, действующее от имени организации-кредитора или в ее интересах, в том числе работник организации-кредитора («внутренний коллектор»); лицо, которому переданы права кредитора по договору уступки права (требования), либо лицо, действующее от имени или в интересах лица, которому переданы права («внешний коллектор»). Должен ли иметь юридически закрепленные полномочия коллектор? Смоделируем ситуацию: ООО «А» обращается к физическому лицу за помощью о возврате долга. Последний, используя угрозы, «выбивает» долг и получает «проценты». Представляется, подобный кейс должен оцениваться по признакам «общеуголовного» преступления. Действия «от имени или в интересах» предполагают наличие договорных отношений между кредитором и лицом, выполняющим «коллекторские» функции. При этом факт легальности осуществления коллекторских услуг уголовно-правового значения не имеет, что, на наш взгляд, является упущением законодателя, поскольку осуществление деятельности организацией, не включенной в реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, посягает на нормальную экономическую деятельность (иными словами, это специальный вид незаконного предпринимательства).

Часть 2 статьи 172⁴ УК РФ включает следующие квалифицирующие признаки: группой лиц по предварительному сговору (п. «а»); с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (п. «б»); с уничтожением или повреждением имущества (п. «в»); в крупном размере (п. «г»). Часть 3 статьи 172⁴ УК РФ содержит особо квалифицирующие признаки: организованная группа (п. «а»); с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «б»); особо крупный размер (п. «в»).

Стоит отметить, что каждое второе преступление, связанное с незаконной деятельностью по возврату просроченной задолженности, совершается в *соучастии*. Так, по данным Е. И. Дубова из 103 судебных решений по уголовным делам, связанным с незаконной коллекторской деятельностью 65 были совершены в соучастии [13, с. 307–331].

Так, М. и иные участники организованной группы в целях возврата просроченных задолженностей посредством звонков и личных встреч запугивали должников и их родственников, повреждали имущество должников и

их близких посредством «...запенивания монтажной пеной дверей их автомашин, входных дверей в их квартиры и повреждения оконных стекол в квартирах проживания заемщиков». Их действия были квалифицированы как вымогательство [33]. С принятием рассматриваемой нормы квалификация подобных действий должна быть по пункту «в» части 2 статьи 172⁴, пункту «а» части 3 статьи 172⁴ УК РФ.

Относительно *насильственных методов* следует отметить следующее. Пункт «б» части 2 статьи 172⁴ УК РФ сформулирован аналогично пункту «г» 2 части 2 статьи 161, пункту «в» части 2 статьи 166, пункту «г» части 2 статьи 229, части 3 статьи 296, части 3 статьи 309, части 1 статьи 318, части 1 статьи 321, части 2 статьи 330, части 2 статьи 256¹ УК РФ, то есть формулировка является довольно «типичной». В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указано: «Под насилием, не опасным для жизни или здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)» [34]. «Применение насилия в качестве квалифицирующего признака самоуправства выражается в непосредственном физическом воздействии на человека, а также в причинении легкого и средней тяжести вреда здоровью. Самоуправные действия, направленные на получение долга с потерпевшего путем применения насилия, сопряженные с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, квалифицируются по части 2 статьи 330 и пункту «а» части 3 статьи 111 УК РФ» [35].

Однако, в судебной практике имеют место противоречивые решения. Так, Ш. был осужден по части 2 статьи 330, пункту «в» части 2 статьи 115 УК РФ, пункту «з» части 2 статьи 112 УК РФ. Виновный отдал потерпевшему в ремонт два мобильных телефона и другую технику. В оговоренный срок ремонт произведен не был, техника не возвращена. Ш. приехал домой к потерпевшему, где произошла драка, в ходе которой потерпевшему был причинен вред здоровью, квалифицированный по признакам пункта «в» части 2 статьи 115 УК РФ. Позже Ш. привез в гараж потерпевшего, требуя возврата своего имущества, где еще раз избил последнего. Его действия суд квалифицировал по признакам пункта «з» части 2 статьи 112 УК РФ [36].

В другом уголовном деле о самоуправстве, связанном с применением насилия указано: «...находясь на лестничной площадке 12 этажа вышеуказанного дома, потребовал от ФИО погашения указанной задолженности, нанеся последнему не менее 1 удара рукой, сжатой в кулак, в область левой части головы ФИО, после чего схватил ФИО за область груди и резким движением рук сделал рывок руками на себя, а также нанес последнему не менее 1 удара рукой, сжатой в кулак, в область левой части головы ФИО, причинив последнему своими умышленными преступными действиями физическую боль и следующие телесные повреждения: баротравму левого уха, сопровождавшуюся снижением слуха, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья и расценивающиеся как **легкий вред здоровью** (выделено нами. — С. Ш., А. Б.)» [37]. Действия виновного квалифицированы по части 2 статьи 330 УК РФ.

Аналогичная квалификация была дана действиям Г., Н., совершившим самоуправство с применением насилия при требовании возврата долга в пользу ООО «ТК Инновации». В приговоре указано: «Существенный вред, причиненный действиями осужденных, выразился в том, что *** и *** были причинены телесные повреждения, в результате которых ***, согласно заключению эксперта, был причинен легкий вред здоровью и вред здоровью средней тяжести, ***, согласно заключению эксперта, были причинены телесные повреждения, не причинившие вреда здоровью» [38]. Как самоуправство с применением насилия квалифицированы действия П., Д., Л., П., которые насильственно пытались выселить из арендованного жилья двух потерпевших. Судебно-медицинская экспертиза причиненный вред здоровью оценила как небольшой и средней тяжести [39].

Применение насилия, опасного для жизни и здоровья (п. «б» ч. 3 ст. 172⁴ УК РФ), также довольно «типичный» признак для формулирования квалифицированных составов похищения человека, незаконного лишения свободы (п. «в» ч. 2 ст. 126, п. «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ), разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ), неправомерного завладения автомобилем (ч. 4 ст. 166 УК РФ) захвата заложника (п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ), угона воздушного или водного транспорта (п. «в» ч. 3 ст. 211 УК РФ), хищения или вымогательства ядерных материалов, оружия, наркотиков (п. «б» ч. 3 ст. 221, п. «б» ч. 4 ст. 226, п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ) действий в отношении судьи и иных участников судебного заседания, представителя власти, сотрудника уголовно-исполнительной системы

(ч. 4 ст. 296, ч. 4 ст. 309, ч. 2 ст. 318, ч. 3 ст. 321 УК РФ), побега из мест лишения свободы (ч. 3 ст. 313 УК РФ), мародерства (п. «в» ч. 3 ст. 356¹ УК РФ).

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснено: «...завладение имуществом, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, которое хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья» [34]. «Под насилием, опасным для жизни или здоровья (ст. 162 УК РФ), следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности» [34].

Квалифицирующие признаки, касающиеся размера. Критерии размера определены в примечании к статье 170² УК РФ. Крупный размер — это задолженность свыше 2 250 тыс. рублей, особо крупный — 9 млн рублей. Прогнозируемо в следственно-судебной практике по указанным признакам могут возникнуть сложности исчисления задолженности либо по фактическому долгу, либо исходя из требования коллектора. Учитывая, что рассматриваемое преступление не является преступлением против собственности, в том смысле, что просроченная задолженность представляет собой долг и проценты, но никак не произвольно «определенный» коллектором размер требования, правоохранительные органы и суд должны исходить из документально подтвержденных обязательств. В случае существенной разницы между задолженностью и требованием коллектора возможна квалификация действий виновного по статьям 172⁴ и 163 УК РФ.

Подводя итог, попытаемся представить рекомендации по правильному применению статьи 172⁴ УК РФ. Непосредственным объектом являются общественные отношения, связанные с незаконной банковской деятельностью по возврату просроченной задолженности, образовавшейся на основании заключенного договора (займа). Дополнительным объектом выступают общественные отношения по защите неприкосновенности жизни, здоровья или собственности. Объективная сторона — действия по возврату просроченной задолженности, нарушающие общие требования, изложенные в части 2 статьи 6 Закона № 230-ФЗ, за исключением распространения достоверных

порочащих сведений о потерпевшем или его близких или введением должника (и иных лиц) в заблуждение. Субъект — специальный. Это либо «внешний», либо «внутренний» коллектор, юридически имеющий право на требование просроченной задолженности. Для квалификации не имеет значения ненахождение «внешнего» коллектора в реестре лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности. Субъективная сторона — прямой умысел.

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 10 июля 2023 года № 323-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 14.07.2023).

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за незаконную деятельность коллекторов): пояснительная записка к законопроекту № 154486-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (дата обращения: 30.07.2023).

3. Правительство предложило упростить отказ от общения с коллекторами. URL: <https://www.rbc.ru/finances> (дата обращения: 21.07.2023).

4. О запрете привлечения иных лиц для взаимодействия с должником: пояснительная записка к проекту федерального закона. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 01.07.2023).

5. Ведомственная статистическая отчетность. URL: <https://fssp.gov.ru/statistics> (дата обращения: 14.07.2023).

6. Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных бюро кредитных историй. Второе полугодие 2022 года. Москва, 2023. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (дата обращения: 14.07.2023).

7. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за деятельностью юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенных в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности: постановление Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 года № 1004. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 14.07.2023).

8. Об утверждении требований к оборудованию и программному обеспечению юридического лица,

включенного в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 109. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 14.07.2023).

9. Скобликов П. А. «Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с организованными и иными криминальными проявлениями в сфере имущественных споров в современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001.

10. Рачков С. А. Преступления в сфере кредитных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002.

11. Дугричилова Д. М. Преступления в сфере кредитно-банковской деятельности: общая характеристика и вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005.

12. Шадрин О. В. Уголовная ответственность за преступления в банковско-кредитной сфере по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008.

13. Дубов Е. И. Уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям, связанным с деятельностью по возврату просроченной задолженности: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022.

14. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях № 1-АП / Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018–2022 годы. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 14.07.2023).

15. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 года № 336 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11, ст. 1715.

16. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 14.07.2023).

17. Заключение правового управления к законопроекту № 154486-8. URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/отзыв%20BC%20\(5\).pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/отзыв%20BC%20(5).pdf)

18. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации к законопроекту № 154486-8. URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/отзыв%20BC%20\(5\).pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/отзыв%20BC%20(5).pdf) (дата обращения: 14.07.2023).

19. Чхвимиани Э. Ж., Скогорева Т. Ф. Проблемные вопросы осуществления коллекторской деятельности // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 3 (37). С. 12–15.

20. Алиева Л. Н. К., Ивенский А. И. Проблемы регулирования деятельности негосударственных юри-

дических лиц по возврату просроченной задолженности // Вестник ВУиТ. 2018. № 3. С. 31–39.

21. О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 56 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

22. Приговор № 10-5388/2018 от 20 ноября 2018 года по делу № 10-5388/2018. Челябинский областной суд (Челябинская область). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.07.2023).

23. Обобщение кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции за первый квартал 2020 года (типичные ошибки, допускаемые судами, входящими в кассационный округ). Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 14.07.2023).

24. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 21 июля 2020 года № 03АП-3017/20 по делу № А33-5322/2020. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

25. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 марта 2023 года № 11АП-832/23 по делу № А65-29877. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

26. Руководство по соблюдению юридическими лицами, включенными в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, обязательных требований (утв. Федеральной службой судебных приставов 28 июня 2022 г. № 2). Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

27. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2023 года № 07АП-12065/22 по делу № А03-13652/2022. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

28. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 23 декабря 2022 года по делу № А65-29877/2022. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

29. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 июня 2020 года № 19АП-1332/20 по делу № А35-7609/2019. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

30. Текст внесенного законопроекта № 154486-8 от 29 июня 2022 года. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

31. Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на законопроект № 154486-8 от 29 июня 2022 года. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (дата обращения: 21.07.2023).

32. Заключение Правового управления на законопроект № 154486-8 от 29 июня 2022 года. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (дата обращения: 21.07.2023).

33. Постановление Ломоносовского районного суда г. Архангельска Архангельской области № 1-401/2017 от 7 ноября 2017 года по делу № 1-401/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.07.2023).

34. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

35. Энциклопедия судебной практики. Самоуправство (ст. 330 УК). Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

36. Приговор № 1-32/2019 от 10 июня 2019 года по делу № 1-32/2019. Кондопожский городской суд (Республика Карелия). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

37. Постановление № 1-846/2019 от 21 августа 2019 года по делу № 1-846/2019. Приморский районный суд (г. Санкт-Петербург). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

38. Апелляционное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 2 сентября 2020 года по делу № 10-14482/2020. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

39. Кассационное определение СК по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 5 февраля 2020 года по делу № 7У-223/2019[77-74/2020-(77-160/2019)]. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

References

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 323-FZ of July 10, 2023. Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 14.07.2023). (In Russ.)

2. Explanatory note to draft law no. 154486-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (accessed 30.07.2023). (In Russ.)

3. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (regarding the Establishment of criminal Liability for Illegal Activities of Collectors: The government proposed to simplify the refusal to communicate with collectors. URL: <https://www.rbc.ru/finances> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

4. On the prohibition of attracting other persons to interact with the debtor: explanatory note to the draft federal law. Access from the reference legal system

"GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 01.07.2023). (In Russ.)

5. Departmental statistical reporting. URL: <https://fssp.gov.ru/statistics> (accessed 14.07.2023). (In Russ.)

6. Analysis of trends in the retail lending segment based on data from credit bureaus. The second half of 2022. Moscow, 2023. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (accessed 14.07.2023) (In Russ.)

7. On Approval of the Regulations on Federal State Control (Supervision) over the Activities of Legal Entities Engaged in the Return of Overdue Debts as the Main Activity Included in the State Register of Legal Entities Engaged in the Return of Overdue Debts as the main activity: decree of the Government of the Russian Federation no. 1004 of June 25, 2021. Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 14.07.2023). (In Russ.)

8. On Approval of requirements for equipment and Software of a Legal Entity Included in the State Register of Legal Entities Engaged in the Return of Overdue Debts as the main activity: order of the Ministry of Justice of the Russian Federation no. 109 of June 30, 2021. Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 14.07.2023). (In Russ.)

9. Skoblikov P. A. Criminal-legal and criminological problems of combating organized and other criminal manifestations in the field of property disputes in modern Russia. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2001. (In Russ.)

10. Rachkov S. A. Crimes in the sphere of credit relations. Dissertation... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2002. (In Russ.)

11. Dugrichilova D. M. Crimes in the sphere of credit and banking activity: general characteristics and qualification issues. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2005. (In Russ.)

12. Shadrina O. V. Criminal liability for crimes in the banking and credit sphere under the criminal law of the Russian Federation: Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2008. (In Russ.)

13. Dubov E. I. Criminal-legal mechanism for counteracting crimes related to the return of overdue debts. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2022. (In Russ.)

14. Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of cases of administrative offenses no. 1-AP / Summary statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for 2018–2022. URL: <http://cdep.ru> (accessed 14.07.2023). (In Russ.)

15. On the specifics of the organization and implementation of state control (supervision), municipal control: decree of the Government of the Russian Federation no. 336 of March 10, 2022. *Collection of legislative acts of the RF*, 2022, no. 11, art. 1715. (In Russ.)

16. On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation: federal law no. 248-FZ of July 31, 2020. Access from the reference legal sys-

tem "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 14.07.2023). (In Russ.)

17. Conclusion of the legal department to the bill no. 154486-8. URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/review%20BC%20\(5\).pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/review%20BC%20(5).pdf) (In Russ.)

18. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: official review of the Supreme Court of the Russian Federation to draft law no. 154486-8. URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/review%20BC%20\(5\).pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/review%20BC%20(5).pdf) (accessed 14.07.2023). (In Russ.)

19. Chkhvimiani E. Zh., Skogoreva T. F. Problematic issues of collection activities. *Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3 (37), pp. 12–15. (In Russ.)

20. Alieva L. N. K., Ivensky A. I. Problems of regulating the activities of non-state legal entities for the repayment of overdue debts. *Vestnik VUIIT*, 2018, no. 3, pp. 31–39. (In Russ.)

21. On judicial practice in cases of extortion (Art. 163 of the Criminal Code of the Russian Federation): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 56 of December 17, 2015. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2016, no. 2. (In Russ.)

22. Verdict no. 10-5388/2018 of November 20, 2018 in case no. 10-5388/2018. Chelyabinsk Regional Court (Chelyabinsk region). URL: <https://sudact.ru> (accessed 14.07.2023). (In Russ.)

23. Summary of the cassation practice of the Judicial Collegium on Criminal Cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction for the first quarter of 2020 (typical mistakes made by courts belonging to the cassation district). Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 14.07.2023). (In Russ.)

24. Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal of July 21, 2020 no. 03AP-3017/20 in the case no. A33-5322/2020. Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

25. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of March 1, 2023 no. 11AP-832/23 in the case no. A65-29877/2022 Access from the IPP "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

26. Guidelines for compliance by legal entities included in the State Register of Legal Entities engaged in the return of overdue debts as the main type of activity, mandatory requirements (approved by the Federal Bailiff Service on June 28, 2022 no. 2). Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 07.21.2023). (In Russ.)

27. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal of February 14, 2023 no. 07AP-12065/22 in case no. A03-13652/2022. Access from the reference legal system "GARANT" (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

28. The decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan of December 23, 2022 in case no. A65-29877/2022. Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

29. Resolution of the Nineteenth Arbitration Court of Appeal of June 11, 2020 no. 19AP-1332/20 in case no. A35-7609/2019. Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

30. The text of the introduced bill no. 154486-8 of June 29, 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

31. Official response of the Government of the Russian Federation to bill no. 154486-8 of June 29, 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (accessed 21.07.2023) (In Russ.)

32. Conclusion of the Legal Department on bill no. 154486-8 of June 29, 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

33. Resolution of the Lomonosov District Court of Arkhangelsk, Arkhangelsk region no. 1-401/2017 of November 7, 2017 in case no. 1-401/2017. URL: <https://sudact.ru> (accessed 30.07.2023). (In Russ.)

34. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: resolution of the Plenum of the Supreme Court

of the Russian Federation no. 29 of December 27, 2002. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2003, no. 2. (In Russ.)

35. Encyclopedia of judicial practice. Arbitrariness (Art. 330 of the Criminal Code). Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

36. Verdict no. 1-32/2019 of June 10, 2019 in case no. 1-32/2019. Kondopoga City Court (Republic of Karelia). URL: <https://sudact.ru> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

37. Resolution no. 1-846/2019 of August 21, 2019 in case no. 1-846/2019. Primorsky District Court (The City of St. Petersburg). URL: <https://sudact.ru> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

38. Appeal ruling of the Criminal Court of the Moscow City Court of September 2, 2020 in case no. 10-14482/2020. Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

39. Cassation ruling of the IC on criminal cases of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of February 5, 2020 in case no. 7U-223/2019[77-74/2020-(77-160/2019)]. Access from the reference legal system "GARANT". URL: <https://base.garant.ru> (accessed 21.07.2023). (In Russ.)

Информация об авторах

С. В. Шевелева — доктор юридических наук, профессор;

А. Б. Баумштейн — доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. V. Sheveleva — Doctor of Sciences (Law), Professor;

A. B. Baumstein — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.07.2023; одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 31.07.2023; approved after reviewing 31.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-96-101>

Законодательная регламентация общественно опасных последствий преступлений в сфере экономики в советском уголовном законодательстве

Алексеев Андрей Михайлович

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия, shevchenko23fpou@mail.ru

Аннотация. В представленной статье с использованием историко-правового метода рассматривается законодательная регламентация общественно опасных последствий преступлений в сфере экономики в советском уголовном законодательстве, выявляются особенности их конструирования в отдельных уголовно-правовых актах. В частности, обращается внимание на то, что в неcodифицированном уголовном законодательстве 1917–1922 годов в составах хозяйственных преступлений практически не содержится указаний на наступление общественно опасных последствий, однако начиная с УК РСФСР 1922 года они начинают использоваться в конструкциях, предусматривавших охрану экономических отношений. Впоследствии в УК РСФСР 1926 и 1960 годов общественно опасные последствия становятся важным критерием дифференциации уголовной ответственности и широко распространяются в регламентации соответствующих составов преступлений. Одновременно с этим Уголовный закон 1960 года не раскрывал содержание тех или иных последствий, предоставляя эти полномочия должностным лицам правоохранительных органов и судам, что негативно сказывалось на единообразии и точности применения уголовного законодательства.

Ключевые слова: советское уголовное законодательство, историко-правовой метод, неcodифицированное законодательство, УК РСФСР 1922 года, УК РСФСР 1926 года, УК РСФСР 1960 года, хозяйственные преступления, общественно опасные последствия, оценочные понятия

Для цитирования: Алексеев А. М. Законодательная регламентация общественно опасных последствий преступлений в сфере экономики в советском уголовном законодательстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 96–101. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-96-101>.

Original article

Legislative regulation of socially dangerous consequences of economic crimes in Soviet criminal legislation

Andrey M. Alekseev

I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation, shevchenko23fpou@mail.ru

Abstract. In the presented article, using the historical and legal method, the legislative regulation of socially dangerous consequences of crimes in the sphere of economy in the Soviet criminal legislation is considered, the peculiarities of their construction in individual criminal legal acts are revealed. In particular, attention is drawn to the fact that in the uncoded criminal legislation of 1917–1922, the compositions of economic crimes contain practically no indications of the onset of socially dangerous consequences, however, since the Criminal Code of the RSFSR of 1922, they begin to be used in constructions providing for the protection of economic relations, subsequently, in the Criminal Code of the RSFSR of 1926 and 1960, socially dangerous consequences become an important criterion for the differentiation of criminal responsibility and are widely distributed in the regulation of the corresponding compositions of crimes. At the same time, the Criminal Law of 1960 did not disclose the content of certain consequences, granting these powers to law enforcement officials and courts, which negatively affected the uniformity and accuracy of the application of criminal legislation.

Keywords: Soviet criminal legislation, historical and legal method, uncoded legislation, Criminal Code of the RSFSR of 1922, Criminal Code of the RSFSR of 1926, Criminal Code of the RSFSR of 1960, economic crimes, socially dangerous consequences, evaluative concepts

© Алексеев А. М., 2023

For citation: Alekseev A. M. Legislative regulation of socially dangerous consequences of crimes in the sphere of economy in the Soviet criminal legislation. *Legal Science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 96–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-96-101>.

Одним из юридико-технических инструментов оформления уголовно-правовых норм выступают конструкции общественно опасных последствий, определяющие степень опасности деяния. Особую роль они играют в экономических преступлениях, поскольку в большей части статей VIII раздела Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) с ними связывается момент окончания преступных посягательств. В условиях социально-политических и экономических метаморфоз происходит активное реформирование экономического уголовного законодательства, большое внимание в этом процессе уделяется конструкциям общественно опасных последствий. Отметим, что их исследование не может быть осуществлено в полной мере без рассмотрения их в советском уголовном законодательстве, наследником которого выступает действующий УК РФ. Эволюция уголовно-правовых конструкций составов преступлений в сфере экономики позволит обнаружить их преемственность, значимые исторические закономерности, положительный и негативный опыт законодательства. Для реализации данной научно-исследовательской процедуры традиционно применяется историко-правовой метод.

Занимая важное место в методологическом аппарате современной социально-гуманитарной науки, в том числе юриспруденции, он широко используется как при проведении комплексных исследований, так и при разработке частных проблем государства и права. На это обращали внимание как дореволюционные, советские, так и современные ученые. Комплексная научная оценка предшествующих правовых предписаний помогает обнаружить положительные и негативные правотворческие примеры и учитывать их при совершенствовании действующего уголовного законодательства [1, с. 172–173].

Историко-правовому методу в уголовном праве не зря всегда уделялось большое внимание, поскольку отечественное уголовное законодательство имеет глубокую историко-социальную обусловленность. Понять многие современные институты и закономерности противодействия преступности невозможно без ретроспективного обращения к прошлому опыту государственно-правового развития.

Проблема общественно опасных последствий преступлений в рассматриваемой сфере практически не поднималась в советской

уголовно-правовой науке. Несмотря на это, конструкции общественно опасных последствий имели большое значение для регламентации отношений хозяйственной деятельности и охраны социалистической собственности.

Вновь утвержденная Советская власть, национализируя крупные промышленные объекты, банки, водный и железнодорожный транспорт, устанавливала систему жесткого контроля народного хозяйства в целях его планомерного регулирования. Уголовное законодательство 1917–1922 годов имело некодифицированный характер и определялось многочисленными инструкциями, декретами и постановлениями, имеющими межотраслевое содержание. Принять кодифицированный уголовно-правовой акт в указанное время было невозможно по причине высокой динамичности общественных отношений, их неустойчивости вследствие произошедших государственных преобразований [2, с. 91].

Необходимость наведения порядка в условиях государственно-политической нестабильности, гражданской войны и контрреволюционных посягательств, требовали принятия категоричных мер в борьбе с враждебными по отношению к новому правительству элементами. По этой причине к особенностям юридико-технического оформления составов преступлений относится отсутствие в их конструкциях указаний на общественно опасные последствия.

Так, в Декрете СНК от 22 июля 1918 года «О спекуляции» [3] устанавливалась ответственность за сбыт, скупку, хранение с целью сбыта продуктов питания, подделку и оборот продовольственных карточек и купонов без указания на какой бы то ни было размер причиненного ущерба. Постановление ВЦИК от 20 июня 1919 года «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» [4] предписывало наказывать вплоть до расстрела, за доказанные подделку денежных знаков, бандитизм, разбой, грабеж и взлом советских и общественных складов и магазинов с целью незаконного хищения. Привлечение лиц к ответственности за совершенное противоправное деяние в хозяйственной сфере, независимо от наступивших последствий, обуславливалось классово-идеологическим характером проводимой уголовной политики и нарастающей угрозой промышленного и продовольственного кризиса.

Признаки подавляющего большинства преступлений в рассматриваемой сфере имели чрезмерно абстрактный и неопределенный характер, предоставляя должностным лицам большие возможности в борьбе с искоренением контрреволюционных и спекулятивных проявлений. Несмотря на это, в некоторых документах обнаруживаются косвенные указания на размер причиняемого преступлением ущерба, однако они нигде не раскрываются. Например, в Декрете ВЦИК от 18 марта 1920 года «О революционных трибуналах» [5] упоминаются дела о «крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учет», а также дела по «крупным должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищениях и подлогах». Использование термина «крупный» свидетельствует о дифференциации ответственности, однако нигде не дается его толкования.

Накопленный опыт социалистических методов государственного управления, теоретическое обоснование новых принципов охраны правоотношений и способов борьбы с преступностью позволили разработать первый советский кодифицированный уголовно-правовой акт Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [6]. Он стал результатом обобщения сложившейся в 1917–1922 годах правоприменительной практики и одновременно с этим аккумулировал в себе и потенциал для реализации обновленной уголовно-правовой политики.

В принятом УК РСФСР 1922 года деяния, совершаемые в сфере, именуемой сегодня экономической, рассматривались либо как преступления против порядка управления, либо как хозяйственные или имущественные преступления [7, с. 31]. В статьях 78–80, 85 и 97 УК РСФСР 1922 года, предусматривающих ответственность фактически за налоговые преступления, а также за подделку денежных знаков и контрабанду отсутствовали указания на наступающие общественно опасные последствия.

Ряд составов хозяйственных преступлений в качестве обязательных предусматривают наступление определенных последствий. Статья 128 УК РСФСР 1922 года устанавливала наказание за бесхозяйственное ведение лицами, стоящими во главе государственных учреждений и предприятий порученного им дела, *в результате чего не был выполнен производственный план или ухудшилось качество выпускаемых изделий или было расточено имущество предприятий*. За фальсификацию предметов потребления, *которая имела или могла иметь последствием причинение вреда здоровью*

предусматривалась ответственность по статье 191 УК РСФСР 1922 года. Охраняя социалистическую собственность, законодатель предусматривал наказание за мошенничество, *имевшее своим последствием убыток, причиненный государственному или общественному учреждению* (ст. 188).

Подавляющее количество преступлений рассматриваемой группы в УК РСФСР 1922 года не предусматривало в качестве обязательного условия наступление общественно опасных последствий и, следовательно, они не выступали в качестве критерия дифференциации ответственности.

УК РСФСР 1926 года [8] в целом сохранил подходы к противодействию преступлениям в сфере экономики, заложенные в предыдущем уголовном законе. Усиление плано-регулирующих начал, проведение целого комплекса реформ, обусловили высокую динамичность советского законодательства этой эпохи, в том числе и уголовного.

В УК РСФСР 1926 года общественно опасные последствия начинают использоваться в качестве средства разделения ответственности и основания для выделения квалифицированных составов преступлений. Например, статья 79 устанавливала ответственность за умышленное истребление или повреждение имущества государственных учреждений и предприятий (ч. 1), если в результате этого последовала приостановка или перерыв производства или причинен другой тяжелый ущерб государству (ч. 2). В статье 79² ответственность наступала за порчу и поломку колхозных тракторов и сельхоз машин (ч. 1), причинившее крупный ущерб (ч. 2).

Стоит отметить, что вплоть до принятия УК РСФСР 1960 года законодательный потенциал установления общественно опасных последствий преступлений в качестве криминообразующих признаков не был воспринят надлежащим образом. Они не использовались для разграничения уголовно и административно наказуемых деяний, ответственность чаще всего устанавливалась не за размер причиненного государству и обществу ущерба, а за сам факт совершения преступления. Следует признать оправданным такой подход в условиях, складывающихся в рассматриваемое время общественных отношений.

УК РСФСР 1960 года [9] существенно обновил нормативную базу противодействия преступности с учетом произошедших за последние десятилетия экономических и политических

преобразований. В конструкциях составов преступлений, охраняющих хозяйственную сферу и собственность, все чаще встречаются общественно опасные последствия как одно из условий наступления уголовной ответственности.

Статья 78 «Контрабанда» в числе прочих признаков предусматривала совершение незаконного перемещения через государственную границу СССР товаров и иных ценностей в *крупных размерах*. Однако, что понимать под крупным размером в данном случае УК РСФСР 1960 года не раскрывало. В специальных комментариях также не давалось характеристики крупного размера контрабанды, отмечалось лишь, что это перемещение «большого количества товаров или перемещение товаров на большую сумму» [10, с. 179]. В одних случаях, крупным размером называлась сумма 50 тыс. рублей, в других, например, 27 529 рублей [11, с. 266].

Статья 88 «Нарушение правил о валютных операциях» в качестве признака квалифицированного состава в части 2 предусматривала ответственность за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами в крупных размерах. Отметим, что по данной норме предусматривалось наказание вплоть до смертной казни. В изначальной редакции УК РСФСР 1960 года часть 2 отсутствовала и появилась лишь в 1961 году в связи с повышенной общественной опасностью посягательств на устойчивость валютного курса рубля. Определение крупного размера применительно к данной статье также осуществлялось исходя из конкретных обстоятельств дела с учетом как размера производственной сделки, так и полученной наживы.

В главе, посвященной преступлениям против социалистической собственности значительная часть статей в качестве основного и квалифицирующего признака предусматривает наступление как известных, так и неизвестных современному уголовному законодательству общественно опасных последствий: крупный размер (ч. 3 ст. 89, ч. 3 ст. 90, п. «е» ч. 2 ст. 91); особо крупный размер (ст. 93¹); крупный ущерб (ч. 3 ст. 92, ч. 3 ст. 93, ч. 2 ст. 99¹); иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 98, ст. 99, ч. 2 ст. 98); человеческие жертвы (ч. 2 ст. 98, ст. 99); порча, поломка или разукрупнение тракторов, автомобилей, комбайнов и иных сельскохозяйственных машин (ч. 1 ст. 99¹); повреждение или гибель имущества в крупных размерах (ст. 100); имущественный ущерб (ст. 94).

Отметим при этом, что ни в одной статье УК РСФСР 1960 года не говорится о количестве крупного и особо крупного размера, ущерба

и других видах последствий. Данные вопросы раскрывались в многочисленных судебных актах. Например, Президиум Верховного Суда РСФСР разъяснил, что в судебной практике хищение государственного или общественно-го имущества считается крупным при розничной стоимости похищенного на сумму более 2 500 рублей, однако в случае особой важности предмета хищения для признания размера крупным может быть признана и меньшая сумма [12]. Это правило определения крупного размера относилось ко всем преступлениям данной главы, на что указывал пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР № 31 от 22 марта 1966 года [13].

Как отмечает А. А. Пионтковский, при определении крупного размера нужно учитывать не только сумму похищенного, но и наступившие в результате его совершения последствия. Например, кража семенного материала или горючего для сельскохозяйственных машин даже и не на крупную сумму, но ставящее под угрозу проведение посевной или уборочной кампании, квалифицировались судами по части 3 статьи 89 УК РСФСР 1960 года [11, с. 351].

Для признания причиненного ущерба государству (ч. 3 ст. 92) крупным нужно учитывать как стоимость похищенного, так и характер, и размер причиненного организационного ущерба. Особо крупный размер хищения государственного или общественного имущества (ст. 93¹) уголовным законом также не определен. В правоприменительной практике того времени сложилось мнение, что особо крупной считается сумма свыше 10 тыс. рублей. Тяжкие последствия, применительно к статье 99 также устанавливались, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Таким образом, принятый в УК РСФСР 1960 года законодательный подход к конструированию составов преступлений, характеризующийся отсутствием указаний точных размеров общественно опасных последствий, увеличивал возможности судебной практики при их определении в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Толкования, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда, также не отличались единообразием, стоимостные критерии формулировались с использованием множества оценочных категорий.

Проведенное историко-правовое исследование общественно опасных последствий преступлений в сфере экономики по советскому уголовному законодательству позволяет сформулировать следующие основные выводы.

В некодифицированных законодательных памятниках (инструкциях, декретах, постановлениях, наставлениях) общественно опасные последствия практически не использовались при формулировании соответствующих составов преступлений. Ответственность наступала за сам факт совершения преступления, независимо от размера причиненного вреда.

В кодифицированных уголовных актах (УК РСФСР 1922 года, УК РСФСР 1926 года) общественно опасные последствия в конструкциях уголовно-правовых норм применяются для дифференциации ответственности с использованием специальных терминов: «невыполнение производственного плана», «ухудшение качества выпускаемых изделий», «расточение имущества предприятий», «причинение вреда здоровью», «убыток, причиненный государственному или общественному учреждению», «приостановка или перерыв производства», «крупный ущерб». Ряд из них восприняты и используются в современном уголовном законодательстве, а ряд из них следует признать несостоятельными с юридико-технической точки зрения.

В УК РСФСР 1960 года общественно опасные последствия получили широкое распространение и использовались в качестве средства формулирования квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений в сфере экономики, без конкретизации эвальных критериев, что расширяло сферу судебного усмотрения.

Список источников

1. Абдулханьянов И. А. Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2. С. 172–176.
2. Абдулханьянов И. А. Ретроспективное исследование юридической фикции в нормах советского некодифицированного уголовного законодательства 1917–1922 гг. // *Lus publicum et privatum*. 2023. № 1. С. 89–98.
3. О спекуляции: декрет СНК от 22 июля 1918 года // Известия ВЦИК. 1918. № 156.
4. Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении: постановление ВЦИК от 20 июня 1919 года // Собрание узаконений. 1919. № 27, ст. 301.
5. «О революционных трибуналах»: декрет ВЦИК от 18 марта 1920 года // Собрание узаконений. 1920. № 58, ст. 549.
6. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 80, ст. 153.

7. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 763 с.

8. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.

9. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

10. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. Москва: «Юридическая литература», 1971. 528 с.

11. Курс советского уголовного права. Т. IV: Часть Особенная: Государственные преступления и преступления против социалистической собственности / ред. кол.: А. А. Пионтковский и др. Москва: Наука, 1970. 516 с.

12. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1963. № 1.

13. О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РСФСР № 31 от 22 марта 1966 года «О судебной практике по делам о грабеже и разбое»: постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1970 года № 54.

References

1. Abdulkhannyanov I. A. A retrospective study of criminal-legal fiction in the norms of the Cathedral Code of 1649. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2, pp. 172–176. (In Russ.)
2. Abdulkhannyanov I. A. A retrospective study of legal fiction in the norms of the Soviet uncoded criminal legislation of 1917–1922. *Lus publicum et privatum*, 2023, no. 1, pp. 89–98. (In Russ.)
3. On speculation: decree of the Council of People's Commissars of July 22 1918. *Izvestiya VTSIK*, 1918, no. 156. (In Russ.)
4. On exemptions from general jurisdiction in areas declared under martial law: resolution of the Central Executive Committee of June 20, 1919. *Collection of legalizations*, 1919, no. 27, art. 301. (In Russ.)
5. On revolutionary tribunals: decree of the Central Executive Committee of March 18, 1920. *Collection of legalizations*, 1920, no. 58, art. 549. (In Russ.)
6. The Criminal Code of the RSFSR of 1922. *Collection of legalizations and orders of the RSFSR RCP*, 1922, no. 80, art. 153. (In Russ.)
7. Volzhenkin B. V. Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia. St. Petersburg: R. Aslanov House "Legal Center Press" Publ., 2007. 763 p. (In Russ.)
8. The Criminal Code of the RSFSR of 1926. *Collection of legalizations and orders of the RCP of the RSFSR*, 1926, no. 80, art. 600. (In Russ.)
9. The Criminal Code of the RSFSR of 1960. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR*, 1960, no. 40, art. 591. (In Russ.)

10. Commentary on the Criminal Code of the RSFSR, Moscow: "Legal Literature" Publ., 1971. 528 p. (In Russ.)

11. The course of Soviet criminal law. Vol. IV: Special Part: State crimes and crimes against socialist property. Moscow: Nauka Publ., 1970. 516 p. (In Russ.)

12. *Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR*, 1963, no. 1. (In Russ.)

13. On Amendments and Additions to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR no. 31 of March 22, 1966 On judicial practice in cases of robbery and robbery: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR no. 54 of December 23, 1970. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-102-105>

Уголовный проступок в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года

Берестнев Артем Иванович

Камчатский филиал Российского университета кооперации, Петропавловск-Камчатский, Россия, Berestnev_artiom@mail.ru

Аннотация. Представленное исследование дает читателю базовое представление о сущности Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года, истории его создания, особенностях его применения, преимуществах и недостатках. Автор предпринимает попытку дать оценку данному нормативному правовому акту. Отдельно дано предположение о выделении опыта, применимого для решения актуальных проблем отечественного права.

Ключевые слова: уголовное законодательство, историко-правовой метод, уголовный проступок, дореволюционное право

Для цитирования: Берестнев А. И. Уголовный проступок в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 102–105. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-102-105>.

Original article

Criminal Misdemeanor in the Statute on Punishments Imposed by Justices of the Peace of 1864

Artem I. Berestnev

Kamchatka Branch of the Russian University of Cooperation, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russian Federation, Berestnev_artiom@mail.ru

Abstract. The presented research gives the reader a basic idea of the essence of the Statute on punishments imposed by Justices of the Peace in 1864, the history of its creation, the features of its application, advantages and disadvantages. The author attempts to assess this normative legal act. Separately, an assumption is made about the allocation of experience applicable to solving topical problems of domestic law.

Keywords: criminal legislation, historical and legal method, criminal offense, pre-revolutionary law

For citation: Berestnev A. I. Criminal offense in the Statute on Punishments imposed by Justices of the Peace in 1864. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 102–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-102-105>.

Современное уголовное законодательство характеризуется высокой динамичностью, далеко не всегда сопровождающейся соответствующим научным обоснованием тех или иных правотворческих решений. Последние десятилетия в юридической науке и практике ведется оживленная дискуссия о целесообразности (необходимости) закрепления в уголовном законе такой категории, как уголовный проступок. Сторонники и противники введения уголовного проступка по-разному аргументируют сущность

данного правового феномена. Представляется, что в ближайшее время этот вопрос будет приобретать все большую актуальность.

Одним из распространенных и значимых способов познания тех или иных правовых категорий выступает исторический метод, позволяющий получить представление об особенностях уголовно-правового регулирования общественных отношений на отдельных этапах развития России [1, с. 98]. Полагаем, что комплексное изучение уголовного проступка немыслимо без

© Берестнев А. И., 2023

обращения к историческим памятникам уголовного законодательства, в которых он или похожие на него явления находили свое отражение.

Концепция уголовного проступка является для отечественной науки и законодательства не новой. В различные исторические периоды ей вновь и вновь посвящалось множество дискуссий. Пиковым моментом проявления этой концепции в дореволюционном законодательстве является Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года.

Идея Екатерины II о недопущении смещения существенного нарушения закона и простого нарушения благочиния впервые была закреплена в отечественном законодательстве в Уставе благочиния 1782 года в виде возможности вынесения окончательного решения малозначительным правонарушением в полиции, без вынесения дела в суд. С этого момента разграничение уголовных преступлений и проступков получило практическое воплощение.

Дальнейшее развитие концепция получила в Своде законов Российской империи 1832 года в форме закрепления понятий преступления, как общей категории, и маловажных преступлений (проступков), как подкатегории. И если в дальнейшем это разделение не вышло за рамки разделения преступлений по степени тяжести, то качественная разница наказаний за преступление и проступок в Своде 1832 года более похожа на современный взгляд на соотношение преступления и уголовного проступка. Последующее Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года продолжило это разделение понятий.

Принятие рассматриваемого Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года, в рамках судебной реформы Александра II, стало следующим шагом развития концепции уголовного проступка. Важно учитывать, что введение Устава 1864 года являлось частью процедуры переработки всего уголовного законодательства. В рамках реформы в тот же момент из Уложения 1845 года были изъяты 652 статьи [2], в связи с чем можно предполагать глобальную декриминализацию в рамках всего уголовного законодательства того времени. В Устав 1864 года перешел, например, обман в количестве (обмер, обвес) и качестве товара, а также при его оплате [3, с. 82]. Тем не менее, несмотря на то, что деяния, запрещенные Уставом 1864 года, именовались как «проступки», следовавшие за их совершением наказания дают основания сомневаться в фактической декриминализации.

В статье 1 Устава представлено перечисление допустимых наказаний за перечисленные деликты: выговоры, замечания и внушения; денежные взыскания не свыше трехсот рублей; арест не свыше трех месяцев; заключение в тюрьме не свыше одного года. Уровень строгости налагаемых наказаний скорее сравним с современными преступлениями небольшой тяжести.

Стремясь к справедливости и соразмерности, Устав тщательно регламентировал дифференциацию налагаемой ответственности. В случае совершения неумышленного проступка к нарушителю применялись выговор, замечание, внушение. Иные наказания за такие деяния применялись лишь в случае прямого указания в Уставе, например, за небрежность при исполнении своих обязанностей.

Освобождение от ответственности предусматривалось в случае случайного совершения деяния (без неосторожности или небрежности), ненадлежащего субъекта (молоче 10 лет, страдающего тяжелыми психическими расстройствами), действий по причине непреодолимой силы или необходимой обороны.

Отягчающими обстоятельствами указывались: прямой умысел, образованность лица или его высокое положение в обществе, повторное совершение схожего проступка в течение года после получения наказания за предыдущий, попытка вызвать подозрения в адрес невиновного, а также «упорное заперительство». В свою очередь, вина подсудимого уменьшалась, если он был не образован, слабоумен, находился в состоянии аффекта или крайней необходимости. Также учитывалось прежнее законопослушное поведение и компенсация ущерба потерпевшему по собственной инициативе. Наказание для несовершеннолетних лиц, не достигших 17 лет, уменьшалось на половину, для не достигших 14 лет было доступно направление к опекунам.

Лица могли быть освобождены от ответственности, если после совершения деяния прошли соответствующие сроки: год после лесостребления, 2 года после присвоения имущества, кражи или мошенничества, 6 месяцев для всех остальных проступков.

При изучении Устава правоведы и исследователи занимали различные, зачастую, противоположные позиции. Советские ученые-правоведы чаще демонстрировали Устав и судебную реформу в целом с негативной стороны. Такой подход к исследованию чреват уходом от возможности создать знание, необходимое для решения задач, стоящих перед современной

юридической наукой. При исследовании любого правового документа анализ должен проводиться максимально объективно.

Исследование причин разработки Устава, опыта его внедрения и практического правоприменения открывает возможность для моделирования некоторых аспектов возможного введения института уголовного проступка. В одном из таких исследований Д. И. Рубцов отмечает основные недостатки Уложения 1864 года [4, с. 192].

1. Дела, подведомственные военным, духовным и коммерческим судам, более не входили в подсудность мировых судов.

2. Правоприменительная практика была затруднена из-за избытка бланкетных и отсылочных норм в Кодексе.

3. Кодекс содержал многочисленные проблемы, которые были выявлены позже в процессе правоприменения.

Устав превосходил предшествовавшее ему Уложение 1845 года по уровню законодательной техники и степени универсальности. Однако, его практическое применение было сопряжено с рядом затруднений. В процессе правоприменения были выявлены проблемы, связанные с наличием различного рода недоработок: большинство диспозиций были бланкетного характера и содержали ссылки на иные нормативные правовые акты (иногда без указания на конкретную статью). Этим Устав отличен от иных регулирующих документов, которые были введены в рамках судебной реформы. Отдельные его части разработаны слишком слабо. Некоторые отношения, требующие регулирования и часто встречающиеся на практике, совершенно не затронуты.

По тексту Устава нельзя отследить наличие общего подхода составителей к понимаемым регулируемым им деяниям. Деликты выносятся на рассмотрение мировых судей, но большинство используемых санкций, пусть и в меньшем объеме, но характерны «полноценным» преступлениям.

Также следует отметить, что одновременное использование двух нормативных правовых актов в условиях не вполне продуманной уголовно-правовой политики приводило к коллизиям, создавая определенные неудобства и подчеркивая необходимость дальнейшей модернизации и унификации российского уголовного законодательства. Фактически существовали два общих кодекса, которые по-разному регламентировали определение вины, избрание меры ответственности и др. Все это создавало ситуацию, когда судьи были не в

состоянии дать корректную квалификацию совершенному деянию.

Положительные стороны Устава 1864 года указал в своем исследовании профессор А. П. Кузнецов [5, с. 242].

1. Устав окончательно решил вопрос разграничения преступлений и проступков, который сохранялся в отечественном законодательстве с 1782 года.

2. Устав стал следующим шагом на пути развития отечественной юриспруденции.

3. Законодательная техника, примененная в Уставе, ставит его на более высокую позицию, относительно предшествующего Уложения 1845 года.

Подводя итог вышеизложенному, следует указать, что Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года стал знаковой вехой развития отечественного законодательства. Разрешив вопрос разделения уголовных преступлений и проступков тогда, он является весомым аргументом для проведения аналогичной реформы сейчас. Рассмотрение опыта практического применения положений Устава приводит к выводам, что введение отдельно существующего Кодекса уголовных проступков является решаемой задачей и может не только простимулировать развитие дифференциации преступлений, гуманизацию уголовного законодательства и применение принципа справедливости, но и стать следующим этапом развития уголовного права России.

Всеобъемлющее изучение предшествующих правовых предписаний способствует недопущению их негативных и использованию положительных примеров в складывающихся условиях, в особенности при проведении реформ уголовного права в дальнейшем [6, с. 172]. Этим фактом обосновывается важность исследования всех аспектов возникновения и существования правовых памятников, в особенности Устава 1864 года.

Список источников

1. Абдулханьянов И. А. Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Артикула воинского 1715 г. // Вестник российского университета кооперации. 2022. № 2. С. 97–102.

2. Рогова Е. В. Уголовный проступок в дореволюционном законодательстве России // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 5. С. 145–148.

3. Нудель С. Л. Система преступлений в сфере экономической деятельности в дореволюционный период // Научные ведомости Белгородского государ-

ственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 8. С. 77–88.

4. Рубцов Д. И. Некоторые особенности закрепления института уголовного наказания в законодательстве России второй половины XIX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 3. С. 190–192.

5. Кузнецов А. П. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г.: ретроспективный анализ // История развития уголовного права и ее значение для современности: материалы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 26–27 мая 2005 г. Москва: ЛексЭст, 2006. С. 235–242.

6. Абдулханьянов И. А. Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2. С. 172–176.

References

1. Abdulkhannyanov I. A. A retrospective study of criminal-legal fiction in the norms of the Military Article of 1715. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2022, no. 2, pp. 97–102. (In Russ.)

2. Rogova E. V. Criminal offense in the pre-revolutionary legislation of Russia. *Izvestiya Irkutsk State Academy of Economics*, 2011, no. 5, pp. 145–148. (In Russ.)

3. Nudel S. L. The system of crimes in the sphere of economic activity in the pre-revolutionary period. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right*, 2008, no. 8, pp. 77–88. (In Russ.)

4. Rubtsov D. I. Some features of fixing the institution of criminal punishment in the legislation of Russia of the second half of the XIX century. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2010, no. 3, pp. 190–192. (In Russ.)

5. Kuznetsov A. P. The Statute on punishments imposed by magistrates, 1864: a retrospective analysis. History of the development of criminal law and its significance for modernity: materials of the V International Scientific and Practical Conference held at the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University 26–27 May, 2005. Moscow: Lexest Publ., 2006, pp. 235–242. (In Russ.)

6. Abdulkhannyanov I. A. Retrospective study of criminal-legal fiction in the norms of the Cathedral Code of 1649. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2, pp. 172–176. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 15.07.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-106-109>**Система противодействия преступности с использованием виртуальных валют (криптовалют) в Республике Индия****Смолин Владимир Владимирович**БСТМ МВД России, Москва, Россия, gangsta2021@yahoo.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные тенденции в сфере защиты общественных отношений от преступных посягательств с использованием криптовалют в Республике Индия с целью возможного получения положительного опыта для совершенствования законодательства Российской Федерации в области борьбы с цифровой преступностью. Проведен анализ индийской правовой системы на предмет эффективности противодействия с цифровой преступности с использованием виртуальных валют, а также изучен правовой статус цифровых финансовых активов как источника криминологических рисков. Изучены особенности уголовно-правового толкования термина «криптовалюта», как признака совершенного преступления.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, преступления с использованием цифровой валюты, криминализация деяния, предупреждение цифровой преступности

Для цитирования: Смолин В. В. Система противодействия преступности с использованием виртуальных валют (криптовалют) в Республике Индия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 106–109. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-106-109>.

Original article

The system of counter-crime with the use of virtual currency (cryptocurrencies) in Republic of India**Vladimir V. Smolin**BSTM department Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, gangsta2021@yahoo.com

Abstract. This article discusses the main trends in the field of protecting public relations from criminal encroachments using cryptocurrencies in the Republic of India in order to possibly gain positive experience in improving the legislation of the Russian Federation in the field of combating digital crime. The analysis of the Indian legal system for the effectiveness of combating digital crime using virtual currencies was carried out, and the legal status of digital financial assets as a source of criminological risks was studied. The features of the criminal-legal interpretation of the term — cryptocurrency, as a sign of a committed crime, are studied.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, crimes using digital currency, criminalization of an act, prevention of digital crime

For citation: Smolin V. V. The system of counter-crime with the use of virtual currency (cryptocurrencies) in Republic of India. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 106–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-106-109>.

В настоящее время вопросы противодействия преступлениям в сфере использования виртуальных валют в Индии так же, как и в других странах, является наиболее актуальным. Основная проблема заключается в разработке законодательства, регулирующего оборот виртуальной валюты. Дискуссии о внесении

поправок в действующее законодательство Республики Индия новых положений, характеризующих цифровые финансовые активы, ведутся на протяжении десяти лет. В октябре 2022 года Правительство страны внесло в Народную палату Парламента Республике Индия на рассмотрение законопроект о внесении изменений в

© Смолин В. В., 2023

закон о подоходном налоге, который включал в себя ряд новых определений, ключевое из которых «Виртуальный цифровой актив» и порядок взимания налога с приобретения виртуальных валют.

Согласно предлагаемому финансовому законопроекту 2022 года под виртуальным цифровым активом предлагается понимать любую информацию, код, номер или токен (не являющийся индийской валютой или какой-либо фиатной валютой), сгенерированный с помощью криптографических средств или иным образом, под любым именем, обеспечивающий цифровое представление стоимости, которая обменивается с вознаграждением или без него, с обещанием или представлением неотъемлемой ценности, функционирует как средство сбережения или расчетная единица и включает его использование в любых финансовых операциях или инвестициях, но не ограничиваясь ими, в инвестиционных схемах, может передаваться, храниться или продаваться в электронном виде [1].

Примечательно то, что названный термин включает в себя все известные цифровые финансовые активы на данный момент, в том числе и криптовалюты, тем самым представляя с собой дефиницию широкого толкования. Кроме того, законопроектом предусмотрено, что у Центрального Правительства имеются полномочия на расширительное толкование определения «виртуальный цифровой актив». На примере финансового законопроекта Правительства Республики Индия (2022) наблюдается тенденция построения законодательной базы, регламентирующей криптовалюту, а именно внедрение бланкетных определений с возможностью широкого толкования для правоприменителей, в том числе и правоохранительными органами. Вышеуказанный подход по мнению Центрального Правительства способствует устранению предполагаемых коллизий в правоприменительной практике, а также способствует более эффективному внедрению новых общественных цифровых институтов в юридическое поле. Вышеуказанный законопроект предусматривает порядок привлечения к уголовной ответственности за использование криптовалют, а именно: использование криптовалют трактуется по аналогии с использованием безналичных денежных средств при совершении преступлений. При чем в зависимости от вида преступления, криптовалюта выступает либо как средство совершения преступления, либо как объект преступного посягательства.

В вопросах полной легализации цифрового рынка или криминализации отдельных его институтов в индийском правовом сообществе еще не сформировалось единая точка зрения. В 2019 году Министерство финансов Индии сформировало Межведомственный комитет, который разработал законопроект «О запрете криптовалют и регулировании официальной цифровой валюты». Указанным законопроектом предлагалось введение запрета на осуществление любой деятельности с использованием криптовалют под угрозой уголовного наказания. Причем под любой деятельностью подразумевалась не только деятельность с извлечением прибыли, но и в исследовательских целях. Основные положения законопроекта выглядят следующим образом:

- запрет на добычу, хранение, генерирование, куплю-продажу, заключение иных сделок, эмиссию, использование криптовалют на территории Индии (запрет майнинга);

- любое лицо, которое прямо или косвенно владеет, пользуется или распоряжается виртуальными валютами должен подвергаться уголовной ответственности с назначением наказания в виде штрафа или лишением свободы на срок до 10 лет;

- лица, осуществляющие услуги по рекламированию деятельности, связанной с использованием криптовалют или распространением сведений о способах приобретения, распространения, хранения криптовалют, подлежат уголовной ответственности с назначением наказания в виде штрафа или лишением свободы на срок до 7 лет;

- владение, использование или распоряжение криптовалютой в некоммерческих целях предусматривает наказание в виде штрафа.

Основной целью законопроекта являлась, по сути, криминализация деяний, так или иначе связанных с использованием криптовалют, что вызвало неоднозначную реакцию в индийском юридическом сообществе. В дальнейшем законопроект не был принят. В марте 2020 году Верховным Судом Индии было вынесено решение по делу Ассоциации интернета и мобильной связи Индии против Резервного Банка Индии, в котором была закреплена возможность использования криптовалюты в качестве средства платежа за покупку товаров или услуг [2; 3]. Учитывая то, что в Индии действует прецедентное право, то Верховный суд фактически разрешил использование криптовалюты на территории Индии. Однако в настоящее время порядок оборота виртуальных валют в Индии так и не имеет четкого регламентирования, что, в свою

очередь, влечет криминологические риски. Система индийских судов, выступающая одновременно с законодательной и правоприменительной стороны при рассмотрении преступлений, совершенных с использованием криптовалют руководствуется, прежде всего, федеральным законодательством, а также законодательством штатов. Учитывая техническую сложность при описании объективных признаков преступлений, суды выносят решения, по своему усмотрению опираясь на доказательственную базу в ходе судебного разбирательства. Эффективность данного подхода можно подвергнуть сомнению, но достойных альтернативных способов противодействия преступлениям, совершаемым с использованием криптовалют, пока нет. Отдельные виды преступлений с использованием криптовалют рассматриваются в соответствии со специальными правовыми актами. Так, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, отражены в Законе «О наркотических веществах и психотропных веществах» 1985 года. В данном Законе криптовалюта приравнена к средству совершения преступления, а именно к средству осуществления анонимных платежей за сбыт наркотических средств. Следовательно, если криптовалюта используется в расчетах, связанных с распространением или сбытом наркотических средств, то указанное преступление попадает под действие вышеуказанного закона. В 2021 году Бюро по Контролю Наркотиков Индии (NCB) расследовало дело в отношении Макаранда Адивиркара, известного как «король криптовалюты». В ходе следствия было установлено, что в качестве оплаты за покупку наркотических средств подозреваемый принимал криптовалюту «Bitcoin». В дальнейшем использование криптовалюты в совершении преступления было одновременно признано средством сокрытия сбыта наркотических средств и предметом легализации доходов, полученных преступным путем. Тем самым следствие выдвинуло обвинение Макаранду Адивиркару в нарушении Закона «О наркотических веществах и психотропных веществах» и Закона «О предотвращении отмыwania денег» от 2002 года. Данное уголовное дело наглядно показывает дифференцированный подход к каждому случаю, связанному с совершением преступления с использованием криптовалюты. Можно подчеркнуть, что в различных ситуациях применяются различные законодательные акты в силу специфики прецедентного права и сложности определения признаков деяния, связанного с виртуальными валютами как преступного.

Система противодействия преступности с использованием криптовалют в Республике Индия включает в себя:

1) попытку уголовно-правовой характеристики любых действий, связанных с использованием криптовалют под угрозой применения наказания вплоть до лишения свободы;

2) попытку формирования законодательной базы с терминологией, охватывающей все институты цифровой экономики, включая цифровые финансовые активы;

3) нормотворческую деятельность судебных органов как источник прецедентного права в области противодействия преступности с использованием криптовалют, а также систематизацию правоприменительной деятельности для установления признаков осуществления преступной деятельности с использованием криптовалют на предмет соответствия с нормами уголовного права Республики Индия [3].

Система противодействия цифровой преступности в Индии в настоящее время формируется в первую очередь, исходя из правоприменительной практики, поскольку в Индии действует прецедентное право, а, следовательно, иным образом выстроена правоохранительная система (с явным упором на судебное нормотворчество). Опыт нормотворческой деятельности, связанной с формированием единого категориального аппарата, характеризующий цифровые финансовые активы, имеет положительные тенденции в преодолении правовых коллизий при определении объективных признаков состава преступления с использованием криптовалют.

Кроме того, наглядные результаты работы индийских судов и правоохранительных органов в борьбе с преступностью в цифровой сфере имеет положительный опыт, а именно в казуальном толковании отдельных преступлений на соответствие действующего законодательства. Можно заключить вывод, что в Российской Федерации для успешного противодействия преступности с использованием криптовалют следует формировать законодательную базу с учетом деятельности правоохранительных органов и судебной системы.

Список источников

1. Финансовый Билль Республики Индия от 22 марта 2022 года № 18-С. URL: http://164.100.47.4/BillsTexts/LSBillTexts/PassedLoksabha/18C_2022_LS_Eng.pdf (дата обращения: 01.07.2023).
2. Решение Верховного суда Индии по делу Ассоциации интернета и мобильной связи Индии против Резервного

Банка Индии от 4 марта 2020 года. URL: https://main.sci.gov.in/supremecourt/2018/19230/19230_2018_4_1501_21151_Judgement_04-Mar-2020.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

3. Фролова Е. Е. Правовое регулирование интернет-банкинга в Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. № 3. С. 351–374.

References

1. Financial Bill of the Republic of India no. 18-With of March 22, 2022. URL: <http://164.100.47.4/BillsTexts/>

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

LSBillTexts/PassedLoksabha/18C_2022_LS_Eng.pdf (accessed 01.07.2023). (In Russ.)

2. The judgment of the Supreme Court of India in the case of the Association of Internet and Mobile Communications of India. Reserve Bank of India of March 4, 2020. URL: https://main.sci.gov.in/supremecourt/2018/19230/19230_2018_4_1501_21151_Judgement_04-Mar-2020.pdf (accessed 01.07.2023). (In Russ.)

3. Frolova E. E. Legal regulation of Internet banking in India. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 2019, no. 3, pp. 351–374. (In Russ.)

**Обзор выступлений межвузовского практического
мотивационно-просветительского форума по докладу
Председателя комитета Государственной Думы по науке
и высшему образованию Российской Федерации С. В. Кабышева
«Развитие системы высшего юридического образования
в Российской Федерации», состоявшегося 30 июня 2023 года
на базе Нижегородской академии МВД России**

**Review of the speeches of the interuniversity practical motivational
and educational forum on the report of the Chairman of the State Duma
Committee on Science and Higher Education of the Russian Federation
S. V. Kabyshev “Development of the system of higher legal education
in the Russian Federation”, held on June 30, 2023 at the Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia**

Форум открыл доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» В. М. Баранов, который предоставил слово для приветствия начальнику Нижегородской академии МВД России, доктору юридических наук, доценту, академику Российской академии юридических наук Плясову Константину Анатольевичу.

**Уважаемый Сергей Владимирович!
Уважаемые коллеги и гости Нижегородской академии МВД России!**

Академия известна юридическому сообществу не только в качестве уникальной ведомственной образовательной организации по подготовке специалистов по противодействию экономической преступности, с богатой и славной историей (5 ноября прошлого года мы отметили 95-летие вуза), но и как гостеприимная трибуна для проведения научно-практических форумов. При этом формат многих из них выходит за региональные и ведомственные границы.

Разумеется, традиционность проведения на базе академии подобных мероприятий не означает, что все они похожи друг на друга. Сегодняшний форум и вовсе уникален как с точки зрения жанра (он определен как мотивационно-просветительский), так и с позиции глобальности и актуальности запланированных к обсуждению проблем.

Эффективность функционирования правовой системы российского общества в определяющей степени зависит от уровня правосознания профессиональных юристов, базовым источником которого выступает высшее юридическое образование. Именно этому вопросу будет посвящен заглавный доклад Председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, заслуженного юриста Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента Сергея Владимировича Кабышева.

Позвольте от лица академии, руководства и коллективов ведущих вузов Нижнего Новгорода искренне поблагодарить Сергея Владимировича за согласие принять участие в нашем форуме.

Разумеется, за один день невозможно полностью исчерпать предлагаемую к рассмотрению тему. Однако я уверен, что работа форума будет содержательной и результативной, внесет существенный вклад в совершенствование системы высшего юридического образования Российской Федерации, а также правовых научных исследований и создаст стимулы для дальнейшей плодотворной деятельности.

Желаю участникам мероприятия конструктивной работы, ярких выступлений и живых дискуссий.

Творческих успехов вам, дорогие друзья!

Далее В. М. Баранов осветил жизненный путь и достижения в научной, учебной и общественно-политической деятельности депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской

Федерации, председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию Сергея Владимировича Кабышева.

С. В. Кабышев родился 4 сентября 1963 года в городе Саратове. Родители: отец — ученый, доктор юридических наук, профессор; мать — врач, главный детский гематолог Саратовской области.

В 1984 году С. В. Кабышев окончил Саратовский юридический институт имени Д. И. Курского (ныне Саратовская государственная юридическая академия).

В 1991 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Внутриорганизационные нормы советского права».

После окончания института служил в органах прокуратуры помощником Волгоградского транспортного прокурора, следователем военной прокуратуры Волгоградского гарнизона.

В дальнейшем находился на преподавательской работе в Волгограде и Москве. Был заместителем начальника кафедры Высшей следственной школы МВД СССР, заведующим кафедрой юридического факультета Волгоградского государственного университета, доцентом факультета права Высшей школы экономики.

С 1998 года — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.

Член экспертного совета по законотворчеству при председателе Государственной Думы Российской Федерации, общественного совета при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки, Центрального штаба Общероссийского народного фронта (ОНФ), попечительского Совета Российского научного фонда, Президиума Ассоциации юристов России.

Участвовал в избирательных кампаниях по выборам Президента Российской Федерации. Был доверенным лицом кандидата в Президенты Российской Федерации Владимира Путина, руководил юридической службой его избирательного штаба.

С 1999 года — Государственный советник Российской Федерации 2-го класса.

9 сентября 2021 года избран депутатом Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации.

С 12 октября 2021 года — председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию.

Имеет следующие награды: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени; медаль «За отличную службу по охране общественного порядка»; заслуженный юрист Российской Федерации; благодарность Президента Российской Федерации; почетная грамота Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; медаль «За безупречную службу» III степени; медаль Анатолия Кони; медаль «В память 200-летия Минюста России»; медаль «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения»¹.

Профессор В. М. Баранов с особым удовлетворением сообщил, что возглавляемое Сергеем Владимировичем Кабышевым «Российское правотворческое общество» пять раз выступило соучредителем традиционного академического сентябрьского форума «Юртехнетика»:

¹ Источник: URL: <https://kabyshev.ru/>

- 2013 год «Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине» № 7 часть 2 (106,84 п. л.);
- 2014 год «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника» № 8 (67,51 п. л.);
- 2015 год «Стратегия, тактика, техника законотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки)» № 9 (98,83 п. л.);
- 2017 год «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника» № 11 (92,68 п. л.);
- 2020 год «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации» № 14 (82,94 п. л.).

Всего на 448,8 печатных листах.

Кроме того, В. М. Баранов акцентировал внимание участников форума на том, что 7 ноября 2013 года на встрече ведущих конституционалистов с В. В. Путиным в преддверии 20-летия Конституции Российской Федерации отец Сергея Владимировича Владимир Терентьевич Кабышев высказал предложение установить памятник Конституции и высечь на нем: «Равенство, свобода и справедливость».

Далее С. В. Кабышев выступил со своим докладом.

Кабышев Сергей Владимирович,

Председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации

Формула российского юридического образования

В рамках реализации поставленных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным задач по развитию национальной системы высшего образования, сочетающей традиции классического российского образования и лучшие достижения опыта последних лет, важно не замыкаться на частностях, а предметно обсуждать прежде всего концептуальные вопросы стратегического плана. В особенности это касается юридического образования, от качества которого зависит состояние всей правовой системы, а в конечном счете всей системы социальных, экономических, политических и иных отношений, которые требуют правового подкрепления. Нужно учитывать, что право — не просто регулятор общественных отношений, а нормативная форма жизни государства и общества. Поэтому юридическое образование всегда национально, а главный вопрос его развития — это вопрос его философии, то есть тех ценностно-методологических оснований и доминант, в соответствии с которыми определяется и организуется профессиональная подготовка юристов в интересах реализации правовых традиций и инноваций данного общества.

На мой взгляд, философская quintessence современной национальной модели юридического образования может быть представлена в виде следующего логического квадрата:

- 1) правопознание, то есть системно-целостное юридическое мышление, направленное на понимание смысла, идеи, цели права;
- 2) правдолюбие, то есть безусловное стремление к правде, добру, справедливости;
- 3) патриотизм, то есть служение в любой юридической ипостаси своему Отечеству;
- 4) прогрессизм, то есть ориентация на востребованность современных технологий в праве и одновременно на развитие, инновации в обществе посредством права.

Остановлюсь на этих элементах подробнее.

Итак, одним из базовых оснований юридического образования является, на мой взгляд, правопознание. Имею в виду, что юридическое образование должно прежде всего способствовать пониманию, постижению смысла права, а не сводиться к изучению той или иной системы норм и правил их применения.

Юридическое образование — образование юриста, человека с профессиональным юридическим мышлением. Такое мышление строится вокруг понятия права, его идеи, ценности, принципов, включает в себя систему методов познания правовой реальности.

Юридическое образование — учебная юриспруденция, а не законоведение. Знание законодательства, безусловно, необходимо. Но юрист должен понимать предпосылки и цели, определяющие нормы права и юридические решения, их системные связи и закономерности развития, уметь прогнозировать связанные с ними правовые, социальные, экономические и иные риски. Для этого важно формирование прочной теоретико-правовой базы.

Фундаментальность в юридическом образовании не противоречит его практической ориентации, а, напротив, служит основой жизненности юридических знаний, позволяет правильно толковать и применять право в меняющихся условиях, преодолевать коллизии, пробелы в праве, находить решения «трудных дел» (когда отсутствует очевидный, единственно верный вариант).

Юриспруденция не должна концентрироваться на обучении возможностям правильно готовить документы и решать дела.

Противопоставление фундаментальности и специализации юридического образования — ошибочно. Плодотворная специализация возможна только лишь на фундаментальном основании, формирование которого, в свою очередь, не равносильно подготовке юриста-универсала. Хочу напомнить, что еще в 70-х годах прошлого века выдающимися отечественными юристами С. С. Алексеевым, В. Ф. Яковлевым, И. Е. Фарбером, В. М. Манохиным¹ обстоятельно доказано, что оптимальный вариант формирования специалиста — сочетание подготовки юриста широкого профиля (через овладение фундаментальными положениями науки о государстве и праве) со специализацией. Модель же юриста-универсала ими принципиально отвергалась как препятствующая избытком конкретных и невостребованных знаний фундаментальному пониманию права.

В современных реалиях гипердинамизма, специализации права, расширения сферы правового регулирования, формирования сложных межотраслевых нормативных комплексов значение системных, общетеоретических правовых знаний только возрастает. Нужно иметь в виду и то, что в экстраординарных обстоятельствах, когда типичные устоявшиеся механизмы оказываются непригодны, важно обращение к основам права (идеям, принципам, презумпциям, ценностям), что также характеризует востребованность именно фундаментальных правовых знаний, обстоятельности и кругозора.

Именно благодаря таким знаниям юрист способен постигать глубинные предпосылки и факторы развития правовых явлений, принимать обоснованные решения в ситуациях умножающейся правовой неопределенности, искать баланс частных и публичных интересов, своевременно адаптироваться к меняющимся правовым условиям, действовать на рубежах права, где отсутствуют торные пути.

В ситуации сжатия исторического времени общественная практика зачастую опережает право, особенно в периоды социальной турбулентности и кризисов. Правовые нормы либо не успевают сформироваться в ответ на общественные запросы, либо оказываются казуистичными (инцидентными) и нестабильными. Чтобы оперировать правом в этих условиях, юрист должен опираться на его основы (правовые принципы, презумпции, ценности). А это требует правовой обстоятельности и широкого кругозора. Нельзя не учитывать и происходящие процессы так называемой технизации права, связанной с внедрением информационных технологий и искусственного интеллекта. Технизация права требует серьезного внимания к эмоционально-волевой стороне правового регулирования, которая не поддается алгоритмизации, не может быть вписана в формально-математическую схему. Компетентностный подход, основанный на упрощенной стандартизации, в большей степени соотносится с целями формальной отчетности в сфере юридического образования и административными потребностями, нежели с интересами выпускника и работодателя, излишне стесняет педагога бумажно-бюрократическими обременениями.

Не могу не обратить внимания на то, что действующий Закон об образовании, связывая разработку и реализацию образовательных программ с освоением компетенций, не раскрывает само понятие «компетенция», но при этом использует его для характеристики направленности образования и обучения в одном ряду с терминами «знания», «умения», «навыки», «опыт», «способности». В итоге понятие «компетенция», ставшее, по сути, системообразующим в современных федеральных государственных образовательных стандартах и образовательных программах, яв-

¹ Алексеев С. С., Яковлев В. Ф. О модели юриста и обучении в юридических вузах // Правоведение. 1976. № 4. С. 73–81; Манохин В. М. Как изучать административное право в ВУЗах // Правоведение. 1976. № 5. С. 93–97; Фарбер И. Е. Конституционные основы модели советского юриста: сборник научно-методических статей по правоведению. Вып. 2. Москва, 1979. С. 3–9.

ляется юридически неопределенным, в одних случаях смешивается со смежными, но качественно иными явлениями, в других — поглощает их. Это только усугубляет проблемы доминирования компетентностного подхода, который, однако, должен иметь подчиненное, утилитарное значение в соотношении с подходом, основанным на академических знаниях.

В этом плане требует пересмотра ситуация, при которой в настоящее время теория государства и права исключена из числа обязательных элементов системы государственной аттестации, вследствие чего проведение итоговой аттестации по этому предмету отнесено к прерогативам самих вузов.

Такая аттестация была обязательной для многих поколений отечественных юристов, ибо было понимание: нельзя строить дом без фундамента.

Методология юридического мышления сочетает в себе рационализацию и выраженное нравственное начало — они интегрируются через такую категорию, как справедливость. Справедливость требует применения равной меры оценки, равного вклада в общее дело и равного воздаяния за содеянное, при том, что достигаемый результат не является немилосердным или бесчеловечным. Поэтому мышление юриста правильно описать в образе весов — это постоянное взвешивание различных ценностей, интересов. Это по сути внутренний диалог о праве.

Следующий элемент философской формулы юридического образования — правдолюбие.

Пожалуй, одной из наиболее важных задач юридического образования является развитие чувства справедливости, формирование профессиональных умений различать справедливое и порочное, придавать справедливости определенную для понимания и применения форму всеобщей нормы, интерпретировать закон сообразно справедливости. Российская правовая традиция основана на понимании неразрывного единства права и правды. Это нашло отражение уже в наименовании одного из основных источников древнерусского права: Русская Правда. Ведь, как говорили на Руси, «без правды не житье, а вытье» и «всякая неправда — грех».

Очевидно, юридическое образование должно быть органичным продолжением конкретной социокультурной среды с присущими ей нравственными установками. Юрист — не просто советник по вопросам права, а его творец и образцовый пример правового поведения. Отчужденность юриста от сложившихся в обществе представлений о равенстве, справедливости, солидарности, долге, семье, государстве и иных важнейших ценностях провоцирует морально-психологический надлом и не позволяет юристу формировать адекватные, востребованные в национальной правовой системе нормы и их интерпретации. Русская пословица «в мире жить — с миром творить» исключительно точно передает необходимость нравственной связи юриста и его правового Отечества. Для юридического образования, возможно, в наивысшей степени значимым является принцип единства системы воспитания и образования, заложенный в пункте «е» статьи 71 Конституции Российской Федерации.

В этом плане требует критической оценки то, что действующие ФГОСы в области юриспруденции, утвержденные для бакалавриата, магистратуры, не уделяют должного внимания мировоззренческой стороне юридической профессии. Если соответствующий стандарт 2000 года требовал от юриста, в частности, «обладать гражданской зрелостью и высокой общественной активностью, профессиональной этикой, правовой и психологической культурой...», высоким нравственным сознанием, гуманностью, твердостью моральных убеждений, чувством долга, ответственностью за судьбы людей и порученное дело...»¹, то в ныне действующих стандартах такие положения отсутствуют.

Сегодня юридическое образование сфокусировано в основном на позитивном праве, на освоении закона, правоприменительной, в первую очередь судебной, практики. Нередко господствуют начетничество, комментирование, казусный метод (ориентированный на изучение конкретных судебных споров). В итоге юриспруденция обедняется, выхолащивается.

Поскольку право является нормативной формой жизни государственно организованного общества и выражением императивов общественного сознания, постольку ошибки, просчеты, упущения в юридическом образовании приводят к глубоким общественным деформациям.

¹ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление 521400 — Юриспруденция. Степень (квалификация) — бакалавр юриспруденции. Регистрационный № 261 гум/бак (утв. Минобразованием Российской Федерации 27 марта 2000 г.); Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 021100 — Юриспруденция. Квалификация — юрист. Регистрационный № 260 гум/сп (утв. Минобразованием Российской Федерации 27 марта 2000 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В частности, возобладавший в нашей стране так называемый кейсовый метод обучения явным образом ориентирован на несвойственную нам прецедентную систему и его ажиотажное применение наносит вред классической фундаментальной подготовке.

Подход, который декан Гарвардской школы права Христофор Колумб Лэнгделл разработал в XIX веке, имеет свои достоинства, он научил поколения юристов анализировать иски и разрабатывать юридические аргументы.

Но даже в США признали, что для успешной юридической деятельности в XXI веке с его вызовами в биомедицине, генетике, биотехнологиях и тому подобном необходимо сбалансированное использование кейс-метода с расширением метода правовых исследований, анализа правовых доктрин и тематических проблем, лекций, моделирования, клинических и других практик¹.

При этом существенный дефицит наблюдается в осознании актуальности конституционного права для студентов, которые не видят связи между конституционным правом и повседневной работой адвокатов.

В некоторых университетах США и Канады решили эту проблему предоставив максимальное количество зачетных единиц (кредитов) курсам конституционного права, в других — это вызов для преподавателей, убеждающих студентов, что конституционный анализ является необходимым инструментом для юристов².

Значение конституционного права Российской Федерации не просто как ведущей отрасли, а как мировоззренческого, методологического и институционального ядра национальной правовой системы неоспоримо. Именно конституционное право Российской Федерации определяет принципы, отраслевую структуру правовой системы и ее взаимосвязи с наднациональными правовыми регуляторами, состав и иерархию источников права, обеспечивает согласованное функционирование норм права различной отраслевой принадлежности, в том числе при возникновении коллизий, пробелов, дефектов в правовом регулировании, задает основания, цели и пределы свободы личности в ее неразрывных связях с организацией, территориальной структурой публичной власти, которые в дальнейшем конкретизируются через текущее отраслевое законодательство.

Освоение конституционного права Российской Федерации как учебной дисциплины, формируя представления об основах общественного и государственного устройства, социокультурных особенностях их становления и эволюционного развития, в значительной мере определяет образ юридического мышления обучающегося, дает ключевые ценностно-смысловые юридические ориентиры и инструменты, позволяющие профессионально решать любые конкретно-отраслевые и специальные задачи, исходя из верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации.

Качество изучения конституционного права Российской Федерации и в этой связи (в конечном счете) всего юридического образования является, безусловно, одним из наиважнейших вопросов национальной безопасности.

Юридическое образование по своей сути должно быть национальным и патриотическим, обеспечивать подготовку кадров, которые определяют и реализуют правовую политику своей страны и в ее интересах.

Правовой патриотизм — фундаментальная конституционная идея. В преамбуле Конституции России такая ценность, как «любовь и уважение к Отечеству», постулируется в смысловом единстве с «верой в добро и справедливость».

Правовой патриотизм состоит в служении правовому идеалу суверенной государственности, чтобы государство, держась права, служило интересам граждан.

Патриотический базис юридического образования должен закладываться прежде всего в рамках повсеместного глубокого освоения российского конституционного права, которое имеет существенное мировоззренческое значение.

¹ Todd D. Rakoff and Martha Minow, A Case for Another Case Method // Vanderbilt Law Review. 2007. Vol. 60. Issue 2. P. 597; Valentine, Sarah. Legal Research as a Fundamental Skill: A Lifeboat for Students and Law Schools. University of Baltimore Law Review. 2012. Vol. 39. Issue 2. Art. 3. Pp.173–226; Cook, Nancy. Law as Science: Revisiting Langdell's Paradigm in the 21st Century. North Dakota Law Review. 2012. Vol. 88. Issue 1, Article 2. Pp. 22–50; Wilensky, Beth H. Dethroning Langdell. Minnesota Law Review. 2023. Vol. 107. Issue 6. Pp. 2701–2728.

² Robert C. Power. Strategies and Techniques for Teaching Constitutional Law. Wolters Kluwer Law & Business in New York. 2012. 51 p.

Очевидно, что с учетом сложившихся и перспективных (прогнозируемых) геополитических условий роль конституционного права Российской Федерации в формировании системы национальных ценностей у юриста и его профессиональных способностей и стремления отстаивать национальные интересы (вне зависимости от конкретного профессионально-отраслевого профиля) должна усиливаться. Абсолютно недопустимо, чтобы юридическое образование становилось источником распространения разрушительных антигосударственных настроений и установок. Перед юридическим образованием сегодня стоят задачи подготовки кадров для противостояния недружественным действиям иностранных государств и организаций.

Сообразно своей функциональной роли и особой, исключительной важности, конституционное право Российской Федерации должно занимать положение системообразующей дисциплины в учебно-образовательном процессе освоения юридических специальностей и направлений. Редукция же этой учебной дисциплины создает критические риски национальной отчужденности юристов.

Вместе с тем сложившееся регулирование юридического образования не обеспечивает надлежащее и единообразное закрепление дисциплины «Конституционное право России» в структуре образовательных программ, создавая предпосылки для ее «растворения» в национально обезличенном курсе «Конституционное право», который к тому же существенно ограничен в зачетных единицах. Отсутствует также государственный механизм обеспечения принципиального единства подходов, связанных с изучением основ конституционного строя, в рамках вузовских образовательных программ по конституционному праву, даже если речь идет о конституционном праве Российской Федерации.

Несмотря на исключительную роль конституционного права Российской Федерации в обеспечении национальной конституционной идентичности, в системе действующего правового регулирования не предусмотрены какие-либо инструменты, направленные на согласованность вузовских образовательных программ по конституционному праву даже в части, касающейся изучения основ конституционного строя Российской Федерации. В связи с этим, принимая во внимание объективно высокую концентрацию в институтах основ конституционного строя публично-политических и ценностно-мировоззренческих начал, не исключаются субъективистские и тенденциозные (идеологически мотивированные) искаженные трактовки как самого содержания основ российского конституционного строя, так и соотношения (согласования) с этими основами всех других институтов российской государственности. Между тем ни принцип идеологического многообразия, ни академические свободы не могут служить оправданием для продвижения в системе юридического образования таких вольных интерпретаций основ российского конституционного строя, которые вступают в противоречие с их объективным смыслом, выраженным в официальной конституционной доктрине Российской Федерации, включая практику Конституционного Суда Российской Федерации, а тем более используются для дискредитации политико-правовых институтов российской государственности.

Таким образом, в настоящее время для подавляющего числа вузов допускается осуществление подготовки юристов без твердой мировоззренческой, методологической и инструментально-прикладной опоры на отечественное конституционное право, а содержание образовательных программ по конституционному праву не подвергается минимально необходимой верификации. Это не только создает объективно высокие риски для реализации безусловного приоритета Конституции Российской Федерации как основы государственной и общественной жизни, но и влечет угрозу размывания или подмены национальных конституционных ценностей и принципов некими универсальными, общечеловеческими (а по сути, либерально-идеологическими, западно-ориентированными) категориями. В методологическом плане такой подход является посягательством на принцип историзма и социокультурного своеобразия общественного развития. Игнорировать данные обстоятельства недопустимо. Дальнейшее сохранение сложившегося положения послужит крайне разрушительным фактором для системы национальной безопасности, будет все более негативно сказываться на качестве подготовки лиц, получающих юридическое образование.

Изучение конституционного права в режиме «одного котла» ослабляет применение сравнительного метода и развитие критического навыка восприятия зарубежных конституционных моделей и конструкций.

В этой связи необходимо: внести изменения в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по юриспруденции в целях обеспечения обязательного отдельного и полноценного изучения учебной дисциплины «Конституционное право России» на всех уровнях высшего образования и по всем направлениям и специальностям; внести изменения в

законодательство в целях обеспечения принципиальной согласованности образовательных программ по конституционному праву Российской Федерации в части, касающейся изучения основ конституционного строя Российской Федерации; создать правовые условия для реализации вышеуказанных подходов в отношении вузов, которые вправе самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты¹.

Не могу не сказать и о том, что серьезным упущением в развитии как нашего юридического образования, так и высшего образования вообще является его искусственная деидеологизация. Поясню свою позицию.

Принцип системного единства образования и воспитания получил прямое закрепление в действующей Конституции России, которая в концентрированной, нормативно обобщенной форме отражает философию национального мировоззрения. Запрещая государственную или иную обязательную идеологию, Конституция России ни в коей мере не ставит под сомнение объективный статус исторически сложившейся идеологии самого народа, которая и находит воплощение в непререкаемых конституционных ценностях.

Основная суть нашей конституционной идеологии в сочетании свободы как ответственной самореализации для общего блага и суверенной государственности как формы общенародного единства, служащей благополучию каждого. Привитие национального мировоззрения в виде конкретных актуальных жизненных смыслов составляет одну из фундаментальных задач нашего образования, и в особенности — юридического образования.

Юрист не может быть противопоставлен своему Отечеству, юрист призван воплощать в своем профессиональном деле правовой дух Родины.

Ценностно-мировоззренческий дефицит современного юридического образования приводит к серьезным методологическим дефектам в праве, которое подвергается интервенциям со стороны иных отраслей, прежде всего экономики. К примеру, популярный экономический анализ права превращает право в инструмент оптимизации экономических издержек, то есть ставит право на службу экономике. Между тем резонная критика данного положения состоит в том, что право исконно призвано служить искусством добра и справедливости, и, в частности, ставить экономический эгоизм в нравственные рамки.

Конституционный запрет государственной или иной обязательной идеологии означает, что идейные установки какой-либо части общества не могут становиться принудительно обязательными. Однако это не отрицает объективное нормативное значение исторически сложившейся идеологии всего многонационального российского народа, которая послужила источником и нашла свое отражение в ценностях самой Конституции России.

Наконец, в качестве еще одной основы философии национального юридического образования я бы выделил прогрессизм.

Право вменяет определенный идеал должного (правильного) поведения, предполагает подчинение реальности этому идеалу, ее преобразование в соответствии с ним. Ориентация на социальный идеал делает право важнейшим инструментом социального развития.

А это предполагает, в свою очередь, что сам процесс познания, освоения права должен соотноситься с существующим и перспективным технологическим уровнем общества и обеспечивать формирование методологии правового преобразования общества.

Право призвано:

- адекватно закреплять ценность и образ будущего, формировать иерархическую систему целей и задач общества, организационный механизм их реализации;
- обеспечивать комфортные условия, стимулы и гарантии для разработки новых технологических решений, способствующих благосостоянию общества, но не в ущерб традиционным духовно-нравственным ценностям;
- само по себе соответствовать уровню научно-технологического развития, плодотворно использовать научно-технический потенциал.

Соответственно, современное юридическое образование должно обеспечивать:

- формирование навыков юридического прогнозирования;
- системное правовое осмысление современных технологий;

¹ Кабышев С. В. О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 2–7.

— освоение новейших технологий (включая технологии искусственного интеллекта) для целей профессиональной юридической деятельности на основе следующего ключевого принципа: «технологизация — для гуманизации».

В частности, убежден, что мы не должны уходить в сторону от использования в юридическом образовании искусственного интеллекта, и освоение навыков работы с ним должно быть системным, целенаправленным, проходить под руководством преподавателей.

Задача молодых юристов — максимально использовать те качества, которые присущи исключительно человеку, одновременно осваивая технологии, которые позволят им выполнять свою работу еще лучше.

Необходимо формирование новых учебных дисциплин в сфере юридического стратегирования (прогнозирования и программирования), в области юриспруденции научно-технологического развития.

Понимание юридического образования сквозь призму ценностей правосмыслия, правдолюбия, патриотизма и прогрессизма подчеркивает исключительную важность роли педагога, который должен разжечь огонь юридического развития, страсть к познанию правовой истины, служить личным примером мудрости, добра и справедливости. Как писал Ф. М. Достоевский, «национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом». В юриспруденции особое значение в этом плане имеет опора на сложившиеся ведущие правовые школы.

Убежден, целенаправленное и последовательное движение в направлении ценностно-ориентированной модели юридического образования является безусловным приоритетом. С этим связана необходимость переосмысления баланса между фундаментальной и специально-прикладной сторонами юридического образования, роли в нем воспитательной и наставнической работы, применения компетентностного подхода и многих других моментов.

Сейчас перед нами стоят масштабные задачи, связанные с реорганизацией всей системы высшего образования, включая подготовку юридических кадров, для обеспечения эффективного суверенного развития российской государственности. Продолжается обсуждение оптимальной структуры высшей школы, содержания образовательных программ, связей образовательного процесса с практикой.

Происходит глубокое осознание того, что именно человек во всем многообразии индивидуальных и коллективных форм реализации своего потенциала является важнейшей ценностью.

Человек живет в обществе, соответственно, качество его индивидуальной жизни тесно связано с общим благом.

Образование — фундаментальное благо человека. Несомненно, однако, что от того, как организовано высшее образование и в целом вся система непрерывного образования, зависит, в конечном счете, качество государства, его глобальный долгосрочный успех, определяемый совокупной мерой вклада каждого.

В рамках межвузовского практического мотивационно-просветительского форума «Развитие системы высшего юридического образования» участники мероприятия задали вопросы С. В. Кабышеву по данной тематике.

Н. Р. Павленков, курсант Нижегородской академии МВД России:

— Сергей Владимирович, как Вы относитесь к концепции дистанционного формата получения юридического образования? Какие у него преимущества и недостатки?

С. В. Кабышев:

— Я считаю, что дистанционное образование имеет право на существование и в условиях пандемии было необходимо. Вместе с тем при дистанционном формате теряется связь между преподавателем и студентом, отсутствует эмоциональный контакт. Таким образом, я считаю указанный формат вынужденной мерой и возможным для проведения небольших мероприятий.

Е. Е. Черных, декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского:

— Сергей Владимирович, многие вузы (крупные университеты), чтобы получить дополнительное стимулирование, участвуют в программе «Приоритет 2030». Одним из «гарантов» того, чтобы вуз оставался на высоком уровне и получал должное финансирование, является показатель «доля молодого ППС (профессорско-преподавательского состава)», то есть до 39 лет. Считаете ли Вы данный показатель возможным? Как он может повлиять на качество юридического образования?

С. В. Кабышев:

— Я соглашусь с Вами в том, что данные показатели должны быть ориентирующими, но с ними нельзя связывать получение финансирования. Это общая проблема современности, когда органы исполнительной власти стали распределителями грантов и субсидий без определения государственной политики, и с ней необходимо бороться.

М. В. Карпычев, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского:

— Сергей Владимирович, собирается ли Государственная Дума принимать меры по изменению статьи 4 Закона Российской Федерации «О статусе судей Российской Федерации» в части квалификационных требований к образованию?

С. В. Кабышев:

— Поддерживаю Вас как эксперт. Данные вопросы обсуждаются, но мне необходимы Ваши аргументы и поддержка для отстаивания Вашей позиции.

А. Ю. Архипов, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России:

— Сергей Владимирович, в прошлом году Российская Федерация вышла из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека. Какой орган будет функционировать в России вместо ЕСПЧ? Какие предложения имеются у Государственной Думы по данному вопросу?

С. В. Кабышев:

— Конституционный Суд Российской Федерации.

М. В. Баранова, заместитель декана юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского:

— Сергей Владимирович, в настоящее время в гражданских вузах, в отличие от ведомственных, отсутствует заочная форма обучения в аспирантуре. Де-юре все люди, которые сейчас набираются в аспирантуру, будут считаться аспирантами дневной формы обучения. Однако в связи с тем, что в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского на юридическом факультете отсутствуют бюджетные места в аспирантуре и основная масса аспирантов обучается на платной основе, многие из них трудоустраиваются, чтобы иметь возможность платить за обучение. Таким образом, де-юре они являются «дневными» аспирантами, а де-факто — «заочными». Как Вы считаете, сохранится ли сложившаяся ситуация в дальнейшем?

С. В. Кабышев:

— В рамках трансформации системы высшего образования предполагается изменение аспирантуры. Необходимо формировать предложения.

А. А. Строков, старший преподаватель кафедры философии Нижегородской академии МВД России:

— Сергей Владимирович, как Вы считаете, какова роль российских традиционно-нравственных ценностей в формировании правовой теории?

С. В. Кабышев:

— Они являются необходимой основой.

Н. Н. Ковтун, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России:

— Сергей Владимирович, в качестве какого источника уголовно-процессуального права принимаются решения Конституционного Суда Российской Федерации? На какой иерархической ступени стоит данный источник права?

С. В. Кабышев:

— Вопрос риторический. По моему убеждению, задача Конституционного суда, решения которого не подлежат обжалованию, — установление справедливости, независимо от источника права.

Д. И. Бедняков, депутат Законодательного собрания Нижегородской области, советник-наставник при губернаторе Нижегородской области, по данному вопросу прокомментировал:

— Могу посоветовать Ковтуну Николаю Николаевичу читать правовые позиции Конституционного Суда по конкретным вопросам, жалобам и конкретным делам, в том числе в части, касающейся уголовного процесса. Я часто встречаюсь с судебными решениями, в которых имеются прямые

ссылки на Конституцию Российской Федерации, в частности по вопросам трудового права. Конституция является тем Законом, на котором базируется все законодательство Российской Федерации.

Н. А. Трусков, начальник кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России, по данному вопросу прокомментировал:

— В части соотношения общепризнанных норм международного права и Конституции Российской Федерации ответ был найден в декабре 2015 года. Если взять историю включения нормы части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, где зафиксировано, что общепризнанные нормы международного права и международные договоры являются частью правовой системы Российской Федерации, то указанная норма формировалась под влиянием западной традиции, когда правовое поле национальных государств подчинено неким «наднациональным» институтам, и вся теория изучалась именно с этой позиции. Вместе с тем практика показала, что данный подход не совсем корректен, даже вреден, так как разрушается суверенитет.

Именно в декабре 2015 года, когда были внесены изменения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», был дан ответ касательно места международных договоров в правовой системе Российской Федерации. Конституция Российской Федерации является основным нормативным правовым актом, обладающим высшей юридической силой. Далее по значимости следует закон о поправке к Конституции, после — правовые позиции Конституционного суда, далее — международные договоры, которые ратифицированы Российской Федерацией.

В свою очередь, С. В. Кабышев по данному вопросу добавил:

— Уважаемые коллеги! Дело в том, что международные договоры ратифицируются в форме федеральных законов. Поэтому пока законодатель не проголосует за тот или иной международный договор, то он (договор) не включается в национальную правовую систему. В практике Комитета по науке и высшему образованию сейчас имеется глобальная конвенция по образованию, но Комитет рекомендовал отложить ратификацию до согласования с национальной системой образования, в частности, вопроса о приравнивании степеней, дипломов бакалавров.

Е. И. Дубов, преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России:

— Сергей Владимирович, мы сегодня говорим о развитии системы высшего юридического образования. Видите ли Вы перспективу развития и внедрения в систему ведомственного юридического образования образовательных проектов, направленных на получение профессиональных навыков, таких как коммуникативность, ориентация на результат, лидерские качества? Прототип таких проектов рисуется платформой «Россия — страна возможностей». Возможно ли что-то подобное в нашей системе в целом и в Нижегородской академии МВД России в частности?

С. В. Кабышев:

— Дело в том, что практика реализации названного проекта нацелена на аккумуляцию талантливых людей, представляющих все сферы. Учитывая специфику данного проекта, возможно применение каких-то подходов. Что касается ведомственного образования, это то, что удалось сохранить самое ценное из советской системы.

Н. М. Пуре, преподаватель-методист учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России:

— Сергей Владимирович, со следующего года вступает в силу новый перечень специальностей и направлений подготовки, которым будут предусмотрены бакалавриат и магистратура. Будет ли актуален данный перечень? Сейчас Законом об образовании предусмотрена возможность получения студентами двух квалификаций одновременно. Насколько она сохранится при условии последних изменений, связанных с отказом от Болонской системы образования?

С. В. Кабышев:

— Что касается бакалавриата и магистратуры, то в будущем набора на эти формы не будет. Те, кто уже начали обучение, будут учиться по этим формам.

Что касается квалификаций, то на данный момент готовых решений нет. В настоящее время создаются учебно-методические отделения по каждой специальности. Проблема заключается в том, что представители юридического сообщества не могут договориться о том, какие специальности остаются, какие будут являться приоритетными. Если есть конкретные предложения — направляйте.

А. Д. Абаринов, слушатель Нижегородской академии МВД России:

— Сергей Владимирович, в одном из своих выступлений Вы отметили, что процесс формирования и развития системы высшего образования строился на диалоге и широкой экспертной работе.

Какие институты гражданского общества на данный момент привлечены к этой работе и какие еще, по Вашему мнению, целесообразно привлечь?

С. В. Кабышев:

— Каждый гражданин Российской Федерации является представителем гражданского общества, и работа ведется абсолютно со всеми. Хочу проанонсировать законопроект об оценке качества образования. Известно, что основной упор был сделан на востребованность выпускников (момент, связанный с работодателем). Предлагается расширить данную систему и включить в нее не только работодателей, но и самих студентов и преподавателей, которые оценивают качество образования друг друга, а также представителей общественности по соответствующему профилю (например, Ассоциация юристов России). Необходимо обеспечить баланс, поскольку смысл высшего образования — формирование гражданина, который будет служить своему Отечеству. Ни самореализация личности, ни удовлетворение интересов конкретного работодателя, а образование как общественное благо.

Р. В. Коротаев, курсант Нижегородской академии МВД России:

— Сергей Владимирович, как Вы считаете, необходимо ли в школах вводить стандарт по начальной юридической подготовке, так как это может стать механизмом содействия правоохранительным органам и способствовать формированию гражданской позиции?

С. В. Кабышев ответил:

— Сразу не готов ответить в отношении стандартов. Считаю, что необходимо уделять больше внимания воспитательной работе.

С. А. Храмов, преподаватель кафедры огневой подготовки Нижегородской академии МВД России:

— Сергей Владимирович, на протяжении длительного времени мы видим, как ЕГЭ достаточно прочно вошло в жизнь школьников, и целью учителей становится не обучение учеников, а подготовка их к успешной сдаче экзаменов. Далее бывшие школьники поступают в вуз, но количество и качество их знаний являются не совсем достаточными для получения высшего образования, в связи с чем обучающимся приходится на протяжении нескольких месяцев восполнять те знания, которые им учителя не дали в школе. Удовлетворяет ли ЕГЭ потребности общества, и существует ли тенденция к его отмене и замене на советский формат сдачи экзамена, который ранее был в школах?

С. В. Кабышев:

— Сразу скажу, что запрос общества на отмену ЕГЭ находится на высоком уровне среди проблем, волнующих родителей и преподавателей высшей школы. Таким образом, тенденция есть.

Одобрив в целом выдвинутые С. В. Кабышевым идеи, выводы, предложения по совершенствованию высшего юридического образования участники обсуждения проблемы ответили следующее.

Мацкевич Игорь Михайлович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Аспирантура и (или?) юридическое образование

Как известно, 12 мая 2023 года Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»¹. В Указе юри-

¹ Собрание законодательства РФ. 2023. № 20, ст. 3535.

дически признана необоснованность перехода отечественного высшего образования на так называемую «болонскую» двухступенчатую систему (бакалавр, магистр). Здесь я не буду вспоминать о том сопротивлении, которое в свое время преодолевали чиновники профильного министерства, когда абсолютное большинство ректоров российских вузов и руководителей научных организаций категорически выступали против навязывания «болонской» системы, а также то, как относительно недавно на юридическом форуме руководитель одного из силовых ведомств просил назвать ему имена тех самых чиновников, которые продавливали «болонскую» систему при том, что некоторые из этих людей в это время сидели за спиной оратора в президиуме.

(Попутно отмечу, что в декларации о Болонской системе специально подчеркивалось, что переход на нее не является обязательным, и каждое государство принимает решение о роли и месте Болонской системы в своей стране, а также о том, какие элементы этой системы принимаются, а какие нет — самостоятельно).

В настоящем выступлении я хотел бы остановиться на вопросах аспирантуры и ее соотношении с юридическим образованием.

В названном Указе Президента Российской Федерации определены следующие виды и уровни образования.

1. Базовое высшее образование.
2. Специализированное высшее образование.
3. Профессиональное образование — аспирантура.
4. Специализированное высшее образование по программам: а) магистратуры; б) ординатуры; в) ассистентуры-стажировки.

Хорошо помню в свете дискуссий, которые предшествовали решению о переходе на «болонскую» систему, что уже тогда никто не мог объяснить место в этой самой системе, которое отводилось аспирантуре. В результате было принято ошибочное, на мой взгляд, решение, что аспирантура — это уровень образования. Как обычно в таких случаях одно ошибочное решение неизбежно влечет за собой череду других ошибочных решений. Так, были установлены не нужные для аспиранта учебные программы, введены оценочные критерии, которые мешали подготовке научного исследования (диссертации). Отсюда неизбежно диссертация как итог работы аспиранта оказалась лишней в аспирантуре. Главным стала некая итоговая работа (необточенная болванка диссертации, кусок глины будущего кувшина) и получение соответствующего документа об окончании аспирантуры. Другими словами, окончание обучения в аспирантуре и защита диссертации оказались между собой никак не связаны. И это не стало парадоксом ситуации, а стало естественным следствием концептуальных ошибок при во многом волюнтаристском переходе на «болонскую» систему.

При обязательной для всех двухступенчатой системе — бакалавр — магистр — нет места аспирантуры и диссертации как научной работы высокого уровня. Не случайно от многих чиновников (и даже ученых, причем не только в России, но и в других странах) я не раз слышал, что для них совершенно неважно, обладает ли преподаватель и (внимание!) даже ученый ученой (извините за невольный каламбур, не мной придуманный) степенью. Сама постановка вопроса, как мне представляется, абсурдна, но это никого не смущает. Но если задуматься, к этой ситуации мы подошли вполне логично.

Диссертация — от лат. *“dissertatio”*, что означает «исследование». Между тем этого исследования часто как раз и не проводится. Кандидатская диссертация, являясь естественным (ведь мы говорим о переходе от одного уровня образования в другой), продолжением магистерской диссертации (та, в свою очередь, — продолжением выпускной квалификационной работы) представляется в глазах ее автора некоей более объемной ВКР и / или магистерской работой (по иронии судьбы тоже называемой диссертацией). Поскольку ВКР и магистерская диссертация стали явлением обыденным, то и кандидатская диссертация превратилась точно в такое же обыденное явление.

Пока еще подобная обыденность не в полной мере коснулась докторской диссертации, но, если ситуация не будет меняться прямо сейчас, то, когда докторская диссертация из научного исследования самого высокого уровня станет простой квалификационной работой, это всего лишь вопрос нескольких, причем ближайших лет. Посмотрите, какие требования предъявлялись к докторской диссертации в Положении о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий в 1994 году («Диссертация на

соискание ученой степени доктора наук должна быть научной квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное достижение в развитии соответствующего научного направления, либо осуществлено решение научной проблемы, имеющей важное социально-культурное, народно-хозяйственное или политическое значение, либо изложены научно обоснованные технические, экономические или технологические решения, внедрение которых вносит значительный вклад в ускорение научно-технического прогресса») и сравните с тем, какие требования предъявляются к докторской диссертации в действующем Положении о порядке присуждения ученых степеней.

Василий Иванович Жуков справедливо говорит, что мир подошел к тому периоду, когда прогресс цивилизации определяется интеллектуально-образовательной мощью человека. Знания выступают неперенным условием общественного прогресса. В цивилизационном масштабе речь идет о том, что глобальное соперничество из области финансово-промышленной и военно-технической областей перешло в область образования, науки, культуры и воспитания. При этом В. И. Жуков говорит о дефектах образовательной федеральной политики, на которые многие исследователи обращали внимание и до него: 1) потеря наиболее подготовленных кадров; 2) утрата привлекательности научно-педагогического труда и размывание социального статуса работника образования; 3) устаревшая учебно-методическая база образования; 4) негодность материально-технической базы всех уровней образования¹.

Словно не замечая надвигающейся катастрофы, связанной с гибелью аспирантуры, некоторые руководители продолжают рассуждать о продолжении ее реформирования. Например, ректор Балтийского Федерального университета Александр Александрович Федоров предлагает выделить два трека аспирантуры: а) научный и б) преподавательский. Первый включает в себя, по его мнению, научно-исследовательскую практику в лабораториях и научных центрах. Второй трек предназначен для аспирантов, ориентированных на преподавательскую карьеру. Другими словами, речь идет о разрыве научно-образовательной составляющей аспирантуры. Если говорить еще более определенно — о выхолащивании научного содержания аспирантуры. Боюсь даже представить, как и чем будут отличаться между собой научные диссертации от диссертаций, нацеленных на педагогическую деятельность (или во втором случае аспиранты не будут защищать диссертации?).

В свое время, когда ошибочность отнесения аспирантуры к уровню образования стала очевидна в профильном министерстве предлагался следующий выход из тупика: аспиранты проходят утвержденные учебные программы (ведь на их подготовку и апробацию потрачены колоссальные деньги и просто так их сейчас взять и выбросить, я с этим согласен, по меньшей мере расточительно), сдают кандидатские экзамены, а потом у них появляется возможность выбора: а) они готовят научно-исследовательскую работу (диссертацию) или: б) простую ВКР. Во втором случае какую степень они получают осталось не понятным, хотя, наверное, с практической точки зрения в целом такой подход можно было бы принять. (Во всяком случае понятны и осязаемы итоги обучения в аспирантуре.) Но оставалось одно, но большое НО (извините за три «но» в одном предложении) — сколько лет должен был бы обучаться в такой аспирантуре аспирант. По моим скромным оценкам, с учетом обучения по программам бакалавриата и магистратуры аспирантуру аспирант должен был бы оканчивать к 28–30 годам... А когда ему жениться / ей выходить замуж? Когда рожать и воспитывать детей? У нас получилась бы аспирантура ради аспирантуры. В ней лишней была бы уже не диссертация, а диссертант.

В другом случае ректор МИСИС (Университета науки и технологий) Алевтина Анатольевна Черникова правильно говорит о важности ориентированности программ обучения на решение задач и потребностей конкретных работодателей. При этом она утверждает, что обучение в магистратуре может быть продолжительностью 10–12 месяцев. Правда, А. А. Черникова оговаривается, что такое обучение осуществляется по заказу бизнес-партнеров. То есть, насколько я понимаю, такое обучение строится фактически по программам тех самых бизнес-партнеров, которые, что вполне естественно, максимально сокращают количество теоретических (читай, фундаментальных, базовых) дисциплин. Наверное, в этом также видятся новации, только для меня остается не понятным,

¹ Социальное образование России XXI века: традиции и вызовы времени, достижения и проблемы / гл. ред. В. И. Жуков. Москва, 2006. С. 19–20.

как с учетом затраченного времени, можно пройти полный курс учебных дисциплин и подготовить качественную магистерскую работу за 10–12 месяцев? Магистры вообще не отдыхают? (Между прочим, насколько я знаю, практически все магистры во время обучения еще работают с разной степенью интенсивности на практике). Таким образом, низкокачественная магистерская диссертация закладывается в основание программы подготовки магистров за обозначенный выше промежуток времени.

Неудивительно при таких подходах, что нормативное положение о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)¹ уязвимо. Например, в пункте 22 Положения есть примечательное правовое исключение: если программой аспирантуры (адъюнктуры) предусмотрено проведение аспирантом (адъюнктом) междисциплинарных научных исследований или при реализации программы аспирантуры (адъюнктуры) используется сетевая форма обучения, аспиранту (адъюнкту) разрешается иметь 2 (два!) научных руководителя или научного руководителя и научного консультанта.

На деле это нормативное правовое предписание привело к тому, что по диссертациям в отдельных областях знаний (например, в медицине) положение, когда у диссертанта по два (на сегодняшний день, рекорд был — четыре!) научных руководителя и / или консультанта все очевиднее становится не исключением, а правилом. Кстати, комбинации и сочетания научный руководитель+научный консультант, или научный руководитель+научный руководитель, или научный консультант+научный консультант бывают настолько же разнообразными, насколько неочевидными. Между прочим, насколько развита сетевая форма подготовки аспиранта тоже не совсем очевидно, хотя я понимаю благие намерения, которыми руководствовались авторы рассматриваемого пункта документа (предполагалось межвузовское взаимодействие аспирантов).

В Указе Президента Российской Федерации № 343, о котором говорилось в самом начале, закреплено, что аспирантам по окончании обучения даются заключения о соответствии диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук критериям, установленным в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике», и свидетельства об окончании аспирантуры².

Обращаю на это внимание, поскольку, по-моему, концептуально, к сожалению, несмотря на заявленный переход к новой системе обучения, применительно к аспирантуре и аспирантам ничего не поменялось. Зачем аспирант поступает в аспирантуру? Для того, чтобы подготовить диссертацию (так мне видится). Но, как и раньше, итогом обучения в аспирантуре остается получение свидетельства.

Я понимаю, что под заключением, о котором говорится в Указе, имеется в виду заключение организации, которое по идее означает, что диссертация аспиранта готова и даже обсуждена в соответствующем подразделении научно-образовательной организации (на кафедре или в научном секторе, например). Однако все прекрасно знают, что это заключение является не более, чем уловкой. Как правило, заключение дается на очень сырой вариант диссертационной работы, с которым аспиранту предстоит работать еще многие месяцы. При этом его обучение в аспирантуре считается успешно завершенным (во всяком случае, по документам). Более того, Указ, как говорилось, принят 12 мая 2023 года (кстати, 26 июня 2023 года в него были внесены изменения, что, на мой взгляд, всегда плохо, поскольку свидетельствует о неполной проработке документа на этапе его подготовки, хотя в данном случае изменения были вызваны дополнением в список так называемых «пилотных» вузов Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II), и предполагалось, что дальше будет принят ряд документов, на основании которых станут реализовываться закрепленные в нем положения. Однако прошло три месяца, и сейчас я вижу только проект приказа Минобрнауки России об утверждении перечней специальностей и направлений высшего образования, научных специальностей, в соответствии с которыми должна осуществляться реализация образовательных программ пилотного проекта. Более того, в этом проекте приказа в специальности 40.00.00 Юриспруденция есть базовое высшее образование и есть специализированное высшее образование (магистратура). Но в проекте приказа нет аспирантуры по юриспруденции.

¹ Собрание законодательства РФ. 2021. № 49. Ч. II, ст. 8308.

² Там же. 1996. № 35, ст. 4137.

Ситуация с аспирантурой и аспирантами усугубляется отсутствием качественных специалистов, которые должны руководить соискателями ученых степеней. Много раз говорил и писал об этом, и чем больше говорю и пишу, тем ситуация все более ухудшается¹.

Во-первых, увы, но научные руководители аспирантов советской школы практически все ушли из жизни.

Во-вторых, произошел разрыв поколений научных руководителей, поскольку научные руководители советской школы не смогли передать свои навыки новому молодому поколению научных руководителей из-за: а) отсутствия желающих идти в аспирантуру в 1990-е годы; б) перехода аспирантуры на уровень образования, где научный руководитель становился во многом второстепенной фигурой, отвечающий почти только за выполнение аспирантом своего индивидуального плана и учебных программ; в) катастрофического падения престижа профессии ученого; г) нивелирования социальных предпочтений работников интеллектуального труда.

В-третьих, новые молодые научные руководители не имеют ни навыков, ни, что еще хуже, желания заниматься аспирантами и их диссертациями.

Разумеется, не каждый человек и не каждый аспирант в состоянии провести научное исследование и написать диссертационную работу. Однако каждому аспиранту необходима руководящая и направляющая помощь со стороны научного руководителя. В свою очередь, научный руководи-

¹ См., например, Мацкевич И. М., Зайцева Л. А. Еще раз о двухуровневой системе присуждения ученых степеней // Юридическое образование и наука. 2013. № 2. С. 2–13; Мацкевич И. М. Концепция подготовки научно-педагогических кадров // Egzamin powinien miec sens i byc sprawiedliwy. Wroclaw. Польша. С. 41–43; Мацкевич И. М. Проблемы подготовки кадров высшей квалификации для правоохранительной системы стран постсоветского пространства (на примере России) // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 1. С. 22–29; Мацкевич И. М. Выступление на региональном совещании по приоритетным задачам совершенствования системы аттестации научных кадров // Юридическое образование и наука. 2014. № 4. С. 3–5; Мацкевич И. М. Законодательная стратегия подготовки научных кадров высшей квалификации: полемические заметки любителя теории права // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 463–472; Мацкевич И. М. Опыт ФРГ в вопросах присуждения ученых степеней и званий // Юридическое образование и наука. 2015. № 2. С. 3–7; Мацкевич И. М. Еще раз об аспирантуре и об аспирантах: научное эссе на заданную тему // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 3–7; Мацкевич И. М. Законодательное регламентирование аспирантуры, докторантуры и соискательства: новый поиск оптимальных решений. III Московский юридический форум: сборник статей и тезисов / отв. ред. Л. А. Петручак. Москва, Проспект. 2016. С. 90–100; Мацкевич И. М., Шишканова И. А. Нормативное правовое регулирование подготовки кадров высшей квалификации для правоохранительной системы // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2. С. 102–106; Мацкевич И. М. Динамика научного образования // Юридическое образование и наука. 2017. № 4. С. 7–11; Мацкевич И. М., Мацкевич О. В. Особенности подготовки научно-педагогических кадров высшей научной квалификации в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительной системы // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 1. С. 7–28; Мацкевич И. М. Научно-педагогические работники (начало) // Юридическое образование и наука. 2018. № 10. С. 3–11; Мацкевич И. М. Научно-педагогические работники (окончание) // Юридическое образование и наука. 2018. № 11. С. 3–11; Мацкевич И. М. Вопросы повышения качества оценки диссертационных исследований // Юридическое образование и наука. 2019. № 7. С. 10–13; Абалакин К. С., Мацкевич И. М. Пахомов С. И., Петров М. П. Высшее образование сегодня. 2019. № 8. С. 2–12; Мацкевич И. М. Современные проблемы аттестации научных и педагогических работников: ответы на вопросы // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 82–86; Мацкевич И. М., Мацкевич О. В., Цареградская Ю. К. О бедном ученом замолвите слово... К вопросу о порядочности в науке // Юридическое образование и наука. 2019. № 8. С. 6–13; Мацкевич И. М., Пахомов С. И., Гуртов В. А., Мелех Н. В., Заугольников Е. И. Результативность деятельности организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 1. С. 126–158; Габов А. В., Мацкевич И. М. Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2. С. 18–28; Мацкевич И. М. Новая номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени: задачи и перспективы развития юридической науки // Юридическое образование и наука. 2021. № 8. С. 10–18; Мацкевич И. М. Номенклатура научных специальностей как правовой институт и как элемент государственной системы научной аттестации. Содержание и форма: что первично? К постановке вопроса // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 4. С. 7–25; Мацкевич И. М. Изменение законодательства, регулирующего вопросы государственной научной аттестации: перспективы, возможности, трудности преодоления // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 17–21; Мацкевич И. М., Шенгелия Г. А. О назначении двух научных руководителей (консультантов) соискателям ученой // Вестник Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки. 2022. № 4-5 (40-41). С. 51–55.

тель не сможет этого сделать, если не погрузится вместе с аспирантом в ту проблему, которую тот разрабатывает.

Понимая это, некоторые научные руководители навязывают аспирантам темы, которые им самим близки, тем самым ограничивая (иногда просто игнорируя) свободу научного творчества своего ученика.

Очевидно, что другой подход, о котором я говорю (погружение в научную проблему вместе с аспирантом) отвлекает научного руководителя от тех задач, которые являются для него как ученого приоритетными. Но, по-моему, по-другому настоящего научного руководства быть не может. В конце концов, в этом состоит задача научного руководителя, в этом заключаются те традиции, которые еще с царских времен всегда были основополагающими для отечественной науки — учителя и ученика связывали узы почтения, научного сотрудничества и научной семьи. Аспирант становился частью семьи своего учителя практически в буквальном смысле слова, и только в этом случае можно было гарантировано говорить о том, что диссертация состоится и с большой долей вероятности родится на свет новый молодой ученый (защитить диссертацию и стать ученым во все времена было — не одно и то же).

Аспирант (от лат. *“aspirans”* — «стремящийся к чему-либо») — это молодой человек, стремящийся постичь непостижимое. Человек, не обремененный ошибками и неудачами. Задача научного руководителя заключается в том, чтобы постараться помочь ему избежать тех очевидных ошибок, через которые в свое время научный руководитель прошел сам, и при этом «не убить» в нем стремление к научной дерзости и научному подвигу.

Все это у нас было. Зачем и почему в какой-то момент мы стали отказываться от собственного вполне успешного опыта, для меня до сих пор остается загадкой. Оставляю ее решение другим авторам.

Здесь же хочу привести слова человека, которому 11 октября 2023 года исполнилось бы 100 лет. Александр Яковлевич Сухарев прошел тернистый путь, воевал, был ранен, много и плодотворно занимался общественной деятельностью, занимал серьезные государственные должности, в том числе в Министерстве юстиции и Генеральной прокуратуре. Он не был ученым в полном смысле этого слова, но он был тем, кто понимал задачи науки и проблемы ученого. Причем то, чем живет ученый, то, что нужно ученому он знал изнутри, поскольку в течение нескольких лет возглавлял научно-исследовательский институт, руководил реализацией ряда научных проектов, непосредственно общался с настоящими мастерами своего научного дела. Опираясь на предшествующий опыт, А. Я. Сухарев осознавал, что значит для науки сохранение традиций и преемственности. Он говорил: «...реформируя те или иные сферы общественных отношений... законодатели и политики обязаны учитывать ситуацию, характеризующую состояние правопорядка, предвидеть последствия экспериментов, в том числе просчитать цену зарубежных заимствований, бережно относиться к отечественным традициям и опыту прошлого»¹.

Резюмируя все вышеизложенное, прихожу к следующим выводам.

1. Мы наблюдаем кризис научного руководства. Если говорить более определенно, у нас налицо отсутствие класса научных руководителей. Этот класс надо возрождать, а скорее всего — создавать заново.

2. Мы потеряли отечественную методологическую школу по подготовке диссертации. Предстоит трудный путь по восстановлению (через архивы и, вполне вероятно, мемуары) нашей уникальной методологической школы.

3. Мы разрушили единую систему определения тем и тематик диссертационных исследований. Я еще застал остатки этой системы, когда утверждал (обосновывал и доказывал ее необходимость) свою тему кандидатской диссертации в научно-исследовательском институте прокуратуры.

4. Мы нивелировали оценочные критерии для соискателей ученых степеней. В свое время конкурс в аспирантуру был на уровне конкурса в театральные училища, при этом (возможно, поэтому) существовал предварительный отбор кандидатов на поступление через подготовку реферата.

5. Мы потеряли качественные и количественные стимулы для научного руководителя. Научный руководитель сейчас совершенно не заинтересован в итоге работы соискателя ученой степени над диссертацией.

¹ Сухарев А. Я. Избранные труды. Москва, 2017. С. 243.

В итоге, о чем я уже упоминал, происходит самоликвидация класса ученых. Причем это идет от англосаксонской системы образования. Парадокс заключается в том, что большая часть научных открытий и достижений происходит на Западе. Значит, выбранный ими путь верный?

Игорь Владиславович Понкин — ученый, обладающий невероятной работоспособностью и тонко чувствующий веяние времени, пришел к выводу, что на смену ученым приходят аналитики. Аналитики должны уметь четко и логично анализировать проблему, что включает в себя получение навыков не только писать и формулировать точные и ясные аргументы, но и обладание способностью исследовать, в том числе собственные предубеждения, предположения и ограничения¹. Все это, наверное, правильно, но я глубоко убежден, что даже самый яркий аналитик не заменит ученого. Ученый и аналитик — это как океан и море. Даже впадая в океан, море не становится его частью, оно в нем растворяется.

Что касается англосаксонского образования, в значительной степени поглощаемого так называемым западным образованием (хотя это не одно и то же), то парадокса в его упадке и одновременном процветании науки нет. Чтобы понять это, достаточно посмотреть, кто из ученых работает и преподает в англосаксонских университетах, прежде всего в США и Великобритании. Ученых с коренной пропиской или мало, или нет вовсе. В основном это приезжие ученые, которым (надо отдать должное управленцам англосаксонской системой образования) даются поистине королевские условия для работы.

Итак, надо что-то менять.

Самое простое решение, о чем многие говорят даже на достаточно высоком уровне, это вернуть советскую аспирантуру. Убежден, что этого делать нельзя, хотя бы потому, что это невозможно. Чтобы вернуть советскую аспирантуру надо вернуть КПСС, советские профсоюзы, советские социальные льготы, много чего еще советского, и главное — советских научных ученых. Ничего этого нет и в том виде, в котором все это было, больше не будет никогда.

Тем не менее делать что-то необходимо.

У меня нет простых и одномоментных решений. Я не знаю, как завтра сделать так, чтобы на место сегодняшней не очень хорошо работающей аспирантуре пришла новая и современная аспирантура.

В качестве первых шагов для изменения ситуации в лучшую сторону я предлагаю (это не новые идеи, об этом я говорил неоднократно, в том числе более 10 лет тому назад) следующие.

1. Составить рейтинг должностей, на которые могут претендовать кандидаты и доктора наук (воспользоваться аналогией известного табеля о рангах).

2. Связать ученые степени с учеными званиями, внимательно изучить советский и зарубежный опыт (например, опыт Франции и Германии — даже несмотря на то, что эти страны сейчас являются для нас недружественными странами).

3. Признать, наконец, что аспирантура не должна быть уровнем образования (то, что многие на разных научных и общественных площадках об этом говорят сегодня вполне открыто, считают своим достижением и личной победой (я так наивно полагаю)).

4. Следующим шагом в правильном направлении станет обсуждение вопроса о том, что такое научное обучение в аспирантуре в частности и научное образование вообще.

5. Параллельно с этим потребуются разработать (наконец) понятия научного произведения, критерии патента как научного продукта и много чего еще. При этом желательно (это уже неспешно происходит) вернуться к проблеме внедрения научного результата диссертации в практику и науку (оттолкнуться от все того же советского опыта, но попробовать избежать формального подхода к решению вопроса — помню, как давали справку о внедрении чего-то в производство, естественно, ничего не собираясь внедрять).

Наверное, мои мысли кажутся не очень продуманными, и многие справедливо посчитают их, если не утопическими, то, по крайней мере, наивными. Но в 1992 году я предлагал создать в армии военную полицию. Тогда меня тоже посчитали мечтателем от науки.

¹ Понкин И. В. Методология научных исследований и прикладной аналитики. Москва, 2023. Т. 1: Прикладная аналитика. С. 39.

Баранов Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

**Фундаментальное и прикладное знание в юридическом образовании:
трансдисциплинарный поиск баланса**

Начну с констатации печального методологического факта: в юриспруденции нет устоявшейся общепризнанной такой базовой классификации правовых наук (и соответственно — учебных дисциплин), в которой были бы четко и аргументировано они распределены на фундаментальные и прикладные.

Многие преподаватели (как опытные профессора, так и молодые педагоги) для повышения авторитета преподносимого учебного курса характеризуют его в качестве фундаментального без приведения каких-либо доводов.

Заметна тенденция к постоянному расширению сферы функционирования категории «фундаментальное». Например, в доктринальном и образовательном процессах России идет масштабный поиск фундаментальных и прикладных проблем судебной власти.

В качестве фундаментальных некоторые исследователи без каких-либо обоснований квалифицируют те или иные права. Так, С. В. Измestьев полагает, что доступ в сеть «Интернет» является фундаментальным правом¹. Вряд ли можно согласиться с таким подходом, учитывая реалии современной России. Ссылаться в доказательство фундаментальности такого права на передовой опыт Финляндии, где с 2010 года закон предписывает обязательное гарантированное подключение к сети «Интернет» каждого гражданина, малопродуктивно и не очень убедительно. И совсем иное дело, когда в обзоре Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2022 года на основе анализа практики реализации судами положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах делается вывод: «право на труд относится к числу фундаментальных, не отчуждаемых прав человека, принадлежащих от рождения»².

Я изучил справочный том к десятичному собранию сочинений С. С. Алексеева. К моему удивлению, предметный указатель на букву «Ф» не содержит ни одной отсылки к категории «фундаментальное». На букву «П» также нет ни одной ссылки к категории «прикладное». Вряд ли это нормально. Я, естественно, не могу упрекать составителя Справочного тома М. Ф. Казанцева, но в трудах С. С. Алексеева эти проблемы не только ставятся, но и последовательно решаются. Правда, С. С. Алексеев, анализируя структуру советского права по степени объективизации основных и комплексных отраслей права выделяет «профилирующие» (традиционные) отрасли. Можем только догадываться, почему С. С. Алексеев предпочел оперировать именно этой терминологией и не стал глубинно исследовать категорию «фундаментальные отрасли права».

Фундаментальная подготовка юристов по сравнению с обучением прикладным знаниям, навыкам, умениям на низком уровне.

Функционирует серия стойких консервативных стереотипов (шаблонов) о малой полезности фундаментальных (особенно теоретико-исторических знаний) для основных юридических профессий. Анонимные телефонные опросы преподавателей уголовного права, административного права, криминалистики трех университетов (они, конечно, не репрезентативны) показали: представители этих учебных дисциплин полагают — обучение их наукам может быть качественным без учета достижений философии и теории права. При этом значительная часть опрошенных заявила, что эту позицию публично они озвучивать и отстаивать не намерены. Речь идет о глубоком вну-

¹ См.: Измestьев С. В. Глобальная альтернатива: монография. Москва: Изд-во Триумф, 2023. С. 36–37.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 5. С. 36.

треннем убеждении, но провести поиск доказательств его, желания нет. Эту позицию опрошенная группа преподавателей, естественно, столь же неявно, но, наверное, не слабо проводит в процессе обучения.

Необходимо максимально активно «внедрять» иной подход — единый базовый уровень юридического образования в обязательном порядке должен иметь систему историко-правовых, теоретико-философских, методологических, мировоззренческих дисциплин в значительно большем объеме часов, чем ныне. Но какие именно учебные курсы и в какой последовательности необходимо предлагать обучающимся — задача крупного междисциплинарного исследовательского института, а не временного творческого коллектива даже очень квалифицированных экспертов. Желательно в качестве обязательного итогового государственного экзамена по юриспруденции учредить Энциклопедию права¹.

В одной из статей заведующим кафедрой теории государства и права Московского государственного университета М. В. Ломоносова доктора юридических наук, профессора Е. А. Фроловой отмечается: «Тема источников права — важна и многогранна, как для фундаментальной юриспруденции, так и для отраслевой юридической науки»². Конечно, это суждение может быть проходной «затравкой» — с него начинается эта статья. Но буквальное содержание приведенного тезиса не оставляет сомнения в том, что исследователь отказывает отраслевым юридическим наукам в качестве фундаментальности. Иными словами, по убеждению Е. А. Фроловой, любая отраслевая правовая наука не обладает фундаментальностью.

Остается сожалеть, что серьезные исследователи в крупных работах, в названии которых содержится категория «фундаментальная», не считают нужным предпослать своим разработкам представления о соотношении фундаментального и прикладного³.

Это весьма острая и непростая проблема. Представители конституционного, гражданского, уголовного, административного права традиционно рассматривают свои науки и учебные дисциплины фундаментальными.

При определении качества фундаментальности научной или учебной дисциплины надо непременно руководствоваться Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030) (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3684-Р)⁴.

Фундаментальные проблемы естествознания и техники кардинально отличаются от фундаментальных проблем юриспруденции. Но методология различения частично может совпадать, мы пока не разработали эту методологию. Надо признать: имеющиеся различия мы обычно фиксируем интуитивно, субъективно и весьма поверхностно. Крайне слабо выяснено значение практического, прикладного для фундаментального. Не только в науке, но и при выработке научной политики государства идут острые дискуссии о сущности фундаментального и прикладного знания, их разумного баланса. Интересно отметить, что 8 сентября 2022 года на заседании Совета по науке и образованию с участием Президента России было много высказываний о необходимости увеличения прикладных научных исследований. Возникло резонное опасение, что это будет делаться за счет принижения роли фундаментальных исследований. Полагаю, что в юриспруденции имеются фундаментальные проблемы с огромным прикладным эффектом, а есть и такие, где этот эффект

¹ Подробнее см.: Баранов В. М. Философия права как неотъемлемый элемент энциклопедии права/ Философия права как учебная и научная дисциплина: материалы Всероссийской научной конференции 18–29 апреля 1999 года / под ред. проф. Баранова П. П., Верещагина В. Ю. // Ростов-на-Дону: Ростовский юрид. ин-т МВД РФ, 1999. С. 93–95; Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции — интегративное развитие общей теории права и государства / Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю. Г. Арзамасов, В. М. Баранов, Н. В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва: ИД Юриспруденция, 2016. С. 48–72; Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции: сущность, структура, ценность // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 13–35.

² Фролова Е. А. Теоретико-методологические основания источников права // Иерархия и координация источников права: теоретические и сравнительные аспекты / под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2023. С. 11.

³ Сорокин В. В. Фундаментальная теория права: монография. Москва: Юрлитинформ, 2020. 448 с.; Мутагиров Д. З. Фундаментальные права народов: курс лекций. Москва: Университетская книга, 2021. 556 с.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2021. № 3, ст. 609.

незначителен. Кстати, бытует и такое мнение, что вся наука прикладная. Ректор МГУ В. А. Садовничий полагает, что ни одна технология не рождается без фундаментальной науки. Он считает, что нужен стандарт фундаментальной инженерии. Можно ли и нужно ли эту идею применить в юриспруденции? По всей видимости, необходим Центр координирующий баланс фундаментальных и прикладных юридических наук.

В научной среде не менее известен такой тезис: «любая фундаментальная наука — прикладная, только иногда может быть прикладной характер, надо подождать несколько лет». По мнению президента РАН Г. Красникова, «только исследователи, которые ведут свои разработки, знают прикладной потенциал разработки»¹.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 2023 года № 9-П по делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. Е. Бахирева дважды оперирует понятием «фундаментальное». Анализируя отношения собственности, Конституционный Суд Российской Федерации рекомендует законодателю: «При этом надлежит руководствоваться *фундаментальными принципами* (курсив мой. — В. Б.) верховенства права, равенства и справедливости, с тем, чтобы правовое регулирование отвечало критериям определенности, ясности и непротиворечивости, а механизм его действия понятен субъектам правоотношений и содержания нормы или системы находящихся в очевидной взаимосвязи норм». В другом фрагменте документа констатируется: «Эти *фундаментальные начала* (курсив мой. — В. Б.) как они определены в Конституции Российской Федерации и Гражданском кодексе Российской Федерации, лежат в основе любого законодательного регулирования в данной области, включая определение правомерных ограничений прав владения, пользования и распоряжения имуществом»².

Буквальное толкование вышеприведенных правовых позиций позволяет заключить, что Конституционный Суд Российской Федерации отождествляет (вряд ли это верно) понятия «принцип» и «начало». Кроме того, из текста следует: в правовой системе России действует не только фундаментальные, но и нефундаментальные (обычные, рядовые, более низкого уровня) права и юридические институты. Тогда возникает резонный вопрос: кто, как и когда официально проведет такое разграничение и где оно будет нормативно закреплено?

Сущность фундаментального нуждается в специальном философском осмыслении, поскольку в литературе присутствует немало разноплановых аналогов этого феномена. Например, в некоторых гуманитарных дисциплинах (лингвистика, психология) бытует словосочетание — «теоретическая и прикладная». При этом соотношение теоретического и фундаментального не проводится. Часто употребляемое словосочетание «фундаментальные основы» представляется мне тавтологичным и применять его к системам законодательства либо образования вряд ли правильно и уместно. Дело в том, что понятие «основа» предполагает именно фундаментальность, а не деталь, не частность.

Многоплановая связь фундаментального и прикладного знания с типами юридического мышления — *абстрактно-правовым либо конкретно-практическим*. Ясно, что субъекты, обладающие абстрактным мышлением более пригодны (и склонны) к освоению фундаментальных знаний и творчески-интеллектуальной деятельности. А субъекты, наделенные конкретным мышлением, призваны достигать высоких результатов в материально-прикладной деятельности человека. И в этом нет принижения такого типа людей. Надо иметь в виду: типы мышления человек не выбирает при рождении и взрослении. Они — результат развития у него нервной и эндокринной систем. Главный постулат теории универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева — развитие мышления человека имеет в основе *биогенный источник*. Развивая этот тезис, В. Н. Петрищев отмечает, что нервная и эндокринная системы человека «не только регуляторы взаимодействия с внешней средой, индивидуально ее воспринимающие, но и механизмы, формирующие модель поведения индивида сложившиеся различия этих систем у представителей различных этносов в конечном счете определили такое важное качество их культур, как отношение ко времени и пространству»³.

¹ Бюллетень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. 2023. № 1. С. 3.

² Российская газета. 2023. 31 марта.

³ Петрищев В. Н. Цивилизации на взгляд, на слух, на нюх и на ощупь. Формирование культурных различий определяется биогенными факторами // Независимая газета. 2023. 22 марта.

Кстати, по различным источникам ныне в мире живет от 3–4 тыс. этнических групп. Легко пред-
ставить: сколь трудно найти баланс их интересов и вовлечь в освоение и тем более в развитие
фундаментального и прикладного знания.

Обучающимся юриспруденции надо особо пояснить: фундаментальное юридическое знание
не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к понятию «фундаментализм». Это понятие ис-
пользуется, как правило, при обсуждении религиозного и правового сознания ортодоксальных му-
сульман, в рамках исследований арабо-мусульманских политических и социальных процессов.
В этом случае речь идет «о подходах, взглядах, позициях, суждениях, отличающихся косностью,
фанатизмом, высокой самооценкой, буквальным следованием тексту, обращенностью в прошлое,
а также отрицанием всех иных взглядов и позиций»¹.

Мне представляется значимой и еще одна методологического рода проблема. Как связаны
(и связаны ли непосредственно) **фундаментальные ценности** (жизнь человека, его достоинство,
свобода и личная неприкосновенность, священность частной собственности, возможность участия
в управлении делами государства) и **фундаментальные науки**?

И последнее. Перед современной юридической наукой и практикой стоит сложнейшая зада-
ча — создать развернутый перечень (реестр, схему) фундаментальных научных дисциплин и со-
пряженных с ними прикладных форматов знаний. При этом желательно сразу обозначить междис-
циплинарные связи между ними с указанием объема и интенсивности их взаимодействия. Только
после этого возможно будет построить образовательные программы с распределением количе-
ства учебных часов.

Установление разумного доказательного, четко зафиксированного баланса фундаментального
и прикладного знания в высшем юридическом образовании позволит:

- не возвысить, а поставить на надлежащее место цикл историко-правовых и теоретико-фило-
софских дисциплин от начала и до завершения обучения;
- выработать у обучаемых подлинное чувство законности;
- исключить упреки в размытии нормативной основы и ослаблении правопорядка;
- свести к минимуму бюрократизм и формализм учебного процесса, зачастую выдаваемых как
прогресс российского высшего юридического образования;
- приблизиться к адекватному практико-ориентированному решению проблемы иерархии и
координации источников (форм) права.

Бабурин Сергей Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслужен-
ный деятель науки Российской Федерации, почет-
ный академик Национальной академии наук Кыр-
гызской Республики, Иностранный член Академии
наук Абхазии, Президент Ассоциации юридических
вузов, главный научный сотрудник, научный руко-
водитель Центра интеграционных и цивилизацион-
ных исследований Института государства и права
РАН, профессор Омского государственного уни-
верситета имени Ф. М. Достоевского, Донецкого
государственного университета, Московского уни-
верситета имени С. Ю. Витте, Кемеровского госу-
дарственного университета

Юридическое образование как показатель цивилизационной культуры

Юридическое образование объективно выступает показателем цивилизационной культуры об-
щества. Неслучайно М. В. Ломоносов при создании в Москве первого российского университета
полагал делать его из трех факультетов и ставил юридический наперед медицинского и фило-

¹ Подробнее см.: Абдуразаков А. А. Фундаменталистское мусульманское правосознание // Типология права
и правосознания. Концептуальное единство и многообразие: монография / под общ. ред. В. П. Малахова,
Н. Д. Эриашвили. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: закон и право, 2023. С. 447–457.

софского¹. Кроме того, образование является системообразующей частью культуры, поэтому то, что закладывается в образование сегодня, может дать результаты, в том числе и негативные, в отдаленном будущем².

Под культурой иногда понимают все формы самовыражения и самопознания людей. Культура любой нации предполагает построение составляющих ее ценностей, идей и традиций в определенном порядке, на основе неких присущих именно этой культуре принципов. Прогресс в своих формах многообразен и состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, подчеркивал Н. Я. Данилевский, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях³. Принципы как первоначала, руководящие идеи, основные правила, представляющие обобщение и распространение их содержания на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован⁴.

Ныне, после реформирования Конституции Российской Федерации в 2020 году, мы можем говорить о закреплении в ней четкой системы таких центральных понятий или принципов, определяющих цивилизационные черты культуры России, характер и геополитический смысл защиты нашего культурного наследия в современных условиях. Эту систему принципов русской (российской) культуры создают нормы Преамбулы и статьи 44, 67.1, 68, 69, 72, 75.1 в своей совокупности⁵.

То обстоятельство, что принципы современной российской (русской) культуры конституционно закреплены, особенно ярко показывает значимость правовых форм социальной жизни, а значит роль правового регулирования и правового образования как важных элементов правовой культуры общества, показателя цивилизационной эффективности соответствующего государства. Отсюда и системообразующий характер механизма правовой системы, целого комплекса внутренних и внешних взаимосвязанных факторов, форм и способов, увязывающего все ее элементы в единый самостоятельный правовой феномен⁶, характеризующий своими особенностями именно российскую цивилизационную культуру.

Обоснованно отмечая роль России в качестве ядра культурно-цивилизационной общности Русского мира, видя смысл новой концепции внешней политики Российской Федерации в закреплении ею правовой интерпретации евразийской идеологии, О. В. Париков отмечает, что духовным основанием для утверждения России в ее статусе самобытного государства-цивилизации служит богатое культурное наследие прошлых эпох, включающее способность обеспечить гармоничное сосуществование представителей разных народов, культур, вероисповеданий⁷. Потому в отмечаемых им приоритетах сотрудничества среди первых следует ставить сотрудничество России с дружественными государствами в сфере юридического образования.

Юридическое образование как передачу из поколения в поколение юридических знаний и умений в значительной мере следует считать показателем цивилизационной культуры народа. Именно юридическое знание позволяет осмыслить сущность государства и права, получить представления о законности и конституционности, правопорядке и правотворчестве, о правомерном поведении и правонарушении⁸. Юридическое образование позволяет разобраться с ролью правовых явлений в торжестве или крушении тех или иных политических и идеологических идеалов, осознанно осуществлять государственное и муниципальное управление, защищать права личности, выстраивать гармоничные отношения между государством и обществом. Оно является базой для целенаправленной деятельности по управлению обществом, реализации определенной

¹ См.: Ломоносов М. В. Государство Российское. Москва: Де'Либри, 2015. С. 511.

² Миронов В. В. Диалог с современностью. Москва: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. С. 82.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва, 1991. С. 87.

⁴ См.: Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. 3-е изд. Москва, 1972. С. 329.

⁵ Подробнее см.: Бабурин С. Н. Конституционные принципы культуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 15–21.

⁶ Радько Т. Н. Правовая система России на юридической карте мира. Москва: Проспект, 2021. С. 7.

⁷ Париков О. В. Концепция внешней политики Российской Федерации — правовая интерпретация евразийской идеологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2. С. 38, 39.

⁸ Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 1: Государство. Москва: Норма, 2007. С. 3.

концепции власти, основой политики¹. И, конечно, юридическое образование позволяет выделить цивилизационные особенности разных правовых культур, учесть в практической деятельности ценностные характеристики того или иного общества.

Как известно, общие требования к подготовке юристов в Российской Федерации закрепляются федеральными государственными образовательными стандартами. Требования ФГОС по направлению и специальности «Юриспруденция» являются базовыми для фундаментальной подготовки юристов широкого профиля². Но качество образования определяется далеко не только стандартами, но самим отношением к обучению и воспитанию со стороны государства и общества.

В начале XXI века стал губительным чисто бухгалтерский подход к образованию, в том числе высшему, когда социальный смысл образования отодвинули на второй план, включив образование в сферу услуг. Он базировался «на рассмотрении высшего образования как государственной стандартизированной услуги, которая в любом российском вузе должна быть одного и того же качества и, соответственно, одинаково финансироваться»³. Реформаторы высшей школы умудрились повторить изъяны системы образования, с которыми за 100 лет до этого призывал бороться Д. И. Менделеев, осуждавший усиление в России недостатков западноевропейского образования, когда «все наше образование направлено преимущественно в сторону индивидуалистическую, подобно древнему или средневековому, и на деле вовсе чуждо задачам жизненным и общегосударственным, для которых истинное знание состоит в умении видеть действительность, уловить условия, принять в расчет и сообразно со всем этим найти выполнимое или в данной частности пригодное решение»⁴.

В Советской России высшее образование учло многие менделеевские замечания, его важной чертой стало разделение вузов на классические университеты, предполагавшие фундаментальные научные и образовательные подходы, и институты, ориентированные в подготовке кадров на конкретные отрасли народного хозяйства или сферы социальной жизни.

На протяжении XVIII–XX веков обучение в России (СССР) строилось по унаследованной со времен М. В. Ломоносова традиции заложить на первом этапе фундаментальные основы образования, научить будущего специалиста думать, а на старших курсах провести специализацию. Такой принцип при внедрении бакалавриата был сломан, фундаментальные науки и дисциплины перенесли на уровень магистратуры, строя подготовку кадров без создания фундамента знания. Между тем профессиональный практикующий юрист не менее юриста-ученого должен строить свою деятельность на знании логики и философии, истории права и государства, на обладании методологией познания. Принудительный в последние годы «компетентностный подход» на поверку оказался лишь рекламным прикрытием дальнейшего демонтажа традиционного классического образования. Обретение компетенции есть не что иное, как «старорежимное» владение знаниями, умениями и навыками. Но внедрение «компетенций» попирало традиционную для юристов методологию познания государства и права, способствовало усилению бюрократизации в образовании, в том числе юридическом.

Сугубо российские кризисные процессы образовательной системы накладывались на неспособность мировой системы образования успешно отвечать на вызовы современности, особенно при трансформации ценностей в информационной цивилизации⁵. Вместо вдумчивого выбора среди различных моделей (проектов) образовательных систем Россия включилась в процессы универсализации образования по европейским стандартам.

Разделение высшего образования на бакалавриат и магистратуру, осуществленное под лозунгом вхождения России в общеевропейское образовательное пространство ради успешного устройства выпускников российских вузов на Западе серьезно ухудшило качество образования.

¹ Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. Т. 1. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2023. С. 23.

² См.: Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 г.). URL: <https://dokumenty24.ru/component/jdownloads/send/10-zakony/23-zakon-ob-obrazovanii-v-rf.html> (дата обращения: 15.07.2023 г.).

³ Клячко Т. Л., Май В. А. Будущее университетов. Статья 2. Российские тенденции // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 17.

⁴ Менделеев Д. И. Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.). Москва, 1995. С. 233.

⁵ См.: Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. Санкт-Петербург: РХГИ, 2004. С. 26–34.

Бакалавриат оказался лишенным глубины знания, а магистратура основательности. Как преподавателям высшей школы, так и потребителям юридических кадров очевидно, что предоставление возможности поступать на магистерские образовательные программы без базового юридического образования себя не оправдывает, ведет к профанации магистратуры как высшего уровня подготовки юристов, к низкому качеству работы по специальности таких выпускников, а порой просто к коммерческому обману магистрантов, отчисляемых после по итогам обучения на первом курсе магистратуры.

Возникли проблемы и подготовки кадров высшей квалификации в науке. Аспирантура, как известно, преобразована в новый уровень профессионального высшего образования (п. 5 ст. 10 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»), став подготовкой научно-педагогических кадров с квалификацией «исследователь» и «преподаватель-исследователь». Ныне она не связана с защитой диссертации. Утрачен классический смысл аспирантуры. Многие хотели бы получить ученую степень, но не нуждаются лишь в хлопотном дополнительном подтверждении своего права преподавать.

Важным элементом правовой культуры общества является сбережение и укрепление профессорско-преподавательского состава юридических вузов. Как подчеркивал академик П. Л. Капица, «руководитель научной работы подобен режиссеру, он создает спектакль, хотя не появляется сам на сцене»¹. В полном объеме это относится к роли вузовских профессоров и доцентов. Искусственное увеличение их учебной нагрузки с неизбежностью ведет к ухудшению качества преподавания. А ведь ныне как никогда ранее важно стимулировать совмещение вузовским преподавателем работы в вузах с углубленными научными исследованиями, с участием в практической деятельности государственных, муниципальных, правоохранительных и иных юридических органов.

Должна быть точна и эффективна оценка труда профессорско-преподавательского состава. В науке ее критерии включают в себя публикации научных статей и, как вершина, монографий, выступления докладами на научных конференциях. Но публикации результатов научных исследований нужны для коллег и учеников, для любознательных соотечественников, а не ради попадания в зарубежные индексы цитирования. Почему даже сейчас, после событий 2022 года, сохраняется преклонение перед иностранными научными рейтингами? Объяснения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по этому вопросу неубедительны. Не будем касаться точных и естественных наук, но в отношении юридических с подобными критериями министерство и ВАК зашли явно не туда. Создали Российский индекс цитирования (РИНЦ) — очень хорошо. Ввели утверждение в ВАК списка рекомендуемых для публикаций журналов — полезно. Но не надо пытаться при этом поглядывать через забор, ориентироваться на мнение о нас завистливых соседей, не следует наивно мечтать, что за рубежом заинтересованы в развитии российской юридической науки. Осмелюсь утверждать — не заинтересованы. Так зачем делать ничего не понимающих в наших делах соседей арбитрами в оценке качества работы российских ученых-юристов? Пора прекращать затянувшуюся нелепость, следует делать единственно допустимыми только национальные оценки результатов научной деятельности. Либо, как максимум, — подходы к юридической науке общие для Евразийского экономического союза и Союзного российско-белорусского государства.

Следует изменить и подход Минобрнауки к работе диссертационных советов, практически ликвидированных в Сибири и на Дальнем Востоке. Университет без диссертационного совета не полноценен. Не оправдывает себя запрет ученым состоять более чем в трех советах без учета необходимости поддержки региональной науки. А диссертационные советы по месту работы доктора наук следует, как и прежде, считать за один.

Допущены, на наш взгляд, структурные ошибки в самой системе высшего образования. Возьмите статью 24 Федерального закона «Об образовании», закрепившую «социальное расслоение» вузов России (особый статус МГУ имени М. В. Ломоносова, СПбГУ, федеральных и исследовательских университетов). Чем доказано, что разделение вузов на официальные категории — это хорошо? Попавшие в «элитные» перечни вузы свободны от добросовестной конкуренции? Если считать это экспериментом, то кто и где подводил его итоги за минувшие годы? Вместо вузов-лидеров мы получили вузы, разлагаемые изнутри получаемыми привилегиями, систему недобросовестной

¹ Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика: Статьи и выступления. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Наука, 1987. С. 180.

конкуренции, убивающую в высшей школе плодотворное соперничество направленностью и достижениями научных школ, качеством подготовки специалистов¹.

Развитие юридических знаний и юридического образования является одним из условий успешного существования и совершенствования любой цивилизации, ее культуры. Конституционная реформа Российской Федерации, осуществленная в 2020 году, укрепила и дополнила цивилизационными смыслами нравственный каркас российского общества. Возвращение общества к традиционным духовно-нравственным ценностям следует признать ключевым принципом обновления современного юридического образования в России. Неслучайно Патриарх Московский и всея Руси Кирилл назвал традиционные ценности — ценности веры, любви, долга, ответственности, солидарности — вечными ценностями².

В чем же причина социального упадка современного юридического образования в России при сохранении в нем реальной потребности общества? Критику реальных недостатков образования нацеливают, как правило, на использование Болонской образовательной системы³. Недостатки современного российского юридического образования реальны⁴, а вот с виновностью Болонской системы не лишне разобраться внимательнее.

Пора развеивать хотя бы ряд сегодняшних иллюзий и мифов. Многие удивятся, но Болонская образовательная система — это способ внедрения в Европе советского опыта высшей школы.

Болонская образовательная система, ставшая ныне неотъемлемой частью европейской цивилизации, формировалась в конце XX — начале XXI века в несколько этапов. Так, 18 сентября 1988 года ректоры 250 университетов различных стран мира подписали в Болонье Великую Хартию университетов, в которой было подчеркнуто, что будущее человечества в значительной степени зависит от культурного, научного и технологического развития, которое «создается в центрах культуры, знаний и научных исследований, какие представляют собой настоящие университеты»⁵. В Хартии были провозглашены фундаментальные принципы, определяющие, что такое университет. Если внимательно оценивать этот документ, то станет очевидно, что основные инструменты, гарантирующие осуществление современных задач университетов, взяты европейцами из советской системы образования, как закрепление мобильности преподавателей и студентов, так и общая политика эквивалентности в области статусов, степеней, экзаменов (при сохранении национальных дипломов) и назначения стипендий⁶.

Кроме того, 11 апреля 1997 года в Лиссабоне в развитие Хартии была подписана Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе. Даже при стремлении к универсализму в статье 3 раздела 2 Конвенции подчеркнуто: «Ничто в настоящей Конвенции не считается отменяющим любые более благоприятные положения, касающиеся признания квалификаций, выданных в одной из Сторон»⁷. В Сорбонской совместной декларации о гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования от 25 мая 1998 года ради вовлечения в европейское пространство высшего образования новых государств, в том числе России, была провозглашена его открытость. И, наконец, 19 июня 1999 года была подписана Болонская декларация европейских министров образования. Окончательно определена суть становления европейского пространства высшего образования: 1) система легко понимаемых и сопоставимых степеней, введение приложения к диплому; 2) два основных цикла (ступени) — преддипломный (не менее 3 лет) и последипломный. Второй цикл завершается присвоением степени магистра и / или доктора; 3) система зачетных единиц — кредитов (*credits*) в качестве способа,

¹ Подробнее см.: Бабурин С. Н. Российская высшая школа в общеевропейском образовательном пространстве: оценка ситуации // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2020. № 3 (25). С. 5–11.

² Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. О смыслах / сост. В. М. Теребихин. Москва: Изд-во МП РПЦ, 2019. С. 420.

³ См.: Боброва Н. А. Девальвация юридического образования: общетеоретический анализ // Образование и право. 2018. № 8. С. 180.

⁴ См, напр.: Русская школа в XXI веке. Кн. 2. Мировоззренческие основания современного российского образования: коллективная монография / под ред. протоиерея Геннадия Заридзе, В. М. Меньшикова, С. В. Перевезенцева. Москва; Курск: Квадрига, 2022. С. 28–50.

⁵ Болонский процесс. основополагающие материалы. Москва: Финансы и статистика, 2007. С. 4.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 12–13.

обеспечивающего мобильность студентов; 4) развитие мобильности путем сопоставимых учебных планов, интегральных программ обучения, сопоставимых критериев и методологии¹.

Присмотревшись, можно убедиться, что и система четких циклов обучения, и возможность для студентов переводиться из одного университета в другой, и система единых образовательных программ, давно существовали в СССР. Если отбросить дипломатию, то именно основы советского высшего образования были в 1999 году обезличенно приватизированы Европой ради трансформации Европейского Союза в федеративное государство. Созвучно русской культурной традиции и то, что 19 мая 2001 года в Коммюнике Пражской встречи европейских министров, ответственных за высшее образование, было отмечено, что высшее образование следует рассматривать не как личный интерес, а как общественное благо. И обучение должно продолжаться в течение всей жизни.

В Российской Федерации шел обратный процесс. «Реформирование» отечественного образования в начале XXI века стало механическим демонтажем существовавших, сбалансированных за полтора столетия успешного использования программ и методик подготовки кадров. Основанием сломы стали ошибочные представления руководителей российского образования о едином европейском образовательном пространстве². Игнорировались и «неудобные» европейские решения, например, Саламанкская конвенция европейских вузов от 30 марта 2001 года. Для апологетов неолиберализма два ключевых положения Конвенции были не приемлемы. Во-первых, Саламанкская конвенция имела ярко выраженную социальную направленность, особенно подчеркнув ключевые для образования принципы: конкуренция не может быть сведена к коммерческому концепту; нежелательность утечки мозгов внутри Европы; главная академическая ценность — это качество образования³. Во-вторых, Конвенция неявно подтвердила успешность советской высшей школы, отметив: «При определенных обстоятельствах университет может решить разработать интегральный учебный план, ведущий прямо к степени магистра»⁴.

Поясняю и дважды подчеркиваю: еще в 2001 году в Европе фактически одобрили российский опыт 5-летней подготовки специалистов, назвав его сквозной магистратурой.

Мелочь, но приятно: если европейцы только в 2003 году запланировали, начиная с 2005 года выдавать автоматически и бесплатно приложения к диплому, то в российском юридическом образовании такие приложения бесплатны и обязательны уже много поколений студентов.

Вывод прост и печален: к деформациям и уродствам современной российской высшей школы Болонская образовательная система отношения не имеет. Российский вариант вхождения в общеевропейское пространство высшего образования оказался до крайности нелеп, ибо заключался в сломе эффективных, многократно оправдавших себя отечественных традиций высшей школы и отречении от собственных культурно-исторических принципов образования, от культурно-образовательной идентичности.

Европейцы серьезно дискутировали о выборе между специализированным обучением или формированием гражданского самосознания и ответственной активности учащихся⁵. Россия первоначально в состоянии либеральной эйфории устремилась вслед за Западом только в первом направлении, затормозив у края пропасти фактически в последний момент.

Россия очень вовремя стала дистанцироваться от сегодняшней Европы, стремительно меняющей свои культурно-ценностные приоритеты, в том числе в сфере юридического образования. В условиях духовно-нравственной деградации Запада, воплощающейся в интерпретации свободы как вседозволенности, в культе неадекватности и извращения, выдаваемом за свободу от традиции и религиозных основ общества, в том числе освобождение от традиционных семьи и брака, семейного воспитания, а вероятнее, именно в силу этого процесса пространство европейского высшего образования становится токсичным. Юридическое образование как показатель совре-

¹ Болонский процесс. основополагающие материалы. Москва: Финансы и статистика, 2007. С. 36–37.

² См., например: Боброва Н. А. 7 лет под прицелом мнимых мировых стандартов // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 74–80; Бабуринов С. Н. Высокое качество образования в образовательном процессе юридических вузов — это, не в последнюю очередь, и постоянное обновление методики преподавания // Формирование знаний, навыков и профессиональных компетенций в образовательном процессе юридических вузов: материалы всероссийской научно-методической конференции. 14–17 февраля 2013 года, г. Суздаль. Владимир, 2013. С. 15–18.

³ Болонский процесс. основополагающие материалы. С. 39, 40.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. С. 504.

менной европейской цивилизационной культуры отражает закономерности постмодерна в ярко выраженной эклектике правового идеализма, позитивизма и аморальности.

Характеризуя юридическое образование как показатель культуры конкретной цивилизации, следует иметь в виду, что европейское образование имеет много отличий от высшего образования в других странах, в том числе в других странах Запада. Европейцы соревнуются прежде всего с США, где применяется более разнообразная и гибкая система учета учебной нагрузки, состоящая не только из системы зачетных единиц, но и идет подсчет суммарных оценок по критериям количества и качества, а также дополнительных баллов за успешную учебную и научную работу. Слепо подстраиваясь под собственное неадекватное понимание Европы, мы увеличивали свой разрыв с другими мировыми системами образования¹.

Процессы, протекающие последние десятилетия в отечественном юридическом образовании, конечно, обратимы. Но нельзя недооценивать степень их социальной и цивилизационной опасности. «Все то, что сегодня происходит в мире, совершается не потому, что так хочет Бог, а потому, что так хочет дьявол, — напоминает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. — Его искушения и соблазны настолько привлекательны, что не просто влияют на способы нашего мышления и волевые установки, но по сути дела формируют облик человеческой цивилизации... Но как падение в реальную пропасть означает смерть или в лучшем случае увечья, так и падение в духовную пропасть также означает духовную смерть или духовное уродство»².

Чтобы создать эффективную национальную высшую школу, достойную России как государства-цивилизации, следует попытаться гармонично соединить традиции образования в Российской империи и Советском Союзе с позитивной частью опыта и инновационных технологий последних тридцати лет. Для юристов имеется несколько моделей дальнейшего развития высшего образования, выбор оптимальной — за политическим решением государства, его высших органов власти. Точнее, за волей общества, закрепленной решением государства.

Путь первый. В юридическом образовании можно перейти к сквозной магистратуре, избавившись одновременно от нелепого понятия «специалитет», вызванного в свое время обоснованным стремлением сохранить от разрушения подготовку специалистов хотя бы по некоторым профилям или направлениям. Абитуриенты будут поступать сразу в магистратуру, учиться традиционные 5 или даже 6 лет и получать дипломы магистров. После окончания базовых 3 курсов, как и после окончания колледжа или техникума, желающим уйти на практическую работу должен выдаваться диплом бакалавра. Аналогом такого диплома в былые годы были диплом техникума или справка о получении неполного высшего образования. И магистры, и бакалавры в этом случае должны признаваться специалистами. Одновременно можно переосмыслить советский опыт функционирования ведомственных институтов и высших училищ, где можно выпускать специалистов с высшим образованием после получения профессионального образования в течение четырех лет.

Образовательные стандарты при этом могут быть достаточно быстро приведены в соответствие с запросами практики и традициями Отечества. Больше ничего не надо ломать.

Есть и второй вариант решения проблем — восстановив подготовку специалистов в университетах за традиционные 5 лет, в академиях и институтах — в течение 4 лет, отождествить магистратуру с аспирантурой. После защиты диссертации выдавать не диплом кандидата наук, а диплом магистра соответствующих наук. В этом случае высшее профессиональное образование в течение 4-5 лет завершать выдачей дипломов специалиста. И забыть слово «бакалавр».

Оба пути просты в реализации и могут быть эффективны.

Возвращение в юридическом образовании к культурно-историческим основам русского общества восстановит цивилизационный смысл и цели юридического образования как синтеза фундаментальных знаний и практических умений юриста, как органичной неотъемлемой части культурной среды любого общества. Поскольку только такое юридическое образование задает параметры национальной конституционной идентичности, оно невозможно без мировоззренческой системы

¹ Подробнее см.: Бабурин С. Н. Начало преодоления Россией цивилизационного кризиса — в эффективности образования и науки // Цивилизация знаний: Российские реалии. Цивилизационные задачи современного правоведения: наука, образование, практика (стратегическая панель): сборник трудов XXIII международной научной конференции. Т. 1. Москва: РосНОУ, 2022. С. 7–18; Он же. Российская высшая школа в общеевропейском образовательном пространстве: оценка ситуации. С. 5–11.

² Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово предстоятеля (2009–2011). Собрание трудов. Серия I. Т. 1. Москва: Изд-во Московской патриархии РПЦ, 2012. С. 711.

координат. Лишь нравственные основания права как фундамент юридического образования позволяют осмыслить его глубину и цивилизационные характеристики. Тем более, что следует безоговорочно поддержать С. В. Перевезенцева в прогнозе: в будущем сохранятся и будут определять мировую политику лишь те народы и цивилизации, чей духовный корень окажется наиболее крепким, а традиционные духовные смыслы и ценности продолжат оставаться значимыми для большинства членов того или иного сообщества¹.

Полноценное юридическое образование с неизбежностью оценивает ныне обострившийся мировоззренческий цивилизационный кризис как прямое следствие духовно-ценностного перерождения гуманизма, аргументированно утверждает, что будущее — за всеобщим многополярным миром, нравственным обществом и экономикой знания². Для этого российское юридическое образование должно отвечать требованиям и традициям культурно-исторического типа своей, Русской цивилизации.

Российской Федерации пора делать выбор, определившись, какой мы хотим видеть высшую школу. Парадоксально, но любое из двух предлагаемых решений, даже если мы полностью откажемся от понятий «магистр» и «бакалавр», будет соответствовать не только традициям русской цивилизационной культуры, но и основным принципам Болонской системы образования.

Голик Юрий Владимирович,

доктор юридических наук, профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, академик МСА

Как изучать уголовное право в современный период

Уголовное право, да и право в целом долгие годы — столетия и даже больше — изучалось путем заучивания правовых норм. Даже я, будучи студентом (1969–1974), застал отголоски этого процесса. Сегодня такой подход не нужен и даже невозможен. Если понятие убийства (умышленное причинение смерти другому человеку — ч. 1 ст. 105 УК) или кражи (тайное хищение чужого имущества — ч. 1 ст. 158 УК) достаточно легко запомнить, то как запомнить составы, описание которых в кодексе занимает более двухсот слов (например, ч. 1 ст. 185⁵ «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» состоит из 248 слов). А главное — кому это нужно, если составы эти могут меняться «со скоростью света». Кстати, специалисты утверждают, что самое сложное понятие в русском языке можно объяснить фразой из семи, максимум из девяти слов.

Значит, нужен другой подход. Студента надо научить анализировать то, что он видит. Причем анализ этот должен начинаться не с «подгонки» увиденного под ту или иную статью, содержащуюся в кодексе, а с учетом соответствия увиденного общему понятию преступления. И уже на этой основе отыскивать соответствующую статью в Уголовном кодексе. Конечно, такой подход может вызвать трудности при квалификации. Наверное, не всегда следователь и судья смогут сразу обнаружить те или иные признаки состава преступления в рассматриваемом случае. Значит, встанет вопрос о качестве уголовного закона, который никогда не должен сниматься с повестки дня. А это требует уже других, более сложных рассуждений.

Сегодня в период отсутствия недостатка в литературе и учебниках по уголовному праву расширять и увеличивать лекционную нагрузку неразумно. Студент многое может почерпнуть из сети «Интернет». Ничего плохого в этом нет. Надо просто ориентировать его, что и где он должен искать и может найти (в сети содержится много некорректной информации). Место учебных лекций должны занять обзорные лекции, которые бы ориентировали студентов на самостоятельный и продуктивный поиск нужного материала. Студента надо научить, что искать и где искать. Основное время аудиторных занятий должно быть отведено на практические и семинарские занятия, в процессе которых студент и будет постигать азбуку поиска и использование найденного, в частности, для квалификации преступления. Не поиск ответа на сформулированный в задачнике вопрос, как

¹ Русская школа в XXI веке. Кн. 2. С. 209.

² Бабурин С. Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. 2-е изд. Москва: Норма, 2023. С. 150.

происходит сейчас, а попытка поиска правового разрешения ситуации. Ответы могут быть самые неожиданные. Например, что сам закон сформулирован неверно. Или о необходимости изъятия той или иной статьи из Уголовного кодекса. Закон постоянно развивается, он «дышит», и мы должны научить наших студентов чувствовать это дыхание. Тогда будет меньше ошибок на практике и меньше злоупотреблений при привлечении к уголовной ответственности.

Отдельный вопрос — роль управления в образовании и роль управления образованием. Должна измениться роль профильного министерства. Оно должно перестать командовать, а превратиться в некий методический центр. К сожалению, при нынешнем уровне кадров министерства это просто невозможно. Услышав это предложение, некоторые чиновники в министерстве тут же предлагают создать методический центр, который будет работать под их руководством (такие центры в виде НИИ, кстати, есть), что представляется нецелесообразным. Повторю, нам не нужно министерство в виде командного органа. Это даже не вчерашний, а позавчерашний день управления в сфере образования.

Нельзя обойти вниманием и текущие проблемы. Сегодня стали едва ли не повсеместно ликвидироваться кафедры, а вместо них создаваться какие-то департаменты. Управление учебным процессом взяли в руки мелкие чиновники, которые видят свою задачу исключительно в распределении нагрузки и назначении на преподавание того или иного предмета конкретного преподавателя. При этом достаточно часто специальность преподавателя не учитывается. На преподавание процесса могут назначить догматика и наоборот. «Вы же юристы». При этом сам чиновник вовсе не обязательно будет юристом. Он управленец. А чем управлять — учебным процессом или полетами в космос — ему абсолютно все равно.

Разрывается связь между преподавателем и студентом.

Говорят, что это повсеместная практика и мировой тренд. Полагаю, что это совсем не так. В Китае, например, кафедры не ликвидируют, а стараются по-своему укрепить.

Отдельный большой вопрос, требующий специального рассмотрения — кадровое обеспечение вузов. К сожалению, кадровый состав преподавателей стареет. Молодые не очень охотно идут в вузы. Система подготовки кадров вызывает очень много критики. Но этот вопрос требует именно специального обсуждения в силу его значимости и многопрофильности, поэтому я ограничусь только этими краткими замечаниями.

Несколько слов о собственно уголовном праве.

Мы многие десятилетия, даже столетия рассматривали традиционные вопросы для уголовного права: преступление и наказание, но стремительно меняющийся мир ставит перед правом вообще и перед уголовным правом множество вопросов, которых раньше просто не было, ибо их просто не могло быть (не существовало источников, их порождающих). Количество этих вопросов не уменьшается, оно растет день ото дня, а ответов на них как не было, так и нет.

Вот только краткий перечень таких проблем, которые непосредственно касаются уголовного права и которые в той или иной форме практически каждый день мелькают на страницах печати: блокчейн, искусственный интеллект, криптовалюты (не только биткоин, но и множество других), цифровые валюты (не путать с криптовалютами), цифровизация в целом, гибридная война, клонирование человека, модификация поведения человека, *big data* и многое другое¹. Очень большое внимание этой проблематике, включая уголовно-правовой аспект, уделяет Китай². Злонамеренные действия (терминология китайцев) должны пресекаться и наказываться. Этот опыт может многим пригодиться. В США в январе 2021 года появился новый термин, не нашедший пока адекватного отражения в законодательстве — «внутренний терроризм». Не ровен час, и этот термин начнет гулять по законодательству других стран. А нужен ли он праву?

По всем этим проблемам существует уже достаточно большой объем литературы. Наибольшей «популярностью» пользуются несколько тем. Например, искусственный интеллект. При этом нет даже единого понимания, что такое искусственный интеллект. По, наверняка, неполным подсчетам существует уже около шестидесяти определений этого явления. И процесс их формирования продолжается. Из чего должен исходить в этом случае законодатель? И должен ли?

¹ Приведем в качестве примера только одну диссертацию, защищенную в декабре 2022 года: Мочалкина И. С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022.

² Мельникова О. Опыт Китая в защите национального киберсуверенитета // Международная жизнь. 2022. Декабрь. С. 106–119.

Вместе с процессами изменений в мире меняется и преступность как таковая. Начинают появляться новые виды криминальных деяний, которых раньше просто не было. Речь идет о преступлениях, совершаемых в сфере использования цифровых технологий. Их количество и виды будут стремительно расти. Мы даже названий для многих из них не успели придумать. И как наказывать за них не знаем.

Законодатель будет какое-то время пытаться нагнать стремительно убегающее время и хоть как-то описать совершаемые деяния, но очень скоро выдохнется и поймет тщетность своих усилий. Ко всему прочему процесс принятия законов является очень громоздким, не отвечающим требованиям стремительно меняющегося мира. Нужно будет искать иные механизмы правового регулирования. Это с неизбежностью повлечет за собой и изменение права и пересмотра роли права в общественном развитии.

И эти события тоже будут происходить очень быстро, далеко не все смогут их даже отследить и тем более осмыслить.

Уже достаточно давно тело человека стало выходить из сферы воздействия суда. И этот процесс продолжается. Что остается? Модификация поведения человека через воздействие на его сознание. Сегодня многие считают это и невозможным, и недопустимым. Но пройдет совсем немного времени, и эти же самые люди будут настаивать на обратном. Нравственные оценки поменяются: недопустимое сегодня станет одобряемым и приемлемым завтра.

Увы, но в уголовном праве сегодня нет даже намека на подготовку к наступлению новой эры. Даже теоретики стараются помалкивать. А напрасно: гром вот-вот грянет, и креститься будет поздно. Именно поэтому мы должны знать, что нас ожидает и готовиться к этому. Готовиться самим и готовить наших студентов.

Крусс Владимир Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой теории права Тверского государственного
университета

Борисов Григорий Дмитриевич,

Тверской государственный университет

Конституционное правопонимание и догма формально-юридической дескрипции¹

В отечественной философии предложены обоснования существенных недостатков познавательной установки эмпиризма, как исключающей онтологически значимые коннотации в своих построениях и выводах². Эта характеристика применима и к юридической догматике, подменяющей гносеологическую согласованность и наполненность номинальной артикуляцией формально-онтологического аспекта реальности. Неизбежный (хотя и неявный) редукционизм и релятивизм, присущие современной отечественной теории права как науке и учебной дисциплине, затрудняют юридически достоверное и значимое описание правовой действительности. Отчасти этим обусловлено и непрерывное умножение бесплодно конкурирующих позитивистских классификаций, одинаково позволяющих субъектам научно-теоретических высказываний претендовать на юридически релевантные выводы. И равно уклоняться при этом от ответа на подлинно теоретический вопрос о том, посредством какой юридической «магии», изначально лингвистическое дескриптивное высказывание превращается в текстах права в общеобязательное (прескриптивное) утверждение должного.

Методологическим маркером правовых доктрин, производных от позитивистского концепта, выступает рефлексивная интуиция прикладного характера юридического дискурса³. Ядром последнего полагается норма права и формально-логические (включая телеологический аспект)

¹ Публикация подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Франк С. Л. Сочинения [Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Ю. П. Сенокосова; Журн. «Вопр. Философии» и др.]. Москва: Правда, 1990. С. 181–183; 556–559; Лосский Н. О. История русской философии. Москва: Академический проект, 2018. С. 330–395, 550.

³ См., например: Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения: монография. Москва: НОРМА, 2001. С. 4.

способы ее интерпретации¹. Последовательное развитие означенных гносеологических посылок номинирует юридический дискурс как «особую методику», которая только и гарантирует высказываниям верительную грамоту их юридической состоятельности². На этом основании Р. Иерингом было заложено здание юридической техники во взаимосвязи компонентов субъективного, как приведения к простейшим формам (формализации) предстоящего перед правоведом юридического материала, и объективного в качестве механической конструкции права³. Однако подразумеваемый здесь консенсус относительно присущей только юриспруденции манере генерации высказываний, осложняется фактической неопределенностью содержательного наполнения правовой материи в поливариантных доктринальных сюжетах. Причем не только предметно-конкретного, но и концептуально-секторального уровня.

Познавательное дезориентированное состояние современной юридической науки, некорректно отождествляющей логику и онтологию, открыто признается в литературе⁴. Позитивизм отвечает на это ослаблением концептуальной демаркации гносеологических представлений вплоть до смешения таковых. Это продуцирует, в частности, новации интегративного⁵ и компрекендного («всеохватывающего») правопонимания⁶. Применительно к интересующей нас проблеме предлагаемые в них решения несут сугубо тактический и, по сути, вторичный характер. Механическое сложение количественных и качественных методов ничего в познавательном отношении не гарантирует. В том числе, применительно к праву, даже если (за неимением лучшего) юриспруденция обратится за поддержкой к искусственному интеллекту⁷. Изначальная интуиция гуманитарной подлинности права, от которой онтологически-комплексная методология вынуждена дистанцироваться (перечисляя юридические признаки или «границы»), позитивистской «тарификации» не подлежит. В телеологическом отношении эта интуиция сопряжена с юридически значимой интерпретацией системы описательных маркеров, подлежащей *сознанию* и *в-сознании* предметности, что актуализирует задачу экспликации параметров юридической дескрипции для каждого из получающих правовое признание явлений. Релевантное теоретико-правовое движение в этом направлении обеспечивает, по нашему мнению, только конституционное правопонимание⁸.

Как известно, в позитивистской догматике и методологии действительность и действенность нормы права фундирует факт соответствия наличного предписания неким всеобщим атрибутам, обнаруженным в результате применения логических операций абстрагирования и анализа эмпирически явленных форм. Одновременно — тем же самым — намечается и перспектива поиска универсального правового критерия. Однако, апеллируя к объективности своих построений в сфере предметной «автаркии», догматическая теория права обнаруживает содержательно-категориальное опустошение и оказывается *формальной онтологией права* в смысле

¹ См. например. Петров А. В., Зырянов А. В. Методология государства и права: мировой исследовательский опыт: монография. Москва: Проспект, 2022. С. 64.

² Наиболее широкое применение соответствующий подход получил в разработках о видах юридической техники. См. например: Давыдова М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 8; Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 496 с.

³ См.: Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. Санкт-Петербург: [Типо-лит. А. Г. Розена (А. Е. Ландау)], 1905. 106 с.

⁴ См. например: Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 7; Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права (под ред. В. А. Томсинова): монография. Москва: Зерцало, 2008. С. 197–199; Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 6–7, 9, 36; Фоминская М. Д. Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: автореф. дис. ... д-ра юрид. Нижний Новгород, 2021. С. 3; Честнов И. Л. Постклассическая интерпретация ускользающего бытия права: вместо введения // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетей, 2018. С. 19.

⁵ См.: Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: моногр. Москва: РГУП, 2018. С. 57–63.

⁶ См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. Компрекендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11–26.

⁷ См.: Гаврилов С. Н. Методология машинного восприятия права на основе синектического подхода // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 30–44.

⁸ См., в частности: Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. Москва: Норма, 2007. С. 21–46.

генетической структуры кода права. Положенный в основание юридической техники принцип формально-логического конституирования квалифицирующего суждения¹ детерминирует структурный дуализм схемы генерации такого высказывания. Это актуализирует требования «межевания» и установления демаркационных линий между топологическими единичностями гносеологического конструкта как не обладающими тождеством признаков форм, а следовательно, и самих форм². Таким образом, преодоление *познавательной дискретности* в рамках классического конструкта юридического силлогизма, где первая посылка (большая) свидетельствует о должном (праве), а вторая (меньшая) — о сущем, то есть о подлежащих юридической оценке фактах, — *исключено*. Обладая коннотациями юридического требования заключение утрачивает статус элемента силлогистической структуры и выводится из *общей топологии* соответствующей композиции, что равнозначно синтетической аннигиляции семантического содержания посылок.

Деструкция описанного следования сохраняется и в случае так называемой методологической «уступки». Суть последней в признании аксиоматически положенной связи логических форм (посылок) и семантического содержания³, что позволяет *приписывать* взаимодействию внутренних первичных (атомарных) форм силлогистической структуры значение *решающего* фактора достижения релевантной цели. В правовой сфере подобное (аксиоматическое) конструирование ведет к формированию субъекта правового поиска (юриста-профессионала) индифферентного к семантическому *наполнению* актуального юридического силлогизма. И это вряд ли можно ставить ему в вину. Во-первых, начетническое следование формально-логической установке дезавуирует необходимую — для синтеза в рамках семантико-логических конструкций — предпосылку сущностной однородности имплицитируемых единиц; во-вторых, редуцирующая формализация семантического субстрата обнаруживает несостоятельность применительно к некоторой части предметно-смыслового в его корреляции к целому.

Ретранслируя блокирующие, в творческом плане, интенции юридико-технического инструментария, адепт методологического монизма *вынужден добросовестно* осуществлять обслуживание структур юридического силлогизма, имплицитируя правовые смыслы в одну из каталогизированных модификаций форм⁴, но, в итоге, оказывается неспособным решить и эту задачу. При этом всеобщий статус запроса дезавуирует творческие усилия не только субъектов, чья миссия сопряжена с признанием непререкаемой значимости содержания юридико-силлогистической композиции (юристы-практики), но и лиц, уполномоченных к концептуальной адаптации ранее неизвестных в горизонте правовой коммуникации маркеров (юристы-ученые).

Любые модальности правовой догматики демонстрируют несостоятельность как в плане обретения предписанием юридически значимого статуса (действительность нормы), так и его практической реализации (действенность нормы). Дескрипция из посылки «поскольку на практике сложилось такое положение вещей, оно и должно поддерживаться», в той же мере, как *мнимая* инверсия, «должно поступать таким образом, ибо это воля суверена», — не только допускают ригористское (бескомпромиссное) позиционирование при реализации права, но исключают антиципативные (предвосхищающие правовое решение) мотивы, будучи лишены в рамках запротоколированных фактов прогностического ресурса актуального действия.

Вопрос о действительности нормы не может быть разрешен посредством указания на некий бытийный факт⁵ как эмпирическое основание правовой достоверности деонтического суждения. Даже при условии корректного действия национального механизма правотворчества в логическом измерении позитивистской модальности значение такого источника права исчерпывается маркером *необходимости*. По сути, дескрипция здесь актуализирует этическое суждение в пространстве правового дискурса, но не касается *достаточности* как детерминанты приобретения суждением юридически значимого статуса. Не обеспечивает правового эффекта и имманентное позитивизму телеологическое совпадение достаточного и необходи-

¹ См.: Иеринг Р. Указ. соч. С. 19.

² См.: Ивин А. А. Логика. Элементарный курс: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2022. С. 140.

³ См.: Ивин А. А. Указ. соч. С. 25–28.

⁴ См.: Иеринг Р. Указ. соч. С. 22, 28–33.

⁵ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 240.

мого для предметно ориентированных условий обоснования «истинности» аксиологических суждений (оценок)¹.

Обозначенные трудности обуславливают поиск *логически выверенной* формализованной правовой структуры и типологии составляющих ее концептуальных субстратов, обладающих *признаком достаточности* по отношению к целям обоснования. Однако и в концептуальных параметрах такого конструкта норма не получит искомой достаточности, если ее семантическая структура останется нерасторжимо связанной с каталогом порочной аргументации². Данное обстоятельство упускается из виду в герменевтической модальности методологии формально-онтологического конструирования права как текстуального пространства (нарратива), исчерпываемого суммой вербальных, символически выраженных норм³. Сторонники этого подхода придают решающее гносеологическое значение семантическому наполнению онтологической структуры права, но аксиоматическим статусом *основания* и *среды* осуществления коммуникативных юридических практик и диалогичности наделяют герменевтический дискурс как *таковой* (безотносительным образом). Такие утверждения не могут получить заверения в своей состоятельности, поскольку исключается «свободный» семиотический и лексический взаимообмен между языковыми формами презентации коммуникативных практик и жизненных сфер, *ищущих* легитимно-правового опосредования. Претендуя на генерацию достоверно-юридических текстов, герменевтическая методология, прежде всего, сама нуждается в юридической сертификации.

Отдельного упоминания заслуживает и юридико-позитивистский апгрейд Г. Кельзена, который отчасти снял проблемы трансцендентности источника правовой значимости деонтического суждения и семантической замкнутости правового дискурса. Выдающийся ученый исходил из необходимости преодоления метафизических притязаний теории права, как дезавуирующих возможность присвоения суждениям, содержащим коннотации предметно ориентированного долженствования, номинации правовых. Гносеологию означенной цели он связал с рецепцией феноменологических практик, обоснованных Э. Гуссерлем⁴.

По Г. Кельзену явления приобретают правовой статус только в связи с наделением эмпирических поведенческих актов, взятых по модусу факта, соответствующим (правовым) смыслом. Достоверность акта правового смыслонаделения сопряжена с наличием априорной смыслообразующей структуры сознания (эйдос), которая в силу хабиитуализации (стереотипа восприятия) практик правовой интерпретации оказывается оперативно недоступной, что исключает семиотическую верификацию полученных результатов. В юриспруденции это привело к предметному размыванию границ права и включению в него (право) психологических, аксиологических исторических и прочих элементов. Такое положение требует эйдетической редукции, «очищения» правового эйдоса от «чуждых элементов» путем предметного ограничения правоведения «позитивным правом вообще»⁵. Для чего из каталога инструментария правоведения необходимо исключить оценочные суждения относительно наличного правопорядка. Тем самым кельзеновская теория права получает принципиально дескриптивный характер.

Для интересующей нас проблемы важное значение имеет «археологическое» раскрытие Г. Кельзенем конститутивного ресурса правовой нормы, что позволило ему заявить — в качестве общей схемы генерации юридически значимых текстов — принцип *правового самоистолкования материала*, предшествующего тому толкованию, которое должно явиться как итог правопознания. Эманация «объективного долженствования» происходит в соответствии с «основной нормой» (*Grundnorm*), содержательно раскрываемой в качестве самореферентного правила юридической актуализации предметно ориентированного высказывания⁶.

Тем самым, казалось бы, найден универсальный юридический алгоритм генерации нормативных конструктов второго порядка как правовых онтологий предметностей. Правовое предложение

¹ Только в математическом утверждении предметное семиотическое совпадение, то есть «сумма» необходимого и достаточного основания образует критерий истинности. См.: Каазик Ю. Я. Математический словарь. Москва: Физматлит, 2007. С. 163.

² См.: Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. Москва: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 40.

³ См.: Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 105.

⁴ Краевский А. А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 8.

⁵ См.: Кельзен Г. Указ. соч. С. 10.

⁶ См. там же. С. 12; 268.

генерируется автоматически самой предметностью, вступившей в пределы правового горизонта. Право оказывается системой региональных онтологий, в которых юридическая значимость дескрипций независима от их содержания и соотнесена *только с порядком* легализации. Однако методологический потенциал данного тезиса купируется сопряжением означенного порядка с тематическими детерминантами правовых текстов¹. Поэтому «решающую» актуальность для теории права приобретают мотивы и техника дескриптивного редукционизма в контексте деконструкции априорных эйдетических связей в системе права и ассимиляции (погружения) в нее «фактических составов». Означенная специфика — как и повсюду в позитивизме — содержит высокую вероятность актуализации деструктивных методологических прогнозов, игнорирования существенных характеристик подлежащих описанию предметностей, а также полной правовой индифферентности по отношению к таковым.

Интенцией преодоления редуцирующей формализации правовой дескрипции отмечены труды российских правоведов, приверженных философии реального конституционализма. Общий посыл кельзеновской гносеологии принимается ими в той мере, в какой это не противоречит цели сущностно-правовой интерпретации реальности как жизненного мира², что выразилось в отказе от требования юридической «чистоты», подрывающей надежды на воплощение правовых идеалов добра и справедливости. При этом ученые-конституционалисты учитывают методологическое значение принципа правового самоистолкования вкупе с концептом основной нормы³. Что лишь при очень *пристрастном* «желании» (и научном «раздражении») может быть понято как редукция правопонимания к конституционной догме⁴.

Генерирующий право текст Конституции Российской Федерации — не норма, и гносеологические коннотации этого текста к основной норме Г. Кельзена оформиться в догму не могут. Прескриптивная значимость конституционно-контекстуального соотнесения детерминирует актуальное сохранение легитимной правовой матрицей своего гносеологического статуса в качестве дискурсивного основания правовой интерпретации и коммуникации. Сущностная связь этой всеобъемлющей юридически значимой дескрипции с жизненным миром обнаруживается в силу самоочевидного в ней присутствия. Конституционный текст обретает значение *правового ретранслятора жизненного мира* по модусу гармонии и синергии между последним как целым и его концептуальными элементами. Созидаящая модальность выступает ориентиром аксиологического и телеологического, открывая недоступные «чистому учению» перспективы эйдетической ассимиляции, дезавуируя риски предметного редукционизма и интенциональной индифферентности. *Распознать* (и купировать) которые нельзя (поскольку *некому*) и в «познавательных субъект-субъектных интеракциях»⁵.

В конституционной теории права принцип правового самоистолкования получает характер онтологического погружения, что позволяет говорить об идиоматическом характере правового созерцания атрибутов реальности. Будучи сопряженной с гипотезой имманентной конституционности *юридическая идиома* содержит регистрируемый, но терминологически невыразимый признак, «легитимно» эксплицирующий онтическую (порядок сущего) устойчивость в единстве явленных характеристик (феноменов) противостоящей экзистенции⁶. Реализация методического потенциала этого концепта намечает возможность семиотического и лексического взаимобмена между коррелирующими в рамках правового поля сущностными феноменами. Гносеологической детерминантой подразумеваются имплицитированные в дескрипции языковые параметры предания юридической значимости легитимно производным от конституционного текста суждениям. Только Конституция Российской Федерации, «заклячая» в себе весь необходимый инструмента-

¹ См.: Кельзен Г. Указ. соч. С. 237–274; 278.

² См., в частности: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 29–30, 34, 39.

³ В том числе в модальностях конституционного правопонимания и конституционализации права. См.: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории. С. 10 и др.

⁴ См.: Честнов И. Л. Ответ критикам постклассических исследований права / Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетей, 2023. С. 22.

⁵ См.: Честнов И. Л. Указ. соч. С. 23. Претендуя на это, постнеклассическая методология в своем итоговом выражении отрицает субъект-объектную реальность Конституции Российской Федерации (как и классический юридический позитивизм).

⁶ См. подробнее: Флоровский Г. В. Восточные отцы IV–VIII веков / Протоиерей Георгий Флоровский. Репр. изд. Париж, 1931, 1933 гг. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. С. 78–79.

рий для целей «распаковки» правовых смыслов и формальной генерации юридически значимых высказываний, утверждает — в суверенном поле России — универсальный формат правовой дескрипции и, как таковая, может быть уподоблена по своему феноменологическому статусу «основной норме».

Согласимся, что в текущей ситуации и с учетом известных социально-гуманитарных факторов и трендов высказанные нами идеи претендовать на имплементацию в учебных курсах теории государства и права, наверное, не могут. Мы руководствуемся здесь лишь тем убеждением, что соответствующей концептуальной корректировки для теории права *потребует* суверенная юридическая практика будущей России, в которой профессионализм найдет оправдание своему престижу и востребованности в силу достоверного соучастия каждого юриста в конституционно-дескриптивном прояснении и реализации смыслов всеобщего должного.

Захарцев Сергей Иванович,

доктор юридических наук, академик Российской академии естественных наук, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск Национальной гвардии Российской Федерации

Сальников Виктор Петрович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск Национальной гвардии Российской Федерации

К дискуссии о высшем юридическом образовании

В июне 2023 года в Нижнем Новгороде состоялся межвузовский форум на тему «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации».

Ученые высказывали различные, порой взаимоисключающие мнения о современном высшем образовании и путях его улучшения.

По некоторым из поднятых вопросов мы хотим высказаться.

Начнем с того, что нам понравилось стремление поднять профессию педагога на должный уровень. Ранее — как при царизме, так и при советской власти — педагоги были одними из самых уважаемых людей общества. Сейчас статус и школьного учителя, и преподавателя вуза существенно упал. Наиболее ярко это выражается в заработной плате. У педагогов она невысока, а точнее говоря, низка.

Что ж, в современном капиталистическом обществе уровень денежного содержания играет важную роль. Высокие зарплаты притягивают лучших. Хорошо, что это стало осознаваться российским Правительством и Парламентом. О необходимости значительного повышения зарплат педагогам и придания этим профессиям должного статуса говорил Председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Российской Федерации С. В. Кабышев.

В его выступлении нам запомнилась еще одна мысль о необходимости обеспечения в учебных заведениях гражданственности и патриотизма.

От себя хотим добавить, что для юриспруденции данный посыл имеет особое значение. Ведь именно право и законы обеспечивают суверенитет и традиции населения России, защищают его жизненный уклад.

Право — сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать всеохватывающе и без идеализации. В ряде случаев оно может быть зависимо от экономических и политических процессов и даже от самодурства политиков, быть не только мудрым, но и подчас содержать бестолковости и глупости, где-то быть простым, а где-то запутанным и т. д.

Мы много писали об этом в рамках разработанной нами комплексной теории права¹. Вместе с тем с помощью права осуществляется независимое существование народов России. Мы должны беречь свое российское суверенное право!

Вспомните, буквально тридцать лет назад многие политики пытались доказать ненужность воспитания патриотизма и гражданственности, другие старались всячески скопировать зарубежные нормы и обругать советско-российское право, правовые традиции. Что в итоге? Мы все равно пришли к тому, что патриотизм нужен и воспитывать его надо не только в детстве в семье, но и в учебных заведениях. И такой подход надо всячески поддерживать!

Мы живем в интересное с точки зрения юриспруденции время. Вполне возможно, что скоро прекратит свое существование или будет существенно изменен подход к международному праву. Разрушать международное право как право стали Соединенные Штаты Америки. Вспомните, нам преподавали, что нормы международного права являются главенствующими, государственные законы должны им соответствовать. США стали одной из первых стран, открыто провозгласивших приоритет внутренних законов над нормами международного права. Сейчас с учетом наблюдаемого международного кризиса США и их союзники уже даже не говорят о нормах международного права и пытаются заменить их некими придуманными ими самими «международными правилами».

Для высшего юридического образования крайне важно уже сейчас определиться с тем, по какому пути пойдет Россия. Будем ли мы пытаться всячески сохранить международное право либо тоже провозгласим, что российские законы в нашей стране приоритетны по сравнению с международными договорами, резолюциями ООН и т. д.? Определение пути может существенно скорректировать не только курс преподавания международного права, но и философии права. Но при признаваемом дефиците педагогических кадров это будет сделать непросто.

На форуме звучали и спорные утверждения. Например, отдельными учеными заявлялось, что образование требует согласования с потребностями практики и рынка труда. Нам сразу вспомнился замечательный советский фильм «Доживем до понедельника», где главный герой, сыгранный Вячеславом Тихоновым, говорит, что история делает человека гражданином!

Историю родного государства — историю России — должны знать все! О каком же согласовании с рынком труда и потребностями практики может идти речь при изучении истории? То же касается изучения русского языка, русской литературы, русского права, других гуманитарных дисциплин².

По большому счету гуманитарные дисциплины, в том числе правоведение, от потребностей рынка труда и практики не должны зависеть и не зависят. Чем больше людей в них разбираются, тем лучше. Вспоминается, что не сразу человечество пришло к тому, что все водители обязаны знать правила дорожного движения и сдать соответствующий экзамен, при этом определенную часть правил должны знать абсолютно все люди. Но все-таки пришли. Теперь тем, что с 18 лет большинство юношей и девушек хорошо знают правила дорожного движения, уже никого не удивишь. Возможно мы скоро придем к тому, что от каждого человека будут требовать знаний значительной части законов.

Собственно, часть уголовного, административного, семейного, гражданского, трудового права и так знает достаточное количество людей. Мало кто знает процессуальное право, тем более с нюансами, но это тоже рано или поздно исправится.

Поэтому юридическое образование, как и другие гуманитарные дисциплины, согласования с рынком труда не требует.

¹ Захарцев С. И., Сальников В. П. *Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография*. Москва: Юрлитинформ, 2015. 264 с.; Захарцев С. И., Сальников В. П. *Комплексная теория познания права // Юридическая наука: история и современность*. 2015. № 8. С. 11–26; Захарцев С. И., Сальников В. П. *Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика*. 2015. № 2 (40). С. 14–22; Захарцев С. И., Сальников В. П. *Философия и юридическая наука: Монография*. Москва: Юрлитинформ, 2019. 424 с.; Захарцев С. И. *Право: новые идеи и прочтения: монография*. Москва: Юрлитинформ, 2021. 440 с.; Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. *Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография*. Москва: Юрлитинформ, 2019. 376 с.; Захарцев С. И., Сальников В. П. *Комплексная теория как инновационный подход к познанию права // Юридическая техника*. 2021. № 15: материалы XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 г.) / гл. ред. В. М. Баранов. Нижний Новгород: «Проспект», 2021. С. 166–174 и др.

² См.: Виноградова Е. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. *Гуманитарные науки как элемент российской идентичности // Юридическая наука: история и современность*. 2022. № 6. С. 11–20.

Вместе с тем желание подчинить возможность получения юридического образования рынку труда имеется у значительной части ученых. Отдельные пошли еще дальше и в кулуарах обсуждали вопрос, что все вузы (и гуманитарные, и технические) должны больше опираться на потребности субъектов Российской Федерации. Для юридического образования это может быть опасно, поскольку для субъектов Федерации и нужд размещенных там бизнесов вузы будут выпускать недообразованных юристов — специалистов по «узким» вопросам права. Так, в Красноярске одно время ставился вопрос о получении там усеченного юридического образования с прицелом на правовое обеспечение добычи и поставок алюминия (исходя из потребностей размещенных там комбинатов). Формально готовы были выпускать бакалавров и магистров юриспруденции, но которые должны были хорошо ориентироваться в юридическом сопровождении производства алюминия и не более того. Такие идеи сопровождались красивыми лозунгами: нам важно выпустить специалистов, готовых сразу после получения высшего образования начать работать. Хорошо, что от внедрения подобных идей в юриспруденцию в Красноярске отказались. Однако, как видим, сами идеи не умерли.

Кстати, с техническими вузами ситуация острее. Многие технические вузы субъектов Российской Федерации оказались готовы выпускать специалистов, что называется, «под конкретную задачу». Большой проблемой является то, что эти выпускники могут работать только в «узких» направлениях конкретной специальности. Куда-либо двигаться не смогут. И переехать в другой регион тоже не всегда смогут, так как там возможно будет нужно, например, чуть другое образование. Иными словами, можно наблюдать завуалированную форму жесткого контроля за человеком и его судьбой, названного нами запрограммированным обществом¹. Оно сводится к формированию и воспитанию людей-функций, неплохо накормленных и обеспеченных материально, но никуда не стремящихся, не растущих, недвигающихся и за счет недостатка образования тесно привязанных к конкретной работе. Вспомним, как отдельные политики утверждали, что надо вернуться к нескольким классам школьного образования и воспитать человека, который будет работать и никуда, кроме естественных потребностей, не захочет лезть.

Мы убеждены, что подчинение высшего образования субъектам Российской Федерации и бизнесу станет шагом к запрограммированности общества, чего нельзя допускать.

Мы считаем, что в России, как ранее в Советском Союзе, должны давать фундаментальное как среднее, так и высшее образование. Чтобы при получении высшего образования человек мог работать по своей специальности в любом направлении. И нюансы требуемых в конкретных профессиях знаний, не были оторваны, а органично закреплялись на фундаменте, базисе имеющегося образования.

Надо добавить, что в своих рассуждениях мы не одиноки. О необходимости сохранения фундаментальности высшего образования говорил в выступлении С. В. Кабышев.

Сказанное имеет самое непосредственное отношение и к юридическому образованию.

Не является секретом, что наши книги по философии и теории права, несмотря на современную нелюбовь к России, вызывают интерес за рубежом². В свою очередь, мы тоже изучаем зарубежное общество и образование.

¹ См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. О праве в программируемом обществе // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. Я. Капустин и др.: отв. ред. В. В. Лазарев. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020. С. 93–99; Захарцев С. И., Сальников В. П. Современное подконтрольно-запрограммированное общество и право // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 4. С. 182–194; Захарцев С. И., Сальников В. П. Поправки в Конституцию Российской Федерации в контексте запрограммированного общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 129–152; Захарцев С. И., Сальников В. П. Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и правосудия // Информационное право. 2020. № 3 (65). С. 9–15; Захарцев С. И., Сальников В. П. Запрограммированное общество и право // Стратегические приоритеты. 2020. № 3–4 (27–28). С. 80–91; Захарцев С. И., Сальников В. П. Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте комплексной доктрины // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 189–194; и др.

² См., напр.: Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2018. 270 p.; Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. The Logos of Law: Parmenides — Hegel — Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p. и др.

Наши исследования показали, что советское среднее образование было значительно сильнее, чем зарубежное европейское. Если брать высшее юридическое образование, то здесь ситуация сложнее. Нам показалось, что выпускник с советско-российским дневным пятилетним образованием специалитета находится на одном уровне с хорошим зарубежным магистром, обучающимся правоведению на дневном факультете шесть лет. Конечно, такие исследования субъективны и не могут учитывать всех факторов. Например, того, что все учащиеся разные, что все-таки кто-то из них больше любит одну отрасль права, а кто-то другую, что выпускающиеся вузы тоже различны и др.

И тем не менее наши достаточно объемные исследования, проведенные в 2015–2020 годах, показали, что наше высшее юридическое образование как раз было более фундаментальным, а не прикладным. Мы более глубоко изучаем теорию государства и права, и историю государства и права, с позиций сущности подходим к конкретным отраслям права.

Зарубежное высшее юридическое образование имеет выраженный прикладной характер. И если магистратура фундаментальные темы стремится дать, то зарубежный бакалавриат, как правило, «обо всем по чуть-чуть». Мы сторонники того, чтобы вернуться к хорошо зарекомендовавшему себя в советско-российское время пятилетнему советско-российскому специалитету.

Стремление организаторов нижегородского форума повысить качество высшего юридического образования поддерживаем!

Лановая Галина Михайловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры теории государства и права Московского
университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Проблемы формирования профессионального юридического мышления в современном вузовском образовании

Формирование профессионального юридического мышления было и остается одной из тех задач, решение которых имеет чрезвычайно высокую значимость в вузовской подготовке юристов. Это связано с тем, что, будучи необходимым для успешной практической деятельности, профессиональное мышление в то же время не может сформироваться исключительно на основе опыта осуществления такой деятельности. Представляя собой «особого рода интеллектуальный способ существования»¹, оно опирается на понимание закономерностей, с практическим опытом непосредственно не связанных и из него не выводимых. Юристу необходимо знать общие закономерности развития и функционирования права, принимать во внимание его историческую и культурную обусловленность, видеть принципы связи права и государства, права и правосознания, понимать логику права, ориентироваться в правовом пространстве.

В условиях многократного увеличения темпов происходящих в государственно-правовой жизни изменений, перманентного обновления законодательства и деятельности по его реализации изменяется характер требований, предъявляемых к практикующему юристу. В этой ситуации неизбежно меняется наполнение образовательного процесса. Общемировой тенденцией становится усиление практической направленности процесса подготовки юристов², что в полной мере характерно и для России: традиционная для отечественной системы образования парадигма, в рамках которой акцент делается на передаче знаний, сменяется практико-ориентированным подходом, предполагающим формирование у обучающихся набора компетенций, соответствующих требованиям, предъявляемым к выпускникам на рынке труда.

Применение практико-ориентированного подхода в системе вузовского образования неразрывно связано с внедрением таких технологий обучения, которые позволяют студенту «погрузиться» в профессиональную деятельность и «наработать» необходимые юристу прикладные умения и навыки. При этом подразумевается, что в условиях реализации рассматриваемого подхода со-

¹ См.: Куклин С. В. К вопросу о структуре юридического мышления // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2016. Т. 16. № 3. С. 24.

² См.: Захаров В. В. Современные модели юридического образования: традиции и новации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2136; Бернам У. Правовая система США. Вып. 3 / науч. ред. В. А. Власихин. Москва: Новая юстиция, 2006. С. 252; и др.

храняются условия для успешного усвоения обучающимися и других — более общих — знаний, умений и навыков, в том числе тех, которые способствуют выработке юридического мышления.

Формирование профессионального юридического мышления неразрывно связано с подготовкой «не просто искушенных знатоков права, но людей, масштабно мыслящих в правовых категориях»¹, в этой связи ведущую роль в нем играет освоение фундаментальных юридических наук. Однако изучение таких наук объективно не способно обеспечить «погружение» обучающихся в профессиональную деятельность, и, поскольку бюджет времени, отводимого на подготовку юриста, в условиях реализации практико-ориентированного подхода не увеличивается, применение названного подхода оказывается сопряжено не только с увеличением количества часов, предназначенных для изучения прикладных юридических дисциплин и спецкурсов, но и с одновременным уменьшением часов, отводимых на изучение фундаментальных правовых дисциплин. В этих условиях возможности формирования у студентов знаний, умений и навыков, составляющих основу профессионального юридического мышления, существенно сокращаются.

В процессе изучения фундаментальных правовых дисциплин решаются, по большому счету, две масштабные задачи. Во-первых, преподаватель помогает обучающимся овладеть ключевыми понятиями и получить базовые знания, необходимые для того, чтобы изучение отраслевых и прикладных наук не превращалось в поверхностное знакомство со значительным объемом разнородной, зачастую не связанной в единый комплекс информации. Во-вторых, обучающиеся погружаются в контекст, который составляет право не просто как система формально закрепленных, охраняемых государством правил поведения, а как феномен культуры (позитивное право, и то, что находится за его пределами).

Конечно, первостепенную важность имеет решение первой из названных задач, и в этой связи в условиях уменьшения количества часов, отводимых на изучение фундаментальных правовых дисциплин, освоение права как феномена культуры отходит на второй план.

В описываемых условиях складываются предпосылки для формирования профессионального юридического мышления специфического типа.

Во-первых, такое мышление утилитарно: оно направлено исключительно на решение сугубо юридических вопросов, актуальных «здесь и сейчас». Его носитель, как правило, не интересуется проблемами, выходящими за рамки позитивного права и складывающейся на его основе практики.

Во-вторых, формирующееся в современном вузовском образовании профессиональное юридическое мышление оказывается ограниченным. Выпускник вуза не всегда видит такие влияющие на юридическую деятельность и ее результаты факторы, которые связаны с общими закономерностями и тенденциями, характеризующими правовую жизнь современного человека и общества, особенностями правового менталитета и правовой культуры, влиянием на право других социальных регуляторов.

В-третьих, юридическое мышление, формируемое в условиях реализации практико-ориентированного подхода, предельно унифицировано и стандартизировано. Будучи ориентированным на привычные, освоенные в процессе изучения отраслевых и прикладных юридических дисциплин модели, оно в то же время нередко оказывается лишенным гибкости и, значит, стратегичности, вариативности, эвристичности, креативности.

В-четвертых, как следствие, профессиональное юридическое мышление утрачивает способность быть творческим, созидющим мышлением, поскольку «в процессе творческой работы необходимо умение оторваться от логического рассмотрения фактов, чтобы попытаться вписать их в более широкие картины. Без этого не удастся взглянуть на проблему свежим глазом, увидеть новое в давно примелькавшемся»².

В-пятых, будучи ориентированным на позитивистскую догму и не видя того, что выходит за ее рамки, носитель профессионального юридического мышления нового типа, обнаруживая, что данная догма не утилитарна, склонен отказаться от нее в пользу ложно трактуемых соображений полезности, целесообразности, корпоративного единства, не понимая, что многие проблемы вполне могут получить правовое решение в контексте иных, конкурирующих с юридическим позитивизмом, концепций правопонимания (в частности, в рамках естественно-правового или социологического понимания права).

¹ Иванов М. Постичь закон. Прошлое, настоящее и будущее юридического образования в России (обзор) // Журнал Х Петербургского международного юридического форума. 2022. С. 36.

² Лук А. Н. Мышление и творчество. Москва: Политиздат, 1976. С. 36.

К сожалению, в описываемом состоянии профессиональное мышление оказывается неспособным обеспечивать эффективное решение значимых для юриста задач — особенно в современных условиях.

Прежде всего, характеризуясь неразвитостью творческой составляющей, юридическое мышление не позволяет его носителю успешно решать задачи, связанные с поиском правовых способов решения принципиально новых проблем. В то же время в условиях ускорения темпов социальных изменений, постоянного развития технологий таких проблем становится все больше и больше. В этом плане показательным является то, что в начале 2020-х годов рекорды бьет спрос на юристов по защите персональных данных, а также юристов-специалистов в области интеллектуальной собственности¹.

Будучи ограниченным, профессиональное юридическое мышление не позволяет его носителю принимать правильные решения в условиях избыточности информации и постоянного «информационного шума», когда установление фактических обстоятельств и юридической основы дела перестают быть просто поиском и сбором информации.

Будучи не способным выйти за рамки привычной сферы, решение сложных, проблемных ситуаций юрист иногда начинает видеть в борьбе с «симптомами» так или иначе связанных с правом социальных болезней. Частным, но весьма показательным в этом плане примером является предложение бороться с проявлениями правового нигилизма государственных служащих посредством эффективной, последовательной и грамотной кадровой политики государства, одновременно признавая правовой нигилизм государственных служащих социальным явлением, «в основе которого лежат, с одной стороны, субъективные несовершенства человека, с другой — объективные несовершенства общества и создаваемого им права»².

Следует отметить, что негативные изменения, происходящие в профессиональном юридическом мышлении в условиях реализации практико-ориентированного подхода к подготовке юристов, тем более опасны, что в современной ситуации значимость такого мышления существенно повышается.

Способность к принятию решений в нестандартных правозначимых ситуациях оказывается чрезвычайно востребованной в силу того, что потребности и условия профессиональной юридической деятельности довольно быстро меняются. В отдаленной перспективе способность перестраиваться, гибкость и креативность профессионального мышления оказываются для выпускника более полезными, чем приобретенные в процессе изучения отраслевых и прикладных юридических дисциплин практически значимые умения и навыки, актуальные на момент составления учебного плана.

Важность формирования развитого профессионального юридического мышления повышается в связи с широким внедрением в правотворческую и правоприменительную деятельность новых технологий, которое, обеспечивая упрощение и интенсификацию деятельности юриста, в то же время создает предпосылки для постепенного превращения представителей, по крайней мере, некоторых юридических профессий в низкоквалифицированных «клерков».

Постоянно пользующийся «помощью» современных программных продуктов юрист, не обладая развитым профессиональным мышлением, зачастую оказывается неспособен адекватно оценивать предлагаемые программой решения, а также вовремя обнаруживать технические сбои и принимать решения самостоятельно. Программное обеспечение иногда становится для юриста своеобразным «протезом», благодаря использованию которого он утрачивает способность видеть причинно-следственные связи, прогнозировать возможные варианты развития событий, а также лишается возможности учиться на чужих и своих собственных ошибках.

Значимость развитого профессионального юридического мышления увеличивается в современных условиях и в силу того, что в целом снижается способность человека делать правильный выбор: и потому, что социальная реальность меняется быстрее, чем индивид в состоянии ее осознать и осваивать, причем «традиционные ориентиры и «опыт стариков» мало помогают в преодолении жизненных трудностей»³, и вследствие изменения типичных способов работы с

¹ Иванов М. Постичь закон. Прошлое, настоящее и будущее юридического образования в России (обзор) // Журнал Х Петербургского международного юридического форума. 2022. С. 37.

² См.: Пронина К. Ю. Кадровая политика государства в сфере снижения уровня правового нигилизма государственных служащих // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 20. С. 660–669.

³ Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Москва: Научный эксперт, 2012. С. 27.

информацией («мы больше не ищем информацию — мы «гуглим». И пока мы раз за разом полагаемся на *Google*, наша способность к самостоятельному поиску информации ослабевает»¹), и в результате возникновения феномена клипового сознания («у людей, активно взаимодействующих с гаджетами, формируется так называемое клиповое сознание... В результате частично утрачиваются навыки анализа текстов и комплексного восприятия существующих проблем»²), и по причине того, что «благодаря техническому прогрессу и социальной организации... люди вступают в жизнь, будучи слишком уверенными в огромном множестве вещей»³, заблуждаясь относительно точности и глубины своих знаний.

Самостоятельной проблемой становится то, что изменение параметров профессионального юридического мышления в условиях широкого применения в юридических вузах и на юридических факультетах практико-ориентированного подхода способствует усугублению «посттеоретической болезни», поражающей современные гуманитарные и общественные науки⁴. Когда исследователями и преподавателями в вузах становятся носители профессионального юридического мышления нового типа, обнаруживается опасная нехватка методологических подходов и инструментов, позволяющих критически осмысливать юридическую действительность. Как следствие, сокращаются возможности для производства социально релевантного знания о государстве, праве и правосознании как о феноменах, сущность которых в условиях информатизации общественных отношений кардинальным образом изменяется.

В фундаментальных юридических науках, и прежде всего в теории государства и права, утрата веры в теоретическое мышление как инструмент схватывания и интерпретации государственно-правовой реальности, а также популяризация иррационального познания приводят, с одной стороны, к отказу от попыток выйти за рамки сформировавшейся юридической догмы, с другой стороны, к идеологизации и мифологизации многих явлений и процессов. Особенную склонность к этому демонстрируют именно ученые-юристы новой генерации, получившие вузовское и послевузовское образование в условиях реализации практико-ориентированного подхода к обучению, часто не испытывающие потребности в том, чтобы мыслить масштабно и нестандартно, выходя за рамки привычных моделей.

Среди ученых, являющихся специалистами в области отраслевых и прикладных юридических наук, наблюдается рост недоверия к интеллектуализму, часто они негативно относятся ко всему, что противоречит позитивистско-правовой догме. Одновременно возникает тенденция познавать государственно-правовую реальность посредством сбора и анализа статистических и иных эмпирических данных, нарушение правил и процедур сбора которых приводит к их ненадежности и / или нерелевантности.

Итак, в современных условиях не только не снижается, но и повышается значимость формирования профессионального юридического мышления, опирающегося на широкий кругозор, видение и понимание того, что находится за границами позитивного права и складывающейся на его основе практики, обеспечивающего практикующему юристу способность мыслить нестандартно, творчески решать сложные профессиональные задачи. И эта роль усиливается по мере того, как возрастает деформирующее влияние на правосознание современного человека факторов самого разного рода, а также по мере того, как увеличивается скорость изменения правового пространства и адаптации к нему. В то же время в условиях реализации в современном вузовском юридическом образовании практико-ориентированного подхода складываются обстоятельства, в силу которых не обеспечивается формирование профессионального юридического мышления, характеризующегося столь необходимыми для практикующего юриста свойствами и качествами.

Сегодня очевидна необходимость «разворота» в вузовском образовании в сторону фундаментальных правовых дисциплин, которые должны изучаться на протяжении всего периода вузовской подготовки, параллельно с отраслевыми и прикладными дисциплинами, обеспечивая погружение обучающихся в «мир права».

¹ Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. Москва: Синдбад, 2019. С. 80.

² Цифровизация правоприменения: поиск новых решений / отв. ред. Д. А. Пашенцев. Москва: Инфотропик Медиа, 2022. С. 8.

³ Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск: БГУ, 2005. С. 15.

⁴ Брайдотти Р. Постчеловек. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2021. С. 13–14.

Кодан Сергей Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член экспертного совета по праву и политологии Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, главный научный сотрудник управления научных исследований, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

**Практико-ориентированная подготовка аспирантов / адъюнктов
в системе современного российского юридического образования:
зачем, чему и кому обучать будущих ученых?**

Поставленные Председателем комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Российской Федерации С. В. Кабышевым проблемы, связанные с развитием системы высшего юридического образования в современной России, требуют серьезного обсуждения различных вопросов этого весьма значимого для развития страны многогранного процесса, от которого зависит будущее юридической сферы жизнедеятельности российского общества. Остановлюсь на одной проблеме — подготовке молодых ученых в рамках деятельности аспирантур / адъюнктур юридического профиля.

Постановка проблем подготовки аспирантов / адъюнктов не нова, и достаточно ознакомиться обширным массивом публикаций на эту тему. Соответственно, хорошо известно, что подготовка научно-педагогических кадров в аспирантуре (далее подразумевается — и в адъюнктуре) являлась и является основным направлением обеспечения будущего юридической науки и образования. Здесь традиция и связь научной и образовательной деятельности очевидна. И если в XIX веке подготовка юристов стала двигателем для развития научных исследований в сфере юриспруденции, то с конца этого столетия именно юридическая наука стала и является определяющим началом в содержательном наполнении юридического образования. Эта тенденция при всех перипетиях в этой сфере в советское и постсоветское время является определяющей и для развития различного рода юридических практик. Данная триада — юридическая наука, юридическое образование и юридическая практика — представляет основу для изучения и совершенствования функционирования государственно-правовой сферы российского общества.

Особо подчеркнем, что 2021 год стал определенным этапом в оптимизации подготовки научно-педагогических кадров и его нормативном оформлении. Утверждение Правительством Российской Федерации «Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» (от 30 ноября 2021 г.) в совокупности с введением приказа Минобрнауки Российской Федерации «Федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» (от 20 октября 2021 г.), согласованное с новой «Номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» (от 24 февраля 2021 г.), скорректировали существующую систему подготовки аспирантов для их исследовательской деятельности в различных областях науки. Одновременно возникает, продолжает оставаться актуальным ряд вопросов, связанных с содержанием подготовки научно-педагогических кадров, которые и предлагают вынести для обсуждения научно-педагогического юридического сообщества с последующим введением выработанных и согласованных решений в действующее нормативно-регулятивное пространство.

1. Зачем нужно обучение будущих ученых в сфере юриспруденции? Вопрос о подготовке аспирантов давно обсуждается в научно-педагогическом сообществе и различных плоскостях его постановки и решений на государственном уровне. Суждений «за» и «против» много, но определенный стереотип остается: «*Будущего ученого не нужно учить, а аспирант лишь должен написать диссертацию*». Здесь необходимо четко определиться с позицией относительно аспирантуры как особого научно-образовательного института.

Доводы моих коллег о том, что «*нас, дескать, в аспирантуре не загружали образовательными программами, и мы стали учеными*», мне не представляются убедительными. Да, мы работали со

своими Учителями: буквально впитывали их знания, опыт, понимали и воспринимали их научную позицию и многое другое, они требовали вникать в существо проблемы, формировать многоуровневое ее восприятие и, конечно же, корректировали наши «юношеские заносы». Соответственно и безусловно, передача личностного знания на уровне «Научный руководитель — Аспирант» («Учитель — Ученик») давно признана, является и будет являться важнейшей составляющей в развитии научного знания в целом и конкретных научных дисциплин. Бесспорно принцип — «*Попытайся сотворить ученого, который превзойдет тебя в науке в будущем и продвинет ее на новый уровень*» — в той или иной форме давно бытует в науке и обеспечивает ее развитие. Только в «текучке дел и толчее событий» не следует о этом забывать — иначе «сумерки эпохи науки» (Мартина Корредойра) вполне могут наступить. Именно в связке «Учитель — Ученик» и формируется новое поколение ученых, но при этом *научный руководитель как специалист в своей сфере науки не только определяет направленность и содержание исследования, но и развивает исследовательские способности и научную культуру аспиранта. Он одновременно выступает как первый и главный эксперт по подготовленной его учеником диссертации и несет ответственность перед научным сообществом за ее качество.*

При этом особо подчеркну, что деятельность научного руководителя как главной фигуры и основного звена подготовки ученого при всей ценности передачи личных знаний и опыта в научной деятельности в форме «непосредственного ученичества» не является единственным каналом формирования современного исследователя. Присутствие научного руководителя в работе аспиранта всегда было и остается особо значимым в научной судьбе молодого ученого, но этого явно недостаточно для формирования общих научно-мировоззренческих и профессионально-исследовательских его качеств в нынешних условиях развития научного знания. Соответственно, возникает и вопрос: «*Зачем загружать научного руководителя как безусловного (резюмируем) специалиста в определенной научной проблематике вопросами организационно-методологического характера*»? Его дело обеспечить научно-дисциплинарную составляющую диссертации и качество самого исследования, а все остальное — дело аспирантуры / адъюнктуры как управленческо-учебного подразделения соответствующего образовательного или научно-исследовательского учреждения. И здесь аспирантура становится организатором теоретико-методологической подготовки аспиранта к научной деятельности.

Особо следует учитывать, что современное развитие философии науки, науковедения, методологии, методик и технологий исследований в сочетании с качественно новым уровнем информационной обеспеченности научной деятельности и возможностями коммуникаций в научной сфере создают возможности для основательной практико-ориентированной подготовки аспирантов, готовых и способных эффективно проводить научные исследования как в рамках научной дисциплины, так и на уровне междисциплинарного взаимодействия наук различного профиля. И давайте, коллеги, ответим на вопрос: «*Кто из нас способен обеспечить на личностном уровне общий и необходимый уровень подготовки аспиранта в работе в современной научной среде?*». Возможно и есть такие ученые-энциклопедисты, но я лично этого о себе сказать не могу, поскольку именно и только мои Коллеги с их опытом и только на уровне «коллективного разума» способны выработать и содержательно наполнить систему современного обучения в аспирантуре. Соответственно, эта проблема заслуживает обсуждения в профессиональном научно-педагогическом сообществе юристов с выработкой относительного общего подхода, и последует закрепления конвенционально признанных своеобразных «общих стандартов-требований» подготовки научно-педагогических кадров на нормативном уровне.

Практика подготовки и экспертизы диссертационных исследований показывает, что их качество — актуальность, новизна, историографическая основа, источниковая база, аргументированность выносимых на защиту положений и др. параметры работ — достаточно часто (мягко говоря) не соответствуют требованиям к научно-аттестационным работам. На это неоднократно обращалось внимание руководством Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, ее экспертных советов и отдельными экспертами, являлось предметом обсуждения на совещаниях руководителей диссертационных советов — и особо указывалось, что многие недостатки диссертационных исследований связаны с именно необходимостью совершенствования подготовки исследователей в рамках аспирантуры. И, конечно же, можно долго спорить о том, является ли аспирантура уровнем образования, но мне представляется очевидным, что качественная фундаментальная подготовка будущих ученых-юристов на теоретическом, методологическом и практи-

ческом уровнях в рамках аспирантуры / адъюнктуры является во многом определяющей для развития науки в целом, включая и юриспруденцию.

2. Чему нужно обучать будущих ученых-юристов? Этот вопрос, на мой взгляд, является узловым, и ответ на него определяет содержательное наполнение образовательных программ в аспирантуре. Но именно это и представляется главной проблемой в подготовке молодых ученых. Хорошо известно, что цель обучения достигается его содержанием с ориентацией на получение соответствующих знаний, учений и навыков — на формирование практического опыта. Все это особенно значимо в подготовке научно-педагогических кадров, в которой теоретическая, методологическая и практическая составляющие открывают путь не только к успешной подготовке диссертации, но и всей последующей научной деятельности.

Введенные в 2021 году «Государственные требования к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре / адъюнктуры» внесли свой вклад в организацию указанной деятельности, но являются рамочным документом и недостаточно содержательно наполняют программы обучения аспирантов, представляя это самым образовательным или научно-исследовательским учреждениям — они должны формировать образовательный компонент обучения в аспирантуре.

При этом заметим, что ряд образовательных и научно-исследовательских учреждений юридического профиля, «воодушевленных» самостоятельностью в формировании программ аспирантуры, перевели ее в русло лишь к подготовке к кандидатским экзаменам и написания диссертации и всего того, что связано с ее защитой — организуют и контролируют написание текста работы, подготовку научных публикаций, участие в конференциях и т. п. А как это «реально делать», как «изготовить» качественную диссертацию, остается «за бортом» образовательных программ и отдается на «откуп» научному руководителю. Поэтому многие вопросы, связанные с исследовательскими процессами и технологиями производства диссертации, пониманием внутренней исследовательской лаборатории ученого — остаются вне подготовки аспирантов и образовательных программ аспирантур / адъюнктур. Здесь важно обратиться к преподаваемым при подготовке аспирантов предметам.

Базовый уровень основных учебных дисциплин в аспирантуре на протяжении десятилетий традиционно определяется требованиями к общей подготовке диссертанта с ориентацией на научную дисциплину и включает подготовку к кандидатским экзаменам. Это соответствует давно принятым нормативным требованиям и направлено для установления и подтверждения уровня знаний и готовности соискателя ученой степени к самостоятельной научно-исследовательской деятельности. Но и здесь резерв практической направленности в подготовке аспирантов: по истории и философии науки — ориентация на современное мировоззрение и новые подходы в исследовании; по иностранному языку — работа с литературой по теме диссертации; по научной специальности — требование основательного знания соответствующей литературы и, особенно, по тематике диссертационного исследования теоретической основы его написания. Хотя и здесь необходимо выработка общих подходов на уровне определения необходимого минимума знания базовой литературы классического характера.

Между тем обратим особое внимание на то, что *современное качественно выполненное диссертационное исследование не может быть выполнено без получения аспирантами специальных знаний, ориентированных на теорию и практику его выполнения*. Для этого необходимо преподавание в аспирантуре соответствующих учебных дисциплин. Возможность их введения в учебные планы аспирантур предусмотрена «Государственными требованиями к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре / адъюнктуры» в виде так называемых «элективных дисциплин». В пункте 6 указанного документа определено, что «организация при реализации программы аспирантуры (адъюнктуры) вправе предусмотреть возможность освоения аспирантами (адъюнктами) факультативных и элективных дисциплин (модулей) из перечня, предлагаемого организацией, в порядке, установленном локальным нормативным актом организации». И хотя «элективные дисциплины (модули) являются обязательными для освоения аспирантом (адъюнктом), если они включены организацией в программу аспирантуры (адъюнктуры)», четких требований к ним не предусмотрено. Здесь-то «зарыта собака» — возникает вопрос об определении перечня элективных дисциплин с точки их роли и значения для подготовки современного исследователя и достижения не только конечного результата аспирантской подготовки — защиты диссертации, но и подготовки современного ученого. При этом изучение содержательного

наполнения образовательных программ в аспирантурах / адъюнктурах юридического профиля показывает, что они не всегда ориентируются на введение и освоение дисциплин, направленных на «производство» диссертации и будущую исследовательскую деятельность обучающегося.

Формирование перечня и содержания элективных дисциплин в аспирантуре должно базироваться на системообразующих знаниях, которые необходимы для работы над диссертационным исследованием и определяются познавательным пространством. Это собственно и должно определять программу обучения в ее элективной части. При этом следует учитывать, познавательное пространство работы аспиранта опирается на знания, которые относятся к таким областям, как *историография* — анализ литературы по теме диссертации и определение параметров ее изученности; *источниковедение* — отбор, анализ и систематизация носителей информации по теме диссертационного исследования; *методология* — операциональный инструментарий работы, включающий методы, подходы и технологические приемы проведения диссертационного исследования; *исследовательская информатика* — информационные ресурсы, содержание, имеющаяся в наличии информация, зафиксированная на соответствующих носителях и используемая для исследования; *архитектоника диссертации* — построение, язык, стиль изложения, оформление текста и научно-справочного аппарата научно-аттестационной работы.

Соответственно, в программу обучения аспирантов необходимо введение следующих пяти элективных дисциплин: «Историография в диссертационном исследовании»; «Источниковая база диссертационного исследования»; «Методология диссертационного исследования»; «Информационные ресурсы в диссертационном исследовании»; «Архитектоника и оформление диссертационного исследования». Эта триада, по моему мнению, и определяет необходимость соответствующих обязательных дисциплин для подготовки аспиранта.

Представляется, что в данном плане необходима выработка общих согласованных подходов и разумная унификация набора учебных дисциплин в аспирантуре на уровне их наименования, определения содержания и нормативного закрепления в качестве рекомендованного перечня предметов, максимально способствующих качественной подготовке аспиранта и выполнения на необходимом уровне требований к выполнению диссертационного исследования. Разработку примерных программ и отработку их содержания могла бы взять на себя рабочая группа, созданная, например, из экспертов ВАК и представителей образовательных и научно-исследовательских учреждений, которая может представить для обсуждения соответствующие рекомендации с соответствующим их нормативным утверждением в качестве рекомендаций президиума ВАК или в другой форме.

3. Кто должен готовить научные кадры для юриспруденции? Вопрос весьма актуален — создание образовательных программ аспирантуры требует соответствующего кадрового обеспечения их преподавания. Оставляю вне оценки положение Государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре / адъюнктуре (п. 18) о том, что «не менее 60 процентов численности штатных научных и (или) научно-педагогических работников, участвующих в реализации программы аспирантуры (адъюнктуры), должны иметь ученую степень». Хотя вопрос и возникает: «Как можно преподавать дисциплины лицам, претендующим на получение ученой степени без наличия таковой?». Исключение, пожалуй, составляет только преподавание иностранного языка для аспирантов, но и здесь знание его юридической специфики необходимо.

Но это не главное. Прежде всего, не следует забывать, что века развития научного знания доказали, что диалог маститого и начинающего ученого в процессе обучения мастерству научного исследования и написания диссертации обеспечивает именно практико-ориентированную и эффективную подготовку аспирантов, понимание ими основных требований научной культуры, научного этноса и специфики интеллектуального труда. Естественно, это должен быть ученый с необходимым уровнем педагогического мастерства, наличием способностей и возможностей раскрыть и донести сведения о работе его творческой лаборатории. При этом не всегда даже выдающийся ученый обладает личными педагогическими качествами для работы с аспирантами различных специальностей с выходом на обобщенные аспекты исследовательских практик, что необходимо учитывать при определении состава преподавателей в аспирантуре.

И особо следует подчеркнуть, что именно в пространстве личностно-диалогового общения научносостоявшихся ученых с аспирантами и происходит передача накопленного исследовательского опыта и обеспечивается методологическая, методическая и технологическая пре-

емственность в научно-исследовательской деятельности. Проведение занятий в аспирантуре в такой форме и, особенно, ответы на вопросы слушателей с комментариями преподающих в аспирантуре ведущих ученых, выступают, как показывает практика, наиболее эффективной формой приобретения теоретических и практических знаний для текущей и будущей научной деятельности аспиранта. И это мне представляется ключевым моментом в деятельности аспирантур / адъюнктур, хотя и не редко видишь «с пафосом вещающих о диссертации» докторов наук или кандидатов, совсем недавно ее защитивших и не имеющих «за душой» ни одного собственного диссертанта.

Расширение преподавательского состава при подготовке аспирантов за счет привлечения ученых из других образовательных или научно-исследовательских учреждений, известных своими достижениями в науке, методологии, методиках и технологиях исследования и других сторонах познавательной деятельности, является важным моментом в совершенствовании содержания подготовки молодых ученых. Часто «пророк из чужого отечества» бывает, как показывает практика работы аспирантуры в нашем университете, весьма полезен с точки зрения вовлечения начинающих исследователей в научное пространство с непосредственным или в онлайн-формате общением. Привлечение, например, для чтения курса истории и философии науки в УрГЮУ доктора философских и юридических наук профессора О. Ю. Рыбакова (МГЮУ) привнесло в данную дисциплину нотки практического видения значения, роли научного мировоззрения и исследовательской культуры в аспирантском труде.

Современные возможности коммуникации в информационном пространстве для подготовки аспирантов на основе онлайн-технологий создали среду, в которой взаимодействие значительно облегчается с точки зрения получения крайне необходимой для обучающихся информации. Опыт организации в режиме онлайн Всероссийской школы аспирантов юридических вузов «Диссертация как научный проект и научный текст» в 2022 году и научно-методический семинар «Научный руководитель в системе выполнения диссертационного исследования и аттестации научно-педагогических кадров» в 2023 году (организаторы УрГЮУ, МГЮУ, СГЮА, Институт государства и права РАН, Юридический факультет Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижегородская академия МВД России) показали высокий уровень востребованности информации по вопросам подготовки диссертационных исследований аспирантами, их руководителями, работниками аспирантур и студентами, которые готовятся к началу научной карьеры. В этих мероприятиях принял участие председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Российской Федерации С. В. Кабышев, обратившийся к собственному опыту научной деятельности. Особое значение имело участие в мероприятии системы государственной научной аттестации — главный ученый секретарь ВАК И. М. Мацкевич и председатель экспертного совета по праву и политологии ВАК Е. Ю. Грачева в своих выступлениях осветили актуальные проблемы подготовки диссертаций и ответили на вопросы слушателей. Образовательный компонент в ходе проведения школы и семинара состоял в проведении тематических практико-ориентированных занятий, которые в режиме онлайн провели ученые с опытом экспертной деятельности в ВАК — Н. А. Власенко, А. В. Винницкий, Б. В. Змерзлый, А. В. Корнев, С. В. Кодан и ведущие ученые-юристы страны — В. М. Баранов, В. М. Сырых, М. В. Баранова, П. У. Кузнецов, Н. Н. Тарасов, О. Ю. Рыбаков и др. Тем самым не только удалось привлечь внимание аспирантов и их научных руководителей к основным проблемным пространствам написания и защиты диссертаций, но и показать на конкретном материале использование теоретических знаний, современных познавательных средств, методик и технологий проведения при проведении исследований. Заметим, что в проведении указанных мероприятий приняли непосредственное участие или ознакомились с видеоматериалами в сети «Интернет» более 7,5 тыс. прямых или косвенных участников мероприятий. Слушателями было задано в различной форме более 200 вопросов, на которые были получены ответы «из первых рук». Характерно и то, что участниками последних были не только юристы — ведь проблемы подготовки научных кадров являются общими. Многочисленные положительные и ряд критических отзывов позволяют усовершенствовать тематику подобных мероприятий и эту практику предполагает продолжить и в будущем. При этом подчеркну, что в нашем университете — УрГЮУ развернуто и проведение целевых занятий-консультаций для аспирантов по отдельным проблемам — архитектонике диссертации, подготовке к защите, требованиям к научным публикациям и др.

Подводя итоги, замечу, что поставленные проблемы требуют обсуждения и выработки конвенциональных решений в научном сообществе совместно с государственными структурами.

Только в этом случае можно будет отработать эффективную, теоретически и практически ориентированную систему подготовки молодых ученых и обеспечить качественную подготовку диссертационных исследований, а в конечном итоге, и прирост научного знания в совокупности с сохранением преемственности в сфере научной деятельности. А это без качественного организованного образовательного процесса в аспирантуре / адъюнктуре едва ли представляется возможным.

Морозова Людмила Александровна,
доктор юридических наук, профессор, академик
Международной академии наук высшей школы

Новые поиски рационализации российского юридического образования

Я глубоко убеждена в том, что советское высшее образование — одно из лучших в мире! И дело не в так называемом квасном патриотизме. Сама я закончила юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, где нас обучало настоящее созвездие профессоров: С. В. Юшков, П. Н. Галанза, Ф. И. Кожевников, А. Н. Трайнин, С. Ф. Кечекьян, Н. Н. Полянский, А. Ф. Клейман, И. Н. Якимов и др. Поэтому и в мыслях не было у студентов, пропустить какую-либо лекцию или иное занятие. Спрашивали нас строго на зачетах и экзаменах. И это было вполне справедливо, так как преподавание велось на высочайшем профессиональном уровне.

Конечно, времена меняются, изменяется жизнь общества, государства, страны в целом, а также международная обстановка в мире. Изменяются общественные и государственные запросы, потребности, интересы, самосознание нации, а с ними и требования к образованию, подготовке профессиональных специалистов. Отсюда периодические реформы в области высшего образования, его модернизация, совершенствование. Будем откровенны: «болонизация» высшего образования в нашей стране была ошибочным решением. Она рассчитана на то, что выпускники российских вузов смогут устроиться на работу за рубежом. Но нас никто и никогда не ждал там и вряд ли будет когда-либо ждать. С точки зрения практических целей России эта система породила сплошные проблемы и сложности. Она также привела к тому, что магистерский институт с его диссертациями, по существу, привел к упадку и отказу от института аспирантуры, от кандидатских диссертаций. Сами же магистерские диссертации, как показывает опыт, были на несколько порядков ниже по качеству, чем обычные или среднестатистические кандидатские диссертации.

Нельзя не согласиться с тем, что в последние годы и даже десятилетия качество диссертаций значительно снизилось. Некоторые претенденты на ученую степень кандидата юридических наук позволяют себе за деньги заказывать написание диссертаций «сведущим» лицам, но нуждающимся в материальных средствах. Кроме того, в наши дни постепенно падает престиж научной работы, преподавательской деятельности в вузах из-за низкой заработной платы. Она явно не оправдывает всех издержек, связанных с большой ответственностью и объемом возложенных на эти виды деятельности задач и общей трудовой загруженностью. В литературе отмечается, что, несмотря на номинальный рост заработной платы, материальное положение работников образования и науки в советский период улучшалось более низкими темпами, чем в ряде других групп населения и не достигало уровня жизни дореволюционных профессоров и педагогов¹.

Надо отметить, что ВАК и Министерство науки высшего образования в целом в этом отношении не выполняют своей контролирующей и можно сказать «отсекающей» обязанности, не встали на защиту подлинной науки. Я имею в виду юридическую науку, к которой принадлежу. О положении дел в других науках не знаю, но думаю, что вряд ли там ситуация лучше.

С этим надо что-то делать. Может быть изменить порядок формирования диссертационных советов в вузах, возможно также усилить ответственность научных руководителей аспирантов. Ведь сейчас они не несут никакой ответственности за то, что и как представил диссертант на защиту. Я согласна с тем, что учебные часы, которые засчитываются научному руководителю, поистине мизерные. Может их увеличить? Тогда и ответственность будет оправданной.

По-видимому, требует пересмотра и состав диссертационных советов. Если той или иной совет принимает к защите диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, это

¹ «Изучать юриспруденцию яко прав искусство»: очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. — XX в.) / под общ. ред. В. В. Захарова, Н. Н. Зипунниковой. Курс. 2008. С. 147–148.

насколько профессиональна оценка работ соискателя со стороны членов совета, обладающих степенью кандидатов юридических наук? Это вызывает большое сомнение.

В свое время профессор В. В. Лазарев в докладе «Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика)» на Международной научно-практической конференции в Москве (2013) выразил беспокойство относительно того, что «наука развивается усилиями отдельных ученых. Исследования ведутся чаще всего спонтанно, без должной координации и организации»¹. Он отметил, в частности, что, если в период существования СССР утверждение тем диссертаций требовало решения координационного совета, действующего в пределах страны, то теперь можно избрать тему кандидатской диссертации, по которой написаны десятки работ и защищена ни одна докторская диссертация. Научные руководители часто не являются специалистами по теме, которую избрал молодой исследователь. Прошло с тех пор 10 лет, а ничего не изменилось.

Аналогичным образом обстоит дело с занятием должности ректора в юридическом вузе кандидатом юридических наук. Причем речь идет именно о столичных вузах, где нет недостатка в докторских наук. Хороший управленец этот кандидат наук? Пусть управляет вузом, но почему именно в должности ректора? Иначе почему не может написать и защитить работу на докторском уровне? А издавать приказы и давать предписания докторам наук, работающим в вузе, как организовать чтение лекций студентам, как оценивать их знания, какие формы педагогической работы избрать или сделать приоритетными, сколько раз можно пересдавать один и тот же предмет учебного курса и т. д., можно?

Заслуживает пересмотра и институт так называемого Ученого совета вуза, на который возложены достаточно обширные полномочия, в том числе и решение судебных отдельных профессоров и других преподавателей вуза: пролонгировать ли с ними заключение договоров на новый срок, на какой конкретно период или нет. Ученый совет надо сделать подлинно ученым. А ныне в него входят некоторые работники вуза, даже не имеющие высшего специального образования, например, служащие канцелярий, отдела кадров, бухгалтерии и т. д. Эти так называемые Ученые советы давно превратились в средство расправы с негодными для ректора вуза преподавателями и избавления от них. В свое время данный институт был задуман как расширение социалистической демократии, но превратился в свою противоположность. Демократической мерой считалось включение в состав Совета представителей партийной организации, комсомола, профсоюза, студенческого сообщества и т. д., которым совсем не надо было обладать какими-либо учеными степенями и заслугами. Но мы как будто от этого отказались или только «как будто»?

Хотелось бы высказать свое мнение о спущенном Министерством науки и высшего образования Российской Федерации модуле, а попросту директиве о введении на 1 курсе в первом семестре и рекомендуемых к обязательному включению в образовательные программы с 1 сентября 2023 года «Основ российской государственности».

Могу напомнить, что в 1998 году в издательстве «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации было опубликовано авторское учебное пособие «Проблемы современной российской государственности», разработанное на основе защищенной ранее мною докторской диссертации. В Московском государственном университете имени О. Е. Кутафина была предпринята попытка чтения данного курса, но на факультативной основе. В целом она себя оправдала, однако не была поддержана руководством вуза (студенты и так загружены!).

Я не согласна с теми экспертами-политологами, которые высказались против введения данного курса для историков, политологов и юристов, поскольку темы и вопросы, предложенные для данного курса, Министерством науки и высшего образования юристы познают уже из других изучаемых на 1 курсе дисциплин и при подготовке к сдаче вступительных экзаменов в юридические вузы. Поэтому для них Основы российской государственности — это ликбез (ликвидация безграмотности, юридической разумеется). А вот заменить дисциплину «Проблемы теории государства и права», которую они изучают на выпускном курсе и сдают по ней государственный экзамен, вместо данной дисциплины ввести дисциплину «Государственность современной России» — это будет действительно новацией, а главное — прагматично. Тем более, что дисциплина «Проблемы теории государства и права» представляет собой всего лишь несколько расширенный вариант курса

¹ Юридическая наука и ее значение в современном обществе: сборник докладов Международной научно-практической конференции (Москва, 11 апреля 2013 г.). Москва, 2014. С. 29.

«Теория государства и права», изучаемой на 1 курсе. Данная дисциплина позволяет студентам использовать комплекс знаний, которые они приобрели в процессе обучения в юридическом вузе.

В частности, на выпускном курсе студенты могут не только дать понятие государственности, но и разграничить его с понятием государства, государственной власти. В юридической науке чаще всего эти понятия не отождествляются. Мировой истории известны случаи, когда государство номинально сохраняется, а свою государственность народ утрачивает. Пример — Королевство Гавайских островов, аннексированных США. В то же время, если государство уничтожается, завоевывается, разрушается, утрачивается, нередко навсегда. Пример: Византия, сохранившая свое государство и государственность около 1 тыс. лет.

Кроме того, в рамках данной темы студенты смогут продемонстрировать знания, полученные в результате овладения такими дисциплинами, как «Конституционное право», «Административное право», в рамках которых студенты изучают систему государственных органов, политическую систему, органы управления, контроля и надзора, особенности российского федерализма. По дисциплине «Истории государства и права» выпускники юридических вузов получают фундаментальные знания по отечественной истории и истории зарубежных стран. Это уже стало традицией высшего юридического образования.

В рамках «Теории государства и права» даются подробные сведения о современной политической системе общества, ее компонентах, политических партиях, политическом процессе, признаках государственной власти и др.

Важная тема российской государственности — соотношение государства и собственности. Здесь пригодятся знания по гражданскому, предпринимательскому, земельному, экологическому праву.

Практически все дисциплины, изучаемые в процессе обучения в юридических вузах, могут (и должны) быть задействованы при овладении проблемами государственности современной России. Поэтому необходимо (а не просто желательно), чтобы в подготовке программы данного курса участвовали ученые-юристы, а не только политологи и историки.

Я несколько лет была в составе членов Диссертационного совета Российского государственного гуманитарного Университета (РГГУ), который присуждал ученые степени кандидатов и докторов юридических и политических наук, и пришла к выводу: юристы и политологи понимают по-разному многие государственно-политические проблемы, в том числе национальные, государственно-конфессиональные и другие отношения. В Университете имени О. Е. Кутафина в свое время была организована кафедра политологии, поскольку ее преподаватели существенно не добивали необходимого количества учебных часов. Кроме того, она возглавлялась однозначной фигурой — Г. Э. Бурбулисом, участником развала Советского Союза.

Думается, что положительный результат можно ожидать от специалистов, которые лучше знают, что нужно для восполнения пробелов в той или иной подготовке.

В письме Минобрнауки России в качестве предназначения и направленности нового модуля названо «формирование у обучающихся развитого чувства гражданственности и патриотизма».

А один из экспертов в своем заключении прямо пишет: «Нужно научить молодежь любить свою Родину!». Более того, новый курс, по мнению того же эксперта, «должен не столько давать знания, сколько формировать определенные мировоззренческие установки».

Скажите, а кто учил генерала Антона Ивановича Деникина любить Родину? Если он, будучи в вынужденной эмиграции из России, оставаясь последовательным противником советской власти, тем не менее был настоящим русским патриотом и отвечал неизменным отказом на неоднократные предложения гитлеровской Германии о сотрудничестве. Не отказываясь от задачи свершения власти большевиков, он в то же время считал недопустимым идти на союз с врагами России, как это сделали генералы П. Краснов, А. Шкуро и некоторые лидеры Белого движения¹. Вот почему прах А. И. Деникина и его жены с согласия их дочери перенесен в Россию осенью 2005 года и захоронен на территории Донского монастыря (г. Москва).

А кто учил любить Родину нашего замечательного соотечественника, юриста и философа И. А. Ильина, который воспринимал свою высылку за границу на так называемом философском пароходе как самую большую беду своей жизни? Известно, что И. А. Ильин безгранично любил свое Отечество, всегда интересовался жизнью России, смотрел дальше многих и вдумчиво анали-

¹ См.: Гагкуев Р. Белое дело генерала Деникина // Историк. 2023. № 1 (97). С. 62–69.

зировав, что может произойти, если советский колосс рухнет, а вместе с ним распадется и наспех собранная большевиками на руинах Гражданской войны историческая Россия¹. И. А. Ильин также всегда отказывался сотрудничать с нацистской Германией.

Думаю, что уповать на то, что введением одной учебной дисциплины в вузах нашей страны удастся решить проблему «формирования у обучающихся развитого чувства гражданственности и патриотизма», как предполагают в главном Министерстве, не стоит. Это не реально. Для этого надо менять прежде всего всю российскую действительность.

С помощью каких средств предлагается обеспечить достижение заявленной цели?

Прежде всего, с помощью содержательных занятий, например, первой лекции. Я отбрасываю в сторону общие фразы, которыми изобилуют рекомендации Министерства. И тем не менее конкретно предлагается информировать студентов о больших размерах нашей страны, первых местах, занимаемых нашей страной по многим природным ископаемым, об этнонациональном разнообразии, о широкой номенклатуре развитого предпринимательства России и т. д.

Но рассказав обо всем этом, преподаватель будет озадачен вопросом от студентов: если мы такие богатые во всех смыслах, то почему наш народ живет так бедно? Или богатство разворовывается, или страной плохо управляют?

Как отвечать преподавателю на этот вопрос, Минобрнауки России не дает никаких рекомендаций. А он важен и для престижа страны, и для авторитета преподавателя, особенно если учебный курс будут читать профессора.

Кроме того, материал для первой лекции должен быть известен студентам еще со школьной скамьи по курсу экономической географии. Поэтому эта лекция не вызовет интереса у слушателей. Здесь налицо явное дублирование. Да и можно ли раскрыть в одной лекции, что такое Россия? Большие затруднения вызовут у лектора и примеры политических деятелей советской России, достойных для подражания. Не В. И. Ленин же, который обезглавил отечественную науку, образование, культуру, искусство в целом. Или И. Сталин с его террором, который в 30-х годах физически уничтожил половину членов Политбюро ВКП (б)?! А может Н. С. Хрущев или Л. И. Брежнев и некоторые другие, как принято их называть, геронтократы? Или Б. Ельцин, разваливший великую державу?

Что касается культуры и вообще духовной жизни народа нашей страны, то это единственная сфера, где нам есть чем похвалиться, вопреки всем лихолетьям, войнам, катастрофам и другим бедам, которые периодически сваливались на нашу страну. Но здесь одной лекцией не обойтись. Культуру, как и российскую цивилизацию, а также российское мировоззрение надо изучать всю жизнь. Впрочем, это — стезя философской науки. И здесь возможно большое дублирование.

Что касается программы выпускного учебного курса «Проблемы современной государственности России», то возможно, на мой взгляд, предложить для освещения следующие темы:

1. Теоретические основы государственности: понятие государственности, его элементный состав, функциональные связи, взаимозависимость отдельных компонентов. Соотношение категорий государства, государственности, государственной власти.
2. Общие закономерности развития государственности; специфические черты, тенденции, факторы развития российской государственности. Сущностная и функциональная характеристика государственности в России.
3. Организация государственной власти в современной России.
4. Государство и собственность: соотношение политической и экономической власти.
5. Национальные аспекты российской государственности.
6. Государственно-конфессиональные отношения в современной России.
7. Новые подходы к правам человека в современной российской государственности.
8. Перспективы развития российской государственности.

Безусловно, данный перечень тем и проблем можно совершенствовать и уточнять. Но в целом данный учебный курс, как представляется, будет способствовать подготовке высокопрофессиональных специалистов в области юриспруденции.

И завершить выступление хотелось бы словами И. А. Ильина из его статьи, написанной в 1950 году: «Россия не есть случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный «механизм» «областей», но живой исторически выросший и культурно оправдавший-

¹ См.: Историк. 2022. №12 (96). С. 46–49.

ся организм... Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне, он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому вселенского мира и равновесия»¹.

Поляков Сергей Борисович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», адвокат

Преподаватель в утопии рационального юридического образования

Всякие попытки организации рационального юридического образования представляются утопическими в существующих условиях:

— ориентация государства на ручное управление, а не на формально-определенные правила для неоднократного применения;

— кризис законности;

— ограниченность государства в финансировании образования, что, в свою очередь, порождает а) зависимость образовательной системы от оплаты дипломов лицами, не способными освоить стандарт качества образования; б) выдумывание бюрократией, ответственной за образование, для самосохранения критериев и показателей «блеска нищеты» (успехов образования, осуществляемого профессорами с зарплатой заметно ниже квалифицированного рабочего);

— оторванность от юридической практики, лень, тщеславная конкуренция преподавателей².

Образование возводится на фундаменте науки. У юридического образования зыбкий фундамент. Противоречивые мотивы деятельности чиновников от науки и соперничающих между собой ученых практически исключают возможность построения и реализации рациональной модели целеполагания и оценки юридической науки, от которой государству нужны результаты по одобрению его деятельности, а ученым — самоутверждение, но не ясный результат³.

О цели юридического образования существуют разные представления ученых. Запомнилось, как на одном из форумов «Юртехнетики» известный приверженностью к естественному праву профессор В. М. Шафиров посетовал, что наше юридическое образование готовит ремесленников, на что профессор Н. А. Власенко жестко ответил, что мы должны готовить именно ремесленников. Профессора вкладывали разный смысл в слово «ремесленник».

Для первого — ремесло — то, что он считает реализацией позитивного права. Против этого, как писал И. Бентам, «вытекает настоящая анархия идей, потому что в таком случае не было бы никакой общей мерки, никакого всеобщего трибунала, к которому можно было бы апеллировать, так как каждый человек имеет такое же право признавать свое чувство мерилом чувств всех людей, как и всякий другой <...> Вы встретите толпу профессоров, юристов, чиновников и философов, которые оглушат вас криками о естественном законе; все они, правда, спорят о каждом пункте своей системы, но это ничего не значит: всякий из них выступает вперед с той же отвагой самоуверенности и предлагает вам свои взгляды, как такое же количество глав естественного

¹ Историк. 2022. № 12 (96). С. 46.

² Подробнее см.: Поляков С. Б. Кризис законности по делам о защите прав сотрудников органов внутренних дел: причины и последствия // Защита прав сотрудников органов внутренних дел: доктрина, практика, техника: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Д. Н. Архипова, В. М. Баранова. Москва, 2019. С. 101–111; Поляков С. Б. Взаимообусловленность юридического образования, нормативного и индивидуального правового регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 3. С. 37–40; Поляков С. Б. Академические свободы: формирование образовательных программ // Российский судья. 2021. № 10. С. 54–59. Поляков С. Б. Изъяны юридического образования как причины правоприменительных ошибок // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 23–33.

³ Подробнее см.: Поляков С. Б. Юридическая наука, практика, политика // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2014. № 4. С. 413–420.

закона»¹. При таком подходе цель юридического образования — познание «пунктов систем профессоров» без надежды реализовать их в юридической практике и без усвоения умений и навыков для успешной юридической практики, живущей по позитивному, а не по субъективно-естественному праву.

Цель юридического образования при второй точке зрения — подготовка специалистов для юридической деятельности, состоящей из правотворчества и правоприменения, то есть овладевших юридическим ремеслом, неведомым неюристам. Р. Иеринг писал: «То, что должно каждого профана убедить в его невежестве, разъяснению чего я и посвящаю, поэтому, главное внимание, составляет юридический метод. Юристу, собственно, ничего не должно было бы быть более знакомо, чем этот метод, так как он именно и создает юриста»².

Две (тем более, больше предлагаемых) цели юридического образования, как раздвоение личности, исключают его рациональность.

Но и путь реализации второй цели — это не автобан, а сплошные развилки дорог без указателей перед ними. Индикатором начала рациональности юридического образования была бы реализация применительно к образовательным программам идеи В. М. Баранова об обязательном указании персоналии автора проекта нормативного правового акта³.

Системный подход к формированию знаний, умений и навыков правотворческой работы содержится в концепции В. М. Баранова «Норморайтер как профессия»⁴. Но не эта система, а эклектика универсальных и общепрофессиональных компетенций превращается академической свободой в образовательные программы и в содержание дисциплин. Причем плохи не эти компетенции, а их эклектика и реализация по разумению тех, кто исходит в их понимании не из представления о том, что должен уметь специалист в юридической работе, а из целей сохранения штата преподавателей и не гневить проверяющих. Контролеры образования, как и проверяемые в виде учебных отделов, видят реализацию компетенций в совпадении названий компетенций и учебных дисциплин, не представляя, что преподается в отведенные им часы. Тем более они не ведают, что должен знать и уметь специалист для правотворческой и правоприменительной деятельности. Например, в программу бакалавриата направления «Судебная экспертиза» юридического факультета Пермского университета деканат включил курс «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов», чтобы «закрыть» компетенцию «Профилактика коррупции и пресечения коррупционных правонарушений», вдохновленный к тому же наличием учебного пособия по такой экспертизе⁵. Довольные совпадением словосочетаний «коррупция» в определении компетенции и в названии дисциплины составители учебной программы удивились тому, что такая экспертиза не является судебной (не назначается судом) и требует для ее проведения не криминалистических, а юридико-технических знаний. Тем более им была неведома неактуальность таких экспертиз⁶, в том числе потому, что так, как следует, эту экспертизу никто не проводит и проводить не будет из-за скоропалительности современного нормотворчества.

Многослойное и анонимное авторство от стандартов образования до содержания учебных дисциплин, якобы для формирования компетенций специалиста нормотворческой и правоприменительной деятельности, рождает известный эффект «лебедь, рак да щука», но не рациональность образования.

Иррациональность юридического образования побуждает и преподавателей не задумываться о конечном «продукте» своей работы, бездушно выполняя формальные требования. Но им следует помнить о личных последствиях на таком примере.

¹ Бентам И. Принципы законодательства // Юм Д. Опыты. Бентам И. Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательства. Руководство по политической экономии. Москва, 1896. С. 11–12.

² Иеринг Р. Юридическая техника. Москва, 2008. С. 16.

³ Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. Москва, 2021. С. 274–275; Баранов В. М., Трофимов В. В. Личное в правотворчестве: утопия, антропологический ресурс или необходимое технико-юридическое средство повышения качества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 9–18.

⁴ Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.

⁵ Поляков С. Б. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: технологические основы: учебное пособие. Пермь, 2017.

⁶ Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А. Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент // Государство и право. 2022. № 1. С. 110–119.

Известный гроссмейстер В. Корчной про своего первого и долгие годы тренера В. Зака (также первого тренера чемпиона мира Б. Спасского), с которым сохранял отношения тридцать лет, написал в 60 лет: «А я в этом возрасте (тридцать два года. — С. П.) вдруг понял, что не умею играть в шахматы! Хотя как раз в это время выиграл второй раз чемпионат страны. <...> И я стал работать. Исследовал тысячи партий. Научился главному — владеть инициативой! А где был мой шахматный учитель? <...> Спасскому повезло, он в шестнадцать лет пошел на учебу к Толушу, и тот его переучил. Оказалось, что плохой учитель — Зак! <...> Он исковеркал меня как шахматиста»¹. Страшнее таких слов для любого преподавателя в профессии только его зарплата.

Чтобы не слышать от бывших учеников о напрасной трате времени, проведенного в его аудитории, а, наоборот, слова о том, что он научил их понимать и реализовывать право, преподаватель должен, во-первых, сам точно понимать, с какой целью практической юридической работы он излагает каждый свой тезис и дает каждое задание; во-вторых, разъяснять студенту, как и почему ему придется в работе по юридической профессии все излагаемое и требуемое.

Практический аспект легко преподнести преподавателям отраслевых юридических наук. Но их изучение без русского языка, логики, теории права, этики можно сравнить с зубрежкой дебютных вариантов без знания основ шахмат. Памяти на все возможные варианты у человека в отличие от компьютера не хватит, и без понимания шахмат на плохой, а потому не включенный в дебютный справочник ход в, казалось бы, выученном варианте опровержения за доской не найти. Тем более в жизни сложнее шахмат набор судебных казусов по отраслевым юридическим дисциплинам, к тому же при нестабильном российском законодательстве не обеспечит успешную юридическую практику.

Проблема в способности преподавателей неотраслевых юридических дисциплин довести до студентов практический аспект теоретических положений. Чтобы теория государства и права была предметом не «сдал — забыл», а постоянной основой для изучения отраслевых дисциплин и, главное, комплектом надежных инструментов достижения цели в каждом юридическом деле после обучения, необходимо практически для каждой темы составлять задания по нормативным правовым актам, судебным решениям, актам официального толкования права, в которых используются понятия теории государства и права².

Язык и логика — основа позитивного права и его реализации³. Чтение закона правоприменителями с точностью до наоборот, а тем более решения с логическими ошибками — то, с чем юристы встречаются постоянно. Почти в каждом деле мне, как адвокату, приходится приводить доводы о логических ошибках оппонентов и суда со ссылками на положения учебников логики. Русский язык, как учебная дисциплина, — редкость в юридических вузах, логика из них постепенно вытесняется. Но если они все же преподаются, то филологами и философами обычно без связи с конкретными делами, в которых для языкового и логического толкования права применительно к обстоятельствам дела необходимо использование излагаемых ими лингвистических и логических правил.

В условиях модного отторжения нормативизма лингвистические и логические правила — ясные критерии спора — уступают место произвольному принципу или принципу симпатии и антипатии, на котором, как писал И. Бентам, зиждется естественное право. Этот принцип «состоит в том, чтобы одобрять или осуждать что-либо на основании непосредственного чувства, не руководясь при суждении никакой другой причиной, кроме самого суждения»⁴.

Так, В. М. Шафиров пишет, что устранить формальное, механическое выполнение юридических процедур и обеспечить человеческое отношение в реализации права (непосредственной и правоприменительной) мешает позитивное (узконормативное) понимание права. «Получается, что охрана, защита прав и интересов личности (содержательный подход) менее важны по сравнению со строгим соблюдением юридических норм, даже если это несправедливо и неразумно»⁵. В итоге слабая надежда на очередное светлое будущее, в прекрасную пору которого нам не пожить: «Не формальная правильность, а конституционность, правозаконность, справедливость, добросовестность, разумность, уважение достоинства человека, равнодушие к его физическому и (или) нравственно-

¹ Корчной В. Л. Антишахматы: Записки злодея. Возвращение невозвращенца. Москва, 1992. С. 16.

² Поляков С. Б. Теория государства и права (практикум). Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011, 2015.

³ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993; Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. Москва, 2012; Власенко Н. А. Проблемы точности выражения формы права (лингво-логический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997.

⁴ Бентам И. Указ. соч. С. 10.

⁵ Шафиров В. М. Право и мораль в человеческом измерении // Российская юстиция. 2022. № 4. С. 5.

му страданию должны стать существенными критериями оценки правомерности практической юридической деятельности. За юристами, способными работать в интересах людей на стыке права и этики, будущее»¹. Откуда и каким образом возникнут такие юристы будущего, в статье не сказано.

Между тем именно в нормативном русле уделяется значительное внимание оценочным понятиям (формулировкам) норм права, существенным признаком которых называется правоприменительное усмотрение в оценке фактов и индивидуальных особенностей конкретного случая применительно к этому понятию². «Действительно, правоприменительное усмотрение выступает технико-юридическим средством перехода правовой неопределенности в правовую определенность. В тех случаях, когда законодатель в силу каких-либо обстоятельств не считает необходимым детализировать правовое регулирование с помощью юридических предписаний, он заранее полагается на судебное усмотрение»³. Поэтому особая задача — обучить студентов определять в деле юридические факты, сформулированные оценочными понятиями. «Их особенность заключается в том, что они требуют не только установления, как любые юридические факты, но еще и конкретизации со стороны правоприменительного органа»⁴.

Применение норм права с понятиями морали (справедливость, честь, достоинство и т. д.) требует не заклиний о нравственности для немотивированного требования о нужном поведении в решении, а полного выявления и указания перечня нравственных ценностей, конкурирующих в данном деле, и рационального обоснования морального выбора предпочтения одних с наименьшим ущербом для ущемляемых ценностей. Этому следует учить в курсе профессиональной этики юриста на материалах конкретных дел и правоприменительных решений по ним. Тогда понятия морали будут восприниматься как критерии практического юридического действия (ремесла), а не чуждые осваиваемому ремеслу слова.

В журнале «Российская юстиция» опубликована наша статья «Конкретизация оценочных юридических фактов (на примере понятия «добросовестность»)», в которой показано, что обозначаемое одним термином понятие в разных нормах права определяется разными признаками. В статье обосновываются пределы ограничения Верховным Судом Российской Федерации усмотрения правоприменителя при конкретизации оценочных юридических фактов в актах официального толкования права и основы алгоритмов действий правоприменителя по преобразованию оценочных юридических фактов в индивидуально определяемые факты по делу⁵.

Статья опубликована вскоре после отзыва ее нами из провинциального журнала, откуда пришла отрицательная рецензия. Неизвестный нам рецензент написал: «Непонятно, как можно преобразовывать оценочные юридические факты в индивидуально определяемые факты. <...> по логике авторов статьи, они нуждаются в трансформации в индивидуально определяемые факты. Подобная апория представляется изначально порочной, не находящей подтверждения в общей теории права». Притом что наша статья начиналась с цитаты В. Б. Исакова: «Индивидуальное регулирование приводит к тому, что к процессу правового регулирования «подключаются» фактические обстоятельства, которые не определены с достаточной отчетливостью в нормах права. Эту группу фактических обстоятельств можно назвать индивидуально определяемыми (или относительно определенными) фактами»⁶. Далее приведены положения Н. А. Власенко о конкретизации права. То есть рецензент считает, что не существуют в реальности (апория) индивидуально определяемые факты. А цитаты В. Б. Исакова и Н. А. Власенко о них и о конкретизации права не из общей теории права.

Если этот рецензент преподает, то он не способен научить студентов правоприменению, поскольку считает противоречащим общей теории права то, что на стадии доказывания, прежде всего, необходимо указать фактическое обстоятельство дела, соответствующее понятию юридиче-

¹ Шафиров В. М. Право и мораль в человеческом измерении // Российская юстиция. 2022. № 4. С. 8.

² Вильнянский С. И. Применение норм советского социалистического права // Ученые записки Харьковского юридического института имени Л. М. Кагановича. Харьков, 1956. Вып. 7. С. 13; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. Москва, 1972. С. 134; Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 6; и др.

³ Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. Москва, 2015. С. 99.

⁴ Исаков В. Б. Юридические факты // Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва: Норма, 2007. Т. 2. С. 690–691.

⁵ Антонян А. К., Поляков С. Б. Конкретизация оценочных юридических фактов (на примере понятия «добросовестность») // Российская юстиция. 2023. № 7. С. 27–34.

⁶ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 690–691.

ского факта, предусмотренного законом. Как написано в учебнике С. С. Алексеева «Общая теория права»: «...решение любого юридического дела предполагает, с одной стороны, точный анализ юридических норм и выяснение того, какие факты предусмотрены нормой в качестве юридических; с другой стороны — тщательный анализ фактических обстоятельств дела и установление того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой»¹.

Противопоставление конституционности, справедливости, добросовестности, разумности формальной правильности решения по делу основано на неумении применять нормы права с оценочными понятиями в конкретном деле и нормы права с конкретными понятиями в совокупности с принципами права, то есть на непонимании позитивного права. Точно так же человек, не сумевший научиться хорошо играть в шахматы, скорее заявит, что шахматы — плохая игра. Такое неумение будет транслироваться на студентов, которые, выйдя из стен вуза, смогут только вслед за учителем сетовать на несправедливость позитивного права и ждать светлого будущего, но не бороться за право. Кто-то, может быть, как Корчной, поймет, что его исковеркали в вузе естественно-беспомощным правом и начнет обучаться позитивному праву, по которому только и можно жить в государстве. Но большинство пришедших в правоприменительные органы, искренне не наученные применять нормы права с оценочными понятиями и принципы права, будут плодить решения для новых плачей поборников естественного права. Отказ от права, как формально-определенных правил для неоднократного применения, может привести только к ручному управлению, к беззаконию, но не к правозаконности по разумению профессора естественного права ввиду его явной слабости против государства. Очередное «хотели как лучше, получилось как всегда».

Нами для решения юридических дел определена система правоприменительных операций². Она переведена в алгоритмы программы информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений по делам искового производства по правилам Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации «Лазер-ИП-ГПК-2020»³. Программа заставляет пользователя (судью) двигаться по системе правоприменительных операций, установленной законодательством и доктриной, то есть совершить обязательные в своей последовательности действия. Но в ней не используются технологии искусственного интеллекта, о непригодности которого для решения юридических дел В. М. Шафировым высказаны верные суждения⁴. Программа обязывает судью совершить самостоятельные выборы и действия, оценки фактов. Например, в определении юридических фактов и фактических составов для заявленного требования, содержания элементов логической нормы права, прежде всего, на основе языковых и логических правил. Программа требует от пользователя обученности юридическим конструкциям, языковым и логическим правилам. Из комбинаций выборов и действий судьи компьютер моментально выдает выводы — алгоритмы программы, выведенные из анализа судебной практики и доктрины, но не искусственным интеллектом. Программа формирует решение по результатам доказанности каждого из обязательных юридических фактов в фактическом составе для заявленного требования, воспроизводя в нем введенные судьей в поля программы мотивы своих выборов.

В частности, в окне доказывания спорного юридического факта судья должен вначале сделать выбор о его виде: конкретный или оценочный. При втором выборе следуют окна с полями, в которые вносятся индивидуальные обстоятельства дела, образующие оценочный юридический факт, по мнению сторон. Затем суд по результатам оценки их доводов через операцию толкования права формирует перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию их существования («действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой»).

Но эта компьютерная программа и иные ориентированные на юридическую практику методы обучения — частные случаи, не привлекающие внимания ни органов, для которых должны готовиться специалисты, ни системы образования, живущих по своим иррациональным или точнее не по публично-рациональным мотивам⁵.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. Москва, 2008. С. 404.

² Поляков С. Б., Гилев И. А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 469–482. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Зарегистрирована в Реестре программ для ЭВМ 27 июля 2021 года, свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2021662386.

⁴ Шафиров В. М. Указ. соч. С. 6. Подробнее о непригодности технологий искусственного интеллекта для программирования решения юридических дел см.: Поляков С. Б., Гилев И. А. Указ. соч.

⁵ См. Протасов В. Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 55–61.

Баранова Марина Владимировна,

доктор юридических наук, кандидат культурологии,
профессор, профессор кафедры теории и истории
государства и права юридического факультета
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени
Н. И. Лобачевского

Юридическая наука и образование в условиях цифровизации

Глобальная идея юридического образования заключается в подготовке специалиста, способного перспективно гармонично влиться в работу по обеспечению эффективности закона причем на всех стадиях его жизненного цикла — от появления идеи регламентации тех или иных отношений до претворения в жизнь конкретных государственных властных велений. В научном издании «Как обеспечить эффективность закона» профессор Т. Я. Хабриева указывает на неразрывность юридической науки и практики, видит в них «источник разработки новых эффективных инструментов и моделей правового регулирования различных областей общественной жизни»¹. Кто будет стоять у истоков таких разработок, осуществлять правовой мониторинг, применять властные веления? Как будут пополняться ряды правоведов и представителей юридической практики? Формирование специалиста, способного качественно решать подобные задачи сегодня возложена на сферу юридического образования, функционирующую в условиях торжества технических инноваций.

Цифровизация меняет представление о мире, из безбрежного сложно-осознаваемого в своей бесконечности простора он превращается в обманчиво-доступный, яркий калейдоскоп событий на экране компьютера. Интернет предоставляет новые площадки для удаленного взаимодействия, упрощает общение, ускоряет перемещение, меняет привычный жизненный уклад. Ускоряющийся темп жизни современного социума обуславливает трансформацию отношений, за которым неизбежно следует модернизация законодательства, новые предписания требуют иного подхода при реализации.

Прогнозируя развитие правовой регламентации под воздействием цифровизации, Т. Я. Хабриева высказала предположение о сохранении отраслевого подхода в правовом регулировании при неизбежной необходимости формирования комплексного законодательного регулирования отношений, обусловленных развитием цифровой экономики, а также о перспективном сращивании правовых инструментов и цифровых технологий. Задача юриста при этом будет состоять в придании правовой формы новой технологизированной реальности². Действительно, право остро реагирует на изменения бытия, отражая состояние общества, изменяясь в ответ на новые вызовы. Правовая наука при этом обогащается новыми инструментами, способствующими процессу познания. Даниел Белл, обращаясь к анализу постиндустриального общества, отмечал перспективную значимость науки, как основной производственной силы, «потенциал же всякого общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает», — утверждал он³. Ценность науки, в том числе юридической, в современном обществе не вызывает сомнений, при этом возведение ее в ранг «основной производственной силы» было бы преждевременным.

Сегодня правовая наука функционирует в условиях социально-цифровой среды, где требуется движение в русле политической, социокультурной, экономической ситуации, что требует компромисса, конвенциональности. «...Институты заинтересованы в финансировании и демонстрации полезности своих исследований, забота о доходах, вынуждающая приспособлять исследования к определенным практическим целям или политическим проблемам, оказывается столь же значимой, как и преследование чисто научных целей. В результате на систему ценностей и норм, характерную для академической науки, накладывается система ценностей и норм, свойственная

¹ Хабриева Т. Я. Основные направления обеспечения эффективности закона // Как обеспечить эффективность закона: научное издание / коллектив авторов; отв. ред.: Ю. А. Тихомиров, Н. Н. Толмачева, С. А. Боголюбов. Москва, 2019. С. 19.

² Подробнее см.: Хабриева Т. Я. Основные направления обеспечения эффективности закона // Как обеспечить эффективность закона: научное издание / коллектив авторов; Ответственные редакторы: Ю. А. Тихомиров, Н. Н. Толмачева, С. А. Боголюбов. Москва, 2019. С. 34–38.

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва, 2004. С. 20.

производственным организациям»¹. Действительно, стремление к новизне идей, самовыражению с одновременным лавированием в рамках востребованных направлений некоторым образом осложняет и сковывает научный поиск. Креативный подход способен сгладить ситуацию, но не является панацеей.

Цифровизация, давая возможность для анализа больших массивов информации, порой смещает акцент с поиска нового знания на бесконечное накопление эмпирических результатов, с которыми начинают отождествлять науку, что в корне неверно. Неслучайно профессор Л. Бриллюэн, разъясняя сущность науки, отмечал: «То, что пытаются сделать ученые, это создание того или иного логического каркаса мышления...»². Юридическое мышление уникально, оно оперирует результатами анализа конкретного опыта, логическими умозаключениями, тщательно выстраиваемыми предположениями, неизбежными конвенциональными договоренностями. Подготовка увлеченного и мудрого исследователя представляет собой трудную задачу, поскольку научное познание правовой материи требует универсального умения чувствовать новое, генерировать идеи, понимать закономерности функционирования права и фундаментальных знаний. Системная передача такого знания возможна только при условии специальной подготовки преподавателя (донора знаний и новых идей) и должной базовой подготовке студента (реципиента знаний и идей, готового к познанию и самосовершенствованию).

Современная юридическая наука обладает некоторыми биполярными чертами, влияющими как на процесс и направление ее развития, так и на специфику включения ее инновационных элементов в содержание учебных дисциплин. Например, акцент на утилитарность науки детерминировал появление явного крена на практикоориентированность учебного процесса подготовки юриста, что, безусловно, ценно, позволяет обратить заслуженное внимание на прикладную составляющую правовой науки, активно и результативно работать со звеном уровня средней профессиональной подготовки. Вместе с тем в результате проявил себя неоправданный уход от глубокого мыслительного процесса и размывание системы фундаментальных знаний, что весьма негативно проявляется в снижении эффективности научных изысканий, поиске глобальных перспективных направлений инновационных исследований. Образовательный процесс должен базироваться на научных исследованиях, повышая заинтересованность студенческой аудитории, демонстрируя передовые результаты правовой науки, позволяя диалогизировать процесс обучения через обсуждение передовых доктринальных достижений. Сведение же образовательного процесса исключительно к реализации компетенций обедняет его, мешает развитию преподавателей на научной стезе, ведет к примитивному восприятию знания студентами и магистрантами. Ценность такого подхода заключается в возможности снижения интеллектуального критерия при наборе обучаемых, увеличения их количества, сокращения сроков подготовки (при необходимости), развития системы перманентного повышения квалификации или переподготовки таких функционеров с ограниченным спектром матричных умений и навыков.

При всей важности возможности массового обучения, реалии технологизированного бытия требуют специалиста с развитым юридическим мышлением, обладающего фундаментальными знаниями, владеющего приемами многоуровневого анализа. Юридизация отношений обуславливает высокую востребованность выпускников юридических вузов, призванных защищать интересы, права и свободы гражданина, собственным примером демонстрировать желаемую, поощряемую государством и обществом модель поведения, пietet перед действующим правом. Профессиональная деятельность юриста оказывает существенное влияние на правовую культуру общества, ее уровень³.

Сложные виды юридической практики требуют работников с высоким уровнем образования, развитым интеллектом, а правовая наука разрабатывает пути и инструментарий для совершенствования системы их подготовки, развиваясь и самообогащаясь, модернизирует содержательную сторону образовательного процесса. Подготовка востребованного в современных условиях специалиста для сферы юридической практики требует включенности передовых научных идей и разработок в пре-

¹ Виноградова Т. В. Этнос науки и современная система производства научного знания // Наукоевческие исследования. ИНИОН РАН. Москва, 2018. С. 68.

² Бриллюэн Леон Научная неопределенность и информация / пер. с англ. / под ред. и с послесл. И. В. Кузнецова. 3-е изд. Москва, 2010. С. 11.

³ Баранова М. В. Норморайтер — новая компетентностная модель специалиста в поле правовой культуры // Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: РГ-Пресс, 2019. С. 266.

подаваемые дисциплины. Интеллектуальный рост обучаемого в любой точке освоения юриспруденции — от среднего профессионального образования до высот аспирантуры, обусловлен непрерывным совершенствованием преподавателя. В этой связи интересен яркий пример, использованный профессором В. А. Светловым для пояснения сущности диалектического отрицания. Обращаясь к взаимодействию «учителя» и «ученика» автор монографии «Диалектическое противоречие: Новые формальные основания диалектического мышления» указывает, что «сущность диалектического отрицания состоит в том, что каждая противоположность не уничтожает свою противоположность как в противоречии, а присваивает ее содержание и за счет этого осуществляет личный и общий прогресс системы обучения»¹. Таким образом, «учитель» не способен подняться на более высокую ступень своего профессионального уровня, если не будет способствовать интеллектуальному росту «ученика». Абстрагируясь от глубин рационального обоснования диалектического противоречия, следует заострить внимание на проблеме зависимости уровня знаний и подготовки преподавателя и студента. Виртуозное владение методикой подачи учебного материала при багаже устаревших знаний, небрежении к новым достижениям юридической науки, отсутствие включения в процесс доктринальных исследований превращают преподавателя в примитивного транслятора, неспособного к самосовершенствованию, сдерживающего потенциал будущих юристов-специалистов. Преподаватель же, включенный в активную научную работу, обладает прочным фундаментом знаний, позволяющим заниматься системными изысканиями нового в правовой науке, профессионально критически оценивать элементы права в уважительном стремлении его улучшить.

Здесь вновь следует акцентировать внимание на взаимозависимости преподавателя и студента в рамках образовательного процесса. Качественная характеристика обучаемого, специфика его личности, психики, готовность к системной работе по освоению знаний, умений, навыков определяют возможность получения юридического образования. Лучший преподаватель бессилен при отсутствии базовых способностей, знаний и желания. Цифровизация вносит коррективы в процессы взаимодействия преподавателей и студентов. Умение использовать гаджеты, а порой и явная зависимость от них отличает молодое поколение. Некоторые зрелые преподаватели не всегда столь же привержены виртуальной составляющей современной жизни, что в некоторых случаях является основой недопонимания. Написание рукописного конспекта, предложенные к освоению объемные тексты, длительные по времени выполнения задания вызывают у студентов панику и отторжение, а их реакция и качество выполнения — возмущение преподавателей «клиповым сознанием» юных. С одной стороны, обычные трудности общения людей разного возраста, с другой, серьезный барьер в освоении образовательной программы. С осторожным оптимизмом, основываясь на опыте преподавания, в первую очередь, сложных дисциплин технико-юридического цикла, можно предположить, что эпоха цифровизации поставила систему высшего юридического образования перед вызовом, который вполне преодолим.

Вероятно, «клиповое сознание» — защитная реакция мозга на непрерывный поток доступной по множеству каналов информации причем в основном посредством сети «Интернет». В работе «Цели и ценности: Новые методы работы с будущим. Руководителям. Консультантам. Коучам» консультант по управлению А. И. Пригожин убедительно разъясняет соотношение и взаимодействие программного и сценарного мышления. Суть программного мышления в том, что цель заранее известна и достаточно четко описана, подлежит делению на более мелкие составляющие вплоть до момента, когда можно сформулировать конкретное четкое задание. То есть, именно тот краткий и, возможно, яркий, образный формат, который типичен для «клипового сознания». Сценарное мышление характеризуется отсутствием цели или высокой неопределенностью в ее формулировке, требует анализа, осмысления, умения рассуждать и моделировать ситуации. Когда такая новая цель найдена и сформулирована, программная методология дробит ее до конкретных заданий, составляющих реализацию². Таким образом, при продуманном распределении задач, ориентированном на качественные характеристики личности, оба типа мышления в сотрудничестве дадут искомый результат. В рамках образовательного процесса, принимая как данность специфику восприятия информации результативный хронометраж, необходимость переключения

¹ Светлов В. А. Диалектическое противоречие: Новые формальные основания диалектического мышления. Москва: ЛЕНАНД, 2021. С. 34.

² Подробнее о поиске целей и сценарном мышлении см.: Пригожин А. И. Цели и ценности: Новые методы работы с будущим. Руководителям. Консультантам. Коучам. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ЛЕНАНД, 2021. С. 229–231.

внимания, фрагментарное обращение к гаджетам, прочие особенности можно получить массовый достойный результат освоения знаний. Однако, это возможно только при наличии фундамента знаний и стремления к обучению у студентов.

Цифровизация затронула все сферы жизни общества, включая юридическую науку и образование, осмысление новой реальности позволяет прийти к выводу о необходимости гармоничного включения инноваций фундаментальной юридической науки в образовательный процесс. Только так можно добиться актуальности и системности транслируемого знания. Правовая наука черпает идеи в новых технологиях, использует их как действенный инструмент для поиска и расширения возможностей, в том числе по привлечению молодого поколения исследователей. Создание нового знания, самосовершенствование, профессиональное преподавание — три базовых элемента, в сочетании обеспечивающие качественную подготовку юристов-специалистов. Движение навстречу с осмысленным усилием и учетом специфики современных реалий обучающихся и обучаемых — залог успеха в построение образовательной коммуникации.

Фомин Алексей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Правовое обеспечение национальных интересов и национальной безопасности как самостоятельный модуль в структуре высшего юридического образования

Обострение геополитических конфликтов обусловило во многом структурное перестроение, если не всех, то большинства сфер общественной жизни внутри нашей страны. Не является исключением и сфера образования, в том числе высшего юридического образования. Сегодня назрела необходимость ревизии содержания преподаваемых дисциплин по программам высшего юридического образования сквозь призму правового обеспечения национальных интересов и национальной безопасности Российской Федерации. Экономические рестрикции, экспансия деструктивной идеологии в виде навязывания чуждых исконному менталитету русского народа духовно-нравственных ценностей¹, информационные «атаки», эскалация военной напряженности — вот далеко не полный перечень угроз и вызовов безопасности личности, общества и государства, составляющих предмет не только постоянного беспокойства и мониторинга официальных властей, но и тревоги всех россиян. Право — неотъемлемая часть социальной действительности. Как следствие, говоря о структурных изменениях в российском обществе невозможно обойти вниманием вопрос о необходимости коренного переосмысления в рамках реформирования и развития высшего юридического образования отношения к формированию у обучающихся знаний о национальных интересах, приоритетах и стратегии обеспечения национальной безопасности России.

Сложная международная обстановка и кризисные явления внутри страны, с нашей точки зрения, актуализируют дискуссию о необходимости введения в структуру высшего юридического образования в качестве отдельного модуля² «Правовое обеспечение национальных интересов и на-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

² «Образовательный модуль — это крупный структурный элемент основной или дополнительной образовательной программы, направленный на формирование одной компетенции (как правило, профессиональной) или группы компетенций выпускника (например, всех профессиональных компетенций для решения одной или группы задач профессиональной деятельности)... Образовательный модуль может состоять из отдельных образовательных элементов (дисциплин, практик), отдельных учебных элементов (частей дисциплин, этапов практик) и междисциплинарных видов учебной деятельности» // Ассоциация классических университетов России (АКУР). URL: http://acur.msu.ru/pharma2020/matters/2_MethodMatters.pdf (дата обращения: 18.06.2023).

циональной безопасности» или специализированной дисциплины (с полноценным наполнением академическими часами) «Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации». Анализ учебных планов¹ юридических факультетов учреждений высшего образования показывает, что в содержании «традиционных» юридических дисциплин как общетеоретического, так и прикладного характера изучению международных и внутригосударственных правовых средств обеспечения национальной безопасности уделяется фрагментарное внимание. Между тем на сегодняшний день, как никогда, ощущается потребность в концептуальном подходе при изучении обучающимися по программам высшего юридического образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура по направлению «Юриспруденция») с научных позиций таких вопросов, как закономерности возникновения, изменения и прекращения правоотношений безопасности; правовые механизмы обеспечения национальных интересов и преодоления угроз и вызовов национальной безопасности; защита и пределы ограничения прав, свобод и законных интересов граждан в государственно-правовом механизме обеспечения национальной безопасности; основные направления правовой политики обеспечения национальных интересов в сфере охраны конституционного строя, имущественной сфере, административного управления, противодействия преступности, отправления правосудия, в сфере трудовых правоотношений и даже при осуществлении правового регулирования в связи с членством в семье и заключением брака, когда речь идет о сохранении, укреплении и продвижении традиционных семейных ценностей (пп. «в» п. 24 Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»).

Как видно, во всех без исключения общественных отношениях, являющихся предметом правового регулирования, в той или иной степени (в публичных правоотношениях, где преимущественно обеспечиваются общественные и государственные интересы, в большей степени, естественно, в отличие от правоотношений, в которых в основном охраняются интересы частных лиц) присутствуют национальные интересы и объекты правового обеспечения национальной безопасности, что, на наш взгляд, еще раз подтверждает значимость обозначенных выше приоритетов в системе современного высшего юридического образования. Несмотря на изучение обучающимися по направлениям подготовки «Юриспруденция» 40.03.01 (уровень бакалавриата вне зависимости от профиля подготовки) и 40.04.01 (уровень магистратуры вне зависимости от магистерской программы) в процессе освоения ими общепрофессиональных, универсальных и профессиональных компетенций ряда фундаментальных аспектов правового обеспечения национальных интересов и национальной безопасности существует настоятельная необходимость в появлении в структуре учебных планов юридических вузов соответствующего модуля или хотя бы отдельной специализированной дисциплины, целенаправленной на изучение правовой теории национальных интересов и обеспечения их безопасности, «гарантирующей обучающемуся целостный научно обоснованный подход к комплексному представлению о правовом регулировании сферы национальной безопасности»². Правовая теория безопасности является проблемно и предметно ориентированной концепцией, синтезирующей на научной основе тех разделов гуманитарных, естественных, технических наук, которые посвящены исследованию сущности, содержания, приоритетов, способов и средств обеспечения национальной безопасности, с практикой законодательства и правоприменительной деятельности³.

В современных условиях, как отмечалось выше, перечень социально-экономических, политических, природно-техногенных факторов (источников) угроз безопасности для населения

¹ Согласно п. 22 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 24.06.2023г.) «Об образовании в Российской Федерации» учебный план — «документ, который определяет перечень, трудоемкость, последовательность и распределение по периодам обучения учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, иных видов учебной деятельности и, если иное не установлено настоящим Федеральным законом, формы промежуточной аттестации обучающихся» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ч. 1, ст. 7598.

² Мамонов В. В., Фомин А. А. Магистерский курс «Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации»: актуальность, структура, содержание // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 3. С. 22–24.

³ См. подробнее: Глебов И. Н. Национальная безопасность Российской Федерации: Проблемы правового регулирования: монография. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2000. С. 246; Степашин С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы): монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1994. С. 3–4.

внутри Российской Федерации, с одной стороны, и суверенитета и территориальной целостности Российского государства в нынешней геополитической реальности, с другой, имеет ярко выраженную тенденцию увеличения (и предметно, и качественно). Продуктивность обеспечения национальных интересов и национальной безопасности прямо пропорционально зависит от эффективности существующего юридического инструментария. Понимание этой зависимости нашло отражение в законодательных и подзаконных актах, в частности в пункте 3 статьи 3 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ (в редакции от 10 июля 2023 года) «О безопасности»¹ среди направлений деятельности органов публичной власти по обеспечению безопасности называется правовое регулирование в области обеспечения безопасности; в подпункте 4 пункта 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400², под обеспечением национальной безопасности понимается «реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями... правовых... мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности». Правовые средства обеспечения национальной безопасности образуют допустимый с позиций общепризнанных мировым сообществом конституционных ценностей и принципа верховенства права механизм обеспечения национальных интересов в экономической, политической, криминальной, военной, информационной, экологической, техногенной и иных областях.

Сегодня необходима подготовка в рамках образовательных программ по направлению «Юриспруденция» не просто высоко квалифицированных юристов, а юристов, обладающих адекватным угрозам и вызовам национальной безопасности уровнем знаний и компетенций, правосознания и профессиональной правовой культуры, который в дальнейшем позволит им успешно и эффективно осуществлять юридическую деятельность (и правотворческую, и правоохранительную, и экспертно-консультативную) в сфере обеспечения национальных интересов и национальной безопасности. Введение в учебные планы по направлению «Юриспруденция» образовательного модуля с условным названием «Правовое обеспечение национальных интересов и национальной безопасности» предполагает освоение обучающимися основных понятий, применяемых в сфере обеспечения национальной безопасности («национальная безопасность», «национальные интересы», «национальные приоритеты», «государственно-правовой механизм обеспечения безопасности» и т. д.), широкого перечня национальных интересов как объектов правоотношений безопасности, принципов обеспечения национальной безопасности, основных функций и полномочий органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества, образующих систему обеспечения безопасности, то есть всего комплекса связанных с правовым обеспечением национальных интересов и национальной безопасности вопросов³.

В содержательном плане предлагаемый образовательный модуль «Правовое обеспечение национальных интересов и национальной безопасности» нацелен на изучение фундаментальных и прикладных аспектов правового обеспечения экономической, энергетической, продовольственной, технологической, транспортной, экологической, антинаркотической безопасности в Российской Федерации, демографической безопасности и безопасности национального здоровья в современной России, контртеррористической безопасности, военной безопасности, безопасности в сфере культурной идентичности, межнациональных отношений и информационной безопасности. Речь идет о необходимости внедрения изучения правовых средств обеспечения национальных интересов и национальной безопасности в образовательные программы по направлениям подготовки «Юриспруденция» 40.03.01 (уровень бакалавриата вне зависимости от профиля подготовки) и 40.04.01 (уровень магистратуры вне зависимости от магистерской программы) и не подменяет собой специальность 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», с нашей точки зрения, предназначенной для ведомственных образовательных учреждений правоохранительных органов. Возникает вопрос: для чего в стране существуют образовательные учреждения МВД, Ро-

¹ О безопасности: федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ (в ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 2.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 40 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ч. II, ст. 5351.

³ См. подробнее: Фомин А. А. Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации: учебное пособие. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 12.

сгвардии, Следственного комитета, ФСБ, ФСИН и т. д., если даже в классических университетах, наряду с направлениями подготовки «Юриспруденция», проводится набор студентов по специальностям «Правоохранительная деятельность» и «Правовое обеспечение национальной безопасности»? Представляется целесообразным эти специальности оставить специализированным ведомственным вузам, располагающим необходимыми материальными и учебно-методическими ресурсами, а направление подготовки «Юриспруденция» в качестве «классического» высшего юридического образования усилить новым образовательным модулем «Правовое обеспечение национальных интересов и национальной безопасности».

Репьев Артем Григорьевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России

Репьева Анна Михайловна,

кандидат юридических наук, заместитель на-
чальника организационно-аналитического отдела
Академии управления МВД России

Статус «совместителя» в образовательных организациях: управленческий и правовой аспекты

Вопросы правового регулирования института совместительства далеко не сегодня стали волновать ученых, а в большей степени — работодателей¹. Причина тому, как думается, наличие специального правового статуса работника, совмещающего осуществление нескольких трудовых функций. Однако, несмотря на относительно устоявшееся организационно-правовое регулирование данной сферы, по-прежнему возникают вопросы относительно правильности оформления такого рода трудовых отношений, что, как известно, проецируется на финансовых, социальных и иных компонентах статуса «совместителя».

Совместительство — устоявшийся отраслевой термин права, нашедший свое отражение и получивший соответствующий дефинитивный аппарат в статьях 60.1 и 282 Трудового кодекса Российской Федерации² (далее — ТК РФ). В самых общих чертах представляет собой выполнение работником иной регулярной оплачиваемой работы на условиях трудового договора в свободное от основной работы время.

Помимо общеустановленных норм в ТК РФ, регламентирующих концептуальные, основополагающие особенности института совместительства, законодатель в силу специфики некоторых профессий, закрепил отдельные аспекты такого осуществления трудовых функций для ряда категорий работников: педагогических, медицинских, фармацевтических, сферы культуры. С целью всестороннего и объективного освещения выявленных проблемных аспектов в представленном материале хотелось бы остановиться на одной из вышеперечисленных, а именно — педагогических работников.

Уже не первый год у ряда работодателей, а также контрольно-надзорных органов, в том числе в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России), возникают разногласия в подходах относительно подсчета часов нагрузки совместителя. Корень проблемы кроется в необходимости решения вопроса о правовом закреплении статуса работника: либо путем заключения трудового договора, либо составлением гражданско-правового договора об оказании услуг. В такой постановке вопроса определяющим выступает организационно-правовой и экономический фактор. Иными словами, подвергается сомнению позиция о необходимости оформления педагога на 0,25 или 0,5 ставки при планируемой учебной нагрузке (выделено авторами. — **А. Р. и А. Р.**) менее 300 часов в год.

¹ См., например: Пресняков М. В. Совместительство и совмещение: проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики // Трудовое право. 2009. № 2. С. 57–66; Ершова Е. А. Правовое регулирование трудовых правоотношений по совместительству и совмещению // Российское правосудие. 2020. № 8. С. 75–87.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1, ст. 3; 2022. № 9. Ч. 1, ст. 1259.

Для разрешения и исследования указанной проблематики, освещения наиболее полной, понятной картины подхода к толкованию содержательной части работы по совместительству педагогов, попробуем в первую очередь проиллюстрировать правовую основу, на которой она базируется, путем пошагового освещения соответствующей нормативной базы.

Системное, последовательное толкование норм права, регламентирующих трудовые отношения в затронутом срезе, показало следующее.

Статья 282 ТК РФ содержит отсылочную норму, закрепляющую, что особенности регулирования работы по совместительству для педагогов (помимо обозначенных ТК РФ и иными федеральными законами) могут устанавливаться в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Содержательная часть постановления Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2003 года № 197¹ в дополнение к вышеуказанной норме вновь заключает в себе лишь общее положение, делегирующее дальнейшие полномочия по регулированию частных особенностей работы по совместительству педагогических работников Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации (в согласовании с Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Министерством просвещения Российской Федерации и с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений).

Продолжительность работы по совместительству педагогических работников регламентируется пунктом «б» статьи 1 постановления Минтруда Российской Федерации от 30 июня 2003 года № 41 «Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры» (далее — Постановление № 41). Данной правовой нормой установлено, что в течение месяца указанная продолжительность не может превышать половины месячной нормы рабочего времени, исчисленной из установленной продолжительности рабочей недели. Фактически данная норма очерчивает верхний предел.

Что касается минимальной нагрузки: не будет считаться совместительством и, соответственно, не потребует заключения трудового договора *педагогическая работа* (выделено авторами. — **А. Р. и А. Р.**) на условиях почасовой оплаты в объеме не более 300 часов в год (п. «в» ч. 2).

По сути дублирует вышеуказанное положение (с определенными коррективами в виду специфики принадлежности педагогических работников, являющихся сотрудниками органов внутренних дел) пункт 131.1 приказа МВД России от 31 марта 2021 года № 181 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». Ведомственный нормативный правовой акт закрепляет, что почасовая оплата применяется при оплате труда сотрудников, занятых (привлекаемых) педагогической работой в объеме не более 240 часов в год.

Как мы убедились, ни одна из вышеуказанных норм не содержит в себе конкретную формулировку «*учебная нагрузка*», а, напротив, лишь закрепляет соотношение ограничения 300 часов (240 часов — у сотрудников ОВД) с «*педагогической работой*».

Возникает необходимость с содержательной стороны обратить внимание на юридическую конструкцию словосочетания «педагогическая работа». Отметим, что согласно части 6 статьи 47 ФЗ от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в рабочее время педагогических работников в зависимости от занимаемой должности включается учебная (преподавательская) воспитательная работа, в том числе:

- практическая подготовка обучающихся;
- индивидуальная работа с обучающимися;
- научная, творческая и исследовательская работа;
- другая педагогическая работа, предусмотренная трудовыми (должностными) обязанностями и (или) индивидуальным планом, — методическая, подготовительная, организационная, диагностическая, работа по ведению мониторинга, работа, предусмотренная планами воспитательных, физкультурно-оздоровительных, спортивных, творческих и иных мероприятий, проводимых с обучающимися.

Исходя из отмеченного, при заключении трудовых договоров с педагогическими работниками, как нам видится, необходимо руководствоваться расширительным толкованием термина «педаго-

¹ Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры: постановление Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2003 года № 197 (ред. от 29 ноября 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 15, ст. 1368.

гическая работа». В таком случае недостаточно буквально применять норму, следует обратиться к «духу» закона.

Выдвинутая гипотеза подтверждается эмпирическим путем. Так, проведенный анализ свыше ста документов индивидуального учета и планирования учебной нагрузки (индивидуальных планов преподавателей в свыше 30 различных образовательных организациях), показал следующее. В обязанности профессорско-преподавательского состава, работающего на условиях совместительства, помимо учебной нагрузки, вменялась административная, методическая и подготовительная, научная, воспитательная и пр. Следовательно, вопрос о необходимости юридического оформления трудовых отношений абсолютно обоснованно и законно следует решать путем расширительного толкования понятия «педагогическая работа», не синонимизируя его с понятием «учебная нагрузка».

Таким образом, видится, что заключение в такой ситуации гражданско-правового договора (что зачастую рекомендуется в актах по итогам проверок контрольно-надзорных органов) не только крайне необоснованно, но и может повлечь административную ответственность. Данный тезис объясняется следующим:

— во-первых, гражданско-правовой договор не предусматривает обязанности работника подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, соблюдать трудовую дисциплину, выполнять трудовую функцию, определенную штатным расписанием¹. Кроме того, на такого работника не распространяются различного рода стимулирующие и поощрительные выплаты, что крайне негативно сказывается на мотивационной составляющей занятия научной и иной творческой деятельностью²;

— во-вторых, трудовые отношения — это отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации) в интересах, под управлением и контролем работодателя. При этом не допускается заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем (ст. 15 ТК РФ);

— в-третьих, уклонение от оформления трудового договора либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем влечет административную ответственность (ч. 4 ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Стоит также отметить судебную практику относительно толкования и применения нормы пункта 2 постановления № 41. Так, в решении Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2006 года № ГКПИ06-1518, указано: «Установленные дополнительные правила (продолжительность работы с условием почасовой оплаты не более 300 часов в год) не ограничивают право работников <...> свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию и не нарушают их право на оплату труда. Эти работники вправе по своему усмотрению выполнять <...> работу на условиях совместительства, то есть по трудовому договору и в свободное от основной работы время, чему оспариваемая правовая норма не препятствует»³.

Таким образом, исходя из проведенного анализа действующего законодательства, правоприменительной практики следует, что при применении нормы пункта «в» части 2 постановления № 41 при заключении трудовых договоров с педагогическим работником на условиях совместительства на 0,5 или 0,25 ставки решение должно приниматься и обосновываться не только необходимостью выполнения учебной нагрузки, но и осуществления педагогической работы в полном объеме.

Институт совместительства на сегодняшний день выступает важной и в тоже время компромиссной мерой укрепления кадрового потенциала образовательных организаций. С точки зрения достижения показателей государственной программы Российской Федерации «Развитие

¹ См. также: Кравченко Е. Почасовая оплата труда педагога // Учреждения образования: бухгалтерский учет и налогообложение. 2019. № 6. С. 35–42.

² См. об этом: Баранова М. В., Репьев А. Г., Репьева А. М. Правовой статус ученого в Российской Федерации: юридико-лингвистический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 22–27.

³ Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим подпункта «в» пункта 2 постановления Минтруда Российской Федерации от 30 июня 2003 года № 41: решение Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2006 года № ГКПИ06-1518. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

образования»¹, привлечение к осуществлению трудовых функций работников на условиях совместительства открывает возможность усилить профессорско-преподавательский состав необходимыми квалифицированными кадрами: не только с точки зрения обладания ими фундаментальными знаниями, но и практическим опытом. Следовательно, правовой статус такого рода работников должен включать в себя соответствующие элементы, обеспечивающие необходимый уровень юридических гарантий, в том числе стимулирующего и поощрительного свойства. Добиться этого позволяет оформление трудового договора со всеми вытекающими из этого правовыми и организационными последствиями.

Кожевников Владимир Валентинович,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры теории и истории государства и права
Омского государственного университета имени
Ф. М. Достоевского

О понятийно-категориальном аппарате общей теории права в контексте соотношения легальных понятий и научных понятий и категорий

Представляется, что актуальность обозначенной проблемы не может вызывать никаких сомнений. Обращаем внимание на то, что некоторые ученые-теоретики в качестве содержательных элементов методологии юриспруденции включают правовые понятия и категории или, с позиции В. И. Червонюка, «категориальный, или понятийный аппарат юридической науки»². А. М. Васильев рассматривал понятийный аппарат общей теории права в качестве специфического звена, элемента метода теории правоведения и обращает внимание на то, что метод как рациональная система приемов, правил действия ученого, процедура познавательной деятельности основывается на теоретической базе, раскрывающей предмет науки³. В. М. Сырых, оценивая вышеизложенные позиции ученых, утверждал, что понятия и категории, хотя и играют важную роль в познании права, выступают основой методов, но сами по себе не являются самостоятельным методом познания⁴. Уточняя свою позицию, в другой работе ученым подчеркивается, что «методологическая роль научных правовых абстракций состоит не в том, что они выступают средством отражения сущностных, закономерных сторон, связей правовых явлений, а в том, что на основе этих знаний разрабатываются правила, принципы применения понятий и категорий в конкретных познавательных процедурах, в процессе движения к новым научным знаниям»⁵. Резюмируя, В. М. Сырых полагает, что «научные абстракции сами по себе, вне «методологически грамотной деятельности», познающего субъекта, не могут дать новых знаний и, следовательно, выступать в качестве единственного или специфического метода познания права»⁶. Н. Н. Тарасов обоснованно подчеркивает, что «понятия общей теории права способны играть в отраслевых исследованиях... методологическую роль...»⁷.

В. И. Червонюк, определяя правовые понятия как научные представления, воспроизводящие (идеально) в мышлении объективную суть реальных процессов правовой действительности и выражающиеся специфически их юридическую качественную определенность, обоснованно считает, что в понятиях теория права и государства концентрирует, выражает накопленные знания, раскрывает свой предмет. Понятия выполняют роль своего рода системообразующих логических узлов, с помощью которых научное познание проникает в сущность и содержание государственно-правовых явлений. Ученым обращалось внимание на обстоятельство, что для юриста понятия имеют

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1642 (в ред. от 27 февраля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1. Ч. II, ст. 375.

² Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права: учебное пособие / под общ. ред. В. И. Червонюка. Москва, 2003. С. 24.

³ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография. Москва, 1976. С. 65.

⁴ Сырых В. М. Теория государства и права: учебник. Москва, 2001. С. 556.

⁵ Он же. Логические основания общей теории права: в 2 т. Москва, 2004. Т. 1: Элементный состав. С. 482.

⁶ Там же.

⁷ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки: монография. Екатеринбург, 2001. С. 175.

чрезвычайно важное значение. Правовые понятия — это содержательные научные абстракции, которые в концентрированной форме выражают накопленные знания о государстве и праве. Это своеобразные «кирпичики», на которых строится здание правовой науки¹.

Кстати говоря, В. И. Червонюк обращал внимание и на правовые категории, полагая, что «это наиболее общие, предельно широкие правовые обобщения, отражающие основные свойства явлений государственно-правовой действительности (на надпонятийном уровне)». Они отличаются своей фундаментальностью, представляя собой логическую основу, вокруг которой выстраивается система понятий, образуя «гнездо», «семью» правовых понятий, их логический ряд («право», «государство», «действие права», «правовая система», «правовая среда», «правовая культура» и др.)»².

В литературе акцентируется внимание и на то, что понятия выражаются в определениях или дефинициях, которые направлены на точное и краткое раскрытие государствоведческих и юридических понятий. По мнению Н. А. Власенко, «раскрываются понятия и категории при помощи определений (дефиниций), представляющих собой логическую операцию, посредством которой раскрывается их содержание. Формулирование понятий — логический прием, а его результат — текстовая конструкция»³.

Отметим то, что теоретико-методологическая функция теории государства и права заключается в том, что в рамках этой отрасли знания формулируется свод понятий о государстве и праве и связанных с ними явлений. Следует иметь в виду, что «понятия, категории и концепции теории государства и права выступают своеобразными «опорными» пунктами отраслевых и прикладных юридических наук»⁴.

С. С. Алексеев замечал, что одна из задач юридического образования состоит в том, чтобы юрист усвоил язык закона, терминологию юридической науки. По мере освоения правовых знаний происходит обогащение правового словаря юриста: не только усваиваются новые термины, но и углубляется содержание тех понятий, которые тот или иной термин обозначает. Ученым подчеркивалось, что «существенным показателем уровня юридических знаний и является способность юриста свободно и точно пользоваться юридической терминологией»⁵.

Весьма обоснованно позиция Н. А. Власенко утверждающего, что правовые понятия важны не только для архитектоники законопроекта, точность его положений не менее значима и их роль в правореализации, ибо они являются ориентирами, «азимутами» юридической практики. Как подчеркивалось ученым, «невозможно грамотно применять закон, его нормы, не усвоив содержание оперируемых им понятий, часто не только тех, которые содержатся в тексте данного документа, но и других, необходимых для принятия квалифицированного решения»⁶. Кстати говоря, этот ученый характеризует ряд основных требований, предъявляемых к формулированию понятий и категорий, их использования в тексте законопроекта, среди которых в контексте настоящей статьи актуальным является следующее: «При совпадении понятий права и правовой науки обязательным является понятие права... Понятия права и понятия науки могут не совпадать в смысле качества и количества признаков, иных характеристик. При наличии официальных, закрепленных в нормативном правовом тексте научно-правовые понятия в законотворческой и правореализующей деятельности играют вспомогательную роль»⁷. Как обоснованно отмечает С. К. Мамедовым, «нормативные дефиниции — нормы особого рода, органически включенные в механизм правового регулирования, определяющие его общие основы, организационные предпосылки. Орган или лицо, применяющие или исполняющие предписание, не должны трактовать его иначе, чем сформулировано в нормативном акте (вернее, в нормативном правовом акте. — В. К.)»⁸.

¹ Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Указ. соч. С. 32–33.

² Там же. С. 34.

³ Власенко Н. А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): учебное пособие. Иркутск, 2001. С. 40.

⁴ Кожевников В. В. Теория государства и права: учебник: в 2 ч. Москва, 2021. Ч. 1. С. 34.

⁵ Алексеев С. С. Введение в юридическую специальность. Москва, 1976. С. 12.

⁶ Власенко Н. А. Указ. соч. С. 40–41.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Магомедов С. К. Унификация нормативной терминологии и единое правовое пространство России // Журнал Российского права. 2004. № 3. С. 28.

Действительно, общепризнанно, что определение, в зависимости от области применения, может иметь различное значение. «Юридическая терминология, — пишет С. П. Хижняк, — включает в себя терминологию права (прикладной области знания) и терминологию науки — правоведения (юриспруденции), которые находятся в тесной взаимосвязи, однако они различаются своим характерными особенностями»¹.

Различая доктринальные (теоретико-правовые) правовые понятия, которые, являясь результатом познавательной деятельности, принадлежат непосредственно науке и посредством которых выражаются те или иные «концепции», «теории», «концепции» юридической науки, и легальные (нормативные правовые) понятия, получившие официальное закрепление в нормативных правовых актах (законах и подзаконных актах), императивно определяющие объем (круг) и содержание общественных отношений, выступающих предметом правового регулирования, Н. И. Панов подчеркивает, что в своем сочетании образуют понятийный аппарат юридической науки². Причем, уточняется автором, трансформация доктринальных понятий в легальные свидетельствует о переходе научных знаний в позитивное право. Ученым определяется органическая взаимосвязь между ними: чем глубже и детальнее разработаны научные понятия, тем в большей мере и успешнее они воспринимаются позитивным правом. И наоборот, чем совершеннее понятийный аппарат позитивного права, его отдельных отраслей и институтов, тем в большей мере он обогащает доктрину и способствует ее развитию. Однако Н. И. Панов особо обращает внимание на то, что «...недостаточно разработанные, не апробированные и не принятые в достаточной мере юридической наукой и практикой понятия, существующие пока на уровне гипотез либо недостаточно сформировавшихся правовых образований, не могут рассматриваться как логико-правовые новеллы и не должны предлагаться субъектам правотворчества в качестве *de lege ferenda*»³.

В свое время С. С. Алексеев полагал, что научная интерпретация понятия, его существенных свойств, элементов содержания традиционно увязывается с необходимостью обеспечения единства вырабатываемых наукой терминов с терминологией закона и юридическим законом практической юриспруденции⁴.

Полагаем, что имеющиеся в правоведении доктринальные понятия и категории должны отвечать следующим требованиям. Во-первых, что их содержание так или иначе определяется так называемым «государственно-правовым компонентом», отражающим сложный, а порой, противоречивый процесс взаимодействия государства и права. Во-вторых, вырабатываемые учеными-теоретиками доктринальные понятия и категория должны ориентироваться на официальные, легальные определения и им не противоречить. Однако, несмотря на значимость дефинитивных норм права в правовом регулировании общественных связей, отношение к ним, как показывает анализ юридической литературы, весьма пренебрежительное: в ней либо искажается их содержание, либо предлагаются такие общетеоретические положения, которые не соответствуют соответствующим дефинитивным нормам. Таких негативных примеров достаточно много. Так, Н. М. Чистяков, рассуждая о дееспособности, полагает, что полная дееспособность наступает с 18 лет, в случае вступления в брак в более раннем возрасте — с 16 лет, хотя, как известно, существует статья 27 «Эмансипация» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), предусматривающая иные условия, при наличии которых гражданин, достигший 16-ти лет может быть признан дееспособным в полном объеме. Тот же автор полагает, что ограниченная дееспособность «устанавливается по решению суда в отношении лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией и др.», хотя в соответствии с частью 1 статьи 30 ГК РФ законодательно закреплено иное: «Гражданин, который вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством». Н. М. Чистяков необоснованно утверждает: «Невменяемость — неспособность лица понимать значение своих действий и руководить ими вследствие психического забо-

¹ Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав: монография / под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, 1974. С. 4.

² Панов Н. И. Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки // Правоведение. 2006. № 4. С. 22–23.

³ Там же. С. 23.

⁴ См.: Алексеев С. С. Теория права. Москва, 1995. С. 30.

левания», хотя далее приводит норму, закрепленную в части 1 статьи 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ): «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) **либо** (выделено нами. — В. К.) руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики»¹. Р. Х. Макуев считал: «Недееспособными по решению суда могут быть признаны душевнобольные, лица с ограниченными умственными способностями и др.»², хотя в части 1 статьи 29 ГК РФ закрепляется иное: «Гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством». По мнению ученого, косвенный умысел состоит в том, что «лицо осознает противоправность совершенного им деяния, предвидит вредные его последствия, не желает, но допускает их наступление»³, хотя часть 3 статьи 25 УК РФ гласит несколько иное: «Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично».

Заметим, что в ряде случаев общетеоретические положения имеют соответствующую нормативную основу. Так, в соответствии с приказом Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 4 мая 2007 года № 88 «нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются только в виде **постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений**. Акты, изданные в ином виде (например, директив и др.), не должны носить нормативный правовой характер. Издание нормативных правовых актов в виде писем и телеграмм не допускается»⁴. Интересно заметить, что некоторые ученые, соглашаясь с тем, что научные понятия и категории должны соответствовать легальным понятиям, полагают, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются только в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений, ссылаясь при этом на постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 года № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»⁵. Между тем ряд авторов, игнорируя это нормативное положение, предлагают «свой» перечень ведомственных нормативных правовых актов, включая и разъяснения о порядке применения того или иного положения в определенной сфере деятельности, инструктивные письма, направленные подчиненным органам⁶. С. В. Бошно весьма сомнительно утверждает, что федеральные органы государственной власти не ограничиваются разнообразными формами, которые им прямо разрешены (постановления, приказы, распоряжения, правила, инструкции и положения). По мнению ученого, «они находятся в состоянии практически непрерывного творчества, в том числе в области наименования издаваемых актов. В результате этой инициативной деятельности создаются эклектические соединения форм: инструкция и приказ, положение и инструкция, иные комбинации, появляются такие виды, как директивы, обращения, призывы, наставления и др.»⁷.

Представляется, что эти авторы ошибочно полагают, что указанная норма имеет не обязательный, а рекомендательный характер.

¹ См.: Чистяков Н. М. Теория государства и права: учебное пособие. Москва, 2010. С. 153, 230–231.

² Макуев Р. Х. Теория государства и права: учебное. Москва, 2010. С. 444.

³ Там же. С. 574.

⁴ Об утверждении разъяснений о применении правил подготовки нормативных правовых правил актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 мая 2007 года // Российская газета. 2007. 24 мая.

⁵ Котельников А. П., Шагиева Р. В. Источники (формы выражения) права: общетеоретическая модель и современные проблемы совершенствования // Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие / отв. ред. Р. В. Шагиева. Москва, 2011. С. 278.

⁶ Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права: учебник. Ростов-на-Дону, 2010. С. 520.

⁷ Бошно С. В. Теория государства и права: учебное пособие. Москва, 2007. С. 145.

Особо следует подчеркнуть, что соотношение научных понятий и категорий, и легальных понятий не всегда решается в пользу последних при их однозначном доминировании. Существуют примеры, которые ясно показывают, что легальные понятия не соответствуют достижениям общей теории права и в силу этого требуют критического отношения, а не механического восприятия. Так, в соответствии с вышеупомянутым приказом Министерства юстиции Российской Федерации, дается следующее легальное определение нормы права: «под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение».

Конечно, доктринальные (теоретические) понятия с необходимостью должны ориентироваться на легальные (официальные), им не противоречить, однако, к сожалению, последние не всегда являются безупречными.

Ряд ученых-теоретиков, особо не задумываясь, руководствуясь нормой приказа, весьма сомнительно полагают, что норма права «не теряет свою силу после однократного применения, а действует постоянно»¹, «норма права — это общеобязательное правило, рассчитанное на множество случаев применения...»².

Заметим, что и некоторые советские ученые-юристы связывали норму права только с ее применением. Например, А. С. Голунский в свое время считал, что норма права — это не всякое имеющее юридический характер предписание, а только такое предписание, которое представляет собой общее правило, рассчитанное на многократное его применение³.

Коллектив авторов, проявляя явную алогичность в суждениях, сначала в качестве специфической черты нормы права называют «неперсонифицированность и многократность применения»⁴, а затем, ссылаясь на мнение Д. А. Керимова, утверждают, что юридическая норма «...реализуется каждый раз, когда возникают предусмотренные ею обстоятельства и ситуации»⁵. Представляется, что, если учеными необоснованно акцентируется внимание только на применении нормы права, то тем самым игнорируются прямые (непосредственные) формы реализации: 1) **использование права** — реализация возможностей, предоставленных юридическими нормами; 2) **исполнение обязанностей** — обязательное совершение активных действий, предписанных нормой права; 3) **соблюдение запретов** — воздержание от совершения действий, запрещенных нормой права.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что одним из признаков нормы права является многократность ее реализации. В той или иной редакции это утверждение поддерживается другими учеными. Так, М. И. Байтин считал, что «норма права — единственная в ряду социальных норм, которая поддерживается в своей реализации, охраняется от нарушений принудительной силой государства»⁶. А. Б. Венгеров в качестве одного из признаков нормы права определял «неоднократность (или многократность) ее действия». Ученый подчеркивал: «это означает, что правовая норма создается для постоянного применения, использования, если иное не предусматривается в самой норме»⁷.

В заключение данной научной статьи, затрагивающей различные аспекты правовых понятий и категорий, играющих важную роль в юридическом образовании, хочется привести позицию П. У. Кузнецова: «Мобилизация теоретических и методологических исследований, направленных на осмысление феноменов общественного бытия и разработку соответствующего им правового инструментария, включающего правовые понятия, признается одной из злободневных задач юридической науки»⁸.

¹ Теория государства и права: учебник / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. Москва, 2008. С. 342. Макуев Р. Х. Теория государства и права: учебник. Москва, 2010. С. 290; Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права: учебник. Москва, 2005. С. 385.

² Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. Москва, 2012. С. 179.

³ Голунский А. С. К вопросу о понятии правовой нормы права в теории социалистического права // Советское государство и право. 1961. № 4. С. 21.

⁴ Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Указ. соч. С. 447.

⁵ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, философия права): монография. Москва, 2001. С. 107.

⁶ Байтин М. И. Сущность права (Современное правопонимание на грани двух веков): монография. Москва, 2005. С. 205.

⁷ Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник. Москва, 2007. С. 423.

⁸ Кузнецов П. У. Социальная ценность электронного государства: ценности и терминологические проблемы // Информационное общество и социальное государство: сборник научных работ. Москва, 2011. С. 14–15.

Шафиров Владимир Моисеевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Развитие высшего юридического образования: содержательный, человекоориентированный подход

Начало XXI века ознаменовалось реформами высшего профессионального образования в стране. Первые серьезные изменения были связаны с переходом на Болонскую систему двухуровневой подготовки студентов — «бакалавр — магистр». Были разработаны и приняты новые государственные образовательные стандарты, введены новые образовательные программы, неоднократно обновлялись общие и профессиональные компетенции, внедрялись дуальное и проектное обучение, цифровые технологии. Все эти изменения в полной мере затронули и высшее юридическое образование. Юридическая профессия в 2000 годы стала одной из самых популярных, востребованных. Многочисленные государственные (технические, аграрные и др.) университеты открывали юридические факультеты, создавались самостоятельные частные юридические вузы. Большинство из них не имело традиций правового образования, научных правовых школ, нужного числа штата высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава, библиотек со специальной литературой. Никого данное обстоятельство не остановило. Ведь на диплом юриста сложился огромный спрос. «Корочкам» приписывали чудодейственные свойства: обладатель диплома получает престижный общественный статус, высокооплачиваемую работу, ускоряется его продвижение по служебной лестнице и т. п. Получать диплом юриста в качестве второго высшего образования стали инженеры, врачи, военные и т. д. Подготовка специалистов правоведов превратилась в выгодный коммерческий проект, поскольку второе высшее образование являлось платным. Создавалось впечатление, что все идет успешно, правовое образование заняло достойное место среди других видов высшего образования. К сожалению, как оказалось, это только внешняя, фасадная сторона образовательного процесса. И не удивительно, что сегодня в 20-е годы XXI века вновь остро поставлена проблема существенных изменений высшего образования. Дело в том, что к Болонской системе обучения по мере ее реализации накопилось не мало вопросов. Главный из них — нет ожидаемого роста качества образования. Конечно, это общая проблема образования, а не только юридического. В ходе нынешней модернизации высшего образования произойдет изменение формы обучения, вместо деления на бакалавриат и специалитет вводится понятие «базовое высшее образование»; устанавливаются гибкие образовательные программы сроком от четырех до шести лет; в магистратуру (углубленное высшее образование) можно будет поступать после базового образования вне зависимости от срока обучения на бесплатной основе. Есть и другие преобразования организационного порядка. Все они, безусловно, важны и должны быть применены для совершенствования высшего юридического образования.

Вместе с тем развитие правового образования имеет свою специфику, особенно когда речь заходит о его содержательной стороне, от которой, прежде всего, зависит качество образования. Однако до сих пор остается определяющим не содержательный, а формально-юридический подход к подготовке специалистов с высшим образованием. Хотя постоянно постулируются содержательные положения: «Не человек для права, а право для человека»; «не человек для государства, а государство для человека». Разберем, в чем же проявляется формальный подход в юридическом образовании.

Дело в том, что базис правового образования составляет теория юридического позитивизма, ее важнейшее направление — нормативная школа правопонимания. Студентам последовательно проводится мысль, что право — это совокупность формально-определенных норм, а, следовательно, главное в работе юриста — строго и неукоснительно следовать требованиям формальной законности, юридической процедуре, бороться с нарушениями предписаний. Определяющим направлением названо практико-ориентированное обучение, при одновременном сокращении

объема теоретических знаний. Обучение навыкам и умениям привело к разрастанию узкой специализации, к не всегда обоснованному дроблению курсов. Такие выпускники, получив в вузе преимущественно узкую специализацию с набором шаблонных навыков, умений деятельности (строго определенной сферы: транспортное право, энергетическое право, спортивное право и т. п.), обладают низким уровнем теоретических знаний, ограниченной компетенцией. Все это закладывает основы для упрощенного образования. И это в вузе! При формальном отношении к образованию, безусловно, учиться проще, легче, не нужно особо «вкалывать». Да и переходить с курса на курс нетрудно, даже учась заочно. При такой учебе все больше выпускается юристов-дилетантов, посредственных ремесленников. Возникает естественный вопрос: «Не облегченным ли обучением обусловлен повышенный интерес к юридическому образованию? В прессе приводились факты, когда дипломы вузов покупают через сеть «Интернет», а люди с «липовыми дипломами» работают юристами. Большинство же носителей поверхностных, фрагментарных знаний — безработные — либо трудятся по специальности, его не требующих.

Формальный подход к юридическому образованию оказал влияние на законодательные решения. В Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации» (ч. 2, ст. 16) предусмотрено, что «на должности следователей, помощников следователей... могут назначаться граждане, обучающиеся по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе высшего образования..., не имеющие академической задолженности». Но не иметь академической задолженности могут и те студенты, которые кое-как учатся на оценку «удовлетворительно». В словарях русского языка слово «удовлетворительно» означает «посредственно (заурядно, средней паршивости, убого, серо)». Вряд ли такие «знатоки» студенты помогут следствию.

Формальный подход к установлению человеческого смысла права, акцент делается на усвоение институциональных ценностей (государство, закон, подзаконные акты, нормы). К тому же право в вузовской программе не рассматривается как свойство личности. Гражданин, его права, интересы в подобных обстоятельствах уходят на дальний план. При таком обучении уже со студенческой скамьи усваивается опыт затягивания решения вопросов и (или) отказа в обеспечении прав под различными бюрократическими предлогами. Приобретается привычка (и тем более это законно) поступать, соблюдая лишь внешнюю сторону дела, не вникая в его суть. Ведь решать по-человечески — справедливое предназначение морали, а не права. Роль права больше ассоциируется с ограничением свободы, а его применение может быть правомерным, но одновременно не справедливым. Формированию такой психологической установки способствует устоявшаяся в теории и на практике аксиома юридического позитивизма: «Закон суров, но это закон». Поэтому юристу, подготовленному на позитивистской теоретической основе при решении вопроса об юридической ответственности важнее в первую очередь предотвратить нарушение норм права, наказать правонарушителя, и только затем перейти к восстановлению прав пострадавшего, возмещению ему вреда, что нередко надолго затягивается. На таком идеологическом фундаменте у выпускников складывается образ строгого, формального, чисто внешнего, ограничивающего свободу, безучастного по отношению к справедливости, обязательно-принудительного права. В данном праве определяющая роль отдана обязательным формальным юридическим нормам. Их надо в первую очередь соблюдать, защищать¹.

В настоящее время повсеместно требуется большое количество хорошо подготовленных человекоориентированных правоведов, выполняющих работу не формально, по шаблону, а творчески, ответственно, способных обстоятельно разбираться в сути возникающих вопросов. Они как раз в дефиците. Система образования, построенная на односторонне позитивистском обучении праву не способна подготовить таких специалистов. И как следствие растет число содержательных профессиональных ошибок. Вот один из многочисленных примеров.

Решениями районного суда, апелляционной и кассационной инстанций право пользования жилым помещением несовершеннолетней было прекращено, поскольку, по мнению судей, оно производно от прав ее отца, который добровольно расторг договор социального найма и выехал из квартиры. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала решения нижестоящих судов ошибочными.

«...При рассмотрении настоящего дела суды не учли, что несовершеннолетняя... приобрела право пользования спорным жилым помещением по договору социального найма в качестве члена

¹ См.: Шафиров В. М. В защиту юридического образования // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 40.

семьи своего отца, вселена в жилое помещение и проживала в нем; в силу возраста лишена возможности самостоятельно реализовать свои жилищные права. Судами не установлено, что несовершеннолетняя... приобрела право пользования каким-либо иным жилым помещением, в связи с чем выводы о производности прав несовершеннолетней от прав их законных представителей являются ошибочными.

То обстоятельство, что отец несовершеннолетней... добровольно выехал из жилого помещения и в настоящее время проживает по другому месту жительства, не влияет на право пользования несовершеннолетней... спорным жилым помещением, которое она с выездом из него своих родителей не утратила.

Данные обстоятельства судом при рассмотрении спора учтены не были, что привело к ошибочному выводу об утрате несовершеннолетней права пользования спорной квартирой»¹.

В другом определении по конкретному делу Верховный Суд Российской Федерации дал разъяснение, которое имеет общее универсальное значение.

«...Суд обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости. В противном случае нарушаются задачи и смысл судопроизводства...»².

Для того, чтобы перейти на новый качественный (содержательный) уровень, современное высшее юридическое образование должно развиваться на основе конституционного понимания права. Оно сформулировано «...на естественно-правовом подходе к пониманию права»³ и положениях юридического позитивизма. Конституционное правопонимание имеет отчетливо выраженный интегративный характер⁴. Своеобразие такого понимания вытекает из закрепленной в Конституции бинарной природы права: естественное начало (природа личности — ч. 2, ст. 17)) и позитивное начало (политическая природа — ст. 2). Выделение личностной природы права позволяет вывести человека и гражданина из тени институциональных ценностей. Согласно Основному документу страны не юридические нормы, а человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2); права и свободы непосредственно действуют; они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, суда (ст. 18), правоохранительных органов; осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3, ст. 17). Данные и другие конституционные положения должны определять смысл и содержание юридического образования, проходить лейтмотивом через все правоведение в целом: общую теорию права и государства, отраслевые и иные юридические дисциплины. В вузовских программах необходимо не только записать, но и конкретизировать положение о праве как свойстве личности. У студента должно сформироваться убеждение о первостепенности для него не формальных норм, а тех ценностей, которые в них закрепляются. В числе основных ценностей: сам человек, его права, свободы и обязанности, свобода, справедливость, правда, разумность. Задача вузовского образования — обеспечить усвоение, внутреннее принятие данных ценностей. Без этого невозможно сформировать внимательное отношение к людям, уважение к морали, праву, закону, государству, органам публичной власти. Соответственно, в учебном процессе не оправданно первенство отдавать знаниям о праве как формальном явлении, что в нем доминируют запреты, ограничения, принуждение, что оно необходимо для ограничения свободы, а решать по праву не обязательно справедливо. Отказаться следует в преподавании от абсолютизации

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2022 года № 4-КГ22-3-К1. URL: <https://ur29.ru/resheniya-sudov/vsrf-4-kg22-3-k1-ot-29032022/>

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 января 2023 года № 5-КГ22-138-К2. URL: <https://acitadel.ru/docs/opredelenie-skgd-vs-rf-ot-30-janvarja-2023-g-5-kg22-138-k2/>

³ Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. Москва, 2011. С. 53.

⁴ Об интегративном понимании права См.: Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. Москва: РГУП, 2018; Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5–19; Шафиров В. М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 24–33; и др.

взгляда, согласно которому для служителя закона и гражданина конфликт — нормальное состояние.

Содержательный подход к правовому образованию требует повышения уровня фундаментальной теоретической подготовки, что отвечает статусу юридической профессии, как одной из древних, престижных, высоко интеллектуальных. Она — сплав науки, практики и искусства. Поэтому правовед с вузовским дипломом должен обладать высокой правовой культурой, то есть получить, прежде всего, качественные, глубокие человекоориентированные знания. Конечно, такие знания нужны не сами по себе, а, чтобы на их базе складывались соответствующие им навыки и умения практической деятельности.

С позиций содержательного подхода следует выстраивать специализацию в юридическом образовании. Она не должна сводиться к отмене или значительному сокращению часов теоретического обучения в пользу навыков практической деятельности. Упор на навыки деятельности при минимуме теории — это серьезная ошибка, неудачное заимствование зарубежного опыта. При специализации необходим разумный баланс теоретических знаний и практических навыков и умений. Выпускник с широким социально-правовым кругозором, интеллектом более подготовлен к ней. Он сможет, исходя из личной и (или) общественной потребности, более оперативно, тщательно освоить любую другую юридическую и пограничные с ней специализации, работать инициативно, креативно, в интересах человека. Для него стремление к новому, эксклюзивному — обычное дело.

Содержательное, человекоориентированное профессиональное правовое обучение и воспитание открывает перспективу существенно скорректировать устоявшееся на практике, и проводимое в учебном процессе неоправданное мнение о сложности, а то и невозможности использования этических принципов и норм при решении юридических дел, поскольку законным признается и формально правильное правоприменение. Под углом зрения человеческого измерения право и мораль выступают как однонаправленные, имеющие общие цели регуляторы поведения. Конституция, устанавливая личностную природу права, с полным основанием может быть названа не только юридическим, но нравственным (в той мере, в какой затрагиваются права, свободы и обязанности людей) документом. С практической стороны это означает, что решать по-человечески, справедливо, разумно, проявляя уважение к достоинству личности, равнодушие к ее физическому и (или) нравственному страданию, не только предназначение морали, но и права. Современные юристы просто обязаны научиться работать в интересах людей на стыке права и этики.

Отстаиваемый в статье подход к образованию важен в аспекте цифровизации юридической деятельности. В средствах массовой информации активно обсуждается вопрос о замене юристов роботами. Доля истины здесь есть. Но рискуют остаться без работы юристы-дилетанты, обладающие низким уровнем теоретических знаний, освоившие навыки действовать по шаблону, выполнять рутинные, формализованные функции. Человекоориентированному юристу-интеллектуалу искусственный интеллект не конкурент. Умная машина не способна работать креативно, учитывать все тонкости сложившейся ситуации, просчитывать все последствия для конкретного человека. Ей невозможно привить чувства справедливости, гуманизма, сострадания. Отсюда важно относиться к учебе как повседневному, напряженному и вместе с тем интересному и творческому труду. Обучение в юридическом вузе и бессмысленное времяпрепровождение — вещи несовместимые. С первых дней каждый студент должен четко уяснить эти очевидные и очень важные истины (а преподаватели ему обязаны в этом помочь), чтобы после выпуска из университета ему не попасть в «квалификационную яму».

Заканчиваться обучение в вузе должно государственным экзаменом по «Теории права и государства» для всех студентов, получающих базовое высшее образование. К сожалению, как обязательный он был отменен для бакалавров и вводился по усмотрению учебных заведений. Для магистров необходимо ввести в качестве обязательного общетеоретический курс «Актуальные проблемы юридической науки и практики», а в числе вопросов по выпускному экзамену должны быть вопросы по общей теории права и государства.

Таким образом, содержательный подход к высшему юридическому образованию, строящийся на основе Конституции формирует новый образ современного отечественного права, которое предстает как гуманное, выражающее свободу и справедливость, разумное, ориентированное на внутреннее и внешнее поведение, определенное, обеспеченное государством и обществом социальное явление. Такой образ раскрывает истинную суть и миссию права в обществе, позволяет говорить о нем как высокозначимой, незаменимой и вечной социальной ценности. Проводником

такого права в жизнь могут быть только человекоориентированные, обладающие фундаментальными знаниями и разносторонними навыками, умениями профессионалы. Именно таких классных специалистов должны готовить юридические вузы. Тогда будут все основания относить юридическую профессию к числу наиболее приоритетных сложных и востребованных.

Морозов Павел Евгеньевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

О необходимости оптимизации правовой регламентации высшего юридического образования

Реализация пилотного проекта, направленного на изменение уровней профессионального образования¹, требует переосмысления, в том числе и проблем высшего юридического образования, прежде всего, с точки зрения установления более тесной связи обучения в образовательных организациях высшего образования с практической деятельностью в сфере юриспруденции, так как разрыв между получаемыми компетенциями и требованиями будущей специальности приводят к препятствиям в процессе трудоустройства выпускников.

К сожалению, в настоящее время вопрос безболезненного перехода от обучения выпускников-юристов к работе не решен. Примечательно в этом отношении мнение Верховного Суда Российской Федерации, который относит опыт работы по данной специальности, в данной отрасли к деловым качествам трудоустраиваемого², что по существу разрешает работодателю на законных основаниях отказать в приеме на работу выпускнику-юристу, у которого такой опыт отсутствует.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации фактически признает, что профессиональные компетенции выпускника-юриста не соответствуют в полной мере требованиям его будущей трудовой деятельности.

Получается, что студент, обучающийся на дневном отделении организации высшего юридического образования в конечном итоге после окончания этой организации с большей долей вероятности не будет принят на *престижную высокооплачиваемую* работу.

В ряде организаций выпускникам назначают наставников, которые обучают их практическим навыкам, читают лекции по профессии. Тогда в чем смысл высшего юридического образования?

Конечно, студент-дневник может совмещать работу с обучением, осуществляя свою деятельность, например, по трудовому договору на условиях неполного рабочего времени. Однако в этом случае, естественно, будет страдать обучение, так как студенту придется распределять свои силы между работой и учебой. В результате на выходе мы получим некачественного специалиста.

В целом для решения проблемы разрыва между обучением и будущей работой в организациях высшего образования предлагаются различные варианты, которые все-таки, на наш взгляд, не совсем эффективны (*в противном случае проблемы бы не существовало*).

К таким способам устранения разрыва между обучением и работой относятся:

- разработка практикумов (сборников задач)³;
- закрепление задач и тестов в рабочих программах учебных дисциплин;
- учебная и производственная практика⁴;

¹ О реализации пилотного проекта, направленного на изменение уровней профессионального образования: постановление Правительства Российской Федерации от 9 августа 2023 года № 1302. URL: <https://base.garant.ru/407518801/>

² О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года № 2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 6. П.10.

³ См., например, Профессиональные навыки юриста: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / М. В. Немытина [и др.]; под ред. М. В. Немытиной. Москва: Изд-во Юрайт, 2016. 211 с. Серия : Бакалавр. Прикладной курс.

⁴ См., например, Муллаширов Р. Н. Определение исходного уровня готовности будущих юристов к социальному взаимодействию в ходе образовательного процесса // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. № 4. Т. 10.

— деятельность студенческих юридических консультаций¹;
— реализация программ и функционирования кафедр практической (прикладной) юриспруденции².

Проанализируем каждый способ более детально.

Полагаем, что практикумы не достигают своей основной цели — соединения обучения и будущей работы — ввиду того, что задачи в них носят упрощенный и искусственный характер. Более того, подобные практикумы внушают студенту уверенность в том, что ситуации, описанные в них, являются стандартными, то есть это приводит к шаблонизации сознания обучающегося, которая состоит в убежденности в том, что все случаи, которые возникнут в будущей работе будут аналогичными задачам в практикуме. Вместе с тем естественно, это ошибочная убежденность. В реальности, например, индивидуальный трудовой спор — это более сложное явление, чем случай описанный в практикуме, так как он увязывается с огромным количеством обстоятельств и условий, которые игнорируются в задачниках. Но самая главная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что у студента не развивается профессионализм, то есть юридическая логика, юридическая психология, которые можно отнести к его юридическому чутью. Действительно, если задачи в практикуме — это и есть реальная юридическая практика, то зачем и развиваться? Полагаем, что это ошибочный подход.

Традиционно в рабочих программах учебных дисциплин закрепляются задачи и тесты. Однако, как и в случае с практикумами, они носят упрощенный, формализованный характер. Более того, их, как правило, весьма незначительное количество применительно к каждой теме.

Учебная и производственная практика так же не достигают своих целей ввиду того, что в организациях, где проходят практику студенты их не допускают к решению важных и сложных задач.

Это вполне объяснимо: как бы чего не напортили. В результате у студентов складывается впечатление, что они неполноценные специалисты, что, в конечном итоге, подрывает их уверенность в себе.

Отметим и краткосрочность данных видов практик: действительно, вряд ли можно приобрести опыт за непродолжительное время.

Довольно распространена в последнее время практика участия студентов в бесплатных юридических консультациях, которые создаются при организациях высшего юридического образования. Недостатком, на наш взгляд, этих консультаций является то, что они не охватывают весь контингент студентов данной образовательной организации: там, как правило, работают максимум человек 10–15.

Более того, в консультациях работают студенты с разных курсов, что также сказывается на качестве приобретения практических навыков: действительно, например, студент 2 курса вряд ли сможет дать обоснованную консультацию по финансовому или налоговому праву, так как на этом курсе он не изучал эти отрасли права.

В последние 10 лет в праве стало развиваться новое направление — практическая (прикладная) юриспруденция. В организациях высшего образования разрабатываются учебные программы по практической юриспруденции, создаются кафедры практической юриспруденции.

На наш взгляд, недостатком этого направления является его изолированность от теоретической составляющей процесса обучения: иными словами, данные программы и кафедры существуют самостоятельно, отдельно от процесса обучения по основной дисциплине (например, трудовое или гражданское право).

Мы предлагаем иное решение проблемы безболезненного перехода от обучения к будущей работе, которое состоит не в отказе от традиционных способов, которые практикуются в организациях высшего образования, а в использовании новой методологии, которая бы включала бы их, но в совершенно ином ракурсе: исходя из главенства практики правоприменения, а не теоретических вопросов.

Естественно, подобный подход будет возможен при изменении законодательства и актов образовательных организаций высшего образования.

¹ См., например, Сабирова Л. Л. Особенности юридического консультирования студентов в системе высшего профессионального образования // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 1.

² См., например, Аллахвердиев А. Хатаи оглы. Прикладная юриспруденция: опыт осмысления научных подходов // Образование и право. 2020. № 5.

Исторически все науки подразделяются на социальные и естественные.

Юриспруденция относится к социальным наукам.

Методология социальных наук отличается от методологии прикладных естественных наук, то есть она теоретизирована, так как социальные науки выделились из философии лишь только в середине 19 века.

С тех пор предпринимаются попытки создать методологию социальных наук по принципу методологии прикладных естественных наук. Однако это не совсем удастся, так как прикладные естественные науки используют эксперимент, который отсутствует в социальных науках.

Так называемая теория социального эксперимента, по нашему мнению, носит *исключительно субъективный* характер и не может быть приравнена к эксперименту в естественных науках, например, разделению ядра или выделению электронов.

Мы предлагаем рассматривать практику правоприменения как базу для теоретизации в процессе обучения.

Охарактеризуем предлагаемую реализацию новой методологии на конкретных примерах из трудового права.

В настоящее время акцент в преподавании трудового права приходится на изучение положений трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Более того, практически вся Общая часть отрасли трудового права — это в значительной степени теоретические положения, причем ряд научных категорий прямо закрепляется в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее — ТК РФ), например, понятие социального партнерства.

Процесс обучения в современных условиях ориентирован на анализе этих общих положений, что в реальности выливается в то, что студенты в зависимости от требовательности преподавателя либо читают на семинарах Трудовой кодекс Российской Федерации¹ либо пересказывают его близко к тексту.

Считаем, что этот подход не является эффективным.

Действительно, зачем работодателю нужны выпускники, которые могут свободно рассуждать, например, о предмете, методе, системе трудового права, но не в состоянии эффективно решить ту или иную практическую задачу.

Или охарактеризуем иной аспект проблемы: студент знает содержание статьи 81 ТК РФ «Расторжение трудового договора по инициативе работодателя» и требования Верховного Суда Российской Федерации по реализации этой статьи. Однако жизненные ситуации гораздо более сложные, чем закрепленные в ТК РФ, а вот многоаспектность и сложность как раз и уходят за рамки преподавания.

Во главу угла новой методологии обучения мы предлагаем поставить требования практики правоприменения, тем самым приблизив эту методологию к методологии естественных наук.

Под практикой правоприменения мы понимаем решение трудовых споров как индивидуальных, так и коллективных, а также кадровый и электронный документооборот.

Приведем ряд конкретных примеров для доказательства рациональности предлагаемого подхода.

Сначала целесообразно проводить семинар по теории (изложение положений ТК РФ), а следующий семинар, уже исходя из практики правоприменения: теория и практика постоянно чередуются при признании доминирования практики.

Первая тема курса «Трудовое право» во всех организациях высшего юридического образования традиционно посвящена вопросам предмета, метода, системы трудового права, его отграничения от других смежных отраслей права.

На лекции и семинаре анализируется, в частности, статья 1 ТК РФ, в которой закрепляются 10 отношений предмета трудового права, самым основным из которых является трудовое отношение.

Мы предлагаем построить лекционное или семинарское занятие по следующей схеме:

1. Анализ трудовых споров по вопросам трудовых отношений.
2. Трудовые отношения в аспекте электронного документооборота.
3. Кадровое делопроизводство и трудовые отношения.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. I, ст. 3.

В процессе анализа правоприменительной практики целесообразно использовать и ТК РФ. Охарактеризуем каждый элемент занятия более детально.

В индивидуальных трудовых спорах по вопросам трудовых отношений особенно важно выделить признаки трудовых отношений для защиты, как правило, интересов работника: довольно часто недобросовестные работодатели сознательно заключают с работником гражданско-правовой договор, хотя фактически существуют трудовые отношения. Делается это для того, чтоб избежать распространения норм ТК РФ на подобных работников, так как гражданское законодательство не предусматривает, например, предоставление отпусков, своевременно выплаченную заработную плату. Студенты на семинаре анализируют ряд трудовых споров по данной проблематике¹. При этом студенты не просто читают решения судов, но и отвечают на вопросы по ним, обращая, прежде всего, внимание на обстоятельства дела, юридические факты, логику изложения материала, доказательственную базу.

Преподаватель задает вопросы по каждому элементу того или иного трудового спора.

Мы не отрицаем необходимость использования практикумов, но лишь только после подобного детального разбора трудовых споров.

Большое значение в работе практикующего юриста в сфере трудового права имеет кадровое делопроизводство, которое связано со способностью юриста разработать тот или иной локальный нормативный акт, коллективный договор, а также со способностью к анализу их содержания.

На семинаре студенты разрабатывают, например, Правила внутреннего трудового распорядка, регламентирующие в том числе и трудовые отношения.

В вопросах определения содержания правового регулирования трудовых отношений большое значение имеют и коллективные договоры. Студенты на семинарах анализируют положения коллективных договоров о трудовых отношениях, делая выводы о соответствии их требованиям трудового законодательства. Следует отметить, что коллективные договоры могут содержать положения, которые отличаются от действующего законодательства.

В последнее время новой инновационной тенденцией является использование электронного документооборота. Обучающиеся на занятии составляют электронный трудовой договор, определяя его значение как основания трудового отношения.

Наивысшей формой практикоориентированного подхода мы считаем дискуссию в группе по вопросам трудового права с точки зрения судебного разбирательства.

Действительно, как в трудовом законодательстве, так и в коллективных договорах и локальных нормативных актах содержатся различные противоречия, которые находят свою реализацию в практике правоприменения. На семинаре возникает дискуссия по поводу этих противоречий и возможности их использования для защиты трудовых прав работника или работодателя. Действительно, трудовые отношения по существу регулируются не только трудовым законодательством, но и коллективными договорами и локальными нормативными актами.

Необходимо также отметить роль и значение учебной и производственной практики в аспекте новой методологии обучения. Практиканты уже изначально будут обладать после подобных семинаров и лекций практическими навыками, например, по составлению документов электронного или кадрового документооборота, решения индивидуальных трудовых споров. Ввиду чего и отношение к ним в организациях будет совсем иное.

Программы по практической (прикладной) юриспруденции целесообразно не отделять от программ по той или иной отрасли права, а включать их положения в программы по этой отрасли права, исходя из предмета регулирования.

Таким образом, необходимо констатировать наличие проблемы в сфере высшего юридического образования, которая состоит в разрыве между обучением и требованиями будущей работы. Подобное противоречие возможно разрешить посредством реализации новой методологии обучения, когда практика правоприменения в обучении будет ставиться во главу угла, а каждое теоретическое занятие будет чередоваться с занятием, связанным с анализом практики правоприменения.

¹ Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 16 сентября 2015 года по делу № 33-13027/2015; Апелляционное определение Московского городского суда от 10 сентября 2015 года. № 33-32619/15; Апелляционное определение СК по гражданским делам Тамбовского областного суда от 2 сентября 2015 года по делу № 33-2571/2015; Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 2 сентября 2015 года по делу № 33-12368/2015.

Тимченко Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры судебной экспертизы Национального ис-
следовательского Нижегородского государствен-
ного университета имени Н. И. Лобачевского

Совершенствование юридической подготовки судебного эксперта

Профессиональная деятельность судебного эксперта предполагает использование специаль-
ных знаний в той или иной сфере деятельности (кроме юридической) для установления факти-
ческих данных, необходимых в целях правильного разрешения дела в суде или на досудебной
стадии.

На первый взгляд юридические знания судебному эксперту не нужны. Однако, на самом деле
это не так. Не имея достаточных юридических знаний, эксперт не в состоянии правильно понимать
свою роль в судебном процессе, свои задачи, права и обязанности и ряд других обстоятельств,
связанных с производством судебной экспертизы.

Неслучайно, поэтому Федеральный государственный образовательный стандарт высшего обра-
зования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, утвержденный приказом
Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31 августа 2020 года №
1136, предлагает учебным заведениям включать в обязательную часть программы специалитета
изучение таких юридических дисциплин, как теория государства и права, уголовное право, уголов-
ный процесс, гражданское право, гражданский процесс, административное право, криминалистика.

Таким образом, юридическая составляющая является важным элементом подготовки судебных
экспертов. Как справедливо отмечают С. Б. Глушаченко, Л. В. Метелева, Э. В. Морозова: «Юри-
дическое образование в России необходимо развивать и расширять в интересах общества и го-
сударства, это окажет положительное влияние на повышение уровня правосознания и правовой
культуры граждан»¹. Полагаем, что судебный эксперт не является исключением, именно он должен
обладать высоким уровнем правосознания и правовой культурой.

Относительно роли юридического образования представляет интерес точка зрения А. А. Ва-
сильева, Е. А. Куликова, Д. Шпоппера, согласно которой: «Для юридического образования всегда
были характерны элитарность и корпоративность. Эти его особенности обусловлены характером
юридической профессии, замкнутостью и даже своеобразной кастовостью отдельных ее разно-
видностей, а также спецификой деятельности юристов, когда зачастую на карту поставлены чело-
веческие судьбы, по меньшей мере, материальное благополучие человека»². По нашему мнению,
данную характеристику юридической профессии можно в полной мере распространить и на про-
фессию судебного эксперта.

Таким образом, без юридических знаний профессия судебного эксперта немыслима. Вме-
сте с тем образование юриста и судебного эксперта преследуют различные цели, что обу-
словлено их профессиональной деятельностью. Так, в проекте приказа Министерства труда и
социальной защиты Российской Федерации «Об утверждении профессионального стандарта
«Специалист в области судебной экспертизы» (подготовлен Минтрудом России 28 декабря
2022 г.) видом профессиональной деятельности судебного эксперта называется: экспертное
обеспечение судопроизводства, оперативно-розыскных мероприятий, следственных и про-
цессуальных действий, предусмотренных законодательством, адвокатской деятельности и
граждан. Основная цель профессиональной деятельности судебного эксперта в этом доку-
менте определена как: оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, произ-
водящим дознание, следователям, адвокатам, гражданам в установлении обстоятельств по-
средством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники,
искусства или ремесла.

¹ Глушаченко С. Б., Метелева Л. В., Морозова Э. В. Высшее юридическое образование в Российской Фе-
дерации // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2019.
№ 191. С. 12.

² Васильев А. А., Куликов Е. А., Шпоппер Д. Высшее юридическое образование в России: некоторые со-
временные тенденции, проблемы и перспективы развития // Российско-Азиатский правовой журнал. 2019.
№ 1. С. 5.

Именно исходя из вида и цели профессиональной деятельности судебного эксперта необходимо определять объем, содержание и направленность его юридической подготовки. Другими словами, юридическая подготовка юриста и судебного эксперта различаются. Как справедливо отмечает Е. Р. Россинская: «Подготовка судебного эксперта — это не механическое соединение двух образований, одно из которых юридическое, а комплексное интегративное образование, позволяющее обучающемуся приобрести необходимые профессиональные компетенции, тогда как отдельно взятые два образования не позволяют сделать этого, сформировать экспертное мышление»¹.

Таким образом, образование юриста и судебного эксперта предполагает изучение не только различных юридических учебных дисциплин, но и профилирование их содержания исходя из вида и цели профессиональной деятельности. Относительно перечня юридических дисциплин, которые необходимо изучать в процессе подготовки судебного эксперта, существуют различные мнения.

Перечень юридических дисциплин, которые должны изучаться в обязательном порядке, определен Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза. Однако могут изучаться и другие юридические дисциплины. Так, по мнению В. Н. Хрусталева, «юридические знания будущего судебного эксперта должны... формироваться в результате преподавания таких юридических дисциплин, как Теория государства и права, Уголовное право, Уголовный процесс, Криминология и Основы оперативно-розыскной деятельности»².

Как видим, автор, по сути, предлагает дополнить перечень юридических дисциплин, подлежащих обязательному включению в программу подготовки судебных экспертов исходя из требований образовательного стандарта, еще двумя дисциплинами «Криминология» и «Основы оперативно-розыскной деятельности».

По мнению Т. Ф. Моисеевой, «...подготовка судебного эксперта должна состоять из следующих компонентов: базовой специальной науки, науки «судебная экспертиза» и процессуальных и организационных основ судебно-экспертной деятельности».³ В данном случае автор ограничивает юридическую подготовку судебного эксперта изучением процессуальных основ судебно-экспертной деятельности. С таким подходом мы согласиться не можем уже в силу того, что Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза — предусматривает включение в обязательную часть программы специалитета по этой специальности изучение не только процессуальных юридических дисциплин.

Могут существовать и другие подходы относительно набора учебных дисциплин, обеспечивающих юридическую подготовку судебного эксперта.

По нашему мнению, требования образовательного стандарта в части перечня юридических дисциплин, подлежащих включению в обязательную часть программы подготовки судебного эксперта, должны быть выполнены в полном объеме. Что же касается целесообразности изучения и других юридических дисциплин, то здесь целесообразно исходить из необходимости формирования у выпускников компетенций, установленных вышеназванным Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования. Изучение юридических дисциплин необходимо для получения следующих общепрофессиональных компетенций, предусмотренных стандартом:

ОПК-3. Способность оперировать основными общеправовыми понятиями и категориями, анализировать и толковать нормы права, давать юридическую оценку фактам и обстоятельствам.

ОПК-4. Способность составлять процессуальные и служебные документы.

ОПК-5. Способность применять нормы материального и процессуального права в точном соответствии с правовыми принципами и действующими нормативными правовыми актами с учетом специфики отдельных отраслей права.

¹ Россинская Е. Р. История и современное состояние подготовки судебных экспертов в Российской Федерации // Судебная экспертиза Беларуси. 2019. № 1 (8). С. 5.

² Хрусталева В. Н. Какой вектор развития российской академической подготовки судебных экспертов определяет новый образовательный стандарт по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза»? // Теория и практика совершенствования правовых, научно-методических и информационных основ использования специальных знаний в судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Ф. Г. Аминев. Уфа, Башкирский государственный университет, 2020. С. 148.

³ Моисеева Т. Ф. Организационные и методические аспекты подготовки судебных экспертов // Правосудие. 2019. Т. 1. № 2. С. 162.

Очевидно, что для формирования вышеназванных компетенций, юридических учебных дисциплин, включаемых в обязательную часть программы подготовки судебного эксперта, недостаточно.

Так, для полноценного умения толковать нормы права и давать юридическую оценку фактам и обстоятельствам судебному эксперту необходимо, помимо дисциплин, подлежащих обязательно включению в программу подготовки, изучить такую дисциплину, как «Конституционное право». Полагаем, что без знания таких вопросов, как характеристика основ конституционного строя Российской Федерации, конституционно правовой статус человека и гражданина в Российской Федерации и ряда других, изучаемых в данной дисциплине, полное формирование общепрофессиональной компетенции ОПК-3 невозможно.

Необходимо расширить перечень изучаемых в обязательном порядке юридических дисциплин и для формирования общепрофессиональной компетенции ОПК-5. Отдельные отрасли права, компетенции в которых должны быть сформированы у судебного эксперта, в вышеназванном перечне не представлены. В частности, по нашему мнению, в процессе подготовки судебного эксперта необходимо изучать Трудовое право. Выпускники высших учебных заведений по специальности «Судебная экспертиза» — это потенциальные руководители государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций и их структурных подразделений. Поэтому знание вопросов правового регулирования трудовых отношений для них является обязательным. Кроме того, в предмет деятельности судебных экспертов-экономистов нередко входят вопросы установления фактических данных по делам о мошенничестве при начислении и выплате заработной платы, хищениях денежных средств под видом оплаты труда и другие, связанные с трудовыми правоотношениями. Поэтому при подготовке специалистов по программе «Экономические экспертизы», также необходимо изучение такой дисциплины, как «Трудовое право».

Необходимо отметить, что для формирования вышеназванных общепрофессиональных компетенций, связанных с изучением юридических дисциплин, следует обеспечить профилизацию под потребности специалистов в области судебной экспертизы. Как в лекционных курсах, так и заданиях для семинарских и практических занятий, целесообразно исходить из специфики задач, решаемых судебными экспертами и руководителями судебно-экспертных организаций и их структурных подразделений. В частности, необходимо углубленное изучение с разбором практических и проблемных ситуаций, возникающих при назначении первичных и повторных, комплексных и комиссионных экспертиз. Например, можно ли эксперту государственной судебно-экспертной организации участвовать в комиссии, создаваемой для проведения судебной экспертизы в негосударственной судебно-экспертной организации, может ли судебный эксперт самостоятельно собирать объекты исследования в форме микрочастиц, таких как следы выстрела на брюках, переданных на экспертное исследование и т. п.

Полагаем, что обычное изучение норм права безотносительно к специфике судебно-экспертной деятельности не будет эффективным.

Заслуживает внимания и вопрос получения юридических знаний при подготовке судебного эксперта в форме дополнительного профессионального образования. По мнению Т. Ф. Моисеевой: «дополнительное образование по судебной экспертизе может проводиться только для лиц, имеющих профильное фундаментальное образование по экспертной специальности, и включает несколько блоков: обязательное для всех специальностей изучение теоретических и процессуальных основ судебно-экспертной деятельности и специальные блоки по изучению экспертных методик конкретного рода и вида судебных экспертиз».¹ Полагаем, что данное мнение не соответствует реалиям экспертной практики, поскольку в качестве судебных экспертов далеко не всегда работают лица, имеющие профильное экспертное образование. Особенно это относится к области судебных химических, биологических, искусствоведческих и ряда других родов судебных экспертиз.

Относительно эффективности дополнительного экспертного образования представляет интерес мнение М. В. Жижиной: «...ДПО для работников экспертных учреждений Минюста России представляет собой эффективное сочетание теории и практики. Обучающиеся получают теоретические знания в виде лекций по основам материального и процессуального права, криминалистике и теории судебной экспертизы от ведущих ученых-преподавателей. Под руководством опытных и

¹ Моисеева Т. Ф. Организационные и методические аспекты подготовки судебных экспертов // Правосудие. 2019. Т. 1. № 2. С. 165.

квалифицированных наставников они осваивают научно-методическую и инструментальную базы, знакомятся с практикой проведения судебных экспертиз, выполняя учебные экспертизы».¹

Полагаем, что поскольку дополнительное экспертное образование нередко получают лица, не имеющие юридического образования, то на них необходимо распространить те же требования, что и для лиц, получающих образование по специальности судебная экспертиза в высших учебных заведениях как в части перечня, так и содержания юридических дисциплин, и также следует обеспечить профилизацию юридической подготовки под потребности судебных экспертов.

В заключение выражаем надежду, что наши предложения по структуре и содержанию юридической подготовки судебных экспертов позволят повысить эффективность их профессиональной деятельности.

Шабуров Анатолий Степанович,

доктор юридических наук, заслуженный работник
высшей школы России, действительный член ака-
демии военных наук Российской Федерации, про-
фессор Уральского государственного юридическо-
го университета имени В. Ф. Яковлева

Преподавание права в неюридических вузах Российской Федерации

Формирование гражданского общества и правового государства требует повышения уровня правовой культуры и правосознания всех участников социальной жизни. Особенно это касается руководителей разного уровня и высококвалифицированных специалистов, имеющих высшее образование.

И если подготовке высококвалифицированных специалистов непосредственно в юридических вузах уделяется достаточно внимания, то юридическая подготовка специалистов, получающих высшее образование неюридического профиля вызывает массу недостатков и нареканий.

Преподавание юридических дисциплин в неюридических образовательных учреждениях высшего образования — необходимое условие достижения надлежащего уровня правового сознания и достаточной правовой культуры для успешного решения специалистом своих профессиональных задач.

В условиях развития современного общества высшая школа должна готовить специалистов не только как профессионалов своего дела, но и как высоконравственных людей со сформированным правосознанием.

Изучение права в неюридических вузах заключается в том, что оно способствует решению не только образовательных, но и общественных и государственных задач: построение правового государства, становление гражданского общества, воспитание ответственного гражданина, его культурного развития, усвоение им гражданских прав и обязанностей, определение своего места в обществе.

При этом в правовом образовании необходимо специально определить задачи для всех тех, кто по роду своей деятельности заинтересован в юридических знаниях и в силу занимаемой должности обязан иметь необходимый уровень. «Сегодня ни одно сколько-нибудь значимое решение, — отмечает О. Е. Кутафин, — нельзя принять без программирования его на предмет соответствия праву. В противном случае гражданина или объединение людей ожидают самые разные неприятности материального или репрессивного порядка»². Например, в рамках трудовых отношений к работнику предъявляются не столько профессиональные знания соответствующего уровня, сколько требования той степени ответственности, профессиональной компетентности, которую он может продемонстрировать в конкретной обстановке, регламентируемой посредством социального регулирования и, прежде всего, в рамках правовой регламентации. Именно такой подход является одним из путей дальнейшего совершенствования и развития правового образования в учебном процессе неюридического вуза на современном этапе.

¹ Жижина М. В. Унификация и стандартизация подготовки судебного эксперта как необходимая составляющая реформы судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 70.

² Правоведение. Учебник для неюридических вузов / под ред. О. Е. Кутафина. Москва: Юрист, 2002.

Анализ научной литературы и опыта правового обучения в неюридических вузах позволил выявить ряд противоречий, затрудняющих это обучение и снижающих его эффективность. Среди них можно отметить противоречие между необходимостью (требованием) формирования у будущих специалистов активной жизненной позиции в социально-правовых процессах общества с одной стороны и неразвитостью их правового сознания — с другой.

Действительно, для большинства студентов неюридических вузов характерен невысокий уровень правовой политической подготовки, что связано с практикой школьного обучения.

Ограниченный объем учебных часов на изучение основ права в школьной программе дает отрицательный результат при выпуске из школы и создает проблему для многих студентов при обязательном изучении правовых дисциплин в вузе¹. Указанное противоречие усугубляется и характером правового обучения.

Во всех вузах, в том числе и в вузах неюридического профиля, предъявляются достаточно высокие требования к юридической подготовке выпускников — будущих специалистов. Однако, как показывает практика, далеко не во всех вузах и не по всем специальностям уровень их реализации в процессе обучения удовлетворяет требованиям практики.

С другой стороны, требовательность к правовой подготовленности будущих специалистов постоянно возрастает, но как показывает опыт уровень правовой подготовки будущих специалистов во многих случаях остается явно недостаточным для активной деятельности. Это объясняется недостаточной научно-методической подготовкой преподавателей, слабой разработанностью научно-методических основ преподавания и недостатком времени для их глубокого изучения. Научные исследования, проведенные рядом ученых, показывают, что в неюридических вузах этому не уделяется должного внимания: недостаточно разработаны педагогические цели и методические основы преподавания правовых дисциплин².

Введение ФГОС нового поколения (3+) привело к изменению целей, поставленных в рамках госзаказа, вызвало необходимость обучать специалиста и формировать его правовую культуру, опираясь на компетентностный подход, внедрение инновационных технологий, субъект-субъектные отношения и субординационные формы взаимодействия.

Однако пока существует несоответствие между учебными программами неюридических специальностей, которые не позволяют в достаточной мере сформировать высокий уровень правовых знаний, необходимых будущим специалистам.

Тематика формирования правовой культуры студентов неюридических специальностей в условиях принятия новых ФГОС (поколения 3+) еще практически не изучена и, к сожалению, в практике обучения традиционные формы пока лидируют по сравнению с активными и интерактивными.

Рассмотренные недостатки указывают на необходимость изменения и совершенствования основных форм организационного и методического планирования и практической реализации преподавания права в вузах неюридического профиля. В таких вузах необходимо введение курсов, которые сопровождали бы студентов на протяжении всего периода подготовки в вузе и выполняли бы базовую функцию при раскрытии специальных правовых тем в дисциплинах предметной подготовки.

Следует обратить внимание на то, что недостатки методического характера проявляются не только в процессе обучения, но и в практике контроля и аттестации знаний. Так, например, требования к правовой компетентности при итоговой аттестации выпускника неюридических вузов явно занижены.

В условиях технических и иных неправовых вузов достаточно подробно исследуются и преподаются технические стороны профессиональной деятельности. Правовые же вопросы при этом нередко вообще остаются в стороне. Такое положение возникло потому, что в процессе изучения и, соответственно, преподавания не выявлен и не проанализирован правовой потенциал и изучаемых предметов, рассматривающих различные стороны профессиональной деятельности и социальной действительности, направленных на закрепление именно правовых знаний. Внимательный анализ позволяет отметить, что именно организационно-правовые вопросы позволяют качественно выполнить необходимые требования. В самом общем виде имен-

¹ Егоров В. Е. Проблемы правового образования в неюридических вузах // *Фундаментальные исследования*. 2009. № 4. С. 64.

² Болонина С. В. Научно-методические основы преподавания правовых дисциплин в неюридических вузах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Москва, 2000.

но знание и выполнение основных прав и свобод обеспечивает эффективность социальной и профессиональной деятельности, а в конечном итоге, служит повышению уровня правовой культуры специалиста.

Конечно, в этих условиях нельзя сводить практическую деятельность к чисто правовым вопросам, превращая правоведение в курс правового обеспечения профессиональной деятельности. Подобный подход даже в условиях соблюдения законности не может обеспечить достаточно высокого уровня правовой и политической культуры, необходимой для формирования гражданского общества и правового государства.

Перед вузами стоит задача — подготовка будущих специалистов к жизнедеятельности в демократическом правовом государстве, умение применять нормы права в условиях рыночной экономики.

В современных условиях преобладающими в экономическом укладе являются рыночные отношения, что повышает роль права, правового регулирования и, следовательно, значимость правового обучения.

Назначение изучения права в вузах неюридического профиля заключается именно в том, что оно способствует решению не только собственно образовательных задач личностно-субъективного характера, но и важных общественных и государственных задач.

В целях культурного развития общества, усвоения гражданских прав и обязанностей, освоению своей роли и места в обществе правовое образование позволяет использовать реальные возможности защиты своих профессиональных прав, гражданских и политических прав и свобод¹.

По мнению М. Е. Жихаревича, правовые знания способствуют развитию личности, ее самоопределению и самореализации. Правовое образование как составная часть гражданского образования, призвано реализовать такие цели, как воспитание уважения к праву, формирование собственных представлений и установок, основанных на правовых ценностях общества, умение защитить права и законные интересы личности, способность мыслить и действовать в сложных жизненных обстоятельствах, анализировать для этого соответствующие правовые нормы².

В процессе обучения обучающийся должен приобрести систематические правовые знания, овладеть конкретными знаниями в сфере права, быть способным к творческому мышлению и деятельности в ситуациях с непредзаданным результатом.

Но как обратила внимание в своей диссертационной работе С. В. Болонина, в неюридических вузах недостаточно разработаны педагогические цели и методические основы преподавания правовых дисциплин. Поэтому неслучайно именно этим вопросам нередко уделяется недостаточно внимания в процессе преподавания.

Пока же, как показывает практика преподавания, проблему представляет слабость правовой подготовки будущих специалистов. В преподавании права в неюридических вузах есть определенная специфика. Если в специальных высших юридических учебных заведениях преподаватель имеет глубокие знания в определенной отрасли права, при преподавании определенной дисциплины он доводит до сознания студентов не только научно-теоретические положения, но и практику применения правовых предписаний соответствующей отрасли права.

Иное методическое положение преподавателя права, степень его правовой компетентности при преподавании курса «Правоведение» в неюридическом вузе. Преподавая этот курс, он должен быть универсален, ему необходимо знать и излагать студентам не одну какую-либо отрасль права, а содержание всех соответствующих отраслей системы, входящих в образовательную программу. Преподаватели, естественно, основное внимание уделяют вопросам подготовки специалиста определенной сферы деятельности, ее правового регулирования. Отсюда и преимущественное отведение времени и учебного материала определенной отрасли права. Естественно, что, например, будущему работнику сферы торговли более значимы вопросы гражданского, нежели семейного, либо административного права. Но такой подход в значительной степени ограничен, ибо не обеспечивает цели правового регулирования.

¹ Егоров В. Е. О значении изучения права в неюридических вузах и факультетах (к вопросу о методике преподавания курса «Правоведение» // Актуальные проблемы совершенствования подготовки специалистов: материалы научно-методической конференции 24 февраля 2004 г. Псков, 2004. с. 37.

² Жихаревич М. Е. Гражданско-правовое образование как фактор обновления российской школы // Правоохранительная деятельность в Псковской области: История и современность: материалы третьей межведомственной научно-практической конференции 24 апреля 2001 г. Псков: Инфопресс, 2001. С. 141.

Цель правового обучения и воспитания в неюридическом вузе будущих специалистов состоит не только в том, чтобы усвоить определенный комплекс знаний соответствующей отрасли права, связанной с будущей профессиональной деятельностью, а сформировать активную жизненную позицию в правовой, экономической, и трудовой сфере, а также в повседневной жизнедеятельности.

Поэтому правовая подготовка специалистов любого профиля выступает как необходимый фактор повышения их деловой квалификации.

Внедрение Федерального государственного образовательного стандарта нового поколения (3+) привело к изменению целей, поставленных в рамках Госзаказа, вызвало необходимость обучения специалиста и формирования его правовой культуры, опираясь на компетентностный подход, внедрение инновационных технологий с субординацией активных и интерактивных форм преподавания. Но к сожалению, эти новые формы внедряются медленно, и на практике пока лидируют традиционные формы. При этом в условиях принятия новых ФГОС (поколения 3+) практика формирования правосознания, направления формирования и внедрения правовой культуры работников неюридических специальностей пока не разработана в необходимой степени.

Кроме того, решение задач правового воспитания и обучения в неюридических вузах затрудняется и практикой методического характера.

В настоящее время правовое образование в неюридических вузах осуществляется в рамках общеобразовательной дисциплины «Правоведение». В государственном образовательном стандарте эта дисциплина включалась в базовую часть гуманитарного цикла и является обязательной для освоения. Однако набор дисциплин, относящихся к базовой части программы бакалавриата образовательные организации определяют самостоятельно. Как правило, учебные заведения в качестве базовых дисциплин устанавливают философию, историю, иностранный язык и безопасность жизнедеятельности. «Правоведение» же, как предмет, нередко отнесен в вариативной части программы. А это непосредственно сказывается и на содержательной стороне, и на времени изучения предмета.

Как показывает практика, включение «Правоведения» в образовательную подготовку зависит непосредственно от вуза, от юридической компетентности его преподавателей, уровня их правовой культуры. То есть в современных условиях в целях повышения уровня правовой подготовки выпускников технических вузов необходимо на государственном уровне решить вопрос о месте, роли, объеме и формах преподавания предмета «Правоведение» в рамках установленных государственных стандартов. При этом не стоит забывать, что студент, будущий специалист является гражданином Российской Федерации, которую Конституция России определяет, как государство правовое. Но деятельность в правовом государстве невозможна без знания законов, выражающих интересы общества, определяющих гарантии прав и свобод граждан, дозволенного и запрещенного в интересах общества поведения. Неслучайно сегодня наблюдается тенденция возрождения системы патриотического воспитания на всех ступенях образовательного процесса.

Вопрос воспитания патриотизма нашел отражение в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года, пункт 2 статьи 2 которого закрепляет, что «воспитание — деятельность, направленная на развитие, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил, и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства».

Характеризуя роль правового обучения в технических вузах, Т. Д. Карлина и Т. Л. Соловьева подчеркивают: «Высокая правовая культура, гражданская ответственность позволит будущему инженеру выполнять не только роль связующего звена между наукой и техникой, но и активно участвовать в жизни общества, правомерно используя предоставленные ему законом субъективные права и обязанности»¹.

Однако, как показывает практика, в правовом воспитании и преподавании в неюридических вузах имеются определенные проблемы. Специалисты, анализирующие вопрос юридической подготовки инженеров, отмечают, что «Уровень, правовой культуры и гражданской ответственности будущих инженеров крайне низок. Это объясняется отсутствием системы сквозного правового образования технических вузов, системы подготовки юридически грамотных технических кадров

¹ Карлина Т. Д., Соловьева Т. Л. Некоторые особенности преподавания юридических дисциплин в техническом ВУЗе. Инновации в гражданской авиации. 2019. Т. 4. № 2. С. 4.

высшей квалификации. Неслучайно в соответствующих работах подчеркивается необходимость гуманизации и патриотизации высшего технического образования¹.

Ассоциация инженерного образования России разработала основные принципы национальной доктрины отечественного инженерного образования. Среди них важное место отводится принципу глубокой фундаментальной и методологической подготовки инженеров в сфере гуманитарного знания, духовной жизни человека и общества.

На решение этих задач направлены принимаемые в последнее время в России нормативные акты. Но, как показывает практика, реализации действующих правовых актов, сегодня очевидна оторванность существующей системы правового обучения в технических вузах от задач, стоящих перед государством².

Гук Павел Александрович,

доктор юридических наук, профессор кафедры правосудия Юридического института Пензенского государственного университета

Юридическое образование в высшей школе

Юридическое образование всегда считалось одним из престижных среди других видов высшего образования. Большие конкурсы для поступления обеспечивали отбор наиболее достойных абитуриентов, выдержавших вступительные экзамены. В основном юридическое образование осуществлялось в университетах на юридических факультетах, в юридических институтах (Саратовский юридический институт, Свердловский юридический институт, Харьковский юридический институт, ВЮЗИ), в специализированных учебных заведениях системы МВД, КГБ. По окончании курса выпускнику выдавался диплом с присвоением квалификации «Юрист» по специальности «Правоведение». Данная система юридической подготовки обеспечивала кадрами все сферы — правоохранительную, политическую, экономическую, социальную и была конкурентной в системе высшего образования. Наиболее достойные юристы поступали в аспирантуру для совершенствования своих знаний в научной деятельности, защищали диссертации и занимались преподавательской и научной деятельностью.

В начале 90-х годов с распадом Советского Союза произошла реформа всего высшего образования, в том числе и юридического. Появились по аналогии с западными направлениями подготовки студентов, бакалавриат и магистратура, юристов стали готовить по вновь созданным программам. Внесены изменения в нормативные акты, закрепившие такой уровень обучения. Юрист бакалавр считался специалистом с неполным высшим образованием, необходимо было поступать в магистратуру, после окончания присваивалась квалификация по юриспруденции, и выпускник мог претендовать на должность в правоохранительные органы при условии, что бакалавриат он окончил по юриспруденции. В магистратуру также поступали студенты не с профильным юридическим образованием (историки, педагоги, экономисты и др.), которым по окончании учебы выдавался диплом магистра по юриспруденции. Такое положение сохранялось до настоящего времени. После Указа Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 года № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»³ установлены уровни высшего образования: базовое высшее образование; специальное высшее образование и аспирантура. Реализация данного Указа предусматривает пилотные проекты в определенных Указом университетах. Для юридического высшего образования наступает новый этап подготовки юристов. Что будет представлять собой базовое высшее образование, специальное высшее образование, заменят они бакалавриат и магистратуру, или это будет новая форма обучения?

Конечно, с учетом сложившейся за десятилетия подготовки юристов следует сохранить основы преподавания для студентов по юриспруденции, поскольку сломать устоявшуюся систему подготовки высшего юридического образования было бы неразумно. По нашему мнению, следует на основе существующих систем подготовки с учетом современных подходов к пониманию права,

¹ Нудненко Л. А. Конституционное право России. Москва: Юрайт, 2021. С. 6.

² Юрьева Е. Н. Проблемы правоведческой подготовки в воспитании гражданской ответственности и патриотизма студентов технических университетов // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 5.

³ URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.08.2023).

правосознания, компьютерных технологий готовить юристов с современным пониманием права, его формирования и применения в правовой системе¹.

Как будет такая подготовка определена в программах, зависит от федерального закона, локальных актов Минобрнауки, университетов, но основная нагрузка ляжет на профессорско-преподавательский состав по формированию новых программ, дисциплин.

Базовое высшее юридическое образование — это первая ступень к познанию государства и права, их формированию, функционированию, применению в современных условиях. Поэтому базовые основы по дисциплинам: теория государства и права, история государства и права России и зарубежных стран, история политических и правовых учений, философия, — при подготовке юриста должны быть сохранены и преподаваться с учетом новых реалий в понимании, восприятии и применении права.

Так, существующая система подготовки юристов связана с изучением и применением нормативных правовых актов, но правовая жизнь настолько многогранна и динамична, что нормы права не всегда успевают за развитием общественных отношений, а поэтому регулировать такие отношения могут правовые позиции высших судов, судебная практика, договоры, доктрина. Такое сочетание форм права и их понимание вполне приемлемо в регулировании правоотношений, и может быть положено в основу теории права, а именно в понимание права, правосознание, правовую культуру, правоприменение.

Например. в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2008 года № 7-П и от 30 июня 2011 года № 13-П по делам о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан² судом сформулированы правовые позиции, содержащие правила о признании садового дома жилым в порядке установления факта по нормам гражданского судопроизводства, и регистрации гражданина в данном доме.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации сформировал определенность в правовом регулировании общественных отношений и выработал обязательные правовые позиции для правоприменителей. Знание и изучение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в учебном процессе позволит будущему юристу на практике их применять, аргументировать свою позицию. Такой процесс подготовки возможен на базовом этапе с последующим более углубленным изучением на этапе специального высшего юридического образования.

Вопрос об изучении судебной практики и ее технико-юридической природы поднимался на юридическом форуме «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования» в сентябре 2009 года в Нижнем Новгороде³. Данная методика используется в преподавании дисциплин: «Юридическая техника», «Правоприменительная деятельность», «Конституционно-правовые основы судебной и прокурорской деятельности» у студентов по программе специалитета «Судебная и прокурорская деятельность» и магистров по программе «Судебная, прокурорская, адвокатская защита». Поэтому вполне может быть включена в систему подготовки юристов как на базовом уровне, так и на специальном с более углубленным изучением юриспруденции.

Специальное высшее юридическое образование. Данное направление предполагает, на наш взгляд, специальную подготовку в юриспруденции, избранным студентом (уголовное, гражданское, административное, адвокатская, судебная, прокурорская, нормотворческая деятельность и т. д.), которое в настоящее время осуществляется по магистерским программам высшей школы. Трансформировав магистратуру в специальное высшее юридическое образование, мы получим специалиста по юриспруденции с более глубокими знаниями по выбранной им области права, нормотворческой, правоприменительной и судебной деятельности. Такая система подго-

¹ Вопрос о новом развитии теории государства и права, будущего права обсуждается в научной среде и идеи высказанные ведущими российскими учеными заслуживают всяческой поддержки и реализации в системе подготовки юристов в высшей школе. См. например: Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю. Г. Арзамасов, В. М. Баранов, Н. В. Варламова и др. Москва, 2016; Хабриева Т. Я., Черногор Н. Будущее права. Москва, 2023; и др.

² Собрание законодательства РФ. 2008. № 18, ст. 2089; 2011. № 27, ст. 3991.

³ См.: Гук П. А. Судебная практика и юридическая техника: вопросы преподавания // Ежегодник Юридическая техника. № 3. 2009. С. 151–154.

товки специалистов по юриспруденции не бесспорна, обсуждалась в юридической среде и имеет перспективные тенденции в реализации программ подготовки¹.

Выступая на X Петербургском международном юридическом форуме, председатель Конституционного Суда Российской Федерации Зорькин В. Д. отметил необходимость формирования такого универсального понятия права, которое диалектически соединяло бы в себе западный индивидуализм с восточным солидаризмом. Это сейчас одна из важнейших задач отечественной философии и теории права, потому что никто за нас этого не сделает². В связи с этим формирование нового понимания права во многом повлияет на существующее правопонимание и правоприменение, в том числе и судебное. При этом и подготовка юристов должна учитывать новые подходы в понимании и применении права. Это не только нормативные правовые акты всех уровней, но и правовые позиции высших судов, нормативные договоры, обычаи, доктрина, то есть основные формы права, изучаемые студентом юристом. Предпосылки сформировать новые направления в правоприменительной деятельности предлагаются научными и практическими работниками как в понимании права, правоотношения, так и судебного правоприменения³. Таким образом, закладывается новый уровень подготовки по юриспруденции формируемый научной доктриной для правоприменительной деятельности, которая важна для всех видов юридического процесса. Вопрос как она будет воспринята студентами, правоприменителями, получит ли закрепление в нормативных актах, концепциях, в правовых позициях высших судов, или доктринальные положения останутся на уровне дискуссий, научных исследований, а преобладающим останется позитивистский подход в формировании понимания права у студентов. Во всяком случае начинать необходимо со студенческой скамьи: изучать разнообразные возможности в регулировании правоотношений, при этом регулятором может быть не только закон, его норма, но другие формы — правовые позиции высших судов, договор, обычай, доктрина. Это и будет уровень подготовки сначала базового, а затем специального высшего юридического образования.

В настоящее время в высших учебных заведениях осуществляется подготовка юристов по программе специалитета: судебная и прокурорская деятельность, правоохранительная деятельность и т. д. Куда относить данную систему подготовки юристов к базовой или специальной. Вопросов возникает больше, чем ответов. Логичнее специалитет отнести к базовой подготовке юриста, с последующими углубленным получением знаний по программе специального высшего юридического образования.

Такая подготовка юриста займет как минимум 6 лет, но можно вернуться к более надежной и проверенной педагогической подготовке и практике обучения в высшей школе сроком 4 года и только на бюджетной основе с ограниченным количеством абитуриентов. Что это даст — количество перерастет в качество, поступать будут наиболее подготовленные и способные к освоению курса по юриспруденции.

При этом встает вопрос: «С каким юридическим образованием выпускник может работать в правоохранительных органах, суде, осуществлять адвокатскую, нотариальную, нормотворческую деятельность. Существующее законодательство, например, Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» не предполагает такую возможность претендовать на должность судьи с высшим юридическим образованием по программе специалитета «Судебная и прокурорская деятельность».

В настоящее время выпускаются данные специалисты, но их статус для судебной системы остается не определенным. Возможность работать в системе органов прокуратуры у них есть, изменения внесены в феврале 2020 года⁴, а вот стать судьей и отвечать требованиям, определенным в статье 4 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», претендент не может.

¹ См. например: Гук П. А. Подготовка специалиста в области нормотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 440–442; Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. Москва: РГ-Пресс, 2019.

² Зорькин В.Д. Право России: альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // Российская газета. 2022. 29 июня.

³ См. например: Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современного правового регулирования). Москва, 2018; Ершов В. В. Регулирование правоотношений. Москва, 2020; Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика. Москва, 2021; Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. Москва, 2021; Сырых В. М. Основы материалистической теории права. Москва, 2022; и др.

⁴ См.: О Прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 года (ст. 40.1). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В статье 119 Конституции Российской Федерации закреплено, что судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет.

Обучение в специалитете «Судебная и прокурорская деятельность» относится к высшему образованию группы специальностей «Юриспруденция», с присвоением квалификации «Юрист».

Поэтому назрела необходимость внесения дополнения в пункт 1 части 1 статьи 4 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» после слов «имеющий высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» дополнить словами: «по специальности Судебная и прокурорская деятельность». Это необходимо сделать уже в ближайшее время, поскольку подготовка юристов по этому направлению идет полным ходом, есть выпускники, иначе мы можем потерять специальную подготовку по данному направлению для судебной системы и бесперспективности выпускника стать в будущем судьей.

Конечно, с включением в нормативные акты базового и специального высшего юридического образования такая необходимость отпадет, и специалист с таким образованием может работать во всех сферах правовой системы, но реалии и динамика развития отношений диктует необходимость нормативного закрепления существующих систем подготовки юристов уже сейчас.

Еще один вопрос подготовки юристов в магистратуре. Прием в магистратуру по юриспруденции осуществляется как с базовым юридическим образованием (бакалавриат), так и с не профильным образованием. С целью повышения качества подготовки в магистратуре по юриспруденции, а это уже будет специальное высшее юридическое образование, следует ограничить прием студентов без базового юридического образования. Хочешь стать юристом — получай базовое и специальное высшее юридическое образования, этим обеспечится наиболее высокий уровень подготовки юристов в высшей школе, а юридическая практика станет стабильной, последовательной и предсказуемой в современных правоотношениях, поскольку будет осуществляться наиболее подготовленными специалистами высшей юридической школой.

Мазуренко Андрей Петрович,

доктор юридических наук, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин юридическо-
го факультета Северо-Кавказского федерального
университета, член Президиума Северо-Кавказ-
ского научного центра (г. Пятигорск)

К вопросу о направлениях нового этапа развития высшего юридического образования в современной России

Известно, что Президент Российской Федерации в послании Федеральному Собранию в феврале 2023 года предложил вернуться к традиционной для России базовой подготовке специалистов с высшим образованием. По его словам, согласно новой системе высшего образования сроки обучения в вузах будут варьироваться от четырех до шести лет в зависимости от конкретной профессии, отрасли и запроса рынка труда¹. На наш взгляд, не случайно, что первыми к реализации указанного предложения главы государства обратились именно юристы, направляющая роль которых в любом цивилизованном обществе бесспорна.

Актуальность поднятой проблемы хорошо иллюстрируется фразой, прозвучавшей на заседании Межвузовского мотивационно-просветительского форума «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации», состоявшегося 30 июня текущего года на базе Нижегородской академии МВД России: «Юристы определяют лицо страны, ее социума, гражданского общества...»². Как и большинство коллег, готов подписаться под этим заявлением, но с одной лишь оговоркой, что престиж юридической профессии за последние десятилетия сильно пострадал и его нужно поднимать.

¹ См.: Эксперты ПМЮФ на сессии АЮР обсудили вопросы юридического образования // News. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/283748774> (дата обращения: 23.08.2023).

² Из выступления Н. Ю. Кирюшиной на заседании межвузовского мотивационно-просветительского форума «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации» (Н. Новгород, 30 июня 2023 г.). Видеоматериалы форума. URL: <https://cloud.mail.ru/public/aTG5/8uDFnhf8F> (дата обращения: 03.07.2023).

Инициатором обсуждения проблем, вынесенных в название, выступил председатель Комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию С. В. Кабышев. Участникам форума он предложил обсудить модель высшего юридического образования, в которой главными составляющими выступают три «П»: правопознание, правдолюбие, патриотизм и прогрессизм¹.

По мнению парламентария, беспрецедентное давление на нашу страну предельно заострило внимание на застарелых проблемах в сфере образования, и мы не можем откладывать их решение. Необходимо действовать быстро, но при этом с умом². В принципиальном плане вопрос о качестве образования как одном из важнейших факторов национального развития был поставлен в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где сделан акцент на том, что развиваться система образования должна с учетом исторических традиций и опыта предшествующих реформ, а не путем насаждения чуждых идеалов³.

Нужно заметить, что проблемы реформирования отечественного высшего образования не первый год стоят во главе угла правовой политики государства. Так, выступая в прошлом году на Петербургском международном юридическом форуме, председатель СК РФ А. И. Бастрыкин заявил, что надо вернуться к отечественному образованию и его традициям: «*Российская наука и образование были всегда фундаментальны*»⁴.

На это же обращают внимание участники опроса. Так, на вопрос, является ли неперенным условием формирования профессиональных качеств юриста изучение фундаментальных юридических дисциплин — положительно ответили почти 60 % опрошенных. На наш взгляд, результаты этого экспресс-исследования подтверждают справедливое мнение С. В. Кабышева о том, что сверхдинамизм, углубляющаяся специализация права, расширение сферы правового регулирования, формирование комплексных правовых образований, повышение влияния на право социокультурных факторов, требуют усиления фундаментального начала в юридическом образовании⁵.

Полностью поддерживая приведенную точку зрения, хотелось бы обратить внимание и на другое утверждение в упомянутом опросе, набравшее значительно меньшее количество сторонников: «для профессиональной деятельности необходимо лишь глубокое изучение конкретной отрасли права, по которой будет специализироваться юрист»⁶. Как образно выразилась по данному поводу М. В. Баранова, подобная позиция указывает на желание студента получить «ремесленную подготовку» без фундаментальных знаний⁷. В этой связи весьма обоснованной выглядит позиция декана юридического факультета МГУ А. К. Голиченкова: «Как бы мы ни хотели подготовить юриста, который пришел и сел на рабочее место, это практически невозможно. А для ряда, особенно классических, университетов это и не нужно. Мы нарушаем исторический опыт. Классические уни-

¹ Из доклада С. В. Кабышева на заседании межвузовского мотивационно-просветительского форума «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации» (Н. Новгород, 30 июня 2023). Видеоматериалы форума. URL: <https://cloud.mail.ru/public/aTG5/8uDFnhf8F> (дата обращения: 03.07.2023).

² Агранович М. Глава комитета ГД: России нужна своя эффективная стратегия развития высшего образования. URL: <https://rg.ru/2022/06/22/glava-komiteta-gd-rossii-nuzhna-svoia-effektivnaia-strategiia-razvitiia-vysshego-obrazovaniia.html> (дата обращения: 23.08.2023).

³ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 07.07.2023).

⁴ На ПМЮФ провели сессию «Развитие юридического образования в Российской Федерации» // Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/news/na-pmyuf-proveli-sessiyu-razvitie-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 07.07.2023).

⁵ Из доклада С. В. Кабышева на заседании межвузовского мотивационно-просветительского форума «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации» (Н. Новгород, 30 июня 2023). Видеоматериалы форума. URL: <https://cloud.mail.ru/public/aTG5/8uDFnhf8F> (дата обращения: 07.07.2023).

⁶ Видеоматериалы форума «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации» (Н. Новгород, 30 июня 2023 г.). URL: <https://cloud.mail.ru/public/aTG5/8uDFnhf8F> (дата обращения: 07.07.2023).

⁷ Из выступления М. В. Барановой на заседании межвузовского мотивационно-просветительского форума «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации» (Н. Новгород, 30 июня 2023 г.). Видеоматериалы форума. URL: <https://cloud.mail.ru/public/aTG5/8uDFnhf8F> (дата обращения: 03.07.2023).

верситеты России всегда готовили юриста широкого профиля, который становился специалистом, уже выйдя из стен *alma mater*»¹.

Анализ данной точки зрения выводит нас на еще одну важную проблему, связанную с развитием системы отечественного высшего юридического образования. Здесь нам также будут в помощь результаты экспресс-опроса, один из вопросов которого звучал так: «необходимо ли обособить систему юридического образования, предусмотрев, что оно предоставляется только профильными юридическими вузами и ведущими университетами». Положительно на него ответили 64 % опрошенных, что явно подтверждает полностью разделяемую нами позицию В. В. Блажеева, который вполне резонно обращает внимание на то, что юридическое образование оказалось «размытым» между многими вузами, которые до этого им не занимались². На наш взгляд, это действительно проблема, требующая первоочередного решения в целях укрепления, и можно даже сказать, спасения, престижа профессии юриста.

Но не будем забегать вперед. Нельзя забывать, что поступлению абитуриента на юридический факультет предшествует процедура пресловутого ЕГЭ. В своих ответах на вопросы участников Межвузовского мотивационно-просветительского форума С. В. Кабышев неоднократно подтвердил, что существует устойчивый социальный запрос на отмену данного инструмента аттестации выпускников школ, желающих получить высшее образование, но так и не обозначил своей четкой позиции по данному вопросу. Хотя, на наш взгляд, ответ на поверхность. Достаточно проанализировать статистику суицидов среди одиннадцатиклассников с 2009 года (введения обязательного ЕГЭ), чтобы любому вменяемому взрослому человеку (родителю, учителю, министру, депутату) стало понятно, что данная форма аттестации не только неэффективна, но и социально вредна.

Не меньше вопросов вызывает и технология «натаскивания» будущих абитуриентов на вопросы так называемых КИМов. Введение ЕГЭ привело к значительному снижению уровня знаний среди старшеклассников. В настоящее время не все ученики 11-го класса знают, когда началась Великая Отечественная война или как рассчитать время пути автомобиля от пункта А до пункта Б при заданной скорости. Настало время признать, что эксперимент оказался неудачным³.

Сторонники сохранения ЕГЭ (в большинстве своем бывшие стипендиаты или получатели грантов различных западных фондов, типа Фонда Сороса «Открытое общество» или Фонда Гумбольдта и др.) в качестве средства оценки качества знаний выпускников упирают на то, что альтернативы единому экзамену нет, а существовавшая до его введения система поступления в вузы коррупциогенна. А разве не является латентной формой коррупционных отношений, распустившееся с 2009 года пышным цветом репетиторство по ЕГЭ учителями средних школ, доходы от которого, в большинстве своем, никакому налогообложению не подлежат? Согласимся, что вопросов здесь больше, чем ответов.

Представляется, что в деле изменения системы поступления абитуриентов в высшие учебные заведения, юридические вузы (факультеты) должны быть первыми. На наш взгляд, на основе обобщения предложений по совершенствованию системы итоговой аттестации выпускников общеобразовательных школ, Комитет по просвещению Государственной Думы должен выйти с инициативой о внесении поправок в Закон об образовании в части отмены процедуры ЕГЭ и замены его процедурой выпускных экзаменов по трем обязательным предметам (русский язык, математика и отечественная история), успешная сдача которых будет условием получения аттестата о среднем образовании.

В свою очередь, Комитет по науке и высшему образованию Государственной Думы должен внести свои предложения по замене ЕГЭ процедурой внутренних вступительных испытаний в вузах не более чем по двум профильным дисциплинам (для юридических вузов, например, обществоведение и русский язык). При этом набор вступительных экзаменов для каждой специальности (направления подготовки) должен быть единым для всех вузов страны, а проходной балл может

¹ На ПМЮФ провели сессию «Развитие юридического образования в Российской Федерации» // Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/news/na-pmyuf-proveli-sessiyu-razvitie-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 07.07.2023).

² См.: На ПМЮФ провели сессию «Развитие юридического образования в Российской Федерации» // Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/news/na-pmyuf-proveli-sessiyu-razvitie-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 07.07.2023).

³ См.: Отмена ЕГЭ и ОГЭ в 2023–2024 году: последние новости // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/ZH91bNHJf3DX1EIE?utm_referer=yandex.ru (дата обращения: 07.07.2023).

определяться ученым советом на уровне, не ниже установленного Министерством науки и высшего образования на очередной год.

Что же касается возможной коррупциогенности такой системы, то напомним сторонникам западных технологий в образовании о наличии в нашей стране развитой сети правоохранительных органов, призванных обеспечивать законность во всех сферах жизнедеятельности общества.

Если депутаты Государственной Думы сочтут, что подобные изменения нуждаются в проведении эксперимента, то пилотными учебными заведениями для него могли бы стать профильные юридические вузы России.

Но продолжим наши изыскания. Итак, абитуриент становится счастливым обладателем студенческого билета юридического факультета, начинается учебный процесс. Что, какие дисциплины должны оказаться в учебном плане и что за уровень образования будет предложен первокурснику? Отвечая на данный вопрос, вспомним известную пословицу: «все новое — это хорошо забытое старое». Поэтому считаем лишним «изобретать велосипед», а вместо этого предлагаем обратиться к классическим учебным планам юридических вузов доболонского периода, творчески их переосмыслить, провести всероссийский конкурс на лучший учебный план, исключив из него дисциплины типа «Основы социокультурной интеграции и адаптации» или «Тайм-менеджмент» и вернув «Латинский язык» и «Юридическую технику» для всех профилей (специализаций). Такой согласованный учебный план и должен стать основой учебного процесса во всех без исключения юридических вузах и на всех юридических факультетах страны.

Теперь об уровне образования. За годы господства Болонского процесса большинство вузовских педагогов старшего поколения, к счастью, так и не снизили уровень преподавания, несмотря на урезанные часы для лекционных и семинарских (практических) занятий, а также немислимые, плохо сочетаемые с правилами русского языка формулировки так называемых «компетенций», бесконечно изменяемых образовательных стандартов, ФОСы и другие «изыски» западной системы образования, позволяющие готовить тупых (без кавычек) министров и даже глав государств и правительств «передовых демократий» современного мира. Нам это не нужно, нам нужно другое.

Специалитет (5 лет очно / 6 лет заочно). Все сказанное выше в очередной раз является свидетельством достоинств системы отечественного высшего образования доболонской эпохи и подтверждением необходимости заимствования и творческой переработки методического наследия советской высшей школы. В данном смысле полностью согласны с прозвучавшими в выступлении В. А. Толстика предложениями об унификации высшего юридического образования, уходе от трехступенчатой системы подготовки выпускников¹. Полагаем правильным возврат к базовому уровню образования по специальности «Юриспруденция» во всех профильных вузах и классических университетах системы Минобрнауки и ведомственных вузах Минюста, а также единственной специальности «Правоохранительная деятельность» для ведомственных вузов МВД, ФСБ, СК, Генпрокуратуры.

Магистратура (2 года очно / 2,5 заочно). Учитывая, провозглашенные профильным комитетом Госдумы принципы совершенствования системы высшего образования в русле здорового рационального прагматизма и, в частности, принцип «не навреди»², полагаем вполне допустимым сохранение в системе высшего юридического образования второго (повышенного) уровня подготовки — в магистратуре. При этом уровень специалитета законодательно должен быть признан законченным высшим образованием, достаточным для замещения любых юридических должностей как в системе государственной и муниципальной службы, так и в бизнесе.

В этом смысле хотелось бы согласиться с В. В. Блажеевым, что «магистратура должна быть у тех вузов, которые в состоянии обеспечить качественное преподавание». Она должна давать дополнительные узконаправленные профессиональные знания, что комплексно повысит качество подготовки специалистов³. Как пример можно назвать программы подготовки по таким практико-

¹ Из выступления В. А. Толстика на заседании межвузовского мотивационно-просветительского форума «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации» (Н. Новгород, 30 июня 2023). Видеоматериалы форума. URL: <https://cloud.mail.ru/public/aTG5/8uDFnhf8F> (дата обращения: 03.07.2023).

² На ПМЮФ провели сессию «Развитие юридического образования в Российской Федерации» // Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/news/na-pmyuf-proveli-sessiyu-razvitie-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 07.07.2023).

³ Эксперты ПМЮФ на сессии АЮР обсудили вопросы юридического образования (12 мая 2023 г.). URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/283748774> (дата обращения: 07.07.2023).

ориентированным профилям, как «Адвокатура», «Нотариат», «Регистрация прав на недвижимость», «Международное частное право» и т. п. Руководить магистерской программой, как и программой аспирантуры, должны только доктора юридических наук. Обучение в магистратуре должно оканчиваться защитой магистерской диссертации. Обучение по программам специалитета — сдачей 2-х государственных экзаменов по «Теории государства и права» и по дисциплине специализации.

Аспирантура (3 года очно / 4 года заочно). Предлагается вернуть аспирантуре статус послевузовского образования по освоению конкретной научной специальности. Получение образования в аспирантуре должно строиться на иных принципах, нежели те, которые определяют порядок обучения студентов в высшей школе. Преимущественным способом обучения в аспирантуре должно быть обучение по индивидуальному плану. Вузам и научным организациям следует вести подготовку аспирантов в рамках научной, а не учебной деятельности вуза. Осуществляться такая подготовка (как и подготовка докторантов) должна на основании Закона «О науке и государственной научно-технической политике», в статьи 4.1 и 5 которого должны быть внесены соответствующие изменения.

Обязательным условием поступления в аспирантуру (как и в магистратуру) должно быть наличие базового образования по юриспруденции уровня бакалавриата либо специалитета (при поступлении в магистратуру) и специалитета либо магистратуры (при поступлении в аспирантуру).

Условия получения образования и порядок трудоустройства выпускников также являются важными факторами повышения престижа юридической профессии. Последние двадцать лет мы постоянно слышим упреки в переизбытке дипломированных юристов и остром дефиците квалифицированных юридических кадров. Одной из причин этого является предоставленная законом возможность получения юридического образования платно. Именно поэтому сегодня любой мало-мальски уважающий себя вуз считает делом чести иметь в своем составе юридический факультет. Юристов готовят все, кому не лень, потому что это приносит вузу немалый доход, а при таком подходе качество обучения неизбежно уходит на второй план.

Поэтому сложившаяся ситуация требует кардинальных изменений и, прежде всего, они должны коснуться условий освоения юридических образовательных программ в российских вузах. На наш взгляд, следует вернуться к практике подготовки молодых юристов преимущественно за государственный счет и на условиях целевого набора. Но здесь мы выходим на другую «болезненную» тему — порядок трудоустройства молодых специалистов. Если с целевиками все относительно ясно — они по договору с направляющей организацией или ведомством обязаны отработать определенное количество времени в направившей их на обучение организации, то с «бюджетниками» все намного сложнее.

В условиях командно-административной системы и господства государственной собственности на средства производства, обязательное распределение выпускников советских вузов считалось делом обыденным. Сегодня государственный сектор в экономике резко сократился, работодатели хотят самостоятельно выбирать себе наиболее квалифицированные кадры и в то же время не желают нести дополнительных расходов, связанных с социальной и материальной поддержкой молодых специалистов. Получается, мы снова сталкиваемся с ситуацией, при которой вопросов больше, чем ответов.

С одной стороны, государство тратит деньги налогоплательщиков на подготовку квалифицированных юристов и происходить это должно в публичных интересах: раз деньги государственные, то результаты обучения конкретного выпускника должны служить обществу и государству. То есть для замещения должностей государственной и муниципальной службы, требующих наличия высшего юридического образования, должны приниматься только лица, обучавшиеся за счет бюджета.

С другой стороны, в стране сложился обширный сектор частного предпринимательства (крупного, среднего, малого, индивидуального), который тоже требует определенного уровня правового обеспечения. И интересы этой части общества обязательно должны быть учтены при планировании набора в профильные вузы и на юридические факультеты. А это уже более сложная задача, требующая координации усилий целого ряда министерств и ведомств. В любом случае, планы приема на платные отделения юридических вузов должны быть строго обоснованы.

Высказанные нами предложения могут показаться слишком радикальными. Но, учитывая, что развитие высшего юридического образования в постсоветский период прошло большой (более 30 лет) путь, и результаты такого развития позволяют сделать вполне обоснованные аналитические выводы, одним из таких выводов должно стать заключение о необходимости создания в ре-

зультате нового этапа реформирования «жесткой конструкции» национальной системы юридического образования. Только такая конструкция позволит обеспечить устойчивость и эффективность этой системы на десятилетия вперед.

Скоробогатов Андрей Валерьевич,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

Скоробогатова Анна Ильдаровна,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогической психологии и педагогики Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

Юридическое образование в аксиологическом контексте

Правовая реальность России носит транзитивный характер, что проявляется во всех сферах жизни общества, которые в той или иной мере связаны с правом. Особенно это касается юридического образования. С одной стороны, на его развитие как организационно, так и содержательно влияет логика реформирования образовательной системы. С другой стороны, содержание юридического образования детерминировано господствующей теорией правопонимания, которая определяет интенцию и характер правотворчества и правореализации.

Юридическое образование мы рассматриваем в коммуникативно-конструктивистском контексте. С одной стороны, это — институализированный процесс трансляции правовой информации, целью которого является конструирование специалиста в сфере правовой коммуникации. С другой стороны, это — процесс восприятия, анализа, интерпретации и переработки адресатом транслируемой адресантом информации с учетом его индивидуального и социального правового опыта. При этом правовую информацию мы рассматриваем в широком смысле как систему знаний о правовых нормах и ценностях, реализация которых обеспечивает эффективное функционирование и поступательное развитие правовой реальности, а также системы умений и навыков, необходимых для целенаправленного воплощения в жизнь знаний и ценностей, опосредованного национальной аксиологической парадигмой.

Юридическое образование является одной из социокультурных ценностей¹. По большому счету юридическое образование — это процесс, в котором органически соединены обучение, учение и воспитание, в ходе которого формируется не только юрист-профессионал, но и юрист-личность². Это позволяет говорить о том, что в процессе юридического образования осуществляется не только профессиональная, но и общегражданская идентификация индивида³.

Однако в отличие от других ценностей юридическое образование выполняет роль аксиологической матрицы, поскольку имеет возможность непосредственно оказывать воздействие на ценностное содержание правовой реальности. Юрист в ценностном отношении призван не только проводить в жизнь установки закона и власти, но и взаимодействуя с гражданами непосредственно участвовать в поддержании правопорядка, соответствующего ценностным ориентациям не только первых, но и последних.

Юридическое образование производно от социокультурного контекста и является выразителем и воплощением нарративов определенного пространственно-временного континуума. Формирование юридического образования в России было связано с европеизацией «долгого» восемнадцатого века и явилось результатом рецепции опыта европейских средневековых юридических школ. Это опосредовало акцент целеполагания, прежде всего, на формирование правоприменителя,

¹ Manzo M. A. La influencia de la educación jurídica en la formación valorativa de los abogados // Academia. Revista sobre enseñanza del Derecho. 2008. No. 11. Pp. 149–165.

² Krieger L.S. Human Nature as a New Guiding Philosophy for Legal Education and the Profession // Washburn Law Journal. 2008. Vol. 47. Pp. 247–312.

³ Виноградова Е. В., Данилевская И. Л., Патюлин Г. С. Юридические наука и образование как элементы российской конституционно-правовой идентичности // Образование и право. 2022. № 6. С. 100–108.

рассматривающего право исключительно в инструментальном контексте. Ориентация юридического образования на конструирование государственных служащих в целом соответствовала и этатистскому архетипу российского правосознания. Лишь реформы Александра II несколько сместили акценты, впервые обозначив ценностную необходимость юриста как специалиста в сфере удовлетворения интересов гражданина. Однако революционные события начала XX века и приход к власти большевиков вновь вернули юридическое образование в этатистское русло.

С советского времени в нашей стране утвердилась нормативистская (юридико-позитивистская, этатистская) парадигма правовой системы и соответствующий ей инструментальный подход в юридическом образовании, который в целом сохраняется и в настоящее время. Несмотря на артикуляцию перехода к компетентностной парадигме в связи с введением в действие федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения, отказа от примата нормативности и инструментальности в юридическом образовании не произошло. Прежде чем перейти к анализу сущности аксиологического подхода в юридическом образовании, которое соответствует постклассической научной рациональности, постепенно завоевывающей позиции в отечественной гуманитаристике и юридической науке в том числе, рассмотрим сущность права с позиций позитивистского мировоззрения и особенности трансляции информации об этом в юридическом образовании.

Позитивистское мировоззрение определяет право как упорядоченное и уникальное целое, состоящее из рациональных, общих и абстрактных норм, вытекающих из принудительной и нормативной монополии государства. Следовательно, закон в целом воспринимается как порядок, то есть новая сущность, отличная от каждой из составляющих его норм¹.

С этой точки зрения правовая система основана на трех приписываемых ей фундаментальных характеристиках: единстве, согласованности и полноте. Первое из них — единство — приводит нас непосредственно к формальному понятию, то есть к тому, как нормы были установлены и созданы, насколько при этом соблюдались процессуальные и формальные правила юридической техники.

Вторая характеристика — согласованность (непротиворечивость, формальная определенность) — трактуется как невозможность существования несовместимых норм в правовой системе. Таким образом, совместимость нормы с правовой системой является необходимым условием ее действительности. Наконец, полнота подразумевает отсутствие пробелов и коллизий в законах, то есть целостность самой системы. Эти качества правовой системы позволяют нам представить существование права как автономного, объективного, абстрактного порядка, отделенного от социальной реальности, из которой оно исходит.

Таким образом, юридический позитивизм позволяет нам понимать право как «науку». Понятая таким образом, она предстает как конструктивистская и дедуктивная наука, имеющая, с одной стороны, свой объект познания — положительную норму, а с другой — особый метод — юридическую догматику, позволяющую разработать понятия, которые извлекаются из самой правовой системы и которые по этой причине не могут быть поставлены под сомнение. Особенно это касается ситуации с легальными дефинициями.

Следовательно, посредством дедуктивной логической операции юрист должен решить, исходя из аналогичного применения норм, все возможные случаи, которые ему представляются, порождая, с одной стороны, интерпретацию, а вместе с ней и воспроизведение позитивного права через применение собственного герменевтического метода и, с другой стороны, сохранение монополии права как регулятивной системы.

Понятое таким образом позитивное право представляет собой максимальный инструмент контроля и генератора социального порядка.

Классическое юридическое образование в том виде, как оно сложилось в СССР, было призвано целенаправленно транслировать обучающимся информацию о сущности права в позитивистском ключе, преследуя задачу формирования профессионала, призванного своими действиями поддерживать правопорядок, сконструированный политической элитой, выступающей в роли адресанта. Юрист при этом выполняет роль адресата, который, получив необходимую правовую информацию, своими действиями по ее реализации способствует поддержанию правопорядка.

¹ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: Изд-во СГАП, 2001. 416 с.

В соответствии с этим логика образовательного процесса в юридическом образовании, особенно на уровне бакалавриата, строится с заметным преобладанием юридической догматики и формированием позитивного правосознания. В соответствии с этим наблюдается диктат строго «юридических» дисциплин, вызывающий четкое разделение, а вместе с ним и девальвацию знаний, квалифицируемых как «внеправовые». Несмотря на их присутствие в учебных планах, особенно на первых курсах, их объем минимален и не позволяет в полной мере реализовать их мировоззренческие цели. В значительной степени обучающимися эти дисциплины рассматриваются как повтор уже услышанного в процессе получения общего образования и представляются совершенно ненужными для их профессиональной деятельности.

Преобладание инструментальной рациональности в юридическом образовании является одной из наиболее значимых его характеристик. Оно предполагает сведение юридических знаний к передаче и анализу правовых текстов. В первую очередь речь идет о текстах нормативных правовых актов. Что касается правоприменительных актов, то они рассматриваются в контексте законодательных. Таким образом, мировоззрение юриста сводится к одномерному анализу социальных конфликтов: применимость действующего законодательства к конкретному делу является способом «формального» решения правовых вопросов.

Сила формально-технической правовой модели заключается именно в рассмотрении права как «регулятивной системы», отходя от идеи быть «идеологическим инструментом». Следовательно, ценностные ориентации, которых придерживается юрист-правоприменитель, становятся невидимыми, смещая в область «внеправового» все виды размышлений относительно «экономических, политических и социальных последствий», вытекающих из применимости законов в судебной практике. Как следствие у обучающихся формируется некритическое правовое мышление, ориентированное исключительно на способность знать и применять закон в том виде, как он существует в силу своей легальности.

Только с переходом на ФГОС 3++ можно говорить, что стало уделяться внимание не только формированию профессиональных навыков, но и ценностным ориентациям будущих юристов¹. При этом речь уже идет не о конструировании отдельных правовых и социальных ценностей в сознании индивида, а о формировании профессиональной правовой аксиосферы, которую мы понимаем, как уникальное духовное образование, включающее в себя интериоризированные правовые ценности и ценностные ориентации, обеспечивающие идентификацию и бытие юриста в пределах пространственно-временного континуума. Это тем более важно в условиях ведущейся против России гибридной войны, которая носит экзистенциальный характер.

Опираясь на трактовку правовых ценностей как системы идей, правил и установок, которые определяют отношение субъекта (индивида, социальной группы, общества) к правовой реальности, правовую аксиосферу можно представить не только аксиологически, но и экзистенциально. Ее формирование и реализация связаны с творческими, коммуникативными, этическими, эмоциональными и другими аспектами личности человека, которые формируются в процессе вторичной правовой реализации. Если для большинства видов профессиональной деятельности вторичная правовая социализация связана с началом профессиональной деятельности, то применительно к юристам она происходит уже в процессе образования.

В структуре правовой аксиосферы можно выделить три уровня: (1) когнитивный, эксплицирующий ценностные представления человека о правовой реальности и своем месте в ней; (2) эмоциональный, выражающий эмоционально-ценностное отношение индивида к правовой и социальной реальности; (3) деятельностный, характеризующий склонность человека к определенному виду правового поведения.

Для формирования правовой аксиосферы будущего юриста необходима целенаправленная деятельность по формированию ценностных ориентаций юристов, адресная образовательно-воспитательная программа формирования аксиологических качеств личности юристов. Эта деятельность должна осуществляться как образовательной организацией, так и государством. С одной стороны, государство, издавая ФГОС, не только устанавливает отдельные компетенции, необходимые юристу в процессе профессиональной деятельности, но и определяет общую цель формирования ценностных качеств, характеризующих его экзистенцию и бытие как

¹ Кравец И. А. Юридическое образование и «умная образовательная юриспруденция» на службе построения достойного общества (российский и международный аспекты) // Юридическое образование и наука. 2022. № 9.

в профессиональной сфере, так и вне ее. Это предполагает обязательность в юридическом образовании предметов деонтологической направленности, прежде всего, профессиональной этики, что должно быть закреплено в содержании ФГОС. С другой стороны, в процессе юридического образования больше внимания должно уделяться ценностному содержанию юридических дисциплин и увеличению в программах юридических вузов и факультетов количества предметов общекультурной направленности. Однако вторая тенденция в настоящий момент реализуется не столько самим образовательным сообществом, сколько государством, которое ввело в обязательном порядке преподавание истории на всех специальностях и направлениях и увеличило часы, необходимые для этого¹. Речь при этом идет не только о формировании общей культуры человека, но и о конструировании ценностных ориентаций профессиональной направленности.

Это означает, что при сохранении компетентностной парадигмы образования происходит постепенное усиление аксиологического подхода не только к его содержанию, но и организации. Необходимость такой эволюции образовательного процесса связана с определением концептуальных основ и поиском аксиологического базиса формирования профессиональных ценностных ориентаций будущих юристов.

Аксиологический подход к организации и осуществлению образовательной деятельности позволяет акцентировать учебный процесс на развитии общечеловеческих, профессиональных и личностных ценностей студентов юридических вузов и факультетов, которые являются фундаментом для конструирования их внутреннего мира, устойчивой жизненной позиции и эффективной профессиональной деятельности².

В то же время необходимо отметить, что формирование ценностных ориентаций происходит в процессе изучения не только общекультурных, но и профессиональных дисциплин. Как показано выше, классическое юридическое образование было построено на формировании у обучающихся инструментального понимания права. С целью усиления ценностного восприятия права и правовой реальности необходимо не только больше внимания уделять вопросам правореализации, но и рассматривать этот процесс интегративно и коммуникативно. Конечно, полностью отказаться от инструментального понимания права в условиях нормативной правовой системы невозможно. Однако понимание того, что право в его законодательном выражении является процессом конструирования не только государства, но и общества, и носит не только легальный, но и легитимный характер, должно придать формируемым коммуникативным навыкам социальную направленность, ориентировать будущих юристов не только на вертикальную коммуникацию, но и горизонтальную. Этому может способствовать внедрение в образовательный процесс инновационных методов и подходов³ [8], в том числе использование в процессе обучения диалоговых, имитационных и креативных технологий, а также практика в юридической клинике при условии, что обучающийся будет не просто формулировать решение юридической проблемы гражданина на основе закона, а вникая в его проблемы, давать ему советы, которые могут быть востребованы в дальнейшем бытии индивида в правовой реальности и которые при этом должны соответствовать уровню правовых знаний и ценностных ориентаций последнего.

Таким образом, аксиологический анализ юридического образования как социокультурного феномена позволяет сделать вывод, что переход к постклассической рациональности обуславливает необходимость смены образовательных парадигм. В юридическом образовании должна быть окончательно утверждена в качестве цели формирование социально-активной личности юриста-профессионала, призванного обеспечить гармоничное развитие и функционирование правовой и социальной реальности.

¹ О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования: приказ Минобрнауки России от 19 июля 2022 года № 662: зарег. в Минюсте России 7 октября 2022 года № 70414. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.10.2022).

² Глушаченко С. Б., Метелева Л. В., Морозова Э. В. Высшее юридическое образование в Российской Федерации // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2019. № 191. С. 7–14.

³ Мажорина М. В. Юридическая инноватика и юридическое образование // Lex Russica (Русский закон). 2023. № 76 (4). С. 9–17.

Пашенцев Дмитрий Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры юриспруденции Университета Правительства Москвы

Юридическое образование в условиях смены технологического уклада

В современных условиях развитие юридического образования детерминировано рядом факторов, связанных с динамикой общественных отношений, с появляющимися новыми вызовами. Приспосабливаясь к трансформирующейся ситуации, система образования, несмотря на априори присущий ей консервативный характер, вынуждена меняться. Эти изменения сопровождаются дискуссиями, они не всегда отвечают чаяниям общества и приносят ожидаемые позитивные плоды.

Реформирование высшего образования в нашей стране продолжается более тридцати лет, и конца этим реформам пока не видно. Представляется, что любая реформа должна иметь четко поставленные цели, сроки их достижения, планируемый конечный результат, ответственных за его достижение конкретных лиц. Без всего этого реформа превращается в бессмысленную деятельность, осуществляемую ради самого процесса, а не его результатов.

Одним из важных факторов, существенным образом влияющих на развитие высшего юридического образования в современной России, выступает смена технологического уклада. Это явление представляет собой не простое появление новых, ранее не известных или широко не применявшихся технологий. Смена технологического уклада влечет перестройку всей системы общественных отношений, не только в экономике, но и в политике, социальной сфере, культуре. В области права смена технологического уклада инициирует переход к новому типу правовой культуры.

Экономической основой развития правовой культуры современного постиндустриального общества выступают пятый и шестой технологические уклады. Их влияние можно рассматривать как один из ключевых факторов, воздействующих на высшее юридическое образование.

Влияние смены технологического уклада на юридическое образование представляется комплексным, так как проявляется и в содержательных, и в формальных аспектах.

Содержание юридического образования в значительной степени определяется сочетанием существующих традиций, восходящих еще к первым европейским университетам и несущим национальную окраску, и практическими потребностями развивающейся правовой сферы общества. Можно говорить о постоянной борьбе традиций и новаций, классических подходов и новых тенденций. С этих позиций обучение будущих юристов латинскому языку, логике и риторике можно отнести к влиянию классики, которая все больше вытесняется современными трендами. В условиях цифровизации правовой сферы общества получают востребованность навыки и компетенции, связанные с компьютерными технологиями. Современный юрист по умолчанию должен владеть справочными правовыми системами, пользоваться цифровыми источниками правовой информации и современными компьютерными программами. В связи с этим невозможно представить современное юридическое образование без углубленного изучения общей и правовой информатики. Современные студенты-юристы изучают вопросы, связанные с нейросетями, искусственным интеллектом, квантовыми и биомедицинскими технологиями.

Содержательные трансформации юридического образования связаны с появлением новых профилей подготовки. Это относится и к бакалавриату, и к магистратуре, будет проявляться и при развитии программ юридического специалитета. Все большую востребованность получают такие направления подготовки, которые связаны с развитием современных технологий и необходимостью правового регулирования связанных с этим новых групп общественных отношений. Если в начале 2000-х годов по популярности у студентов лидировали такие профили, как, например, гражданское и банковское право, то сегодня можно говорить о возросшей востребованности информационного права, цифрового права, биомедицинского права, иных связанных с новыми технологиями специ-

ализаций. Например, в одном из ведущих юридических вузов московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина активно развиваются такие магистерские программы, связанные с современным технологическим развитием, как цифровое право, энергетическое право, право науки и новых технологий, медицинское право (биоправо) и т. д. В Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова функционируют такие магистерские программы, как «Информационные правоотношения в инновационной экономике», «Интеллектуальные права, искусственный интеллект и цифровые технологии». В связи с развитием искусственного интеллекта как одной из перспективных технологий, которой государство придает сегодня особое значение, можно ожидать появления соответствующих программ подготовки юристов.

«Технологизация» содержания юридического образования имеет и обратную сторону — возрастающая востребованность специалистов по новым технологиям несколько снижают приоритетный спрос на юридическое образование, сложившийся в постсоветский период. Например, в 2021 году в высших учебных заведениях Москвы наиболее востребованные специальности распределились следующим образом по числу поступивших на бюджет: информатика и вычислительная техника — 6 748, здравоохранение — 3 998, педагогическое образование — 2 534, электронная техника, радиотехника и связь — 2 487, экономика — 2 238, юриспруденция — 2 161¹. Таким образом, юриспруденция оказалась только на шестом месте, пропустив вперед, в числе прочих, две специализации технологического профиля. Но на платное обучение ситуация несколько иная. В этом случае речь может идти именно о предпочтениях абитуриентов, а не количестве выделяемых государством бюджетных мест. В том же 2021 году контрактные места распределились следующим образом: экономика — 6 417, юриспруденция — 5 294, менеджмент — 4 878, информатика и вычислительная техника — 4 162².

В 2023 году, по словам заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Чернышенко, «самыми популярными у абитуриентов направлениями стали информатика и вычислительная техника, педагогика и экономика, а также юриспруденция и менеджмент»³. Очевидно, что большую роль играют не только предпочтения самих абитуриентов, но и контрольные цифры приема, устанавливаемые государством. Ситуация несколько осложняется тем, что для поступления на многие специальности, получающие актуализацию в связи с переходом к новому технологическому укладу, школьники должны сдать единый государственный экзамен по физике и математике, а в современных условиях далеко не всем выпускникам школ это по силам. Приведем некоторые цифры. В 2023 году сдавали ЕГЭ по русскому языку, который является обязательным, 623 тысячи человек, профильную математику — 283 тысячи человек, обществознание — 270 тысяч человек, информатику — 113 тысяч человек⁴. Таким образом, каждый третий школьник (округленно) сдавал обществознание, необходимое для поступления на юридические факультеты, примерно столько же сдавало профильную математику, необходимую для поступления на широкий круг специальностей, включая точные, естественные, медицинские и т. д. Информатику сдавал только каждый шестой выпускник, но это больше, чем в предшествующие годы.

Можно предположить, что в перспективе доля выпускников школ, поступающих на юридические факультеты, будет постепенно сокращаться, а количество старшеклассников, выбирающих информатику, расти. В то же время юриспруденция не может быть существенно вытеснена информационными и цифровыми направлениями обучения, так как юридическое образование сегодня является достаточно универсальным в плане поиска работы. Например, крупнейший работодатель Москвы — это структуры управления мегаполисом, общий штат сотрудников которых составляет около 900 тысяч человек. Для такой работы юридическое образование вполне подходит, как и для всех, кто планирует делать карьеру на государственной службе. Востребовано оно и в сфере предпринимательства, а потому просто не может потерять своей актуальности несмотря на изменение контрольных цифр приема для желательного смещения баланса в пользу технических и информационных специальностей.

¹ URL: <https://vuz.edunetwork.ru/jour/16/> (дата обращения: 25.08.2023).

² URL: <https://vuz.edunetwork.ru/jour/16/#topic3> (дата обращения: 25.08.2023).

³ URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/09/05/993432-v-pravitelstve-nazvali-samie-vostrebovann-ye-u-abiturientov-vuzi> (дата обращения: 25.08.2023).

⁴ URL: <https://mel.fm/blog/mikhail-lantsman/69758-yege-2023-v-tsifrah-sredny-ball-po-raznym-premetam-stoballniki-dvoyechniki-i-ne-tolko> (дата обращения: 25.08.2023).

Возвращаясь к содержательным аспектам юридического образования, стоит отметить, что под влиянием смены технологического уклада в систему обучения юристов включаются не только новые направления подготовки, но и новые предметы. От выпускников юридических факультетов требуется сегодня владение целым рядом компетенций, непосредственно связанных с компьютерной грамотностью, с использованием справочных правовых систем и сети «Интернет», с общей цифровой грамотностью. Приобретают значение вопросы защиты цифровых прав граждан, интеллектуальной собственности, фиксации доказательств в сети «Интернет». В судебной системе цифровые технологии применяются все более широко, что требует от юристов соответствующих навыков. Например, в московских судах доступна подача документов в суд в цифровой форме, работа с материалами электронных дел, получение электронного исполнительного листа, некоторые другие сервисы. По информации РАПСИ, «в системе «Юнисервис» для глав судов разработан и введен в эксплуатацию специальный служебный модуль для автоматического выявления гражданских, административных и уголовных дел, по которым имелись признаки вмешательства в автоматизированную систему распределения дел при формировании состава суда для их рассмотрения»¹. Все это требует от юристов соответствующих знаний и умений, что, в свою очередь, влияет на содержание юридического образования.

В зависимости от профиля, юристу требуются самые различные цифровые и иные технологические компетенции: «IT-юристу — в сферах информационной безопасности, алгоритмики, возможно, программирования, управления IT-проектами, работы с нейросетью и искусственным интеллектом и пр.; договорному юристу все чаще нужно понимание в области цифровизации гражданского оборота, применения блокчейн-технологий, криптографии...»².

В перспективе влияние новых технологий на развитие правовой сферы общества, а следовательно, и на содержание юридического образования, будет только возрастать. Сегодня юристы все чаще говорят и пишут о предстоящей алгоритмизации права, о внедрении его машиночитаемых форм, о применении искусственного интеллекта в правотворчестве и при вынесении судебных решений. Коль скоро такие тенденции существуют, необходимо задуматься о подготовке юристов, хорошо разбирающихся в данной проблематике, обладающих соответствующими знаниями и навыками. В перспективе учебные планы юридических факультетов могут серьезно трансформироваться, и вместо многочисленных отраслевых дисциплин студенты начнут изучать цифровое право в его самых разных проявлениях. Важно, чтобы при этом не было потеряно главное, что отличает юридическое образование — представление о справедливости в праве, о фундаментальных правовых ценностях. Новые технологии не смогут вытеснить человека из правовой сферы; принятие главных и окончательных решений и в процессе правотворчества, и при правоприменении должно оставаться именно за человеком, а не за машиной.

Что касается формальной стороны юридического образования, то она тоже изменяется под влиянием новых технологий. Система высшего образования в последнее время хорошо узнала, что такое презентации, онлайн-лекции, дистанционное обучение. В период пандемии, когда переход на дистанционное обучение был вынужденной мерой, стало очевидно, что использование современных цифровых и иных технологий без живого контакта между преподавателем и студентами негативно влияет на качество образовательного процесса. Серьезно снизилось и прямое воспитательное воздействие на обучающихся. Увеличение времени, проводимого за компьютером, негативно сказалось на здоровье многих студентов. По этому поводу можно повторить вывод, сделанный ранее: «Использование цифровых инструментов в процессе обучения может существенно повысить его эффективность, способствовать формированию тех компетенций, которыми должен обладать современный высококвалифицированный специалист и образованный человек. В то же время чрезмерный упор на использование новых технологий, без достаточной адаптации, без надлежащего дозирования способен нанести очевидный вред и человеку, и обществу»³.

В целом, смена технологического уклада — эта та реальность, которая существенно влияет на все сферы жизни общества и каждого человека, и с этим приходится мириться. Задача состоит в том, чтобы при развитии системы юридического образования максимально использовать

¹ URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20230721/309081696.html (дата обращения: 25.08.2023).

² Мажорина М. В. Юридическая инноватика и юридическое образование // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 4. С. 14.

³ Пашенцев Д. А. Российское высшее образование в эпоху цифровых трансформаций // Образовательное право и правовое воспитание в условиях цифровых трансформаций. Москва, 2022. С. 26.

преимущества, которые дают новые технологии, и минимизировать выявляемые риски. Поэтому юридическое образование должно развиваться непрерывно, давать своевременные и адекватные ответы на возникающие технологические вызовы, не упуская при этом главного — оно существует в интересах человека.

Толстик Владимир Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Дебюрократизация высшего юридического образования — важнейшее условие повышения его качества

Не без сожаления следует констатировать, что в последние годы качество образования вообще и высшего юридического образования в частности, существенно снизилось и продолжает двигаться в том же направлении. Между тем негативные последствия указанной тенденции нельзя недооценивать и тем более игнорировать. Низкое качество образования в государстве сказывается сегодня и еще в большей степени будет сказываться в перспективе на поступательном развитии всех сфер общественной жизни, приводить к неизбежному технологическому отставанию, ослаблению безопасности и обороноспособности государства.

Изменение существующего негативного тренда предполагает необходимость выявления всей совокупности причин, детерминирующих негативные процессы в системе образования. В настоящей статье будет предпринята попытка проанализировать, как представляется, наиболее значимую причину, без устранения которой любые иные меры будут неизбежно обречены на неудачу. Речь идет о такой проблеме как запредельная забюрократизированность образовательных отношений. При этом рассмотрена она будет на примере высшего юридического образования.

В качестве рабочей гипотезы можно сформулировать тезис: «чем выше забюрократизировать образования, тем ниже его качество». Неслучайно на совещании с членами Правительства Президент России В. В. Путин потребовал обеспечить прорыв в дебюрократизации по всем направлениям работы¹.

Понимание специфики функционирования системы государственного управления позволяет сделать вывод, что, если о той или иной проблеме говорит Президент, это означает, что она не просто серьезная, а очень серьезная, и на нее более нельзя не реагировать.

Слово бюрократизм имеет два основных словарных значения, каждое из которых указывает на его негативную коннотацию: «1) управление, при котором деятельность органов исполнительной власти излишне осложнена и направлена на обеспечение ведомственных интересов в ущерб интересам общества, во вред ему; 2) канцелярщина, пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей»².

Функционирование любой системы управления внешне выражается посредством изначально задаваемого (дополняемого, изменяемого) перечня обязательных и факультативных документов (приказы, инструкции, регламенты, планы, программы, графики, комплексы, отчеты, рапорты и т. д., и т. п.). Сама по себе формализация управленческих отношений, в том числе в сфере образования, в определенной мере не только допустима, но и необходима. Однако в тех случаях, когда мера нарушается, возникает документальная избыточность, как закономерное следствие начинают возникать и различного рода негативные последствия.

Во-первых, это существенные материальные издержки. На разработку, доработку и переработку многочисленных документов (ОПОПы, РПД, ФОСы, матрицы компетенций, паспорта компетенций, индикаторы компетенций (это новая забава), локальные НПА в непомерном количестве,

¹ См.: Путин потребовал обеспечить прорыв в дебюрократизации по всем направлениям. URL: <https://tass.ru/politika/7691825> (дата обращения: 20.05.2023).

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1999. С. 66.

должностные регламенты и инструкции и другие), затрачивается очень много времени. В общей сложности — это немалые трудозатраты + бумага (тонны), заправка картриджей и другие.

Во-вторых, перманентная разработка и переработка, переделывание многочисленных документов порождают нервозность, напряжение в педагогических коллективах, складывается нездоровая обстановка, следствием которой является не только снижение качества производимого продукта, но и увольнение из образовательной организации, в том числе и высококвалифицированных кадров¹. Кроме прочего, забюрократизированность образовательных отношений — одна из весомых причин некомплекта, уровень которого Министр внутренних дел России В. А. Колокольцев в августе 2023 года квалифицировал как критический².

В-третьих, в процессе избыточной формализации образовательных (и не только) отношений происходит постепенное замещение (в отдельных аспектах вплоть до полной подмены) нужной, полезной и важной работы по подготовке высокопрофессиональных кадров, оформлением установленных и проверяемых пакетов документов. При этом последнее становится главным и определяющим, а первое (главное) — второстепенным, факультативным.

Говоря о существенных негативных издержках, порождаемых избыточным документооборотом, важно обратить внимание на один труднообъяснимый парадокс. Педагогических работников (профессоров, доцентов и других преподавателей) обязывают разрабатывать и перманентно перерабатывать огромное количество документов, которые абсолютно, по крайней мере, в таком количестве, никому не нужны. Они не нужны преподавателям, они не нужны обучаемым, они не нужны системе отечественного образования в целом. О том, что они никому не нужны знают все: и те, кто их делает, и кто обязывает их делать и те, кто проверяет — все это никому ненужное дело.

Возникают вопросы, как и почему такое возможно, и кто является бенефициаром?

Нормативной основой формализации образовательных отношений выступают федеральное законодательство (прежде всего Федеральный закон «Об образовании»), ведомственные акты (Минобрнауки России и иных министерств, имеющих в своем подчинении высшие образовательные организации), и многочисленные локальные акты.

Один из возможных вариантов ответа на поставленные вопросы можно найти, обратившись к любопытному выступлению на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по бюджету и налогам А. М. Макарова. Речь идет о его выступлении на деловом завтраке Германа Грефа, на котором традиционно присутствует политическая и бизнес элита России. Свой спич он начал следующим образом: Спокойно [на ПМЭФ] можно говорить [о грибах], потому что порядок заготовки грибов гражданами для собственных нужд устанавливается Законом субъектов Российской Федерации (...). Теперь, коллеги, консультация юристов для всех вас. Далее он процитировал нормы Закона Челябинской области от 15 июня 2007 года № 148-ЗО «О порядке заготовки гражданами пищевых лесных ресурсов и сбора ими лекарственных растений для собственных нужд», сопроводив их авторским комментарием: «Запрещается разгребать подстилку для сбора грибов, необходимо срезать у основания или осторожно выкручивать — запомните, это очень важно для последующего моего изложения. Следующая тема — диаметр шляпки заготавливаемых грибов (то есть предпринимательская деятельность) не может составлять для лисичек менее 1,5 см, а для груздей — менее 2,5 см. Ну, не надо думать, что это просто так. Дело в том, что, если вы это нарушили, то наступает административная, а если вы действительно заготовили, закрутили в банки и захотели продать на рынке, то есть занялись предпринимательской деятельностью, там уже — и это наша общая заслуга — может наступать уголовная»³.

В заключении им был сделан вывод: «Мы чемпионы мира не только по тем санкциям, которые ввели против нас, мы чемпионы мира по тем санкциям, которые мы накладываем на собственных граждан»⁴.

Приведенный текст в сатирической форме высмеивает абсурдность отдельных управленческих решений, но при этом ни в коей мере не дает ответа на поставленные выше вопросы.

¹ Разумеется, не только по рассматриваемой причине.

² См.: МВД критически не хватает личного состава. URL: <https://ria.ru/20230810/mvd-1889293603.html> (дата обращения: 30.08.2023).

³ См.: «Мы приняли кучу неэффективных решений» URL: <https://www.rbc.ru/finances/16/06/2023/648bf5679a79473f5fa97afd> (дата обращения: 30.06.2023).

⁴ Там же.

Полагаем, что приведенный выше парадокс имеет научное объяснение. Дело в том, что возникновение, развитие и функционирование любой управленческой структуры подчиняется вполне определенным закономерностям (законам), знание которых позволяет дать ответ на вопрос, почему принимаются решения, противоречащие интересам работников, самой организации, общества, государства и, наконец, здравому смыслу.

Изначально такие законы (закономерности) были в полушутливой форме сформулированы британским военным историком Сирилом Норткотом Паркинсоном на основе деятельности британских государственных учреждений, а затем неоднократно подтверждены эмпирически. Неслучайно научные достижения Сирила Паркинсона были отмечены присуждением звания почетного доктора права Мэрилендского университета в 1974 году и почетного доктора филологии Троянского университета штата в 1976 году¹.

Первый закон Паркинсона, в частности, гласит: «работа заполняет время, отпущенное на нее». Этот закон имеет движущие силы: а) чиновник стремится множить подчиненных, а не соперников; б) чиновники создают друг другу работу².

Определенную лепту в осмысление закономерностей эффективного государственного управления мы попытались внести, подготовив научную статью для пятых Бабаевских чтений, посвященных государственно-правовым закономерностям³.

В контексте настоящей статьи внимание важно акцентировать на следующем ключевом положении. В природе деятельности любой управленческой структуры объективно заложена ориентация не на интересы объекта управления (людей, их коллективы, общество, государство), а на ведомственные (внутрикорпоративные) интересы. При этом в подавляющем большинстве случаев, по крайней мере, когда речь идет о государственных институтах, формально декларируется безусловный приоритет первых.

Рациональный выход в такой ситуации может быть только один — создание механизмов внешнего ограничения корпоративной доминанты, предполагающий установление правовых (прежде всего законодательных) ограничений и запретов, и эффективного контроля за их неукоснительной реализацией. По сути, это частный случай механизма сдержек и противовесов, эффективное функционирование которого является одним из важнейших условий становления и развития правового государства, а его отсутствие либо сбои в нормальном функционировании неизбежно приводят к известным негативным следствиям.

Далее сосредоточим внимание на том, что способствует бюрократизации образовательных отношений и мерах, которые необходимо предпринять для противодействия этим деструктивным процессам.

1) Многоуровневая система высшего профессионального образования (бакалавр, магистр, подготовка кадров высшей квалификации).

Почему эта система плоха? Потому что абсурдна. Логична была советская система профессиональной подготовки кадров: начальное профессиональное образование (ПТУ) — готовили квалифицированных рабочих; среднее профессиональное образование (техникумы) — готовили кадры среднего звена) и высшее образование. Далее послевузовское образование (наука) — кандидат и доктор наук. Трудно представить, что может быть более рациональным для удовлетворения потребностей страны в квалифицированных кадрах⁴.

Что мы имеем сегодня? Если в магистратуру можно поступать не по специальности бакалавриата, то этот уровень нельзя рассматривать как следующую ступень высшего образования. Это нечто иное. Никакой связи в таком случае между бакалавриатом и магистратурой нет. Нелогичен и дуализм магистратуры. Не вполне понятно, кого готовим: ученого или практика. Как известно, за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь.

¹ См.: Википедия. Паркинсон, Сирил Норткот. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница (дата обращения: 30.06.2023).

² Там же.

³ См.: Толстик В. А. Закономерности эффективного государственного управления // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2013. С. 70–89.

⁴ Толстик В. А. Некоторые аспекты оптимизации образовательных программ // Трансформация образовательного пространства: вчера, сегодня, завтра: сборник статей по материалам учебно-методического сбора (г. Нижний Новгород, 13–15 декабря 2022 года) / под ред. А. В. Одиноквой. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2023. С. 106–118.

Достаточно посмотреть любую магистерскую программу, и мы увидим, что в ее содержание включено более половины предметов, которые не имеют к направленности данной образовательной программы ни малейшего отношения. Так, непонятно, зачем в ОПОП по специальности 40.04.01 Юриспруденция, профиль — деятельность по выявлению и расследованию преступлений экономической и коррупционной направленности включены такие учебные дисциплины, как «История и методология юридической науки», «История политических и правовых учений», «Сравнительное правоведение», «Юридическая техника»?

Однако, несмотря на заявление Министра высшего образования и науки России В. Н. Фалькова¹, подавляющее большинство в том числе ведомственных вузов Российской Федерации от бакалавриата и магистратуры не отказались. Объяснили это заботой о бакалаврах. Дескать, если эту ступень упразднить у них (бакалавров) не будет возможности стать магистрами.

На наш взгляд, весьма странный аргумент. Не проще ли было бы приравнять бакалавров к специалистам. Кстати, бакалавры были бы весьма признательны, поскольку в таком случае был бы преодолен их в значительной степени секвестированный правовой статус.

Между тем в соответствии с Указом 12 мая 2023 года Президента России «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» в целях содействия совершенствованию системы высшего образования, подготовки квалифицированных кадров для обеспечения долгосрочных потребностей отраслей экономики и социальной сферы в 2023/24 и 2025/26 учебных годах в шести вузах начата реализация пилотного проекта, направленного на изменение уровней профессионального образования. Указом определено, что пилотный проект предусматривает: а) установление следующих уровней высшего образования: базовое высшее образование; специализированное высшее образование; б) установление уровня профессионального образования — аспирантура; в) реализацию на уровне специализированного высшего образования программ магистратуры, программ ординатуры и программ ассистентуры-стажировки².

Если при этом принять во внимание соответствие уровней образования, установленных подпунктами «а» и «б» пункта 2 настоящего Указа, и соответствующих им программ уровням образования и образовательным программам высшего образования, предусмотренным соответственно частью 5 статьи 10 и частью 3 статьи 12 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», становится очевидным, что сколько-нибудь принципиальных изменений не произошло.

Меры оптимизации: необходимо оказаться от трехуровневой системы высшего образования (в экспериментальном варианте: базовый и специализированный и перейти на модель, которая была в советский период развития нашего государства: профессионально-техническое, среднее специальное, высшее и послевузовское образование.

2) Следующей весомой причиной, способствующей бюрократизации системы образования, является внедренный в нее компетентностный подход.

Декларируется, что компетентностный подход — это подход, акцентирующий внимание на результате образования, причем в качестве результата рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных проблемных ситуациях³.

Здесь уместны, как минимум, два соображения. Во-первых, разве традиционный подход не акцентировал внимание на результате образования? Очевидно, что не просто акцентировал, а именно на него и был направлен. Следовательно, подобное противопоставление является по меньшей мере не добросовестным. Во-вторых, традиционный подход всегда предполагал не только формирование знаний (усвоение информации), но и умений, и навыков, то есть способности действовать как в типичных, так и экстраординарных ситуациях.

Но даже без вышеприведенных уточнений любому разумному человеку понятно, что компетенции — это те же знания, умения и навыки. Поэтому положение, закрепленное в пункте 12 части 1 статьи 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: «Профессиональное образование — вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ *знаний, умений, навыков*

¹ См.: Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснется. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения: 20.05.2023).

² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Аверьянова С. Ю. Ключевые компетенции как факторы и результаты профессионального самоопределения старшеклассников // Научный диалог. 2013. № 8 (20): Педагогика. С. 120–130.

и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности» корректным признать нельзя. В данном случае имеет место не что иное, как нарушение требования единства юридической терминологии.

Кроме того, формулировки компетенций, предусмотренные стандартами, находятся на таком высоком уровне абстрагирования, что без сколько-нибудь существенной конкретизации они вообще не могут иметь практического значения. Неслучайно для их конкретизации используют те же знания, умения и навыки. Неслучайно и то, что обучение, включая текущий контроль, промежуточную и итоговую аттестацию носит ярко выраженный предметный характер.

Совершенно очевидно, что компетенции — это неработающий инструмент и никакие танцы с бубнами здесь делу не помогут: ни матрицы, ни паспорта, ни индикаторы, ни что-либо иное. А вот бюрократизируют систему образования они основательно.

Для целей образовательного процесса насущная потребность есть в *структурно-логической* схеме, которая ранее являлась необходимым элементом любого учебно-методического комплекса.

Меры оптимизации: исключить из законодательства компетентностный подход. Эта мера позволит существенно снизить степень забюрократизованности образовательных отношений и при этом не окажет ни малейшего негативного влияния на качество подготовки высокопрофессиональных кадров.

3) Избыточная дифференциация специальностей. В этом отношении больше всех «пострадала» юриспруденция. Здесь без сколько-нибудь достаточных оснований был создан целый круг, дублирующих друг друга специальностей.

Вначале была специальность «Юриспруденция», она же правоведение. В конце прошлого века появилась специальность «Правоохранительная деятельность», затем «Правовое обеспечение национальной безопасности», а с 2022 года — «Обеспечение законности и правопорядка». Различия между ними несущественные. Логика и здравого смысла в подобной дифференциации нет. Имеет место лишь ничем не обоснованные расхождения в формулировках компетенций, учебных дисциплинах и количестве часов, отводимых на их изучение.

При этом под каждую специальность требуется полный пакет программной и учебно-методической документации (Стандарты, ОПОПы, РПД и далее по списку). Более того, рабочие программы учебных дисциплин, фонды оценочных средств и иные документы разрабатываются не только по каждой отдельной специальности, но и направлению (профилю) подготовки, но и для очной и заочной форм обучения также отдельно.

Есть в этом необходимость? Никакой! От слова совсем.

Раньше, как известно, была одна юридическая специальность «Юриспруденция» (она же правоведение), а внутри были специализации, и этого было более чем достаточно для удовлетворения различных потребностей юридической науки и практики.

Меры оптимизации: а) законодательно запретить необоснованную дифференциацию специальности.

б) в законе должна быть норма: одна специальность — одна программа, ФОС и иные документы на все специализации, профили, очную и заочную форму обучения. При этом срок действия этих документов должен быть не менее 5 лет.

4) Чрезмерное количество локальных нормативных правовых актов, регулирующих образовательные отношения в каждом отдельном учебном заведении.

В сфере высшего образования сегодня наблюдается бум локального нормотворчества. При этом отдельные авторы, в частности, А. М. Лушников полагает, что локальное нормотворчество — это проявление принципа демократизма¹.

На наш взгляд, локальное нормотворчество в таких масштабах не только ничем не оправданно, но и чрезвычайно вредно. Только в Нижегородской академии МВД России сегодня действует более 150 локальных нормативных правовых актов. В сумме получается внушительное количество. Между тем их разработка и перманентная переработка влечет колоссальные затраты.

При этом данные локальные акты, принятые в разных вузах, как близнецы братья на 99 % совпадают по содержанию. Различаются они в большинстве случаев реквизитами и инкорпори-

¹ См.: Лушников А. М. Демократизм и локальное нормотворчество: теория и практика // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 6.

ванными в них индивидуальными предписаниями, иногда еще и отнюдь бесполезными фантазиями разработчиков.

Меры оптимизации: минимизировать локальное нормотворчество. Регламентация образовательной деятельности не менее успешно может и должна осуществляться на основе типовых нормативных документов.

Полагаем, что бремя по подзаконному нормативному регулированию образовательных отношений должно быть возложено на профильное министерство (иные ведомства, имеющие в своем составе образовательные организации), которое по своему функциональному предназначению в системе федеральных органов исполнительной власти обязано осуществлять нормативное правовое регулирование в соответствующей сфере деятельности.

Более того, на соответствующие министерства должна быть возложена и обязанность по разработке (утверждению) типовой учебно-методической документации, которую образовательные организации могли бы непосредственно использовать в образовательном процессе. При этом последние должны быть наделены правом (но не обязанностью) разрабатывать собственные учебно-методические документы.

5) Весомую лепту в бюрократизацию образовательных отношений вносит перманентное изменение нормативной основы и, как следствие, программной и учебно-методической документации. О негативных последствиях необоснованного изменения законодательства нами подготовлен ряд статей¹.

Здесь же обратим внимание на то, что даже малейшее изменение формы или содержания документов (реквизит, слово, и т. п.) влекут необходимость переработки, доработки, перепечатывания не только конкретного документа, но и всех иных, так или иначе с ним связанных. В подавляющем большинстве случаев изменения вносятся без сколько-нибудь достаточных оснований, что свидетельствует о нарушении элементарного требования юридической техники, в частности требования устойчивости юридической терминологии.

На выполнение этой в значительной степени никому не нужной работы тратится рабочее время, нервы педагогических работников, которые, как известно, не восстанавливаются, возникают прямые материальные издержки.

Ситуация усугубляется пониманием всеми участниками образовательных отношений отсутствия даже малейшей рациональности в данных изменениях. Независимо от цели, преследуемой инициаторами подобных перманентных новаций в регулирование программной и учебно-методической документации (продемонстрировать свою значимость и властно-контрольный ресурс по отношению к педагогическим работникам; загрузить их работой и т. п.) конечный результат будет одинаков — снижение качества образования.

Меры оптимизации: необходимо определить срок неизменного действия программных и учебно-методических документов. Он не должен быть маленьким.

Возникает вопрос, чем будут заниматься преподаватели? Ответ прост: тем, чем и должны — повышать свой профессиональный уровень. А в современных условиях, когда идут колоссальные потоки научной, правовой и иной информации для того, чтобы быть «в форме», требуется много времени.

Учитывая, в том числе просветительскую направленность нашего мероприятия, уместно привести опыт В. К. Бабаева, который в бытность начальника академии, продолжал читать лекции по теории государства и права. Так вот недели за две до своей лекции он звонил на кафедру и уточнял, когда, какой категории обучаемых, на какую тему ему предстоит прочитать лекцию. Для чего? Для того, чтобы основательно подготовиться: посмотреть новые литературу, изменения законодательства, юридическую практику, статистику и другие материалы. Для него это было нормой. Точно также сегодня поступает и профессор В. М. Баранов. Однако для того, чтобы это стало нормой, для всех необходимо не только ответственное и добросовестное отношение к своей работе, но и достаточное количество времени, которого при существующей степени забюрократизированности общественных отношений, на нужную и действительно важную работу просто не остается.

¹ Толстик В. А. Изменение законодательства: проблемы теории и пока непринятые новеллы в полицейском законодательстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 232–235; Толстик В. А. К вопросу об обоснованности изменения законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 164–171.

6) Неадекватная система оценивания деятельности педагогических работников и образовательных организаций, ориентирующая не на качество подготовки выпускников, а на достижение второстепенных, нередко ложных целей.

Критерии оценки любой деятельности — это тонкий инструмент управления. Он может быть как полезным, так и вредным. Им надо пользоваться разумно¹. Если, например, один из лучших лекторов Нижегородской академии Александр Николаевич Лушин в рейтинговой оценке деятельности профессорско-преподавательского состава и кафедр академии находится на одном из последних мест, то о критериях, положенных в основу такого рейтинга, следует серьезно задуматься.

Критерии оценки в образовательной сфере должны ориентировать, прежде всего, на подготовку высококвалифицированных кадров.

Меры оптимизации: оценивать педагогических работников и образовательные организации необходимо по качеству подготовки кадров, а не по надуманным, бюрократизированным и нередко вредным критериям. Президент России Владимир Путин на Петербургском международном экономическом форуме предложил ввести для высших и средних специальных учебных заведений ключевые показатели эффективности, в первую очередь, по качеству занятости выпускников. В частности, он отметил: «Необходимо повысить ориентированность высших и средних специальных учебных заведений на результат, то есть на успешное трудоустройство выпускников. В связи с этим считаю правильным сделать две вещи, по крайней мере, две. Первое — установить для учебных заведений ключевые показатели эффективности. Главный из них — качество занятости выпускников. На основе такого подхода предлагаю сформировать рейтинги ученых заведений профессионального образования. И второе — предлагаю ежегодно готовить пятилетний прогноз потребности в кадрах на уровне всей экономики»².

В заключение хочется выразить надежду на то, что федеральный законодатель примет во внимание изложенные в настоящей статье «наказы» педагогических работников и внесет в образовательное законодательство коррективы, которые ограничат нарастающие в последнее время бюрократические тенденции в рассматриваемой сфере, и тем самым создаст нормативные условия для подготовки высокопрофессиональных кадров.

Трофимов Василий Владиславович,

доктор юридических наук, доцент, начальник
 Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

К дискуссии о компетентностном подходе в системе высшего юридического образования

Современный образовательный кризис в стране (вот лишь некоторые известные его проявления: невысокое качество подготовки существенной части выпускников учебных заведений, в том числе высших; неудовлетворенность в обществе существующей системой подготовки обучающихся в высших учебных заведениях (в силу чего приходится снова вести речь о переменах в подходах к построению системы образования или вообще о кардинальной смене образовательного курса); дефицит кадров в наиболее критичных областях экономики и социальной сферы (таких как учителя, врачи, инженеры) и пр.) — это и негативное следствие не вполне обдуманного стремления копировать «западные» образовательные стандарты, и позитивный стимул к переосмыслению

¹ Подробнее о критериях оценки вообще и критериях оценки результатов научной деятельности в частности см.: Критерии в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 24–25 мая 2018 г.) / под общ. ред. В. А. Толстика, П. В. Васильева. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 530 с.; Толстик В. А. Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // Государство и право. 2019. № 1. С. 65–74.

² См.: Путин поручил установить показатели эффективности для учебных заведений. URL: <https://ria.ru/20230616/obrazovanie-1878685548.html> (дата обращения: 30.06.2023).

образовательной политики, к поиску оптимальных схем развития национальной системы образования (как нам известно, понятие «кризис» в силу своей этимологии как раз и включает в своем значении амбивалентность «минуса» и «плюса», отрицательного и того, что предполагает «выход из тупика»¹).

В полной мере это относится и к системе юридического образования, которое, как возможно, никакое другое испытало на себе все издержки перевода высшего юридического образования на рыночные рельсы (когда «деньги» становились порой единственным критерием для приема на обучение абитуриентов, несмотря на факты того, были ли у них для этого достаточные базовые знания и способности к юридической профессии или напрочь отсутствовали), к чему прибавилось стратегирование на «болонские» схемы построения высшего образования (что, как мы понимаем сегодня, было скорее «ширмой», прикрывавшей планы по разрушению российского образования как такового). В итоге, мы получили девальвирование юридических знаний, юридической специальности, профессии юриста, которая всегда ранее считалась профессией для избранных, тех, кто способен выполнять сложные юридические задачи.

Сегодня мы находимся на некоем новом этапе, в начале этого этапа, развития и системы образования вообще, и высшего юридического образования, в частности. Проблем накопилось немало и их конечно же необходимо решать, причем решать профессионально, осмысленно и результативно. Не случайно проблема развития высшего юридического образования вынесена на столь высокое научное обсуждение в рамках проводимого научно-образовательного форума на площадке Нижегородской академии МВД России².

Интерес вызвали практически все выступления на тему реформирования и развития высшего юридического образования. Затронуто было немало насущных и ключевых вопросов в этой области. Звучала в выступлениях и проблема компетентного подхода в юридическом образовании. В частности, эта проблема достаточно предметно была представлена в очень глубоком и ярком научном докладе профессора В. А. Толстика. Правда, справедливости ради, заметим, в докладе ученого компетентный подход, на который ориентируется уже довольно давно система юридического образования, который со всей очевидностью проводится в соответствующих Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования, был подвергнут довольно острой критике и прямо назван «неработающим инструментом» с точки зрения качества готовящихся специалистов в области права, причем «заставить» его работать мало что способно.

Думается, доля истины в прозвучавшей оценке, безусловно, есть. Компетентный подход стал некой профанирующей областью образовательной практики, за которой в реальности мало что полезного и плодотворного с позиции профессиональной квалификации выпускников юридических вузов обнаруживалось. По мнению профессора, (насколько удалось верно воспринять прозвучавшие в докладе ученого на этот счет тезисы), намного лучше было бы вернуться к знакомым нам «знаниям», «умениям» и «навыкам» как более понятным и очевидным схемам, нежели оперировать не вполне «внятными» образовательными компетенциями. Однако, так ли все очевидно на самом деле, в «компетенциях» ли причина неудач юридического образования, или может быть в недостаточно верном и полноценном применении компетентного подхода в системе юридического образования (как, впрочем, и системе образования вообще)? На наш взгляд, именно «второе» является одним из причинных фактов, которые не позволяют в том числе высшему юридическому образованию выйти на более высокий профессиональный и качественный уровень. Сам же компетентный подход имеет необходимый потенциал, его (данный подход) лишь нужно более точно и профессионально применять в практической плоскости. Тем не менее попробуем

¹ **Кризис.** Заимств. в первой половине XIX в. из нем. яз., где Krisis — через лат. посредство восходит к греч. krisis «кризис, переломный момент» // Этимологический онлайн-словарь русского языка Н. М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 06.09.2023). В китайском же языке, сложилось такое мнение: слово «кризис» образуется двумя иероглифами, первый из которых «вэй» означает «опасность», второй «джи» — «возможность» // Материал из Википедии. Китайское слово «кризис». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.09.2023).

² Межвузовский практический мотивационно-просветительский форум «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации» по докладу Председателя комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Российской Федерации С. В. Кабышева. Нижегородская академия МВД России, 30 июня 2023 года.

разобраться (но пока лишь в постановочном, пунктирном, скажем так, плане) с этой научно-образовательной юридической проблемой.

«Компетенция» применительно к профессиональной специальности — это система знаний (а также умений и навыков): а) общего (универсального) характера, позволяющих ориентироваться в производственных отношениях общества в целом, а также б) общепрофессионального и профессионального плана, связанных с определенным направлением профессиональной деятельности, которые должны быть присущи в необходимом объеме и качестве каждой отдельной личности, прошедшей соответствующую образовательную подготовку, для того, чтобы иметь согласно подтверждающим документам об образовании (высшем или иного уровня) статус специалиста в соответствующей профессиональной сфере¹.

Эта «компетентностная материя» профессиональной образовательной деятельности составляет по сути сущностное ядро целеполагания образовательной подготовки и ожидаемых от этой подготовки результатов. Какими и в каком объеме компетенциями овладел в ходе образования человек, таким и такого качества специалистом по данной профессиональной линии он может считаться.

Каждая компетенция в профессиональной подготовке специалиста — это своего рода символизация того, что закладывается в программу образовательной подготовки «заказчиком» — тем, кто данную систему образования организует и курирует (государство, производство, работодатель). Иными словами, в компетенции (их системе) отражено то, что хотелось бы видеть в арсенале инструментов будущего специалиста в данной профессиональной сфере (это цели, которые ставит перед системой данного образования субъект, организующий соответствующую образовательную подготовку), а также те конкретные эвристические результаты, которые будут получены обучающимся по итогам соответствующей профессиональной образовательной практики, дающие ему возможность спокойно (без излишнего волнения), но вместе с тем активно и уверенно приступить к осуществлению профессиональной деятельности.

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОСы) высшего образования (ВО), в том числе стандарты (разных так называемых поколений) по направлению подготовки «Юриспруденция», предполагают систему соответствующих компетенций, которыми должен овладевать обучающийся и, в конечном итоге, овладеть ими вместе с получением диплома об образовании. Идея в общем неплохая и, наверное, с ней могут быть связаны все известные перспективы уровня и качества образования в государстве, их оценки. Однако сказав «А», то есть определив во ФГОСах категории соответствующих компетенций по тому или иному направлению образовательной подготовки (специальности), следующая буква «Б» четко произнесена так и не была, поскольку четкой и осмысленной **дескрипции (описания) индикаторов** к разным категориям компетенций представлено во ФГОСах не было.

По всей видимости, предполагалось, что этим всем должны озадачиваться вузы, разрабатывая индикаторы к компетенциям, которые позволяли бы понимать, какая система знаний, умений и навыков, а также способностей их актуализировать на практике, стоит за каждой профессиональной специальностью. На практике это по сути так в рамках вузов и осуществляется, только искомый вопрос раскрытия компетенций (разных уровней — от универсальных до профессиональных) по общему правилу ложится на плечи либо а) составителей основных образовательных программ (ООП), либо б) преподавателей-предметников, заполняющих соответствующую графу дескрипторов и / или индикаторов к компетенциям, «выделенным» для соответствующей учебной дисциплины в соответствующей программе дисциплины или рабочей учебной программе дисциплины. Все это делается по некой (непонятно откуда пришедшей) кальке с дескрипторами к индикаторам через опорные понятия «знания», «умения» и «навыки». Делается это, по общему месту, по аналогии (по образцу), а также путем выражения общих представлений составляющих данные учебные (образовательные) программы лиц о том, что может «стоять» за той или иной компетенцией на фоне основной образовательной программы в целом или на фоне отдельной предметной учебной дисциплины. Как правило, все это имеет вид довольно номинальный (интуитивный и приблизительный) и мало отвечающий реальному содержанию той компетенции, которая в числе прочих указана ФГОСом по конкретной профессиональной специальности.

¹ См. также подробнее о трактовках понятия «компетенция», например: Большакова З. М., Тулькибаева Н. Н. Компетенции и компетентность // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 24. Серия: Образование. Педагогические науки. Вып. 4. С. 13–19.

Как представляется, если «компетенция» есть символизация того «заказа», который должен быть выполнен по итогам образовательной подготовки, то суть этого образовательного «заказа» должен раскрывать сам «заказчик» (в лице государства, профильного министерства, в лице представителей профессионального сообщества (судей, прокуроров, адвокатов, нотариусов, чиновников администраций различных уровней публичной власти, ученых-юристов, и пр.)) и раскрывать максимально подробно и профессионально, научно и аналитически обоснованно, представляя содержание каждой компетенции максимально детально и адекватно ее профессиональному смыслу.

Так, в частности, универсальные компетенции (УК), раз они предлагаются для всех практически направлений и специальностей в системе образования в государстве, должны получить унифицированное (одновременно научно обоснованное) раскрытие уже на уровне управления системой образования в стране.

Общепрофессиональные компетенции (ОПК) по соответствующим специальностям должны разрабатываться (детально раскрываться) образовательными учреждениями совместно с системой управления образования в государстве в целом и / или в субъектах Федерации, а также совместно с потенциальным работодателем.

Профессиональные компетенции (ПК) — профессиональным сообществом (если таковое имеет тот или иной сформировавшийся вид и представлено какими-либо авторитетными профессиональными организациями) совместно с образовательными учреждениями и системой управления образования в государстве в целом и / или в субъектах Федерации, а также совместно с потенциальным работодателем. Если непосредственно говорить о юридической специальности, то профессиональные компетенции могли бы быть должным образом раскрыты на экспертных площадках Ассоциации юристов России, Российского правотворческого общества и т. п.

Согласно научно-методическим рекомендациям по рассматриваемой проблематике¹, сначала подвергается рубрикации (разбивке на рубрикаторы) соответствующая категория компетенции, например, универсальная компетенция для бакалавриата и магистратуры «Самоорганизация и саморазвитие», а затем в соответствии с выделенными рубрикаторами (протоиндикаторами), раскрывающими содержание компетенции в своей базе (основе), описываются индикаторы — действия (формулируются дескрипторы каждого из индикаторов), на которые будет способен обучающийся (обучившийся), овладевая данной компетенцией. Также учитывая научно-методические рекомендации из опыта функционирования системы высшего образования, индикаторов к компетенции по специальности / направлению подготовки должно быть несколько², думается, не менее 6–8 — для универсальных; 5–6 — для общепрофессиональных; 4–5 — для профессиональных (которые должны быть проработаны на уровне управления системой образования в стране / субъекте Федерации, совместно с потенциальными работодателями, затем — на уровне учебно-методических советов вузов, институтов, факультетов, а уже после этого и на уровне преподавателей по отдельным дисциплинам. На этой основе применительно к каждому из индикаторов и их дескрипторам уже далее может определяться (устанавливаться) ранжирование уровней освоения (овладения) компетенцией (соответствующей системой знаний, умений и навыков, а также возможностей актуализировать их в профессиональной плоскости), в частности, по форме — «полностью овладел» (отлично), «не совсем овладел» (хорошо), «овладел в недостаточной степени» (удовлетворительно) и т. п. Чем лучше и предметнее проработаны подобные индикаторы, тем очевиднее может становиться проблема качества подготовки в данной компетентностной области — сфере профессиональных представлений.

По такому алгоритму могут быть составлены в дальнейшем более менее адекватные композиции в рамках образовательных программ и направлений подготовки, а уже эти схемы должны далее получать, как представляется, спецификацию на уровне предметных дисциплин, но вместе с тем базовый уровень рубрик соответствующих компетенций, индикаторов компетенций с соответствующими описаниями (дескрипторами) со всей очевидностью должен разрабатываться на единой основе и быть предложен в качестве методической основы для кафедр (как научно-образовательных подразделений) и преподавателей отдельных дисциплин. Причем в этой части должна

¹ См., например: Бершадская М. Д., Серова А. В., Чепуренко А. Ю., Зима Е. А. Компетентностный подход к оценке образовательных результатов: опыт российского социологического образования из журнала // Высшее образование. 2019. № 2. С. 38–50.

² См.: Там же.

быть сохранена и усилена логическая связь между всеми уровнями образовательной подготовки (бакалавриат — магистратура), или, если это специалитет (к которому возможно юридическое образование станет понемногу возвращаться), то логическая связь между уровнями общей подготовки и подготовки специализированной, которая может выделяться на старших курсах обучающихся студентов-юристов.

В целях более наглядного представления того, о чем идет речь, обратимся, к примеру, к таким ОПК (общепрофессиональным компетенциям) по юридической специальности, как «Толкование права» и «Юридическая аргументация», которые попадают в число многих предметных учебных дисциплин (осмысленно или «методом пробы»), сигнализируя в определенном смысле, что по итогам изучения (освоения) данных этих дисциплин у обучающегося должны сложиться те знания, умения и навыки (представления о предмете), которые будут соответствовать смысловому содержанию заявляемой компетенции, соответственно, обучившийся по данной дисциплине будет в той или иной степени данной компетенцией обладать, то есть понимать, «какая» система профессиональных действий здесь необходима и в идеале также понимать, «как» данный конкретный учебный предмет способствует усилению соответствующих компетентностных начал, и «что» именно этот учебный материал дает для овладения возможностями данной компетенции.

Во ФГОСе ВО — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (утв. Приказом Минобрнауки от 13 августа 2020 г. № 1011¹) мы видим лишь наименование категории (группы) компетенции, а также код и наименование общепрофессиональной компетенции выпусканика, при этом пункт 3.7 этого образовательного стандарта недвусмысленно указывает, что: «Организация устанавливает в программе бакалавриата индикаторы достижения компетенций самостоятельно» (как будто бы эти специалисты нужны не государству, а самой организации). То есть вся «ответственность» за раскрытие содержания компетенций, указанных в государственных стандартах образования, ложится «на плечи» самих учебных заведений, которых в стране немало и в каждом из которых могут быть «собственные» представления о «наполнении» тех или иных компетенций. Вряд ли это для целей поддержания единства стандартов в образовательной сфере может быть удобно. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по профессиональной специальности как бы «единственный» и все на него должны ориентироваться, а ключевое звено образовательной деятельности в виде формируемых компетенций, получается, может быть специфичным для каждого из учебных заведений. Насколько удачно это все друг с другом коррелирует, сложно сказать. Но, думается, здесь все же есть повод для дополнительной научно-практической рефлексии. Все-таки, так как государство выступает основным «заказчиком» образованных кадров для экономики и социальной сферы, у него должно быть свое отчетливое единое представление, какие компетенции нужны. Но даже если это должны делать образовательные организации (например, в отношении хотя бы если не универсальных, то общепрофессиональных компетенций), они должны это делать осознанно и профессионально.

На первом этапе (прежде чем отдельные преподаватели будут «творить» свое видение в рамках предметных дисциплин того, что можно в предмете преподавания с определенной конкретной компетенцией связать), целесообразно, чтобы на уровне администраций (учебных управлений, отделов) вузов совместно с экспертным профессиональным университетским сообществом (профессорско-преподавательским составом) вузов были установлены основные рубрики (своего рода протоиндикаторы) компетенций. Эти методические выкладки должны становиться продуктом серьезных научных дискуссий и исследований, при которых будет научно аргументированно устанавливаться содержание тех или иных компетенций и возможностей их приложения к тем или иным предметным блокам и дисциплинам.

Например, ОП компетенция для юридической специальности — «4. Толкование права» может быть расшифрована через перечень рубрик — индикаторов, примерно в таком роде (учитывая прежде всего логику процесса толкования права, но это все безусловно нужно непосредственно обсуждать профессионально в кругу специалистов):

4.1. Установление и анализ параметров предмета юридического толкования (текста закона, судебного решения, договора, юридической ситуации (казуса) и пр.) и определение пределов юри-

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2020 года. № 1011. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.09.2023).

дического толкования (возможность или недопустимость расширительного или ограничительного толкования и пр.).

4.2. Выбор конкретных способов толкования права.

4.3. Применение логических операций и иных научных методов в ходе толкования права.

4.4. Сопоставление результатов толкования права, достигнутых разными способами.

4.5. Критическая оценка результатов толкования права и формулирование верифицированной интерпретационной формулы по результатам юридического толкования).

Другая известная ОП компетенция «**5. Юридическая аргументация**» может быть раскрыта таким образом:

5.1. Установление фактической и юридической основы разбираемой правовой ситуации (в том числе в состязательных процессах), для разрешения которой требуется применение навыков юридической аргументации с использованием письменной или устной речи.

5.2. Выявление спорных (подлежащих оспариванию) аспектов рассматриваемой социально-правовой ситуации.

5.3. Определение целей сторон в споре и поиск в законодательстве и юридической практике оснований для выстраивания позиции по делу.

5.4. Подбор с учетом фактического и правового контекста ситуации юридических аргументов (доказательств) для обоснования позиции стороны в споре (позиции участника иной правовой ситуации).

5.5. Формулирование (письменное или устное) аргументов в пользу определенной стороны в споре (позиции участника иной правовой ситуации) и построение их системы, а также их презентация (представление) для оценки противной стороной и / или субъектом, осуществляющим правовое разбирательство.

Безусловно, названные позиции могут быть дополнительно уточнены по итогам более профессионального и предметного научного рассмотрения в кругу специалистов теоретиков и практиков в области права.

В общем же, когда структурирование (через подобные рубрикаторы — индикаторы) определенной категории компетенции проведено, тогда можно переходить к описанию индикаторов — действий в рамках кода и наименования компетенции (во многом в соответствии с исходными рубриками), а уже на этой основе могут получать свое более специфическое выражение те или иные компетенции на уровне конкретных предметных юридических дисциплин.

Соответственно *на втором этапе* согласно коду и наименованию компетенции, связанной с данной категорией компетенций, нужно проводить описание этих компетенций через индикаторы — действия, которые соответствуют содержательному ряду, раскрытому в виде рубрик к данной категории компетенций.

Продолжая аналитическую работу по указанным выше категориям компетенций, на уровне дескрипторов к индикаторам (описания действий) этих компетенций можно получить следующие значения:

ОПК-4 способен профессионально толковать нормы права:

ОПК-4.1 устанавливает и анализирует параметры предмета юридического толкования (текста закона, судебного решения, договора, юридической ситуации (казуса) и пр.) и определяет пределы юридического толкования (возможность или недопустимость расширительного или ограничительного толкования и пр.).

ОПК-4.2 выбирает конкретные способы толкования права.

ОПК-4.3 применяет логические операции и иные научные методы в ходе толкования права.

ОПК-4.4 сопоставляет результаты толкования права, достигнутые разными способами.

ОПК-4.5 критически оценивает результаты толкования права и формулирует верифицированную интерпретационную формулу по результатам юридического толкования).

ОПК-5 способен логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь с единообразным и корректным использованием профессиональной юридической лексики:

ОПК-5.1 устанавливает фактическую и юридическую основы разбираемой правовой ситуации (в том числе в состязательных процессах), для разрешения которой требуется применение навыков юридической аргументации с использованием письменной или устной речи.

ОПК-5.2 выявляет спорные (подлежащие оспариванию) аспекты рассматриваемой социально-правовой ситуации.

ОПК-5.3 определяет цели сторон в споре и осуществляет поиск в законодательстве и юридической практике оснований для выстраивания позиции по делу.

ОПК-5.4 осуществляет подбор с учетом фактического и правового контекста ситуации юридических аргументов (доказательств) для обоснования позиции стороны в споре (позиции участника иной правовой ситуации).

ОПК-5.5 формулирует (письменно или устно) аргументы в пользу определенной стороны (позиции) в споре (позиции участника иной правовой ситуации) и строит их систему, а также делает их презентацию (представление) для оценки противной стороной и / или субъектом, осуществляющим правовое разбирательство.

В свою очередь, уже *на третьем этапе* эта заданность по определенной компетенции в рамках специальности может получать на основе изначально ориентированной программы действий свою последующую спецификацию на уровне либо основной образовательной программы (специальности, направления подготовки), либо на уровне отдельных предметных дисциплин.

К примеру, если допустим, данные ОП-компетенции предложены для учебного курса магистратуры «История политических и правовых учений», то их опредмечивание (определение условий индикаторов компетенции (с их описанием, дескрипцией)) в его рамках (в рамках данной учебной дисциплины) может быть следующим:

№ индикатор / компетенция	ОПК-4. Способен профессионально толковать нормы права	ОПК-5 способен логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь с единообразным и корректным использованием профессиональной юридической лексики
1	ОПК-4.1 устанавливает и анализирует, опираясь на знание государственно-правовой доктрины (истории доктрины толкования права, правовой герменевтики), параметры предмета юридического толкования (текста закона, судебного решения, договора, юридической ситуации (казуса) и пр.) и определяет пределы юридического толкования (возможность или недопустимость расширительного или ограничительного толкования и пр.)	ОПК-5.1 устанавливает, опираясь на знание государственно-правовых теорий (о роли объективного права для решения конфликтных вопросов в социуме, о значении судебного усмотрения и пр.), фактическую и юридическую основу разбираемой правовой ситуации (в том числе в состязательных процессах), для разрешения которой требуется применение навыков юридической аргументации с использованием письменной или устной речи
2	ОПК-4.2 выбирает конкретные способы толкования права, разработанные в рамках теории и практики юридического толкования	ОПК-5.2 выявляет, демонстрируя логику правовых знаний, спорные (подлежащие оспариванию) аспекты рассматриваемой социальной правовой ситуации
3	ОПК-4.3 применяет логические операции и иные научные методы, разработанные и апробированные в процессе развития политических и правовых учений, в ходе толкования права	ОПК-5.3 определяет, владея знаниями теории целей и средств в праве (телеологическими аспектами в структуре государства и права на основе изучения политических и правовых концепций), цели сторон в споре и осуществляет поиск в законодательстве и юридической практике оснований для выстраивания позиции по делу
4	ОПК-4.4 сопоставляет, основываясь на логико-юридическом мышлении, результаты толкования права, достигнутые разными способами	ОПК-5.4 подбирает с учетом фактического и правового контекста ситуации юридические аргументы (доказательства) для обоснования позиции стороны в споре (позиции участника иной правовой ситуации), учитывая познавательный опыт из области истории политических и правовых учений

5	ОПК-4.5 критически оценивает, используя сумму знаний, интерпретационных умений и навыков, полученных в процессе изучения истории политических и правовых учений, результаты толкования права и формулирует верифицированную интерпретационную формулу по результатам юридического толкования	ОПК-5.5 формулирует (письменно или устно) аргументы в пользу определенной стороны в споре (позиции участника иной правовой ситуации) и строит их систему, а также их презентует (представляет) для оценки противной стороной и / или субъектом, осуществляющим правовое разбирательство, с опорой на познавательные основы соответствующих государственно-правовых доктрин (например, концепции правоприменения Ю. А. Тихомирова, теории юридической аргументации Р. Алекси, доктрины судебной власти как социального института и пр.)*
---	--	---

*В рамках предметных дисциплин описание конкретных индикаторов компетенций может, наверное, меняться более кардинально (учитывая специфику дисциплины) по сравнению с общими индикаторами к данной компетенции в рамках специальности в целом, но последние так или иначе должны лежать в основе (иначе как можно определять индикаторы к компетенции в рамках дисциплины, не зная как на уровне специальности в целом данные компетенции расшифровываются и детализируются).

Представленные суждения по проблеме компетентного подхода, его месте и проблеме оптимизации в рамках системы юридического образования (прежде всего, высшего), можно рассматривать как некий «эскиз» к вопросу построения более вдумчивой и детальной «картины» компетенций и компетентности в юридической профессии, требований к образовательной подготовке специалистов юридического профиля. Однако если все же мы видим кризисные и критические стороны в этой области, то и данный вопрос, а точнее его решение (или, как минимум, комплексное конструктивное обсуждение), может стать одной из предпосылок к повышению качества юридического образования в стране.

Ивашевский Станислав Леонидович,
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры философии Нижегородской академии
МВД России

Ориентиры развития отечественного юридического образования

Юридическое образование является не только значимым элементом в структуре отечественной образовательной системы, обладающим своей историей, традициями, каналами влияния на иные подсистемы образовательной реальности, но и необходимым условием обеспечения устойчивости и жизнеспособности всего общественного организма. Эта роль юридического образования особенно востребована в периоды социальных кризисов, ломки механизмов обеспечения общественного порядка. Право, как основной предмет юридического образования, определяя словами нашего великого философа Н. А. Бердяева, «хранит свободу в эпоху разобщения»¹. Сегодня во многом мы оказались свидетелями именно такой эпохи. Это актуализирует вопрос о качестве профессиональной подготовки юридических кадров для нашей страны, корректировке векторов развития отечественного образования.

Юрист призван оберегать существующий правопорядок и / или обеспечивать его трансформацию в новое качественное состояние, создающее более совершенные формы человеческих отношений. В этом смысле юристу должны быть присущи и здравый консерватизм, и готовность воспринять новое, побудить общество к изменениям. Задача же образования — подготовить такого профессионала.

К модернизации отечественное образование сегодня «подталкивают» несколько важнейших факторов. Одним из них является упадок мировой системы правопорядка, что, во многом, является, с одной стороны, показателем кризиса ценностей, определяющих общественное сознание и политику западных держав, и с другой, осознания Россией своих национальных ценностей и интересов, желанием отстоять их на мировой арене. Паника, возникшая в этой связи у западной

¹ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Москва: «Правда», 1989. С. 494.

политической элиты, привела к крушению казалось бы ранее незыблемых основ современных правовых систем. Неприятие западными политиками возможности существования культурной и цивилизационной альтернативы превратило право в инструмент их политических манипуляций, не связанных с объективными процессами развития общества, а пытающихся хаотично, любыми средствами оправдать уже бесперспективные общественные практики.

Таким образом, актуализировался еще один фактор модернизации отечественного юридического образования — усилившаяся конфронтация с западным миром, отставание Россией своих традиционных ценностей и национальных интересов. Закономерным шагом в этом процессе стал наш выход из европейской (Болонской) системы образования, на которую, отметим, мы ориентировались долгие годы. Что это означает для нас? Конечно, это показывает наше несогласие идти по пути копирования чужого опыта и предполагает его замену на свое, самобытное, обеспечивающее самодостаточность и культурное новаторство. Это новое, очевидно, должно заключаться не в изменении названий образовательных цензов, а в сущностном наполнении юридического образования ценностями и смыслами национальной культуры, духовными импульсами великой истории, любовью к своему Отечеству и народу. Созвучно современным проблемам русский мыслитель XIX века В. С. Соловьев писал: «Смеем думать, что истинный патриотизм согласен с христианской совестью, что есть другая политика кроме политики интереса, или, лучше сказать, что существуют иные интересы у христианского народа, не требующие и даже совсем не допускающие международного людоедства»¹.

Западный проект под названием «капитализм» и попытка его глобализации все более демонстрируют свою несостоятельность в современных условиях. Как отмечал еще Н. А. Бердяев: «Торжество буржуазного духа привело в XIX и XX веках к ложной механической цивилизации, глубоко противоположной всякой подлинной культуре... В ней гибнет внутренний человек, подменяется внешним, автоматическим человеком»². В определенный историей момент капитализм позволил решить многие проблемы, прежде всего, связанные с развитием экономики. Но, главное — подарил людям решение сложной философской задачи о смысле жизни. Этим смыслом стал капитал. Ради него человек живет, работает, учится, им отчитывается за свершенное в этом мире. Очень удобно для «внешнего», «автоматического» человека, не надо себя утруждать поиском своего жизненного предназначения. Смысл уже предложен, общество не ждет более духовных усилий самосознания, этого постепенно перестает желать и сам человек. Это путь к современному обществу потребления — сначала потребляется смысл, потом все его производные. А далее и принятие смысла перестало требовать усилий, он становится нормой, без альтернатив. Все же другое, способное рождать жизненные смыслы, представляет опасность для такого общества, по мнению его идеологов может разрушить «дух капитализма» и все в жизни рассыпется.

Русская духовно-интеллектуальная традиция подарила миру иной проект — человека, устремленного к Богу. Бог — творец, он любит и хранит, оберегает все сотворенное. Человек стремится быть как Бог — любить этот мир, оберегать его, делать лучше. Здесь человек не может быть потребителем, он всегда творец, не подчиняющий мир себе, своему интересу, а созидаящий мир независимо от профессии. В. С. Соловьев писал: «Политика интереса, стремление к своему обогащению и усилению свойственны натуральному человеку, — это есть дело языческое...», а единственно христианский принцип — принцип нравственной обязанности, он самый полный и внутренне самостоятельный³.

«Нравственная обязанность» — вот важнейший ориентир подготовки современного юриста — профессионала. Юрист, по роду своей деятельности, призван помочь человеку правильно использовать право (норму) при достижении определенного блага. Это предполагает, что он не только знает норму, но и ориентирован пониманием общественного блага, адекватности нормы, как средства, искомому благу, нацелен на помощь ближнему. Словами П. И. Новгородцева деятельность эта, укрепляющая основы государства, должна «утверждаться на общем уважении и общей любви к своему общенародному достоянию», должна «в глубине своей таить почитание своего дела как дела Божия»⁴.

¹ Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. Вып. 1 / соч. в 2-х т. Т. 1. Москва: «Правда», 1989. С. 265.

² Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Москва: «Правда», 1989. С. 495.

³ Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. Вып. 1 / соч. в 2-х т. Т. 1. Москва: «Правда», 1989. С. 272.

⁴ Новгородцев П. И. О путях и задачах русской интеллигенции / Вехи. Из глубины. Москва: «Правда», 1991. С. 437.

Знание права — основа современного юридического образования. Технологичная культура запада, в поисках средств, повышающих господство человека над природой, другими людьми, произвела концепцию «общества знания», где знания объявлены высшей ценностью и критерием прогресса. Как определено во Всемирном докладе ЮНЕСКО (2005 г.): «Политическое руководство должно возложить на высшие учебные заведения ограниченное число важнейших задач, включающих в себя создание, распространение и использование знаний, подготовку преподавателей, передачу знаний максимально широкому кругу людей»¹.

Но, что «знание права» без понимания блага как цели и наличия устремленности помочь людям? По Н. А. Бердяеву: «Знание — принудительно, вера — свободна».² Представляется, что вера, в данном контексте, может трактоваться как нравственные идеалы, направляющие деятельность инструментальных знаний. Знание важно, но не является определением образованности. Безусловным приоритетом развития современного юридического образования является воспитание человека национальной культуры, радателя духовной традиции, патриота.

Западный капитализм проложил современному обществу путь от признания знания силой, до утверждения знания в качестве товара, который должен производиться и реализовываться научно-образовательными учреждениями. Логика подобных образовательных приоритетов проста: «Я знаю!» — значит я сильнее, успешнее, это мое конкурентное преимущество в рыночных условиях, способ заработать. Личное «Я», личный корыстный интерес превалирует в такой системе профессиональной подготовки. Из нее возможно появление современных так называемых «юристов»-мошенников, использующих свои профессиональные знания для обогащения путем обмана людей. Но и преступные схемы они чаще всего изобретают не сами, а копируют чужой опыт. Они тоже потребители, без нравственных оснований для своей деятельности, в их мире мораль только мешает. Знание — сила в борьбе с себе подобными, на рынке выживает сильнейший, то есть обладающий знанием. Остальные же его потребители, это необходимая подпитка для роста общества потребления.

Его существование требует поддержание постоянного спроса, чтоб одни потребляли, а другие зарабатывали на этом. Сфера права очень привлекательна для сторонников такого типа общественных отношений. В западной традиции они прикрываются «игрой» в права и свободы, оберегать которые можно бесконечно, так как у них самих нет границ при отсутствии нравственной обязанности личности. Обеспечив одни права — можно придумать другие, защитив одни свободы — объявить об угрозе для иных (право человека считаться кошкой, свобода отказаться от пола и др.). Юрист в этих условиях — беспринципный игрок, жонглер профессиональными знаниями на потеху «толпы». Согласимся здесь с Г. Лебоном: «сила толпы направлена лишь к разрушению»³, в данном случае разрушению ценности и социальной роли права.

Проблемой видится и то, что надуманная «демократизация образования» прикрыла омассовление высшего юридического образования и юридической науки. Массовое — доступно, не требует особых усилий и в этом его преимущество, но, с другой стороны, неминуемо возникает вопрос о качестве. Массовое юридическое высшее образование является результатом усиления влияния массовой культуры на многие сферы современной жизни. Оно для всех, формируется массой (педагогической, т. е. всеми пожелавшими поработать в образовании) и потребляется массой (всеми, кто захотел как-либо приобщиться к определенному образовательному уровню). Безусловно, изменение подобного отношения к формированию педагогического потенциала вузов и отбору контингента учащихся является еще одним ориентиром развития отечественного юридического образования.

Профессия юриста элитарна в силу своей социальной значимости. Она должна формироваться лучшими и для лучших, заслуживших своими талантами, трудолюбием, принявших профессиональные ценности как личные жизненные приоритеты. В таком случае мы видим возможность совершенствования отечественного юридического образования.

¹ К обществу знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО, 2005. URL: <http://www.ifap.ru/library/book042.pdf> (дата обращения: 14.08.2023).

² Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Москва: «Правда», 1989. С. 45.

³ Лебон Г. Психология народов и масс. Москва: Изд-во АСТ, 2019. С. 155.

Давыдова Марина Леонидовна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета

О факторах, снижающих качество профессиональной преподавательской деятельности в системе высшего юридического образования¹

Научный подход к правовому регулированию требует не только формальной оценки качества законодательства с точки зрения урегулированности всех отношений, заслуживающих внимания государства, наличия пробелов и коллизий в установленных им правилах. Не меньшее, а, возможно, и большее значение имеет тот регулятивный эффект, который эти правила оказывают на поведение участников правоотношений. Современное *умное* регулирование требует, в том числе, поведенческого анализа принимаемых мер, чтобы максимально точно спрогнозировать их потенциальную эффективность.

Если обратиться к анализу правил, регламентирующих отношения в системе высшего юридического образования, можно увидеть, что существует целый ряд факторов, существенно снижающих качество профессиональной преподавательской деятельности. Многие из них связаны с недостатками правового регулирования, как трудовых отношений преподавателя с вузом, так и организации самого учебного процесса. Эти недостатки создают проблемы, снижающие мотивацию преподавателей к творческому поиску, без которого невозможна работа педагога. В итоге, многие профессиональные функции начинают выполняться формально, происходит имитация профессиональной деятельности без достаточного содержательного ее наполнения.

Приведем ниже два примера из трудового и образовательного законодательства, наглядно показывающих, как само правовое регулирование фактически подталкивает преподавателей к формализму и имитации при исполнении своих профессиональных обязанностей.

Первый пример касается регулирования трудовым законодательством права педагогического работника на дополнительное профессиональное образование (ДПО).

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» педагогические работники *имеют право* на ДПО по профилю педагогической деятельности не реже чем один раз в три года (п. 2 ч. 5 ст. 47 Федерального закона № 273-ФЗ). Именно в качестве *права, а не обязанности* получение ДПО рассматривается в Трудовом кодексе Российской Федерации (ст. 197 ТК РФ), а также в Разъяснениях по реализации права педагогических работников на дополнительное профессиональное образование². Последний документ закрепляет также: «...при аттестации педагогических работников следует учитывать, что неполучение ими ДПО не может служить основанием для отказа в установлении педагогическим работникам квалификационной категории либо для признания их не соответствующими занимаемой должности».

Из всего сказанного логически следует, что праву работника на ДПО корреспондирует обязанность работодателя предоставить ему возможность (временную, финансовую) для обучения. Об обязанностях самого работника здесь речи не идет.

Если обратиться к пункту 7 статье 48 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», то там можно обнаружить обязанность педагогического работника *систематически* повышать свой профессиональный уровень. Следует признать, что формулировка данного правила неудачна, так как слово «систематически» носит оценочный характер и не дает четкого ответа на вопрос о периодичности повышения квалификации. Заполняя указанный пробел, практика пошла по пути расширительного толкования, и *обязанность систематически* повышать свой уровень стала трактоваться как вытекающая из статьи 47 *обязанность работника повышать квалификацию каждые три года*.

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

² Разъяснения по реализации права педагогических работников на дополнительное профессиональное образование (Приложение к письму Министерства образования и науки РФ и ЦК Профсоюза работников народного образования и науки РФ от 23 марта 2015 г. № 08-415/124).

Следует заметить, что федеральные образовательные стандарты также не конкретизируют этот вопрос, в разделе «квалификация педагогических работников» ограничиваясь общей формулировкой о том, что образовательная организация должна отвечать квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках и (или) профессиональных стандартах (при наличии)¹.

При этом контролирующие органы при проверке соответствия организации требованиям ФГОС (например, в процессе государственной аккредитации учебных заведений) однозначно руководствуются расширенной трактовкой данной обязанности, вынуждая работодателей предъявлять к работникам повышенные требования.

В итоге, повышение квалификации превращается в крайне формализованную процедуру, при которой качество программ полностью игнорируется, и во главу угла ставится необходимость регулярно каждые три года представлять документы, подтверждающие прохождение ряда программ ДОП / ПК, чтобы продемонстрировать соответствие несуществующим (не закрепленным в законе) требованиям.

Корреспонденция права и обязанности является одной из важнейших закономерностей права, обеспечивающих его регулятивный потенциал. Взаимосвязь субъектов правоотношения означает, что наличие правомочий одной стороны всегда подразумевает соответствующие им обязанности другой. Разрыв этой связи — закрепление прав, не обеспеченных обязанностями контрагента, или обязанностей, в отношении которых никто не может предъявить требования, превращает норму в пустой звук. Ключевым моментом является здесь то, что носителями права и корреспондирующей ему обязанности являются *различные* субъекты, которые таким образом связываются друг с другом. Широко известна подмена этого принципа, которая имела место в советском законодательстве, закреплявшем одновременно право на труд и обязанность трудиться. Абсурдность этой конструкции заключается в том, что фактически речь идет исключительно об обязанности, которая поглощает право. Подразумеваемая правом возможность лица по своему усмотрению совершать или не совершать действия при наличии обязанности попросту теряет смысл.

Именно такая ситуация фактически возникает в приведенном выше примере, когда преподавателю одновременно адресуется и право на получение дополнительного образования, и обязанность это образование получить.

Еще одно негативное последствие, связанное с рассматриваемой подменой, касается выбора стороны, на которую возлагаются расходы по обучению работника. *Право* последнего на получение образования однозначно подразумевает *обязанность работодателя* его обеспечить. *Обязанность* же работника повышать квалификацию может означать лишь *право работодателя требовать* ее исполнения.

В этих условиях работники часто вынуждены самостоятельно осуществлять поиск и оплату соответствующих программ, так как отсутствие документов, подтверждающих повышение квалификации, расценивается как несоответствие работника квалификационным требованиям и невыполнение им обязанностей, предусмотренных статьей 48 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Последнее (прохождение ДПО работниками за свой счет) прямо противоречит статье 187 ТК РФ, которая устанавливает гарантии и компенсации работникам, направляемым работодателем на профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование, на прохождение независимой оценки квалификации, а также Разъяснениям по реализации права педагогических работников на дополнительное профессиональное образование.

Таким образом, закон толкуется в прямом противоречии с его первоначальным смыслом (право раз в три года пройти ДПО за счет работодателя подменяется обязанностью работника каждые три года проходить его, в том числе за собственный счет). Сама идея регулярного повышения квалификации при таком подходе выхолащивается, что полностью обесценивает ее значение, вытекающее из смысла законодательства об образовании и трудового законодательства.

Недостаточно ясно сформулированная правовая норма («обязан систематически повышать квалификацию») расширительно толкуется органами исполнительной власти, контролирующими систему образования. В итоге, вузы подталкиваются к тому, чтобы предъявлять к преподавателям

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25 ноября 2020 г. № 1451); Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (утв. приказом Минобрнауки РФ от 13 августа 2020 г. № 1011)

избыточные и незаконные требования, перекладывая на них ответственность за выполнение аккредитационных показателей. Преподаватели же этими несправедливыми требованиями фактически подталкиваются к тому, чтобы повышение квалификации воспринимать как абсолютно формальную процедуру (приобретение подтверждающих документов с наименьшими денежными и временными затратами), не имеющую отношения к реальному профессиональному росту.

Вариантов разрешения сложившейся коллизии, как представляется, два: сделать акцент на обязанностях преподавателей повышать квалификацию с одновременным ужесточением контроля за порядком оказания услуг по дополнительному профессиональному образованию либо снизить уровень требований, предъявляемых к преподавателю, освободив его от лишних обязанностей. Наиболее приемлемым, по нашему мнению, является второй вариант, так как именно спрос со стороны педагогов, на которых возложены избыточные обязанности, порождает целый рынок услуг, имитирующих регулярное повышение ими профессиональной квалификации и никак не влияющих на реальное качество преподавательской деятельности.

Если первый сюжет касается всего преподавательского сообщества, так как речь идет о нормах трудового права, единых для всех педагогов, то **второй пример** построен на анализе ситуации в системе высшего юридического образования. Хотя, вполне вероятно, аналогичные проблемы касаются и других областей знания, так как обусловлены они одинаковой логикой правового регулирования образовательного процесса.

Речь пойдет об образовательных стандартах, посредством которых в течение последних трех десятилетий определяется содержание высшего юридического образования в России. При этом каждое поколение стандартов, как правило, знаменует собой новый этап, требующий существенного пересмотра устоявшихся подходов к содержанию и организации образовательного процесса. Начиная с 1996 года в сфере высшего юридического образования сменили друг друга несколько поколений стандартов, существенно изменяющих концепцию формирования образовательных программ, реализуемых в вузе. Рассмотрим эти изменения на примере дисциплин теоретико-исторического блока, предусмотренных образовательными программами по юриспруденции.

В государственных стандартах 1 и 2 поколения (1996 и 2000), был закреплён перечень, рекомендуемое содержание и объём всех базовых дисциплин. Этот перечень лежал в основе учебного плана, составляемого вузом, обеспечивая единообразие программ высшего образования в стране. Теоретико-исторический блок был представлен здесь четырьмя классическими дисциплинами: теория государства и права, истории отечественного и зарубежного права, история политических и правовых учений.

Развивая тенденцию к повышению самостоятельности вузов, стандарты 2 поколения¹ добавили так называемый «региональный (вузовский) компонент», в рамках которого вуз мог включить в учебный план несколько собственных учебных дисциплин, не предусмотренных государственным стандартом. Благодаря этому во многих учебных заведениях началась разработка собственных авторских курсов, которые со временем получили широкое распространение: юридическая техника, сравнительное правоведение, философия права, общая теория права и др.²

Вхождение России в Болонский процесс повлекло принятие в 2010 году новых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) для бакалавриата и магистратуры. В этих стандартах сохранилась идея закрепления перечня обязательных дисциплин, а также вариативной части. Критерием качества обучения стандарты закрепили перечень компетенций, которые должны быть сформированы у выпускника после изучения всех дисциплин. Компетенции бакалавров в большей мере ориентировались на практические, прикладные навыки, от магистров требовалось теоретическое осмысление проблем профессиональной деятельности. Из традиционного перечня теоретико-исторических дисциплин в бакалавриате поэтому остались только минимально необходимые теория и история государства и права, а история политических и правовых учений переместилась в магистратуру. Круг обязательных теоретико-исторических дисциплин при этом

¹ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 021100 — Юриспруденция, квалификация — Юрист (утв. Приказом Минобра РФ от 27 марта 2000 г. № 260гум/сп)

² Баранов В. М., Варьяс М. Ю., Салыгин Е. Н. Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника» // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 740; Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993; Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. Москва, 2002; Тихонравов Ю. В. Основы философии права: учебное пособие. Москва, 1997.

расширился за счет включенных в стандарт магистратуры сравнительного правоведения, философии права, а также истории и методологии юридической науки.

Новая концепция профессиональной подготовки привела к всплеску учебно-методических исследований. Резко повысился запрос на разработку новых учебных курсов, на авторское наполнение магистерских программ. Например, благодаря наличию в стандарте по юриспруденции компетенций по составлению документов, правотворчеству, правоприменению, экспертной деятельности, оказалась востребована юридическая техника и другие родственные ей дисциплины, направленные на формирование профессиональных навыков (нормография, правотворчество, документообразование, юридическая аргументация, судебная риторика и т. п.).

Что касается новых теоретико-исторических дисциплин в магистратуре, определенная традиция их содержательного наполнения отсутствовала, поэтому первоначально преподавание часто сводилось к разным вариациям истории политических и правовых учений. При этом большой запрос на учебно-методическое обеспечение этих курсов привел к активному поиску и подготовке целого ряда авторских пособий по философии права, истории и методологии юридической науки¹. Заложенная в стандарте схема постепенно стала обрастать содержанием и приживаться. Сложившаяся концепция выглядела вполне логично: в бакалавриате студенты приобретают отраслевые знания и практические навыки, и этот базовый уровень позволяет им формировать в магистратуре системное видение фундаментальных проблем права и юридической науки.

ФГОС 2020 года² в корне меняет эту концепцию. В бакалавриате и магистратуре он устанавливает лишь минимальное количество обязательных дисциплин, а все остальное отдает на усмотрение вуза. В результате многие теоретико-исторические дисциплины стали исключаться из программ как необязательные, включая, например, классическую историю политических и правовых учений, которая вообще не преподается теперь в ряде вузов. В итоге, на данный момент востребованы оказались теоретико-правовые дисциплины прикладного характера (что само по себе хорошо, но недостаточно для качественного высшего юридического образования), но фундаментальные теоретические дисциплины (за исключением теории государства и права) оказались в положении довольно маргинальном.

Внешне это выглядит как расширение сферы саморегулирования, так как у вуза появляется дополнительная возможность выбора преподаваемых дисциплин. Но происходящие изменения парадоксальным образом не приводят к увеличению самостоятельности вуза в составлении образовательной программы. Скорее речь идет о смещении акцентов в содержательной на формальную сторону учебного процесса. Число разнообразных детализированных требований к содержанию и организации учебного процесса так велико, а контроль за соблюдением буквальных формулировок ФГОС носит настолько строгий характер, что сложно говорить о наличии у вуза пространства для свободы и творчества.

Появление нескольких «околоюридических» стандартов специалитета (Судебная и прокурорская деятельность³, Судебная экспертиза⁴, Правоохранительная деятельность⁵, Правовое обеспечение национальной безопасности⁶) не столько расширяет разнообразие образовательных про-

¹ См., напр.: Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. Москва, 2012; Лушников А. М. История и методология юридической науки: учебно-методическое пособие. Ярославль, 2015; Честнов И. Л. История и методология юридической науки: учебник. Москва, 2018; Яркова Е. Н. История и методология юридической науки: учебное пособие. Тюмень, 2012 и др.

² Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25 ноября 2020 г. № 1451); Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (утв. приказом Минобрнауки РФ от 13 августа 2020 г. № 1011)

³ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — специалитет по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность (утв. приказом Минобрнауки РФ от 18 августа 2020 г. № 1058)

⁴ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (утв. приказом Минобрнауки РФ от 31 августа 2020 г. № 1136)

⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - специалитет по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (утв. приказом Минобрнауки РФ от 28 августа 2020 г. № 1131)

⁶ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (утв. приказом Минобрнауки РФ от 31 августа 2020 г. № 1138)

грамм, сколько создает дополнительные сложности, так как каждый из стандартов устанавливает свои специфические требования к составлению образовательной программы. От преподавателя требуется не столько содержательное наполнение программы, сколько обоснование ее соответствия нужному набору компетенций (как правило, не совпадающих у одной и той же дисциплины, включенной в разные образовательные программы). К тому же внятной концепции этих направлений подготовки нет, поэтому содержание требований стандартов регулярно меняется.

По нашему мнению, именно нестабильность, связанная с постоянно меняющейся политикой в области образовательных стандартов, является основным негативным фактором в развитии образовательных отношений. «Чем более продолжительный период времени установленные правила остаются без изменений (при отсутствии веских к тому оснований), тем выше их эффективность»¹. Эта закономерность обусловлена действием *qwerty*-фактора, согласно которому люди всегда предпочитают привычный вариант поведения². «Сжившись» с существующими правилами, привыкнув строить в соответствии с ними свое поведение, люди начинают воспринимать их как естественные, «свои», начинают просто жить в соответствии с правовыми нормами, а не подчиняться им. Постоянные изменения правил игры, напротив, создают у человека ощущение, что все происходящее чуждо, не принадлежит ему, поэтому и не заслуживает полной отдачи. На качестве образования это отражается непосредственно. Зачем всерьез относиться к содержательному наполнению программы, если разработанные сегодня курсы завтра не впишутся в новую концепцию ФГОС? Гораздо рациональнее сосредоточиться на соблюдении формальных требований, которые к тому же регулярно обновляются и находятся под пристальным вниманием контролирующих органов. В итоге *постоянное ожидание изменений разрушает систему образования*.

Если оценить все описанное с позиции требований умного регулирования³, можно сделать вывод, что несмотря на попытки использовать некоторые его механизмы (к примеру, привлечение суррогатных регуляторов в рамках института профессиональной общественной аккредитации, использование элементов саморегулирования при составлении вузом образовательной программы и пр.), потенциал современных правотворческих технологий реализован здесь явно недостаточно.

Некоторые механизмы умного регулирования могли бы быть использованы для поиска оптимальной регулятивной модели. К таким относится, в первую очередь, правотворческий эксперимент, предполагающий, что новые решения должны проходить предварительную апробацию, чтобы не превращать всю систему образования в огромную экспериментальную площадку. Нужно признать, что именно экспериментальная модель использована в Указе Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 года № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования», дающем начало очередной реформе высшего образования. Указ предполагает реализацию пилотного проекта реформы высшего образования на базе нескольких вузов. Возможно, такая апробация сделает последующий переход к новой модели менее травматичным для остальных. Хотя сам факт очередного реформирования в любом случае потребует пересмотра всех образовательных программ, подготовки их документального обеспечения, проверки вузов на соответствие новым требованиям. Перед представителями преподавательского корпуса в очередной раз будет поставлен целый ряд задач, требующих срочного решения и неизбежно отодвигающих на задний план основную задачу — обеспечение качественного преподавания.

К сожалению, повышение качества высшего юридического образования далеко не всегда является единственным мотивом для его реформирования. Уже сейчас видно, что введение в 2023 году новых обязательных дисциплин, изучаемых на младших курсах, в первую очередь, негативно отразилось на профессиональных дисциплинах теоретико-исторического блока, привело к сокращению выделяемого на них учебного времени.

Но даже в тех случаях, когда законодатель обеспокоен исключительно качеством профессиональной подготовки, системе образования часто просто не хватает времени, чтобы усвоить и

¹ Толстик В. А. К вопросу об обоснованности изменения законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 166.

² Об это см., напр.: Болгова В. В. QWERTY-эффекты и Path Dependency: к вопросу о методологии исследований преемственности в праве // Актуальные проблемы правоведения. № 2-3. (34-35). 2012. С. 3–9.

³ Gunningham N, Sinclair D. Smart regulation. In Drahos P, editor, Regulatory Theory: Foundations and applications. Canberra, Australia: The Australian National University. 2017. P. 133–148; Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 14–29.

наполнить содержанием предложенные правовые модели. Накопленные наработки остаются невостребованными и сметаются очередной волной реформирования.

Если на первом рассмотренном нами примере речь идет об обычной правовой коллизии (между статьями 47 и 48 Закона об образовании) и неудачной практике ее разрешения, транслируемой контролирующими органами — недостаток правового регулирования здесь понятен и легко может быть устранен путем уточнения законодательных формулировок, то вторая проблема связана с общим подходом к системе образования как постоянно нуждающейся в реформировании.

На деле же фактором, обеспечивающим сохранение качественного уровня образования, оказываются не постоянные попытки государства его улучшить путем реформ и мелочного контроля, а традиция. Вопреки перманентным изменениям, именно она формирует представление о необходимом наборе учебных дисциплин и содержательном наполнении программ, задает высокий уровень требований к профессиональной квалификации преподавателей. Именно традиция остается залогом качества высшего юридического образования, несмотря на попытки правотворческих органов бесконечно экспериментировать над ним с помощью стандартов.

Думается, заложенная в концепции умного регулирования идея уменьшения административного бремени¹ продуктивна не только для развития бизнеса. Системе образования неусыпное внимание со стороны государства также далеко не всегда идет на пользу, так как подавляет инициативу и снижает мотивацию к самостоятельному профессиональному поиску такой высоко мотивированной, сознательной и креативной части нашего общества, как преподавательское сообщество.

Биюшкина Надежда Иосифовна,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной и прокурорской деятельности Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

К вопросу о соотношении положений законодательства о статусе судей и федерального государственного стандарта специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность»

Соотношение и связь образовательных ступеней «бакалавриат — магистратура» и «специалитет» вызывает интерес среди педагогического, профессионального и научного сообществ². В этой связи нельзя не согласиться с позицией исследователя Е. В. Демьяненко, который отмечает, что «сегодня существует необходимость осмысления понятия и содержания высшего юридического образования, соответствия образовательных стандартов и перечня специальностей и направлений подготовки, требований к кандидатам на должности судей, прокуроров, следователей, адвокатов, юрисконсульт»³.

В настоящий период времени специалитет как образовательная ступень приобретает все большую актуальность при подготовке юридических кадров в связи с тем, что двухуровневая система

¹ Doering, D. Less and Better Regulation Means Better Life // (Not So) Smart Regulation: 4liberty.eu. Review. 2019. No. 10. P. 7. URL: http://4liberty.eu/wp-content/uploads/2019/04/4liberty.eu-Review-No.-10_spread.pdf

² Александров А. Ю., Верещак С. Б., Иванова О. А. Проблемы реализации федеральных образовательных стандартов высшего образования по направлению подготовки юриспруденция (уровень бакалавриата и уровень магистратуры) // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3. С. 29–33; Белоконов Г. Г. О реализации образовательных программ бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Юриспруденция» при переходе на новые образовательные стандарты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2 (25). С. 283–290; Демьяненко Е. В. Отдельные вопросы современного юридического образования // Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 14–15 ноября 2019 г.). Ростов-на-Дону: Ростовский филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия», 2019. С. 286–292; Зырянов В. Н., Кузьминов Д. А. О перспективах уровневого юридического образования // Наука и инновационные образовательные технологии: современные концепции: сборник материалов V Всероссийской (национальной) научно-методической конференции (Ставрополь, 8 февраля 2019 г.). Ставрополь: ООО «Издательско-информационный центр «Фабула», 2019. С. 65–68.

³ Демьяненко Е. В. Указ. соч. С. 286.

«бакалавриат — магистратура»¹ предполагает более значительные временные и финансовые затраты со стороны учащихся и их семей, в то время, как специалитет представляет собой классическое образование, которое положительно зарекомендовало себя в советский и постсоветский периоды. В то же время в отличие от бакалавриата специалитет предусматривает определенную профилизацию, при универсальной квалификации «Юрист». Если выпускники, окончившие двухуровневую систему, имеют право работать во всех сферах юридической деятельности, то выпускники специалитета ограничены в своем выборе требованиями Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»², где определено что они не могут претендовать на занятие должности не только федерального, но и мирового судьи.

Если до настоящего времени данное несоответствие носило гипотетический характер, то в современный период данная коллизия правовых норм вошла в практическую плоскость. В вузах, открывших данную специальность, проводился первый набор студентов в 2018–2019 годах, соответственно, выпускники в ближайшее время столкнутся или уже столкнулись с неразрешимой проблемой трудоустройства в сфере правосудия.

Специалитет 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» нацелен на подготовку высококвалифицированных кадров, обеспечивающих судебную и прокурорскую сферы деятельности³. Такой практико-ориентированный подход к целеполаганию юридического образования представляется для России вполне традиционным, о чем в своей работе аргументировано пишет исследователь М. Р. Хакимова, подчеркивая, что «юридическое образование в нашей стране всегда было направлено на удовлетворение потребностей государства в специалистах-практиках для работы в системе государственного управления и системе правосудия»⁴.

Открытие специальности «Судебная и прокурорская деятельность» связано с принятием Федерального государственного образовательного стандарта в 2017 году накануне проведения судебной реформы 2018–2019 годов, ознаменовавшей образование апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции.

Данные преобразования привели к необходимости существенного укрупнения судейского корпуса, повышения квалификации действующего состава судей. Однако в Законе Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 года № 3132-1 (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2023 г) в пункте 1 статьи 4 определено, что «Судьей может быть гражданин Российской Федерации: имеющий высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция» (в ред. Федерального закона от 6 апреля 2015 г. № 69-ФЗ)»⁵, то есть данная редакция была принята до открытия специалитета 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность».

Вместе с тем в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года № 2202-1 (в ред. Федерального закона от 4 ноября 2022 г. № 425-ФЗ) внесены изме-

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 1 декабря 2016 г. № 1511 (ред. от 11 января 2018 г.): зарег. в Минюсте России 29 декабря 2016 г. № 45038). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210457/ee369dc9fb89a8ddae72ae5c0fa014f37e7c91f3/ (дата обращения: 04.09.2023); Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция): зарег. в Минюсте России 9 марта 2021 г. № 62681): приказ Минобрнауки России от 25 ноября 2020 года № 1451. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378763/d3696c834da116282a6a5f8468c9275e29cf1cd5/ (дата обращения: 04.09.2023).

² О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (с изм. и доп.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 04.09.2023).

³ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность (Зарегистрировано в Минюсте России 08.09.2020 № 59715: приказ Минобрнауки России от 18 августа 2020 г. № 1058 (ред. от 27.02.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361963/2e55ccb7_a8a57d0011813752505b83b90ea086b2/ (дата обращения: 04.09.2023)

⁴ Хакимова М. Р. Юридическое образование в России: проблемы и перспективы // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 4. С. 66.

⁵ О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 (с изм. и доп.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 04.09.2023).

нения в статью 40.1 «Требования, предъявляемые к лицам, назначаемым на должности прокуроров»: «Прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, получившие по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция», или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция», или высшее образование по специальностям, входящим в укрупненную группу специальностей «Юриспруденция», с присвоением квалификации «юрист»...»¹.

Отсюда следует, что специальность «Судебная и прокурорская деятельность» при условии ее успешного освоения дает право назначения на должность прокурора без ограничений в карьерном росте, но не позволяет приобрести статус судьи.

В рамках специалитета «Судебная и прокурорская деятельность» предусматривается углубленное изучение актуальных и востребованных прикладных дисциплин практической направленности, которые не входят в учебные планы бакалавриата «Юриспруденция», специалитета «Правовое обеспечение национальной безопасности», специалитета «Правоохранительная деятельность». К таковым относятся: «Судебная система Российской Федерации», «Организация судебной деятельности», «Документооборот в судебной деятельности», «Организация деятельности Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации», «Информационно-коммуникационные технологии в судебной деятельности», «Судебная статистика», «Суд присяжных», «Мировая юстиция Российской Федерации», «Прокуратура Российской Федерации», «Правовая помощь по уголовным делам», «Правовая помощь по гражданским и семейным делам», «Правозащитная деятельность в Российской Федерации» и другие предметы. Освоение данных предметов позволяет в полном объеме раскрыть содержание специальности «Судебная и прокурорская деятельность». Каждая из дисциплин носит эксклюзивный характер, реализует задачи двух новых практико-ориентированных специализаций: «Судебная деятельность» и «Прокурорская деятельность», равноценность которых логически презюмируется Федеральным государственным образовательным стандартом.

Исходя из вышеизложенного, возникла необходимость во внесении изменений в подпункт 1 пункта 1 статьи 4 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», изложив его в следующей редакции: «Судьей может быть гражданин Российской Федерации: получивший по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция», или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция», или высшее образование по специальности «Судебная и прокурорская деятельность», входящей в укрупненную группу специальностей «Юриспруденция», с присвоением квалификации «юрист»».

Предлагаемые изменения действующего федерального законодательства призваны устранить коллизию между правовыми нормами, содержащимися в Законе Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и федеральном государственном стандарте специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность». Это позволит выпускникам, окончившим специалитет «Судебная и прокурорская деятельность», освоившим специальные предметы, формирующие знания, умения и навыки, необходимые судьям, применить их на судебном поприще. Особенно речь идет о тех студентах, которые сознательно выбрали специализацию «Судебная деятельность». Исходя из общей логики образовательного процесса, не только специальность, но и специализация определяют направленность профессиональной деятельности выпускника. Сложно представить, чтобы студент, обучающийся по специальности «Лечебное дело», избрав специализацию, предположим, «Ортопедия» или «Реаниматология» и т. д., успешно окончив полный курс подготовки, не имел права работать по специальности в соответствии со специализацией, то есть стать врачом-ортопедом, реаниматологом и т. д.

Очевидно, что ни одна другая специальность не обременена такой коллизионной проблемой, соответственно, и специальность «Судебная и прокурорская деятельность» остро нуждается в устранении указанной коллизии и в гармонизации своего правового регулирования.

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 (с изм. и доп.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?ysclid=lm6hiubzsp758657686 (дата обращения: 04.09.2023).

Цыбулевская Ольга Ивановна,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой теории права Поволжского института управления — филиала РАНХиГС

Формирование нравственно-правового сознания студентов в системе юридического образования

Актуальность темы настоящего межвузовского практического мотивационно-просветительского форума не вызывает сомнений. В сфере юридического образования в последнее время накопилось много нерешенных задач, острых противоречий, неосуществленных идей. Правовое регулирование в данной области далеко от совершенства.

Как показали выступление С. В. Кабышева, проведенный опрос участников конференции в режиме реального времени, вопросы, озвученные в зале, рассматриваемая проблема нуждается в теоретическом осмыслении, а выводы, полученные в результате дискуссии, — реализации на практике.

В рамках обсуждения доклада хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, прозвучавших в выступлении.

Система современного юридического образования анализируется докладчиком в аспекте проблем конституционной и (можно конкретизировать) *нравственной* безопасности. Важное суждение. В ходе реформ, экономических, политических преобразований российского общества вопросы морального порядка были отодвинуты на последний план. Накопившиеся в этой области проблемы дают о себе знать. Глобализационные угрозы, различные вызовы современности усугубили ситуацию. Противостоять им, как отметил Президент Российской Федерации, на торжественном открытии памятника князю Владимиру в День народного единства (4 ноября 2016 г.), можно только опираясь на духовные заветы предков, на бесценные традиции единства и согласия идти вперед, обеспечивая преемственность нашей тысячелетней истории.

Между тем, как верно подмечено, игнорирование социокультурной природы отдельных правовых систем может привести в правоглобализационном процессе к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков, в основе чего лежит не сила права, а право силы и, соответственно, отказ от фундаментальных конституционных идей демократии и государственного суверенитета¹.

Но сегодня традиционные духовные ценности российского общества становятся приоритетным вектором стратегии развития России.

Моральные приоритеты, как и идеологические ориентиры, имеют значение для всех сфер общественной жизни. Однако для правовых отношений, аккумулирующих все другие элементы правовой системы (свободу и ответственность личности, права и обязанности, правотворчество, правореализацию, правосудие и т. д.), они не переходящи.

Право и мораль — две теоретически обособленные сферы общественной практики, сегодня, как никогда, нуждаются друг в друге. Духовные процессы должны находиться под государственной защитой. Правовой механизм такой защиты пока еще находится в стадии становления, но определенные теоретические наработки в данной области уже есть. Это и отсеивание аморальных инициатив на стадии законопроекта путем официального отказа в их рассмотрении; и признание правовых актов недействительными на том же основании; и опережающее правотворчество, направленное на пресечение размывания границ морального и аморального, дозволенного и недозволенного; проведение экспертизы законопроекта на предмет соответствия нравственным требованиям, моральную оправданность, и, соответственно, формирование корпуса экспертов; создание специализированных судов².

Одно из направлений укрепления духовной сферы — возведение преград (в первую очередь правовых) для культивирования аморальности через средства массовой информации. Попытки

¹ Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. Москва, 2013. С. 172.

² См.: Баранов В. М. Государственная защита нравственности как цель правового ограничения (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 63–67.

установить адекватную ответственность за злоупотребление правом с их стороны неоднократно предпринимались, но эффективных решений пока не принято. Власть должна осуществлять защиту от информации, оказывающей негативное воздействие на сознание граждан особенно молодого поколения. Данное требование полностью соответствует Доктрине информационной безопасности. Так же, как и соответствует ей Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Действенным способом упрочения духовности в государстве, на наш взгляд, является также принятие специальных законов по защите нравственности. Разработка и принятие такого рода нормативных актов — сложная задача. Решение ее предполагает много условий и требований (прочных знаний в области философии и юриспруденции, владение теорией аргументации, наличие жизненного опыта). Кроме того, не все отношения в области морали следует регулировать правовыми нормами. Здесь должна быть мера. Опасны как «юридизация» морали, так и «морализация» права.

Деонтологический компонент юридического образования значительно усиливает воспитательную направленность учебного процесса, способствует усвоению студентами ценностей, норм, принципов и требований действующего права, формирует внутреннюю убежденность в их необходимости и справедливости, готовность последовательно реализовывать их в повседневной юридической деятельности.

Воспитательная функция юридического образования должна реализовываться в ходе преподавания всех учебных дисциплин образовательной программы вуза, занимающегося подготовкой юристов. Особую роль в процессе целенаправленного духовного становления студенческой молодежи призвана выполнять теория государства и права, значимость которой в эпоху морального кризиса и нравственной турбулентности, трудно переоценить. Педагогу следует обратить особое внимание на теоретические и методологические аспекты взаимодействия права и морали, а также на конкретные исторические особенности их функционирования в современных обществах. При этом надо иметь в виду, что «и право, и мораль требуют для своего различения и уяснения особенностей гораздо больше усилий, нежели суждение об их практической роли в социальном общении. Это связано с пониманием природы права, с представлением об обществе и государстве, а также с представлениями о нас самих в качестве граждан»¹.

В условиях нестабильности международной обстановки, информационных войн, фейковых нападков на целые страны, лжи, возведенной на межгосударственный уровень, недееспособности международного права многократно возрастает значение мировоззренческой функции теории государства и права, призванной сформировать устойчивые представления студентов о месте и роли Российского государства в мировом сообществе, воспитать чувство гражданственности и патриотизма у молодого поколения юристов, которые должны четко осознавать, что они действуют от имени государства.

В содержание курса теории государства и права с точки зрения аксиологического подхода вполне оправдано включение темы «Ценность права». Связующим звеном между нравственно-правовыми конструкциями и конкретными правоотношениями (по большому счету между теорией государства и права и отраслевыми дисциплинами) должны служить принципы права, которые требуют более полного и всестороннего анализа со стороны ученых-правоведов. Мировоззренческие принципы права, в частности принцип гуманизма, призваны выполнять особую роль, на что верно обращено внимание в обсуждаемом докладе.

Вышеизложенное является еще одним аргументом в пользу озвученного в докладе тезиса о том, чтобы придать (точнее, вернуть) теории государства и права статус государственного экзамена.

Духовное воспитание в вузе может проводиться по многим каналам. Практическое усвоение гуманистических ценностей происходит в ходе работы студентов в юридических клиниках в процессе оказания юридической помощи малоимущим гражданам.

Нравственное и правовое воспитание не разрывны. Но приоритет все же должен отдаваться нравственному воспитанию. Недостаток знаний нормативных актов можно впоследствии уstra-

¹ Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. № 8. С. 115.

нить усиленной самостоятельной подготовкой. Отсутствие же прочных нравственных ориентиров у правоприменителя (например, судьи) восполнить в одночасье невозможно. Обостряет проблему то, что многие законы, в том числе кодексы, изобилуют оценочными категориями. Когда-то в будущем нынешнему студенту-юристу предстоит решать, что в конкретной ситуации является справедливым, разумным, добросовестным, а что нет. Разумеется, это требует от современного юриста-практика не только профессионализма, но и высоких моральных качеств.

Таковы отдельные суждения по актуальным проблемам обсуждаемого содержательного доклада.

Булатов Рашид Борисович,

доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

Современные тенденции в системе юридического образования Российской Федерации

Конституция Российской Федерации гласит: «каждый имеет право на образование» (ч. 1 ст. 43)¹. Закрепление данного права человека и гражданина во второй главе Основного закона государства свидетельствует о его чрезвычайной важности. Это положение выделяется как одно из основных прав человека и, по мнению автора, лежит в основе становления личности.

Вопросы, связанные с образованием, были актуальны на всех этапах становления общества и государства. Сменяемость специалистов, воспитание новых талантов — это часть эволюции всех областей жизнедеятельности людей.

Сегодня в Российской Федерации образованию присвоен наивысший приоритет развития, так как события на мировой арене подталкивают наше государство на разработку собственных технологий, наращиванию темпов национального производства во всех сферах экономики и, конечно, поддержание законности и правопорядка в стране, тем самым оберегая суверенитет страны от внешних угроз. Все это невозможно без воспитания новых специалистов способных усилить все сферы жизнедеятельности общества, в том числе грамотных и талантливых юристов.

В последние годы сфера образования подвергается масштабным изменениям. Отмечаются такие тенденции, как демократизация образования, которая выражается в доступности, многоуровневости и многовариантности образовательных программ. Ко всему, наше государство поддерживает интернационализацию образования, внедряя положительный международный опыт в образовательный процесс. Все это позволяет говорить о наращивании количества людей, способных обеспечить стабильность нашего государства.

Законодательство об образовании также не может обойтись без изменений в таком бурном эволюционном потоке. В 2012 году был принят новый Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»², он ознаменовал новую эпоху российского образования и вхождения в мировое образовательное пространство.

Сегодня в этот закон внесено более 125 изменений. Из последних существенных изменений, в июне настоящего года Федеральным законом от 24 июня 2023 года № 283-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» была добавлена в часть 2 статьи 3 обязанность Правительства Российской Федерации ежегодно не позднее 15 мая представлять палатам Федерального Собрания Российской Федерации национальный доклад о реализации государственной политики в сфере образования, включающий в себя в качестве составных частей доклад о реализации государственной политики в сфере образования (на всех уровнях). Также этот доклад публикуется в сети «Интернет» на официальном портале Прави-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31, ст. 4398.

² Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ч. 1, ст. 7598.

тельства Российской Федерации¹ [3]. Это изменение поспособствовало укреплению контроля за качеством получаемого образования, а открытость данных демократизации нашего образования.

Теперь хотелось бы поговорить о тенденциях юридического образования, которое также идет в ногу со временем и регулярно совершенствуется.

Юриспруденция — одно из самых востребованных образовательных направлений в России. Согласно статистике за 2022 год² [4], по специальности «Юриспруденция» в нашей стране обучалось больше всего студентов (331 500 человек), на втором месте идет «Экономика» (274 000 человек). Такой спрос вызван обилием университетов, в составе которых образованы юридические факультеты, а также многовариантности дальнейшего карьерного пути после получения юридического образования, то есть, получая квалификацию «Юрист», студенты могут работать по смежным специальностям, например, в качестве кадровых сотрудников. Знание законодательства, государственного устройства, системы органов государственной и муниципальной власти пригодятся любому гражданину нашей страны, поэтому юридическое образование можно назвать универсальным.

Как мы знаем, в юридической сфере изменения происходят каждый день, модернизируется законодательство, появляется новая судебная практика, формируются научные школы ученых. Все это заставляет преподавателей и студентов следить за состоянием законодательства и актуализировать свои знания. В этом непрерывном процессе огромную поддержку им оказывают порталы правовой помощи такие как: «Консультант-Плюс»³ [5], «Гарант»⁴ [6], pravo.gov.ru⁵ [7]. С появлением этих источников осуществлять мониторинг изменений и отслеживание нововведений стало намного проще. Сегодня в каждом университете используются корпоративные версии этих систем, что позволяет сотрудникам оперативно корректировать внутреннюю документацию и освежать свои знания.

Внутри учебного процесса, конечно же, также происходят изменения. Ежегодно рабочие программы дисциплин, преподаваемых на юридических факультетах, требуют модернизации и актуализации. Преподаватели и методисты проделывают большую работу по поддержанию доступного и информативного материала для студентов, разрабатывают различные формы взаимодействия со студентами, например, планирование экскурсионных посещений органов государственной и муниципальной власти, в частности, Конституционного Суда Российской Федерации и иных органов. Правильное распределение и разноплановость учебной нагрузки способствует наиболее продуктивному восприятию студентами материала, что влияет на качество формирующихся знаний.

Еще одна важная сторона учебного процесса — это роль преподавателя. На период обучения, а иногда и в будущих начинаниях студентов преподаватель становится проводником во взрослую жизнь, передавая свои знания, опыт и навыки, полученные в процессе профессиональной деятельности. Преподаватель напрямую влияет на качество получаемых знаний и на то, как они будут усвоены. Однако на сегодня ряды опытных научных сотрудников редуют и все меньше появляется новых кандидатов и докторов наук, об этом свидетельствуют статистические данные. Согласно данным из переписи населения в 2021 году в России было насчитано 78 900 докторов наук и 362 800 кандидатов наук. В сравнении в 2010 году кандидатов было на 64 % больше и докторов на 58 % (595 500 и 124 300, соответственно)⁶ [8]. Падение численности ученых, способных передать свой опыт молодому поколению, может отрицательно сказаться на будущем системы образования в нашей стране.

В заключении хотелось бы сказать, к сожалению, система образования в нашей стране не совершенна, но положительные тенденции есть, например, демократизация и интернационализация образования, однако стоит уделить внимание подготовке новых научных сотрудников, способных пополнить преподавательские ряды и воспитывать будущее поколение.

¹ О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июня 2023 года № 283-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 26, ст. 4691.

² Гохберг Л. М., Кузьмичева Л. Б., Озерова О. К. Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник // Москва. НИУ ВШЭ, 2022. 132 с.

³ URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.08.2023).

⁴ URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 25.08.2023).

⁵ URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.08.2023).

⁶ URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 25.08.2023).

Черных Евгения Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Особенности практикоориентированного обучения при подготовке юристов

— У меня от него мурашки по коже...

— Он что — юрист?!

«Законопослушный гражданин»

Качество юридической помощи напрямую зависит от уровня образования и подготовленности выпускников юридических вузов. Указанный показатель неоднократно подвергался острой критике. При этом критикуют выпускников-юристов не только работодатели, но и обычные граждане. Чтобы не быть голословной, приведу цитату Игоря Барцица, члена Ассоциации юристов России: *«Что происходит в системе подготовки юристов? Качество юридического образования стало одной из значимых общественных тем. Юридическое образование умирает? Что происходит в системе подготовки юристов? Чем вызван накал страстей?»*¹. Больше всего опасений вызывает неспособность выпускниками зачастую осуществлять применение полученных знаний на практике. Указанную проблему может решить внедрение практикоориентированного подхода в образовательный процесс.

Процесс подготовки бакалавров, специалистов и магистров по всем специальностям и направлениям должен строиться с учетом потребностей действующих правоприменителей. Вузы должны осознавать важность и необходимость указанного элемента образовательного процесса.

Указанная проблема не является новой, ее осознают ученые как юридического, так и педагогического профиля. Различным аспектам практико-ориентированного обучения посвящено немало трудов².

Решение этой сложной и многогранной задачи может складываться по нескольким основным направлениям.

Первое из них связано с необходимостью увеличения количества часов, отводящихся на различные виды практик, которые проходят студенты в процессе обучения, а также повышением качества организации стажировки образовательными организациями.

Позиции вузов в России по указанному вопросу отличаются многообразием. Это касается времени и количества практик за время обучения. Образовательная организация должна контролировать отношение потенциального работодателя к практикантам (многие руководители практик от организаций, не придавая должного значения программам практик, их содержательным требованиям, привлекают студентов к выполнению иных задач и функций, нередко и неюридического характера). Нередко указанное отношение негативно сказывается на выборе места стажировки в качестве будущего потенциального места работы выпускника.

Вузы редко используют возможности дополнительных практик, таких как внеучебные и дополнительные практики в различных органах и учреждениях в качестве общественных помощников юристов, адвокатов, следователей, а также иных правоприменителей. Разъяснение указанной возможности студентам позволит повысить процент освоения практических навыков.

¹ URL: https://vk.com/wall-18864988_26507 (дата обращения: 25.08.2023)

² Айбазова М. Ю., Гербекова Л. Х. Компетентностный подход как фактор профессионализации будущих юристов // Образование. Наука. Инновации. 2015. № 4 (42). С. 113–117; Ветров Ю. П., Клушина Н. П. Практико-ориентированный подход // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 43–46; Гайтова Л. Х.-М. Практико-ориентированное обучение студентов-юристов в условиях юридической клиники в традициях наставничества: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2014. 21 с.; Гербекова Л. Х. Особенности формирования профессиональной компетентности в системе высшего юридического образования с применением технологии контекстного обучения // Потенциал современной науки. 2015. № 6 (14). С. 84–89; Дмитриенко Т. А. Новые образовательные технологии в высшей педагогической школе // Высшее образование сегодня. 2003. № 6. С. 26–30; Жукова И. А. Контекстное обучение как средство формирования профессиональной компетентности будущих юристов: дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2011. 84 с.; Мартынова Л. И. Проблемы практико-ориентированного обучения в вузе МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 180–185; Миннеханова С. Х. Практико-ориентированные методики профессиональной подготовки юристов // Право и практика. 2017. № 1 (16). С. 33–35.

Нередко вузы предоставляют возможность самим студентам подбирать место прохождения практики, облегчая себе работу, заключая соответствующие соглашения с потенциальными работодателями. Это, в свою очередь, снижает качество прохождения практики обучающимися. Так, студент зачастую ищет место стажировки, где требуется минимум его участия. Перечень организаций, где студенты могут в процессе обучения получить практические навыки должен быть максимально широк, это и государственные органы власти, правоохранительные органы, коммерческие организации.

Как правило, образовательные площадки, которые готовят юристов редко используют рассредоточенную практику (проходит в течение семестра или учебного модуля и перемежающаяся с другими видами учебных занятий), останавливаясь лишь на классических формах.

Второе направление нацелено на использование профессионально-ориентированных технологий обучения и методик моделирования фрагментов будущей профессиональной деятельности. Образовательная площадка сама определяет перечень дисциплин, в которых могут быть использованы возможности интерактивной экскурсии, видеоконференций, мастер-классов, тренингов, круглых столов, деловых игр, *case-study*, и мозгового штурма.

Прежде всего, это проведение деловых игр, которые подразумевают моделирование и проигрывание будущими юристами профессиональных ролей. По уровню сложности они могут быть в виде имитационных упражнений, анализе конкретных производственно-профессиональных ситуаций, разыгрывании ролей и полномасштабной деловой игре, имитирующей профессиональную деятельность.

Метод кейсов (*case-study*) или казусов представляет собой технику обучения, основанную на устном или письменном решении задач (разборе практических ситуаций). Многие современные педагоги говорят о неприменимости метода кейсов при подготовке юристов, так как первоначально указанная методика применялась для подготовки бизнес-специалистов (Гарвардская школа бизнеса в 1920 г.), но в настоящий момент активное применение *case-study* юридическими образовательными площадками говорит об обратном.

Мозговой штурм — это одна из методик, позволяющих студентам организовать и осуществить поиск новых знаний. В рамках штурма студент использует полученные знания для решения различных задач, проблем, при этом приобретает навыки самостоятельного мышления, учится делать выводы, обобщать. Метод мозгового штурма это, прежде всего, групповая коллективная работа, позволяющая педагогу вовлекать в процесс обучения максимальное количество студентов. Помимо практических навыков, осуществляется сплочение группы в ходе поиска ответа на поставленные вопросы.

Третье направление практико-ориентированного образования связывает с приобретением помимо знаний, умений, навыков опыта практической деятельности с целью достижения профессионально и социально значимых компетентностей.

В рамках указанного направления остановимся на создании юридических клиник и базовых кафедр.

Возможность создания юридической клиники как структурного подразделения образовательной организации предусмотрена Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации». В юридических клиниках студенты, оказывая бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера, вырабатывают профессиональные умения и навыки. Действующая юридическая клиника на базе юридического факультета ННГУ имени Н. И. Лобачевского в среднем обрабатывает в год 210 обращений при участии 110 студентов.

Организация работы юридических клиник сталкивается с целым рядом проблем. В рамках проекта Концепции развития и поддержки юридических клиник в Российской Федерации до 2025 года, указано отсутствие надлежащего материально-технического и методического обеспечения деятельности многих юридических клиник, программы юридического клинического обучения, работой в них персонала и преподавателей на общественных началах, привлечением к работе в клиниках начинающих, малоопытных преподавателей и др¹.

Базовая кафедра — это официальное структурное подразделение вуза, которое взаимодействует одновременно с двумя субъектами:

¹ URL: <https://www.codolc.com/standards> (дата обращения: 25.08.2023).

- непосредственно высшим учебным заведением;
- работодателем, компанией-партнером.

Базовая кафедра призвана решать сразу несколько задач. Прежде всего, это подготовка высококвалифицированных специалистов с учетом требования ГОСТ, ФГОС на основе образовательной программы. При этом потенциальный работодатель сразу же ориентирует студентов на те требования, в которых нуждается. Нередко вузы не могут закупить дорогостоящее оборудование для организации образовательного процесса. Базовая кафедра призвана помогать образовательным организациям в решении указанного вопроса по использованию современного оборудования, технологий и возможностей. Ну и, возвращаясь к вопросу о стажировках, базовая кафедра призвана также помогать в организации практики.

Несомненно, в рамках указанной статьи невозможно проанализировать все возможности повышения практикоориентированности юридического образования. ВУЗ сам определяет совокупность тех направлений, которые наиболее результативны и доступны для него.

Петрова Екатерина Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой сравнительного правоведения и творчества Ивановского государственного университета

Проблема фундаментальности высшего юридического образования

В современной России система высшего образования, в том числе юридического, уже не первый год претерпевает существенные изменения. Исследователи справедливо отмечают, что за последние десятилетия произошли такие кардинальные изменения в политической, правовой системах страны, в экономике, федеративных отношениях, местном самоуправлении, судостроительстве и судопроизводстве, которые требуют «иного уровня правового обеспечения, иной структуры юридической деятельности и профессионального юридического образования»¹. Прагматизм XXI века выводит на первый план формирование практических умений и навыков у выпускников высших учебных заведений. Юриспруденция же по своей природе во многом ориентирована именно на получение прикладного знания для разрешения конкретных жизненных казусов. Тенденции практикализации высшего образования нашли отражение и в государственных образовательных стандартах юридического «профиля», принятых после перехода со специалитета на бакалавриат и магистратуру.

Уже первый ФГОС ВПО 2010 года по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «бакалавр»), в основу которого был положен компетентностный подход, изменил суть образовательного процесса в сторону усиления его практической составляющей с целью формирования и развития *профессиональных навыков обучающихся* (п. 7.3)². Заменивший его в 2016 году ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата)³ сохранил обозначенную тенденцию. Об этом свидетельствовали, в частности, те профессиональные задачи, которые должен был решать бакалавр в соответствии со Стандартом: разработка нормативных правовых актов и их подготовка к реализации; совершение действий, связанных с реализацией правовых норм; составление юридических документов, консультирование по вопросам права и т. д. (п. 4.4). Принятый в 2020 году действующий ФГОС высшего образования — «Бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» также предусматривает в качестве результатов освоения программы формирование преимущественно практико-ориентированных общепрофессиональных компетенций (решение юридических проблем, юридическая

¹ Синюков В. Н., Синюкова Т. В. Концептуальные основы развития университетского и прикладного юридического образования в России // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 292.

² Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»): приказ Минобрнауки Российской Федерации от 4 мая 2010 года № 464 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 26. 28 июня.

³ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 1511. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

аргументация и т. д.)¹. Однако в нем, на наш взгляд, уже прослеживается определенная тенденция к фундаментализации юридического образования. В частности, устанавливаются универсальные компетенции, направленные на формирование системного и критического мышления, коммуникации, межкультурного взаимодействия (п. 3.2), а также общепрофессиональные компетенции, ориентированные на развитие навыков юридического анализа, юридической экспертизы и т. п. (п. 3.3). Аналогичные компетенции как результаты обучения предусмотрены и в действующем (принятом в 2020 г.) магистерском стандарте по юриспруденции (п.п. 3.2, 3.3)².

На формирование указанных компетенций направлены в первую очередь юридические дисциплины историко-теоретического «блока», такие как: «Теория и история государства и права», «Философия права», «Сравнительное правоведение», «История политических и правовых учений». На наш взгляд, к этому же блоку в настоящее время можно отнести и юридическую технику как самостоятельную дисциплину: хотя она имеет во многом прикладной характер, но в своей «общей части» рассматривает базовый юридический инструментарий, используемый во всех видах юридической деятельности и необходимый для успешного освоения отраслевых юридических приемов и средств. Именно данные дисциплины обеспечивают формирование фундаментальных юридических знаний, без которых невозможно развитие профессионального юридического мышления. Основные правовые понятия, категории в их теоретическом, историческом и сравнительно-правовом ракурсах закладывают ту «матрицу», на которую будут накладываться отраслевые юридические конструкции. Они создают базу для формирования правового сознания и правовой культуры. Это особенно важно в системе отечественного высшего образования, позволяющего получать юридическую «специальность» сразу после школы (в то время как, например, в США юридическое образование возможно только как «второе» высшее) и осваивать юридическую магистратуру без юридического бакалавриата.

Необходимость фундаментальных юридических знаний обусловливается и особенностями российской правовой системы, относящейся к континентальной правовой традиции, опирающейся на дедуктивный метод мышления. И. Л. Честнов справедливо указывает, что «дедуктивный принцип, проникающий во все части юриспруденции континентальной Европы, выражается прежде всего в кодифицированных нормативно-правовых актах, в преподавании, которое начинается с теории права»³. Система юридического образования в континентальном, в том числе российском, праве соответствует дедуктивному стилю мышления: первоначально транслируются знания общих понятий, сформулированных доктриной, а затем изучаются отдельные правовые институты; во многих правовых институтах присутствуют родовидовые классификации, теория юридической квалификации строится на дедуктивной силлогистике⁴.

Однако проблема заключается в том, что в действующих образовательных стандартах высшего юридического образования фундаментальные юридические дисциплины представлены весьма «скромно», а, значит, их включение в учебные планы (перечень, объем зачетных единиц) полностью зависит от усмотрения самой образовательной организации. Так, стандарт бакалавриата в пункте 2.2. в качестве обязательных указывает только теорию и историю государства и права с явным преобладанием отраслевых юридических дисциплин в перечне обязательных. Стандарт юридической магистратуры вообще не содержит какого-либо перечня обязательных дисциплин, хотя в прежнем стандарте такие фундаментальные дисциплины, как «Философия права», «Сравнительное правоведение» и «История политических и правовых учений» были закреплены в качестве обязательных (п. 6.2)⁵.

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2020 года № 1011. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 25 ноября 2020 года № 1451. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Цит. по: Михайлов А. Стиль юридического мышления в романо-германской правовой семье. URL: <https://blog.pravo.ru/blog/1644.html> (дата обращения: 26.03.2022).

⁴ См.: Михайлов А. Стиль юридического мышления в романо-германской правовой семье. URL: <https://blog.pravo.ru/blog/1644.html> (дата обращения: 26.03.2022).

⁵ Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»): приказ Минобрнауки Российской Федерации от 14 декабря 2010 года № 1763 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 14. 4 апреля.

Учитывая важность историко-теоретических и сравнительно-правовых знаний для подготовки профессионального юриста, мы считаем необходимым включить в образовательные стандарты по юриспруденции в качестве обязательных такие дисциплины, как «Теория государства и права» (что есть и сейчас), «Философия права», «История политических и правовых учений», «Сравнительное правоведение», «Юридическая техника». Также целесообразно установить минимум часов, которые должны быть отведены в учебном плане на данные дисциплины. В настоящее время вузы не только сами решают вопрос о включении этих дисциплин в учебные планы, но и о количестве зачетных единиц на них (которые нередко минимальны, особенно если эти дисциплины предусмотрены в качестве элективных). И хотя в последние годы обсуждались вопросы сокращения количества дисциплин общетеоретического и историко-правового профиля и выделяемых на них аудиторных часов в пользу отраслевых юридических дисциплин (и некоторые из этих идей получили практическое воплощение), по нашему мнению, отказ от этих дисциплин в процессе подготовки квалифицированного юриста невозможен, так как именно данные дисциплины закладывают «фундамент» юридического мышления (неслучайно и преподаются они преимущественно на первом курсе), вводя студента в сложный мир правовой материи, раскрываемый затем во всем своем многообразии отраслевыми юридическими дисциплинами. Причем если дисциплины историко-теоретического блока логично преподавать сразу на первом курсе до освоения отраслевых дисциплин, то философию права, историю политических и правовых учений, сравнительное правоведение и юридическую технику представляется обоснованным включать в учебный процесс на старших курсах, так как они требуют наличия у студентов уже определенного уровня юридического мышления и знания отдельных отраслевых институтов.

Большую роль в обеспечении фундаментальности высшего юридического образования играет также научно-исследовательская деятельность как преподавателей, так и студентов.

Несмотря на общее сокращение количества часов на читаемые юристам дисциплины (в частности, в связи с уменьшением срока обучения в бакалавриате по сравнению со специалитетом), представляется целесообразным сохранение в содержании программ учебных дисциплин разделов, включающих те или иные достижения юридической науки. Соответственно, при обучении праву (особенно при чтении лекций) не следует ограничиваться только анализом действующего законодательства и правоприменительной практики. Для развития правового мышления и правосознания студентов важно транслировать им основные положения науки, в том числе носящие дискуссионный характер и требующие самостоятельного анализа. Причем делать это нужно как при преподавании теоретико-правовых (доктринальных по своей природе), так и отраслевых юридических дисциплин. В этом контексте весьма полезной может быть практика чтения «бинарной» лекции, в которой задействованы преподаватель-теоретик и преподаватель-практик.

Здесь, однако, возникает вопрос о том, в каком объеме студенты должны осваивать научные достижения (опять же учитывая ограниченное количество часов на изучение того или иного предмета). Ответ на него, на наш взгляд, напрямую зависит от того, идет ли речь о студентах-бакалаврах или о студентах-магистрах. И здесь мы можем исходить из требований образовательных стандартов.

Так, стандарт бакалавриата, перечисляя типы профессиональной деятельности, к которым готовится бакалавр (п. 1.12), научно-исследовательскую не называет. Выпускник бакалавриата — это в первую очередь юрист-практик (правотворец, правоприменитель), а значит, и научные интерпретации права ему необходимы ровно на столько, на сколько их можно связать с практической деятельностью. Правда, идея деления бакалавриата на академический и прикладной, некогда предложенная чиновниками в сфере образования, несколько меняла интерпретацию профессиональных качеств юриста-бакалавра, но она в юриспруденции так и не получила практического воплощения в виде новых стандартов. В свете указанного мы считаем возможным исключение из программы по теории государства и права для бакалавров вопросов, имеющих более научный, нежели практический характер (по отдельным теориям права (достаточно ограничиться общей характеристикой типов правопонимания), о сущности государства и права и т. п.). Подобного рода вопросы должны входить в программу по проблемам теории государства и права, философии права, истории политических и правовых учений и изучаться либо на старших курсах бакалавриата, либо, что логичнее, в магистратуре, где роль научных знаний совсем иная (это также позволит избежать «дублирования» курсов в бакалавриате и магистратуре, тем более, что нередко они читаются одними и теми же преподавателями).

Согласно ФГОС ВО магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция в качестве одной из областей профессиональной деятельности, к которым готовится магистр, указывается образование и наука (п. 1.12). В качестве типов профессиональной деятельности выпускников называются педагогическая и научно-исследовательская (п. 1.13). Научно-исследовательская работа позиционируется и как тип практики для магистров (п. 2.2.) В ранее действовавшем стандарте в число формируемых у магистров компетенций включались такие компетенции, как способность квалифицированно проводить научные исследования в области права (ПК-11) и преподавать юридические дисциплины на высоком теоретическом и методическом уровне (ПК-12) (сейчас эти компетенции в стандарте не указаны, но могут определяться организацией самостоятельно в числе профессиональных). Соответственно, при обучении магистров им не только необходимо транслировать достижения юридической науки, но и использовать соответствующие методы для эффективного освоения этих достижений и формирования навыков самостоятельного проведения научных исследований. Неслучайно, в состав государственной итоговой аттестации магистров входит защита выпускной квалификационной работы как итогах их самостоятельной научной работы. Для сравнения: стандарт бакалавриата вообще не рассматривает защиту ВКР как обязательный элемент ГИА, а допускает ее по решению самой образовательной организации (п. 2.7). Соответственно, именно в магистратуре научная (доктринальная) составляющая должна преобладать в преподавании юридических дисциплин. Следует подчеркнуть еще один аспект роли науки в преподавании: как правило, преподаватель дает студентам именно те теоретические интерпретации права, сторонником которых сам является, формируя и у обучающихся соответствующие установки. И здесь важно, чтобы не было односторонности подачи научного материала, поэтому задача преподавателя заключается в нахождении и использовании наиболее эффективных методологических подходов формирования научной компетентности магистров на основе плюрализма современных юридических взглядов.

Наконец, большую роль в фундаментализации высшего юридического образования играет привлечение самих студентов-юристов, особенно магистрантов, к научной деятельности путем подготовки ими и опубликования научных статей, а также участия с докладами в научных конференциях. В магистратуре такие формы должны быть обязательными при прохождении практической подготовки в виде научно-исследовательской работы (НИР). Но уже с бакалаврской «ступени» желательно формировать у студентов умения анализа научного материала и навыки публичных выступлений, которые имеют особое значение в профессии юриста. Этому способствуют, в частности, проводимые вузами студенческие конференции. Так, в Ивановском государственном университете ежегодно в апреле проходят Дни молодой науки, где студенты могут представлять свои доклады на различных секциях и публиковать результаты своих исследований. Учитывая, что для современной молодежи значительный вес нередко имеют материальные стимулы, успешной может быть практика предоставления внутривузовских грантов на научную деятельность студентов и проведения конкурсов научных работ с премиальным фондом. Непосредственное участие студентов в научной жизни вуза, а также в межвузовских научных мероприятиях, естественно, под руководством научного наставника, способствует формированию фундаментальных юридических знаний и высокого уровня правосознания уже со студенческой «скамьи».

В заключение еще раз подчеркнем необходимость усиления фундаментальных начал в сфере высшего юридического образования, поскольку именно фундаментальные юридические знания закладывают основы профессионального юридического мышления, развитого правосознания, без чего невозможна успешная юридическая специализация и подготовка квалифицированного юриста-практика. Юридическое образование — это не только обучение юриспруденции как таковой, но и повышение правовой культуры, и правовое воспитание. Последнее же особенно актуально в современных социальных реалиях. Ученые справедливо подчеркивают, что модернизация российской государственности, судебная, правоохранительная, административная, муниципальная реформы, качественное обновление системы законодательства, как и другие направления обновления правовой жизни, нуждаются в существенном улучшении кадрового состава судебных, правоохранительных органов, государственных и муниципальных служащих, в существенном повышении уровня как массовой, так и профессиональной правовой культуры¹. Соответственно, в

¹ Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Москва, 2014. С. 6.

условиях происходящего сейчас реформирования высшего юридического образования необходимо сохранение в государственных образовательных стандартах фундаментальных юридических дисциплин теоретико-исторического, сравнительно-правового и юридико-технического профилей и увеличение объема отводимых на них часов, а также более активное вовлечение студентов в научную деятельность через знакомство их в процессе обучения с последними достижениями юридической науки и привлечение к участию в научных мероприятиях. В сохранении фундаментальности высшего юридического образования залог подготовки квалифицированных юридических кадров с развитым правосознанием и доктринальным подходом к юридической деятельности, а не просто практико-ориентированных исполнителей.

Плетников Виктор Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

Проблемы качества практико-ориентированной подготовки юристов в условиях цифровизации

Вопросам цифровизации гуманитарного образования посвящено значительное количество исследований. На проблему обращают внимание как педагоги, так и юристы, социологи, философы, представители всех сфер гуманитарного знания¹.

Предваряя исследование заявленного вопроса, важно акцентировать внимание на используемых в исследовании значениях понятий, поскольку в условиях вынужденной ускоренной трансформации общественных отношений (с учетом взрывного роста технологий и пандемии) их содержание разнородно.

1. Цифровизация представляет, происходящие на определенной стадии общественного развития, процессы, в ходе которых социальное взаимодействие между членами общества обеспечивают информационные технологии, то есть процесс производства, распределения и потребления информации является основой организации социальных связей².

2. Гуманитарное (юридическое) знание содержит информацию об особенностях взаимодействия между людьми, в частности российский юрист должен знать, как обеспечить их мирное сосуществование, на основе правовых знаний, ценностей, позиционируемых российским государством как фундаментальных³.

3. Практико-ориентированная подготовка представляет собой освоение обучающимся образовательной программы в условиях приближенным к практическим. Компетентность будущего юриста формируется в условиях осуществления практической юридической деятельности. Тут можно вести речь:

¹ Жиркова Г. П., Коцюба И. Ю. Методические подходы и инструменты цифровизации гуманитарного образования // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (298). С. 10–14; Ботвинева Н. Ю. Преподавание дисциплин гуманитарного цикла в условиях цифровизации и профессионализации образования // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2021. № 2-2. С. 6–12; Горбунова Ю. А., Гусев Д. А., Минайченкова Е. И., Потатуров В. А. Гуманитарные проблемы цифровизации высшего образования в современном российском обществе: коллективная монография. Москва: Московский университет имени С. Ю. Витте, 2021. 144 с.

² Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Wash.: WorldFutureSoc., 1983. 171 p.; Полатайко С. В., Галимова А. М. Постиндустриальное общество и воздействие информационных потоков на качество жизни // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 3. 160–166; Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильчев и др. 2-е изд. Москва: Советская Энциклопедия, 1989. С. 497–498.

³ Плетников В. С., Плетникова Т. А. Формирование системы гуманитарных знаний у обучающихся первого курса учреждений высшего образования: проблема, требующая решения на этапе построения цифрового общества // Педагогические и социальные вопросы образования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. Чебоксары, 2020. С. 111–114; Плетников В. С., Плетникова М. С. Некоторые особенности подготовки юристов в российских вузах или о чем забывают сказать начинающему юристу // e-FORUM. 2017. № 1 (1). С. 5. URL: <http://www.eforum-journal.ru/ru/component/content/article?id=90> (дата обращения: 17.08.2023).

- о реализации различного вида практик (учебная, производственная);
- об относительно новом виде учебных занятий — проектная деятельность;
- о внедрении и использовании в образовательном процессе инновационных технологий, при проведении отдельных видов учебных занятий;
- о создании в процессе проведения учебных занятий условий приближенных к практической юридической деятельности.

При этом важно понимать, что погружение в профессию, демонстрация творческих способностей должны проходить параллельно с усвоением фундаментальных научных знаний и положений, определяющих компетентность будущего юриста, его возможности адаптироваться к меняющимся условиям общественной жизни и осуществления юридической практики.

Остановившись собственно на вопросах качества практико-ориентированной подготовки, рассмотрим их с позиции отдельных проблем и возможностей их решения. Для удобства представления материала, его изложение будет построено через описание проблем, с которыми сталкиваются субъекты, участвующие в образовательном процессе: обучающийся, образовательная организация и профессорско-преподавательский состав.

Первая группа проблем. Проблемы, связанные с личностью обучающегося — знаниевая составляющая. Без знания и понимания в нашем случае юридических понятий, базовых характеристик юридической деятельности, гуманитарных ценностей невозможно эффективно использовать средства, приемы и методы практической юридической деятельности. Отсутствие такого рода знаний влечет для будущего юриста-практика проблемы с законом, но и с этими знаниями не всегда все складывается в профессиональной деятельности практикующего юриста. Происходит это по той причине, что в его сознании нет должного понимания смысла профессии. Профессорско-преподавательский состав, объяснив прописные истины юриспруденции не дал должного понимания самой профессии. Необходимо потенциальному студенту, абитуриенту, студенту-первокурснику дать понимание ряда определяющих моментов.

Во-первых, обучающемуся необходимо понимать, что в отечественной юриспруденции благодаря советской юридической школе господствует нормативистское правопонимание. Это значит, что в процессе подготовки вся работа образовательной организации будет построена таким образом, чтобы дать студенту знания и навыки юридического письма и работы с юридическими документами, не более. Если же вести речь о юристе, то в современных условиях профессия юриста должна быть сродни профессии артиста, обучение должно быть штучным. Он должен быть немного психологом, бухгалтером, экономистом, артистом, режиссером и т. д. В конечном итоге, юрист (лицо, получившее такой статус) должен представляться «я выпускник, например, с курса М. В. Барановой». Вот тогда можно говорить о практико-ориентированной подготовке, вот тогда можно спрашивать за результат, видеть, какая школа обеспечивает лучшую подготовку.

Во-вторых, обучающемуся необходимо понимать, что всю профессиональную деятельность юриста определяют гуманитарные ценности, сформированные, санкционированные государством, а отступление и / или уклонение от их реализации влечет в обязательном порядке привлечение лица к юридической ответственности, порой весьма суровой. Юрист в большинстве случаев является не носителем власти, а ее «службой», его задача обеспечивать существование права и государства, целью функционирования которых, в свою очередь, является мирное сосуществование всех членов общества.

В-третьих, обучающемуся необходимо понимать, что для познания права и, конечно, дальнейшей работы по специальности у него есть два пути. Первый — получить какое-нибудь образование, а потом через переподготовку прийти в профессию; второй — изначально готовиться к работе с правом, получить профильное образование. В первом случае, обучение в течение 6–12 месяцев и можно приступать к работе, во втором случае, срок обучения составляет от 4 лет. В первом случае, лицо получает общее представление о юридических (действиях) процедурах, максимум особенности определенной профессиональной сферы, а во втором — закладываются основы для формирования личности юриста, то есть окончив вуз легистом, выпускник в процессе практической юридической деятельности, самообразования может дорасти собственно и до юриста. Но и здесь есть тонкости. Юрист для правоохранительной системы и юрист для домохозяйства, юрист-практик и юрист-ученый они все должны выстраивать свою образовательную траекторию по-разному, то есть для них практико-ориентированность в процессе получения образования формируется по различным принципам, имеет отличное содержание. Практико-ориентированный подход — это подход,

связанный с формированием индивидуальной образовательной траектории, обучающийся должен требовать от образовательной организации, педагогов то знание, которое ему будет необходимо в профессиональной деятельности. Для обучающегося должны быть созданы реальные образовательные возможности. Чтобы после окончания обучения, получив необходимые знания / умения / навыки, он мог прийти в профессию и начать самостоятельную практическую деятельность.

Вторая группа проблем. Проблемы, возникающие в процессе осуществления практико-ориентированной подготовки у образовательных организаций. Их, условно можно подразделить на две группы: содержательные и технические.

Содержательные проблемы во многом связаны с отсутствием понимания у администрации образовательной организации природы практико-ориентированной подготовки. Деятельностная составляющая практико-ориентированной подготовки должна строиться на триединстве юридической практики, юридической науки и юридического образования.

Необходимо, как показывает анализ научных источников, больше внимания уделить в процессе подготовки юристов-практиков не методикам контроля и надзора, а собственно формированию знаний и навыков, которые лежат в их основе, то есть акцентировать внимание на первичных юридических действиях, которые являются основой для любой юридической деятельности. В этом образовательным организациям хорошим подспорьем станет такая учебная дисциплина, как юридическая техника. Именно она должна стать основной учебной дисциплиной, в ходе изучения которой обучающиеся будут иметь возможность понять, что в основе юриспруденции лежит СЛОВО (основа языка права). Именно знания, умения и навыки по его правильному применению формируют юриста. Таким образом, лишь первые два курса могут с точки зрения учебного плана совпадать у значительного числа обучающихся. Последующее содержание образовательной программы у обучающихся должно быть индивидуальным, зависеть от их навыков и целей получения образования.

На практике ситуация складывается по-разному. В одних вузах юридическая техника реализуется на всех направлениях подготовки юристов; в других — только на определенных, связанных с правотворчеством; в третьих — хорошо, если есть отдельные ее элементы в образовательной программе. А говорить об индивидуальном учебном плане в принципе не приходится, поскольку это экономически и организационно не выгодно образовательной организации, требует существенных затрат и не только финансовых.

Фактически, в данной ситуации, когда студентов-юристов не учат должным образом использовать «слово», не предоставляют возможности в полной мере познакомиться / познать юриспруденцию, можно говорить об «имитации» практико-ориентированного преподавания, поскольку составители учебных планов в данном случае сами не понимают природы практико-ориентированной подготовки. Да, значительное число практик, а также повсеместное (в рамках образовательной программы) внедрение инструментов практической деятельности, возможно, и они сделают свое дело. Выпускник будет иметь некоторый «багаж», который позволит ему выполнять минимальный объем практических действий в процессе осуществления должностных обязанностей, но не более. Он не сможет быстро адаптироваться к меняющимся условиям общественной жизни.

Проблемы технического характера. Появление информационных систем, баз данных предоставило уникальную возможность системе образования, в части ее развития, но одновременно создало серьезные проблемы для образовательных организаций, в которых нет технических институтов / факультетов.

Использование информационных ресурсов в образовательной деятельности во многом зависит от конкретного преподавателя и его степени владения компьютерной техникой. В ряде случаев профессорско-преподавательский состав, образовательная организация, выходит из ситуации путем привлечения / закрепления за возрастными (не владеющими знаниями компьютера) педагогами ассистентов, обучающихся, хорошо знающих современные информационные технологии.

Сегодня, основная проблема лежит в другом русле. Электронная образовательная среда в образовательных организациях сформирована не поэтапно, она имеет фрагментарный вид, многие ее элементы не связаны между собой. Невозможно обеспечить корреляцию информации, лежащей в системах, которые используются в учебной и научной работе, не говоря уже о воспитательной работе. А это, в свою очередь, создает непреодолимые препятствия для студентов-первокурсников, которые в образовательных организациях общего образования привыкли к одним правилам, а в организациях среднего и высшего образования они другие, менее системные. Как результат,

прежде чем студенты начнут учиться их надо познакомить с технологиями, используемыми в данной образовательной организации. Пока они не усвоят этих правил, о нормальном образовательном процессе вести речь не приходится. При этом не будем забывать о лимите времени, который установлен федеральными государственными образовательными стандартами. В целях оптимизации деятельности образовательных организаций среднего и высшего образования необходимо, чтобы в результате согласованных действий Минпросвещения Российской Федерации и Минобрнауки Российской Федерации появились общие требования (стандарты) к форме и наполнению информационно-коммуникационных платформ, которые применяются в работе образовательных организаций, централизованно были созданы единые оболочки для программного обеспечения образовательной деятельности.

Третья группа проблем. Проблемы, которые не позволяют профессорско-преподавательскому составу осуществлять качественную практико-ориентированную подготовку юристов. Не будем обращать внимания на избитые проблемы: квалификация, включенность в практическую юридическую деятельность, навыки коммуникации, загруженность профессорско-преподавательского состава и другие. Остановимся на ситуации, которую профессор Н. Н. Тарасов назвал «катастрофой понятий». Ситуацию, которая не позволяет даже высококвалифицированному педагогу обеспечить высокую эффективность практико-ориентированной подготовки юриста.

В отечественной юриспруденции XX века право, построенное на научно-обоснованных положениях, имело сакральную природу. Законодательные установления, оформленные политиками на основе предложений ученых, однозначно отражали волю государства и во многом воспринимались на веру.

В современных условиях, условиях полисемии юридического языка, субъекты выбирают ту модель правового регулирования, которая предоставляет им больше возможностей в данном конкретном случае. И пока это не будет осознанно и воспринято законодателем, пока он не поставит во главу угла, в процессе законотворчества, правила выработанные учеными, занимающимися вопросами юридической техники, юридическая практика не позволит профессорско-преподавательскому составу обеспечить качественную практико-ориентированную подготовку юриста. Вот тут круг замыкается, дефектность юридической практики влечет дефектность практико-ориентированной подготовки будущих юристов; дефектность практико-ориентированной подготовки будущих юристов влечет дефектность юридической практики. Следовательно, единственным средством в триединстве юридического образования, науки и практики, которое способно разорвать данный порочный круг является юридическая наука.

Подводя итог. Только если представители юридического образования и юридической практики будут в своей деятельности принимать во внимание достижения юристов-ученых, относиться к ним трепетно, возможно обеспечить качественную практико-ориентированную подготовку юриста. Конечно, это не единственное условие (требование) для повышения качества практико-ориентированной подготовки юриста, но начинать надо с этого.

Галузо Василий Николаевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки, научный редактор журнала «Государство и право»

О предназначении юридического образования в Российской Федерации

Предметом данной статьи является юридическое образование и его предназначение в Российской Федерации¹.

¹ На некоторые аспекты образования нами уже обращалось внимание (см. об этом, например: Эриашвили Н. Д., Осавелюк А. М., Галузо В. Н. Образование и воспитание в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 71–75; Эриашвили Н. Д., Осавелюк А. М., Галузо В. Н. Образование и воспитание в Российской Федерации: поиск оптимального сочетания / Особенности преподавания юридических дисциплин в современных условиях: сборник материалов круглого стола (27 марта 2015 г., г. Москва) / под общ. ред. О. Д. Жука. Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 206–211; Орехов А., Галузо В., Квон Д., Чернявский А., Ахмедова Ф. Теологическое образование как способ воспроизводства «религиозного капитала» (философские и правовые аспекты). J Adv Pharm Education, 2021; 11(2): 119-123 (на англ. языке). URL: <https://doi.org/10.51847/fxrhpJLM3p>.

Первоначально о состоянии теории.

Так, Н. М. Ладнушкина, посвятив исследование «актуальным вопросам образовательного права» при реализации «принятых нормативных правовых актов в сфере образования», не только сумела обнаружить ряд «объективных и субъективных факторов («доминирование идеи о коммерциализации образования; понимание образования как услуги, а не как важной функции государства; бюрократизация системы образования, сопровождающаяся стремительным ростом всевозможной отчетности; господство формальных признаков и подходов в образовании, убивающих творческое начало и академическую свободу; несовершенство системы нормативно-правового регулирования образования»), но и предложила «выход из этой ситуации»: «совершенствование законодательства и использование правил законодательной техники при разработке нормативных правовых актов; борьба с бюрократизацией образования; развитие демократических начал в образовании, автономии образовательных организаций и академических свобод; учет общественного мнения, в первую очередь мнения академического сообщества по вопросам реформирования образования»¹.

В. М. Сырых «обосновывается понимание образовательного права как новой отрасли российского правоведения». Оставляя в стороне ошибочность в определении статуса нормативного правового акта («Закон Российской Федерации «Об образовании»), обращаем внимание и на утопичность суждений названного автора: «использование возможностей кодификации в процессе подготовки и принятия Кодекса об образовании», что опять же, по его мнению, позволит решить «четыре взаимосвязанные задачи»: «1) поднять на уровень законодательного регулирования значительную часть отношений в сфере образования, которые еще регулируются преимущественно подзаконными нормативными правовыми актами; 2) преодолеть многообразие источников федеральных нормативных правовых актов и устранить присущие им дефекты в виде пробелов, противоречий и неоправданных повторов отдельных норм разными нормативными правовыми актами; 3) выделить образовательные отношения в качестве особого вида общественных отношений, которые определяют специфику и своеобразие образовательного права как самостоятельной отрасли права и разработать адекватный этим отношениям метод правового регулирования; 4) оптимизировать соотношение образовательного права с другими отраслями права, конкретизировав и уточнив предметное содержание комплексных институтов как основных способов взаимосвязи образовательного права и других отраслей российского права»². Некоторые «задачи» предопределены результатами научного творчества названного ученого³.

Публикация В. И. Шкатулла привлекла наше внимание в связи с ее приоритетностью, отмеченной самим же автором («Это первый учебник в России, в систематизированном виде излагающий курс образовательного права»)⁴. Автор незамысловато отмечает: «Образовательное право для многих — объект малоизвестный» и здесь же предлагает «понятную дефиницию», как «первого определения образовательного права»: «Образовательное право — совокупность правил поведения, установленных государством или от имени государства для урегулирования образовательных отношений»⁵. Подобная незамысловатость, вероятно, предопределена и уровнем научной состоятельности названного автора (совмещение разных понятий — функция и отрасль права — явный нонсенс в юридической науке по научной специальности 12.00.05)⁶.

Авторским коллективом (под ред. А. Н. Кузнецкого) «создан» учебник «в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта по направлению подготовки «Педагогическое образование» (квалификация «Бакалавр»)⁷. Предложено определение понятия

¹ Ладнушкина Н. М. Образовательное право (вопросы теории и практики): монография. Рязань: Концепция, 2017. С. 2, 219.

² Сырых В. М. Образовательное право как отрасль российского права. 2-е изд. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. С. 2, 116, 117, 118–119.

³ См. об этом, например: Сырых В. М. Метод правовой науки (Основные элементы, структура): монография. Москва: Юридическая литература, 1980; Он же: Метод общей теории права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1995.

⁴ Шкатулла В. И. Образовательное право: учебник для вузов. Москва: НОРМА; ИНФРА. Москва, 2001. С. II.

⁵ Там же. С. 1.

⁶ Шкатулла В. И. Функции трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1980. 178 с.

⁷ См.: Образовательное право: учебник для студентов учреждений высшего образования / под ред. А. Н. Кузнецкого. Москва: Академия, 2015. С. 2.

«образовательное право» — «самостоятельная отрасль права, которой присущи все необходимые признаки (атрибуты): собственный предмет правового регулирования; правовой режим; источники права; специфические принципы, методы и механизмы правового регулирования». И тут же предпослана ремарка: «Справедливости ради следует отметить, что тезис об образовательном законодательстве как самостоятельной отрасли права не является единственным в юридической литературе»¹. Автором представлен произвольный перечень «признаков (атрибутов)» для всякой отрасли права. Именно в этой связи в теории права и отсутствует исчерпывающий перечень отраслей права, а перечень таковых произвольно расширяется².

Авторы — единомышленники (А. Н. Козырин и Т. Н. Трошкина) подготовили учебник, содержащий «базовый объем академических знаний по теоретическим основам образовательного права...»³. Под образовательным правом ими предложено понимать «систему общеобязательных, формально определенных юридических норм, устанавливаемых публичной властью для регулирования отношений в сфере образования». И еще одно уточнение названных соавторов: «Таким образом, термин «образовательное право» может использоваться, во-первых, для обозначения отрасли законодательства, регулирующей отношения в сфере образования, во-вторых, — отрасли юридической науки, исследующей нормы образовательного права, образовательные правоотношения и т. д. (наука образовательного права), и, в-третьих, — одноименной учебной дисциплины, которая изучается студентами и аспирантами в образовательных организациях»⁴. Явно ошибочно отождествление отрасли права и отрасли законодательства посредством использования одного и того же термина⁵.

В предлагаемом Т. А. Магсумовым и Л. Р. Садыковой «учебном курсе «Образовательное право»» раскрываются основополагающие положения теории и практики образовательного права: «Образовательное право представляет собой комплексную отрасль права, систему правовых норм различной отраслевой принадлежности, функционально взаимодействующих в целях наиболее полного и эффективного регулирования педагогических отношений, возникающих в рамках образовательного процесса между организацией, осуществляющей образовательную деятельность, педагогическими работниками, обучающимися, родителями (законными представителями) несовершеннолетних обучающихся»⁶. Оригинальность суждения лишь в возведении образовательного права в ранг комплексной отрасли права, что не может не вызывать возражений и в первую очередь по причине неустоявшихся научных разработок относительно понятия «комплексная отрасль права».

Еще более неопределенны суждения об образовательном процессе.

Так, В. М. Еськов утверждает следующее: «Внедрение новой синергетической парадигмы в естествознании уже состоялось. Однако гуманитарные науки, социология и педагогика еще не рассматривают синергетику как свою новую парадигму» («Идея перехода человечества в новый тип общества — постиндустриальное общество — возникла независимо от синергетики на основе простого анализа развития событий и изучения появляющихся социально-экономических закономерностей»; «...РФ находится сейчас в точке бифуркации: или идти вдогонку странам «золотого миллиарда», по пути «великолепной» семерки (а это тупиковый путь...), либо пойти по своему креативному пути, который базируется на развитии системы образования и науки, поддержке одаренных и ломке сложившихся уже стереотипов»)⁷. Абстрактность приведенных суждений очевидна.

¹ Образовательное право: учебник для студентов учреждений высшего образования / под ред. А. Н. Кузнецкого. Москва: Академия, 2015. С. 11.

² На данную негативную тенденции нами уже обращалось внимание (см. об этом, например: Галузо В. Н. О целесообразности обособления спортивного права в системе права Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2020. № 1. С. 19–21).

³ См.: Козырин А. Н., Трошкина Т. Н. Образовательное право России (учебник и практикум): в 2 кн. Кн. 1: учебник. Москва: ИД «Высшая школа экономики», 2019. С. 4.

⁴ Там же. С. 17, 18.

⁵ Подробнее об этом см., например: Эриашвили Н. Д., Галузо В. Н. О некоторых проблемах институционализации гражданского права в Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2017. № 3. С. 71–74.

⁶ См.: Магсумов Т. А., Садыкова Л. Р. Образовательное право: учебник и практикум для вузов. Курск: Университетская книга, 2020. С. 2, 5.

⁷ Еськов В. М. Образовательный процесс России в аспекте синергетики и перехода в постиндустриальное общество. Самара: Офорт, 2008. С. 2, 278–279.

Д. К. Гончаров при осуществлении научного исследования, предметом которого являлись «социологические особенности использования интернета — технологий в образовательном процессе» предложил «авторскую концепцию» «особенностей внедрения интернет-технологий в образовательный процесс»¹.

А. К. Орешкина и М. Г. Сергеева подготовили учебник «в соответствии с тенденцией развития пространства системы непрерывного образования в систематизированном и обобщенном виде» («Теоретическую основу преемственности педагогических систем непрерывного образования целесообразно представить: проектированием новых моделей, способами их прогнозирования в системе непрерывного образования, педагогическими условиями, составляющими научно-методическую основу преемственности образовательного процесса в подсистемах образования». «Итак, педагогическая система непрерывного образования характеризуется преемственностью функций, где механизм «уровневого перехода» образовательного процесса... с каждого предыдущего этапа к последующему определяется критерием самодостаточности педагогической системы для личностного роста, успешной самореализацией личности, развитием потребности к самообразованию соответственно ее возрастным, интеллектуальным, индивидуальным особенностям»)².

Н. В. Майоровой «рассматривается экономическая проблематика взаимодействия субъектов образовательного процесса в формирующейся экономике знаний» («Императивами трансформации образования выступают: изменение роли государства под влиянием глобализационных процессов; укрепление статуса знаний в процессах экономического и культурного развития, институционализации экономики знаний; повсеместный рост участия информационных технологий в процессах и методиках обучения; кардинальное обновление требований к компетенциям специалистов на глобальном рынке труда». «Таким образом, становится видно, что основополагающим принципом качественного образования в настоящее время выступает его направленность на формирование индивидуального творческого потенциала обучаемого, его креативности. В процессе формирования креативной личности определяется продуктивная направленность личности, творческая индивидуальность; создается основа социального творчества; реализуются концептуальные психолого-педагогические принципы креативного обучения и воспитания»³. В той или иной мере речь идет о «модном» ныне направлении — «экономике права»⁴.

Многообразие суждений о предназначении юридического образования во многом предопределено несовершенством законодательства, в том числе и об образовании, Российской Федерации⁵.

Первоначально обращаемся к Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года⁶, как к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации⁷. В статье 43 Конституции Российской Федерации закреплено следующее принципиально важное, но декларативное положение: «1. Каждый имеет право на образование. 2. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. 3. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. 4. Основное общее образова-

¹ Гончаров Д. К. Особенности внедрения интернет-технологий в образовательный процесс (социологический аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2012. С. 6, 8.

² См.: Орешкина А. К., Сергеева М. Г. Образовательный процесс в социальном пространстве системы непрерывного образования: учебник. Москва: НОУ ВПО МИЛ, 2015. С. 2, 111.

³ Майорова Н. В. Образовательный процесс в формирующейся экономике знаний (экономические проблемы и перспективы): монография. Ростов-на-Дону: Содействие — XXI век, 2020. С. 2, 4, 75.

⁴ См. об этом: Галузо В. Н. От экономического анализа социальных явлений в зарубежных государствах к «экономике права» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 12. С. 81–85.

⁵ Мы предлагаем с 25 декабря 1991 года для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В. Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123).

⁶ См.: РГ. 1993. 25 декабря. О проблеме неоднократности опубликования Конституции Российской Федерации в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В. Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102.

⁷ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В. Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28–30; он же: Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации в Российской Федерации? // Государство и право. 2018. № 6. С. 76–81.

ние обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования. 5. Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования».

Положения статьи 43 Конституции Российской Федерации детализированы в нормативном правовом акте, специально предназначенном для регулирования образования, как общественного отношения, и по юридической силе приравненному к федеральному закону Российской Федерации. Речь идет о Федеральном законе Российской Федерации от 21 декабря 2012 года «Об образовании в Российской Федерации»¹.

Нами также обращено внимание на действующий подзаконный нормативный правовой акт, специально посвященный высшему юридическому образованию: Указ Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 года № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации»². Преамбула данного Указа («В целях повышения качества образовательных программ высшего профессионального образования в области юриспруденции, усиления контроля деятельности образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров в Российской Федерации») носит лишь умозрительный характер, а само принятие данного нормативного правового акта было нецелесообразным и Федеральным законом Российской Федерации от 21 декабря 2012 года он должен был признаваться отмененным.

Таким образом, исследования относительно предназначения юридического образования в Российской Федерации необходимо продолжать.

Во-первых, юридическое образование является одной из разновидностей образования.

Во-вторых, юридическое образование может быть только высшим, что предполагает наличие у лиц, им обладающих, способности к оказанию квалифицированной юридической помощи, что регламентировано статьей 48 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года.

В-третьих, бесплатная юридическая помощь не может быть квалифицированной, а ее оказание является лишь правом лиц, имеющих высшее юридическое образование.

В-четвертых, высшее юридическое образование предполагает наличие высших учебных заведений, без совмещения с иными специализациями (техническая, сельскохозяйственная, филологическая и другие).

В-пятых, предназначение юридического образования в овладении обучающимися навыкам комплексного праворегулирования.

Михайлов Анатолий Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и административно-правовых дисциплин Северо-Кавказской государственной академии, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

Организация самостоятельной работы студентов в новой образовательной парадигме: смещение акцента с преподавания на учение

«Развитие и образование ни одному человеку не могут быть даны или сообщены.

Всякий, кто желает к ним приобщиться, должен достигнуть этого собственной деятельностью, собственными силами, собственным напряжением»

(А. Ф. Дистервег, немецкий педагог. 1790–1866)³

¹ В данный Федеральный закон Российской Федерации вносилось недопустимо большое количество изменений и дополнений, что не оставлено нами без внимания (см. об этом: Галузо В. Н. О некоторых проблемах комплексного правоприменения в сфере образования в Российской Федерации // Научно-практический журнал «Диалог». 2017. № 2. С. 28–37).

² См.: Собрание законодательства РФ. 2009. № 22, ст. 2698.

³ Цит. по: Байлук В. В. Человечествознание. Самообразовательная и самовоспитательная реализация личности как закон успеха: монография. Екатеринбург, 2012. С. 38.

Анализируя цель межвузовского практического мотивационно-просветительского форума «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации» (30 июня 2023 г. на базе Нижегородской академии МВД России), невольно приходишь к мысли, что государственная политика в области образования, как отмечено в «Программе стратегического академического лидерства», предложенная Министром науки и высшего образования России, отражает значимость науки и высшего образования для достижения национальных целей развития страны и вывод их на качественно новый уровень, формирует проект развития страны на основе сети университетов. Программа «Приоритет 2030» позволит сконцентрировать ресурсы для обеспечения вклада российских университетов в достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года, повысить научно-образовательный потенциал университетов и научных организаций, а также обеспечить участие образовательных организаций высшего образования в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации¹. Для достижения этой цели предлагается, в том числе разработка новых вариативных образовательных программ на основе индивидуализации образовательных траекторий с учетом личностных свойств, интересов и потребностей обучающегося, в том числе иную организацию самостоятельной работы.

С. И. Ожегов раскрывает значение слова «самообразование» как «приобретение знаний путем самостоятельных занятий вне школы, без помощи преподавателя»². Этого достаточно для понимания смысла категории и ее употребления в современной речи. Однако от определения «самообразования» в словаре нельзя требовать сведений для всестороннего знакомства с самим предметом «самостоятельная подготовка». Поэтому мы предлагаем новый подход к определению содержания и механизмов организации самостоятельной работы обучающихся, подчеркиваем ее интегративный характер и определяем основой понятия «самостоятельная работа» — самостоятельную деятельность студента (См.: Байлук В. В. Монография «Системность самостоятельной деятельности студентов вуза — основа профессиональной самореализации»: взгляд автора // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 274–277).

В связи с этим в деле успешной подготовки обучающихся по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры в области юриспруденции решающее значение наряду с высоким качеством преподавания и должной постановкой воспитательной работы имеет самостоятельная работа студентов. Здесь имеется в виду не только самостоятельная работа студентов в широком смысле, в плане самообразования, самовоспитания, но, прежде всего, их работа над учебным материалом в аудитории и во внеаудиторном порядке.

Самостоятельная работа студентов дает свои положительные результаты в том случае, если она является систематической, планомерной и начинается не накануне экзаменов, а с начала учебного года и продолжается до его окончания.

Полагаем, что следует изложить некоторые советы, рекомендации об особенностях самостоятельной подготовки студентов по теории государства и права. Ведь основное значение теории права и государства и состоит в том, что она позволяет обучаемым со строго научных позиций давать правильную оценку сложным государственно-правовым явлениям общественной жизни, вскрывать их действительную сущность, понимать их социальное назначение, место и роль в политической системе общества, видеть направления совершенствования, укрепления правовой основы жизни общества.

Поиск оптимальных форм и методов реализации самостоятельной (внеаудиторной) работы студентов неизбежно заставляет обращаться к ранее разработанным документам. Так, в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования «Специальность 021100 «Юриспруденция». Квалификация выпускника — юрист (специалист юриспруденции)»³ впервые было предусмотрено выделение в учебных планах вузов времени, от-

¹ См.: Программа «Приоритет 2030». URL: <https://priority2030.ru/analytics> (дата обращения: 25.08.2023).

² Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. Москва: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. С. 683.

³ См.: Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: приказ Министерства образования Российской Федерации от 2 марта 2000 года № 686. URL: <https://base.garant.ru/1583221/> (дата обращения: 25.08.2023); О применении Общероссийского классификатора специальностей по образованию: приказ Министерства образования Российской Федерации от 4 декабря 2003 года № 4482. URL: <https://base.garant.ru/6148357/#friends> (дата обращения: 25.08.2023).

водимого на самостоятельную (внеаудиторную) работу студентов. Максимальный объем учебной нагрузки студента, включая все виды его аудиторной и внеаудиторной учебной работы, как правило, не должен превышать 54 часов в неделю. При этом из общих 240 часов по «Теории государства и права» — 132 должно отводиться на самостоятельную работу.

Самостоятельная работа начинается до прихода студента на лекцию. В целом, лекции по теории государства и права являются одним из самых основных и наиболее важных средств теоретической подготовки студентов-юристов. Посредством посещения и слушания лекций студенты усваивают основной учебный материал по всем дисциплинам и спецкурсам, входящим в учебно-тематический план кафедры.

В лекциях по теории государства и права, а также спецкурсу «Проблемы теории государства и права» освещается важнейший программный материал, определяющий основу подготовки специалистов.

Лекции знакомят студентов с основами науки, развивают у них способность и потребность к самостоятельной углубленной работе на семинарах, практических занятиях, производственной практике. Интересны следующие суждения И. Е. Фарбера: «Учебная функция лекции состоит в организации самостоятельной работы студента <...> Главное учебное назначение лекции состоит в организации самостоятельного труда студентов»¹. То есть самостоятельная работа студента есть и на лекции. Хотя в настоящее время и существуют учебники по теории государства и права, но лекция несколько не теряет своего ведущего значения и все более становится основной формой учебной работы в вузе. Таким образом, общее направление самостоятельной работы студента вытекает из хорошо подготовленной и прочитанной лекции.

Работа над лекцией не ограничивается, разумеется, только ее прослушиванием и конспектированием в аудитории. После того, как лекция прочитана и записана в тетрадь, в ближайшее время, то есть в тот же день, или на следующий необходимо записать лекции внимательно и не торопясь прочитать, по свежим воспоминаниям исправить ошибки и неточности, которые вполне естественны при записи лекции. В дальнейшем необходимо при работе над рекомендованной литературой всякий раз обращаться к тексту конспекта, устанавливать расхождения между записью лекции и специальной литературой, исправляя при этом допущенные ошибки и неточности. Следовательно, переработка материала студентом по ходу лекции по теории государства и права есть его самостоятельная работа, которая должна быть продолжена и после лекции работой с учебником, монографией, научной статьей.

При этом, по мнению профессора И. Е. Фарбера: «Закрепление лекционного материала и контроль за самостоятельной работой студента входят в задачи и функции семинарского занятия. Но это не главные функции, а побочные, второстепенные»². Из чего же складывается самостоятельная работа студента и как следует готовиться к семинарским занятиям? Например, по желанию студентов преподаватель может регулярно проводить консультации перед занятиями, где студенты смогут выяснить все вопросы, связанные с их самостоятельной работой. На консультациях студенты действительно могут получать навыки самостоятельной работы с наибольшей пользой в смысле уяснения системы работы, ее последовательности. Преподаватели кафедры с большой пользой для студентов и весьма охотно организуют и проводят специальные занятия, на которых учат студентов, как изучать рекомендуемую литературу по теории государства и права.

В целом задача преподавателей состоит в том, чтобы постоянно усиливать внимание к самостоятельной работе студентов, применять различные формы семинарских занятий, сделать их более содержательными и интересными, помогающими формировать правосознание студентов-юристов. Однако, оказывая помощь студентам, преподавателю кафедры теории государства и права надо соблюдать чувство меры. Чрезмерная помощь подавляет самостоятельность студента. Таким образом, на семинарских занятиях надо обеспечивать максимум самостоятельности студентам.

Несколько слов об особенностях самостоятельной работы при подготовке реферата или контрольной работы по спецкурсу «Проблемы теории государства и права». Подготовка доклада обычно начинается с изучения всей рекомендованной литературы. Перечень литературных ис-

¹ Фарбер И. Е. Очерки вузовской педагогики. Саратов, 1984. С. 169–170.

² Фарбер И. Е. Указ. соч. С. 192–193.

точников, предлагаемых кафедрой, представляет для студента определенный интерес. И здесь, надо, прежде всего, внимательно прочитать каждую статью. Затем можно составить план доклада в первом варианте и, показав его преподавателю, получить от него советы. Только после этого из каждой рекомендованной статьи необходимо сделать соответствующие выписки в тетрадь на отдельные страницы. Далее задача состоит в том, чтобы обобщить материал и последовательно осветить каждый вопрос плана, не забывая об их органической связи. При написании доклада надо продумать каждое слово, каждую мысль, надо заглянуть в записи, посмотреть снова литературные источники с тем, чтобы установить, не упущены ли важные положения, которые так необходимы для доклада. Сам доклад рекомендуется писать более или менее сжато, своими словами, но важные понятия и определения можно выписывать дословно, делая на них ссылки. Доклад должен быть написан ясно, образно и аккуратно, заголовки и подзаголовки должны быть выделены крупным шрифтом, важные мысли и выводы следует подчеркнуть.

Таким образом, полнота и конкретность знаний — необходимое требование изучения студентами рекомендованной литературы по теории государства и права в процессе самостоятельных занятий. Точное знание круга анализируемых проблем делает весь процесс подготовки творческим и целенаправленным. Самостоятельную работу по изучению учебного материала следует строить под углом зрения получения ответов на все вопросы задания. Актуальны слова Конфуция: «Учитесь так, словно вы постоянно ощущаете нехватку своих знаний, и так, словно вы постоянно боитесь растерять свои знания».

Итак, студент самостоятельно прочитал соответствующие статьи и законспектировал их. Все ли он проделал в процессе самостоятельной работы? Нет, не все. Очень полезно обратить внимание на необходимость продумать вопрос о значении данных положений, выводов и идей для современной общественной жизни. Так как самостоятельная работа — это не только и не столько заучивание, запоминание материала, сколько связь теоретических положений с конкретной практикой, с проблемами реальной жизни. Это в одинаковой мере также относится, например, и к экономической теории, и к философии, и к истории государства и права.

Задача преподавателей кафедры по дисциплине «Теория государства и права» состоит в том, чтобы постоянно усиливать внимание к самостоятельной работе студентов, применять различные формы семинарских занятий, сделать их более содержательными и интересными, помогающими формировать правосознание студентов-юристов.

В целом, самостоятельная работа по изучению теории государства и права складывается из двух элементов:

- 1) создание условий для работы;
- 2) сама подготовка, ее процесс.

Для обеспечения себя литературой и в особенности нормативными правовыми актами весьма важно установить связь с местными судебными, прокурорскими, арбитражными, нотариальными органами. Эти органы всегда располагают достаточным кругом правовых источников и посредством их можно быть в курсе всего текущего законодательства.

Самостоятельная работа студентов — важнейший составляющий компонент получения высшего образования, особенно в юридическом вузе. От того, насколько юрист владеет навыками самостоятельного поиска нужной информации — нормативных правовых актов, общей и специальной юридической литературы, прецедентов из области применения правовых норм и т. д. — зависит уровень его квалификации как специалиста. Во многом данные навыки приобретаются в процессе обучения в юридическом институте, в ходе самостоятельного изучения материала по тем или иным дисциплинам.

Выводы из этой статьи — главное заключение — даст читатель. Если он преподаватель вуза, то, прежде всего, сопоставит идеи прочитанных страниц со своим собственным педагогическим опытом: что-то отвергнет, с чем-то согласится, станет размышлять о сложных проблемах самостоятельной подготовки студентов современной высшей школы. И это очень хорошо. Еще лучше, если он попытается использовать новые для него идеи, имеющиеся в этой книге, в повседневной практике организации учебного процесса¹.

О совершенствовании практики самостоятельной подготовки, состоянии и современных направлениях, проблемах и перспективах развития новых методов и подходов к организации само-

¹ Ср.: Фарбер И. Е. Очерки вузовской педагогики. Саратов, 1984. С. 249.

стоятельной работы студентов в рамках 54-часовой учебной недели в высшей школе¹ дан обстоятельный анализ, например, на VI Международной очно-заочной научно-практической конференции «Организация самостоятельной работы студентов» (28 апреля 2017 г.) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского². В целом, в докладах и научных исследованиях ученых Российской Федерации освещаются теоретические и практические проблемы организации самостоятельной работы студентов в новой образовательной парадигме, роль и место в ней информационно-коммуникационных технологий, междисциплинарные возможности организации и инновационные формы самостоятельной работы, а также некоторые аспекты организации самостоятельной работы в школе. На конференциях в России обсуждается и вопрос о вузовской педагогике, о том, как воспитать самостоятельное мышление у студентов, способных и после окончания вуза систематически повышать свое образование. Словом, надо учить студента постоянно самостоятельно учиться. Или как говорил Сократ: «Если ты будешь любознательным, то будешь много знающим»³.

Анализ соотношения педагогического руководства в ходе аудиторных занятий и самостоятельности студентов показывает, что чрезмерная самостоятельность, оставление студентов без руководства — вредно. По мнению И. В. Архипова, идея сокращения аудиторных занятий с параллельным усилением контроля за самостоятельной работой студентов (то есть без сокращения учебной нагрузки преподавателя) целесообразна и эффективна и от ее реализации мы никуда не уйдем. Но реализация этой идеи должна изменить парадигму российского юридического образования, а это самостоятельный предмет для очень серьезного разговора⁴.

На данном этапе организации учебного процесса для повышения эффективности самостоятельной деятельности студентов в вузе мы предлагаем следующее:

- 1) для правильной организации самостоятельной работы студента систематически проводить мониторинг ее трудоемкости по всем дисциплинам;
- 2) целенаправленно издавать методические пособия, подробно регламентирующие проведение самостоятельной работы студентов по всем курсам;
- 3) преподавателям периодически повышать квалификацию по организации самостоятельной работы студентов;
- 4) для планирования самостоятельных занятий студентов по теории государства и права под руководством преподавателей кафедры продолжить практику ежегодного нормативного обеспечения организации самостоятельной подготовки путем актуализаций разделов «Самостоятельное изучение обучающимися...» в рабочих программах дисциплины «Теория государства и права»;
- 5) самостоятельная подготовка студентов под контролем преподавателя, в том числе внедрить в практику работы кафедры институт «Помощников преподавателей» из числа сильных студентов;
- 6) в рамках освоения дисциплины «Теория государства и права» спланировать время, чтобы научить студентов учету личного времени с целью оптимизации его использования;

¹ В целом, объем планового времени на самостоятельную внеаудиторную работу определяется на основе учета общего лимита времени, но не выходящего за рамки 54-часовой учебной недели, включающей аудиторные (объем обязательных аудиторных занятий студента устанавливается в пределах не менее 27 и не более 36 часов в неделю, включая обязательные часы по физической культуре) и внеаудиторные виды учебной работы; при этом максимальный объем часов для нормативного срока обучения с учетом физической культуры не должен превышать 64 часа в неделю.

² См.: Организация самостоятельной работы студентов: материалы докладов VI Международной очно-заочной научно-практической конференции «Организация самостоятельной работы студентов» (28 апреля 2017 г.). Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2017. 420 с. Сборник носит междисциплинарный характер: проблемы самостоятельной работы освещают специалисты в области истории, социологии, педагогики, психологии, дефектологии, информационно-коммуникативных технологий, литературоведения, русской словесности, иностранных языков. В статьях освещены теоретические вопросы и практический опыт организации самостоятельной работы обучаемых на всех уровнях университетского образования: в бакалавриате, специалитете, магистратуре, аспирантуре. В ряде статей обобщаются результаты организации самостоятельной работы в средней школе.

³ Цитирую по: Мудрость тысячелетий. Энциклопедия / авт.-сост. В. Балязин. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 81.

⁴ См.: Архипов И. В. «...Об этом мечтают только российские студенты» // Газета «Юрист». Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2006. № 5. С. 6.

7) обстановка самостоятельной подготовки должна быть благоприятной, позволять полностью сосредоточиться на теме задания.

Только при выполнении этих условий возможно с наименьшей затратой сил добиться лучшего результата. Важно не только выделить время для самостоятельной подготовки, важно эффективно его использовать. Но это уже вопросы, которые, наверное, должны ставиться и решаться не только на факультетах, в деканатах, но и в работе кураторов групп.

В соответствии с этими требованиями возрастает роль внеаудиторной самостоятельной работы студентов, так как значительная часть объема изучаемого материала отводится на самостоятельное изучение и освоение студентами.

Более подробно вопросы организации самостоятельной работы студентов по теории государства и права, видимо, будут еще освещаться в учебно-методической литературе в новом учебном году.

Основание для данного вывода — предложения Президента Российской Федерации В. В. Путина, которые он огласил в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 года. В частности, Президент выступил за то, чтобы вернуться к традиционной системе высшего образования: «...вернуться к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием»¹.

Осипов Михаил Юрьевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Международной полицейской академии ВПА

К вопросу о технологиях повышения качества высшего юридического образования в России

Одной из актуальных проблем, стоящих перед российским высшим юридическим образованием, является проблема повышения его качества. Этой проблеме посвящены целый ряд научных исследований, результаты которых опубликованы в многочисленных статьях и иных публикациях.² В указанных работах рассматриваются различные аспекты повышения качества юридического образования в России и предлагаются разнообразные пути решения указанных проблем. Однако, несмотря на многочисленные исследования указанных проблем, проблема остается нерешенной.

Почему так происходит? Для того, чтобы ответить на данный вопрос, представляется необходимым задуматься о том, что высшее юридическое образование — это прежде всего процесс, направленный на освоение студентом «объективизированного опыта человечества в сфере соз-

¹ См.: Владимир Путин в Послании Федеральному Собранию: У нас есть все для уверенного развития страны. URL: <https://rg.ru/2023/02/22/my-sami.html> (дата обращения: 28.08.2023).

² Алексанков А. М., Магеп В. Е., Черненко Л. В., Черненко А. В. Обеспечение качества высшего образования // Открытое образование. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-kachestva-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2023). Шевелева Л. И. Анализ условий обеспечения качества высшего образования // Вологодские чтения. 2012. № 80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-usloviy-obespecheniya-kachestva-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2023). Кошечкина Н. А. Основные направления обеспечения качества высшего образования // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-obespecheniya-kachestva-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2023). Давидович Н., Демьянов Е. И., Лобова Е. В., Прямыкова Е. В. Стратегии вузов в обеспечении качества высшего образования // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-vuzov-v-obespechenii-kachestva-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2023). Похолоков Ю., Чучалин А., Могилянский С., Боев Б. Обеспечение и оценка качества высшего образования // Высшее образование в России. 2004. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-i-otsenka-kachestva-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2023). Шматов М. Н., Шматов Р. Н. Социально-философский анализ проблемы качества высшего юридического образования в современных условиях // Философия образования. 2009. № 4 (29). С. 174–178; Кочкаров Р. М. Аксиологические основы повышения качества высшего юридического образования // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2013. № 6 (32). С. 80–88; Марченко С. В. Повышение качества высшего профессионального образования в юридических вузах с использованием информационных технологий. Санкт-Петербург, 2005. 194 с.; Воротилина Т. В. Проблемы и пути повышения качества высшего юридического образования // Черные дыры в Российском законодательстве. 2016. № 5. С. 8–11.

дания, реализации и применения норм права, а также охраны и защиты прав и свобод, которые предоставлены данными нормами права»¹. Поскольку освоение «объективизированного опыта человечества при осуществлении юридической деятельности»², представляется мало продуктивным без основания закономерностей осуществления юридической деятельности. Следовательно, одной из целей юридического образования должно быть формирование у студентов юридических вузов знаний относительно закономерностей осуществления юридической деятельности, ибо, если студент не знает закономерности осуществления юридической деятельности, то и эффективно осуществлять данную деятельность студент не сможет, а, следовательно, качество юридического образования будет снижаться.

Возникает, однако, вопрос, что эти закономерности собой представляют и какие виды юридической деятельности можно выделить в современной юридической науке. По нашему мнению, к числу основных видов юридической деятельности можно отнести следующие виды юридической деятельности: а) «деятельность по правовому регулированию общественных отношений, которые входят в предмет правового регулирования»³ б) правотворческая деятельность — деятельность по созданию, изменению или отмене норм права; в) деятельность по реализации норм права, то есть деятельность по воплощению правовых предписаний в жизнь; г) деятельность по применению норм права — то есть деятельность по разрешению конкретных юридических дел на основе норм права⁴; д) деятельность по систематизации законодательства;⁵ е) деятельность по осуществлению правовой охраны⁶. Соответственно, первой задачей высшего юридического образования является формирование у студентов знаний относительно закономерностей осуществления правового регулирования, правотворчества, реализации права, применения права, как на уровне отдельного института и отрасли права, так и на уровне системы права в целом. Поскольку указанные закономерности могут быть подразделены на закономерности становления, развития и функционирования, а также осуществления тех или иных правовых явлений, составляющих содержание той или иной юридической деятельности, поэтому результаты высшего юридического образования должны воплощаться в виде следующих компетенций: знание особенностей и закономерностей осуществления правового регулирования (ПК-1.1.); знание особенностей и закономерностей осуществления правотворческой деятельности (ПК-2.1.); знание особенностей и закономерностей осуществления деятельности по реализации норм права, а также правовых предписаний индивидуального характера (ПК-3.1.); знание особенностей и закономерностей осуществления правоприменительной деятельности, в том числе деятельности по толкованию норм права (ПК-4.1.); знание особенностей и закономерностей осуществления деятельности по систематизации законодательства (ПК-5.1.); знание особенностей и закономерностей осуществления правоохранительной деятельности (ПК-6.1).

На основе указанных знаний, у студентов юридических вузов могут формироваться следующие умения и навыки, которые должны находить свое отражение в следующих компетенциях: умение осуществлять анализ правового регулирования общественных отношений (ПК-1.2); умение осуществлять анализ правотворческой деятельности (ПК-2.2); умение осуществлять анализ деятельности по реализации норм права, а также правовых предписаний индивидуального характера (ПК-3.2); умение осуществлять анализ правоприменительной деятельности в том числе деятельности по толкованию норм права (ПК-4.2); умение осуществлять анализ деятельности по систематиза-

¹ Об образовании как процессе усвоения объективизированного опыта человечества см.: Фокин Ю. Г. Преподавание и воспитание в высшей школе: Методология, цели и содержание, творчество: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва, 2002. 224 с.

² Там же.

³ См. об этом: Гойман В. И. Действие права (методологический анализ). Москва, 1992. С. 56; Шабалин В. А. Системный анализ механизма правового регулирования // Советское государство и право. 1969. № 10. С. 123; Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. Москва, 1960. С. 95; Фаткуллин Ф. Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Казань, 1980. С. 62.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Москва, 1981. Т. 1. С. 323–324.

⁵ Пиголкин А. С. Систематизация законодательства // Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Москва, 2007. Т. 2. С. 640.

О правовой охране см. Берг Л. Н. Правовая охрана: основания классификации, виды // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 22–27; Беляев В. П., Антонова Ж. Д. К вопросу о понятии и признаках правовой защиты // Economic Consultant. 2015. № 2 (10). С. 5–8; Малеин Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. Москва: Наука, 1985. С. 18–19; Гражданско-правовая охрана интересов личности / О. С. Иоффе [и др.]; отв. ред. Б. Б. Черепахин. Москва: Юрид. лит., 1969. 256 с.

ции законодательства (ПК-5.2); умение осуществлять анализ правоохранительной деятельности (ПК-6.2); владение навыками осуществления анализа правового регулирования (ПК-1.3); владение навыками осуществления анализа правотворческой деятельности (ПК-2.3); владение навыками осуществления анализа деятельности по реализации норм права, а также правовых предписаний индивидуального характера (ПК-3.3); владение навыками осуществления анализа правоприменительной деятельности в том числе деятельности по толкованию норм права (ПК-4.3); владение навыками осуществления анализа деятельности по систематизации законодательства (ПК-5.3); владение навыками осуществления анализа правоохранительной деятельности (ПК-6.3).

Таким образом, одной из важнейших целей высшего юридического образования в России является формирование у студентов способности осуществлять анализ юридической деятельности, для чего требуется введение в учебные планы вузов специальной дисциплины, посвященной юридическому анализу с изданием учебников и учебных пособий по соответствующему предмету¹. Поэтому первой целью высшего юридического образования в Российской Федерации является формирование у студентов юридических вузов способности осуществлять анализ различных видов юридической деятельности, которая предполагает наличие у студентов определенных знаний и умений в области юридического анализа, о которых говорилось выше. Второй целью высшего юридического образования в Российской Федерации является формирование у студентов юридических вузов способности осуществлять различные виды юридической деятельности в Российской Федерации.

Достижение указанной цели предполагает формирование у студентов следующих умений и навыков: умение осуществлять правовое регулирование общественных отношений (ПК-1.4); владение навыками осуществления правового регулирования общественных отношений (ПК-1.5); умение осуществлять правотворческую деятельность (ПК-2.4); владение навыками осуществления правотворческой деятельности (ПК-2.5); умение осуществлять на высоком профессиональном уровне деятельность по реализации норм права, а также правовых предписаний индивидуального характера (ПК-3.4); владение навыками осуществления на высоком профессиональном уровне реализации норм права, а также правовых предписаний индивидуального характера (ПК-3.5); умение осуществлять правоприменительную деятельность, в том числе деятельность по толкованию норм права (ПК-4.4); владение навыками осуществления правоприменительной деятельности (ПК-4.5); умение осуществлять деятельность по систематизации законодательства (ПК-5.4); владение навыками осуществления деятельности по систематизации законодательства (ПК-5.5); умение осуществлять правоохранительную деятельность (ПК-6.4); владение навыками осуществления правоохранительной деятельности (ПК-6.5).

Анализ целей и задач юридического образования при таком подходе позволяет выявить три аспекта юридического образования: теоретический аспект, в рамках которого студенты знакомятся с закономерностями осуществления юридической деятельности; аналитический, где студенты учатся анализировать особенности осуществления юридической деятельности в тех или иных ситуациях; практический аспект, где студенты учатся непосредственно осуществлять те или иные виды юридической деятельности.

Отсюда все образовательные технологии в юридическом образовании можно подразделить на три вида в зависимости от аспектов юридического образования: технологии, направленные на формирование у студентов знаний относительно закономерностей осуществления тех или иных видов юридической деятельности; технологии, направленные на формирование у студентов умений и навыков осуществления различного вида юридической деятельности; технологии, направленные на формирование у студентов способности анализировать ход и результаты осуществления тех или иных видов юридической деятельности.

При этом к числу технологий, направленных на формирование у студентов знаний относительно закономерностей осуществления тех или иных видов юридической деятельности, можно отнести лекции, семинары теоретического характера, зачеты и экзамены, технологии самостоятельной работы студента.

К числу технологий, направленных на формирование у студентов умений и навыков осуществления различного вида юридической деятельности, можно отнести практические занятия и прак-

¹ Пример учебного пособия по юридическому анализу: Осипов М. Ю. Юридический анализ. Москва: «Директ-Медиа», 2023. 136 с.

тики в органах законодательной, исполнительной и судебной власти, а также отчасти виртуальные практикумы.

К числу технологий, направленных на формирование у студентов способности анализировать ход и результаты осуществления тех или иных видов юридической деятельности, можно отнести технологию «виртуальных практикумов»¹.

Каковы же основные факторы, которые влияют на эффективность использования тех или иных образовательных технологий, которые используются при получении студентами высшего юридического образования?

Во-первых, это четкое представление всеми участниками образовательного процесса целей и задач высшего юридического образования. При этом нечеткое представление целей и задач юридического образования участниками образовательного процесса снижает его эффективность, поскольку его участники не обладают пониманием того, что учить, зачем учить, чему учить, как учить. Четкое понимание всеми участниками образовательного процесса целей и задач юридического образования рождает повышенную мотивацию у участников образовательного процесса улучшать его качество. Во-вторых, студенческий состав должен быть мотивирован на обучение в юридическом вузе. Прием в юридические вузы только по результатам ЕГЭ представляется контрпродуктивной вещью, поскольку с психологической точки зрения ориентировочная основа деятельности, необходимая для успешного обучения студентов в вузе и ориентировочная основа деятельности, необходимая для успешного обучения в вузе, различаются между собой².

Думается, что для преодоления негативного влияния ЕГЭ в отборе студентов на юридических факультетах необходимо вводить так называемое вступительное эссе, в котором будущий студент объясняет, зачем он поступает на юридический факультет, каковы его цели и задачи, почему он хочет изучать именно юриспруденцию, чем она его привлекает. На основе анализа баллов ЕГЭ и балла за вступительное эссе принимается решение о приеме на юридический факультет.

В-третьих, одной из важнейших задач преподавателя вуза, а также фактором, влияющим на качество и эффективность использования тех или иных образовательных технологий при изучении тех или иных юридических дисциплин, является поддержка высокого уровня мотивации студентов к изучению тех или иных юридических дисциплин, что, по нашему мнению, может осуществляться посредством разъяснения преподавателем необходимости изучения данной дисциплины с приведением конкретных примеров того, к каким негативным правовым и иным последствиям ведет незнание положений той или иной дисциплины. Такая технология будет способствовать повышению мотивации студентов к изучению тех или иных дисциплин.

В-четвертых, одним из важнейших факторов, способствующих повышению качества юридического образования, является широкое распространение технологии виртуальных практикумов, «суть которой сводится к тому, что при помощи специализированного программного обеспечения создается кейс в форме судебного разбирательства. Студент выбирает роль в данном процессе, прослушивает или просматривает кейс, составляет процессуальный документ по данному делу, а затем отвечает на вопросы по кейсу»³.

Представляется, что подобного рода технология также будет способствовать повышению качества высшего юридического образования.

Также одним из важнейших факторов является стремление руководства юридического вуза к повышению квалификации преподавателей, к овладению ими современными образовательными технологиями, к получению преподавателями, не имеющими педагогического образования диплома «Преподаватель высшей школы» и к реальному, а не мнимому повышению квалификации, в зависимости от законодательных требований и потребностей юридического вуза.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что использование образовательных технологий будет способствовать повышению качества высшего юри-

¹ О технологии виртуальных практикумов см.: Осипов М. Ю. О необходимости использования виртуальных практикумов для оценивания степени сформированности компетенций студентов по направлению подготовки «Юриспруденция» // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2020. № 3. С. 34–43.

² См. об этом: Осипов М. Ю. Оценка эффективности ЕГЭ как инструмента отбора студентов в вузы (психологический аспект) // *Высшее образование сегодня*. 2022. № 9. С. 90–94.

³ Осипов М. Ю. О необходимости использования виртуальных практикумов для оценивания степени сформированности компетенций студентов по направлению подготовки Юриспруденция // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2020. № 3. С. 34–43.

дического образования в России, если: а) все участники образовательного процесса будут четко представлять себе цели и задачи юридического образования в России; б) используемые при обучении студентов образовательные технологии будут способствовать повышению мотивации студентов к получению высшего юридического образования; в) будет осуществляться надлежащий отбор студентов в юридические вузы, не только по результатам ЕГЭ; г) в юридическом вузе будет широко использоваться технология виртуальных практикумов; д) юридический вуз будет стремиться к повышению уровня квалификации преподавателей.

Таковы основные технологии повышения качества юридического образования в Российской Федерации.

Скурко Елена Вячеславовна,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

Обновленная философия права как основа реформы юридического образования в России сегодня

В последнее время в России приобретает новое значение и актуальность проблема реформы высшего образования.

15 марта 2023 года Президент Российской Федерации утвердил Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 года, в пункте 3 которого обозначены контуры, направления и сроки реализации действий по реформированию высшего образования в Российской Федерации на ближайшую перспективу¹.

12 мая 2023 года Президент Российской Федерации подписал Указ «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»².

Несмотря на то, что в рамках планируемой реформы юридическое образование напрямую не выделяется и не обособляется, следует понимать, что оно не только подлежит общим подходам по реформированию, но и имеет особенности, связанные с социальной ролью юриста, общественной значимостью профессии, можно сказать, «правом на профессию».

Так, как и множество иных вопросов, юридическое образование и его (потенциальную) реформу можно рассматривать с формальной и материальной стороны.

С формальной стороны проблематики речь идет о том, как собственно организован образовательный процесс, а также и о том, например, как он (системно) соотносится с (будущей) профессиональной (трудовой) деятельностью обучающихся. Планируемая реформа высшего образования в России сегодня в основном обращена, как представляется, на «процедуру», то есть на то, как (будет) организован образовательный процесс.

Вместе с тем примечательно, что существующий «образовательный стандарт», например, в частности, Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 13 августа 2020 года №1011³, — не имеет себе «однозначного» или «полного» соответствия в действующих «профессиональных стандартах» — например, Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, коих по «области профессиональной деятельности» 09 Юриспруденция на сегодняшний день зарегистрировано в Министерстве юстиции общим числом четыре, а именно: 09.001 Следователь-криминалист (зарегистрирован № 36755 от 7 апреля 2015 г.); 09.002 Специалист по конкурентному праву (зарегистрирован № 65510 от 21 ноября 2021 г.); 09.003 Специалист по операциям с недвижимостью (зарегистрирован № 56601 от 22 ноября 2019 г.); 09.004 Специалист в сфере предупреждения коррупционных правонарушений (зарегистрирован № 70023 от 9 сентября 2022 г.)⁴.

¹ URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70689> (дата обращения: 01.07.2023).

² URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/71118> (дата обращения: 01.07.2023).

³ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009070039?index=3> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov> (дата обращения: 01.07.2023).

Справедливости ради следует указать, что Министерство труда и социальной защиты в 2020 году выносило на общественное обсуждение проект профессионального стандарта «Юрист»¹, который оказался воспринят в целом критически², и до настоящего времени утвержден и принят не был.

Такое положение вещей — во всяком случае — указывает, как минимум, на недостаток системного взаимодействия Министерства науки и высшего образования и Министерства труда и социальной защиты в России сегодня, что само по себе никак не способствует эффективности какой бы то ни было реформы в сфере высшего образования в принципе, не говоря о других факторах и аспектах проблематики.

Как бы то ни было, касательно высшего юридического образования, помимо общих (в основном формальных) вопросов, дополнительно имеется ряд особенностей, которые требуется принимать во внимание. Они в существенной степени затрагивают материальную сторону проблемы — «юридическое знание» как таковое. Действительно, помимо формальной стороны, в данном случае реформы высшего (в том числе юридического) образования в России наличествует материальная сторона проблемы, а именно: весьма остро стоит вопрос, чем является сегодня «юридическое знание» в принципе, а также в своей сути и актуальном содержании для современной России.

Ответы на эти вопросы лежат за пределами сферы образования. Более того, сфера образования вообще и юридического образования в особенности до некоторой степени определяется тем, что представляет собой «юридическое знание» — в данное время в сложившихся условиях и обстоятельствах.

Профессия юриста существует не в пустоте: она глубоко и тесно связана с функционированием правовой системы страны, которая, в свою очередь, социальна по своей природе, а отчасти является «производной», в том числе, господствующих воззрений в философии права, «государственной идеологии», вне зависимости от того, насколько последние «формализованы» — и т. п.

Например, реформа в сфере высшего юридического образования не может проходить изолированно от процессов «правовой реформы» в стране — в том числе на разных этапах ее исторического развития.

В современных условиях для Российской Федерации это, в частности, означает следующее.

Подобно тому, как после распада СССР в России с неизбежностью была проведена масштабная правовая реформа, когда правовая система страны приводилась в соответствие с Конституцией Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, — в настоящее время существует сопоставимая в масштабе задача, — правовой реформы, — в основе которой лежит принятие поправки к Конституции Российской Федерации всенародным голосованием 1 июля 2020 года, введенной в действие Указом Президента Российской Федерации от 4 июля 2020 года.

Природа первой и второй, однако, во многом противоположны друг другу, составляют в своем роде «антитезу».

Так, факт падения СССР дал запуск процессам «глобализации» 90-х — 2000-х годов. Достигнув своего предела, глобализация породила мировой экономический кризис 2008 года, который, в свою очередь, запустил процессы, приведшие к сегодняшнему дню к деградации и распаду мирохозяйственных связей и международных отношений — своего рода «пост-глобализации», фоном чему, помимо прочего, стало фундаментальное «падение нравов» в «ядре» глобализации — США и так называемого «Запада» в целом.

Конституционная реформа в России 2020 года стала закономерной реакцией на мировые кризисные процессы, наступающую «постглобализацию». Развитие правовой реформы в России, на основании поправки 2020 года Конституции Российской Федерации, в ближайшей перспективе способно сформировать существенную часть ответа страны и российского общества на вызовы «постглобализации».

Следуя этой логике, современная правовая реформа в России — как отражение перехода от «однополярного» мира глобализации к «многополярному миру», в существенной степени должна стать противоположностью отечественных реформ 90-х годов, отразивших переход от «биполярного» мира на пике «холодной войны» между США и СССР 80-х годов XX века к «однополярному» миру глобализации 90-х — 2000-х годов.

¹ URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=100744> (дата обращения: 01.07.2023).

² См. например: URL: <https://fparf.ru/news/fpa/mintrud-predstavil-proekt-professionalnogo-standarta-yurist/> (дата обращения: 01.07.2023).

Правовая реформа в России сегодня должна затронуть практически все отрасли отечественного законодательства начиная с того, что международное право должно быть отделено и приведено к самостоятельной правовой системе, как это существовало в период СССР.

Так, подобно тому, как глобализация требовала поддержки идей о том, что государства «встраиваются» в «глобальный мир», в их законодательства должны были непосредственно интегрироваться нормы международного права, а с другой стороны — на уровень международных отношений в качестве самостоятельных «субъектов» требовалось выводить физические лица, для которых должна была обеспечиваться охрана «прав человека» и т. п., — в существующих обстоятельствах развитие российского права требует противоположной направленности, что, надо помнить, получило прямое отражение в поправке 2020 года Конституции Российской Федерации.

Возвращение России к традиционному для отечественной правовой культуры отделению международного права от национальной правовой системы — важный шаг для государственно-правового строительства и общественного развития. Это, бесспорно, должно получать отражение в юридическом образовании, однако сначала — собственно в развитии законодательства и правовой системы страны в целом.

Помимо международно-правовой составляющей, существенного реформирования в ряду других отраслей требуют отдельные институты гражданского, а также уголовного права.

Например, в отечественном гражданском праве требуют определенности институты государственной и муниципальной собственности. Так, в Российской Федерации, в соответствии с частью 2 статьи 8 Конституции Российской Федерации, признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Несмотря на «равное признание» и «равную защиту» различных форм собственности, эти формы, все-таки, различны, то есть, например, «государственная» (и «муниципальная») собственность некоторым образом отделены от «частной», однако никакого особого развития соответствующие институты государственной и муниципальной собственности в российском законодательстве не получают. Это не только делает «непрозрачным» обращение с государственной и муниципальной собственностью, но и служит их «неэффективности», не говоря уже о поле для разного рода «злоупотреблений» в их отношении. «Эффективность» государственной и муниципальной собственности, в свою очередь, поднимает «старый» вопрос о необходимости «хозяйственного права» в отраслевой структуре права и законодательства, его отражении в соответствующих компонентах правовой системы страны и т. п. Подходы и решения в этой связи, в свою очередь, должны получать выражение в юридическом образовании, «юридическом знании» в целом.

Не менее значимым для России сегодня является круг вопросов развития уголовного законодательства страны. Объективно назрели вопросы пересмотра отношения к профилактике преступности, отдельным аспектам проблематики оперативно-розыскной деятельности, уголовного процесса и уголовно-исполнительного законодательства. С учетом современных обстоятельств актуально внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, например, в направлении определения «военных преступлений», а также установления актуальных подходов к виновности иностранных физических и юридических лиц, должностных лиц иностранных государств и международных организаций и др. Такие изменения, с одной стороны — есть «требование времени», с другой стороны — такие изменения сами требуют взвешенности в обсуждении, выработки позиции как широкой общественности, так и эффективности «моделей» и подходов в регулировании — со стороны юридического сообщества. Соответствующим образом, проблематика затрагивает обучение по юридическим специальностям, подготовку будущих специалистов.

Здесь, в этой связи нельзя не коснуться еще одной особенности юридического образования, возникающей в силу особенностей профессии юриста. Так, с одной стороны, юрист — рациональный и эмоционально нейтральный профессионал своего дела. С другой стороны, юрист — «часть системы», ей «сопереживающая»: до сих пор студентам-юристам на первых лекциях нередко говорят, что «если вы не принимаете «систему», вы не сможете в ней работать». Состояния, надо сказать, взаимоисключающие — однако равно-необходимые в профессии.

В этом моменте возникает вопрос философии права, вопрос о том, что такое право, в чем его сущность, смысл и значение.

Это можно сказать «вечный» вопрос правоведения.

Тем не менее со времен Юстиниана к пониманию права как «искусства добра и справедливости» (*ius est ars boni et aequi*) не многое было добавлено. При этом, если категория «добра» (и

«зла») — это поле этики, то есть «практического знания, что есть добро и зло», категория «справедливость» — не просто правовая категория, это — можно сказать, суть «повседневное» правовое понимание. Проблема справедливости в праве, однако, нередко сводится к тому, что справедливость это чувство, «чувство справедливости», а чувство — не слишком основательная опора для принятия решений, влияющих на жизнь и будущее людей.

Поэтому, наверное, право (и юристы) издревле занимаются тем, что придают чувству справедливости рациональную форму. И поскольку право, все-таки, действительно нередко считается за искусство, можно вспомнить приписываемую П. Пикассо оценку, данную им в отношении традиционного искусства Африканского континента, а именно ту, что, создавая свои произведения, их авторы «преодолевали страхи, придавая им форму».

Точно также и общество — в лице юридического сообщества — придает правовые формы своим опасениям, упорядочивает хаос, формируя порядок и определенность — в праве. Право вообще — некое «пограничье» порядка и хаоса, ограничитель хаоса и неопределенности. Право — способ преобразования хаоса в порядок — в основном посредством методик, именуемых в современной философии «овеществлением», своего рода «реификации».

С этой позиции, однако, основная проблема отечественной традиции права сводима к тому, что в отличие от «буржуазной», «западной» традиции права, российское право конструирует «субъекты», определяя их отношения и взаимодействия, тогда как традиционные буржуазные правовые системы идут по пути конструирования «объектов», над которыми производятся сообразные действия и операции «субъектами права». В качестве иллюстрации можно указать на известное из Римского права *“ius in rem”* («право в вещи») трансформировавшееся впоследствии в *ius in personam* во многом лишь номинально. В отечественной же традиции правоотношения всегда приводятся к отношениям субъектов права между собой, даже когда речь идет о вопросах собственности в отношении определенной вещи и т. п. Этот подход в принципе гуманистичен, и, с этой точки зрения, на его стороне всегда находится «моральная сила», однако, с другой стороны, в нем же всегда остается место для «попыток договориться», в том числе обманом, а сам его нередко «принимают за слабость», что, отнюдь, не всегда бывает безвредно, а зачастую небезопасно.

Понимание формы овеществления в праве, оптимизация отношения «предмета», «объекта» и «субъекта» в правовом регулировании в потенциале способны повысить качество и эффективность правовой системы в целом, а также, в том числе методологически, упрочить «правовое знание» вообще и обучение будущих юристов в рамках системы высшего образования в особенности.

Червяковский Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Взгляд преподавателя теоретико-правовых дисциплин на проблему реформирования юридического образования

Современные реалии, в которых оказалась наша страна, дают еще один повод осмыслить нынешнее состояние российского юридического образования и сформулировать предложения по его актуализации и совершенствованию. Изучение теоретико-правовых проблем формирования конституционного правового понимания важно не только на первых шагах подготовки будущих юристов, но и на всем протяжении обучения, в том числе и на завершающем этапе подготовки выпускника юридического вуза. Согласно с предложением Председателя комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Российской Федерации С. В. Кабышева, выступившего на межвузовском практическом мотивационно-просветительском форуме «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации», о возвращении в государственную итоговую аттестацию по юридическим специальностям и направлениям подготовки бакалавров государственного экзамена по теории государства и права. В тоже время полагаем, что данная мера является недостаточной и сможет сработать только при переосмыслении преподавания всего цикла общетеоретических дисциплин на специалитете и бакалавриате.

Изучение учебной дисциплины «Теория государства и права» нередко рассматривается только как первоначальный этап, необходимый для тех, кто желает получить высшее юридическое об-

разование. Данная дисциплина преподается на первых курсах, иногда даже в отрыве от других юридических дисциплин. У поступивших в вуз обучающихся достаточно часто отсутствуют элементарные знания о юридической материи, они не всегда имеют представления о системе права, основных правовых институтах, месте и роли государства и права в обществе. Полученные ими знания о правовой системе из школьного курса общественнонаучных дисциплин носят отрывочный, несистематизированный характер. Потому для многих будущих юристов «Теория государства и права» оказывается своего рода первым «кирпичиком» в мир знаний о праве, поэтому часто она превращается в набор относительно связанных «рассказов» о том, что есть российское государство и право. Это накладывает свои особенности на преподавание данной дисциплины. Фактически с учетом подготовленности обучающихся мы уходим от проблемных дискуссионных вопросов и стремимся к тому, чтобы обучающиеся усвоили элементарные по сути азы теории государства и права, и смогли их изложить, а также выполнить несложные задания во время промежуточной аттестации. Даже если преподаватель проводит свои занятия на высоком общетеоретическом уровне, рассматривает многие спорные вопросы на лекциях и аудиторных занятиях, далеко не все обучающиеся, сдавшие экзамен по данной дисциплине, могут похвастаться умением ведения дискурса по актуальным общетеоретическим проблемам.

Будущий юрист независимо от того вида профессиональной деятельности нуждается в общетеоретических юридических знаниях. Он должен не только получить информацию о том, что такое правовая система, норма права, правоотношения, толкование и реализация права, юридическая ответственность, но и четко понимать, как и когда такие понятия могут применены. У выпускника юридического вуза должны сформироваться осмысленные внутренне переработанные представления о том, что есть право и государство, каково их место в современном обществе и мире, о значимости профессиональной юридической деятельности, соотношении права, закона и справедливости, гуманизме, равенстве, пределах государственно-правового воздействия на экономику, политику, общество в целом. Современному юристу необходимо знать не только, какие существуют основные подходы к пониманию права, но и разбираться в том, как данные подходы находят свое преломление применительно к позициям юридического сообщества, политических и государственных деятелей относительно роли права и государства в жизни общества. Ему следует понимать значимость деления права на частное и публичное, его роль в правовом регулировании общественных отношений.

В настоящее время нередко возможны заявления о необходимости корректировки рабочих учебных программ, прежде всего, по общетеоретическим и конституционно-правовым дисциплинам. На наш взгляд, не стоит на волне призывов к отказу от «слепого копирования Запада», исключать из учебников и программ учебной дисциплины «Теория государства и права» рассмотрение таких понятий и соответствующих явлений, как демократия, права человека, правовое государство, гражданское общество. Без этих понятий сложно понять место и роль государства в современном обществе, роль права как средства сдерживания государства и отдельных должностных лиц.

При преподавании общетеоретических и иных юридических дисциплин необходимо подчеркивать, разъяснять и показывать возможности применения на практике общих правовых принципов, таких как: справедливость, равенство, гуманизм, демократизм, верховенство права. Данные принципы не являются только проявлением влияния либеральной теории на юридическую науку и практику, но выступают выражением общего духа права, его сущности, того без чего право, юридическая наука, практика и образование, правовая система в целом в современном развитом демократическом обществе существовать не могут.

Оказываются важными для юриста и те навыки, и умения, которые формируют общетеоретические дисциплины. Выпускник юридического вуза должен уметь составлять юридические документы, находить в них ошибки и недочеты, интерпретировать их с учетом имеющихся различных способов и приемов толкования, анализировать многообразные фактические обстоятельства, давать им правовую оценку.

Отметим, что изучение общетеоретических дисциплин не должно осуществляться только на первом курсе. Помимо уже ранее заявленной нами насущной потребности введения дисциплины «Теория государства и права» в качестве государственного экзамена при проведении итоговой государственной аттестации выпускников, полагаем, что общетеоретические дисциплины должны преподаваться на всем протяжении подготовки специалистов и бакалавров. Имеется опыт отдельных юридических вузов, когда такие дисциплины стоят в расписании занятий на старших курсах,

этот опыт востребован и от него не стоит отказываться. Речь не идет о том, чтобы отказаться от преподавания «Теории государства и права» на первом курсе, хотя и такой вариант тоже не стоит исключать, при этом введя в учебный план первую часть данной дисциплины или «Основы теории государства и права». В тоже время более перспективным видится включение в учебные планы таких общетеоретических дисциплин, как «Сравнительное правоведение», «Юридическая техника», «История политических и правовых учений», «Актуальные проблемы теории государства и права».

Последнюю дисциплину можно и нужно рассматривать как необходимый и важный элемент подготовки обучающихся не только к государственному экзамену по «Теории государства и права», но и ко всей итоговой государственной аттестации. Именно в ходе преподавания данной дисциплины следует обращать внимание обучающихся на наиболее сложные и злободневные проблемы теории государства и права, выносить на аудиторные занятия те вопросы, которые не имеют однозначного решения, вызывают споры в юридической науке. Занятия должны побуждать студентов к поиску ответов в научной юридической литературе, к дискуссии, высказыванию своей не навязанной точки зрения по актуальным юридическим проблемам. При этом обучающиеся, обладающие всем массивом своих знаний, накопленных в течение прошедших лет учебы в юридическом вузе, должны их использовать, а также применять умения и навыки, полученные ими не только на занятиях по теории государства и права, но и по другим юридическим дисциплинам, анализировать свой практический опыт, приобретенный ими в ходе прохождения практик и стажировок.

О необходимости преподавания «Юридической техники» говорится достаточно давно¹, она пригодится как специалистам и бакалаврам, так и магистрантам. Вопрос остается только о ее наполнении. Отстаиваем свою позицию о необходимости междисциплинарного подхода к преподаванию данной дисциплины, когда в организации и проведении учебного процесса по «Юридической технике» задействованы не только преподаватели кафедр теоретико-исторического или государственно-правового цикла, но и специалисты других кафедр особенно тех, на которых осуществляется специализация будущих выпускников. Не менее важно участие, консультирование практических работников. Особенно эти моменты в преподавании «Юридической техники» важны, когда изучаются вопросы правоинтерпретационной и правореализационной, в том числе правоприменительной, техники, техники договорной работы.

Отдельно хочется сказать о значимости преподавания «Сравнительного правоведения». К сожалению, в настоящее время в российской юридической науке и особенно в юридическом образовании часто наблюдаются случаи, когда сравнительно-правовым исследованиям не уделяется должного внимания. Многие вопросы в курсе теории государства и права и при преподавании других дисциплин рассматриваются только исходя из анализа правовых норм, юридической практики российской правовой системы, а современное право иностранных государств оказывается совершенно незнакомым для обучающихся. Надо признать, что и преподаватели не готовы изучать действующее иностранное законодательство даже в тех ситуациях, когда в качестве обучающихся у них выступают лица, приехавшие в российские вузы из других государств. Изучение «Сравнительного правоведения» дает возможность обучающимся узнать о существующих правовых системах, их особенностях, получить представление о месте российской правовой системы на правовой карте мира, научиться использовать способы и приемы сравнительно-правового анализа применительно к различным уровням сравнения. Сравнительно-правовой подход должен найти отражение в преподавании отраслевых юридических наук. К сожалению, далеко не везде преподается «Конституционное право зарубежных стран», другие дисциплины, позволяющие изучать зарубежное право. Российский юрист должен знакомиться с действующим зарубежным законодательством. Как писал Р. Давид², сравнительное изучение права полезно не только для знания законов иностранных государств, но и для налаживания отношений между различными государствами и пониманием того, какое место занимает правовая система государства в мире и как ее улучшить.

При подготовке юридических кадров требуется учитывать традиции и наработки дореволюционной и советской юридической науки, современные достижения мировой юридической и в целом обществоведческой мысли. И здесь, безусловно, не обойтись без преподавания «Истории политических и правовых учений». Конечно, если говорить о современных подходах к пониманию права и

¹ Юридическая техника. Ежегодник. Нижний Новгород, 2009. № 3. Специальный выпуск «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования». 608 с.

² Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Москва, 1996. С. 9.

отдельных составляющих правовой системы, большая роль в подготовке обучающихся отводится «Теории государства и права» и «Актуальным проблемам теории государства и права». Однако, полагая, что только изучая «Историю политических и правовых учений», знакомясь с трудами различных российских и зарубежных юристов, обучающийся может понять, как с течением времени изменялись в мире представления о праве и государстве, законе, соотношении права и морали, справедливости. На наш взгляд, важно преподавателю умело распределять отводимые на изучение дисциплины часы, чтобы обучающийся мог познакомиться с трудами и античных мыслителей, философов эпохи Просвещения (значение которых, безусловно, высоко), и с трудами современных зарубежных юристов и философов права, таких как: Г. Харт, Р. Дворкин, Л. Фуллер, Дж. Финнис. Именно их работы в настоящее время определяют основные направления дискуссий, существующих в западной юридической науке. Полагая, что изучение западной и европейской традиции позволит понять начинающим юристам более глубоко, что собой представляет право и правовая система, углубит их общетеоретические знания, в целом способствует их становлению как профессионалов своего дела. Особую значимость представляет обращение к работам российских философов и юристов XIX–XXI веков. Поиск современной российской идентичности для российских юристов невозможен без обращения к взглядам данных ученых, именно под их влиянием сформировалось во многом наше российское представление о праве, и его роли в регулировании общественных отношений.

Прежде всего, предлагаем прекратить «раздергивание» юридического образования на отдельные части. В настоящее время наблюдается избыточная дифференциация специальностей и направлений подготовки. Полагая, необходимо вернуться к единой специальности (направлению подготовки), когда все выпускники юридических вузов могли бы получать общее для всех высшее юридическое образование. Требуется заново сформулировать перечень учебных дисциплин, которые должны преподаваться будущим юристам независимо от специальности или направления подготовки, с указанием минимального количества академических часов (зачетных единиц), необходимых для их изучения.

Отказаться от приема в магистратуру лиц, не имеющих юридического образования. Полагая, что магистратура не должна являться способом переподготовки кадров. Она, на наш взгляд, это второй, более высокий уровень образования по сравнению с бакалавриатом, на который должны проходить уже обучающиеся, владеющие базовыми юридическими знаниями. Магистратуру можно и необходимо рассматривать как возможность получения новых специализированных знаний, умений и навыков, повышения квалификации. Стоит, возможно, подумать о том, чтобы четко прописать в соответствующих документах, какие должности юрист не может занимать без получения образования в магистратуре. Специализация в рамках магистратуры не должна означать отказа от включения общетеоретических дисциплин в рабочие учебные планы по данному направлению подготовки.

Большее внимание при подготовке юристов следует уделять формированию общегуманитарной и профессиональной культуры, ориентировать обучающихся на духовно-нравственные ценности и ориентиры современного российского общества. Тем не менее считаем, что введение в федеральный государственный стандарт высшего образования новых дисциплин общегуманитарного цикла не должно ущемлять и снижать роль других гуманитарных и тем более профессиональных дисциплин.

Всегда актуальным в преподавании в юридическом вузе представляется диалог с обучающимися о роли и значении деятельности юриста в современном российском обществе. Нередко судьи, сотрудники правоохранительных органов, адвокаты и иные члены юридического сообщества оказываются в ситуации морального выбора, которая возникает в связи с требованиями правовой нормы, мнением вышестоящих начальников, общим настроением окружающих лиц и чувствами справедливости, человеколюбия, сопротивления неправовым решениям. В сегодняшнее непростое время важно занять правильную позицию, позволяющую на своем рабочем месте, в обыденной жизни своими усилиями, используя полученные в ходе учебы и практики навыки, бороться за сохранение права¹, защиту прав и свобод, прежде всего, наиболее уязвимых слоев населения, отстаивать принципы справедливости и гуманизма, ценности права и юридической деятельности как для всего общества, так и отдельных граждан.

¹ Толстик В. А. Борьба за содержание права: монография / В. А. Толстик, Н. А. Трусков. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. 202 с.

Горбуль Юлия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета

Юрьева Лариса Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, декан Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета

Высшее юридическое образование: к вопросу о критериях качества

О том, что в сфере высшего образования вообще, и в сфере юридического в частности, назрели достаточно серьезные проблемы, в среде лиц, принимающих непосредственное участие в его осуществлении, говорится достаточно давно¹. В настоящее время высшие должностные лица государства также отмечают необходимость реформирования высшего образования. Так, Президент Российской Федерации заявил в послании Федеральному собранию в феврале 2023 года о том, что в системе образования «нужен синтез того лучшего, что было в советской системе, и опыта последних десятилетий», «нужно вернуться к базовой подготовке в вузах сроком от 4 до 6 лет»².

Удовлетворение потребности в высококвалифицированных юридических кадрах требует основательного пересмотра целевых моделей развития образовательных организаций высшего образования, с одной стороны, и к деятельности органов государственного управления в этой сфере, с другой.

В контексте такого развития перед государственным аппаратом стоит задача по корректировке критериев оценки эффективности и результативности деятельности высших учебных заведений.

Деятельность по оцениванию качества высшего образования всегда была непростой задачей, а в период реформирования эта сложность возрастает многократно. И, безусловно, реализация данного инструмента государственного управления была бы успешнее, если бы перечень критериев, применяемых в механизме оценивания эффективности деятельности высших учебных заведений, был бы избавлен от противоречивых и (или) не очень согласованных с общей направленностью проводимых реформ показателей.

Так, приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Министерства просвещения Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 апреля 2023 года № 600 / 306 / 448 «Об осуществлении Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки, Министерством просвещения Российской Федерации, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации аккредитационного мониторинга системы образования» были определены показатели мониторинга системы образования по образовательным программам высшего образования.

Первым среди упомянутых показателей назван средний балл единого государственного экзамена (ЕГЭ) обучающихся, принятых на обучение. Представляется, что данный показатель не в полной мере имеет отношение к оценке деятельности вуза. Ведь по существу, средний балл ЕГЭ в большей степени отражает степень эффективности усилий школьных учителей, а также самих обучающихся, репетиторов и пр. Ведь по сути вуз вряд ли может повлиять на этот самый средний балл. И если средний балл ЕГЭ по ряду объективных или субъективных причин является низким,

¹ См., например: Кондрашев А. А. Проблемы современного юридического образования в контексте реформы высшего образования в Российской Федерации: итоги и перспективы // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 1. С. 144–156; Марченко М. Н. Состояние юридического образования современной России и проблемы повышения качества подготовки юристов // *Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*. 2017. № 3 (12). С. 8–14; Сазанова И. В. Реальные и мнимые проблемы высшего юридического образования // *Знание*. № 7-1 (71). С. 94–98; Салыгин Е. Н. Проблемы высшего юридического образования в контексте Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // *Судья*. 2013. № 9. С. 31–33; Шафиров В. М. В защиту юридического образования // *Российская юстиция*. 2021. № 2. С. 39–42; и др.

² Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 года // *Российская газета*. 2023. 22 февраля.

то перед вузом стоит более сложная задача по адаптации выпускников школ к образовательному процессу в высшем учебном заведении.

Кроме того, государство в лице соответствующих компетентных органов устанавливает минимальный порог баллов ЕГЭ по соответствующим школьным предметам. И предполагается, что, если выпускник набрал установленное минимальное количество, он имеет право быть зачисленным на обучение для получения высшего образования.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, следует заключить, что средний балл единого государственного экзамена (ЕГЭ) обучающихся, принятых на обучение в вуз, отражает скорее не качество самого образования в вузе, сколько своего рода уровень престижа и востребованности образовательной организации высшего профессионального образования среди выпускников с высокими балами ЕГЭ. И, безусловно, столичные вузы всегда будут более привлекательны для таких выпускников, чем провинциальные, пусть даже дающие качественное образование. Однако, проблема массового «оттока» молодежи в столичные города, ставит задачи сохранения и удержания в регионах выпускников школ, которая может быть решена, среди прочего, предоставлением возможности получения высшего образования в своем родном или близлежащем городе тем ребятам, которые не получили высоких баллов по результатам ЕГЭ, но тем не менее перешагнули их пороговые значения.

Также представляется достаточно противоречивым показатель, учитывающий долю обучающихся, успешно завершивших обучение по образовательной программе. По существу, этот критерий, конечно, отражает то, насколько эффективно потрудились преподаватели вуза, и сколько студентов, зачисленных на 1 курс, они благополучно довели до получения диплома о высшем образовании. Однако, в условиях ощутимого снижения количества бюджетных мест по юридическим направлениям подготовки и своеобразной финансовой самокупаемости большинства юридических вузов, не секрет, что администрация любого вуза заинтересована в сохранении контингента обучающихся, в том числе посредством снижения предъявляемых к ним требований и завышения показателей успеваемости. Наличие требования по сохранности контингента в аккредитационном мониторинге, на наш взгляд, способно усугубить данную тенденцию.

Следующий аккредитационный показатель, а именно, доля научно-педагогических работников, имеющих ученую степень и (или) ученое звание в общем числе работников, реализующих образовательную программу высшего образования, вытекает из требований государственных образовательных стандартов. Однако, выполнение этого показателя в сочетании с кадровыми условиями реализации стоящих на повестке дня федеральных программ и национальных проектов в сфере высшего образования сопряжено со значительными сложностями, особенно в провинциальных вузах. Речь идет о том, что процент молодых преподавателей (до 39 лет) должен составлять 30 % и выше. В то же время, прекращение работы многих диссертационных советов юридического профиля в регионах, отдаленных от центра, а также длительные периоды их нестабильной работы, создали серьезный дефицит молодых кандидатов и докторов юридических наук. И наоборот, повышение пенсионного возраста порождает проблему занятости «возрастных» квалифицированных педагогических кадров. Поэтому даже простые математические расчеты показывают, что для выполнения данного показателя многие периферийные вузы столкнутся с серьезными кадровыми проблемами. А в сфере образования и науки даже кратковременное введение мер, которые способны привести к распаду педагогического (научного) коллектива, может повлечь крайне негативные последствия.

Таким образом, на наш взгляд, в ряде критериев оценки качества деятельности образовательных организаций высшего образования, которые применяются в настоящее время, присутствует определенная доля противоречивости и несоответствия предъявляемых требований и прогнозируемых результатов. Также в перечне утвержденных аккредитационных показателей по программам высшего образования имеются такие, содержание которых, на наш взгляд, в настоящее время не конкретизировано и требует более тщательной проработки, и, прежде всего, со стороны самих контролирующих инстанций. Речь идет о наличии в вузе внутренней системы оценки качества образования. Отсутствие более-менее четких методик проведения такой оценки создает условия для очень широкой ее трактовки. И если мнение практикующих юристов и представителей работодателей, привлекаемых к учебному процессу, действительно, представляет особый интерес для разработчиков образовательных программ и лиц, организующих их реализацию, то вряд ли стоит рассматривать как объективную ту оценку качества преподавания, например, которую дает сту-

дент первого курса, всего пару месяцев отучившийся в вузе и не сдававший ни одного зачета или экзамена. Представляется, что было бы целесообразно конкретизировать содержание и направления внутренней системы оценки качества образования, проводимой в вузе, а также порядок, сроки и прочие параметры ее проведения.

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание, это степень автономности образовательных учреждений при разработке различных образовательных программ. В настоящее время ряд компонентов образовательных программ определяются образовательной организацией самостоятельно, и она вправе их варьировать в зависимости от текущих требований и интересов профессионального сообщества региона, квалификации педагогических кадров и иных условий. Такая самостоятельность имеет ряд положительных последствий и, безусловно, в определенной мере, и в дальнейшем должна быть сохранена.

В то же время вызывает недоумение следующий момент. Почему в государственном образовательном стандарте по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция перечислено более 25 дисциплин (модулей), которые обязательно должны быть изучены юристами-бакалаврами. А в образовательном стандарте по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность», предусматривающем присвоение выпускникам квалификации «Юрист», в качестве обязательных названо всего лишь 4 дисциплины, причем среди них ни одной собственно юридической. Такая разница в подходах могла бы быть объяснена содержанием соответствующих профессиональных стандартов, однако, в настоящее время большинство из них в юридической сфере пока отсутствует.

Автономность образовательных организаций, реализующих образовательные программы юридической направленности, проявляется не только в части утверждения учебных планов, но и в разработке содержания рабочих программ учебных курсов, предметов, дисциплин (модулей) и др. До внедрения в систему высшего образования компетентностного подхода содержание учебных курсов и результаты их освоения определялись так называемыми дидактическими единицами, которые единообразно устанавливались для всех вузов. В настоящее же время разработчики образовательных программ сами определяют, какие компетенции, в рамках каких дисциплин и с помощью изучения каких вопросов будут формироваться и проверяться у будущих выпускников. А с учетом того, что многие компетенции в государственных образовательных стандартах, определяющих порядок подготовки юристов, заданы и сформулированы достаточно широко, то без дополнительной конкретизации они могут трактоваться весьма разнообразно. Представляется, что в этой части опыт предшествующего исторического периода в развитии системы высшего юридического образования в России, безусловно, был бы полезен для более четкого и единообразного понимания заложенных в действующих образовательных стандартах траекторий.

В качестве положительной тенденции хотелось бы отметить, что благодаря наличию такого показателя оценки деятельности юридических вузов, как доля работников из числа руководителей и работников профильных организаций, в настоящее время юристы-практики достаточно активно идут в вузы — ведут занятия, проводят мастер-классы, встречи со студентами и пр. Такое взаимодействие не только обогащает учебный процесс, повышая его практическую направленность, но и позволяет решать вопросы будущего трудоустройства выпускников.

Таким образом, очевидно, что для оценки эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования должна применяться логически выверенная сбалансированная система показателей. При этом последние целесообразно дифференцировать в зависимости от статуса и особенностей образовательных организаций. Для научно-исследовательских университетов существующие на сегодняшний день показатели и их значения по объему выполненных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выигранные гранты являются вполне обоснованными и коррелируют с идеей исследовательского протокола. Такие университеты должны заниматься реализацией исследовательских проектов по актуальным направлениям мировой науки, взаимодействовать с бизнесом и промышленностью, осуществлять подготовку магистров и кадров высшей квалификации. Кадровый состав такого университета должны образовывать научно-педагогические работники, активно участвующие в мировой исследовательской повестке и поддерживающие собственные исследовательские компетенции.

Университеты, не имеющие статуса научно-исследовательских, должны быть ориентированы преимущественно на образовательную деятельность. Учебный процесс по гуманитарным, в том числе юридическим, направлениям подготовки мало связан с научно-исследовательской деятель-

ностью в собственном смысле, поэтому учебный процесс может быть обеспечен в основном научно-педагогическими кадрами, осваивающими и транслирующими результаты чужих научных исследований.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, следует прийти к выводу, что в настоящее время вопрос определения критериев эффективности и показателей качества высшего образования носит весьма запутанный, сложный, во многом противоречивый характер. Сложность оценивания деятельности образовательных организаций, реализующих программы высшего юридического образования, определяются еще и тем обстоятельством, что эта сфера находится на острие актуальных перемен, происходящих в российском обществе и во всем геополитическом пространстве. Каким будет высшее юридическое образование будущего, зависит именно от верно спрогнозированных социальных эффектов, использования правовых средств их достижения и обеспеченности ресурсами в необходимом объеме.

Калинин Сергей Артурович,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель
декана юридического факультета Белорусского го-
сударственного университета по научной работе

О концептуально-мировоззренческих угрозах в постсоветском юридическом образовании

Анализ последних глобальных и региональных событий в контексте юридического образования и науки парадоксально свидетельствует о снижении объяснительного и прогностического потенциала ряда правовых дисциплин (их разделов), а также об их превращении в значительной степени в набор идеологических штампов. Так, тема «политический режим» фактически свелась к противопоставлению демократии и авторитаризма, под которым понимается любая незападная модель власти (при игнорировании использования идей прав человека и демократии в качестве инструментов управляемого хаоса и цветных революций). В итоге, за презюмируемой образовательной и научной нейтральностью (объективностью) все более проявляются интересы субъектов, отрицающих самостоятельное суверенное существование постсоветских государств и стремящихся к их колонизации и ликвидации. По откровенному мнению Стивена Манна, «Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности индивидуального актора — в сумме, идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности [США. — С. К.], поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Как показывают хакеры, наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса? С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия, США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно *заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека* [здесь и далее курсив наш. — С. К.]. ...Поэтому наша национальная безопасность будет иметь наилучшие гарантии, если мы посвятим наши усилия борьбе за умы стран и культуры, которые отличаются от нашей»¹.

Данное мнение, отражающее суть политики США и его союзников, прекрасно коррелирует с вызовами (угрозами) суверенитету (существованию) входящих в Союзное государство России и Беларуси. Реагирование на такие вызовы (угрозы) также требует и изменения подходов к юридическому образованию, которое является ключевым при подготовке кадров как для системы государственного управления, так и правовой системы в целом. По сути, в юридическом образовании следует преодолеть вектор исключительной критики и отрицания собственных государств как несоответствующих неким претендующим на эталонность и универсальность и озвучиваемым международными и наднациональными субъектами требованиям. Однако вышеизложенное изначально требует осмысления детерминант юридического образования.

Решение данной задачи актуализирует рассмотрение юриспруденции в логике субъектной и управленческой парадигм (право, как *искусство управления (ius est ars boni et aequi)*, *нормиро-*

¹ Мэнн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (дата обращения: 25.07.2023).

ванная власть и форма социального управления)¹. В таком ракурсе законодатель искусно выявляет социальные потребности и создает механизмы правового регулирования, правоприменитель использует их в своих законных интересах. При этом особую значимость приобретает искусство правосудия по разрешению правовых конфликтов либо вынесению максимально соответствующих личности обвиняемого законных обоснованных и мотивированных приговоров. Отметим, что традиционно советское и постсоветское юридическое образование направлено на подготовку правоприменителей, в первую очередь, в области уголовного права и процесса, а управленческая же сущность права затрагивается им редко и недостаточно.

Юридическое образование включает социально-гуманитарный, профессиональный и иные компоненты. Профессиональный компонент охватывает теоретико-исторический, отраслевой, прикладной и специальный² блоки дисциплин. При этом ориентация образования на практико-ориентированность, как правило, достигается путем сокращения социально-гуманитарных и теоретико-исторических предметов, что обуславливает недостаточную концептуально-мировоззренческую подготовку будущих юристов, особенно в части познания и понимания детерминант государственности и права. Одновременно данная тенденция усиливается длительной и наивной мировоззренческой капитуляцией постсоветского социально-гуманитарного и юридического образования и науки, а также практики государственного строительства перед либеральной геокультурой³, не позволяющей начать ее объективную критику.

Так, в Беларуси либеральная геокultura объективно выступила ядром и сутью конституционной реформы 1994 года. Однако конституционные референдумы 1995 и 1996 годов изменили данный вектор: параллельно с использованием политико-идеологических моделей либеральной геокультуры был начат поиск механизмов их адаптации в интересах белорусского государства. Именно поэтому использование французской конституционной модели (в логике сохранения и усиления субъектности и суверенности Беларуси в сложном изменяющемся мире) вызвало со стороны Запада резкую критику и введение санкций.

Адаптация либеральной геокультуры к потребностям белорусского народа и государства продолжилась и конституционной реформой 2022 года, направленной на укрепление правовых механизмов, отвечающих национальным мировоззренческим антрополого-аксиологическим стандартам и представлениям о справедливости. Это, с одной стороны, требует контроля за выборочной «защитой» отдельных прав избранных («дискриминируемых») категорий населения, финансируемой за счет международных структур, иных государств либо анонимных лиц. С другой стороны, идеям народовластия не противоречат следующие конституционно-правовые новеллы:

а) осуществление демократии в Республике Беларусь *на основе идеологии белорусского государства*, а также многообразия политических институтов и мнений (ч. 1 ст. 4 Конституции Республики Беларусь);

б) введение в систему разделения властей Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь, определяющего стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающего незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие (ст. 89¹ Конституции Республики Беларусь);

в) определение гражданского общества как граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, выражающих свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запре-

¹ Калинин С. А. Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции // Правоведение. 2015. № 2. С. 6–21.

² В данном случае мы используем подход к выделению учебных дисциплин, характерный для общей теории права, нежели используемый при составлении учебно-программной документации.

³ Категория мир-системного анализа, позволяющая осмысливать культурные коды и смыслы преобразования реальности и пространства, в том числе включающие представления об идеальных формах публичной власти и социального регулирования, описывающая культурное основание мир-системы, культурный способ организации мирового пространства и обеспечения легитимности сформированного в интересах ядра глобального порядка. Либеральная геокultura охватывает идеи либерализма, демократии, прав человека, рыночной экономики, правового государства и т. д.

Подробнее: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина / под ред. Б. Ю. Кагарлицкий. Санкт-Петербург: Унив. кн., 2001. С. 188–226.

щенных законодательством (абзац первый части первой ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 февраля 2023 года № 250-З «Об основах гражданского общества»).

Раболепство и мировоззренческая капитуляция перед Западом объективно включили постсоветское образовательное пространство в Болонскую систему и иные образовательные (научные) эксперименты. Так, значительная часть ученых, отринув советскую правовую доктрину, догматически восприняла либеральную геокультуру, начав писать о «советском феодальном праве» и отказавшись от идей социальной справедливости и суверенного развития. Лишь немногие стали переосмысливать советскую юридическую традицию. Это породило, в частности, чрезмерные частно-правовой и международно-правовой «уклоны» в правовой системе при одновременном рассмотрении публично-правовых и национально-правовых аспектов в качестве второстепенных и производных. Среди юристов стало превалировать мнение о том, что государство является основным врагом свободы, противником отдельного индивида и ограничителем прав инвестора, интересы которого должны защищаться в приоритетном порядке.

Отметим, что детерминированная атеизмом, марксистской политэкономией, диалектическим и историческим материализмом советская правовая школа, отрицавшая дореволюционную правовую традицию, создала стройную инструментальную теорию, направленную на развитие системы и структуры права, систематизацию законодательства, обеспечение законности и правопорядка и т. д. Российское имперское правоповедение также в основном базировалось на современной ей либеральной геокультуре, а большинство ведущих юристов находились в оппозиции Царю и Империи, постепенно делегитимизируя власть в глазах студентов и народа, что выступило одной из причин Февральского переворота 1917 года. При этом именно в имперский период была заложена идеалистическая «аксиома», что достижения стран Запада в политико-правовой и социально-экономической сферах обусловлены демократией и избирательным правом, а не их колониальной природой.

Считаем, что важнейшим мировоззренческим вызовом для юридического образования России и Беларуси следует признать поиск *самоидентификации* в глобальном мировом процессе, понимание себя не как ущербной государственности, должной повторять чужой путь, но как единой самобытной цивилизации. В таком контексте Республика Беларусь — это:

а) постсоциалистическое индустриально-аграрное государство, исторически легитимированное Октябрьской революцией 1917 года, Победой СССР в Великой Отечественной войне и распадом СССР, входящее в систему основанной на ценностях Православия и стремлении к социальной справедливости Восточнославянской цивилизации, стремящееся к мирному сосуществованию и развитию и успешному взаимовыгодному сотрудничеству с мировым сообществом, противостоящее идеям виктимного национализма;

б) полупериферийное государство в современной мир-системе, находящееся в Союзном государстве Беларуси и России, выступающее государством Пограничья Евразийского панрегиона и его важным индустриально-технологическим центром.

Одновременно такая самоидентификация требует возвращения к пониманию христианской сущности наших государств, а также учета иных религий, которые являются неотъемлемыми элементами нашей истории.

Поиск самоидентификации особенно активизировался в последнее время. Так, в ежегодном Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь А. Г. Лукашенко прямо отметил, что «Белорусское государство также является полноправным преемником исторического наследия Древней Руси. Великое княжество Литовское было также русским — это значит, что восточнославянским, то есть нашим. Для тех, кто обеспокоен темой «русского мира» и кто дрожит от упоминания «русский», скажу просто: русское — это не только российское, это и наше»¹. Принятая в тот же день (31 марта 2023 г.) Концепция внешней политики Российской Федерации позиционирует Россию как «самобытную государство-цивилизацию, обширную евразийскую и евро-тихоокеанскую державу, сплотившую русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»².

¹ Лукашенко А. Г. Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 31 марта 2023 г. // Президент Республики Беларусь: Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-beloruskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta> (дата обращения: 12.07.2023).

² П. 4. Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 • Президент России (kremlin.ru).

Самоидентификация России и Беларуси как государств, имеющих как общую, так и отличную историю, на наш взгляд, должна осуществляться одновременно на концептуальном и историческом уровнях, взятых в глобальном контексте. В рамках исторического анализа следует осмыслить причины формирования и развития наших государств. Как верно указал А. Дж. Тойнби: «Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться новому игу, игу коренной русской власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить. Неслучайно, что это новое самодержавное централизованное правление возникло именно в Москве, ибо Москва была форпостом на пути возможной очередной западной агрессии. Поляки в 1610 году, французы в 1812-м, германцы в 1941-м — все шли этим путем. ... И вот с тех давних пор, с начала XIV века, доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм»¹. То есть противостояние агрессии Запада — это неотъемлемая детерминанта отечественного государственного строительства, на что обратил внимание министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров: «Не будем идти на взаимодействие с Западом в тех сферах, от которых во всех смыслах зависит наша безопасность: и военно-политическая, и экономическая, и технологическая, и т. д. Это уже доказано опытом последних тридцати лет. Запад, не раздумывая, в любой момент, когда ему захочется сдержать твое собственное развитие, а именно в этом цель — сдержать развитие конкурентов, будет злоупотреблять всеми достигнутыми договоренностями. Ни одна из принципиальных договоренностей, заключенных с Западом после 1991 года, не была выполнена. Поэтому нельзя верить на слово. Нельзя верить и тем подписям, которые Запад ставил на многочисленных документах»².

Концептуальный анализ предполагает отказ от универсалистского понимания государства лишь в логике новоевропейской государственности, что требует изучения различных исторических типов публичной власти (вождества, полисы, империи и т. д.), в том числе в контексте их конфликтных взаимодействий (война). В частности, это обуславливает целесообразность дополнения признаков государства указанием на обязанность государства обеспечить выживание народа в условиях вызовов и угроз, включая агрессии и войны.

Решение данных вопросов требует переосмысления места, объема и времени изучения теоретико-исторических предметов в юридическом образовании. При этом параллельно возникает вопрос о времени, требуемом для подготовки квалифицированного юриста. На наш взгляд, соответствующая Болонской системе четырехлетняя подготовка юриста не оправдала себя, что предполагает необходимость возврата к традиционному пятилетнему сроку.

При изменении подходов к преподаванию теоретико-исторического блока следует учесть, что теоретическая юриспруденция охватывает три уровня анализа реальности (юриспруденция догмы (текста), юриспруденция интереса и юриспруденция ценностей), для каждого из которых характерно свое соотношение и взаимодействие государства и права. Однако государство в рамках юридического образования, как правило, не изучается, позиционируясь как юридическая фикция, но не как исторический феномен. При этом общая теория права (теория государства и права) на первом курсе основное внимание объективно уделяет догме права и понятийно-категориальному аппарату. Юриспруденция интересов, по сути, более свойственна социологии права и криминологии как предметам старших курсов. Но юриспруденция ценностей должна читаться на последнем курсе как философия права либо проблемы теории государства и права с вынесением общей теории права на государственный экзамен.

Фактически юриспруденция ценностей должна давать будущему юристу ответ на базовые мировоззренческие вопросы: в чем заключается природа человека и как в ней соотносится добро и зло; каковы пределы властного принуждения над человеком, которые на государственно-правовом уровне превращаются в регулятивные и охранительные правовые режимы. В таком контексте полезно обратиться к христианской догматике, согласно которой человек — это образ и подобие Бога (Быт 1: 26), но поврежденные в результате грехопадения. То есть зло существует как потенция в человеческой поврежденности, тогда как государство и право — это объективные общественные институты, возникшие после грехопадения и требуемые для противодействия наиболее

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.]. Москва: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 254.

² Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова перед студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО по случаю начала учебного года, Москва, 1 сентября 2023 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации (mid.ru).

опасным проявлениям греха. Следовательно, цель государства — не построить рай на земле, а не допустить падения человечества в ад. Такое понимание государства и права, которые не могут решить все проблемы человечества, но в определенных условиях способны выступать инструментами зла, позволяет преодолеть отдельные проявления деформации правосознания.

Применительно к мировоззрению государство и право следует рассматривать в качестве его [мировоззрения] преломления на конкретные формы и методы реализации публичной власти и общесоциального общеобязательного нормативного регулирования. Именно мировоззренческие императивы позволяют посредством правосознания / правовой культуры оценивать государство и право в их идеальных моделях и реальных проявлениях как надлежащие либо ненадлежащие, рекомендовать проведение либо воздержание от определенных действий в публичной сфере, и т. д. То есть, любое государство может быть рассмотрено как следствие определенной модели (понимания) человека (антропологической модели), предопределяющей сущность публичной власти и социального регулирования, как следствие определенной системы ценностных императивов (аксиология), как следствие цели определенного субъекта публичной власти в конечном глобальном историческом процессе (историософия) и т. д.¹

Одновременно важную роль в системе теоретико-исторических дисциплин играет история политических и правовых учений, панорамно освещающая развитие представлений о власти, государстве, праве, надлежащих и ненадлежащих формах управления. В рамках данного предмета студент знакомится с эволюцией основных категорий юриспруденции, начинает понимать закономерности возникновения школ правовопонимания и утраты ими адекватности, может ретроспективно осмыслить «вечные» политико-правовые проблемы. В этом случае желательно, чтобы преподавание данного курса, требующего зрелости от студентов, не сводилось к апологетике западной политико-правовой мысли, а корректно знакомило и с незападными цивилизациями, в рамках которых выявлены серьезные закономерности функционирования власти (Сыма Цянь, Ибн Хальдун и др.). Однако в России данный курс вынесен на вторую ступень получения образования, а в Беларуси с 2022 года — это зачетная дисциплина весеннего семестра второго курса.

Таким образом, реформирование юридического образования изначально, на наш взгляд, требует понимания тех угроз (вызовов), на преодоление которых оно как система подготовки квалифицированных законопослушных и направленных на ответственное социальное служение кадров направлено. При этом важное значение в системе таких вызовов (угроз) играют *мировоззренческие* вызовы (угрозы), к которым применительно к постсоветскому юридическому образованию следует относить:

а) некритическую детерминированность либеральной геокulturой, в рамках которой постсоветские страны отказались от своей антрополого-аксиологической суверенности и стали воспринимать все предлагаемые Западом политико-правовые и социально-гуманитарные модели как безусловно позитивные, эталонные и универсальные;

б) отказ воспринимать Запад, который постоянно стремился уничтожить Русскую цивилизацию, как цивилизационного конкурента и антагониста;

в) утрату международным правом и «международным сообществом» статуса нейтральности и направленности на обеспечение всеобщей мировой гармонии, а точнее яркое проявление их природы как инструментов подчинения незападных цивилизаций и стран (неоколониализм).

Преодоление данных вызовов (угроз) возможно в рамках изменения подходов к преподаванию теоретико-исторических дисциплин, акцентирующих на важность осмысления динамических категорий, среди которых наиболее значимой является «война» как, к сожалению, объективная и устойчивая форма межгосударственного взаимодействия, что актуализирует проблемы национальной безопасности и суверенного развития Беларуси и России.

Преодоление мировоззренческих вызовов и переосмысление либеральной геокulturы актуализирует проблематику традиционных антрополого-аксиологических детерминант (ценностей) Беларуси и России. Такое сущностное изменение на уровне юриспруденции ценностей позволит создавать правовые механизмы защиты (обеспечения) суверенного развития, противостояния античеловеческим практикам и рекомендациям, вытекающим из сексуально-половых девиаций, использованию человека в антигуманных врачебных и фармацевтических практиках, направленных не на излечение, но на достижение неограниченной прибыли и т. д.

¹ Калинин С. А. О методологическом статусе мировоззрения в юриспруденции: исходные положения // Право.by. 2019. № 6. С. 20–27.

Соколова Алла Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета (Минск, Беларусь), профессор-эмеритус Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва)

Вызовы современного мира и юридическое образование: международный опыт

В современной академической среде юридическое образование, на мой взгляд, должно основываться на *новых подходах* к модели подготовки специалистов, включать более широкий спектр гуманитарных и технических знаний. Иными словами, процесс его реформирования должен основываться на новой — *междисциплинарной* парадигме. Какие личностные качества будущих юристов следует развивать, как усилить гуманистическую направленность их правового сознания? Ведь в реальной жизни столкновение обычного человека с представителем юридической профессии, как, впрочем, и с профессией врача, может оказать как положительное ожидаемое воздействие, так и пагубное, не жизнеобеспечивающее.

С проблемой реформирования юридического образования связан вопрос о методологическом приоритете подготовки профессии юристов: *интеллектуальной или узкоспециализированной*? Каким видится портрет юриста эпохи искусственного интеллекта: *юриста-интеллектуала* или *юриста-«инженера»*? Многолетний преподавательский и административный опыт работы в Европейском гуманитарном университете (Минск, 1993–2004; Вильнюс, 2005–2019) приводит меня к констатации преимуществ формирования *юриста-интеллектуала*, занимающего активную позицию не только в сфере юриспруденции, но и в публичном пространстве. Именно юрист-интеллектуал — будущий реформатор политико-правовой системы авторитарного государства, актор публичной сферы, выступающий как политик, общественный деятель, эксперт, норморайтер (термин профессора **Баранова Владимира Михайловича**). Предполагаю, что иной опыт представлен в юридическом образовании системы МВД, в котором большой объем учебного плана занимают специальные, прикладные дисциплины и практики.

В конечном итоге, важную миссию юридических университетов я усматриваю в подготовке выпускников для служения обществу¹.

Становление юриста-интеллектуала должно основываться, как мне видится, на следующих подходах: *междисциплинарном*, формирующим у выпускников основы *интегративного мировоззрения*: осознания интерактивности социальных и технологических систем, комплексной картины их видения, необходимости своевременного и надлежащего нормативного их урегулирования. Вызовы использования современных компьютерных технологий, искусственного интеллекта требуют от выпускников юридических вузов комплексных знаний для их оценки, правовой экспертизы, защиты прав человека и нормативного обеспечения. Учебные планы юридических программ должны обеспечивать необходимый баланс между классическими учебными дисциплинами, составляющими основу правовой культуры будущего юриста, и междисциплинарными курсами, обеспечивающими понимание таких областей, как право и гуманитарные науки, право и социальные науки, право и бизнес, право и государственная политика, право в мировом сообществе и право в науке. Такие курсы могут быть полезны для развития критического мышления, которым должны обладать юристы. Требование времени — формирование «междисциплинарных» юридических специальностей: юрист в сфере журналистики, медицины, спорта, экологии, биоэтики, образования, законотворческой деятельности и т. д.

В качестве одной из привлекательных для меня моделей подготовки высококвалифицированного юриста-интеллектуала служит образовательная программа факультета права Европейского гуманитарного университета (речь идет о периоде Минской истории университета, 1994–2004). Успешность этой программы (одно из свидетельств этого утверждения — неоспоримый факт высокого вступительного конкурса) определялась, с одной стороны, основной концептуальной идеей — выбором направления обучения: специализация в области международного (публичного и частного) и *европейского права* (первый беспрецедентный образовательный опыт в вузах Белару-

¹ See: Michael J. Madison. An Invitation Regarding Law and Legal Education, and Imagining the Future // Working Paper. No. 2018-03. P. 9.

си). С другой стороны, программа была уникальной по своему *интеллектуальному потенциалу*. Учебная подготовка основывалась на принципах междисциплинарности, изучения основ социогуманитарных наук, использования в преподавании иностранных языков как инструмента профессионального общения, реальных для студента возможностях выбора курсов. Блок гуманитарной подготовки включал нетрадиционные для классического юридического образования авторские курсы: «Введение в историю философии», «Введение в искусствоведение», «Введение в историю и теорию литературы», «Введение в историю психологии», «Введение в историю и теорию литературы», «Введение в богословие», «История мировых цивилизаций», «Основы логики и другие»¹. Мастера-гуманитарии, открывали для студентов нравственные и этические ценности, мир литературы и поэзии, истории и религии! Миниатюрных по объему курсов было вполне достаточно для того, чтобы придать импульс и активизировать процесс гуманитарного познания, социального взросления и творческого поиска студентов. Гуманитарная подготовка для студентов-юристов особенно важна в настоящее время, рожающее новые цифровые технологии, не способные пока заменить труд юриста-интеллектуала. Примечательна в этом отношении тематика Восьмых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца «Право и литература» (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, 2013). Современная правовая культура должна развиваться взаимосвязано с культурой творческой. Убедительность художественных образов, идеи и смыслы гениальных творцов, обнаруженные силой их таланта, являют нам непреходящие ценности, спасительные для всех цивилизаций. Создатели мировых литературных шедевров внесли свой вклад не только в развитие духовной, но и правовой культуры. Размышления о взаимодополняемости правоведческого и художественно-образного постижения мира права и социальной реальности вполне могут стать исследовательским полем в программе магистерской подготовки по философии права. Особо важно обращение к этому слою мировой культуры юных юристов-исследователей, профессиональный портрет которых во многом будет зависеть от их междисциплинарной образованности, эрудированности, умения извлечь правовые ценности из сокровищницы художественной культуры и актуализировать их применительно к реалиям юридической повседневной практики².

Интегративное мировоззрение должно основываться на освоении студентами системы общечеловеческих ценностей. **Патрисия Д. Уайт** — декан и профессор права юридического факультета Университета Майами, в дискуссии на тему «Кризис в юридическом образовании», проведенной в Юридическом центре Джорджтаунского университета, поставила вопрос: как сохранить основные ценности в юридическом образовании в ситуации со значительными экономическими изменениями и кризисными явлениями? Система основных ценностей, полагает она, включает обучение юристов ценить, понимать и соблюдать верховенство закона, принципы равенства, справедливости, надлежащую правовую процедуру³ (я дополнила бы этот список требованием соблюдать принципы права, как императивы правовой системы и правовой деятельности). Это академическое обязательство в отношении студентов имеет основополагающее значение для юридических школ и для юридической профессии. Примем его за константу и за основу.

Безусловно, помимо широкого спектра теоретико-правовых, междисциплинарных, сугубо правовых специальных дисциплин, при разработке образовательных программ следует уделить внимание компонентам, направленным на развитие практических навыков, навыков критического и аналитического мышления (*soft skills*), изменить подходы к организации и содержанию студенческой практики. И наряду с этими компонентами создавать возможности для экспериментального обучения, организации юридических клиник, стажировок, практик симуляции.

Политический и социальный кризисы в США, ряде стран Европы, в Беларуси, отягощенные условиями случившейся пандемии, заставляют по-новому взглянуть на правоохранительную систему и персоналии юридического профиля. Как действуют полиция, органы следствия, суды при осуществлении своих функций, нарушают ли нормы Конституции, принципы права, а также нормы

¹ См.: Соколова А. А. Новые смыслы юридической профессии в XXI веке: опыт ЕГУ // Перекрестки. № 1. 2018. С. 114–128.

² Соколова А. А. Классическая художественная литература: от повседневности к правовым идеям (на примере творчества А. С. Пушкина) // Право и литература: материалы восьмых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В. Г. Графский. Москва: Норма, 2014. С. 146–151.

³ Patricia D. White // The Crisis in Legal Education // SPRING. 2016. BULLETIN. URL: <https://www.amacad.org/legaleducation>.

морали и профессиональной этики? К сожалению, следует признать, что подобные нарушения в мировой практике выявлены и требуют объективной оценки специалистами. Отсюда важный посыл к формированию личностного портрета юриста, насколько освоены и закреплены повседневно практикой такие качества, как ценностное отношение к Конституции, принципам права, международным стандартам, правам человека. Мы сталкиваемся с проблемой соотношения между профессиональным и гуманитарно-гражданским компонентом в юридическом образовании и реальной практикой, где эти знания и компетенции могут быть применимы. С одной стороны, университет провозглашает и подтверждает наследием великих мыслителей прошлых эпох, гуманистические идеи, теории прав человека, принципы гражданской ответственности и справедливости; с другой стороны, гуманистический потенциал накладывается на ситуацию расхождения между профессией и практикой. Теория и практика могут не совпадать, находиться в состоянии напряжения, неприятия, спекуляции, создавать неприемлемые, с позиции правовой культуры, действия, вызывать в обществе негодование, осуждение. Как в таких обстоятельствах восстановить баланс и гармонию между академическим подходом к праву, гуманистической миссией юриста и дефектом практики, ее содержательному искажению? Вопрос, на мой взгляд, требует безотлагательного глубокого исследования интеллектуальными усилиями международного академического сообщества.

В этой связи предлагаю обратиться к достаточно новому компоненту международной и европейской практики, предписывающему осуществлять все виды государственной деятельности, в том числе образовательную, с позиции соблюдения принципа прав человека, то есть к *подходу, основанному на правах человека* (англ. — *human rights based approach*). Для освоения этой практики требуется высокий уровень культуры прав человека, понимаемой не только в аспекте знаний основ теории прав человека, но и реальных практических навыков их применения. Безопасность личности, возможность свободного проявления ею своих способностей и задатков в атмосфере мира и безопасности — черты цивилизованности общества. Использование этого подхода в любой сфере юридической деятельности может предотвратить или ослабить негативные последствия, связанные с нарушением прав человека, и в целом сохранить мирную безопасность социальной среды.

Достижения современных информационно-коммуникационных технологий, вызовы пандемии коронавируса создали необходимость использования новых моделей обучения, позволяющих объединять студентов и преподавателей разных стран в рамках единого академического сообщества, расширять рамки университетского международного сотрудничества. Стоит отметить, что гуманитарная «интервенция» IT-технологий в юридическую практику демонстрирует резонные преимущества: позволяет осуществлять поиск прецедентов по конкретным делам о банкротстве, налогам, медицинскому страхованию; подготовку нормативных документов; прогнозирование результатов судебных процессов; поиск и систематизацию правовой информации, ее оформление; подготовку однотипных исковых заявлений, завещаний; заключение стандартных контрактов и другие действия. Внедрение новейших компьютерных технологий в сферу юридической деятельности, автоматизация работы юридических компаний подтверждены множеством фактов мировой практики, иллюстрирующих их эффективность как современных инструментов, существенно упрощающих решение юридических вопросов, освобождающих юристов от рутинного мышления и технических операций, и в целом способных преобразить юридическую профессию. Отсюда следует актуальная потребность интегрировать новейшие компьютерные технологии в сферу юридического образования. Речь идет о подходе, основанном на *IT-подготовке*: включении в образовательную программу блока учебных дисциплин по *Основам информационных технологий* с целью формирования навыков использования методов искусственного интеллекта, цифровых инструментов в юридической практике. Проблемы глобального мира, связанные с изменением формата жизнедеятельности общества, вынужденной самоизоляцией населения целых городов и регионов усилили эту задачу. Вынужденная самоизоляция и переход на дистанционное преподавание вызвали потребность осваивать широкий спектр платформ с реестром программного обеспечения (*Zoom, Microsoft Teams, Skype, Black Board*) для общения преподавателя и студентов в виртуальной среде. Использование средств Web-технологий и *Woodle* в учебном процессе создает комфортную образовательную информационную среду, в которой действуют системы коммуникации между преподавателем и студентом, содержится комплекс учебно-методических материалов, образовательных электронных ресурсов, заданий для самостоятельной работы студентов. Особо привлекательной, на мой взгляд, является *смешанная форма* обучения (*blended learning*), сочетающая традиционные и инновационные формы: учебные занятия в аудитории, онлайн электронное

обучение и самостоятельную работу студентов по освоению учебного курса. С позиции экономичности и гибкости особенно перспективна и привлекательна для молодых людей Беларуси и других государств, на мой взгляд, смешанная форма обучения (*blended learning*) для программ *магистерского уровня*.

Очевидно, успешными, эффективными, решающими реформы юридического образования будут не только при условии государственной поддержки, но и осуществления их ансамблем профессионально подготовленных специалистов, создающих корпорацию, объединение, коллектив, то есть УНИВЕРСИТЕТ (*“universitas”* — в переводе с лат. «корпорация», «объединение», «коллектив»), союз преподавателей и студентов (*universitates magistrorum et scholarium*), самоуправляющееся академическое сообщество со своими традициями и принципами, а главное — академическими свободами, стимулирующими творческую активность студентов и преподавателей, а также позволяющими исключить чрезмерную бюрократизацию учебного процесса (о которой в своем выступлении упоминал доктор юридических наук, профессор В. А. Толстик). Такие инструменты корпоративного сотрудничества как Устав университета, Сенат, процедуры его функционального взаимодействия с администрацией, практика реализации академических свобод во многом определяют атмосферу академической жизни и стратегию ее развития.

Афанасьевская Анна Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

Меняющаяся парадигма юридического образования и профессии

Последние технологические изменения открывают перед высшими учебными заведениями как возможности, так и проблемы, заставляя систему высшего образования пересматривать стратегии развития. За свою историю вузы претерпели множество изменений: были и взлеты, и падения, и им приходилось адаптироваться к этим реалиям. Например, к таким тенденциям, как политические изменения, экономические кризисы и глобализация. Современные цифровые технологии предоставляют новые инструменты для развития вузов и других образовательных учреждений по всему миру. Цифровизация предоставляет возможности для обмена накопленным опытом и знаниями, что позволяет людям больше учиться и принимать более эффективные решения в своей повседневной жизни. Тщательно продуманная образовательная политика, учитывающая современные тенденции, поможет не только сбалансированно заполнить рынок труда, но и предотвратить социальный коллапс. Для формирования устойчивой инновационной системы необходимо развитие научно-исследовательских учреждений, наличие квалифицированных кадров, создание условий для инновационно-технического обеспечения, активная роль органов государственной власти и формирование стабильной правовой базы.

За последние тридцать лет цифровизация оказала существенное влияние на наши высшие учебные заведения. Цифровизация и развитие искусственного интеллекта — это фундаментальные и революционные изменения, которые затрагивают каждого человека, каждый сектор, каждый вид деятельности и каждый институт общества. Но что именно представляет собой цифровизация в высшем образовании? Цифровизация подразумевает использование компьютеров, ноутбуков, платформ для виртуальной деятельности и программного обеспечения для поддержки обучения студентов. Новый этап *Education 4.0* — «Образование 4.0», когда вузы переходят на облачные технологии, заключается в подготовке преподавателей и студентов к изменениям, происходящим в процессе преподавания и обучения. Облачные технологии — это обработка данных, в которой компьютерные ресурсы и мощности предоставляются пользователю как интернет-сервис.

Механизмы онлайн-обучения предлагают гибкие образовательные парадигмы в любое время и в любом месте, позволяя вузам преодолевать инфраструктурные ограничения, используя свои образовательные ресурсы для широкой аудитории с применением технологических каналов. Технологические инструменты обучения могут использоваться студентами различными способами. И если раньше внедрение современных технологий в обучение было вспомогательной функцией, то события последних трех лет, в течение которых мир боролся с пандемией коронавируса COVID-19, показали важность цифровизации в образовании, особенно в высшем образовании. Многие курсы

были отменены из-за пандемии и в итоге возобновились в режиме онлайн. Современные технологии — это благо для любой области; будь то коммерция, медицина или юриспруденция.

Карантин стал сложным периодом для юридического образования, главным образом из-за неопределенности с возобновлением первоначальной образовательной программы. Этот шаг привел к трансформации нашего традиционного стиля преподавания в режиме “offline”, к цифровому образованию, основанному на технологиях. У студентов появилась возможность посещать лекции с помощью приложений для видеоконференцсвязи, например, Zoom-конференции.

Цифровизация юридического образования стала насущной необходимостью в связи с продолжающейся пандемией. Это единственный способ, с помощью которого, сохраняя норму социального дистанцирования, можно было продолжать обучение среди учащихся, наилучшим образом используя технологии. Но что, по сути, необходимо понять, так это то, что в целом роль технологий в юридическом образовании очень значительна. В наше время каждому студенту юридического образования крайне важно разбираться в технологиях. Благодаря технологиям профессия юриста сейчас занимает более выгодное положение. Время, затрачиваемое на исследования и документирование, в значительной степени сократилось. Профессия юриста становится более эффективной, когда он предоставляет клиенту правильную информацию в нужное время, что может быть оперативно сделано с помощью технологий. Например, обмен файлами становится проще простого, и искомые данные можно найти с помощью быстрого поиска.

Работа из дома стала возможной только благодаря технологиям, которые предоставляют такие услуги, как подача судебных документов онлайн, слушание дел посредством видеоконференцсвязи, обмен доказательствами по почте, подача документов в электронном виде и оплата сборов с помощью онлайн и так далее, и тому подобное. Суды также разрешают рассылку повесток и уведомлений через службы мгновенного обмена сообщениями, такие как *Whatsapp*, по почте и факсу.

Легкий доступ к юридической информации онлайн упростил понимание даже для непрофессионала. Бумажная волокита существенно сократила трудоемкость юридической работы, благодаря внедрению *LegalTech*. Это задачи, с которыми в конечном итоге придется столкнуться студентам, когда они вступят на свой профессиональный путь. Поэтому необходимо, чтобы использование технологий стало обязательным для юридической практики.

С течением времени юридические технологии охватывают все более сложные области права, такие как: управление и автоматизация работы с договорами, автоматизация документооборота, программное обеспечение для электронного выставления счетов и юридическая аналитика.

Несомненно, это предполагает переход юридических вузов от программ обучения, ориентированных на содержание, к программам обучения, ориентированным на результаты, которые касаются того, что студенты смогут делать и как они будут это делать, а также того, что они будут знать, придя в юридическую практику.

Представляется, что основной целью юридического образования должно быть развитие компетенции, то есть способности эффективно и ответственно разрешать юридические вопросы. Юридические вузы должны помогать студентам приобретать:

- а) качества эффективных и ответственных юристов;
- б) навыки саморефлексии и обучения на протяжении всей жизни;
- с) интеллектуальные и аналитические навыки, базовые знания и понимание закона, профессиональные навыки и профессионализм.

В настоящее время устоявшийся принцип заключается в том, что технологии развивались со временем и взяли на себя роль катализатора в отношениях между студентами и преподавателями, адвокатами и клиентами, судьями и адвокатами. Поэтому необходимо в обязательном порядке включить в учебные программы юридических вузов дисциплины, связанные с *IT*-технологиями (*cloud-based legal technology*), не только для узконаправленных специалистов, таких как, например, *IT*-юрист, но и для всех обучающихся студентов с области юриспруденции. Можно было бы предусмотреть цикл лекций на тему «Как использовать технологии в юриспруденции и каковы их преимущества».

Через несколько лет наши судебные разбирательства превратятся в электронные судебные разбирательства, и поэтому хорошее владение технологиями является обязательным условием для каждого студента юридического факультета. Получение высококачественного юридического образования является необходимым условием для высококвалифицированных юристов-практиков, судей и государственных служащих в сфере юриспруденции. Потребность в таком образовании за-

ключается в необходимости оценить и пересмотреть учебные программы и методологии юридических курсов с целью их обновления для удовлетворения новых вызовов и потребностей общества.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что технологии играют решающую вспомогательную роль в развитии компетентности в области юридического образования, тем самым подготавливая студентов к лучшему будущему.

Петрова Любовь Георгиевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии психологического факультета Саратовского национального государственного университета

Психологический взгляд на современное образование и обучение юриста

Мой опыт педагогической деятельности в юридическом вузе начался в советский период, продолжился в период перестройки и плавно перешел в современные условия.

Изменения, происходящие в обществе, требуют и приводят к изменениям в нормах и ценностях общественной жизни и, естественным образом, приводят к изменению системы ценности людей, членов этого общества. Конечно, любому «новому» процессу сопротивляются отдельные представители общества, но мы сейчас говорим о тенденции, которую определяют как открытые декларируемые цели государства, так и скрытые, непроговариваемые... Однако даже в этом случае их легко понять, сопоставляя декларируемое с реальностью указаний, принятия норм и законов, особенностей их исполнения...

Изменения в учебном процессе отражают процессы, происходящие в обществе и позволяют понять, какие задачи в формировании специалиста той или иной специальности ждут от учебных заведений, планируя как процесс их решения специалистом, получающим образование, так и то, расходятся ли в этом случае ожидания тех людей, которые определяют вид учебного процесса, компетенции, которые должны быть сформированы у студента с ожиданиями большей части граждан от специалиста в той или иной области.

Современное образование в понимании моего поколения — это образование, которое дает широкий диапазон знаний, позволяющий будущему специалисту работать в любой прикладной юридической сфере без переподготовки, развивает его интеллектуальный, моральный и социальный уровень и формирует профессиональную идентичность, так как построен с учетом новейших достижений отечественной (в первую очередь) и зарубежной науки.

История, в том числе образования, в нашей стране изобилует примерами того, как нам навязываются изменения в этом процессе, игнорируя достижения отечественных психолого-педагогических исследований. Плоды такого игнорирования мы пожинаем в настоящее время.

Так, в научных статьях¹ на протяжении последнего времени активно пропагандируется новый инструмент визуализации информации, который может использоваться в процессе объяснения учебного материала². И, несмотря на то, что данный инструмент совершенно точно ориентирован в использовании на младший школьный возраст (в связи с особенностями развития мышления в этом возрасте), действие данного инструмента визуализации информации предлагается расширить за счет использования его в процессе обучения студентов³... При этом как-то упускается из вида то, что скрайбинг не способствует развитию ни конкретно-образного, ни абстрактного вида мышления...

В 2022 году преподавательский состав Саратовской государственной юридической академии ознакомили с двумя вариантами нового формата видения юридического образования в связи с намечающимися изменениями в системе высшего образования, то есть возвращением к специалитету.

Из каждого варианта исчезли следующие учебные курсы: статистика, судебная бухгалтерия, юридическая психология, судебная медицина и судебная психиатрия... Тем самым мы как бы воз-

¹ Лиходеенко И. В., Железникова Т. А., Осадчук Е. Е. Скрайбинг как инструмент визуализации мышления. URL: <https://amgrgu.ru> (дата обращения: 25.08.2023); Кутузова М. А., Петровский П. В., Любецкий Н. С. Скрайбинг. Объяснить просто, Эксмо-Пресс, 2016, 208 с.; и др.

² Скрайбинг — искусство отражать свою речь в рисунках, процесс происходит параллельно с докладом говорящего. Ввиду того, что мышление дошкольников отмечается предметной образностью и наглядной конкретностью, СКРАЙБИНГ весьма эффективен в качестве одного из методических средств.

³ В интернете более 20 статей на эту тему.

вращаемся в век 18, презрев все те достижения, которые были сделаны в отторгаемых научных отраслях за эти годы... Сомнительно, что такие изменения в образовательном процессе послужат на благо формирования образованного, самостоятельно принимающего профессионально грамотные процессуальные решения юриста.

Хотелось бы проиллюстрировать сказанное на примере расследований уголовных дел по пункту «б» части 4 статьи 132 УК РФ — за последние три года в моих руках (при проведении СПЭ, рецензировании «чужих» СПЭ, при консультации адвокатов, участвующих в такого рода делах...) побывало 18 материалов.

Согласна с тем, что преступления, квалифицируемые по данной статье — тяжкие, общественно опасные, так как оказывают определяющее влияние на формирование личности подростка, его дальнейшей «взрослой» жизни. Именно поэтому статистика расследования данных преступлений «закрывается» от любых взглядов, однако удалось найти один из незакрытых сайтов, где была представлена статистика за три года (2017–2019), отражающая не только неуклонный рост такого рода преступлений — 6 200, 6 400, 6 600, соответственно, но и отсутствие в принятых судом решений об отказе от судебного преследования в связи с недоказанностью вины. В названных 18 материалах есть «общие» идентичные моменты — вне зависимости от конкретных обстоятельств каждого исследуемого события: а) не анализируются особенности реагирования потерпевшего на вопросы следствия, «несовпадения» информации в его рассказах...; б) в каждом из материалов расследования есть лицо, чьи слова служат основанием для возбуждения уголовного дела. Данный человек **не является** свидетелем ситуации, представленной в качестве преступления, но уверенно **свидетельствующий** о нем, как о преступлении. Содержание этого свидетельства в первом, втором и последующих рассказах никак не изменяется — в него не добавляются какие-то детали, не видоизменяется структура речевого сообщения, оно имеет короткий сжатый характер и производит впечатление «заученного». Описывая ситуацию, так называемый свидетель не может ответить ни на какие уточняющего характера вопросы следствия, которых практически и не бывает...

У «думающего» сотрудника правоохранительных органов обязательно возникнут сомнения в искренности «свидетеля», и он начнет проверять и перепроверять полученную от него информацию. У современного специалиста никогда не возникнут сомнения просто потому, что его мышление остановилось в своем развитии, так как современный образовательный процесс ориентирован на ознакомление с информацией, но не ее анализ. В связи с этим мышление у современного специалиста не подготовлено к аналитической мыслительной деятельности, а поведение ориентировано только на совершение простых действий: выполнение указаний, сформулированных кратко, четко и однозначно. Следовательно, общество может ожидать судебную ошибку...

Климова Мария Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры судебной и прокурорской деятельности, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Гуманизация современного образования как фактор формирования образовательного пространства в юридическом вузе

Современное понимание развития системы высшего образования и подготовки квалифицированных кадров включает различные направления, продиктованные стратегическими приоритетами развития общества и государства. Основные тенденции современной образовательной системы — модернизация, технологизация, компьютеризация, информатизация — не исключают гуманистического подхода и гуманизации высшего образования в целом.

Профессиональная подготовка специалиста любой отрасли требует отношения к учащемуся как к уникальному субъекту. Гуманизация образования призвана создать условия для проявления и развития целостной личности будущего специалиста, раскрытия ее индивидуальных (моральных, психологических, интеллектуальных) особенностей.

Высшее юридическое образование в этом отношении особенно показательно, так как само содержание многих преподаваемых в юридическом вузе дисциплин имеет своей целью не только формирование профессиональных компетенций, но и привитие уважительного отношения к праву, развитие правовой культуры будущего специалиста. Широкий спектр юридических профессий предполагает принятие Присяги, соблюдение норм кодексов профессиональной этики как в рабочее время, так и во время отдыха, а в некоторых случаях и после выхода в отставку. Студенту юридического вуза предоставлена возможность сформировать профессионально-нравственные ценности еще в процессе обучения, что самым непосредственным образом влияет на выбор желаемой сферы юридической деятельности в дальнейшем.

Гуманистические настроения процессу обучения задают преподаватели, имеющие четкое представление о сущности гуманистической педагогики, и владеющие приемами ее реализации. Поэтому особенно важно для преподавателя юридического вуза быть способным не только дать знания в объеме учебной дисциплины, но и выполнить ценностно-ориентирующую функцию. Взаимодействие преподавателей и студентов в образовательном пространстве вуза — один из важнейших процессов, формирующих процесс образования в целом. И от того, будет ли оно основано на принципе гуманизма — уважении к людям, заботе о них, убеждении в их больших возможностях к самосовершенствованию — зависит, насколько образовательное пространство юридического вуза будет стремиться к гуманизации.

Основная идея гуманистического образовательного пространства в том, что студенты рассматриваются как носители индивидуального субъективного опыта, желающие раскрыть свои способности, а задача преподавателя заключается в создании для этого необходимых условий. Образовательное пространство юридического вуза — это система, существенными компонентами которой являются педагогическая деятельность, педагогическое общение, познание (учение), педагогический микроклимат. В каждом вузе образовательное пространство пропитано своей историей, традициями учебного заведения, педагогическим опытом поэтому его можно назвать уникальным, авторским¹.

Одним из путей гуманизации образования является обеспечение соответствующей гуманистической среды в высшем учебном заведении, атмосферы, стимулирующей самореализацию преподавателя и студента на основе взаимного доверия и творческого взаимодействия².

Мастерство и творчество каждого педагога отличается неповторимостью своих элементов, методических приемов, примеров, эмоциональных проявлений. Каждый преподаватель реализует учебный план, используя не только свой опыт и знания, но и индивидуальный стиль педагогического общения. Это влияет на групповые и индивидуальные настроения и чувства, а в итоге и на наличие или отсутствие у студентов мотивации к обучению. Известно, что при общении, близком к конфликтному, участники взаимодействия сосредоточены на построении психологической защиты, а не решении рабочих задач. В таком случае можно утверждать, что страдает качество образовательного процесса: отдельная тема, а, возможно, и учебная дисциплина в целом, не будет усвоена должным образом.

В научных публикациях, посвященных гуманизации образования, авторы предлагают различные средства и способы создания условий для свободного развития творческих сил и способностей студента. Некоторые видят это как гибкую систему вариативных заданий, создающих основу индивидуальной образовательной траектории (выбор объема, уровня сложности, формы выполнения)³. Другие считают, что возможность самооценки личностного роста даст дифференцированная оценка и балльно-рейтинговая система. Также есть мнение, что гуманизации образования способствует внедрение в учебный процесс проектной деятельности⁴. Согласимся, что

¹ См.: Маргорина Л. А. Образовательное пространство современного вуза как фактор формирования правового сознания // Евразийский Научный Журнал. 2015. № 8. С. 196–198.

² См.: Венцель В. А. Гуманизация образования как ведущее направление развития современного высшего профессионального образования // Педагогический вестник. 2023. № 26. С. 14–15.

³ См.: Байдинова Н. Л. Реализация гуманистического подхода к обучению иностранному языку в техническом вузе // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28506> (дата обращения: 03.09.2023).

⁴ См.: Анцелевич О. В., Малахов В. Б. Гуманизация системы образования как фактор повышения качества высшего профессионального образования // Нравственное воспитание в современном мире: психологический и педагогический аспект: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х ч., Самара, 13 мая 2017 года. Самара: Аэтерна, 2017. Ч. 1. С. 12–15.

активные и интерактивные методы обучения развивают инициативу и творческие способности студентов, укрепляют практические навыки. Это способствует развитию самостоятельности и самоорганизации, а для будущего юриста это важные профессиональные качества.

Многие авторы, рассматривая высшее образование разных направлений, солидарны в том, что его гуманизация является одним из факторов повышения его качества¹. Для этого, на наш взгляд, необходимо создавать гуманистическое образовательное пространство не только для студентов, но также активно способствовать повышению квалификации преподавателей, создавать условия, при которых у преподавателей будет достаточно времени для совершенствования своей профессиональной деятельности. Преподавателю юридического вуза крайне важно находить отслеживать изменения в законодательстве, появление инновационных методик преподавания в высшей школе, адаптировать их под конкретный педагогический замысел и активно внедрять в учебный процесс.

Итак, гуманистическая миссия образования заключается в осмыслении человека как уникального явления природы, признании приоритета его субъектности, развитие которой есть главная цель. Творческое начало педагогической профессии позволяет раскрыть и развить творческий потенциал личности как студента, так и педагога². Гуманизацию образования в самом общем плане можно охарактеризовать как построение отношений участников образовательного процесса на основе взаимоуважения к личности друг друга. Соблюдение этики профессиональных педагогических взаимоотношений можно назвать базовым элементом педагогической культуры. Способствовать гуманизации могут активные и интерактивные методы обучения, дающие студенту право на ошибку, создающие ситуацию успеха, стимулирующие позитивную мотивацию к учению.

Создание гуманистического образовательного пространства в юридическом вузе — непрерывный многоплановый профессионально-творческий систематический процесс, направленный на повышение качества образования, подготовку квалифицированных юридических кадров.

Наумов Петр Юрьевич

кандидат педагогических наук, помощник начальника
Главного военного клинического госпиталя
войска национальной гвардии Российской Федера-
ции» по правовой работе — начальник отделения
правового обеспечения

Некоторые размышления о подготовке будущих юристов к профессиональной деятельности в военно-медицинских организациях

В Основном законе страны Россия определяется как правовое государство, где права и свободы являются охраняемыми явлениями и конституционно значимыми ценностями. Подобное отношение к праву и справедливости формировалось исторически, переживая различные эпохи в борьбе за них. В этой связи в научной литературе неслучайно отмечается, что правосудие, право и справедливость издавна присущи цивилизованным социальным субъектам, потому человеческое общество испытывает потребность в правовом регулировании отношений среди людей.

Право постепенно стало наиболее эффективным и справедливым способом регуляции социальной реальности. Это позволяет охранять права и свободы каждого члена общества, а также всего общества в целом, соблюдать баланс личных, государственных и общественных интересов³. Обеспечить торжество идей права и справедливости должны, помимо прочих, и специально подготовленный социальный слой специалистов — профессиональные юристы. Подготовка

¹ См., например: Баринова А. Н., Гришанова М. Н. Гуманизация профессионального образования как фактор повышения качества подготовки специалистов // современный взгляд на будущее науки: сборник статей международной научно-практической конференции: в 3 частях, Пермь, 25 октября 2016 года. Пермь: Аэтерна, 2016. Ч. 2. С. 103–105; Мезенева О. В. Гуманизация высшего технического образования как условие повышения его качества // Образование и саморазвитие. 2009. № 6 (16). С. 39–43.

² См.: Климова М. В. Педагогическое взаимодействие: возможности гуманизации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (12). С. 131–137.

³ Хабриева Т. Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17.

профессиональных юристов, способных выполнять широкий круг обязанностей, в том числе на должностях с почти противоположным социальным предназначением (например, следователя (прокурора) или адвоката), — это актуальная методологическая, теоретическая и практическая задача науки и психолого-педагогической практики.

Способность государства и общества с помощью целенаправленных и специально организованных психолого-педагогических практик (воспитания, обучения, развития) воспроизводить профессиональных юристов с развитым мышлением и моралью — важнейший показатель их культурной развитости, цивилизованности, демократичности¹. Организованно решать задачу подготовки будущих юристов призваны государственные органы власти, образовательные и научные организации, работодатели и различные по своему составу профессиональные юридические сообщества (судейские, адвокатские образования, ассоциации юристов и т. д.)². Подготовка будущих юристов и повышения уровня их профессионального мастерства в современных условиях — это еще и способ консолидировать российское общество, уберечь его от социальных потрясений и гнева граждан, столкнувшихся с несправедливостью и необоснованным ущемлением прав.

Современную ситуацию можно охарактеризовать с помощью таких понятий, как неравносильность, динамичность и конфликтность социально-политических отношений³. Нарастает нестабильность в международной сфере, усиливается санкционное давление на нашу страну, из России уходят бренды и компании с мировым именем, в том числе поставщики медицинского оборудования и лекарственных средств⁴. В этих условиях возрастает социально-образующая роль Вооруженных Сил, иных войск, воинских формирований и органов, а также правоохранительных структур в обеспечении безопасности государства и укреплении обороноспособности страны⁵. Необходимость поддержания, сохранения и восстановления здоровья среди военнослужащих (приравненных к ним лиц) обуславливает наличие и непрерывное функционирование системы соответствующего государственного медицинского обеспечения⁶. В целях организации и осуществления медицинского обеспечения в Вооруженных Силах, войсках национальной гвардии и иных органах создаются и функционируют военно-медицинские организации (госпитали, центры военно-врачебной экспертизы, санатории и др.).

Выполнение социальных запросов и государственно-важных задач по обеспечению качества, полноты и доступности медицинской помощи, в том числе оказываемой военнослужащим и приравненным к ним лицам, невозможно без формирования соответствующих правовых основ (федерального и ведомственного уровня) и наличия тех, кто обеспечит реализацию утвержденных правовых норм на практике.

Непрерывное, полное и эффективное правовое обеспечение деятельности военно-медицинской организации — одно из ключевых условий ее успешной работы. Состав и структура юридических служб (правовых подразделений) военно-медицинских организаций количественно и качественно неоднородны, однако общность направлений, характера и специфики правовой работы в этих учреждениях позволяет концептуализировать требования к профессиональной компетентности их юриста.

¹ Кондрашев А. А. Проблемы современного юридического образования в контексте реформы высшего образования в Российской Федерации: итоги и перспективы // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 1 (134). С. 144–156.

² Наумова Л. Ю. Педагогическое стимулирование формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности: подходы, этапы, средства // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 3 (32). С. 4.

³ Холиков И. В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И. В. Холиков, А. Милованович, П. Ю. Наумов // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148.

⁴ Гаврилов С. О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право»). С. О. Гаврилов, И. Н. Глебов, С. Г. Чукин [и др.] // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67.

⁵ Гайдамашко И. В., Наумов П. Ю., Дьячков А. А. Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79.

⁶ Холиков И. В., Белоусова М. С. Вопросы осуществления единовременной выплаты военнослужащим, получившим ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 8 (313). С. 99–107.

Проведенное исследование актуальных вопросов подготовки будущих юристов к профессиональной деятельности в военно-медицинских организациях объективировано на основании применения научной абстракции, сравнения, теоретического обобщения, концептуализации и эмпирических способов получения научной информации. Теоретико-ориентирующую функцию для настоящего исследования выполняют научные работы В. М. Баранова¹, Е. Ю. Грачевой², С. И. Захарцева³, А. И. Землина⁴, В. Д. Зорькина⁵, И. М. Мацкевича⁶, В. В. Момотова⁷, А. А. Мохова⁸, А. Н. Савенкова⁹, В. П. Сальникова¹⁰ [15], Ю. Д. Сергеева¹¹, Т. Я. Хабриевой¹², И. В. Холикова¹³, в которых с различных ракурсов раскрыта сущность, содержание и структура деятельности профессионального юриста, что имеет значение и для организации правовой работы в военно-медицинском учреждении.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования в области юриспруденции содержат в себе многочисленные требования к обладанию выпускником целого комплекса общекультурных и профессиональных компетенций во всех видах профессиональной деятельности выпускника (правотворческая; правоприменительная; правоохранительная; экспертно-консультационная; организационно-управленческая; научно-исследовательская; педагогическая). Это общие базовые требования, которые специфику, многообразие и полифункциональность юридической деятельности не передадут.

¹ Баранов В. М. Новые формы связи юридической науки с практикой // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 8–12; Баранов В. М. Право против коррупции // Журнал российского права. 2013. № 7 (199). С. 119–130; Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции: сущность, структура, ценность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 13–35; Баранов В. М., Спасенников Б. А., Погодина Т. Г. Правоотношения, возникающие при применении принудительной психиатрической терапии // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 1 (51). С. 119–123; Баранов В. М. К вопросу о процессе и результате подготовки в России специалистов правотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 497–502; Баранов В. М., Колесников Е. В. Конституция Российской Федерации и развитие конституционных социальных прав граждан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 12–18.

² Грачева Е. Ю. Проблемы повышения качества диссертационных исследований по праву // Юридическое образование и наука. 2021. № 8. С. 19–24.

³ Захарцев С. И., Сальников В. П. XXII век: право будущего (идеи и размышления) // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 80–92.

⁴ Землин А. И., Холиков И. В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 49–56.

⁵ Зорькин В. Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.

⁶ Мацкевич И. М. Полемиические заметки о преподавании юриспруденции // Юридическое образование и наука. 2021. № 4. С. 20–24.

⁷ Момотов В. В. Фундаментальные правовые дисциплины и их роль в профессиональной подготовке судей: историческая ретроспектива // История государства и права. 2018. № 8. С. 37–42.

⁸ Мохов А. А. Электронные ресурсы в формировании компетентностной модели высшего юридического образования // Юридическое образование и наука. 2016. № 1. С. 19–22; Мохов А. А. Медицинское право России как учебная дисциплина в системе подготовки юристов // Юридическое образование и наука. 2017. № 5. С. 3–7; Мохов А. А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4 (149). С. 93–104.

⁹ Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34.

¹⁰ Захарцев С. И., Сальников В. П. XXII век и право. Размышления о будущем // Мониторинг правоприменения. 2022. № 4 (45). С. 59–65.

¹¹ Сергеев Ю. Д. Проблемы гражданско-правовой ответственности при оказании медицинской помощи / Ю. Д. Сергеев, И. Г. Ломакина, Л. В. Канунникова // Российский судья. 2005. № 9. С. 19–22.

¹² Хабриева Т. Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17.

¹³ Холиков И. В., Белоусова М. С. Вопросы осуществления единовременной выплаты военнослужащим, получившим ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 8 (313). С. 99–107; Яковлев С. С., Холиков И. В., Батырь В. А. О медико-юридических аспектах международного гуманитарного права (к 190-летию со дня рождения Н. И. Пирогова) // Военно-медицинский журнал. 2000. Т. 321. № 11. С. 47–51.

К чему же должен быть готов будущий юрист в военно-медицинской организации, и какие задачи ему необходимо быть способным выполнить? Ниже дадим их краткую характеристику.

Для успешной организации нормотворческой (правотворческой деятельности) в военно-медицинской организации должностным лицам юридической службы, помимо прочего, необходимо в совершенстве знать и применять в практической деятельности целый массив норм законодательства об основах охраны здоровья граждан, обращении лекарственных средств, лицензировании отдельных видов деятельности (особенно медицинской, фармацевтической, работе со сведениями, составляющими государственную тайну, производству лекарственных средств, обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, техническому обслуживанию медицинских изделий), о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, о промышленной безопасности опасных производственных объектов, о прохождении военной службы и статусе военнослужащих, законодательства о трудовой деятельности. Специалист юридического профиля в военно-медицинской организации должен свободно владеть правовыми основами постановки клинических диагнозов, проведения медицинских обследований и освидетельствований, проведения медицинских вмешательств, диагностических, морфологических и инструментальных исследований, порядка создания и деятельности врачебной комиссии (консилиума врачей). Рабочими документами юриста в военно-медицинской документации также должны быть порядки, стандарты и клинические рекомендации, а также иные нормативные правовые акты Минздрава России.

Что нужно организовать и провести для овладения способностью и готовностью к профессиональной деятельности в военно-медицинской организации будущему юристу? Помимо традиционного блока занятий по формированию устойчивых знаний природы и происхождения права, действующих законодательных норм и уверенного ориентирования в них, в педагогическом процессе вузов необходимо шире использовать возможности педагогических технологий, связанных с практической отработкой документов, овладения навыками их анализа и принципами проведения правовой экспертизы. Весьма важны, и квази-профессиональный, и контекстный аспекты обучения, когда учебно-воспитательные ситуации будут максимально приближены к условиям исполнения реальных служебных обязанностей, будут передавать их сущность и специфику.

При консультировании раненых и больных, находящихся на лечении (членов их семей, а также членов семей и близких родственников погибших (умерших) в военно-медицинской организации, или поступивших для медицинского обследования и освидетельствования военно-врачебной (врачебно-летней) комиссией, от специалиста юридического профиля требуются знания не только непосредственно предмета правового консультирования (правовых основ, регламентов, порядков, правил), но и знания медицинской этики и деонтологии. Профессиональное общение должно быть направлено на то, чтобы относиться к пациенту с максимальной гуманностью, чуткостью и внимательностью. При этом подобные консультирования будут сопровождаться повышенным уровнем стресса и эмоционального переживания. Для формирования эмоционально-волевой устойчивости и навыков действий в сложных психологических или кризисных ситуациях, в условиях обучения и воспитания в вузе система психологического обеспечения образовательной деятельности должна быть направлена на становление и развитие стрессоустойчивости, системы ценностей и личностных смыслов.

Судебно-исковая работа по защите правовыми средствами интересов медицинской организации — это одно из важнейших направлений деятельности правового подразделения в военно-медицинской организации¹. С одной стороны, она включает в себя проведение работы по возмещению ущерба военно-медицинской организации (особенно за лечение пострадавших от противоправных действий других военнослужащих в соответствии с Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих»)². С другой стороны, это комплекс мер правового характера, направленный на работу по предъявленным искам, которые связаны с взысканием вреда, причиненного некачественным оказанием медицинской помощи, обжалованием заключений и правоприменительных решений военно-врачебных комиссий (связанных с определением категории год-

¹ Большакова В. М., Енгибарян Г. В., Наумов П. Ю. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 12-1. С. 49–56.

² Большакова В. М., Наумов П. Ю., Кононов А. Н. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 210–217.

ности к военной службе (службе), установлением (определением) причинной связи, определением тяжести увечий, определением причинной связи увечий, приведших к смерти застрахованных лиц).

Важным аспектом деятельности юридического подразделения военно-медицинской организации является участие в проведении проверок в рамках государственного (муниципального) контроля, защита правовыми средствами интересов медицинской организации при осуществлении контрольной и надзорной деятельности, а также производстве по делам об административных правонарушениях. Для эффективного представления интересов в таких делах (вопросах) необходимы обширные знания и практические умения в области организации общественного здравоохранения, формирования доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья, порядка исполнения контрольно-надзорной деятельности. При получении новых видов лицензий на различные виды медицинских работ (услуг) также необходимо организовать правовое обеспечение лицензирования медицинской деятельности и обращения с лекарственными препаратами.

Принимает участие правовое подразделение военно-медицинской организации и в рассмотрении обращений (заявлений, жалоб) военнослужащих и иных граждан, организаций, а также организации и осуществлении наделения полномочиями должностных лиц, выдаче доверенностей пациентам и проведении их правовой экспертизы¹.

Еще одним актуальным направлением деятельности юридической службы военно-медицинской организации является участие в работе по противодействию коррупции среди медицинского и административного персонала, осуществлению финансово-хозяйственной деятельности и закупок товаров, работ, услуг для нужд учреждения.

Сомнительно, что задачи по подготовке будущего юриста к профессиональной деятельности в военно-медицинской организации можно полно решить при его обучении в образовательной организации высшего образования при получении первого высшего образования и квалификации (бакалавра, специалиста или магистра)². Связано это с тем, что, с одной стороны, педагогический процесс по подготовке будущего юриста и так максимально насыщен трансляцией содержательной учебной информации, научно-исследовательскими заданиями и внеурочными мероприятиями. С другой стороны, изменения содержания образования в сторону медицинского права может отрицательно сказаться на общекультурной и общепрофессиональной подготовке специалиста в области юриспруденции. Эффективной психолого-педагогической практикой в подготовке юриста к осуществлению служебной (трудовой) деятельности в военно-медицинской организации является дополнительное профессиональное образование (профессиональная переподготовка и повышение квалификации), содержание которого возможно максимально приблизить к характеру и специфике работы в сфере охраны здоровья военнослужащих и иных граждан.

Удачными примерами такого образования может служить научно-образовательная практика многих ведущих вузов страны. В настоящее время на базе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова, Алтайского государственного медицинского университета, Новосибирского государственного медицинского университета функционируют кафедры медицинского права. Также кафедры, на которых изучаются различные аспекты медицинского права, созданы в Астраханской государственной медицинской академии, Московском государственном медико-стоматологическом университете имени А. И. Евдокимова, Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования, Самарском государственном медицинском университете и других образовательных организациях. Изучению правовых аспектов оказания медицинской помощи населению и отдельным категориям граждан посвящены образовательные программы (в том числе магистратуры) в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (*Правовое регулирование обращения технологий здравоохранения*), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (*Правовое обеспечение управления в сфере здравоохра-*

¹ Большакова В. М., Наумов П. Ю. О некоторых вопросах гармонизации законодательства о судопроизводстве и представительстве: сравнительно-правовая характеристика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 373–387.

² Бухтияров И. В., Холиков И. В., Большакова В. М., Наумов П. Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», отв. ред. А. А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73.

нения. Медицинское право), Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского (*Юрист в здравоохранении*) и других вузах.

Использование опыта профессорско-преподавательского состава, накопленных научных разработок и содержательной учебной информации из образовательных программ указанных образовательных организаций, получение в них второго высшего и дополнительного профессионального образования способно существенно повысить качество деятельности юристов военно-медицинских организаций.

Также повышению профессионального мастерства специалистов юридических служб военно-медицинских организаций является регулярный обмен опытом с юридическими службами медицинских организаций Минздрава России, МВД России, МЧС России, ФСИН России, который возможно организовать путем участия в научно-представительских мероприятиях (конференции, форумы, симпозиумы), совместном участии в судебных процессах, юридических консилиумах и консультациях.

В качестве основного тезиса по итогам авторских размышлений в работе хочется высказать утверждение о том, что не в познании и овладении спецификой деятельности военно-медицинской или любой иной медицинской организации кроется профессиональное мастерство и успех их юриста. Ключевым фактором в этом является все же его общая компетентность, развитость и способность реализовать в профессиональной деятельности интеллектуальный, коммуникативный, ценностно-смысловой, преобразовательный и эстетический потенциалы, а также знания, умения, навыки, способности и готовность к профессиональной деятельности, полученные в стенах вуза. Юрист вне зависимости от организации, в которой он находится или выполняет свои служебные (трудовые) функции, должен быть юристом по образу мыслительной деятельности, ценностно-смысловым ориентирам и манере профессионального общения. Для этого высшее юридическое образование должно ориентировать подготовку профессиональных юристов на юриспруденцию как образ жизни и способ мышления. Когда системный подход к труду, качественная и добросовестная правотворческая деятельность, всесторонняя защита нарушенных прав и гуманистическое отношение к другим — это принципы деятельности специалиста юридического профиля, профессиональный успех и эффективность решения задач правовой работы будут постоянным следствием реализации этих принципов.

Отзыв на диссертацию

УДК 343.2/7

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-289-294>

**Отзыв официального оппонента о кандидатской диссертации
Н. С. Гончаровой «Символы в российском уголовном праве» (Саратов, 2023):
основные вопросы научной дискуссии**

Тихонова Светлана Сергеевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени
Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, sstikhonova@yandex.ru

Dissertation review

**Review of the official opponent on N. S. Goncharova's Ph.D.
thesis "Symbols in Russian Criminal Law" (Saratov, 2023):
the main issues of scientific discussion**

Svetlana S. Tikhonova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, sstikhonova@yandex.ru

В настоящее время в отечественной общетеоретической науке отсутствует однозначное решение вопроса относительно содержания понятия «правовой символ». Позиции, разрабатываемые в общей теории права, в силу фундаментального характера последней получают широкое распространение в сфере отраслевых юридических знаний, а, следовательно, и отсутствие в общетеоретических работах единообразия в описании правовой символики транслируется на отрасли права. В этой связи актуальность диссертационного исследования Н. С. Гончаровой, в котором *целью* заявлено «формирование концепции феномена символа в уголовном праве» (с. 6 диссертации, с. 6 автореферата), то есть проблематика правовых символов выведена на концептуальный уровень научного осмысления, не вызывает сомнений.

Диссертация Н. С. Гончаровой состоит из введения, двух глав, разделенных на равное количество параграфов, заключения, списка используемых источников и двух приложений.

Научная основательность диссертационного исследования достаточно отчетливо проявляется уже в главе 1 работы «Символ как социально-правовой феномен». В рамках данной главы Н. С. Гончарова в первую очередь подвергает научному осмыслению понятие «символ» как искусственный условный отличительный знак, служащий для обозначения какой-либо идеи,

создающий определенный эмоциональный образ и обеспечивающий взаимопонимание между субъектами общественных отношений.

Исходя из научных положений, разработанных представителями общей теории права относительно назначения символов в системе общественных отношений, известно, что символы призваны воздействовать на поведение субъектов данных отношений через эмоциональную сферу, формируя типовые поведенческие условные рефлексy. При этом символом может выступать как видимое, так и слышимое культурно-ценностное образование: действие, предмет, текст, изображение, световой сигнал, звуковой ряд. Однако, поскольку в теории права в целом не отрицается и возможный комплексный характер символов (сочетание «текст-предмет-действие» и т. д.), вызывает сомнения целесообразность оспаривания диссертантом приводимых в отдельных общетеоретических работах частных примеров вышеуказанной общетеоретической классификации, например, утверждение о том, что «символом является не текст присяги, а принятие присяги в целом» (с. 88 диссертации).

На основе изучения различных теоретических позиций в представленном диссертационном исследовании (положение 8, выносимое на защиту, с. 12–13 диссертации) правовые символы разделены на следующие виды — «символ

© Тихонова С. С., 2023

как норма права» и «символ как законодательная графика», он же «символ как средство законодательной техники» (с. 95, 115 диссертации) и даже «особое средство законодательной техники» (с. 4 автореферата).

Последовательно проанализируем каждый из представленных аспектов понимания диссертантом правового символа.

«Символ как средство законодательной техники»

Известно, что создание эффективного законодательства возможно лишь в результате качественной научно-обоснованной деятельности законотворческих органов, для которых общетеоретические и отраслевые науки должны предложить готовые «рецепты» использования юридико-технического инструментария. Применительно к использованию правовых символов как средств законодательной техники таких «рецептов» не предложено. Тем не менее, существуют общетеоретические наработки (Ю. Г. Арзамасов, В. К. Бабаев, В. М. Баранов, Н. А. Власенко, А. В. Никитин, В. А. Толстик и др.), в которых правовыми символами как средством законодательной техники считаются схемы, рисунки, знаки, дополняющие словесные формулировки нормативных предписаний, где дается их описание и закрепляется порядок применения (например, в приложениях к нормативным правовым актам), способные в дальнейшем использоваться вместо предписания, выраженного текстуально. Однако диссертант оценивает подобный подход, как «весьма спорный» (с. 82 диссертации), и предлагает собственное видение. Так, к правовым символам Н. С. Гончарова относит «графические элементы уголовного закона — разделы, главы, статьи, части, пункты, заголовки, примечания, нумерацию и иные структурные единицы» (положение 4, выносимое на защиту, с. 11, 100, 254 диссертации), а также такие «графические средства», как «знаки препинания» и «пробелы» (с. 78, 253 диссертации), и, по-видимому, реквизиты УК РФ и вторичных (текущих) уголовных законов, поскольку, на взгляд диссертанта, «реквизиты, безусловно, имеют символическую природу» (с. 64 диссертации).

Положительно характеризуя стремление соискательницы коснуться юридико-технической проблематики в рамках представленного диссертационного исследования и признавая допустимыми отраслевые разработки юридико-технического инструментария, не вписывающиеся в общетеоретические конструкции,

тем не менее, отметим недостатки заявленного Н. С. Гончаровой подхода: определение правового символа как юридико-технического инструмента заменено на примерный перечень самостоятельных юридико-технических инструментов, имеющих различное функциональное назначение, не сводимое к законодательной графике, о чем, как становится известно из представленных в *Приложении № 1* к диссертации данных социопроса 150-ти практических работников, не осведомлены 84 % опрошенных (с. 314 диссертации).

Несмотря на то, что до настоящего времени вопросы содержания юридико-технического инструментария законодательной техники не имеют однозначного решения, к «графическим элементам» традиционно относятся только юридико-технические инструменты, выполняющие *функцию оформления*, за счет которой повышается коммуникативная эффективность законодательного акта. Такими инструментами применительно к уголовному законодательству, в частности, можно считать *абзацный отступ*, по-видимому, включенный Н. С. Гончаровой в понятие «пробелы» (с. 78, 253 диссертации), и *знаковое обозначение многоуровневых рубрик* УК РФ, как цифровое (для разделов, глав, статей, частей статей), так и буквенное (для пунктов), упущенное Н. С. Гончаровой, фокусирующей свое внимание только на *нумерации* рубрик УК РФ (положение 4, выносимое на защиту, с. 11, 100, 254 диссертации). Что касается «средств структуры», о которых подробно писал К. К. Панько («Теория и практика законотворчества в уголовном праве», 2011), образующих многоуровневую систему рубрикации УК РФ (части, разделы, главы, статьи, части статей, пункты частей статей), а также *примечаний* — специфической (вспомогательной, нетипичной, сопроводительной) структурной единицы УК РФ, не входящей в систему его рубрикации, но «привязанной» к статьям (откуда и их неформальное наименование — «постатейные»), то они не имеют отношения к законодательной графике.

Остановливаясь на вопросе о назначении графических средств, Н. С. Гончарова подчеркивает, что они «позволяют в предельно краткой форме выразить основную идею документа и тематику его структурных частей» (с. 253 диссертации). Однако данное утверждение можно признать справедливым только для такого юридико-технического инструмента, как *заголовки рубрик*, и, отчасти, для реквизитов законодательного акта, если иметь в виду

его наименование. Что касается утверждения Н. С. Гончаровой о том, что «специальная графика обеспечивает... композиционную упорядоченность нормативно-правовых предписаний» (с. 253 диссертации), то оно также вызывает возражения, поскольку композиция не относится к законодательной графике, а выступает самостоятельным отраслевым нормативно-структурным юридико-техническим средством, представляя собой логическую последовательность расположения нормативных предписаний в системе его рубрикации.

«Символ как норма права»

«Символ как норма права» раскрывается диссертантом следующим образом: «составная часть состава преступления, обстоятельств, отягчающих наказание, уголовного наказания» (положение 8, выносимое на защиту, с. 11–12 диссертации). По-видимому, речь идет не о самой *норме права*, а о составляющей юридических конструкций вышеперечисленного функционального назначения. Данный вывод вытекает из анализа определения диссертантом *символа в уголовном праве*, в котором наряду с упоминанием его «в качестве законодательной графики» указано не на «символ как норму права», а на символ, как «средство, предназначенное для отображения явлений объективной действительности» (положение 3, выносимое на защиту, с. 10, 95, 255 диссертации, с. 10 автореферата).

В то же время нельзя не обратить внимания на утверждение диссертанта, согласно которому «суть правовых символов состоит в том, что они создаются как предписания, целенаправленно придающие законодательству лаконичность, образность и обеспечивающие экономию правовой материи» (положение 1, выносимое на защиту, с. 10 диссертации, с. 9, 19 автореферата), «представляют собой «нестандартную» форму выражения нормативно-правовых предписаний» (с. 251 диссертации). Таким образом, правовой символ трактуется, как *предписание*. И, по всей видимости, на использование данной терминологии оказал существенное влияние ряд общетеоретических работ, составляющих теоретическую базу представленного диссертационного исследования, в которых упоминаются «символические предписания».

Однако фактически Н. С. Гончаровой имеются в виду «символы в уголовном праве» не как *предписания* или *норма права*, а как *юридические термины*, включенные в законодательные формулировки юридических конструкций

составов преступлений, наказаний и обстоятельств, отягчающих наказание.

Юридический термин является универсальным языковым юридико-техническим средством, представляющим собой словесное обозначение понятий, входящих в систему понятий юриспруденции. В рамках представленного диссертационного исследования изучаются юридические термины, использующиеся в уголовном законодательстве для обозначения понятий-символов. Таким образом, диссертант в определенной мере развивает идеи К. К. Панько, в работах которого рассматривается «термин как символ в нормотворческой практике».

Отвечая на вопрос о том, «взрастают ли правовые символы на почве действующего уголовного закона», О. Е. Спиридонова в своих работах по аналитике правовых символов приводит примеры использования соответствующих терминов в юридических конструкциях мер уголовно-правового характера для описания наказаний (ст. 48 УК РФ), а также в юридических конструкциях составов преступлений для описания предмета преступления (ст. 323, 324, 329, 354.1 УК РФ). Диссертантом же предлагается «в науке уголовного права наряду с понятием «символ — предмет преступления»... выделять такие понятия, как «символ — средство (орудие) совершения преступления», «символ — место совершения преступления» (положение 6, выносимое на защиту, с. 102, 104, 116, 120 диссертации, с. 11 автореферата). При этом отмечается, что соответствующие правовые символы «в уголовно-правовое поле попадают, когда нуждаются в уголовно-правовой охране от определенных деяний либо используются в качестве средства (орудия), места совершения преступления» (положение 5, выносимое на защиту, с. 11 диссертации).

Требуют серьезного научного осмысления выдвигаемые автором тезисы о том, что «в уголовном праве символы выполняют регулятивную, идентификационную, идеологическую функцию, позволяют экономить языковые уголовно-правовые средства, служат способом выражения правового веления» (положение 7, выносимое на защиту, с. 12, 252, 257 диссертации). Иллюстрируя последнюю из названных функций, диссертант отмечает, что «символы уголовного права информируют субъектов о необходимости воздержания от совершения определенных действий, например о запрете незаконного использования чужого товарного знака, знака обслуживания и т. д.» (с. 107 диссертации). Однако с данным утверждением

сложно согласиться в полной мере, поскольку информирование адресата уголовно-правового предписания осуществляется не за счет ознакомления с одним лишь понятием-символом, включенным в его состав, а за счет ознакомления с формулировкой предписания в целом.

Соглашаясь с такими выделяемыми диссертантом признаками правового символа в значении составляющей юридических конструкций различного функционального назначения, как «избирательность действия (для определенных групп / категорий людей), наличие идеи, экономия правовой материи» (положение 3, выносимое на защиту, с. 10 диссертации), трудно поддержать и отнесение к разряду признаков правовых символов «смысловой однозначности» (с. 73, 119 диссертации). Во многом именно представленное диссертационное исследование направлено на достижение «смысловой однозначности» понятий-символов как за счет предложений по унификации правоинтерпретации, так и за счет предложений по изменению законодательных формулировок. Таким образом, «смысловая однозначность» скорее — не *признак* существующего правового явления, а *качество*, к которому диссертант сам же справедливо призывает стремиться.

Постатейное рассмотрение диссертантом понятий-символов производится в работе в последовательности, отличающейся от последовательности, соответствующей композиции УК РФ. Воспользуемся последней, чтобы отразить наиболее значимые результаты представленного диссертационного исследования.

Так, рассмотрение диссертантом понятия «культурные ценности», которые, на взгляд автора «обладают качествами символов, имеющих особую ценность (прежде всего, духовную), особое смысловое наполнение, особый статус» (с. 227 диссертации) завершается выводом о необходимости унификации в статьях 164, 190, 243, 243¹ УК РФ терминологии, использованной для описания предметов соответствующих преступлений (с. 228 диссертации), с конструированием законодательной дефиниции культурных ценностей в авторской редакции в примечании к статье 164 УК РФ (с. 231 диссертации).

Рассмотрение диссертантом таких правовых символов, как дорожные знаки и дорожная разметка, завершается выводом о целесообразности их уголовно-правовой охраны (с. 225 диссертации, с. 26–27 автореферата), для чего предлагается включить в главу 27 УК РФ, устанавливающую уголовную ответственность

за транспортные преступления, статью 264⁴ УК РФ «Неправомерные действия с дорожными знаками и разметкой» (с. 17, 226, 264–265 диссертации, с. 16 автореферата).

Рассмотрение диссертантом содержания понятия-символа «Государственная граница Российской Федерации», использованного законодателем для описания места преступления, предусмотренного статьей 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации», завершается выводами, основанными на анализе практики судов Воронежской области за 15-летний период (с. 176 диссертации). При этом, оценивая существующие в уголовно-правовой науке предположения относительно целесообразности введения в конструкции составов преступлений, предусмотренных рассматриваемой статьей УК РФ, *административной преюдиции* (с. 179 диссертации), автор заявляет себя принципиальным и категорическим противником использования административной преюдиции в конструкциях любых составов преступлений (с. 180 диссертации).

Рассмотрение диссертантом при анализе признаков состава преступления, предусмотренного статьей 323 УК РФ «Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации», содержания понятия-символа «пограничные знаки... как символы Государственной границы, которые обозначают, во-первых, линию последней, и, во-вторых, пределы территории страны» (с. 173 диссертации), завершается следующими выводами: о несоответствии заголовка данной статьи содержанию рубрики, поскольку «совершение противоправных действий с пограничными знаками ни фактически, ни юридически не влечет изменения границы» (положение 9.4, выносимое на защиту, с. 13 диссертации), в связи с чем диссертантом предложена иная формулировка — «Незаконные действия в отношении пограничных знаков» (с. 15, 183, 261 диссертации, с. 15, 24 автореферата), поддержанная, как становится ясно из представленных в *Приложении № 1* к диссертации данных социологического опроса 150-ти практических работников, 90 % опрошенных (с. 315 диссертации); о вариативности способов уничтожения пограничных знаков, влекущих квалификацию по рассматриваемой статье УК РФ (с. 181 диссертации); о недопустимости декриминализации рассматриваемого преступления. Последний вывод весьма категоричен: «так как пограничные знаки являются символами Государственной границы России, то за

посягательства на них, безусловно, должна наступать уголовная ответственность» (с. 182 диссертации).

Рассмотрение диссертантом «уголовно-правовых аспектов охраны государственных наград, исходя из их сущности как... символа» (с. 186–187 диссертации), завершается следующим выводом: «от того, насколько правильно эти символы будут закреплены в УК РФ, будет зависеть степень эффективности применения норм о них на практике» (с. 204 диссертации). Для оценки данной эффективности вполне логичным выглядит обращение диссертанта к анализу соответствующей практики судов Воронежской области за 15-летний период (с. 192 диссертации), по результатам которого диссертант выступает с предложением о выделении состава хищения государственных наград из состава их незаконного приобретения с моделированием статьи 324¹ УК РФ (исходная посылка сформулирована в положении 9.6, выносимом на защиту, с. 196–198, 262–263 диссертации, с. 13, 25 автореферата). Однако целесообразность обращения диссертанта к положениям уголовных кодексов 4-х западноевропейских государств (Германии, Голландии, Франции и Швейцарии) для выяснения вопроса о том, каким образом осуществляется в данных государствах охрана государственных наград (с. 189–190 диссертации), вызывает определенные сомнения. Представляется, что круг государств, чей опыт борьбы с преступностью (любого вида) представляет реальный, а не познавательный интерес для российских ученых, имеет смысл ограничить государствами, объединенными общностью правовых традиций с Российской Федерацией, а также сходством социально-экономических условий развития.

Рассмотрение диссертантом содержания понятий-символов «Государственный Герб Российской Федерации» и «Государственный Флаг Российской Федерации», использованных законодателем для описания предмета преступления, предусмотренного статьей 329 УК РФ «Надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации», завершается выводами о признаках данного предмета, исключающими возможность квалификации по рассматриваемой статье УК РФ деяний в отношении изображений предмета и т. п. (с. 139 диссертации). Что касается предложения диссертанта о расширении предмета преступления, предусмотренного данной статьей УК РФ, за счет включения в перечень

предметов государственных символов дружественных стран (положение 9.1, выносимое на защиту, с. 13–15, 143, 258 диссертации, с. 12, 14, 21 автореферата), то, не оспаривая его содержательной составляющей (основанной на мировоззренческих позициях о целесообразности равной охраны «своих» и «чужих» государственных символов), сложно не высказать определенные сомнения в отношении использования диссертантом юридико-технического инструментария. Так, диссертантом предлагается включить в формулировку состава соответствующего преступления оценочное понятие «дружественные страны», фактически толкуемое по формуле, которую можно выразить словами «дружественные — это все, которые не являются формально недружественными» (с. 144 диссертации). Однако, поскольку предлагаемому варианту толкования не предлагается придать статус официальной правоинтерпретации, сложно гарантировать, что он будет в перспективе единственным, то есть вариативность правопонимания будет исключена на практике.

Остановившись на предложении диссертанта о введении в УК РФ статьи 329¹ «Незаконные действия в отношении государственных символов», устанавливающей уголовную ответственность за изъятие, перемещение и уничтожение вышеуказанных предметов-символов (с. 259 диссертации), нельзя не обратить внимание на то, что в настоящее время соответствующие действия охватываются понятием «надругательство», о чем свидетельствует приведенная диссертантом судебная практика (с. 136–137 диссертации). Произведенная соискательницей корректировка понятия «надругательство» (с. 152 диссертации) исключает конкуренцию нормативных предписаний, предусмотренных статьей 329 УК РФ и предлагающейся к введению в УК РФ статьи 329.¹

Все вышеизложенное свидетельствует о несомненных способностях соискательницы к самостоятельному научному анализу рассматриваемых актуальных проблем. В этой связи, несмотря на ряд спорных теоретических положений работы, отмеченных выше, необходимо дать общую положительную оценку представленному диссертационному исследованию, отмечая его творческий и новаторский характер, поскольку сформулированные выше замечания свидетельствуют о многоаспектности заявленной темы диссертационного исследования. *Научная новизна диссертационного исследования* представляется в построении

Н. С. Гончаровой теоретической модели использования понятий-символов при создании отраслевых юридических конструкций различного функционального назначения и находит непосредственное выражение в основных положениях, выносимых на защиту. *Теоретическая значимость диссертационного исследования* состоит в том, что представленные новации в научном понятийном аппарате могут быть положены в основу дальнейшего развития

как отечественного уголовного права, так и отраслевой теории законотворческой техники. *Практическая значимость диссертационного исследования* заключается в возможности использования его результатов в практике вторичного (текущего) уголовного законотворчества, а также при подготовке юридических кадров в ходе преподавания дисциплин уголовно-правового цикла, включая специализированные юридико-технические курсы.

Информация об авторе

С. С. Тихонова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. S. Tikhonova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Отзыв на диссертацию поступил в редакцию 07.06.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The dissertation review was submitted 07.06.2023; accepted for publication 10.09.2023.

К юбилею Лаврентьева Александра Рудольфовича

To the anniversary of Aleksander R. Lavrentiev

17 сентября 2023 года исполняется 50 лет известному российскому ученому-правоведу, кандидату юридических наук, доценту, заведующему кафедрой государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, профессору кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России Александру Рудольфовичу Лаврентьеву.

Александр Рудольфович родился в деревне Попадьино Павловского района Горьковской области. По окончании средней школы № 49 города Горького в 1990 году поступил в Горьковский педагогический институт на исторический факультет. В 1992 году перевелся в Нижегородскую высшую школу МВД России, которую в 1995 году окончил с дипломом с отличием.

Поступил в адъюнктуру Нижегородской академии МВД России и в 1999 году под руководством доктора юридических наук, профессора В. М. Баранова защитил в диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 на тему «Коллизии института юридической ответственности

в современной России». В 2002 году присвоено ученое звание «доцент».

До сентября 2006 года проходил службу в органах внутренних дел на различных должностях профессорско-преподавательского состава (дошел до должности начальника кафедры административного права) и начальника учебного отдела Нижегородской академии МВД России. Майор милиции в отставке. В академию Александр Рудольфович вернется только через 8 лет уже на неаттестованную должность и по совместительству. С сентября 2014 года он является профессором кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России.

С сентября 2006 года по настоящее время свою постоянную трудовую педагогическую и научную деятельность осуществляет в Приволжском филиале ФГБОУ ВО «Российского государственного университета правосудия»: вначале профессором, в настоящее время — заведующим кафедрой государственно-правовых дисциплин.

За период своей профессиональной карьеры Александру Рудольфовичу удалось совмещать многие публично-правовые статусы в составе общественно-государственных формирований: независимый эксперт, уполномоченный на проведение экспертизы на коррупциогенность (свидетельство об аккредитации Минюста России от 7 сентября 2009 г. № 165, от 10 июля 2014 г. № 1963); вначале член, в настоящее время — председатель научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области; член общественного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области; член квалификационной коллегии судей Нижегородской области от общественности (2011–2013 и 2013–2017); член экспертно-консультативного совета при межведомственной рабочей группе по антикоррупционному мониторингу при Губернаторе Нижегородской области; член экспертно-консультативного совета при Уполномоченном по правам человека в Нижегородской области; член общественного совета при Следственном управлении Следственного комитета России по Нижегородской области; независимый эксперт — специалист по вопросам государственной службы в различных органах государственной власти, иных государственных органах и органах местного самоуправления,

расположенных на территории Нижегородской области. Одновременно с этим А. Р. Лаврентьев регулярно участвует в работе диссертационного совета Нижегородской академии МВД России и диссертационных советов иных научных и образовательных организаций Российской Федерации, выступая в качестве официального оппонента и рецензента.

За время работы на различных должностях профессорско-преподавательского состава Александр Рудольфович зарекомендовал себя как высококвалифицированный специалист. Он проводит все виды занятий на высочайшем учебно-методическом уровне и при искреннем интересе обучающихся. Кроме базовых учебных дисциплин («Теория государства и права»), Александр Рудольфович преподает отраслевые учебные дисциплины («Конституционное право России», «Административное право», «Муниципальное право») и множество специальных курсов («Государственное принуждение», «Административная ответственность», «Организация государственной власти в субъектах Российской Федерации», «Административно-правовые режимы», «Государственная и муниципальная служба», «Нормотворческий процесс», «Вопросы местного значения и практика их реализации», «Избирательное право и избирательный процесс»). Все занятия отличаются новизной, проблемным содержанием, практической направленностью, разнообразными методическими приемами, тесной связью с происходящими в стране общественно-политическими процессами и практикой деятельности органов публичной власти, широким использованием методов интерактивного обучения, вызывающие повышенный интерес у обучающихся, что обеспечивает высокую эффективность образовательного процесса.

За большие заслуги в педагогической и научной работе, успехи в организации и совершенствовании образовательного процесса, значительный личный вклад в дело подготовки и воспитания высококвалифицированных специалистов А. Р. Лаврентьев неоднократно отмечался и награжден многочисленными почетными грамотами и благодарственными письмами органов публичной власти разного уровня.

Возглавляя ведущую кафедру Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, Александр Рудольфович зарекомендовал себя как хороший организатор, взыскательный, но чуткий и справедливый руководитель, умело направляющий усилия коллектива на решение поставленных перед ним

задач. Им обеспечена целенаправленная работа кафедрального коллектива по усилению практикоориентационной и инновационной составляющим образовательного процесса. Под его руководством кафедра государственно-правовых дисциплин на постоянной основе занимает лидирующие позиции в кафедральных смотрах-конкурсах по разным номинациям и направлениям рейтинговой оценки среди всех филиалов Российского государственного университета правосудия.

Специфика университета и возглавляемой юбилеем кафедры потребовали организовать профессиональное взаимодействие с судами различных уровней, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, а также другими органами публичной власти Нижегородской области и города Нижнего Новгорода. Александру Рудольфовичу это удалось организовать не только на постоянной системной основе, но и обеспечить при этом глубокие связи проникновения, с одной стороны, практики в образовательный процесс, а с другой — науки в практическую деятельность, что позволяет наиболее эффективно решать научные и практические задачи.

Александр Рудольфович — это настоящий действующий ученый-правовед! Все его жизнь неизменная связана с научной деятельностью. Сферу его научных интересов составляют проблемы теории государства и права, конституционного и административного права. Поражает не только значительный диапазон проблем, который исследуется юбилеем, но и глубина проработки вопросов, доктринальность исследований и их прикладной характер. Наиболее весомый вклад им внесен в разработку актуальных и злободневных вопросов современного отечественного реформирования: правовая реформа (качество российского законодательства), административная реформа и российское законодательство об административных правонарушениях, судебная реформа, реформа местного самоуправления, формирование в России механизма противодействия коррупции.

А. Р. Лаврентьевым опубликовано свыше 300 научных работ и учебных изданий, из них 3 монографии, 3 учебника, свыше 30 учебных, учебно-методических и учебно-практических пособий. Наиболее значимыми являются монографические исследования: «Местное самоуправление в России: основы, проблемы, перспективы» (Дзержинск, 2013, в соавторстве), «Местное самоуправление в России: состояние и перспективы» (Дзержинск, 2014, в соавторстве),

«Институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в системе публичной администрации» (Н. Новгород, 2020, в соавторстве), учебники: «Организация работы по профилактике коррупционных правонарушений в налоговых органах» (Н. Новгород, 2014), «Муниципальное право России: учебник. В 4 частях. Ч. 1. Муниципальное право и основы теории местного самоуправления» (Н. Новгород, 2020, в соавторстве), Ч. 2. Основы местного самоуправления» (Н. Новгород, 2022, в соавторстве), учебные пособия: «Коллизии института юридической ответственности в России» (Н. Новгород, 2001), «Федеральные источники муниципального права России» (Н. Новгород, 2005), «Содержание реформы местного самоуправления в современной России» (Н. Новгород, 2007 и 2011), «Административная реформа в современной России» (Н. Новгород, 2011), «Муниципальное право России» (Н. Новгород, 2013 и 2017, в соавторстве), «Производство по делам об административных правонарушениях» (Н. Новгород, 2014, в соавторстве), «Правовое регулирование защиты информации» (Н. Новгород, 2014, в соавторстве), «Компетенция органов государственной власти в сфере защиты информации» (Н. Новгород, 2014, в соавторстве), «Избирательное право России. Деятельность полиции

по обеспечению реализации избирательных прав граждан Российской Федерации» (Н. Новгород, 2018, в соавторстве), «Азы финансового права» (Н. Новгород, 2019, в соавторстве), «Азы налогового права» (Н. Новгород, 2020, в соавторстве).

Научные статьи А. Р. Лавретьева (их около 250) опубликованы во всех ведущих юридических изданиях России, в том числе из Перечня периодических изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (более 40 публикаций), а также в научных изданиях стран СНГ. Его статьи в периодических научных изданиях вызывают всегда неподдельный читательский интерес своей оригинальностью суждений, жизненной остротой и актуальностью. Александр Рудольфович не идет на поводу конъюнктуры, наоборот, он всегда черпает самые нужные для своего времени идеи, анализирует сложившуюся конституционную практику исходя из принципа служения юридической науке и Отечеству.

Александр Рудольфович активно участвует в подготовке предложений по совершенствованию федерального и регионального законодательства и практики его применения. Им подготовлен целый ряд рекомендаций,

направленных на совершенствование законодательства Нижегородской области. Научные разработки активно используются в юридической науке и юридической практике, что подтверждено соответствующими актами об их внедрении. В 2016 году юбилей стал победителем всероссийского конкурса региональных докладов о состоянии и перспективах развития местного самоуправления в России.

А. Р. Лаврентьев принимает активное участие в работе международных и всероссийских научно-практических форумов, конференций и иных научно-представительских мероприятий, на которых выступает с докладами. Все это определило его широкую известность как ученого, безусловный авторитет и признание научной общестственности. При этом он сам ежегодно организует (соорганизует) и проводит — с последующей публикацией материалов — международные и всероссийские научно-практические конференции: «Государство и право в изменяющемся мире» (Н. Новгород), «Актуальные вопросы конституционализма» (Н. Новгород), «Правовая и антикоррупционная экспертиза» (Н. Новгород — Курск).

Александр Рудольфович уникальный человек. Кроме того, что его жизнь насыщена (и даже перенасыщена) множеством рабочих, организационных, научных и творческих моментов, дел, задач, планов, проектов, мероприятий и пр. — это внешняя, видимая сторона его деятельности личности. Внутренняя сторона еще богаче!

А. Р. Лаврентьев — педагог и ученый с огромных багажом самых разнообразных знаний, жизненного опыта, которыми он щедро делится с коллегами, своими студентами и всеми, кто нуждается в его высокопрофессиональном мнении и оценке! Особенно необходимо отметить его подвижническую роль в работе со студентами. Личный авторитет, искренняя заинтересованность «заражают» обучающихся, являют примером служения Родине, науке и

образованию. Долгие годы Александр Рудольфович всю свою энергию вкладывал в развитие своих учеников, общественную деятельность на благо Нижегородской области и страны в целом, занимался разработкой многих актуальных с точки зрения науки и юридической практики проблем. Отдавая свой потенциал другим, он откладывал завершение своей докторской диссертации, но для тех, кто находятся в орбите его общения это не важно: для них он уже доктор наук и профессор! Подтверждение этих статусов лишь простая формальность!

А. Р. Лаврентьев — настоящий семьянин, многодетный отец и человек редких душевных качеств! Любящий и чуткий, он всю теплоту своего сердца отдает супруге и детям, находит время и успевает заниматься их воспитанием. Порядочность, ответственность, обязательность, неподдельная искренность отношений, доброта, общительность, отзывчивость, соучастие и поддержка в любой ситуации, помноженные на высочайший уровень интеллекта, чувство справедливости и потрясающую трудоспособность — вот что отличает Александра Рудольфовича!

А. Р. Лаврентьев — настоящий спортсмен! Являясь мастером спорта России по лыжным гонкам, он и сейчас продолжает наставническую деятельность среди подрастающего (да и давно повзрослевшего) поколения по ведению активного здорового образа жизни. Окувание в прорубь на Крещение и в Святые источники — обязательный и неизменный атрибут его жизни.

Уважаемый Александр Рудольфович, спасибо Вам за Ваши бесценные знания, жизненные советы, опыт, помощь и поддержку!

В Ваш прекрасный юбилей от всей души желаю неиссякаемого запаса жизненных сил, долгой жизненной дороги, наполненной яркими радостными событиями, новыми достижениями, успехами и победами! Пусть радуют Вас своим здоровьем и успехами вся Ваша семья, пусть не редет круг Ваших друзей!

*Ваш ученик, начальник кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции
Н. А. Трусев*

**Требования к рукописям статей,
представляемым для опубликования в журнале
«Юридическая наука и практика:
Вестник Нижегородской академии МВД России»**

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике Журнала.

2. Рукопись статьи должна содержать:

— **универсальный десятичный код (УДК)** (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

— **сведения об авторе на русском и английском языках** (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны);

— **заголовок на русском и английском языках;**

— **аннотацию на русском и английском языках;**

— **ключевые слова на русском и английском языках;**

— **список библиографических ссылок на русском и английском языках** (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом **не более 12 машинописных страниц** направляется в редакцию в распечатанном и электронном вариантах (в формате RTF), которые должны быть идентичны.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5. Поля — по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

6. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

7. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: **«Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)»**.

8. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет» (на сайте Нижегородской академии МВД России, сайтах научных электронных библиотек).

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес:
603144, Нижегородская область,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3,
Нижегородская академия МВД России (РИО).
Тел.: 8 (831) 421-73-21.
E-mail: vestniknamvd@mail.ru
Сайт: na.mvd.rf